

А.А. ТКАЧЕВ

**МОГИЛЬНИК
ЭПОХИ БРОНЗЫ
МАЙТАН**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

А.А. Ткачев

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ МАЙТАН

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *А.Д. Дегтярева*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК НОВОСИБИРСК
2019

УДК 904+572+39
ББК 63.4+28.7+63.5
Т48

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.А. Зах*
кандидат исторических наук *В.М. Костомаров*
доктор культурологии *В.И. Семенова*

Ткачев А.А.

Т48 Могильник эпохи бронзы Майтан / А.А. Ткачев; отв. ред. А.Д. Дегтярева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, ФИЦ ТюмНЦ. – Новосибирск : СО РАН; Изд-во СО РАН, 2019. – 529 с. + вкл.

В монографии обобщены и систематизированы новые материалы полностью изученного могильника эпохи бронзы, исследованного на территории Центрального Казахстана. На основе анализа погребальных комплексов памятника реконструируются особенности и последовательность трансформации погребальной обрядности, тенденции в развитии материальной культуры, принципы взаимосвязи с населением сопредельных регионов, проблемы хронологии и периодизации атасуской культуры региона, определяется роль местного населения в формировании центрально-казахстанского массива андроновских древностей.

Книга рассчитана на археологов, антропологов, этнографов, а также всех, кто интересуется древней историей Казахстана, Урала, Алтая и Западной Сибири.

*Утверждено к печати Ученым советом
Тюменского научного центра СО РАН*

ISBN 978-5-6040987-2-1 (СО РАН)
ISBN 978-5-7692-1609-1 (Издательство СО РАН)

© Сибирское отделение
Российской академии наук,
2019
© Ткачев А.А., 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Достаточно часто на нашу жизнь и поступки оказывают большое влияние случайные события, но и они в той или иной степени являются свидетельством общих закономерностей, связанных как с общественными, так и с личными интересами. Мое знакомство с проблемами эпохи бронзы Евразийских степей относится к середине 70-х гг. прошлого века, когда после первого курса исторического факультета Карагандинского университета проходил археологическую практику под руководством Геннадия Борисовича Здановича, участвуя в исследованиях разновременных поселений эпохи бронзы Петровка II и Петровка IV; видел знаменитый карьер, частично разрушивший эпонимный могильник у с. Петровка в Северном Казахстане. После окончания второго курса университета в 1977 г. участвовал в изучении памятников бронзового века – многослойного поселения Конезавод и могильника Наурзум, расположенных в степной зоне Кустанайского Притоболья, где под руководством Валерия Валентиновича Евдокимова и Виктора Николаевича Логвина прошел хорошую школу полевых исследований.

Появление настоящего интереса к андроновской проблематике и формирование карагандинской археологической школы, по моему глубокому убеждению, связано с В.В. Евдокимовым, под патронажем которого начиная с 1978 г. полевые изыскания были направлены исключительно на археологические объекты степной зоны Центрального Казахстана. Проводившиеся в студенческие годы археологические разведки позволили открыть в разных частях Сары-Арки разнообразные и оригинальные археологические памятники, которые позднее, на протяжении 80-х – начала 90-х гг. XX в., исследовались археологической экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея: поселения Нуринского микрорайона (Икпень I–III, Майоровка, Энтузиаст I, II) и могильники на р. Талды (Бозенген, Нуртай, Алпымса).

Благодаря научному и педагогическому таланту В.В. Евдокимова особенности внутренней жизни карагандинского археологического сообщества способствовали тому, что каждый из нас, пришедших в науку, нашел свою нишу, свое место и эпоху в том многообразии проблем, которые стояли перед центрально-казахстанской археологией. Это связано еще и с тем, что на рубеже 70–80-х гг. прошлого века северная зона Сары-Арки фактически оставалась неисследованным районом, «белым пятном» на археологической карте Казахстана, хотя именно здесь были открыты и изучены первые памятники бронзового

века региона, в том числе уникальный могильник Дандыбай. В предшествующий период основной упор в изучении древностей бронзового века региона делался на южные районы Центрального Казахстана, особенно памятники Атасуского археологического микрорайона, материалы которого и легли в основу всех культурных и хронологических построений алма-атинских археологов.

Уже первые археологические разведки свидетельствовали об огромном массиве разнообразных и разновременных памятников во всей степной зоне Северной Сары-Арки. Например, первые поисковые работы, проведенные в 1976 г. в среднем и нижнем течении р. Талды, позволили выявить более 70 археологических памятников начиная от эпохи палеолита и вплоть до исторической современности*. В конце 1970-х гг. экспедиция Карагандинского областного историко-краеведческого музея начинает исследования памятников Нуринского археологического микрорайона [Ткачев, 2002а]. Экспедиция Карагандинского государственного университета проводит исследования разноплановых объектов Кентского археологического микрорайона [Евдокимов, Варфоломеев, 2002]. Основная часть вновь открытых памятников наиболее активно изучалась в 80-х – начале 90-х гг. XX в. Некоторые опорные памятники продолжают исследоваться и в настоящее время [Варфоломеев, 2008; Бейсенов, Касеналин, 2008].

Открытие отдельных памятников и целых археологических микрорайонов было вполне закономерно и предполагаемо. Это связано с тем, что границы поиска определялись имеющимися в то время географическими картами. Каждый из карагандинского археологического сообщества выбирал для изучения тот или иной район, который был ему наиболее близок исходя из научных интересов. Обследование побережий достаточно крупных, чтобы быть отраженными на карте, рек позволял выявить многочисленные археологические памятники. «Евдокимовская» школа хороша тем, что все они становились общим достоянием. Если обнаруженный тобой объект был интересен кому-либо из коллег, он мог изучать этот памятник и использовать полученные результаты в своей научной деятельности. Естественно, в общей массе открытых в разных зонах региона поселенческих или погребальных комплексов каждый находил свои, интересующие именно его.

Сказанное выше характерно для выявления отдельных памятников и целых микрорайонов, расположенных по берегам крупных по центрально-казахстанским меркам водоемов. В то же время, подходя к проблеме открытия могильника Майтан, можно сказать, что он таким образом никогда не был бы обнаружен и исследован. Это связано с тем, что данный погребальный комплекс находится в центре Казахского мелкосопочника на фактически не существующем водотоке – на р. Аксу, не отмеченной ни на одной, даже самой подробной из имеющихся в те годы карте (рис. 1). Реки фактически нет, но есть русло, проходящее вдоль подножия сопок, по которому стекают весенние паводковые воды. Фактически урочище Майтан расположено на водоразделе между

* В полевых работах приняли участие студенты второго курса исторического факультета Карагандинского государственного университета А. Ткачев, Л. Тетерина, Д. Тезекбаева и студентка Петропавловского государственного педагогического института Л. Кривоногова. Руководил группой студент третьего курса истфака КарГУ А. Таиров.

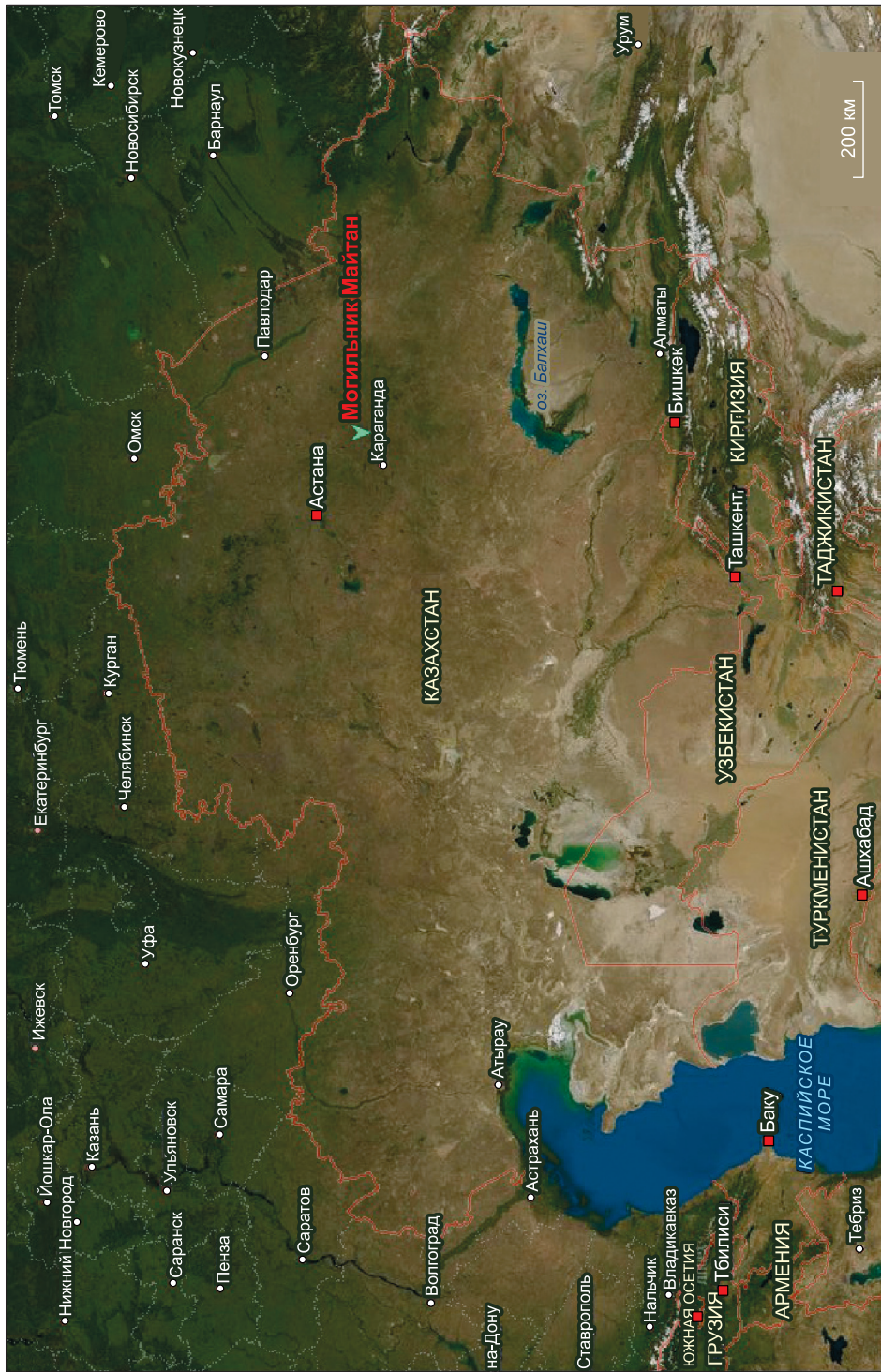

Рис. 1. Местоположение могильника Майтан

бассейнами рек внутреннего стока – Нуры и Шидерты. Весной по водотоку Аксу паводковые воды «сходят» в более крупную речку Ащису, являющуюся правым притоком р. Нуры. Кроме весеннего периода, в другие времена года воды в русле Аксу не наблюдается. На современной поверхности фиксируется узкая неглубокая ложбина, прижимающаяся одним бортом к склонам невысоких сопок. Истоки р. Аксу находятся между сопок урочища Майтан, а устье – в 15 км южнее, где долина этого водотока сливается с долиной р. Ащису. В месте соединения на площадке правого берега р. Ащису расположен небольшой пос. Ташик (рис. 2).

Главная причина, приведшая к открытию могильника Майтан, связана с хозяйственным освоением степных пространств, занятых землями совхоза им. Буденного, центральная усадьба которого располагалась в с. Хорошевское. Долина р. Аксу, протянувшаяся между двумя грядами сопок, достаточно узкая: в верховьях ее ширина не более 400–500 м, в низовьях – 1,3–1,5 км. Левый берег «прижат» к невысоким крутым склонам сопок, а достаточно ровный правый низкий берег до южных границ урочища Майтан активно использовался в хозяйственной деятельности, распахивался и засеивался зерновыми культурами.

Каменистые вершины и склоны сопок, ограничивающих урочище, покрыты травянистой растительностью и зарослями кустарника. По распадкам сопок отмечаются березово-осиновые колки с включением отдельных хвойных деревьев. Подлесок состоит из зарослей кустарника – шиповника, боярышника, черной смородины, а также костяники и земляники. Гранитный массив, расположенный в северной части урочища, сложен хорошо колющимся плитняком, покрытым реликтовым сосновым бором. Для долин урочища характерны среднегумусированные черноземы, светло-каштановые и серо-бурые почвы. Степные участки заселены зарослями караганы степной, разнотравно-полынной и ковыльно-типчаковой растительностью, в основном это типчак, ковыль перистый, тырса, овсец пустынный. Дно речной ложбины имеет осоково-злаковый травянистый покров, по краям поймы отмечаются полезные дикорастущие: ромашка, зверобой, пастушья сумка.

Климат данной зоны, как и всей Северной Сары-Арки, резко континентальный. Весна обычно поздняя, короткая и холодная, с частыми заморозками. Лето жаркое, с постоянно дующими с запада и юго-запада иссушающими ветрами. Осеннее похолодание, наступающее в конце сентября, сопровождается северо-восточными ветрами с дождями и снегопадами. Постоянный снежный покров ложится в конце октября – начале ноября. Для суровых снежных зим характерны сильные бураны. Толщина снежного покрова достигает 30–50 см. Среднегодовое количество осадков составляет от 150 до 250 мм в год. Среднегодовые температуры варьируются от –17 °С зимой до +26 °С летом. Вегетативный период продолжается 160–180 дней [Казахстан, 1969, с. 128, 155].

Животный мир достаточно богат и разнообразен, представлен сочетанием лесостепного, степного и пустынного фаунистических комплексов. В основных борах и колках урочища отмечены косуля и барсук, по сообщениям местных жителей, иногда, во время сезонных миграций, появляются сайгаки. Основную часть наземной фауны составляют различного вида грызуны, из ко-

Рис. 2. Топографическая привязка могильника Майтан к местности

торых наиболее характерны сурок-байбак, заяц русак и беляк, полевые мыши, суслик, степная пищуха. Из хищных животных самые многочисленные лисица и корсак, гораздо меньше волков и ласок. Из степных птиц встречаются различные виды жаворонков, пустельга, степной и полевой лунь. В лесах, кроме перечисленных видов, водятся куропатки и тетерева [Атлас..., 1990, с. 72–75].

Урочище Майтан ограждено со всех сторон сопками, возвышающимися на 80–100 м над окружающей местностью, и имеет вид межгорной котловины с относительно ровным дном и богатыми травостоями, хорошо сохраняющимися за счет подземной влаги до середины – конца июля. Поэтому территория урочища достаточно долго служила в качестве сенокосных угодий.

Постепенное увеличение поголовья крупного рогатого скота требовало поиска новых летних выпасов, но использовать богатое травостоями урочище и прилегающие к нему участки межсопочных долин не представлялось возможным: отсутствовала вода, необходимая для содержания животных. Освоение урочища происходило в два этапа: первоначально пологие склоны сопки распахали и засеяли многолетними кормовыми травами; на втором этапе между отрогами двух сопки, замыкающих урочище с юга, отсыпали плотину для сбора вод, образующихся во время весеннего таяния снега. Основная часть щебня и грунта принесена со стороны, но в процессе сооружения плотины северный сектор могильника был уничтожен; погребальные конструкции, примыкающие к строительной площадке, частично разрушены или деформированы. Отсутствие шлюза для сброса избыточной воды из образовавшегося водохранилища привело к тому, что весной 1982 г. уровень воды достиг критических отметок и она стала переливаться через край плотины вдоль правого берега реки. В результате вдоль края правобережной сопки параллельно руслу реки сформировался овраг шириной 5–10 м и глубиной до 3–5 м. Паводковые воды прорезали глинистые отложения вплоть до каменного основания сопки. Строительство плотины и образовавшийся в результате этого события овраг и способствовали открытию и дальнейшему изучению могильника бронзового века.

Могильник Майтан обнаружили рабочие совхоза им. Буденного З.С. Усманов и П.Н. Змихновский, собравшие в обвалах вновь образовавшегося оврага кости людей и обломки древней посуды. Информация об этих находках поступила в археологический музей Карагандинского государственного университета. Первичное обследование обнаруженного памятника было проведено в мае 1982 г. разведочной группой Карагандинского государственного университета в составе В.В. Евдокимова, В.В. Варфоломеева, В.Г. Ломана. Собранный при осмотре могильника материал позволил соотнести его с атасускими древностями бронзового века Центрального Казахстана. Вновь открытый памятник располагался в 10 км к северо-северо-востоку от с. Хорошевское Ульяновского (ныне Бухаржирауского) района Карагандинской области (рис. 3).

К сожалению, мне не удалось принять участие в первоначальном обследовании памятника: в это время заканчивалась моя служба в рядах вооруженных сил СССР. После демобилизации, появившись впервые в лаборатории археологии КарГУ, я от своих коллег получил в «подарок» уникальный археологический объект для дальнейших исследований бронзового века Сары-Арки. С точки зрения природно-географических условий Центрального Казахстана

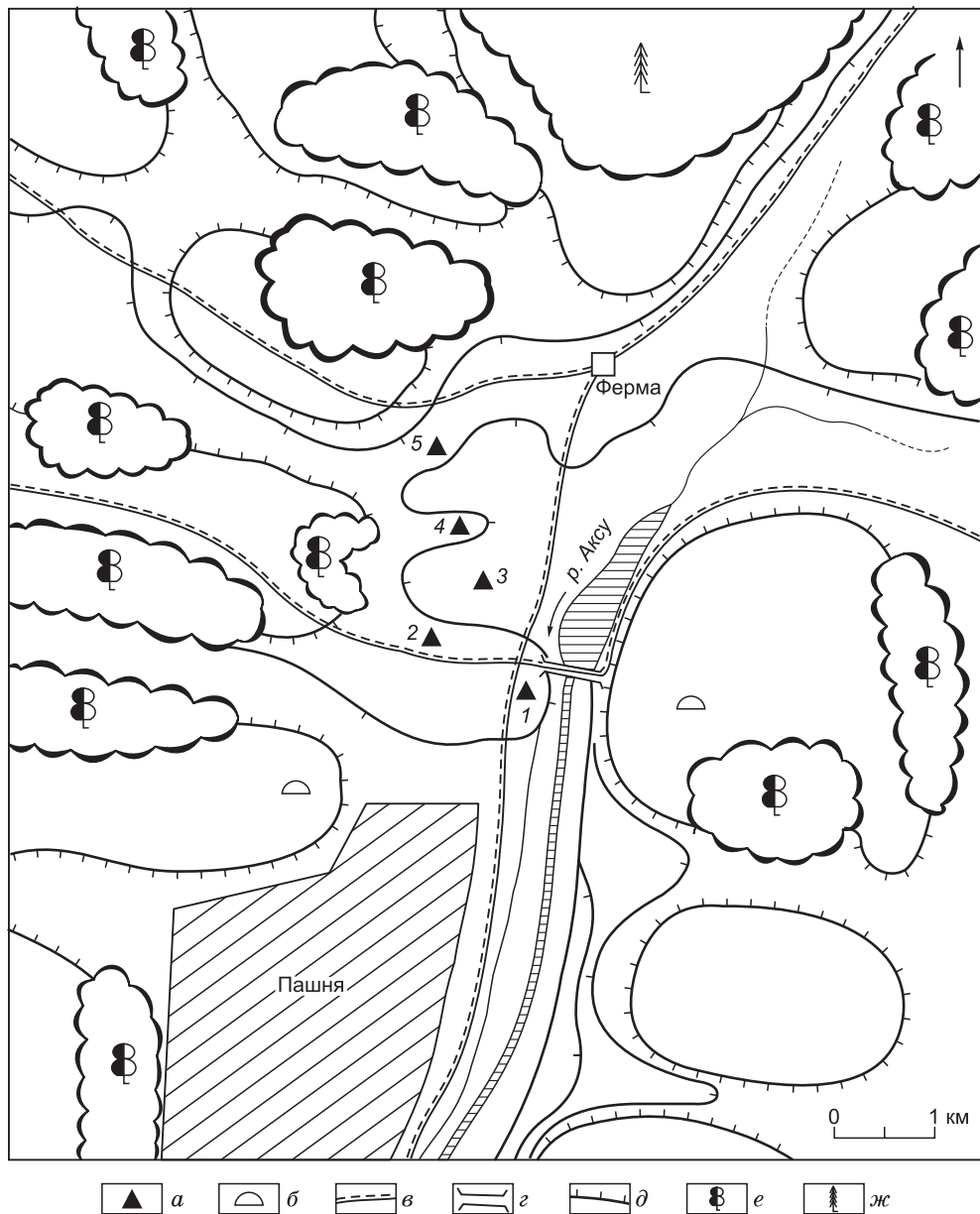

Рис. 3. Урочище Майтан. План местности с расположением могильников.

1 – Майтан; 2 – Аксу I; 3 – Аксу II; 4 – Самара; 5 – Актотрак.

а – исследованный памятник; *б* – курганы ранних и средневековых кочевников; *в* – проселочная дорога; *г* – плотина; *д* – сопка; *е* – осиново-березовые колки; *ж* – сосновый бор

компактный могильник, содержащий материалы, характеризующие многие стороны жизнедеятельности людей эпохи бронзы, располагался в прекрасной месте, с великолепными возможностями для организации жизни в полевых условиях. У подножия мысовой площадки находился родник, снабжавший сотрудников экспедиции чистой питьевой водой на протяжении всех полевых сезонов; водохранилище подходило для купания; небольшие леса обеспечивали топливом, ягодами и грибами; на летней ферме можно было приобретать молоко; недалеко располагался сезонный лагерь охотников, занимавшихся отловом сурков и поставлявших нам многие годы диетическое мясо для питания.

Первая стационарная экспедиция в верховьях р. Аксу показала, что могильник Майтан является не единственным археологическим объектом на территории урочища (рис. 3). На протяжении 10 полевых сезонов (1982–1991 гг.) погребальные памятники урочища Майтан исследуются археологической экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея. На пологом склоне Самарской сопки изучен частично распаханный могильник, погребальные конструкции которого располагались компактной группой в центре урочища (рис. 3, объект 4). Сохранились четыре поминальные конструкции, содержавшие древности нуринского облика, и три ограды заключительной фазы бронзового века [Ткачев, 2002б, с. 52–66]. В северо-западной части урочища, на склоне сопки Актопрак, исследован могильник (рис. 3, объект 5), объединяющий девять оград позднебронзового века, содержавших алексеевско-саргаринские материалы, и два средневековых кургана [Ткачев, 1989б]. В южной части котловины изучено два средневековых комплекса с поминальными оградями раннетюрского времени (рис. 3, объекты 2, 3). К сожалению, вещевой инвентарь в исследованных оградах вследствие полного ограбления отсутствовал [Ткачев, 1998б]. На вершинах сопки, ограничивающих с юга урочище Майтан, обнаружено около десятка каменно-земляных курганов, оставленных ранними или средневековыми кочевниками.

Многолетние работы в урочище Майтан показали, что в разные хронологические периоды небольшие группы людей приходили на водораздельную территорию урочища, но незначительное количество открытых объектов свидетельствует о том, что это были кратковременные посещения. Вероятно, люди приходили в весеннее время года, когда в русле водотока еще присутствовала вода, необходимая для жизнедеятельности человека и животных. Тщательное обследование участков, примыкающих к берегам водохранилища, и склонов сопки, ограничивающих урочище Майтан, а также береговых террас р. Аксу вплоть до ее впадения в р. Ащису не выявило каких-либо признаков поселенческих комплексов. Ближайшие поселение и могильник эпохи бронзы обнаружены и частично исследованы сотрудниками археологической экспедиции Карагандинского государственного университета около пос. Ташик на правом берегу р. Ащису, в настоящее время эти объекты затоплены водами водохранилища.

Отсутствие воды как важного компонента системы жизнеобеспечения и отсутствие в ближайших окрестностях могильника Майтан поселений позволяет предполагать, что захоронения оставлены группой населения, обитавшей в долговременном поселке, располагавшемся на р. Ащису или даже на р. Нуре. Население, оставившее могильник Майтан, посещало эту межгорную долину

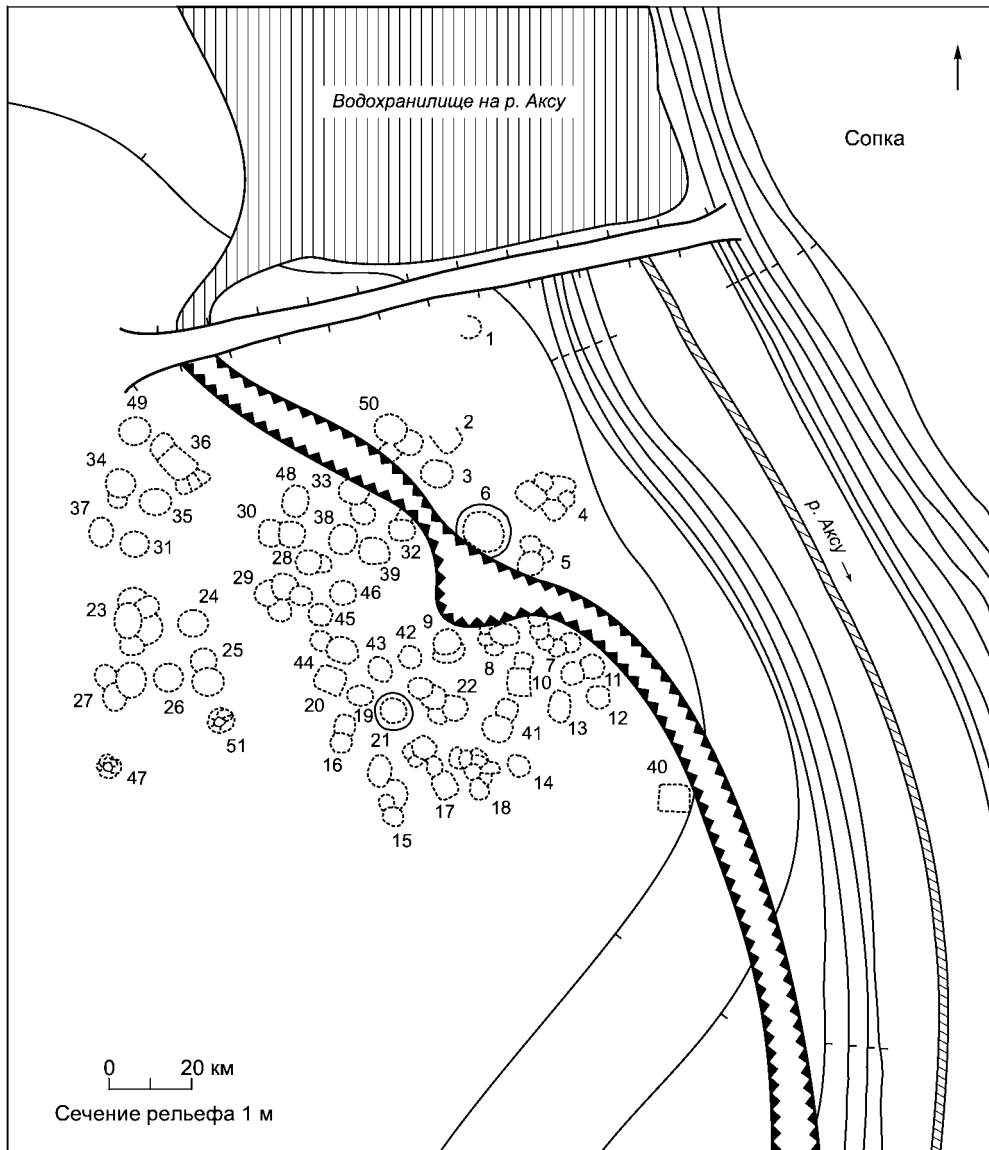

Рис. 4. Могильник Майтан. План.

а – ограда с насыпью; *б* – ограда без насыпи; *в* – жертвенный круг; *г* – овраг; *д* – плотина.
 1–51 – номера оград

Этапы исследования погребальных конструкций могильника Майтан

Год исследования	Номера исследованных оград
1982	5, 7–9, 12, 32, 33
1984	1–4, 6, 10, 11, 13–20, 31, 38–41, 47
1985	30, 34, 36, 37, 48, 49
1986	23–26, 35
1987	27–29, 45, 46, 50
1988	21, 22, 42–44, 51

периодически, в основном в весеннее время, когда, вероятно, и совершалась основная часть захоронений умерших в зимний период. В другое время года здесь могли появляться только небольшие группы людей: родники, обнаруженные в урочище, не обеспечили бы водой достаточно большие коллективы, если бы они приходили в сопровождении крупных стад животных. Изолированность, уникальность и красота урочища позволяют говорить о том, что данная местность могла выполнять функцию «долины мертвых» – своеобразного сакрального центра на протяжении ряда эпох, так как здесь присутствуют необходимые для выполнения погребальных ритуалов камень и древесина.

Могильник эпохи бронзы Майтан занимает относительно ровный участок пологого склона сопки, вершина которой находится в 1,5 км к западу от береговой террасы. Мысовидная погребальная площадка высотой около 6 м, располагавшаяся на правом берегу р. Аксу, господствует над окружающей местностью. Обзор, открывающийся с территории могильника, позволяет проследить межгорную речную долину на 5–10 км вверх и вниз по течению реки (см. рис. 2; 3, объект 1). Площадь, занятая погребальными объектами, достигает 15–20 тыс. м². На северном участке памятника часть погребальных конструкций разрушены в процессе строительных работ при отсыпке тела плотины. При весеннем паводке 1982 г. образовавшийся овраг разрушил полностью или частично несколько оград и пристроек в центральной части погребального поля (рис. 4; вкл.). За шесть полевых сезонов изучен 51 поминальный комплекс (табл. 1). Можно предполагать, что в пределах могильника первоначально существовало не менее 60 погребальных объектов.

Несмотря на достаточно длительную историю изучения древностей бронзового века Центрального Казахстана и всей территории, занятой памятниками андроновской культурно-исторической общности, полное исследование погребальных объектов – большая редкость. Это связано с тем, что такое изучение достаточно крупных могильников требует значительного количества времени и сил. По объективным причинам, ввиду активного уничтожения захоронений памятника сначала под воздействием антропогенного, а затем и природного фактора, для его спасения потребовалось – и было осуществлено – полное исследование. Поэтому в данной работе в качестве главной поставлена задача максимально полной публикации материалов, а сопутствующей является задача показать авторское видение формирования и развития культуры населения бронзового века Сары-Арки в сопоставлении с сопредельными регионами.

В исследовании могильника Майтан в разные годы принимали участие десятки школьников – члены кружка «Юный археолог», функционировавшего при Карагандинском областном историко-краеведческом музее. Многие годы в полевых работах участвовали учащиеся моей родной средней школы № 3 г. Темиртау, а также других школ Караганды и Темиртау. Ребята, искренне вам признателен и благодарен.

Выражаю благодарность моему учителю В.В. Евдокимову, друзьям и коллегам В.В. Варфоломееву и В.Г. Ломану, «подарившим» мне право исследовать этот памятник. Большое спасибо моим друзьям А.Г. Бондаренко, Н.Л. Королевой, С.В. Красикову, Е.И. Смирновой, Т.В. Телегиной, Э.Р. Усмановой, А.А. Шевлякову, Ж.И. Ястребовой, участвовавшим в майтанской эпопее. Большая благодарность В.А. Дремову за половозрастные определения палеоантропологической коллекции могильника Майтан, позволившие наметить решение вопросов социальной и семейной структуры общества, оставившего памятник. Отдельная признательность Л.Л. Гайдученко за определения видового состава костных останков животных, полученных при исследовании могильника. Приношу огромную благодарность Д.А. Белоногову за художественные реконструкции изделий, костюмов и собирательных образов древних майтанцев. Огромная благодарность первому читателю этой книги Е.И. Зах за помощь и дружескую критику.

Искренняя благодарность моей супруге Н.А. Ткачевой за огромную помощь в ведении полевой документации и обработке полученных полевых материалов. Считаю своим долгом выразить глубокую признательность моему сыну Александру Ткачеву за всестороннюю помощь и большой труд по подготовке иллюстративного обеспечения данного монографического исследования.

Надеюсь, материалы могильника Майтан помогут решить хотя бы часть вопросов, стоящих перед исследователями древностей бронзового века Центрального Казахстана и всей андроновской ойкумены.

Глава 1

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК

Урочище Майтан в верховьях небольшой степной речки Аксу обладает типичными для Казахского мелкосопочника природно-ландшафтными особенностями. В южной части урочища на ровной поверхности пологого склона сопки на площади ок. 1,5 га четырьмя плотными группами располагалось свыше 50 погребальных сооружений. Часть из них утрачена в результате антропогенного воздействия. На сегодня это единственный поминальный комплекс Центрального Казахстана, исследованный полностью. Материалы, полученные при изучении могильника, позволяют осветить многие стороны жизнедеятельности и мировоззрения обитателей Сары-Арки эпохи бронзы. Далее дано описание всех исследованных погребальных сооружений и связанных с ними могил и погребений.

Ограда 1. Располагалась в северо-восточной части погребальной площадки, полностью уничтожена при сооружении плотины (рис. 4). У подножия дамбы, на глиняной материковой поверхности, прослеживалось скопление дробленой гранитной крошки, образовавшейся в процессе разрушения плит ограды и перекрытия каменного ящика, вокруг которого заложен раскоп размером 4×4 м (рис. 5, 1). В пределах исследованного участка плит ограждения или канавок не прослежено. Это связано с тем, что при отсыпке плотины верхний слой грунта срезан бульдозерами на 25–30 см. Стенки сохранившейся погребальной конструкции, возвышавшейся над современной поверхностью на 5–10 см, сооружены из гранитных плит толщиной 10–15 см. Внутреннее пространство каменного ящика размером $1,4 \times 0,8 \times 0,55$ м*, ориентированного по линии северо-восток – юго-запад, заполнено плотным коричневым суглинком. В придонной части заполнения могилы встречены разрозненные кости скелета мужчины в возрасте около 20 лет (рис. 5, 2) и обломки сосуда (рис. 5, 3).

Ограда 2. Значительная часть конструкции, расположенной в зоне сооружения плотины, уничтожена (см. рис. 4). На современной дневной поверхности прослеживались раздробленные стенки трех ящиков и часть плит ограждения. Над сооружениями заложен раскоп размером 13×8 м, ориентированный

* Здесь и далее размеры могил даются по внешним параметрам. Глубина каменных ящиков указывается от уровня материка при совпадении уровня материка и плит; если стенки ящика возвышаются над материком или расположены ниже, то глубина оговаривается особо – от уровня материка и самой низкой плиты. При описании грунтовых ям глубина дается от уровня материка.

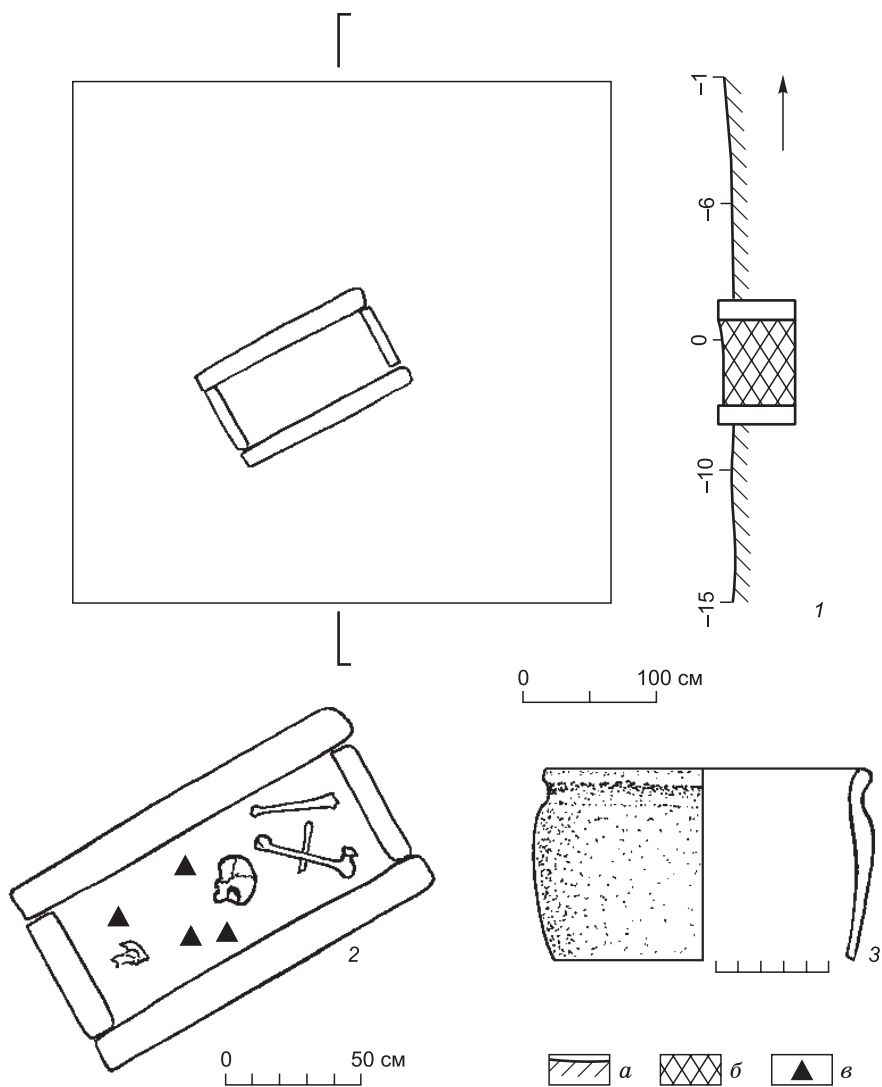

Рис. 5. Могильник Майтан. Ограда 1.

1 – план и разрез раскопа; 2 – план могилы; 3 – сосуд.
a – материковая глина; *b* – коричневый суглинок; *c* – обломки сосуда

по сторонам света (рис. 6, 1). В пределах сохранившегося участка ограды выявлены плиты юго-западной и юго-восточной стенок ограждения, впущенные в слой коричневого гумусированного суглинка, возвышавшиеся на 5–10 см над уровнем непо потревоженной дневной поверхности. Можно допустить, что основная ограда имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Планиграфическое расположение исследованных в раскопе могил позволяет предполагать, что основная надмогильная погребальная конструкция могла иметь не менее двух пристроек, содержавших не менее 3 поминальных комплексов и 6 могил.

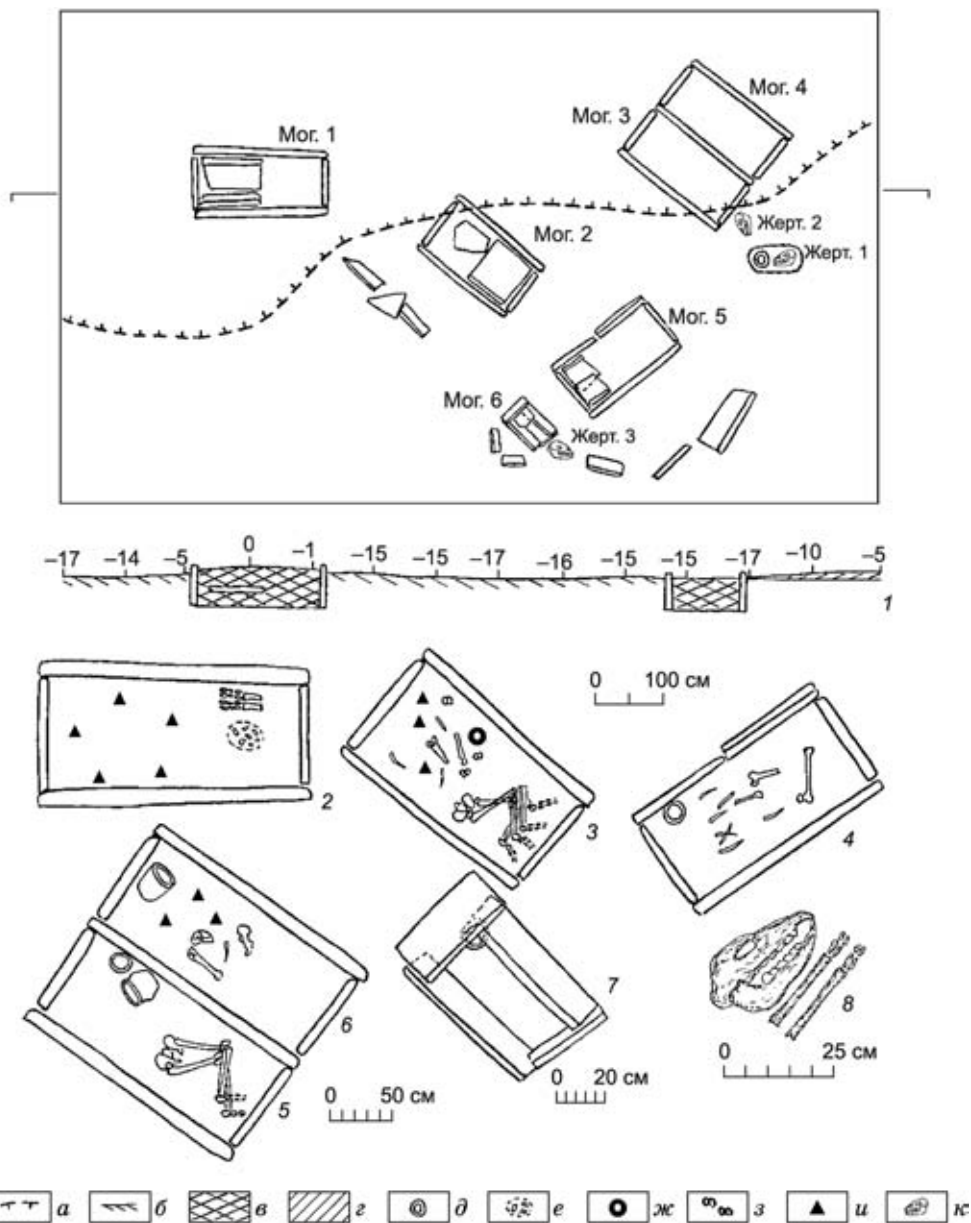

Рис. 6. Могильник Майтан. Ограда 2.

1 – план и разрез раскопа; 2 – могила 1; 3 – могила 2; 4 – могила 5; 5 – могила 3; 6 – могила 4;
7 – могила 6; 8 – жертвенник 3.

а – граница разрушенного участка; *б* – материковая глина; *в* – коричневый суглинок; *г* – коричневый гумусированный суглинок; *д* – сосуд; *е* – линза кальцинированных костей человека; *ж* – пряжка из раковины; *з* – бронзовые подвески в полтора оборота; *и* – фрагменты керамики; *к* – жертвенный комплекс

Жертвенник 1 – располагался в восточном секторе раскопа. Овальная ямка размером $0,75 \times 0,45 \times 0,1$ м ориентирована по линии запад – восток. В западной части стоял сосуд (рис. 7, 13); в восточной – уложенный на правую сторону череп лошади, ориентированный на запад (см. рис. 6, 1). Можно предположить, что данный поминальный комплекс соотносится с пристройкой, содержавшей спаренный ящик (могила 3-4).

Жертвенник 2 – располагался близ юго-западного угла спаренного ящика (могила 3-4). Овальная ямка размером $0,42 \times 0,35 \times 0,12$ м ориентирована по линии север – юг. На дне находился череп крупного рогатого скота, уложенный на правую сторону, ориентирован на юг (рис. 6, 1).

Жертвенник 3 – расположен у южной стенки могилы 6. На уровне материка находился череп овцы, уложенный на левую сторону, ориентирован на северо-восток, и две конечности мелкого рогатого скота, ориентированные по линии северо-восток – юго-запад, копытцами на северо-восток (рис. 6, 1, 8).

Могила 1 – находилась в западной части раскопа, вероятно, в оградке, дополнительно пристроенной к северо-западному сектору основной ограды (рис. 6, 1). Каменный ящик трапециевидной формы, размером $2,2 \times 0,9-0,8 \times 0,7$ м, сооружен из плит толщиной 8–15 см, ориентирован по линии запад – восток. Западная половина ящика перекрыта запавшими вовнутрь обломками расколовшейся на две части плиты размером $1,0 \times 0,65$ м и $1,0 \times 0,55$ м (рис. 6, 2). В придонной части заполнения встречены обломки трех сосудов (см. рис. 7, 10, 11, 17). На дне, в восточной половине могилы, зафиксирована линза кальцинированных костей и пепла размером $0,17 \times 0,13 \times 0,04$ м. Рядом вдоль северной стенки ящика лежали две конечности крупного рогатого скота, ориентированные копытцами на запад (см. рис. 6, 2).

Могила 2 – расположена параллельно частично сохранившимся юго-западным плитам ограды. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $1,8 \times 0,9-0,8 \times 0,65$ м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Юго-восточная стенка ящика выше остальных на 0,1 м. Восточная половина могилы перекрыта запавшей вовнутрь плитой размером $0,85 \times 0,95$ м. От плиты, перекрывавшей западную часть могилы, сохранился обломок размером $0,58 \times 0,47$ м, запавший вовнутрь ящика и лежавший на 30 см выше дна могилы (рис. 6, 1, 3). В заполнении могилы встречены фрагменты четырех сосудов (см. рис. 7, 9, 12, 15, 16), обломок листовидной подвески (рис. 7, 4), три бронзовые подвески в полтора оборота (рис. 7, 6–8), пряжка из раковины (рис. 7, 5) и две бронзовые бусины из гладкой проволоки. На дне могилы расчищено частично сохранившееся парное погребение. От первого погребенного – взрослого мужчины – непо потревоженными сохранились кости таза и ног. Мужчина лежал вдоль юго-западной стенки на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад; ступни носят следы посмертного насильственного слома в голеностопном суставе. Сохранившиеся кости голени и стоп второго погребенного – взрослой женщины – перекрывали кости ног мужчины. Женщина лежала вдоль северо-восточной стенки на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад.

Могила 3-4 – спаренный ящик, расположенный в северо-восточном секторе раскопа. Двойной каменный ящик, вероятно, находился в дополнительной

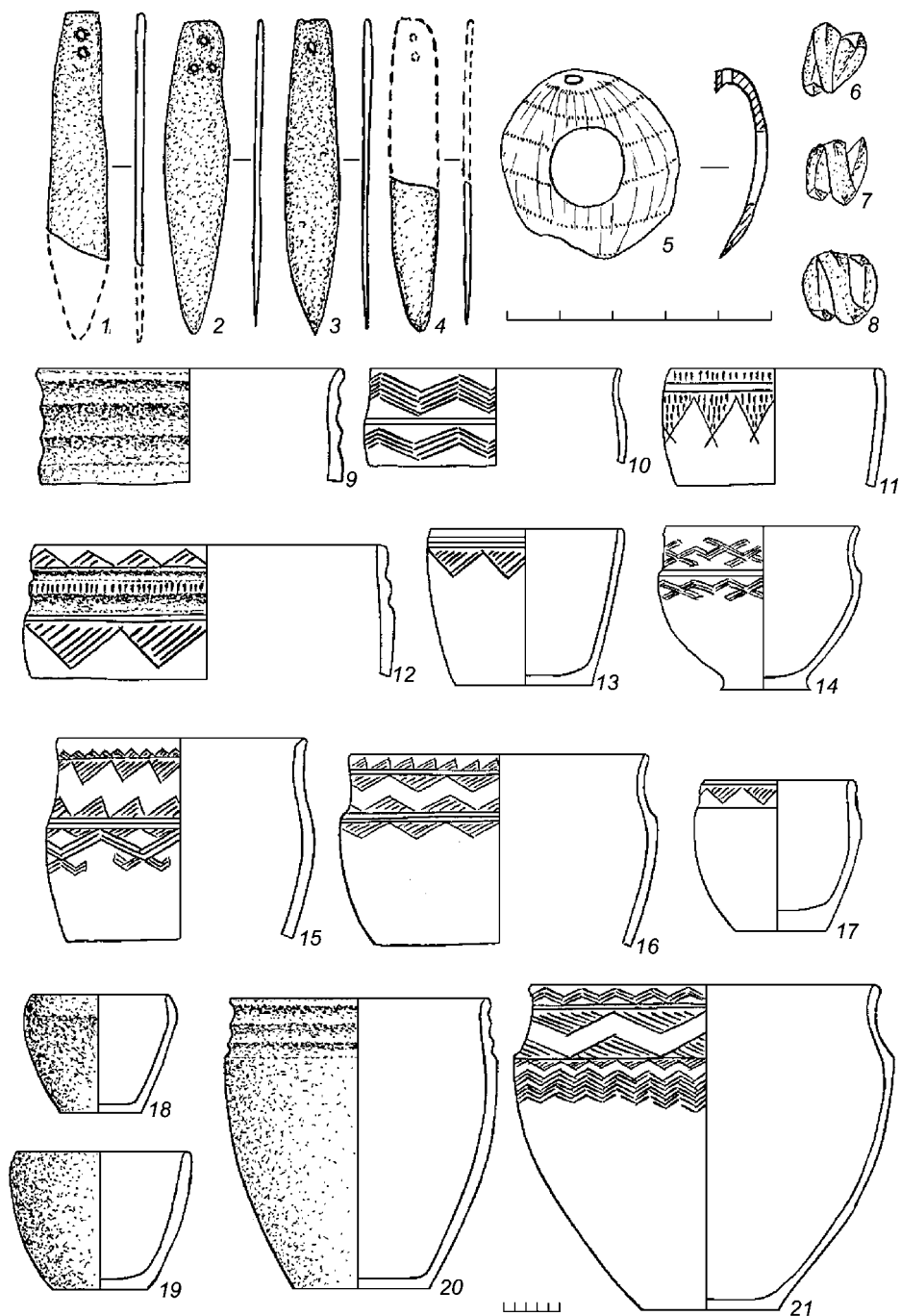

Рис. 7. Могильник Майтан. Ограда 2. Вещевой инвентарь.

1-3, 20 – могила 4; 4, 5-9, 12, 15, 16 – могила 2; 10, 11, 17 – могила 1; 13 – жертвенник 1;
 14, 21 – могила 3; 18 – могила 5; 19 – могила 6.
 1-4, 6-8 – бронза; 5 – раковина; 9-21 – глина

ограде, пристроенной к северо-восточным плитам основной надмогильной конструкции, размером $2,0 \times 1,9 \times 0,55$ м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток (см. рис. 6, 1).

Могила 3 – южная – размером $2,0 \times 0,9$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Погребение частично разрушено – в неповрежденном состоянии зафиксированы кости таза и ног взрослого мужчины. Мужчина лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад (рис. 6, 5). Вдоль северной стенки на уровне черепа и грудной клетки погребенного находились два сосуда, один из которых лежал на боку (см. рис. 7, 14, 21).

Могила 4 – северная – размером $2 \times 0,9$ м (толщина общей средней стенки 10 см), ориентирована по линии северо-запад – юго-восток (см. рис. 6, 6). В заполнении встречены разрозненные кости скелета женщины в возрасте 18–20 лет, неорнаментированные фрагменты керамики и три листовидные подвески (см. рис. 7, 1–3). У северо-западной стенки на боку устьем на северо-восток лежал сосуд (рис. 7, 20).

Могила 5 – расположена в юго-западном секторе основной ограды. Каменный ящик размером $1,85 \times 1,0 \times 0,6$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Северо-восточная стенка ниже остальных на 10 см, северная продольная стенка треснула, и одна из частей слегка запала наружу. Западный сектор ящика перекрыт обломками расколовшейся на две части плиты размером $0,9 \times 0,4$ м, запавшими вовнутрь (рис. 6, 1). В придонной части могилы обнаружены разрозненные кости, возможно, мужчины в возрасте 16–20 лет и ребенка в возрасте 7–9 лет, между которыми найдено 46 бронзовых бусин из гладкой и ребристой проволоки (рис. 6, 4). У северной стенки, близ северо-западного угла, стоял сосуд (см. рис. 7, 18).

Могила 6 – встроена в юго-западную стенку основной ограды, для чего часть плит ограждения, впущенных в коричневый гумусированный суглинок, была удалена, а ящик с западной стороны дополнительно огражден двумя небольшими, длиной 0,25–0,3 м, плитками (см. рис. 6, 1, 7). Деформированный каменный ящик размером $0,8 \times 0,5 \times 0,25$ м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Южная и восточная стенки ящика запали наружу; северная и западная – вовнутрь. Северо-западная стенка выше юго-восточной на 5 см и выше продольных на 15 см. Западный сектор ящика перекрыт плитой размером $0,35 \times 0,25 \times 0,05$ м. В северо-западном углу ящика стоял сосуд (см. рис. 7, 19). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда 3. Сооружена из вертикально вкопанных плит. Плиты завалились наружу или вовнутрь надмогильной конструкции (см. рис. 4). На северном и западном участках ограждение не сохранилось. Это связано с тем, что большинство плит впущено в коричневый гумусированный суглинок, и только в восточном секторе прослежена канавка шириной 15–20 см, углубленная в материковый грунт на 5–10 см. Реконструируется надмогильное сооружение округлой формы диаметром около 6 м (рис. 8, 1). За оградой у северо-восточных плит обнаружен поминальный сосуд, стоявший на материке (рис. 8, 2).

В центре огражденной площадки находилась могила – каменный ящик размером $2,45 \times 1,15$ м, сооруженный из плит толщиной 10–15 см, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Глубина ящика от уровня материка 0,75 м,

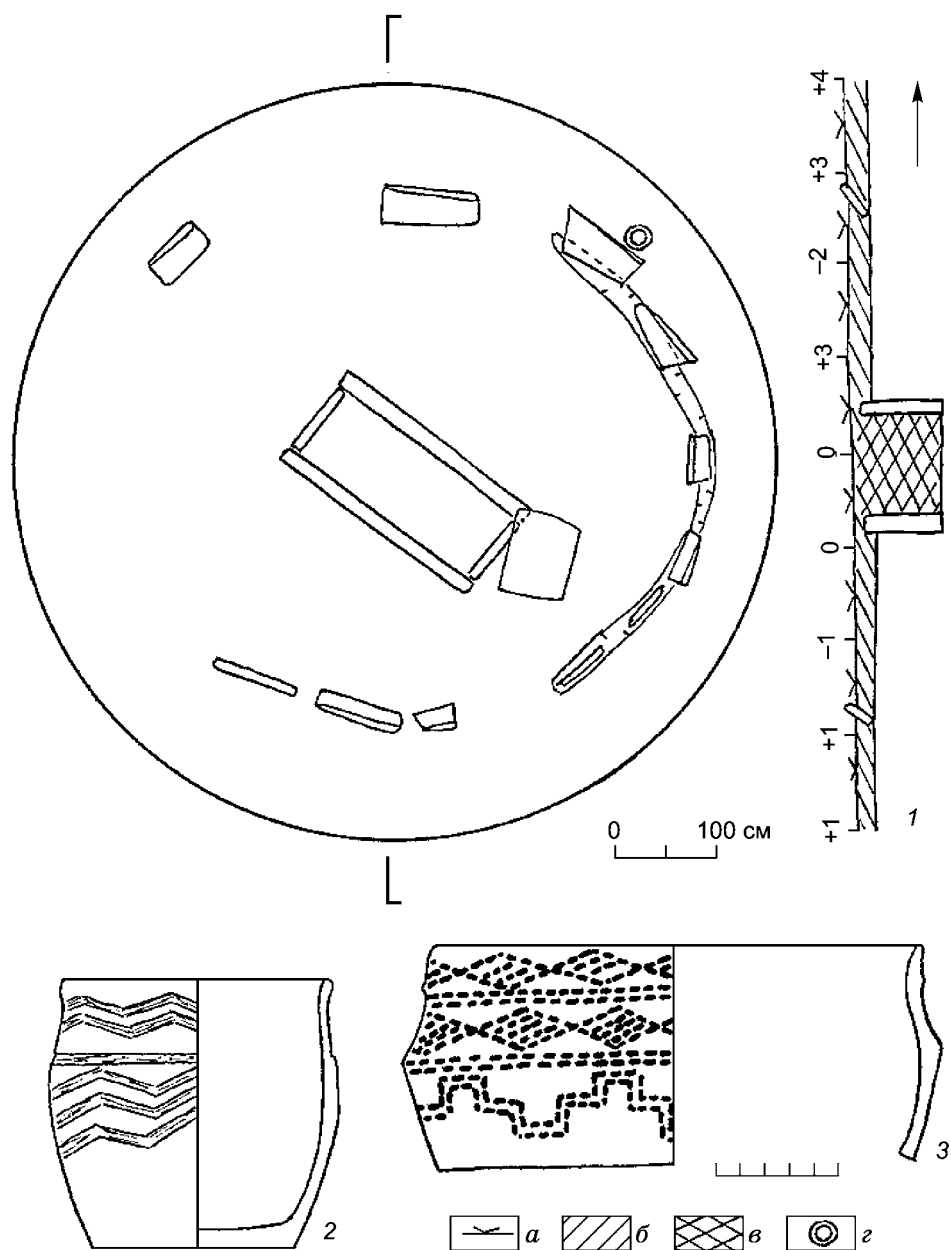

Рис. 8. Могильник Майтан. Ограда 3.

1 – план и разрез раскопа; 2, 3 – сосуды (2 – жертвенник; 3 – могила).

а – дерн; б – коричневый гумусированный суглинок; в – коричневый суглинок; г – сосуд

от уровня торцевых плит – 0,8 м. Продольные плиты выше торцевых на 10 см. Перекрытие отсутствовало, и только в юго-восточном секторе обнаружен обломок плиты размером 0,9 × 0,7 м. В придонной части заполнения встречены обломки острореберного сосуда (рис. 8, 3), несколько ребер и позвонков человеческого скелета, вероятно, мужчины.

Ограда 4. Сложная погребальная конструкция из шести сооружений: первоначально построена ограда А, позднее к ней пристроены ограды Б, В, Е; к ограде В пристроена ограда Г; замыкает комплекс ограда Д, пристроенная к оградкам Б и Г (см. рис. 4). Погребальный комплекс перекрывают выбросы из нор сурчиной колонии, образовавшие холм диаметром около 8 м и высотой до 0,4 м (рис. 9, 1).

Ограда А – основная – прямоугольной формы, размером 5,5 × 4,0 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Северная часть ограды, юго-западный угол и часть западного ограждения отсутствовали. В центре огражденной площадки находилась могила, представляющая собой каменный ящик размером 2,05 × 1,25 × 0,8 м, ориентированный по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Западная торцевая плита выше остальных на 5 см. На южной продольной стенке лежали обломки плит перекрытия размером 1,05 × 0,5 и 0,6 × 0,5 м. У восточной стенки ящика на уровне материка находился череп мелкого рогатого скота, уложенный на правую сторону, ориентирован на юг (рис. 9, 1). В придонной части заполнения встречены мелкие обломки двух сосудов (рис. 10, 7, 8), разрозненные части скелета мужчины в возрасте 20–25 лет и женщины не старше 25 лет (см. рис. 9, 2).

Ограда Б – пристроена к ограде А с северной стороны, овальной формы, размером 4,0 × 3,0 м (рис. 9, 1). У восточных плит ограждения находился жертвенник – частично вкопанный в материковый грунт сосуд*, обложенный по периметру тремя каменными плитками размером 0,15–0,25 × 0,1–0,12 м. В северной половине огражденной площадки находилась могила в виде каменного ящика размером 2,3 × 1,1 м, глубина от продольных плит 0,6 м, от уровня материка – 0,7 м, ориентирован по линии запад – восток. Торцевые плиты выше продольных на 10 см. Ящик перекрыт двумя плитами размером 1,25 × 0,6 и 1,3 × 0,9 м. В заполнении встречены обломки костей подростка в возрасте 10–14 лет, неорнаментированные фрагменты керамики и поделка из конкреции (см. рис. 10, 1).

В придонной части в восточной половине ящика частично сохранилось парное погребение (см. рис. 9, 3). В непотревоженном виде обнаружены кости стоп, голени и частично бедер мужчины в возрасте 20 лет, а также кости таза и ног женщины в возрасте 16–18 лет. Мужчина лежал вдоль южной стенки на левом боку, в скорченном положении, головой на запад, женщина – вдоль северной стенки, на левом боку, головой в том же направлении. Кости ног женщины едва присогнуты в коленных суставах, кости левой ступни перекрывают кости правой ступни мужчины, кости правой ноги запали к северной стенке ящика. На лодыжках женщины расчищено по низке бронзовых бусин: на правой – 48, на левой – 47 изделий.

* Если не дается ссылка на рисунок, значить реконструировать данный сосуд не удалось.

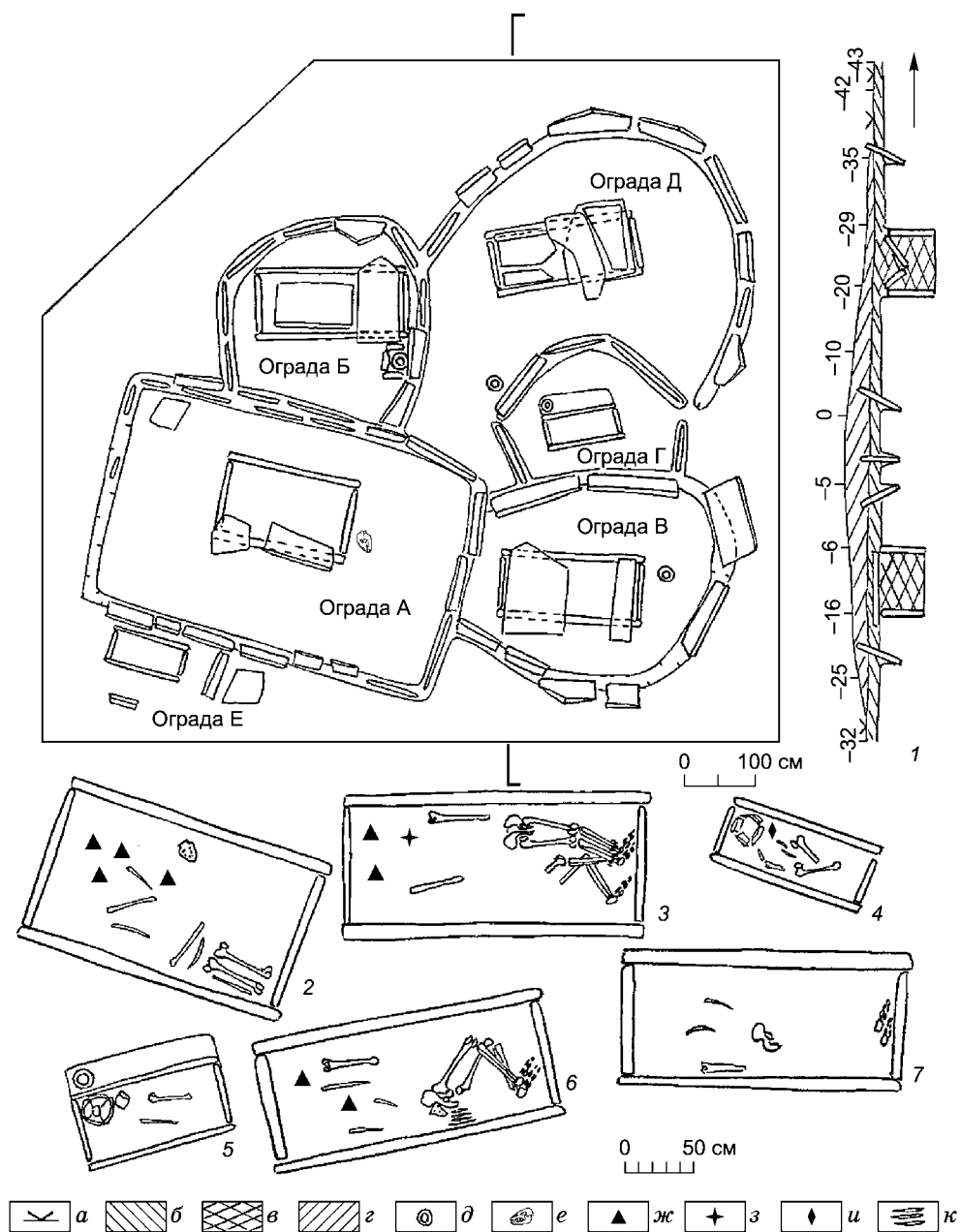

Рис. 9. Могильник Майтан. Ограда 4.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, план могилы; 3 – ограда Б, план могилы; 4 – ограда Е, план могилы; 5 – ограда Г, план могилы; 6 – ограда Д, план могилы; 7 – ограда В, план могилы. *a* – дерн; *б* – выброс из сурчиных нор; *в* – коричневый суглинок; *г* – коричневый гумусированный суглинок; *д* – сосуд; *е* – череп коровы; *ж* – фрагмент керамики; *з* – каменная поделка; *и* – костяная подвеска; *к* – костяные наконечники стрел

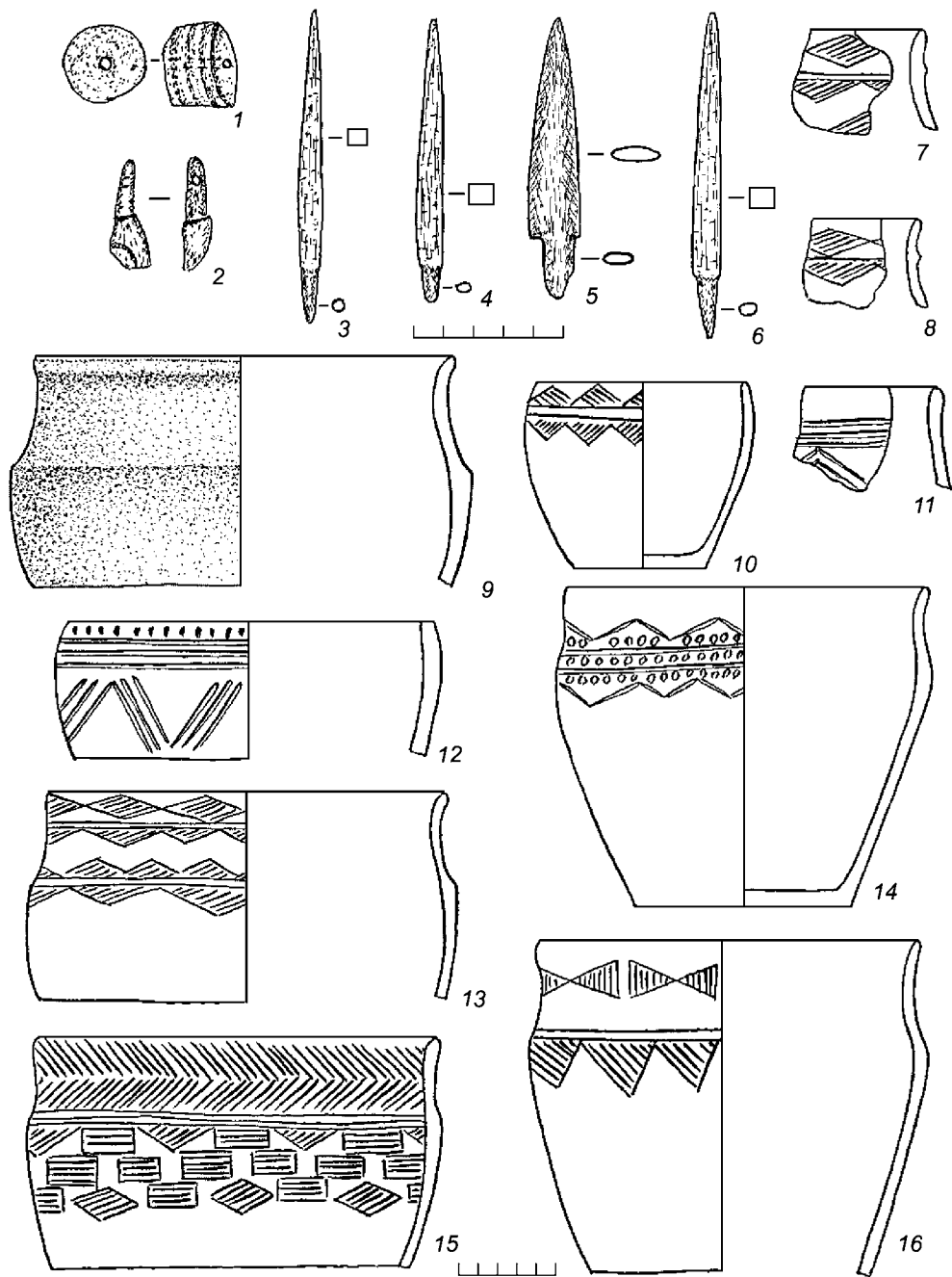

Рис. 10. Могильник Майтан. Ограда 4. Вещевой инвентарь.

1 – ограда Б, могила; 2, 15 – ограда Е, могила; 3–6, 13 – ограда Д, могила; 7 – ограда Б, жертвенник; 8 – ограда А, могила; 9, 12 – ограда В, могила; 10 – ограда Г, жертвенник; 11, 16 – ограда Г, могила; 14 – ограда В, жертвенник.

1 – камень; 2–6 – кость; 7–16 – глина

Ограда В – пристроена к ограде А с восточной стороны, вытянута по линии запад – восток, овальной формы, размером $4,0 \times 3,5$ м (см. рис. 9, 1). В центре огражденной площадки находилась могила – каменный ящик размером $2,15 \times 1,05 \times 0,7$ м, ориентированный по линии запад – восток. У восточной стенки в материковый грунт вкопан поминальный сосуд (см. рис. 10, 14). Восточная торцевая плита выше западной на 5 см и выше продольных на 10 см. Западная и восточная части ящика перекрыты плитами размером $1,3 \times 0,85$ и $1,2 \times 0,3$ м (см. рис. 9, 1, 7). В заполнении встречены обломки костей скелета взрослого мужчины и фрагменты двух сосудов (см. рис. 10, 9, 12). На дне, у восточной стенки ящика, обнаружены непо потревоженные кости стоп, судя по которым погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на запад.

Ограда Г – пристроена к ограде В с севера, овальной формы, размером $2,75 \times 2,0$ м (см. рис. 9, 1, 5). В центре огражденной площадки прослежена грунтовая яма размером $1,15 \times 0,75$ м, ориентированная по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. На глубине 30 см от уровня материка вдоль северной стенки прослежен уступчик шириной 15 см, на котором в северо-западном углу стоял сосуд (см. рис. 10, 10). Ниже уступчика в грунтовую яму впущен каменный ящик размером $1,15 \times 0,6$ м, ориентированный по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Глубина ямы 0,8 м, глубина ящика 0,5 м. Торцевые плиты выше продольных на 10 см. В заполнении встречены обломки сосуда (рис. 10, 11) и разрозненные кости ребенка в возрасте 3–4 лет. В северо-западном углу ящика находился раздавленный сосуд (рис. 10, 16).

Ограда Д – пристроена к ограде Б с восточной и к ограде Г – с северной стороны. Надмогильная конструкция удлиненно-овальной формы, вытянута по линии северо-восток – юго-запад, размером $5,0 \times 3,5$ м. В южном секторе ограды у северо-западных плит ограды Г обнаружен поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт. В центре огражденной площадки находилась могила в виде каменного ящика размером $2,2 \times 1,05$ м, ориентированного по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Глубина от уровня материка 0,75 м, от уровня продольных плит – 0,65 м. Западная стенка ящика выше восточной на 10 см и выше продольных на 20 см. Восточная часть ящика перекрыта двумя рядами плит: верхние плиты размером $1,3 \times 0,7$ и $1,0 \times 0,5$ м; нижняя – $1,1 \times 0,9$ м. Западная часть перекрытия разбита при ограблении и сохранилась в виде обломков, запавших вовнутрь могилы, размером $0,55 \times 0,9$ и $0,75 \times 0,35$ м. В заполнении встречены обломки сосуда (рис. 10, 13) и отдельные кости скелета взрослого мужчины. На дне в непо потревоженном состоянии обнаружены кости таза и ног. Мужчина лежал вдоль южной стенки ящика, на левом боку, в скорченном положении, головой на запад (см. рис. 9, 6). За спиной, между южной стенкой ящика и костями таза, находились четыре костяных наконечника стрел, уложенных остриями на восток (см. рис. 10, 3–6).

Ограда Е – пристроена к ограде А с южной стороны близ юго-западного угла. Сохранились южная и восточная плиты ограждения (см. рис. 9, 1). Реконструируемые размеры пристройки $2,0 \times 1,0$ м. В огражденном пространстве находилась могила в виде каменного ящика размером $1,2 \times 0,6 \times 0,5$ м, ориентированного по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток (рис. 9, 4). Восточная торцевая плита выше остальных на 10 см. Плиты перекрытия отсут-

ствовавали; одна из плит, размером $0,6 \times 0,5$ м, обнаружена у восточной стенки ограждения. В заполнении ящика встречены кости ребенка в возрасте 7–9 лет и подвеска из резца крупного рогатого скота (см. рис. 10, 2). В северо-западном углу расчищен раздавленный сосуд (рис. 10, 15).

Ограда 5. Надмогильная конструкция с двумя пристройками, южный сектор основной ограды частично разрушен оврагом (см. рис. 4).

Ограда А – основная – неправильно-овальной формы, диаметром около 5,5 м (рис. 11, 1). В северо-восточном секторе находился поминальный комплекс: вкопанный в грунт сосуд (рис. 12, 3), рядом с которым на уровне материка лежала длинная конечность крупного рогатого скота.

В центре огражденной площадки находилась грунтовая яма размером $2,0 \times 1,1$ м, в которую был впущен каменный ящик трапециевидной формы размером $1,9 \times 0,9-0,8$ м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 11, 3). Глубина могильной ямы 0,75 м; глубина ящика от уровня северной стенки 0,57 м, южная стенка выше северной на 6 см, западная и восточная стенки выше северной на 13 см. Плиты перекрытия разбиты и вывернуты. Они прослеживались по всему периметру могилы, возвышаясь над уровнем материка на 10–15 см. В придонной части заполнения встречены разрозненные кости скелета взрослой нестарой женщины, а также многочисленные украшения из бронзы: бляшки (рис. 13, 1–3), пронизка (рис. 13, 4), очковидные (рис. 13, 5–8) и листовидные (рис. 13, 13–17) подвески, бочонковидная бусина (рис. 13, 9), 28 бронзовых бусин из гладкой и ребристой проволоки; кости: подвески из астрагала дикобраза (рис. 13, 11), клыков корсака (рис. 13, 19, 20), предкоренного зуба, резца, верхних и нижних клыков лисицы (рис. 13, 10, 12, 21–27), резца домашнего травоядного животного (рис. 13, 18); пасты: бусы (100 шт.) и пронизи: двусоставные (15 шт.), трехсоставные (7 шт.), четырех- и пятисоставная). Вдоль западной стенки стояли три сосуда: крупные – в юго-западном (см. рис. 12, 9) и северо-западном (рис. 12, 1) углах и сосуд меньших размеров – между ними (рис. 12, 7).

Ограда Б – пристроена к ограде А с северной стороны – вытянута в широтном направлении, удлинненно-овальной формы, размером $3,75 \times 2,0$ м. Западная плита ограждения и канавка в материке отсутствовали (см. рис. 11, 1). В юго-восточном углу ограды обнаружен вкопанный в материковый грунт жертвенный сосуд (см. рис. 12, 5).

В центре огражденного пространства располагалась могила в виде каменного ящика, сооруженного из плит толщиной 12–24 см, размером $2,3 \times 1,25 \times 0,7$ м, ориентированного по линии северо-восток – юго-запад. Западная и восточная стенки ящика выше остальных на 15 см. Плиты перекрытия частично разбиты и запали вовнутрь (см. рис. 11, 4). В заполнении встречены отдельные кости скелета женщины в возрасте 18–20 лет и подвески из раковин (см. рис. 13, 39, 40). В неповрежденном состоянии сохранились основная часть грудной клетки, кости левой руки, таза и ног. Женщина лежала вдоль южной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Кости ног сильно согнуты в коленных суставах, правая стопа сломана в голеностопном суставе и расположена по одной линии с костями голени. На лодыжках обнаружено по низке бронзовых бусин: на правой – 18, на левой – 19. На запястье

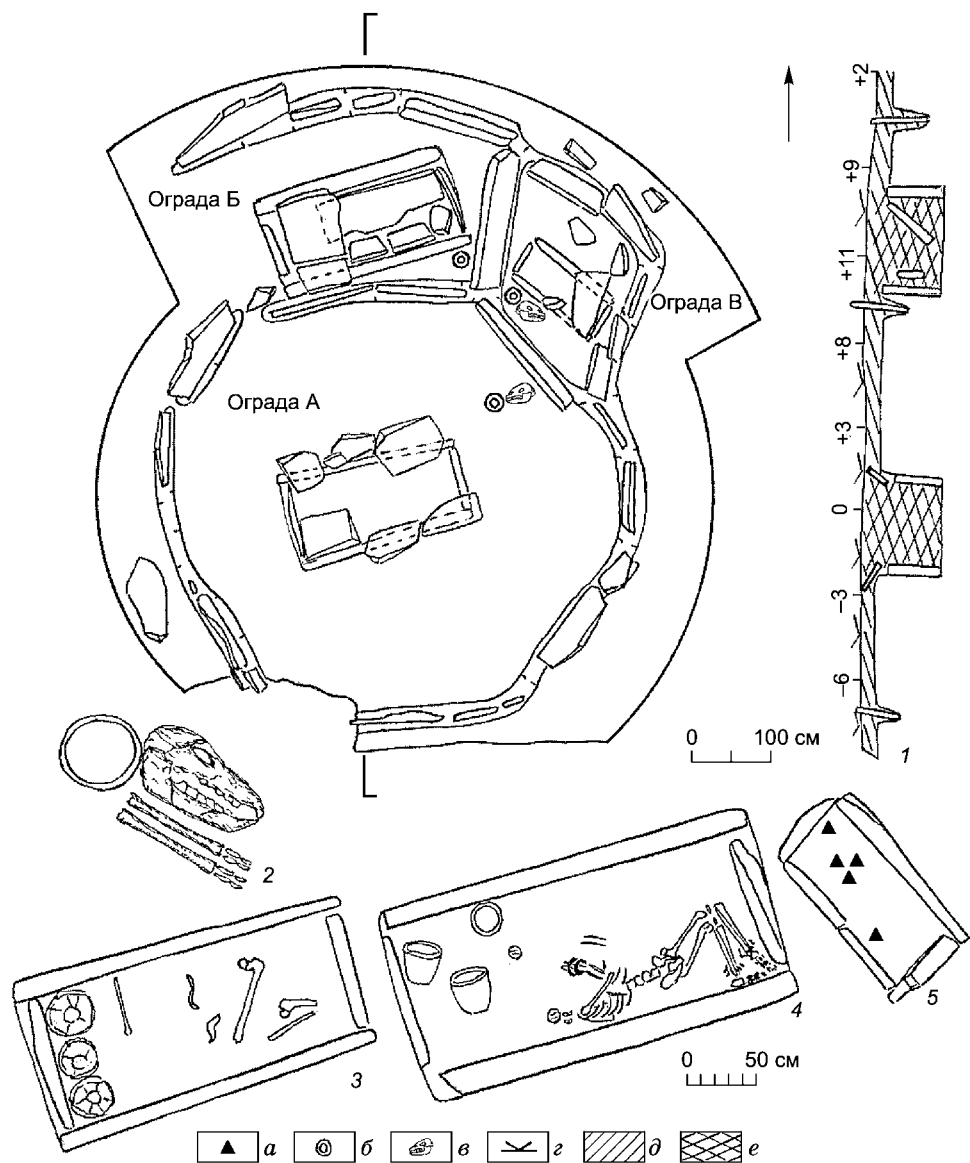

Рис. 11. Могильник Майтан. Ограда 5.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда В, план жертвенника; 3 – ограда А, план могилы; 4 – ограда Б, план могилы; 5 – ограда В, план могилы.

a – фрагмент керамики; *б* – жертвенный сосуд; *в* – кости поминального животного; *г* – дерн; *д* – коричневый гумусированный суглинок; *е* – коричневый суглинок

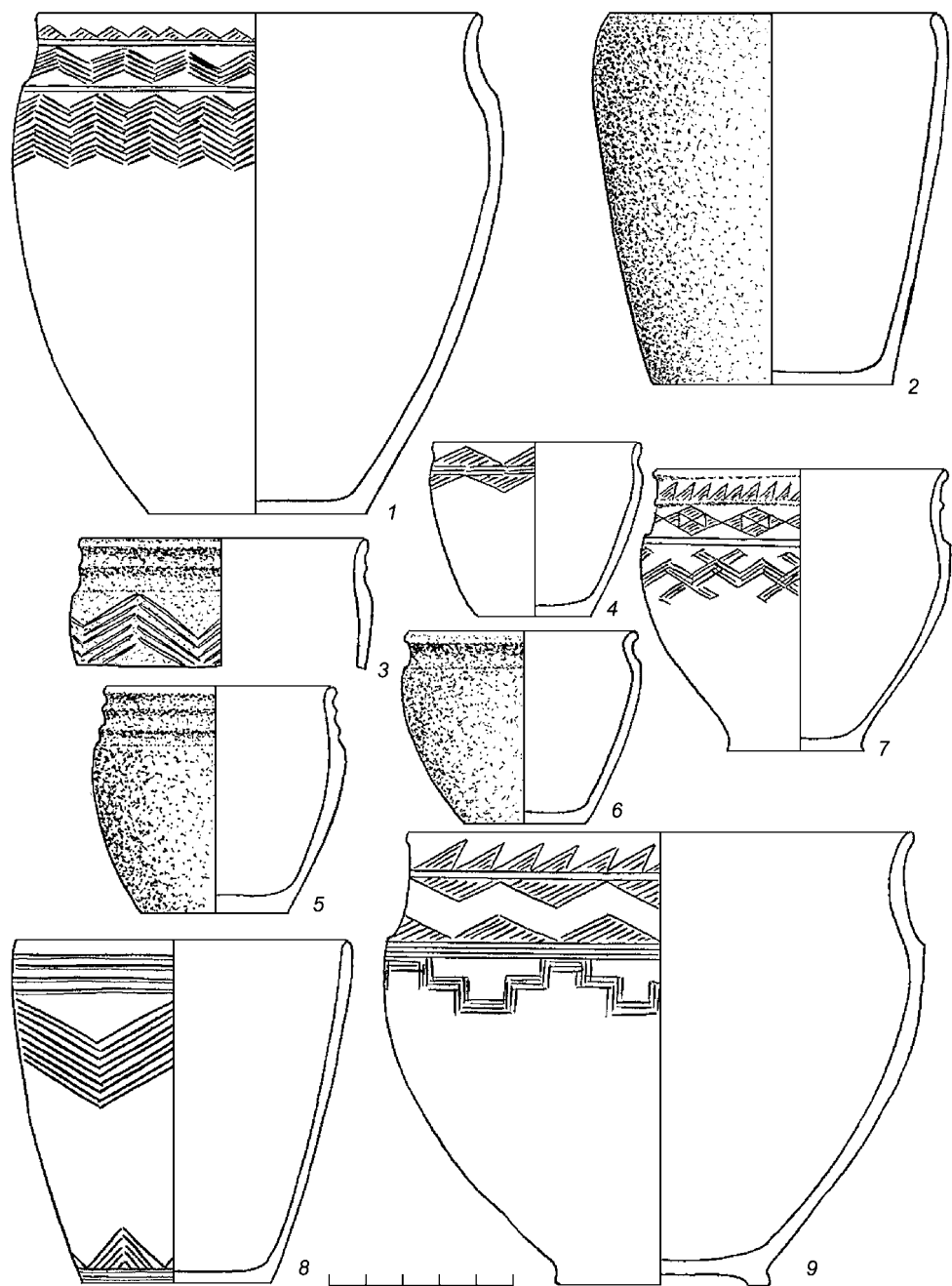

Рис. 12. Могильник Майтан. Ограда 5. Керамика.

1, 7, 9 – ограда А, могила; 2, 4, 8 – ограда Б, могила; 3 – ограда А, жертвенник; 5 – ограда Б, жертвенник; 6 – ограда В, жертвенник

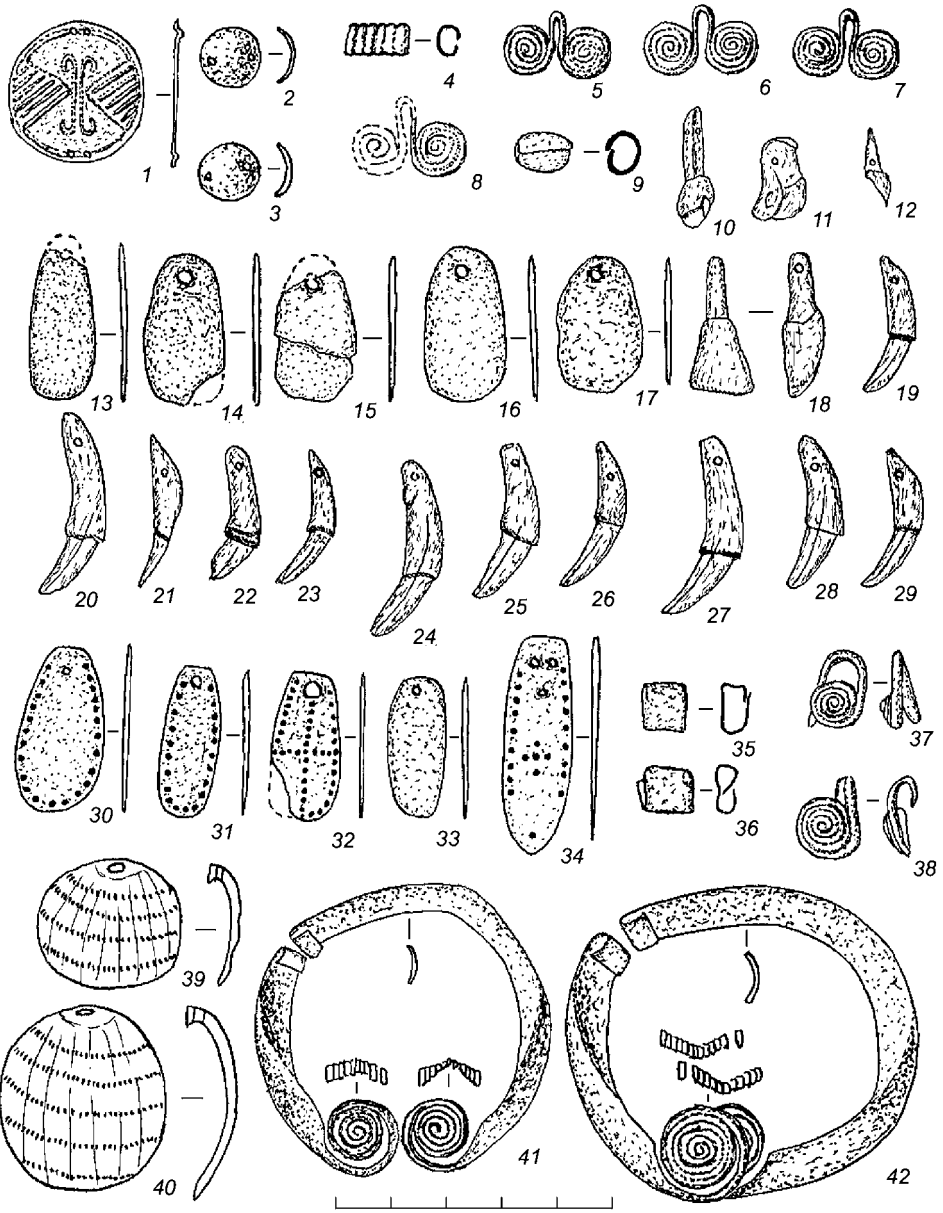

Рис. 13. Могильник Майтан. Ограда 5. Вещевой инвентарь.

1-27 - ограда А, могила; 28-42 - ограда Б, могила.

1-9, 13-17, 30-38, 41, 42 - бронза; 10-12, 18-29 - кость; 39, 40 - раковина

непотревоженной левой руки находились 2 составных желобчатых браслета со спиралевидными окончаниями (рис. 13, 41, 42), под которыми прослеживался коричневый тлен от кожаного подбраслетника шириной около 5 см. У левого плечевого сустава найдено сложносоставное «гремящее» украшение, включающие 5 листовидных подвесок (рис. 13, 30–34), от которых отходили две низки пастовых бусин (в одной 5, во второй 6 изделий), закрепленных между собой двумя бронзовыми обоймами (рис. 13, 35, 36). В области головы найдены две серьгообразных подвески (рис. 13, 37, 38). У западной стенки обнаружено два лежавших на боку сосуда (см. рис. 12, 2, 8), третий стоял у северной стенки близ северо-западного угла (рис. 12, 4).

В придонной потревоженной части ящика найдены подвески из клыков корсака (см. рис. 13, 28, 29) и изделия из пасты: 4 бусины и 7 пронизок – двухсоставные (3 экз.), трехсоставные (3 экз.) и четырехсоставная. Данные изделия входили в состав ожерелья или украшали верхнюю часть женского костюма.

Ограда В – пристроена с северо-восточной стороны к ограде А и с восточной стороны к ограде Б, неправильно-прямоугольной формы, размером 1,75 × 2,0 м (см. рис. 11, 1). В юго-западном углу у плит ограждения обнаружен поминальный комплекс: на материке стоял сосуд (см. рис. 12, 6), восточнее располагался череп овцы, уложенный на левый бок, ориентирован на юго-восток; вдоль основания черепа лежали две конечности мелкого рогатого скота, ориентированные копытами на юго-восток (см. рис. 11, 2). В огражденном пространстве расчищена могила – каменный ящик размером 1,25 × 0,6 м, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. Глубина от уровня материка 0,5 м, от уровня юго-западной стенки – 0,4 м, остальные стенки выше уровня материка: юго-восточная – на 15 см, северо-западная – на 7 см, северо-восточная – на 3 см. Основная часть перекрытия отсутствует, сохранился только обломок плиты размером 0,75 × 0,35 м над восточным сектором. В заполнении встречены 5 неорнаментированных фрагментов керамики (рис. 11, 5).

Курган 6. На современной дневной поверхности прослеживалась каменно-земляная насыпь диаметром 12 м и высотой 0,7 м (см. рис. 4). Погребальную курганную конструкцию эпохи бронзы перекрывало сооружение, содержащее захоронение раннего железного века. Реконструируется определенная последовательность в сооружении кургана эпохи бронзы и кургана раннежелезного времени (рис. 14, 1).

В центр земляной насыпи кургана эпохи бронзы была впущена грунтовая яма овальной формы размером 4,0 × 2,5 × 0,5 м, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад. Наклонные стенки ямы, срезанные от края к центру под углом 45°, обложены по периметру гранитными плитами размером 0,5–0,7 × 0,3–0,5 м. В центре углубления дополнительно вырыта узкая грунтовая яма прямоугольной формы размером 2,1 × 0,4 × 0,2 м, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад. Яму с умершим перекрыли тремя крупными гранитными плитами: восточная размером 1,2 × 0,38 м, центральная – 1,2 × 0,7 м; западная – 1,4 × 1,1 м; толщина плит 0,2–0,25 м. Края плит перекрытия опирались на наклонно уложенные плиты облицовки наклонных стенок. После совершения захоронения вводное погребение засыпали слоем ломаного камня мощностью 0,1–0,3 м, перекрывшим не только захоронение

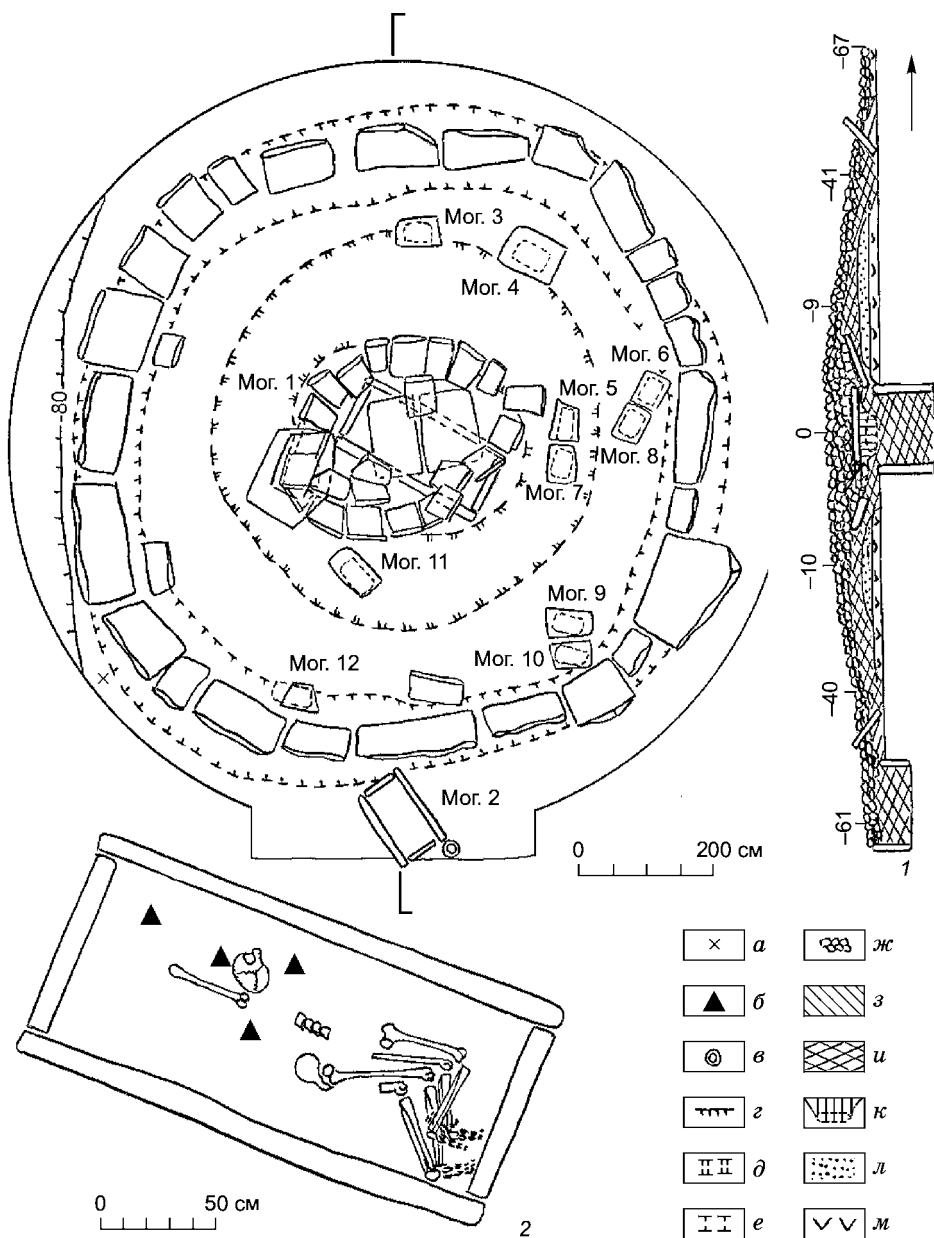

Рис. 14. Могильник Майтан. Курган 6.

1 – план и разрез раскопа; 2 – план могилы 1.

a – нуклеус; *б* – фрагмент керамики; *в* – сосуд; *г* – край ровика; *д* – границы выкида; *е* – границы удаленной погребенной почвы; *ж* – щебень; *з* – темно-коричневый суглинок; *и* – коричневый суглинок; *к* – черная супесь и уровень вводного погребения раннего железного века; *л* – выкид; *м* – погребенная почва

раннего железного века, но и курган эпохи бронзы. Погребение нарушено. В процессе ограбления плита, перекрывавшая юго-западный сектор захоронения, была приподнята и сдвинута в западный сектор кургана. В заполнении погребальной камеры встречен обломок нижней челюсти человека, фрагмент каменного жертвенника (рис. 15, 4) и обломки сосуда, украшенного крупными выдавленными изнутри «жемчужинами» (рис. 15, 2). В восточной части ямы под плитой перекрытия в непотревоженном состоянии зафиксированы кости голени и стоп, принадлежащие мужчине в возрасте 30–40 лет. Он был уложен на спину в вытянутом положении головой на запад-юго-запад (рис. 15, 1).

Курган эпохи бронзы диаметром 12 м, высотой 0,5 м. После удаления насыпи, сложенной коричневым суглинком, выявлена ограда из наклонно поставленных гранитных плит диаметром 10 м. Прослежены следующие своеобразные элементы погребального обряда. Перед захоронением на предварительно размеченной поверхности была снята до материка верхняя часть грунта (дерн и коричневый гумусированный суглинок) и оформлена кольцевая канавка неправильно-округлой формы шириной 0,9–1,5 м. Внешний диаметр канавки 10,7–10,9 м, внутренний – 8,2–8,6 м. Снаружи вдоль канавки отсыпали кольцевой бруствер из срезанного грунта шириной до 0,7–0,9 м и высотой 20–30 см. На бруствер аккуратно уложили гранитные плиты под углом 45° по отношению к материковой поверхности, образовавшие ограду диаметром по внешнему краю около 10 м, по внутреннему – до 9 м. В центре огражденного пространства выкопали могильную яму. Выкид, размещенный вокруг ямы на расстоянии 20–50 см от края, образует кольцевую конструкцию, имеющую внешний диаметр 5,6 м, внутренний 3,4 м, высоту до 0,15 м. В яму впустили каменный ящик и после захоронения центральную могилу и ограду перекрыли глинистой насыпью.

Вокруг кургана на современной дневной поверхности очертаний ровика не прослежено, но за оградой в западном секторе частично исследован участок ямы, откуда могли брать грунт для насыпи. За пределами оградки с юго-западной стороны на уровне материка обнаружен нуклеус из коричневого кремня (рис. 15, 3), свидетельствующий о том, что данный участок урочища посещался людьми и в эпоху неолита. В процессе изучения насыпи в северном, южном и восточном секторах кургана выявлено 10 впускных грунтовых ям, содержащих захоронения младенцев (см. рис. 14, 1; 16). Наиболее поздней погребальной конструкцией является небольшой каменный ящик, расположенный за пределами ограды с южной стороны, причем его стенки прорезают и начавшую оплывать насыпь кургана.

Могилы 1 – расположена в центре огражденной площадки, каменный ящик размером 2,3 × 1,1 × 0,8 м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Северо-западный угол перекрыт плитой размером 0,75 × 0,6 м; восточная часть – заставшими вовнутрь плитами размером 1,5 × 1,05 и 0,6 × 0,9 м (см. рис. 14, 1, 2). В заполнении встречены обломки сосудов (рис. 17, 1, 2) и разрозненные кости двух человеческих скелетов. Изучено частично сохранившееся парное погребение. Обнаружены останки мужчины в возрасте 50–60 лет, лежавшего вдоль южной стенки: непотревоженные кости левой части таза и левой ноги, часть берцовой кости, голень и стопа правой ноги. Мужчина лежал

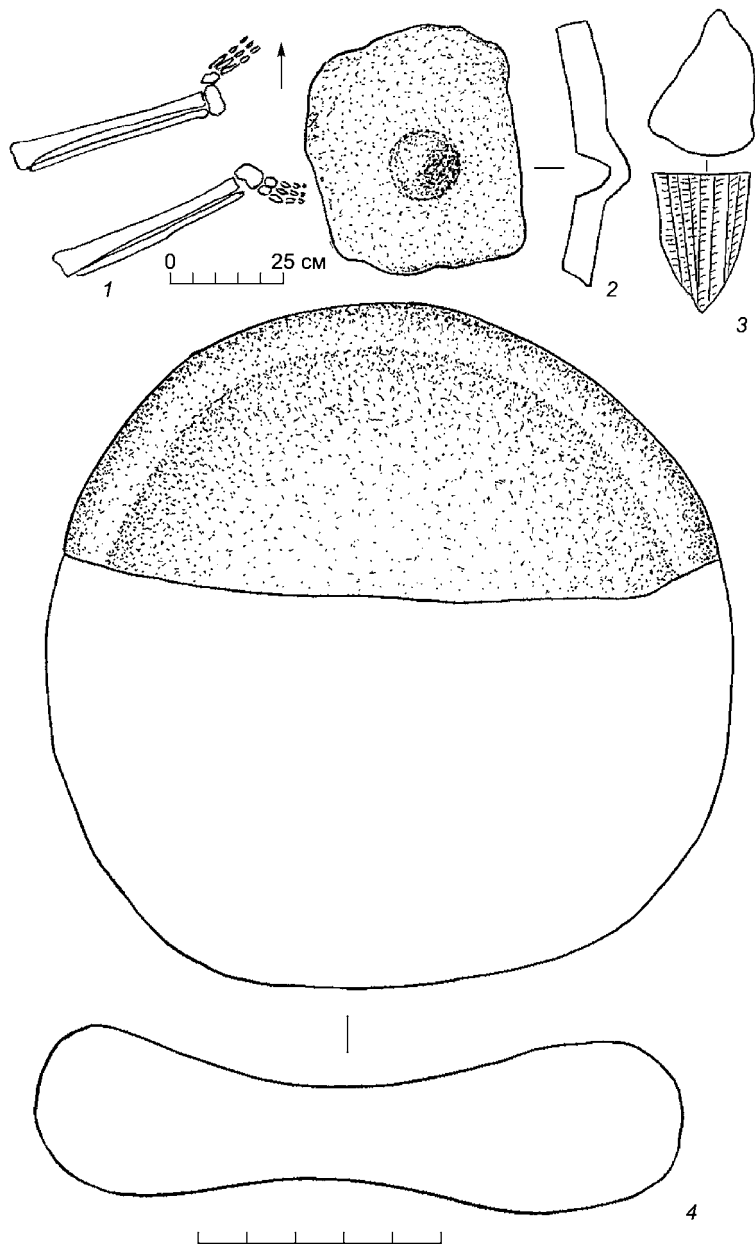

Рис. 15. Могильник Майтан. Курган 6. Инокультурные комплексы.

1 – сохранившаяся часть вводного погребения раннего железного века;
 2 – фрагмент керамики из вводного погребения раннего железного века;
 3 – нуклеус (юго-западный сектор); 4 – обломок жертвенника из погребения раннего железного века.

2 – глина; 3, 4 – камень

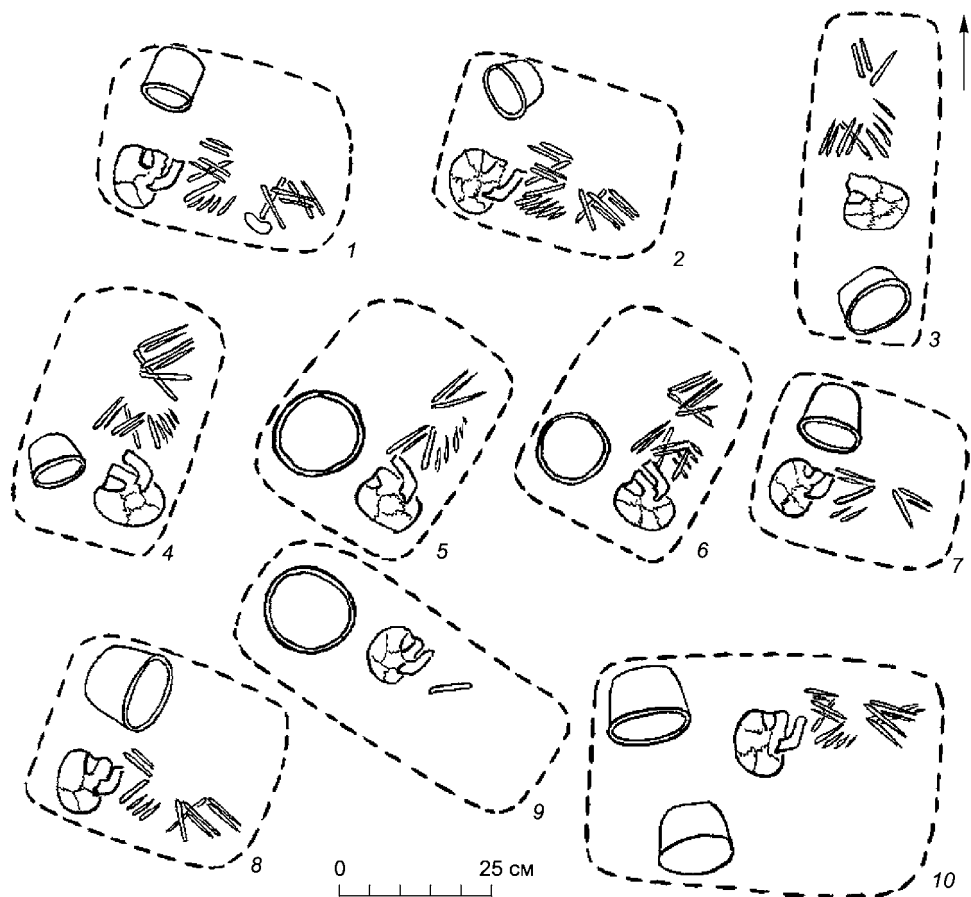

Рис. 16. Могильник Майтан. Курган 6. Вводные детские погребения.

1 – могила 3; 2 – могила 4; 3 – могила 5; 4 – могила 6; 5 – могила 7; 6 – могила 8; 7 – могила 9; 8 – могила 10; 9 – могила 11; 10 – могила 12

на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Кости женского скелета располагались вдоль северной стенки, перекрывая кости мужчины: в неповрежденном состоянии зафиксированы 5 позвонков поясничного отдела и кости ног. Взрослая женщина лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. На лодыжках ног женщины обнаружено по низке бронзовых бусин: на правой – 42, на левой – 41 изделие.

Могила 2 – расположена за оградой с южной стороны (см. рис. 14, 1). Каменный ящик размером $1,2 \times 0,7 \times 0,4$ м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. В заполнении встречены кости скелета ребенка в возрасте 4–6 лет и обломки сосуда (см. рис. 17, 15). У юго-восточного угла ящика находился стоящий на материке поминальный сосуд, установленный вверх дном (рис. 17, 13).

В насыпи кургана эпохи бронзы выявлено 10 вводных захоронений младенцев до 1 года. Размеры грунтовых ям проследить не удалось, глубина за-

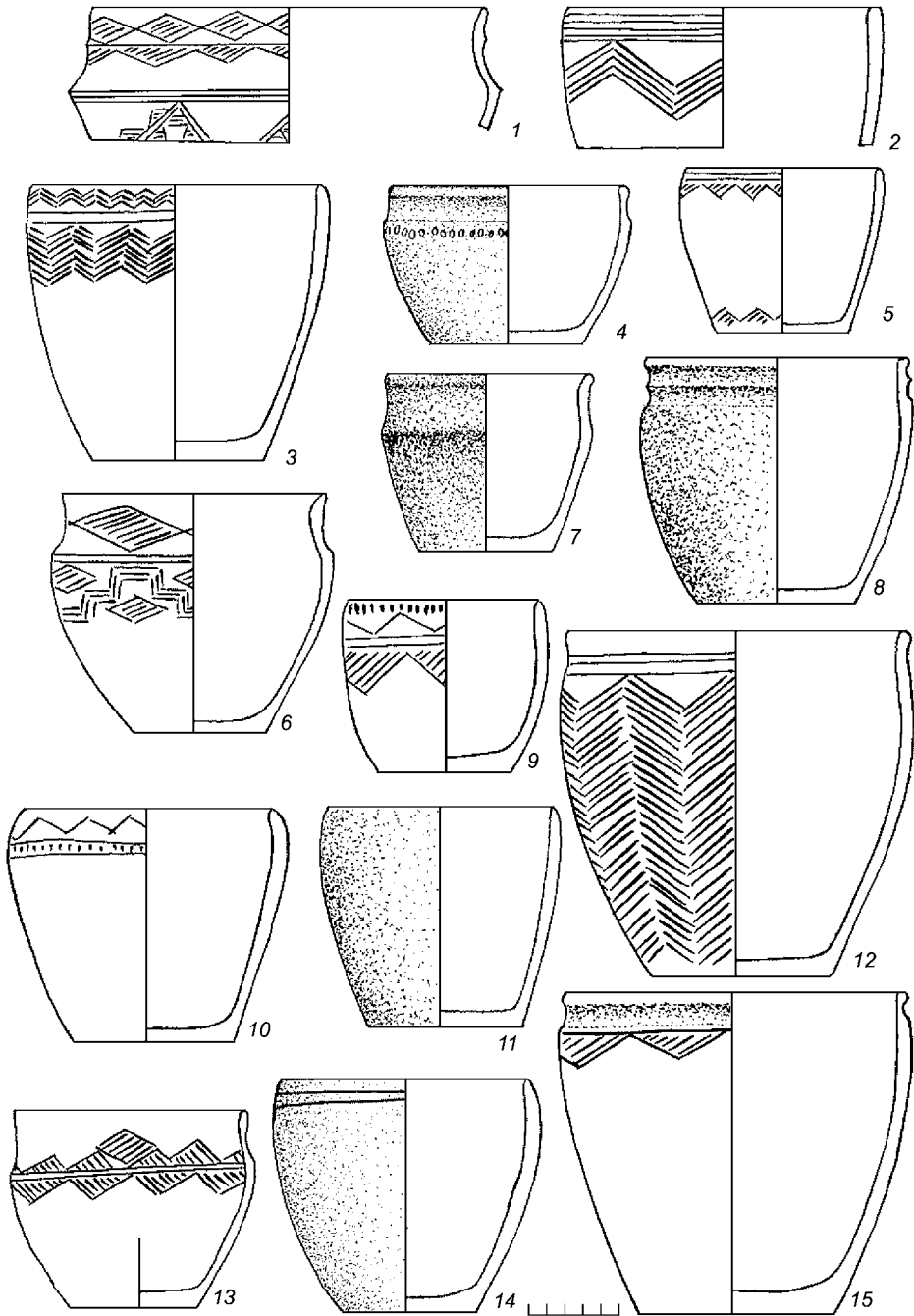

Рис. 17. Могильник Майтан. Курган 6. Керамика.

1, 2 – могила 1; 3 – могила 4; 4 – могила 5; 5 – могила 6; 6 – могила 7; 7 – могила 8; 8 – могила 9; 9 – могила 3; 10 – могила 11; 11, 14 – могила 12; 12 – могила 10; 13 – жертвенник у могилы 2; 15 – могила 2

легания костяков 30–40 см от уровня современной дневной поверхности или 20–30 см от уровня дневной поверхности кургана эпохи бронзы.

Могила 3 – находилась в северном секторе кургана (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,5 \times 0,35$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад (см. рис. 16, 1). Перед лицом на боку лежал сосуд (см. рис. 17, 9).

Могила 4 – находилась в северо-восточном секторе кургана (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,9 \times 0,7$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад (см. рис. 16, 2). Перед лицом на боку лежал сосуд (см. рис. 17, 3).

Могила 5 – находилась в восточном секторе кургана (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,5 \times 0,4$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юг (см. рис. 16, 3). В изголовье стоял сосуд (см. рис. 17, 4).

Могила 6 – находилась у плит ограждения, в восточном секторе кургана (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,4 \times 0,4$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад (см. рис. 16, 4). Перед лицом на боку лежал сосуд (см. рис. 17, 5).

Могила 7 – находилась в восточном секторе кургана, южнее могилы 5 (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,4 \times 0,35$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад (см. рис. 16, 5). Перед лицом стоял сосуд (см. рис. 17, 6).

Могила 8 – находилась в восточном секторе кургана, юго-западнее могилы 6 (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,5 \times 0,4$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад (см. рис. 16, 6). Перед лицом стоял сосуд (см. рис. 17, 7).

Могила 9 – находилась в юго-восточном секторе кургана (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,6 \times 0,5$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад (см. рис. 16, 7). Перед лицом на боку лежал сосуд (см. рис. 17, 8).

Могила 10 – находилась в юго-восточном секторе кургана южнее могилы 9, у плит ограждения (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,5 \times 0,4$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад (см. рис. 16, 8). Перед лицом на боку лежал сосуд (см. рис. 17, 12).

Могила 11 – находилась в южном секторе кургана (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,7 \times 0,4$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад (см. рис. 16, 9). В изголовье стоял сосуд (см. рис. 17, 10).

Могила 12 – находилась в юго-западном секторе кургана у плит ограждения (см. рис. 14, 1). Костяк ребенка, перекрытый плитой размером $0,4 \times 0,3$ м, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад (см. рис. 16, 10). В изголовье на боку лежали два сосуда (см. рис. 17, 11, 14).

Ограда 7. Сложная погребальная конструкция из 6 пристроенных друг к другу надмогильных сооружений (см. рис. 4; 18, 1).

Ограда А – основная – наполовину разрушена оврагом, реконструируемый диаметр около 4 м. В восточной части у плит ограждения находился жертвен-

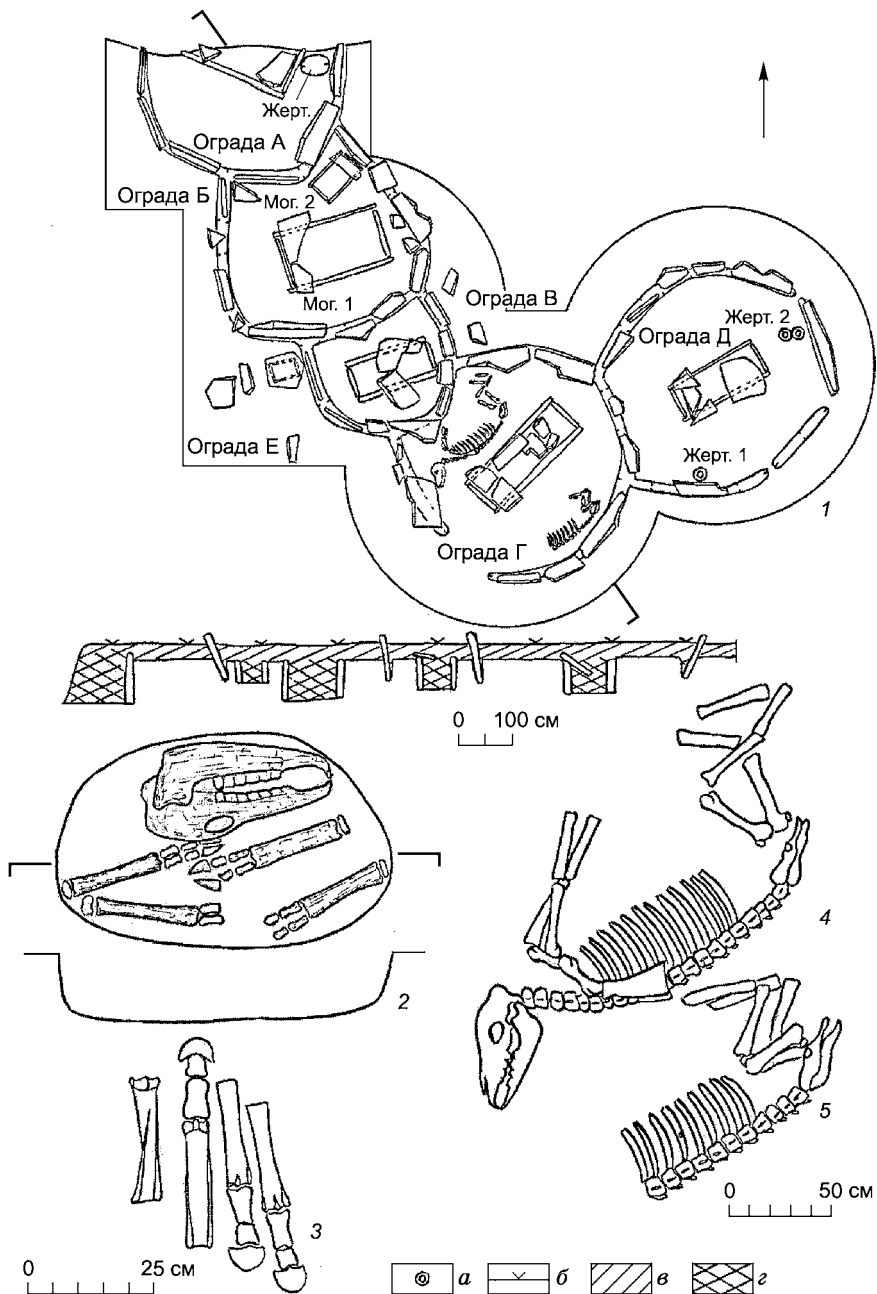

Рис. 18. Могильник Майтан. Ограда 7.

1 – план и разрез раскопа; 2 – план и разрез жертвенника в ограде А; 3 – план поминального комплекса в могиле ограды Г; 4 – захоронение лошади, уложенной вдоль северной стенки могилы ограды Г; 5 – захоронение лошади, уложенной вдоль южной стенки могилы ограды Г.

a – поминальный сосуд; *б* – дерн; *в* – коричневый гумусированный суглинок; *г* – коричневый суглинок

ник – овальная ямка размером $0,7 \times 0,45 \times 0,12$ м, ориентированная по линии запад – восток (рис. 18, 1). У северной стенки ямы находился череп крупного рогатого скота, уложенный на правую сторону, ориентирован на восток. В южной половине ямы расчищены четыре нижние конечности крупного рогатого скота, уложенные попарно копытами друг к другу; одна пара имеет восточную ориентацию, вторая – западную (рис. 18, 2).

В центре огражденного пространства находилась частично сохранившаяся грунтовая яма прямоугольной формы, ее реконструируемые размеры $1,8 \times 1,1 \times 0,85$ м. В яму впущен частично сохранившийся каменный ящик, реконструируемые размеры которого $1,8 \times 1,1 \times 0,6$ м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Сохранившаяся юго-восточная стенка выше юго-восточной на 15 см. Восточная часть ящика перекрыта запавшей вовнутрь плитой размером $0,85 \times 0,45$ м. У восточной стенки ящика обнаружены непотревоженные кости левой стопы взрослого человека, вокруг которых найдены 34 бронзовые бусины (рис. 19, 1). Судя по расположению костей, погребенная женщина (?) лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. На дне оврага при разборке обвалившейся части могилы обнаружены обломки двух сосудов (рис. 20, 9, 15), стоявших, вероятно, вдоль западной торцевой стенки.

Ограда Б – пристроена с юго-восточной стороны к ограде А. Овальной формы, размером $4,0 \times 3,0$ м. В огражденном пространстве изучено 2 могилы (см. рис. 18, 1).

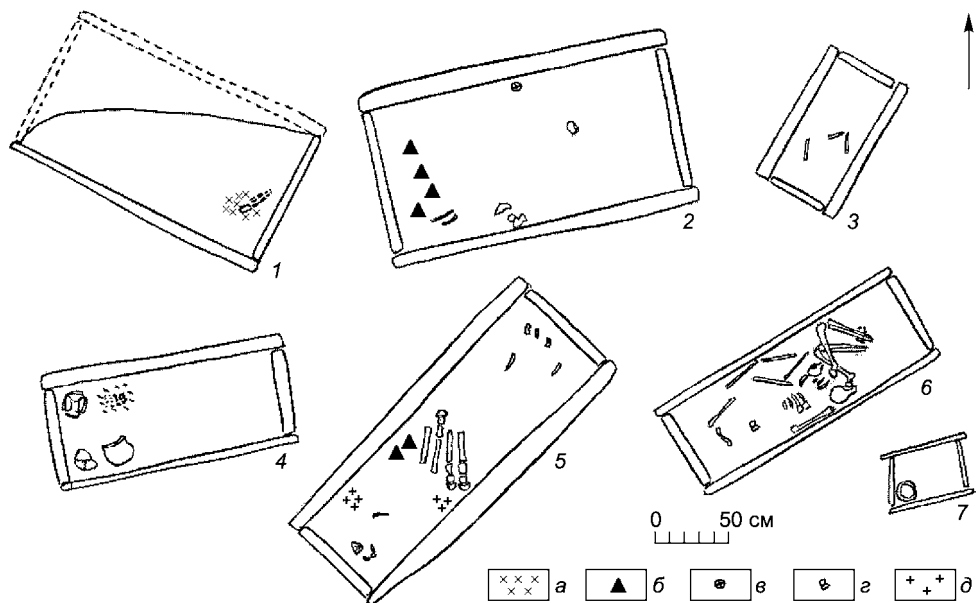

Рис. 19. Могильник Майтан. Ограда 7. Планы захоронений.

1 – ограда А; 2 – ограда Б, могила 1; 3 – ограда Б, могила 2; 4 – ограда В; 5 – ограда Г; 6 – ограда Г; 7 – ограда Е.

а – бронзовые бусы; б – фрагмент керамики; в – бронзовая бляшка; з – подвеска в полтора оборота; д – древесные угольки

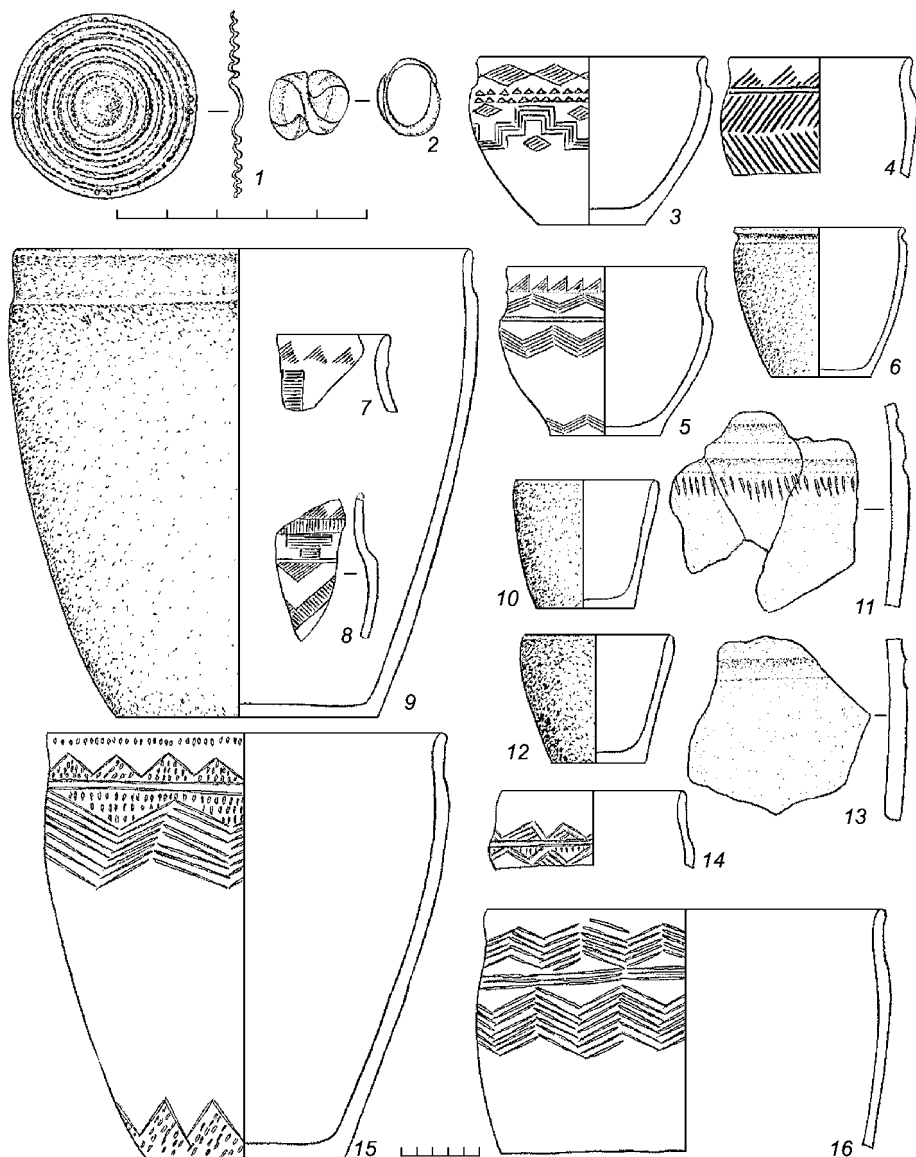

Рис. 20. Могильник Майтан. Ограда 7. Вещевой инвентарь.

1, 14, 16 – ограда Б, могила 1; 2 – ограда Д, могила; 3, 4 – ограда В, могила; 5 – ограда Е, могила; 6 – ограда Д, жертвенник 1; 7, 8 – ограда Г, могила; 9, 15 – ограда А, могила; 10 – ограда Д, жертвенник 2, сосуд 1; 11 – ограда Д, жертвенник 2, крышка сосуда 1; 12 – ограда Д, жертвенник 2, сосуд 2; 13 – ограда Д, жертвенник 2, крышка сосуда 2.
 1 – бронза; 2 – бронза – золото; 3–16 – глина

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства. Каменный ящик размером $2,05 \times 1,2 \times 0,65$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Торцевые плиты выше продольных: западная на 15 см, восточная на 10 см. Западная часть перекрыта обломками плиты размером $0,3 \times 0,5$ и $0,55 \times 0,7$ м (см. рис. 19, 2). В заполнении встречены мелкие раздробленные кости человеческого скелета, обломки двух сосудов (см. рис. 20, 14, 16), бронзовая бляшка (рис. 20, 1), 3 бронзовые и 2 пастовые бусины.

Могила 2 – расположена в северной части оградки. Каменный ящик размером $1,0 \times 0,6 \times 0,45$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 18, 1). Торцевые плиты выше продольных: западная на 10 см, восточная на 5 см. Северо-восточный сектор перекрыт плитой размером $0,6 \times 0,2$ м. В заполнении встречены трубчатые кости скелета ребенка (см. рис. 19, 3).

Ограда В – пристроена к ограде Б с юго-восточной стороны. Овальной формы, размером $2,75 \times 2,0$ м (см. рис. 18, 1). В огражденном пространстве находится могила – каменный ящик трапециевидной формы размером $1,6 \times 0,75-0,8$ м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Вдоль длинных стенок ящика прослежены материковые уступчики высотой 15 см; ширина уступчика вдоль северной стенки 12 см, вдоль южной – 37 см. Западная торцевая плита выше восточной на 10 см и выше продольных на 15 см. Глубина могилы от уровня материка 0,75 м, от уровня продольных плит 0,6 м. Центральная часть ящика перекрыта разбитыми обломками плит размером $0,2-0,55 \times 0,25-0,7$ м. После захоронения ящик плотно закрыли – верхний срез плит перекрытия совпадал с уровнем материка. На дне ящика в юго-западном углу обнаружены обломки черепа человека (см. рис. 19, 4), рядом с которым лежала на боку половина сосуда (см. рис. 20, 3), обломки второго сосуда найдены в северо-западном углу (рис. 20, 4). У северной стенки, в западной половине могилы, расчищена nepотревоженная кисть левой руки человека. Расположение костей позволяет предполагать, что погребенный был уложен на левый бок в скорченном положении, головой на юго-запад. Под костями руки прослежен участок дна размером 22×18 см, покрытый тленом от подстилки буро-фиолетового цвета мощностью 5–6 мм.

Ограда Г – пристроена к ограде В с юго-восточной стороны. Овальной формы, размером $4,0 \times 3,75$ м (см. рис. 18, 1). В юго-западном секторе ограждения прослеживался преднамеренно оставленный проход шириной до 1 м. В центре огражденной площадки находилась могила – каменный ящик размером $2,2 \times 0,95$ м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Глубина могилы от уровня материка 0,65 м, от уровня продольных плит 0,6 м. Торцевые плиты выше продольных: северная на 10 см, южная на 25 см. Ящик перекрыт разбитыми обломками плит размером $0,2-0,6 \times 0,35-0,8$ м. В центре ящика на глубине 35 см от уровня материка обнаружены в анатомическом порядке четыре нижние конечности лошади, уложенные попарно по диагонали ящика, две ориентированы копытами на юг и две на север (рис. 18, 3; 19, 5). Можно предположить, что ноги лошади помещены в могилу после ритуального ограбления – в придонной части под костями ног лошади найдены мелкие раздробленные кости человеческого скелета, обломки бронзового желобчатого браслета со спиралевидным окончанием, фрагменты двух сосудов (см. рис. 20, 7, 8) и два небольших скопления древесных угольков.

Вдоль длинных сторон ящика обнаружено два лошадиных костяка. Один, сохранившийся полностью, лежал на уровне материка, вдоль северной продольной стенки ящика, с общей ориентацией по линии северо-восток – юго-запад, на левом боку, со слабо согнутыми задними и подогнутыми к животу передними конечностями, направленными на северо-запад; череп вывернут и уложен на правую сторону с ориентацией на юг к выходу из ограды (см. рис. 18, 1, 4). От второго частично сохранилась задняя половина, лежавшая вдоль южной продольной стенки ящика, с общей ориентацией по линии северо-восток – юго-запад; лошадь была уложена на левый бок с подогнутыми задними ногами, направленными на северо-запад (рис. 18, 1, 5).

Ограда Д – пристроена к ограде Г с северо-восточной стороны, диаметром около 4,0 м. В огражденном пространстве обнаружены 2 поминальных комплекса и могила (см. рис. 18, 1).

Жертвенник 1 – расположен у южных плит ограждения. Овальная ямка размером $0,25 \times 0,3 \times 0,1$ м ориентирована по линии запад – восток. В центре ямы стоял сосуд (рис. 18, 1; 20, 6).

Жертвенник 2 – расположен у северо-восточных плит ограждения. Овальная ямка размером $0,35 \times 0,25 \times 0,1$ м ориентирована по линии запад – восток (см. рис. 18, 1). В ямке обнаружено два сосуда, закрытых керамическими крышками: один стоял у западной стенки (см. рис. 20, 10, 11), второй у восточной (рис. 20, 12, 13).

Могила – расположена в центре огражденной площадки. Каменный ящик размером $1,8 \times 0,7$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 18, 1). Глубина могилы от уровня материка 0,7 м: западная торцевая стенка возвышалась над уровнем материка на 15 см; южная продольная и восточная торцевая стенки расположены на уровне материка; северная продольная стенка фиксировалась на 3 см ниже уровня материка. Западный и восточный сектора ящика перекрыты обломками гранитных плит размером $0,9 \times 0,7$; $0,3 \times 0,5$; $0,55 \times 0,3$; $0,4 \times 0,4$ м. В заполнении встречены разрозненные кости скелета взрослой женщины и бронзовая подвеска в полтора оборота (см. рис. 20, 2). На дне в непотревоженном состоянии расчищены кости правой ноги, левая кость таза и кости левой ноги, ступни отсутствовали. Женщина лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Вокруг правой лодыжки обнаружена низка из 13 бронзовых бусин (см. рис. 19, 6).

Ограда Е – пристроена к южной стороне ограды Б и к западному сектору ограды В. Сохранилась в виде отдельных разбросанных плит, реконструируемые размеры $1,25 \times 1,5$ м (см. рис. 18, 1). В огражденном пространстве расположена могила в виде каменного ящика, сооруженного из гранитных плит толщиной 5–6 см, размером $0,6 \times 0,4 \times 0,3$ м, ориентированного по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад, перекрытого плитой размером $0,65 \times 0,5$ м. Торцевые плиты слегка запади вовнутрь (см. рис. 19, 7). В юго-западном углу ящика стоял сосуд (см. рис. 20, 5). Останков погребенного не обнаружено. Особенности местоположения сосуда в могиле позволяют предполагать два варианта размещения умершего младенца: на левом боку, с сосудом, установленным за головой, или на правом боку, с сосудом, установленным перед лицом.

Ограда 8. Погребальная конструкция с тремя пристройками, частично разрушенная оврагом (см. рис. 4; 21, 1).

Ограда А – основная – овальной формы, размером $7,0 \times 5,5$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В северо-восточном секторе ограждения прослеживался преднамеренно оставленный проход шириной 1,65 м. В исследованном пространстве обнаружено 4 поминальных комплекса и 3 могилы.

Жертвенник 1 – расположен у южной стенки могилы 3. Овальная ямка размером $0,35 \times 0,23 \times 0,15$ м ориентирована по линии запад – восток, с небольшим отклонением к югу (рис. 21, 1). На дне обнаружен лежащий на боку сосуд (рис. 22, 1; 23, 1) и 3 конечности крупного рогатого скота. Судя по расположению костей животных, часть из них первоначально была помещена вовнутрь сосуда.

Жертвенник 2 – расположен у юго-западных плит ограждения. Ямка неправильно-овальной формы, размером $0,4 \times 0,3 \times 0,09$ м, ориентирована по линии запад – восток (см. рис. 21, 1; 22, 2). В западной половине обнаружен лежащий на боку сосуд (рис. 23, 2), рядом с ним найдена крышка из обломка крупного сосуда (рис. 23, 13).

Жертвенник 3 – расположен у юго-восточных плит ограждения. Округлая ямка диаметром 0,24 м, глубиной 0,12 м (см. рис. 21, 1; 22, 3), закрытая каменной плиткой размером $0,4 \times 0,3$ м. На дне обнаружен лежащий на боку сосуд (см. рис. 23, 3), внутри которого найдены фрагменты крышки из обломка более крупного сосуда (рис. 23, 4).

Жертвенник 4 – расположен у южной продольной стенки могилы 1. Лежащий на уровне материка череп крупного рогатого скота, уложенный на левую сторону, с общей ориентацией на восток (см. рис. 21, 1; 22, 5).

Могила 1 – расположена в северо-восточном секторе ограды. Каменный ящик трапецевидной формы: длина 2,1 м, ширина западной торцевой стенки 1 м, восточной – 0,7 м, глубина 0,7 м, ориентирован по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Западная торцевая плита выше восточной на 5 см и выше продольных на 15 см. Плиты перекрытия разбиты и сдвинуты. Непотронутой сохранилась центральная плита перекрытия размером $1,25 \times 0,6$ м (см. рис. 21, 1, 2). В заполнении встречены кость длинной конечности крупного рогатого скота и разрозненные кости трех человеческих скелетов: взрослой женщины, мужчины в возрасте около 18 лет и женщины в возрасте около 18 лет. Вещевой инвентарь представлен обломками пяти сосудов (см. рис. 23, 6–10), бронзовыми орнаментированными бляшками (рис. 24, 2, 3, 8, 9), пронизками (рис. 24, 13, 14), лапчатой (рис. 24, 7) и листовидными (рис. 24, 4–6) подвесками, костяной орнаментированной трубочкой, вырезанной из метатарзальной кости волка или собаки (рис. 24, 10), подвесками из клыка (рис. 24, 18) и второй фаланги лисицы (рис. 24, 19), бронзовой бочонковидной бусиной (рис. 24, 17), восьмью бронзовыми и тремя пастовыми бусинами и одной трехсоставной пастовой пронизкой.

Могила 2 – расположена в южной части ограды. Каменный ящик размером $2,3 \times 0,9 \times 0,75$ м ориентирован по линии запад – восток. Продольные плиты ниже уровня материка на 10 см, восточная торцевая плита расположена на

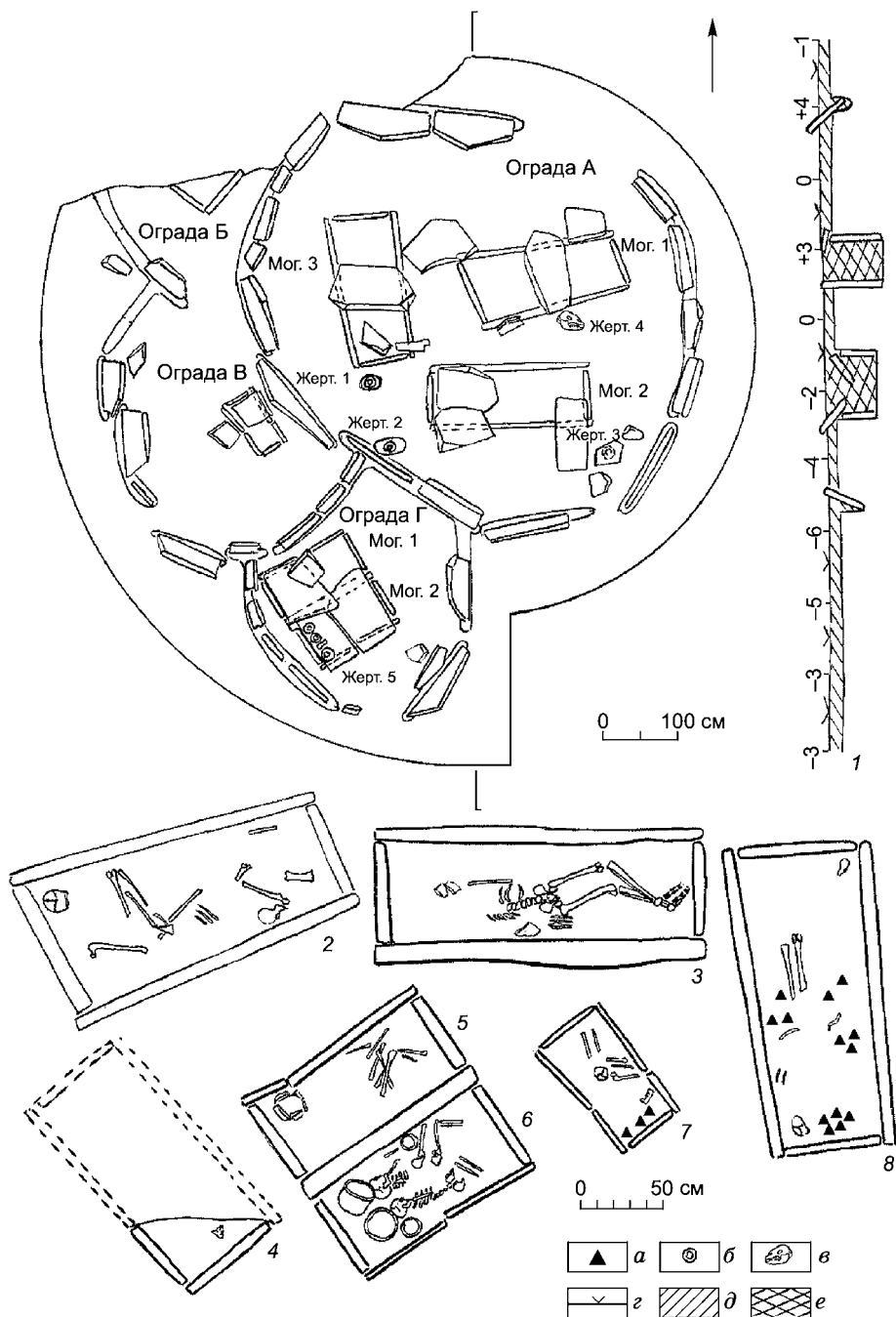

Рис. 21. Могильник Майтан. Ограда 8.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, могила 1; 3 – ограда А, могила 2; 4 – ограда Б, могила; 5, 6 – ограда Г, могила 1-2; 7 – ограда В, могила; 8 – ограда А, могила 3.

а – фрагмент керамики; б – череп животного; в – череп животного; г – дерн; д – коричневый гумусированный суглинок; е – коричневый суглинок

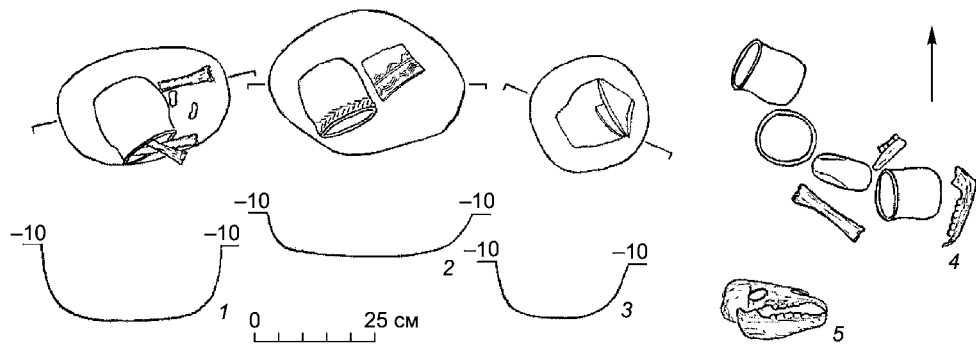

Рис. 22. Могильник Майтан. Ограда 8. Планы и разрезы поминальных комплексов.

1 – ограда А, жертвенник 1; 2 – ограда А, жертвенник 2; 3 – ограда А, жертвенник 3; 4 – ограда Г, жертвенник 5; 5 – ограда А, жертвенник 4

уровне материка, западная возвышается над материком на 10 см. Западная и восточная части ящика перекрыты обломками плит размером 0,4–0,6 × 0,65–1,1 м (рис. 21, 1, 3). В заполнении встречены кости скелета взрослого нестарого мужчины, обломки двух сосудов (см. рис. 23, 5, 12), обломок пряжки, вырезанной из рога лося или марала (см. рис. 24, 24), и пряжка из раковины (рис. 24, 20). В неповрежденном состоянии зафиксированы часть грудной клетки и позвоночного столба, кости таза и ног. Погребенный мужчина лежал на левом боку, в слабоскорченном положении, головой на запад. За тазовыми костями вдоль южной стенки лежал колчан, включающий один бронзовый (рис. 24, 34) и 9 костяных (рис. 24, 26, 27, 35–41) наконечников стрел. На дне в неповрежденной части могилы прослеживалась подсыпка мелкого желтого песка, перекрывающая глиняное дно на 3–4 см.

Могила 3 – расположена в западной части ограды. Каменный ящик трапезиевидной формы размером 2,2 × 0,85–0,7 × 0,6 м. Южная торцевая плита выше северной на 5 см и выше продольных на 15 см. Центральная и южная части ящика перекрыты обломками каменных плит размером 1,1 × 0,6, 0,15 × 0,4, 0,25 × 0,55 м (см. рис. 21, 1, 8). В заполнении встречены кости двух скелетов – взрослого мужчины и взрослой женщины, обломки пяти сосудов (рис. 25, 3, 4, 7, 8, 13), бронзовая подвеска в полтора оборота (см. рис. 24, 11), подвеска из клыка собаки (рис. 24, 12), две бронзовые пронизки (рис. 24, 15, 16), 29 бронзовых и 8 пастовых бус, а также небольшая сильно коррозированная бронзовая пластинка, вероятно, обломок листовидной подвески.

Ограда Б – пристроена к ограде А с северо-западной стороны, почти полностью разрушена оврагом, размеры сохранившейся части 2,0 × 1,5 м. Разрушенная могила, вероятно, располагалась в центре пристройки и представляла собой каменный ящик, от которого сохранилась юго-восточная торцевая и часть юго-западной продольной стенки. Реконструируемые размеры ящика 1,7 × 0,75 м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток, глубина ямы 0,75 м. Торцевая стенка ниже уровня материка на 15 см, продольная на 20 см. Перекрыта обломками плит размером 0,5 × 0,2 и 0,55 × 0,3 м. В запол-

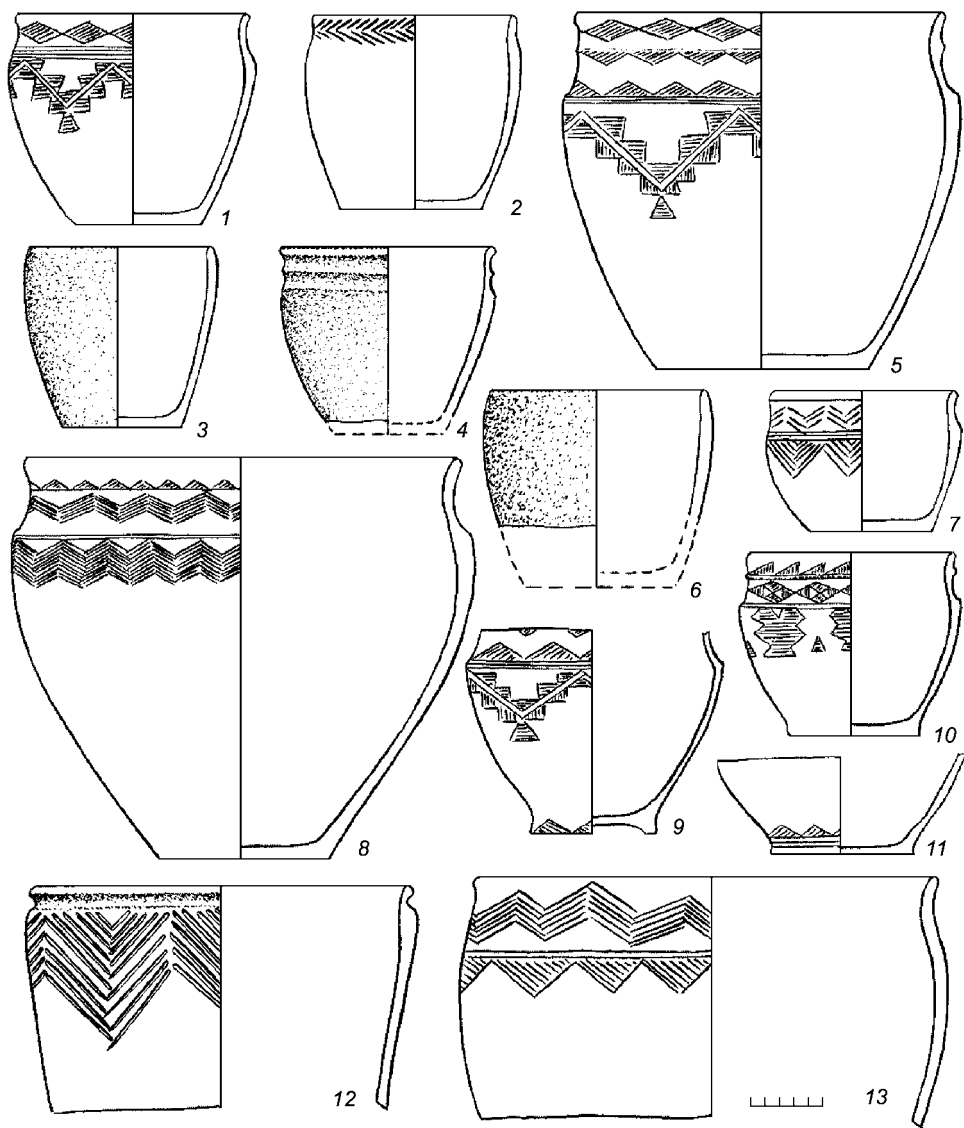

Рис. 23. Могильник Майтан. Ограда 8. Керамика.

1 – ограда А, жертвенник 1; 2 – ограда А, жертвенник 2; 3 – ограда А, жертвенник 3; 4 – ограда А, жертвенник 3, крышка сосуда; 5, 12 – ограда А, могила 2; 6–10 – ограда А, могила 1; 11 – ограда Б, могила; 13 – ограда А, жертвенник 2, крышка сосуда

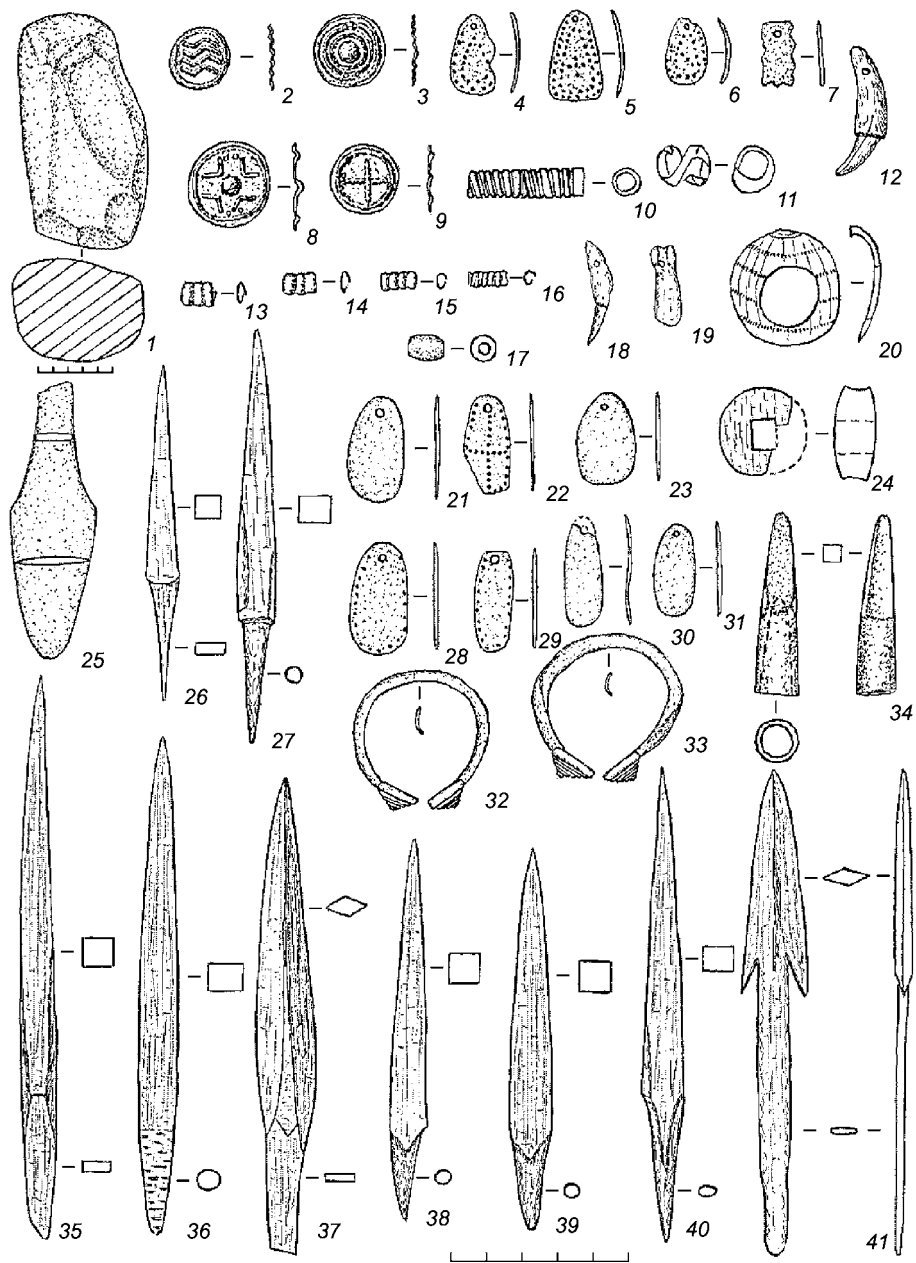

Рис. 24. Могильник Майтан. Ограда 8. Вещевой инвентарь.

1 – ограда Г, жертвенник 5; 2–10, 13, 14, 17–19 – ограда А, могила 1; 11, 12, 15, 16 – ограда А, могила 3; 20, 24, 26, 27, 34–41 – ограда А, могила 2; 21–23, 25, 28–33 – ограда Б, могила.

1 – камень; 2–9, 11, 13–17, 21–23, 25, 28–34 – бронза; 10, 12, 18, 19, 24, 26, 27, 35–41 – кость; 20 – раковина

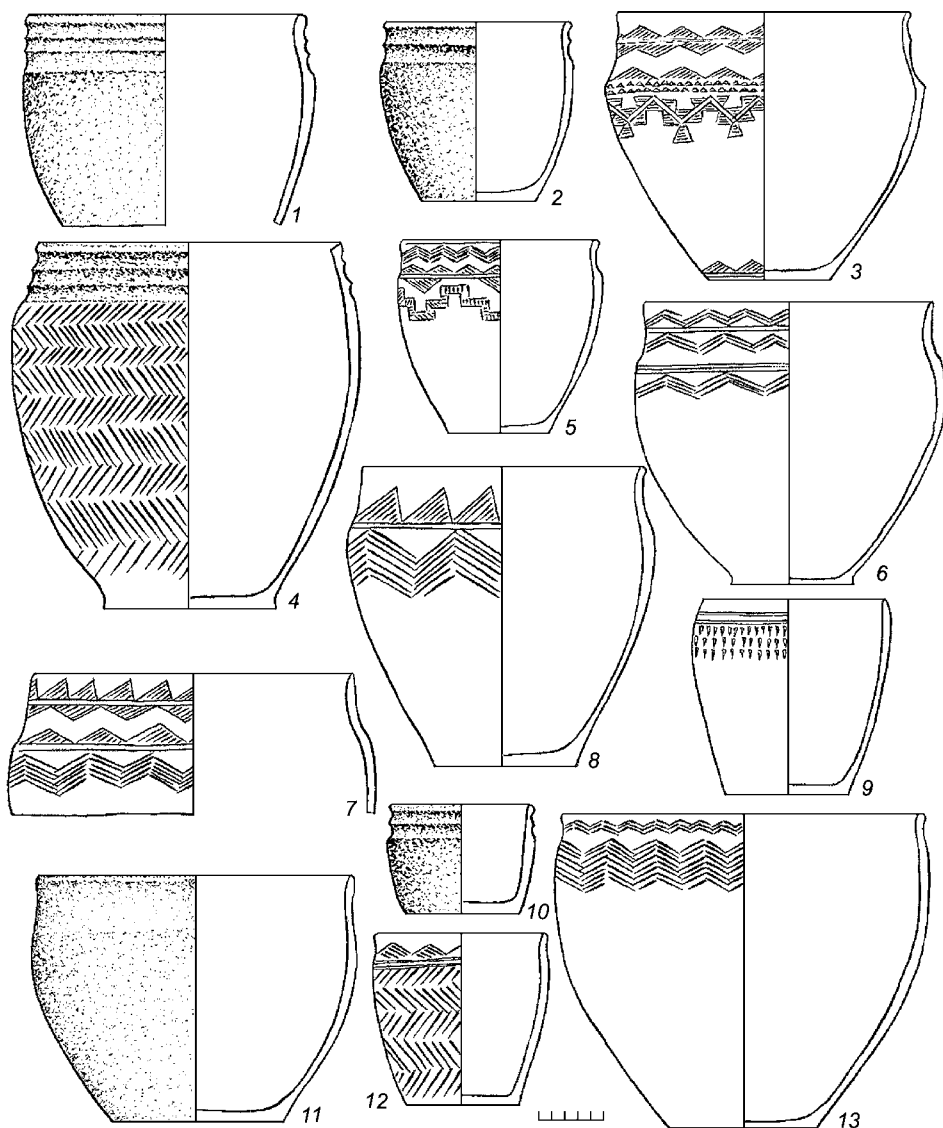

Рис. 25. Могильник Майтан. Ограда 8. Керамика.

1, 6, 9, 11 – ограда Г, могила 2; 2, 10, 12 – ограда Г, жертвенник 5; 3, 5, 7, 8, 13 – ограда А, могила 3; 4 – ограда Г, могила 1

нении встречен обломок крестца взрослого человека (см. рис. 21, 1, 4). При разборке обвалившейся части могилы на дне оврага обнаружены отдельные кости человеческого скелета, обломки сосуда (см. рис. 23, 11), бронзовый нож (см. рис. 24, 25), два желобчатых браслета со спиралевидными окончаниями (рис. 24, 32, 33) и 7 листовидных подвесок (рис. 24, 21–23, 28–31).

Ограда В – пристроена к оградке А с западной и к оградке Б с южной стороны. Овальной формы, размером $4 \times 2,25$ м, вытянута по линии северо-запад –

юго-восток. В центре пристройки у плит ограды А находилась могила в виде каменного ящика размером $0,95 \times 0,45 \times 0,35$ м, ориентированного по линии северо-запад – юго-восток. Продольные стенки треснули и слегка запали наружу и вовнутрь. Южная торцевая стенка выше остальных на 15 см. Северная половина перекрыта плитой размером $0,45 \times 0,4$ м (см. рис. 21, 1, 7). В заполнении встречены неорнаментированные фрагменты керамики, кости ребенка в возрасте 10 лет, а также обломок нижней челюсти и плечевые кости мужчины в возрасте 20–25 лет.

Ограда Г – пристроена к ограде А с юго-западной стороны и к ограде В с юго-восточной стороны. В юго-западной части огражденной площадки прослежена грунтовая яма размером $1,65 \times 1,45$ м, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток. На глубине 30 см от уровня материка яма уменьшилась до размеров $1,55 \times 1,4$ м при той же ориентации. Вдоль юго-восточной стенки располагался уступчик шириной 0,2 м. Ниже уступчика в грунтовую яму впущен спаренный каменный ящик размером $1,5 \times 1,4$ м, ориентированный по линии юго-запад – северо-восток. Южный ящик перекрыт двумя плитами размером $1,1 \times 0,8$ и $0,85 \times 0,5$ м, у северного ящика перекрыта только западная половина плитой размером $0,8 \times 0,65$ м (рис. 21, 1, 5, 6).

На западной плите перекрытия южного ящика обнаружен поминальный комплекс (жертвенник 5), расположенный вдоль юго-западной стенки ямы и включающий три сосуда, каменный пест и разрозненные кости животных (см. рис. 22, 4): один (северный) сосуд запад на бок (см. рис. 25, 2), второй стоял на плите (рис. 25, 10), третий (южный) лежал на боку (рис. 25, 12). Между вторым и третьим сосудами помещен каменный пест (см. рис. 24, 1). Вокруг южного сосуда в юго-западном углу ямы располагались две нижние челюсти и кость длинной конечности мелкого рогатого скота.

Могила 1 – северная спаренного ящика – размером $1,4 \times 0,7 \times 0,4$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Западная половина перекрыта обломками плит размером $0,8 \times 0,65$ и $0,4 \times 0,35$ м (см. рис. 21, 1, 5). Западная торцевая плита выше восточной на 30 см и выше продольных на $0,3–0,35$ м. На дне обнаружены кости ребенка в возрасте 5 лет, между которыми встречено три зуба взрослого человека. В северо-западном углу ящика найден раздавленный сосуд (см. рис. 25, 5).

Могила 2 – южная спаренного ящика – размером $1,4 \times 0,65 \times 0,4$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Толщина общей продольной стенки 15–20 см. Перекрыта двумя плитами: западная размером $0,85 \times 0,5$ м, восточная – $1,1 \times 0,8$ м. Западная торцевая плита выше остальных на 10 см. На дне обнаружено парное детское погребение (см. рис. 21, 1, 6).

Первый ребенок, в возрасте 3–5 лет, лежал вдоль северной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. В головах погребенного на боку лежал сосуд (см. рис. 25, 6), второй сосуд стоял у северной продольной стенки на уровне правого бедра (рис. 25, 1).

Второй ребенок, в возрасте 2–4 лет, находился за спиной первого погребенного. Он лежал вдоль южной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. В головах стоял сосуд (рис. 25, 11), второй сосуд стоял у южной стенки за головой погребенного (рис. 25, 9).

Ограда 9. Погребальная конструкция с одной дополнительной пристройкой (см. рис. 4; 26, 1).

Ограда А – основная – овальной формы, размером 5,2 × 4,8 м, ориентирована по линии запад – восток. В огражденном пространстве выявлены 2 поминальных комплекса и могила.

Жертвенник 1 – расположен в юго-восточном секторе, у плит ограждения. Овальная ямка размером 0,2 × 0,25 × 0,08 м, перекрытая плитой, размером 0,25 × 0,2 м (рис. 26, 1). На дне обнаружен лежащий на боку сосуд (рис. 26, 4), внутри которого находился фрагмент острореберного сосуда (рис. 26, 7).

Жертвенник 2 – расположен в юго-западном секторе ограды. В округлой ямке диаметром 0,2 м, глубиной 0,1 м находился лежащий на боку сосуд (рис. 26, 5).

Могила – расположена в центре огражденной площадки. Каменный ящик размером 1,85 × 1,0 × 0,7 м ориентирован по линии запад – восток, с небольшим отклонением к югу. Западная торцевая и северная продольная стенки выше остальных на 5 см. Западная и восточная части ящика перекрыты обломками плит размером 0,4–0,9 × 0,45–0,65 м. В придонной части могилы встречены разрозненные кости скелета взрослой женщины, обломки двух сосудов (рис. 26, 6, 9), бронзовые крестовидная подвеска (рис. 26, 3) и ребристая пронизка.

Ограда Б – пристроена к основной ограде с юго-восточной стороны. Овальной формы, размером 6,5 × 2,1 м. В огражденном пространстве исследовано две могилы.

Могила 1 – расположена в западном секторе пристройки, у южной стенки центральной ограды. Каменный ящик размером 1,05 × 0,65 × 0,45 м ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Восточная торцевая плита выше западной на 10 см и выше продольных на 5 см. В придонной части ямы у западной стенки обнаружены три неорнаментированных фрагмента керамики и 4 ребра ребенка.

Могила 2 – расположена в восточном секторе пристройки, у юго-восточных плит ограждения центральной ограды. Каменный ящик размером 0,8 × 0,6 × 0,45 м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. На дне обнаружен костяк ребенка в возрасте около 3 лет, лежавший на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. В изголовье, у юго-западной стенки ящика, находился раздавленный сосуд (рис. 26, 8).

Ограда 10. Погребальная конструкция с одной дополнительной пристройкой (см. рис. 4; 27, 1).

Ограда А – основная – неправильно-прямоугольной формы, размером 7,5 × 5,5 м, ориентирована по линии север – юг. В исследованном пространстве выявлено 5 поминальных комплексов и 5 могил, две из которых находились за пределами огражденного участка.

Жертвенник 1 – расположен у северных плит ограждения. Два сосуда, вкопанных в материковый грунт и обложенных с северной и восточной сторон каменными плитками размером 0,3 × 0,15 и 0,25 × 0,15 м (рис. 27, 1; 28, 2); сосуд, установленный западнее, дополнительно перекрыт каменной крышкой размером 0,3 × 0,2 м (рис. 28, 1).

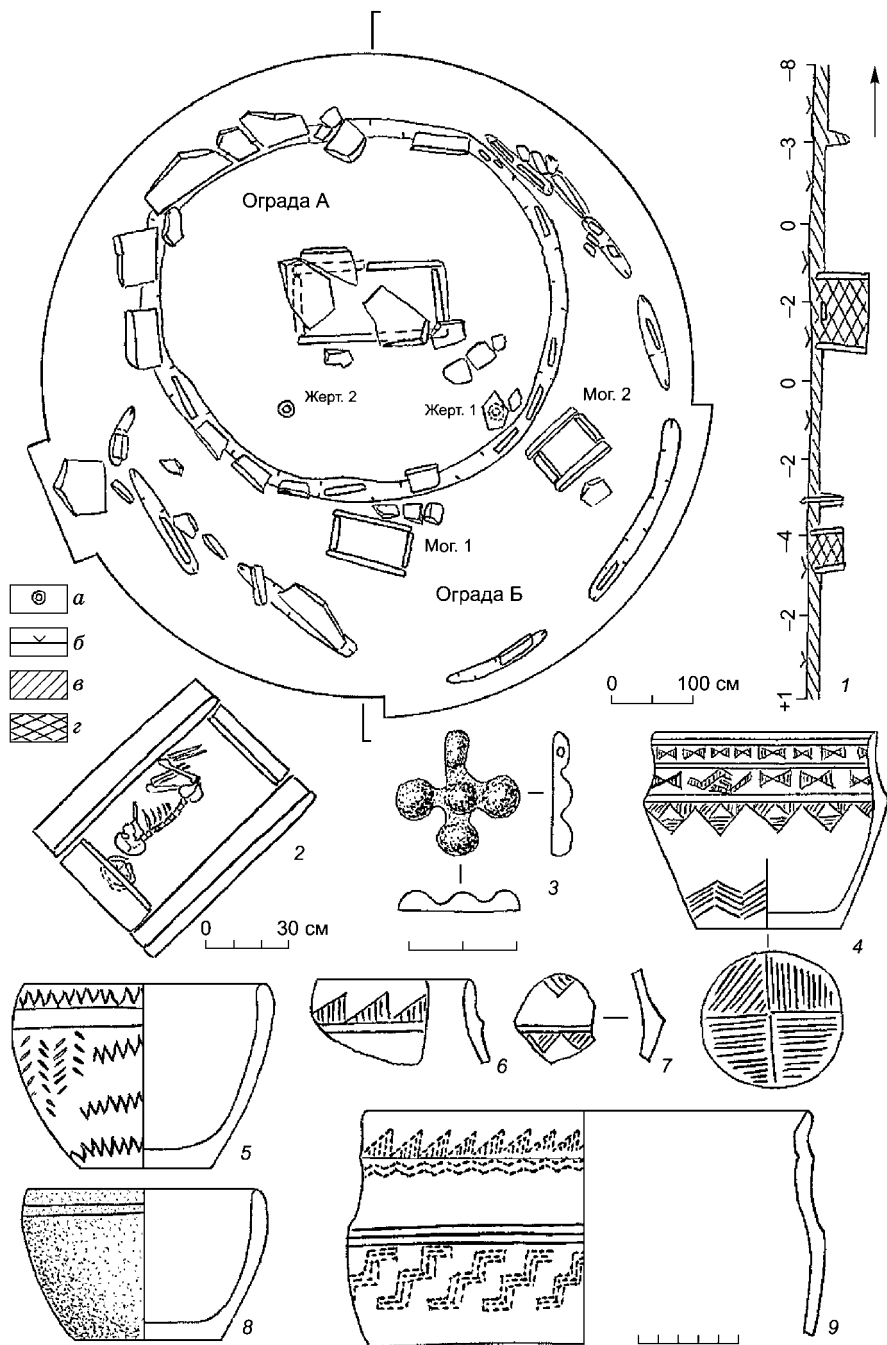

Рис. 26. Могильник Майтан. Ограда 9.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда Б, могила 2; 3, 6, 9 – ограда А, могила; 4, 7 – жертвенник 13; 5 – жертвенник 2; 8 – ограда Б, могила 2.

3 – бронза; 4–9 – глина.

а – сосуд; б – дерн; в – коричневый гумусированный суглинок; з – коричневый суглинок

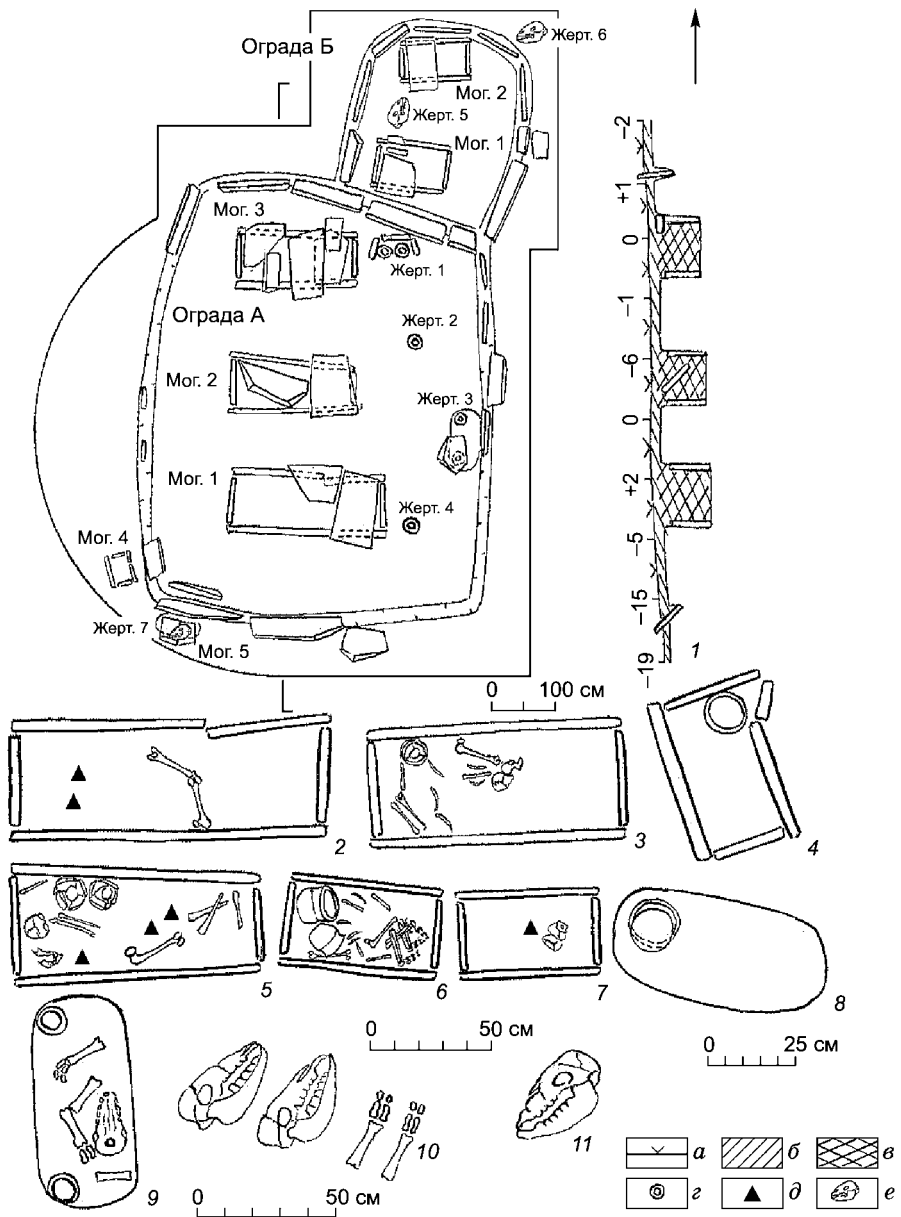

Рис. 27. Могильник Майтан. Ограда 10.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, план могилы 1; 3 – ограда А, план могилы 3; 4 – ограда А, план могилы 4; 5 – ограда А, план могилы 2; 6 – ограда Б, план могилы 1; 7 – ограда Б, план могилы 2; 8 – ограда А, план могилы 5; 9 – ограда А, план жертвенника 3; 10 – ограда Б, план жертвенника 5; 11 – план жертвенника 6.

a – дерн; *b* – коричневый гумусированный суглинок; *v* – коричневый суглинок; *z* – сосуд; *d* – фрагмент керамики; *e* – поминальный комплекс

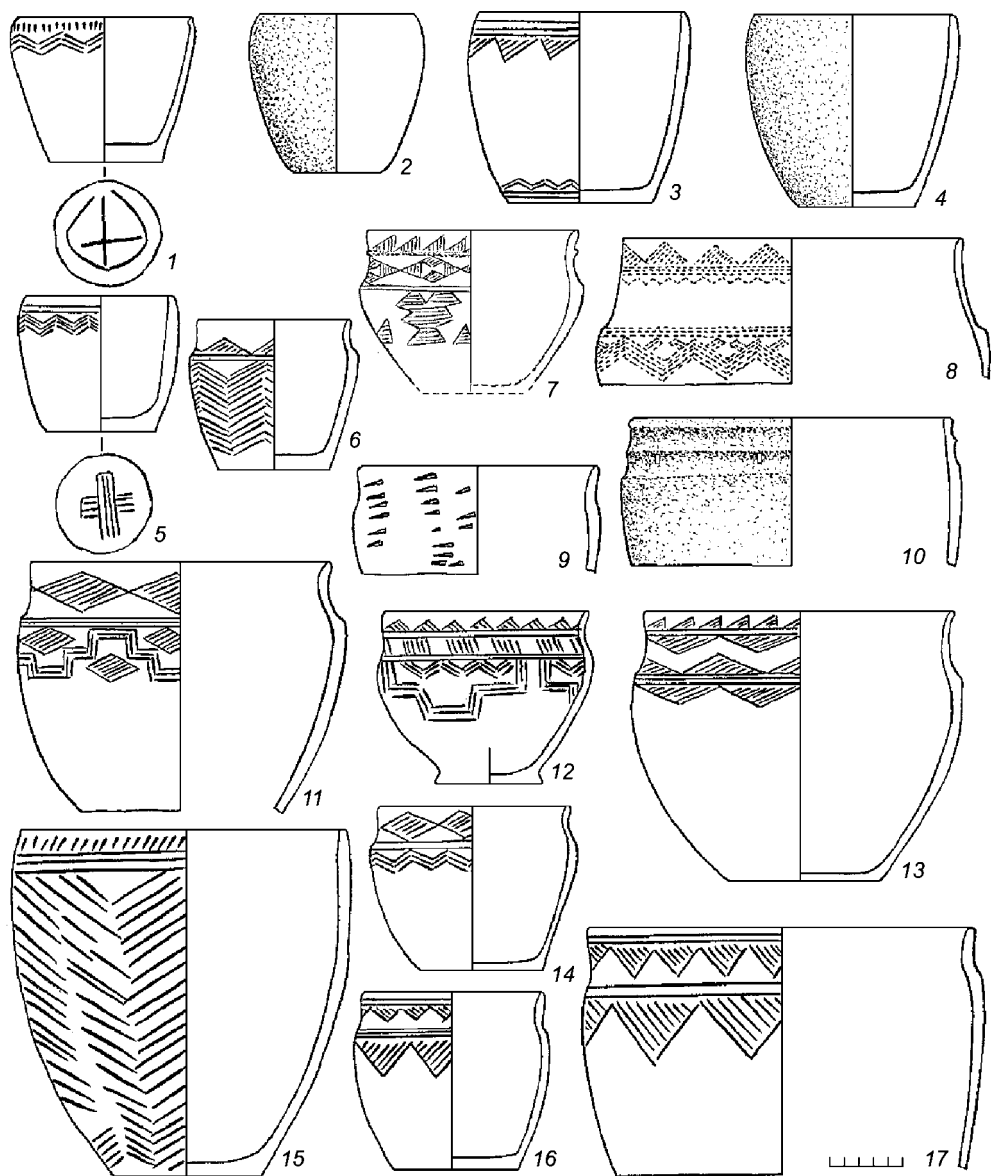

Рис. 28. Могильник Майтан. Ограда 10. Керамика.

1, 2 – жертвенник 1; 3 – жертвенник 2; 4, 5 – жертвенник 3; 6 – жертвенник 4; 7, 13, 17 – ограда Б, могила 1; 8, 10, 11, 15 – ограда А, могила 2; 9 – ограда Б, могила 2; 12 – ограда А, могила 3; 14 – ограда А, могила 4; 16 – ограда А, могила 5

Жертвенник 2 – расположен в северо-восточном секторе ограды. Сосуд вкопан в материковый грунт (рис. 28, 3).

Жертвенник 3 – расположен у восточных плит ограждения. Яма прямоугольной формы, с закругленными углами, размером $1,1 \times 0,5 \times 0,1$ м, ориентирована по линии север-юг. Центральная и южная части ямы перекрыты запавшей вовнутрь плитой размером $0,7 \times 0,5$ м (см. рис. 27, 1, 9). В северо-западном углу стоял сосуд (рис. 28, 4), второй находился в юго-западном углу (рис. 28, 5). В южной половине, у восточной стенки ямы, находился череп крупного рогатого скота, уложенный основанием вверх и ориентированный на север. Вокруг черепа располагались 4 конечности крупного рогатого скота: две с северной стороны и по одной с западной и южной.

Жертвенник 4 – расположен в 0,3 м к востоку от юго-восточного угла могилы 1. Сосуд вкопан в материковый грунт (рис. 28, 6).

Могила 1 – расположена в южной части ограды. Каменный ящик размером $2,6 \times 1,0$ м, глубина от уровня материка 0,8 м, от уровня продольных плит 0,7 м, ориентирован по линии запад – восток, с небольшим отклонением к северу. Северная продольная плита треснула, и одна ее часть слегка запала вовнутрь. Западная торцевая стенка выше восточной на 0,2 м и выше продольных на 0,3 м. Восточный и центральный сектора ящика перекрыты плитами размером $1,05 \times 0,55$ и $0,8 \times 0,55$ м (см. рис. 27, 2). В придонной части заполнения встречены неорнаментированные фрагменты керамики и кости скелета молодой женщины.

Могила 2 – расположена в центре ограды. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $2,0 \times 0,8-0,6$ м, глубина от уровня материка 0,75 м, от уровня продольных плит 0,65 м, ориентирован по линии запад – восток, с небольшим отклонением к северу. Западная торцевая плита выше остальных на 10 см. Западная половина ящика перекрыта плитой, запавшей вовнутрь, размером $1,2 \times 0,7$ м; восточный сектор закрыт плитой размером $1,0 \times 0,65$ м (рис. 27, 5). В заполнении встречены кости скелета женщины в возрасте около 50 лет, обломки четырех сосудов (рис. 28, 8, 10, 11, 15), обломки височного бронзового кольца, обтянутого золотым листом (рис. 29, 19), фрагменты бронзового желобчатого браслета со спиралевидными окончаниями (рис. 29, 20), пастовая трехсоставная пронизка, 4 бронзовые и 9 пастовых бусинок.

Могила 3 – расположена в северной части ограды. Каменный ящик размером $2,0 \times 1,0$ м, глубина от уровня материка 0,7 м, от уровня продольных плит 0,6 м, ориентирован по линии запад – восток, с небольшим отклонением к северу. Западная стенка ящика выше восточной на 20 см и выше продольных на 0,3 м. Перекрыта обломками плит размером $0,3-1,1 \times 0,2-0,6$ м (см. рис. 27, 3). В придонной части заполнения встречены кости скелета женщины в возрасте около 30 лет, бронзовая бляшка (см. рис. 29, 1) и 21 пастовая бусина. У северной стенки близ северо-западного угла находился раздавленный сосуд (см. рис. 28, 12).

Могила 4 – расположена за оградой с западной стороны у юго-западного угла. Каменный ящик размером $0,55 \times 0,24-0,33 \times 0,32$ м ориентирован по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Восточная продольная стенка треснула и запала вовнутрь. Южная торцевая плита выше северной на 5 см и выше

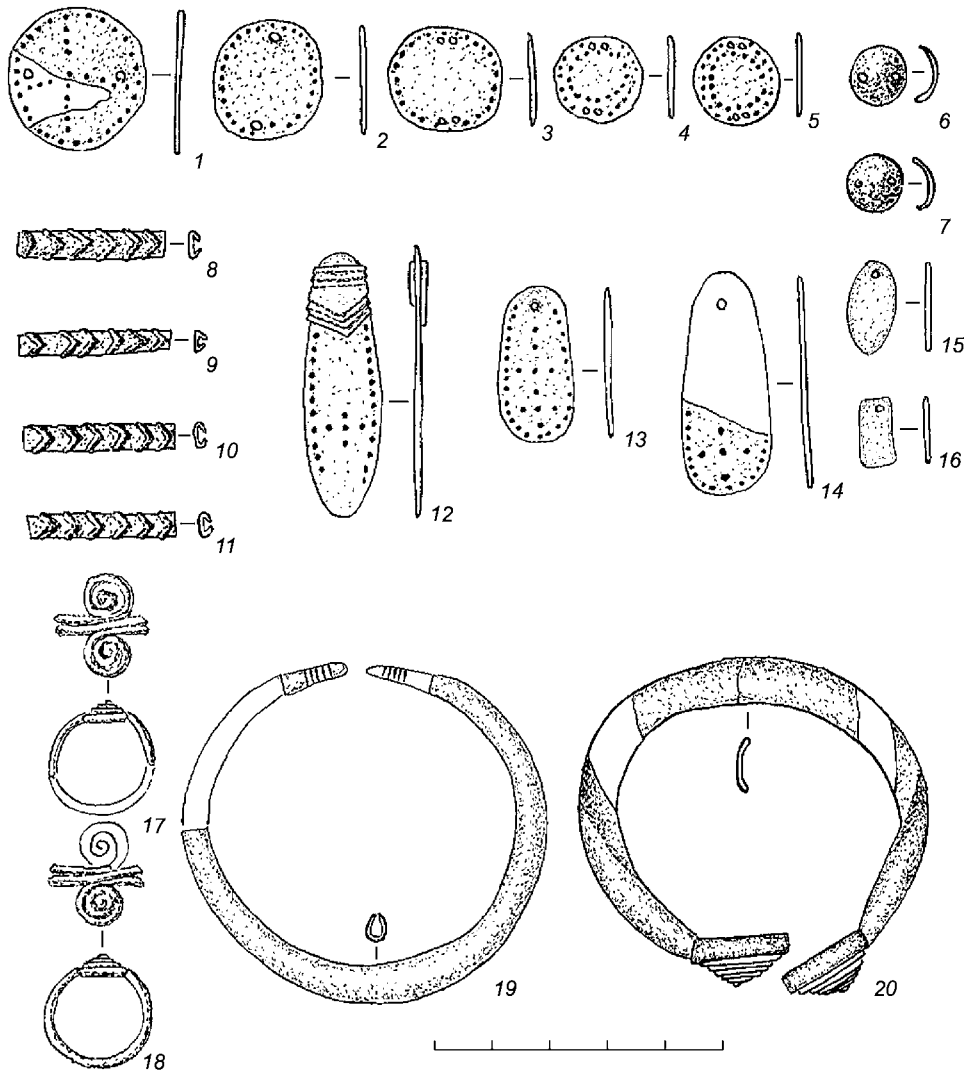

Рис. 29. Могильник Майтан. Ограда 10. Вещевой инвентарь.

1 – ограда А, могила 3; 2–18 – ограда Б, могила 1; 19, 20 – ограда А, могила 2.

1–18, 20 – бронза; 19 – бронза – золото

продольных на 15 см (см. рис. 27, 4). В северо-восточном углу ящика стоял сосуд (см. рис. 28, 14). Останков погребенного не обнаружено.

Могила 5 – расположена за оградой с южной стороны у юго-западного угла. Грунтовая яма овальной формы, размером $0,7 \times 0,35 \times 0,4$ м, ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Яма перекрыта двумя плитами размером $0,4 \times 0,35$ и $0,4 \times 0,3$ м, частично запавшими вовнутрь (см. рис. 27, 8). На плитах находился поминальный комплекс 7 – две ножки теленка, уложенные на центр перекрытия могилы и ориентированные по линии северо-восток – юго-запад, копытцами на северо-восток. На дне у западной стенки

ямы стоял сосуд (рис. 28, 16), плотно закрытый керамической крышкой, изготовленной из тщательно обработанного дна крупного сосуда. Останков погребенного не обнаружено.

Ограда Б – пристроена к восточной половине северной стенки основной ограды. Пристройка подовальной формы, размером $3,2 \times 3,0$ м, ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Исследованы два поминальных комплекса и две могилы (см. рис. 27, 1).

Жертвенник 5 – расположен в западной половине пристройки между могилами 1 и 2. Два черепа и две конечности крупного рогатого скота находились на материковой поверхности. Общая ориентация выкладки – по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Черепа помещены в западной части выкладки параллельно друг другу, уложены на правую сторону с общей ориентацией на северо-восток. Конечности расположены параллельно черепам в восточной половине выкладки, с ориентацией копытцами на северо-восток (рис. 27, 1, 10).

Жертвенник 6 – расположен за пределами пристройки у северо-восточного угла. Череп крупного рогатого скота, находящийся на уровне материка, уложен на правый бок с общей ориентацией на юго-запад (рис. 27, 1, 11).

Мои́ла 1 – расположена в южном секторе пристройки. Каменный ящик размером $1,25 \times 0,75$ м ориентирован по линии запад – восток, с небольшим отклонением к северу, глубина от уровня материка 0,6 м, от уровня продольных плит 0,5 м. Торцевые плиты выше продольных на 10 см. Западная половина перекрыта расколовшейся на две части плитой размером $0,75 \times 0,7$ м. В заполнении найдены обломки сосуда (см. рис. 28, 7) и кости скелетов двух детей (см. рис. 27, 6). У западной стенки обнаружено два сосуда: один лежал на боку (см. рис. 28, 17), второй стоял почти вверх дном (рис. 28, 13). Исследовано частично сохранившееся парное погребение. От первого погребенного – мальчика в возрасте 9–10 лет – зафиксированы в непо потревоженном состоянии кости левой ноги, голень и стопа правой. Мальчик лежал вдоль южной стенки, в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. От второго погребенного – девочки в возрасте 9–10 лет – непо потревоженными сохранились кости голени и стопы правой ноги, перекрывавшей кости голени левой ноги мальчика и, в свою очередь, перекрытой костями голени правой ноги мальчика. Девочка лежала вдоль северной стенки, в скорченном положении, на правом боку, головой на запад. На лодыжке правой ноги зафиксирована низка из 22 бронзовых бусин. В западной половине могилы среди разрушенных костей скелетов детей обнаружены обломки 2 бронзовых перстней с S-образными щитками (см. рис. 29, 17, 18), 4 бронзовые плоские бляшки (рис. 29, 2–5), 2 бронзовые полусферические бляшки (рис. 29, 6, 7), 4 бронзовые пронизи (рис. 29, 8–11), 5 разнотипных бронзовых листовидных подвесок (рис. 29, 12–16), 10 пастовых бусин и пронизей: двусоставных (8 экз.), трехсоставных (1 экз.) и четырехсоставных (4 экз.).

Мои́ла 2 – расположена в северной части пристройки. Каменный ящик размером $1,15 \times 0,7$ м ориентирован по линии запад – восток. Глубина от уровня материка 0,7 м, от уровня продольных плит 0,6 м. Восточная торцевая плита выше западной на 15 см и выше продольных на 25 см. Западная половина

ящика перекрыта плитой размером $0,95 \times 0,5$ м. В заполнении встречены кости ребенка в возрасте 4–6 лет, астрагал овцы, обломок сосуда (рис. 28, 9) и поделка неясного назначения из сильно разложившегося отростка рога оленя (вид не определен).

Ограда 11. Погребальная конструкция с одной пристройкой (см. рис. 4; 30, 1).

Ограда А – основная – округлой формы, диаметром 5 м. В юго-западном секторе найден кремневый скребок, в юго-восточном секторе – два неорнаментированных фрагмента керамики. В центре огражденного пространства находилась могила – каменный ящик трапецевидной формы, размером $2,15 \times 0,85$ – $0,75 \times 0,7$ м, ориентированный по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Западная торцевая плита выше восточной на 5 см и выше продольных на 25 см. Восточная половина перекрыта расколовшейся на две части плитой, запавшей вовнутрь, размером $1,0 \times 1,0$ м. В заполнении встречены неорнаментированные фрагменты керамики. На дне в юго-восточном углу ящика расчищена линза кальцинированных костей и пепла размером $0,21 \times 0,17 \times 0,04$ м (рис. 30, 2).

Ограда Б – пристроена к основной ограде с северо-восточной стороны. Овальной формы, размером $5,5 \times 5,0$ м, вытянута по линии запад – восток (см. рис. 30, 1). За оградой, у южных плит ограждения, обнаружен поминальный комплекс – впущенный в материковый грунт сосуд (рис. 30, 3).

В центре огражденной площадки расположена грунтовая яма размером $2,05 \times 1,4$ м, ориентированная по линии запад – восток. На глубине 25 см от уровня материка вдоль длинных сторон ямы прослежены уступчики шириной 0,2 м. Ниже уступчиков в яму впущен каменный ящик размером $2,05 \times 1,0$ м, глубина которого от уровня продольных плит 0,7 м, ориентирован по линии запад – восток. Западная торцевая плита выше восточной на 5 см и выше продольных на 10 см. Западный сектор ящика перекрыт треснувшей плитой, лежащей на уступчиках и продольных стенках ящика, реконструируемые размеры частично сохранившейся плиты перекрытия $1,4 \times 0,9$ м. Общая глубина ямы 0,95 м. В заполнении встречены неорнаментированные фрагменты керамики и кости скелета мужчины в возрасте около 20 лет.

Ограда 12. Округлой формы, диаметром 4,5 м (см. рис. 4; 31, 1). В юго-западном секторе в ограждении прослежен проход шириной 1,2 м. В огражденном пространстве исследована могила, слегка смещенная в южную половину, – каменный ящик размером $2,15 \times 1,5$ м, глубиной от уровня материка 0,8 м, от уровня продольных плит 0,7 м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Восточная торцевая плита выше западной на 10 см и выше продольных на 20 см. Западный сектор перекрыт плитой размером $1,55 \times 0,85$ м; плита, перекрывавшая восточный сектор, разбита в процессе ограбления, ее обломки запали вовнутрь ящика, самый крупный обломок имеет размеры $1,2 \times 0,75$ м. В заполнении встречены сильно фрагментированные кости женского (?) скелета, обломки сосуда (рис. 31, 9), подвеска из раковины (рис. 31, 2), подвеска из клыка животного (рис. 31, 3), четыре бусины, вырезанные из трубчатой кости (рис. 31, 4–7), и одна пастовая бусинка.

В северо-восточном секторе ограды, на краю ящика близ центральной части северной стенки, находился поминальный комплекс, зафиксированный на

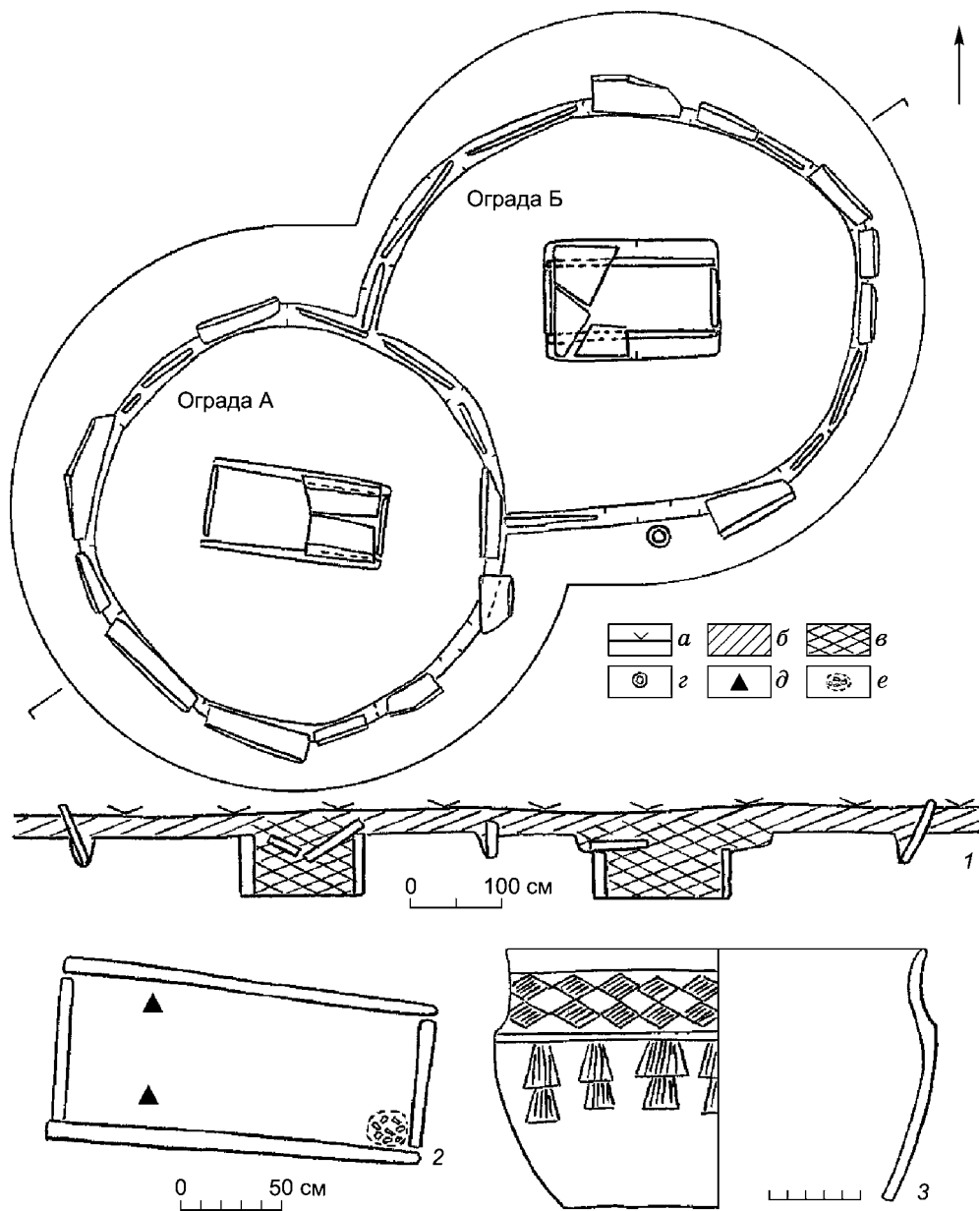

Рис. 30. Могильник Майтан. Ограда 11.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, могила; 3 – поминальный сосуд.
 а – дерн; б – коричневый гумусированный суглинок; в – коричневый суглинок; з – сосуд;
 д – фрагмент керамики; е – кучка кальцинированных костей человека

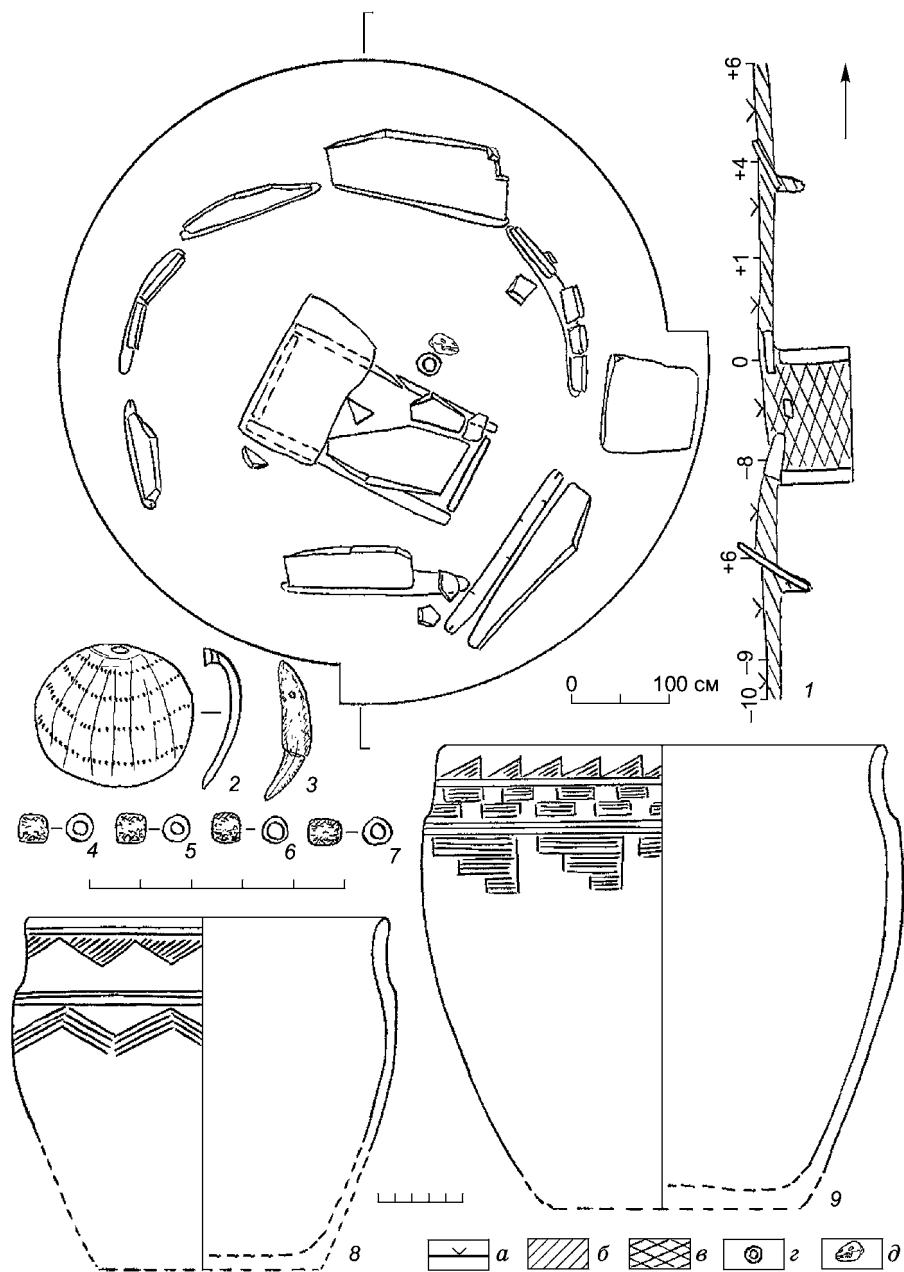

Рис. 31. Могильник Майтан. Ограда 12.

1 – план и разрез раскопа; 2 – подвеска из раковины; 3 – подвеска из клыка; 4–7 – костяные бусы; 8, 9 – глиняные сосуды (2–7, 9 – могила; 8 – жертвенник).

а – дерн; б – коричневый гумусированный суглинок; в – коричневый суглинок; г – поминальный сосуд; д – остатки черепа крупного рогатого скота

уровне материка: остатки раздавленного сосуда (рис. 31, 8) и сильно фрагментированный череп крупного рогатого скота, уложенный на левый бок, с общей ориентацией на юго-восток (рис. 31, 1).

Ограда 13. Овальной формы, размером $8,5 \times 6,5$ м, ориентирована по линии север – юг (см. рис. 4; рис. 32, 1). В огражденном пространстве исследовано 2 поминальных комплекса и 2 могилы.

Жертвенник 1 – два сосуда, вкопанные в материковый грунт вдоль восточного края плиты перекрытия могилы 1 (рис. 32, 11, 12). Расположение сосудов относительно плиты перекрытия свидетельствует, что поминальное приношение совершено после захоронения умершего, когда могилу уже перекрыли плитами (см. рис. 32, 1).

Жертвенник 2 – расположен в центре огражденного пространства близ восточных плит ограждения. Овальная яма размером $0,5 \times 0,35 \times 0,15$ м ориентирована по линии север – юг (рис. 32, 1). На дне находились два черепа крупного рогатого скота, уложенные на левую сторону параллельно друг другу, с общей ориентацией на северо-восток (рис. 32, 10).

Могила 1 – расположена в южной части ограды. Грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $2,7 \times 1,4 \times 1,1$ м, ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. В древности была перекрыта четырьмя массивными плитами толщиной 17–20 см. Западная плита не потревожена (размер $1,55 \times 0,78$ м); вторая – одним концом запала вовнутрь (размер $1,5 \times 0,75$ м); третья, перекрывавшая центральную часть восточной половины могилы, разбита и выброшена; четвертая, перекрывавшая восточный участок ямы, сохранившаяся неповрежденной, имела размер $1,45 \times 0,6$ м (рис. 32, 1). Южная стенка ямы укреплена двумя плитами, верхний срез которых находится ниже края ямы на 30 см (рис. 32, 2). В заполнении найдены кости скелета мужчины в возрасте 20–25 лет, две конечности и обломок черепа крупного рогатого скота, фрагменты сосуда (рис. 32, 13), две бронзовые обоймы (рис. 32, 6, 7), две бочонковидные бусины (рис. 32, 8, 9), три пастовые бусины и одна пятисоставная пастовая пронизка. На дне, в восточной половине ямы, в неповрежденном состоянии сохранились левая часть таза, часть костей бедер, голени и стоп левой и правой ног. Погребенный мужчина лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. На тазовой кости лежала крупная пряжка из раковины, имеющая в центральной части овальное отверстие размером $1,5 \times 1,3$ см, второе отверстие, диаметром 4 мм, расположено в торцевой части (рис. 32, 4).

Могила 2 – расположена в северной части огражденного пространства. Каменный ящик размером $1,85 \times 0,85 \times 0,9$ м ориентирован по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Торцевые плиты выше продольных на 10 см. Восточная часть могилы перекрыта плитой размером $1,0 \times 0,65$ м, остальные разбиты и смещены (рис. 32, 1). В заполнении встречены кости скелета взрослой женщины, бронзовая подвеска с полтора оборота, покрытая золотым листом (рис. 32, 5) и четыре пастовые бусины. На дне, в центральной части ящика, в неповрежденном состоянии зафиксированы левая тазовая кость, крестец и три поясничных позвонка, судя по которым погребенная женщина была уложена в скорченном положении на левый бок, головой на запад (рис. 32, 3).

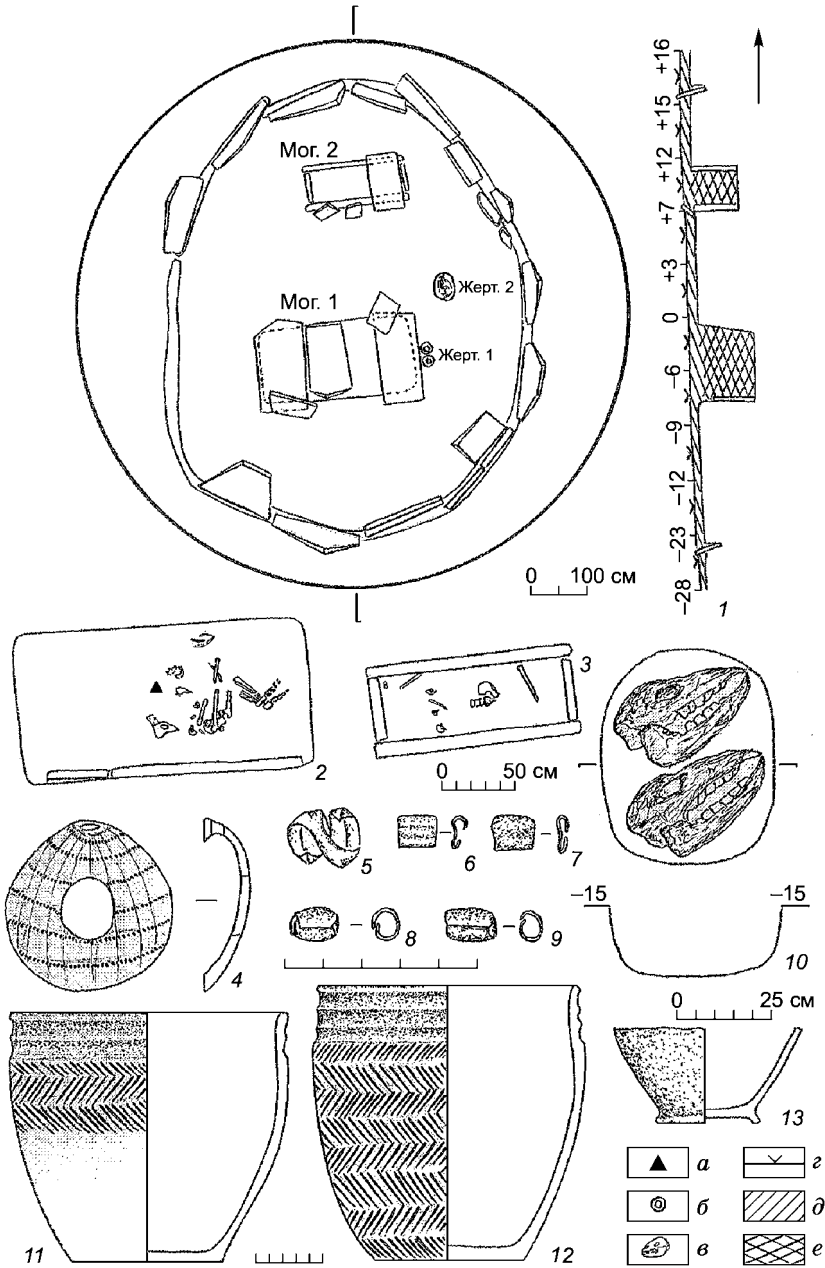

Рис. 32. Могильник Майтан. Ограда 13.

1 – план и разрез раскопа; 2 – план могилы 1; 3 – план могилы 2; 4, 6–9, 13 – могила 1; 5 – могила 2; 10 – план жертвенника 2; 11, 12 – сосуды из жертвенника 1. а – фрагмент керамики; б – сосуд; в – поминальный комплекс; г – дерн; д – коричневый гумусированный суглинок; е – коричневый суглинок.
4 – раковина; 5 – бронза, золото; 6–9 – бронза; 11–13 – глина

Ограда 14. Расположена на юго-восточной окраине погребального поля (см. рис. 4). Округлой формы, диаметром 4,5 м. В южной части ограждения прослеживался проход шириной 0,9 м, а в юго-восточном секторе – лабиринтообразный выход шириной 0,4 м (рис. 33, 1).

В центре огражденной площадки располагалась могила – грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,9 × 1,15 × 0,65 м, ориентированная по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. В процессе захоронения могила была перекрыта тремя плитами размером 0,9–1,1 × 0,5–0,8 м, они запали вовнутрь в результате обвала стенок в процессе ограбления, которое произошло еще до разложения связок погребенной. Грабители пробили отверстие в западной плите перекрытия и, собирая вещи, выбросили кисть и предплечье правой руки женщины, обломав ее в локтевом суставе. Останки погребенной лежали, сохранившись в анатомическом порядке, поверх центральной плиты перекрытия, рядом с ними обнаружена нижняя челюсть мужчины. На дне в восточной половине ямы обнаружено частично сохранившееся парное погребение (рис. 33, 2).

От первого погребенного – взрослый мужчина – непотревоженными сохранились кости ног. Он лежал вдоль южной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Между костями бедер и голени мужчины находились два костяных наконечника стрел (рис. 33, 3, 5), уложенные остриями на запад и насадом на восток; третий наконечник найден в ограбленной, западной, части ямы (рис. 33, 4). От второго погребенного – взрослой женщины – непотревоженными остались кости таза и ног. Они лежали несколько выше, перекрывая останки мужского костяка на уровне бедер. Женщина лежала вдоль северной стенки ямы, на правом боку, в сильно скорченном положении (кости голени притянуты к костям бедер), головой на юго-запад. На лодыжках обнаружено по низке бронзовых бусин – на правой ноге из 24, на левой ноге из 23 бусин.

Ограда 15. Представляет собой сложное погребальное сооружение из пяти надмогильных конструкций, расположенное на южном участке погребального поля (см. рис. 4; 34). Первоначально функционировали как самостоятельные погребальные комплексы ограды А и Б. Позднее к ограде А пристроили ограду В, а к ограде Б – ограду Г. Наиболее поздняя пристройка Д соединила два поминальных комплекса в один. В то же время между первым и вторым комплексами существует разрыв-проход в ограду Д, расположенный между оградами В и Г, шириной до 0,5 м, подчеркивающий самостоятельность данных поминальных сооружений (рис. 34).

Ограда А – неправильно-овальной формы, ориентирована по линии север – юг, размером 9,0 × 6,0 м (рис. 34, 1). В центре западной стенки ограждения отсутствовала плита и существовал проход шириной 1,75 м. В северо-западном секторе у западных плит ограды на уровне материка обнаружен костяк лошади, уложенной на правый бок с подогнутыми задними и вытянутыми вперед передними конечностями, ориентирована головой на юг (рис. 34, 2). В ограде выявлены четыре могилы, «вытянутые» параллельно друг другу в меридиональном направлении вдоль центральной оси ограды.

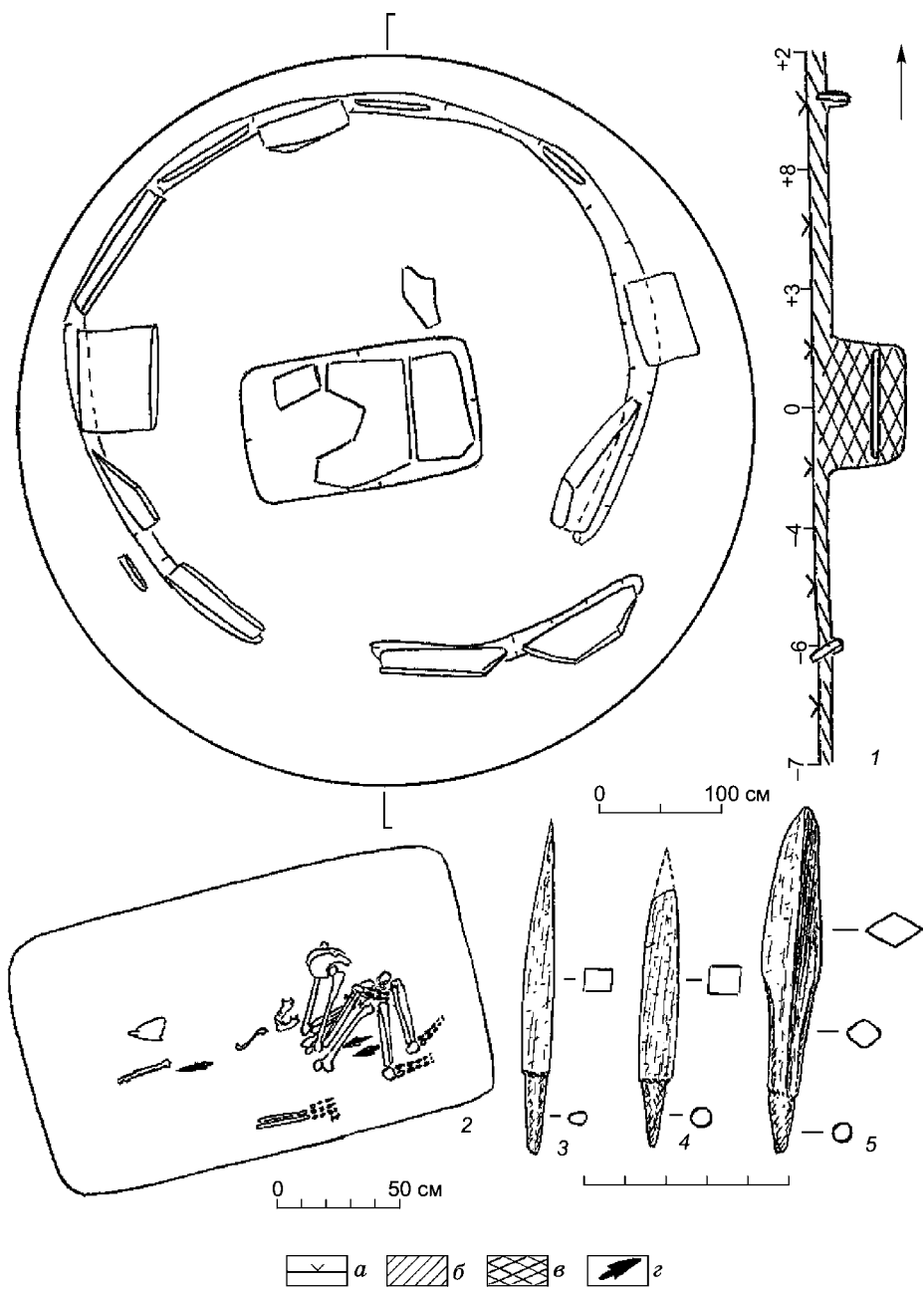

Рис. 33. Могильник Майтан. Ограда 14.

1 – план и разрез раскопа; 2 – план могилы; 3–5 – костяные наконечники стрел.
a – дерн; *б* – коричневый гумусированный суглинок; *в* – коричневый суглинок; *z* – костяной наконечник стрелы

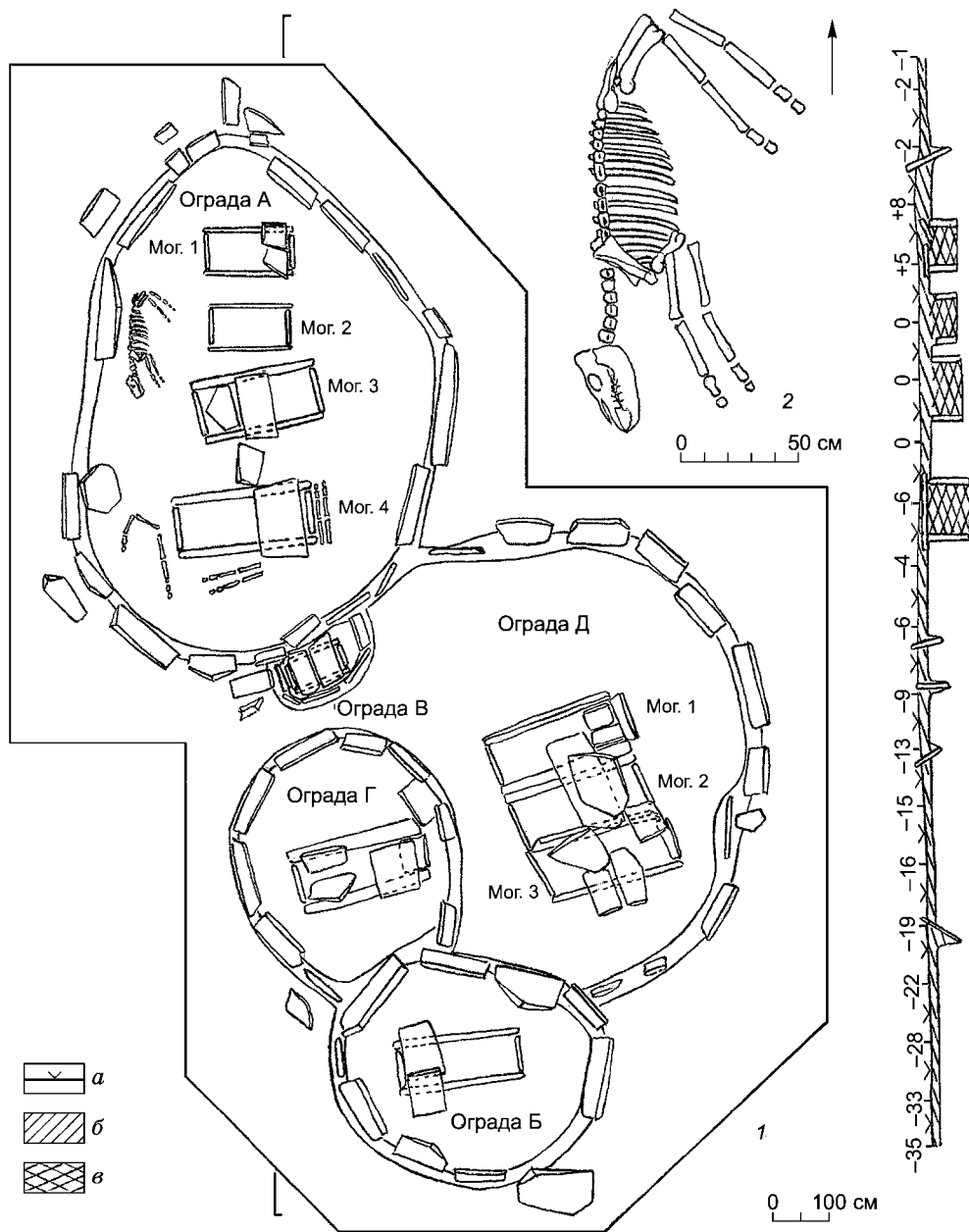

Рис. 34. Могильник Майтан. Ограда 15.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, жертвенная лошадь.

а – дерн; б – коричневый гумусированный суглинок; в – коричневый суглинок

Могила 1 – расположена в северной части огражденного пространства. Каменный ящик размером $1,45 \times 0,9 \times 0,55$ м ориентирован по линии запад – восток (рис. 34; 35, 1). Западная торцевая плита выше восточной на 5 см и выше продольных на 25 см. Восточный сектор перекрыт расколовшейся на две части плитой размером $0,8 \times 0,5$ м. В могиле исследовано частично сохранившееся парное погребение подростков в возрасте 10–12 лет. Из останков юноши уцелела нижняя часть грудной клетки, 7 позвонков поясничного отдела, кости таза и ног. Он лежал у южной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. От девушки непотревоженными сохранились кости таза и ног. Она лежала вдоль северной стенки, на правом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кости ног девушки перекрывают изгиб колена левой ноги юноши. На лодыжках ног девушки обнаружено по одной низке бронзовых бусин (на правой ноге 50, на левой – 49 изделий). В западной части могилы, среди потревоженных костей, обнаружены две бронзовые пронызи (рис. 36, 11, 12). В северо-западном углу находился раздавленный сосуд (рис. 37, 5).

Могила 2 – расположена в 0,4 м южнее могилы 1. Каменный ящик размером $1,3 \times 0,8$ м ориентирован по линии запад – восток (см. рис. 34; 35, 2); глубина от уровня материка 0,55 м, от продольных плит – 0,45 м. Восточная торцевая плита выше западной на 15 см и выше продольных на 30 см. Перекрытие отсутствовало, в придонной части заполнения обнаружено несколько сильно разложившихся костей скелета, принадлежавшего ребенку.

Могила 3 – расположена в центре ограды южнее могилы 2. Каменный ящик асимметричной формы – длина северной стенки 2,05 м, южной – 2 м, ширина 1 м, глубина 0,6 м, ориентирован по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Западная торцевая плита выше восточной на 5 см и выше продольных на 25 см. Центральная часть могилы перекрыта плитой размером $1,05 \times 0,6$ м; плита, перекрывавшая западный сектор ящика, размером $0,75 \times 0,5$ м, запала вовнутрь (рис. 34; 35, 3). В придонной части заполнения встречены фрагменты двух сосудов (см. рис. 37, 2, 4) и разрозненные кости человеческого скелета, принадлежавшего мужчине в возрасте 18–20 лет. В северо-восточном углу ящика, в округлой ямке диаметром 0,15 м и глубиной около 0,1 м, находились три костяных наконечника стрел, уложенных по диагонали могилы остриями на северо-восток (см. рис. 36, 29–31).

Могила 4 – занимает южный сектор огражденного пространства. Каменный ящик размером $2,3 \times 1,0 \times 0,75$ м ориентирован по линии запад – восток с незначительным отклонением к югу. Торцевые стенки ящика выше продольных на 10 см. Восточный сектор перекрыт каменной плитой размером $1,2 \times 0,8$ м. Вокруг ящика с восточной, южной и западной сторон обнаружено по две передних конечности лошади: у восточной плиты кости ног уложены параллельно стенке, копытами на север; вдоль южной – под небольшим углом к стенке, копытами на юго-юго-запад; вдоль западной – одна конечность расположена параллельно стенке, копытом на юго-юго-восток, у второй, согнутой в коленном суставе, лучевая (предплечье) кость расположена под углом к западной стенке, с общей ориентацией на северо-запад, пястная кость ориентирована копытом на юго-запад (см. рис. 34; 35, 4).

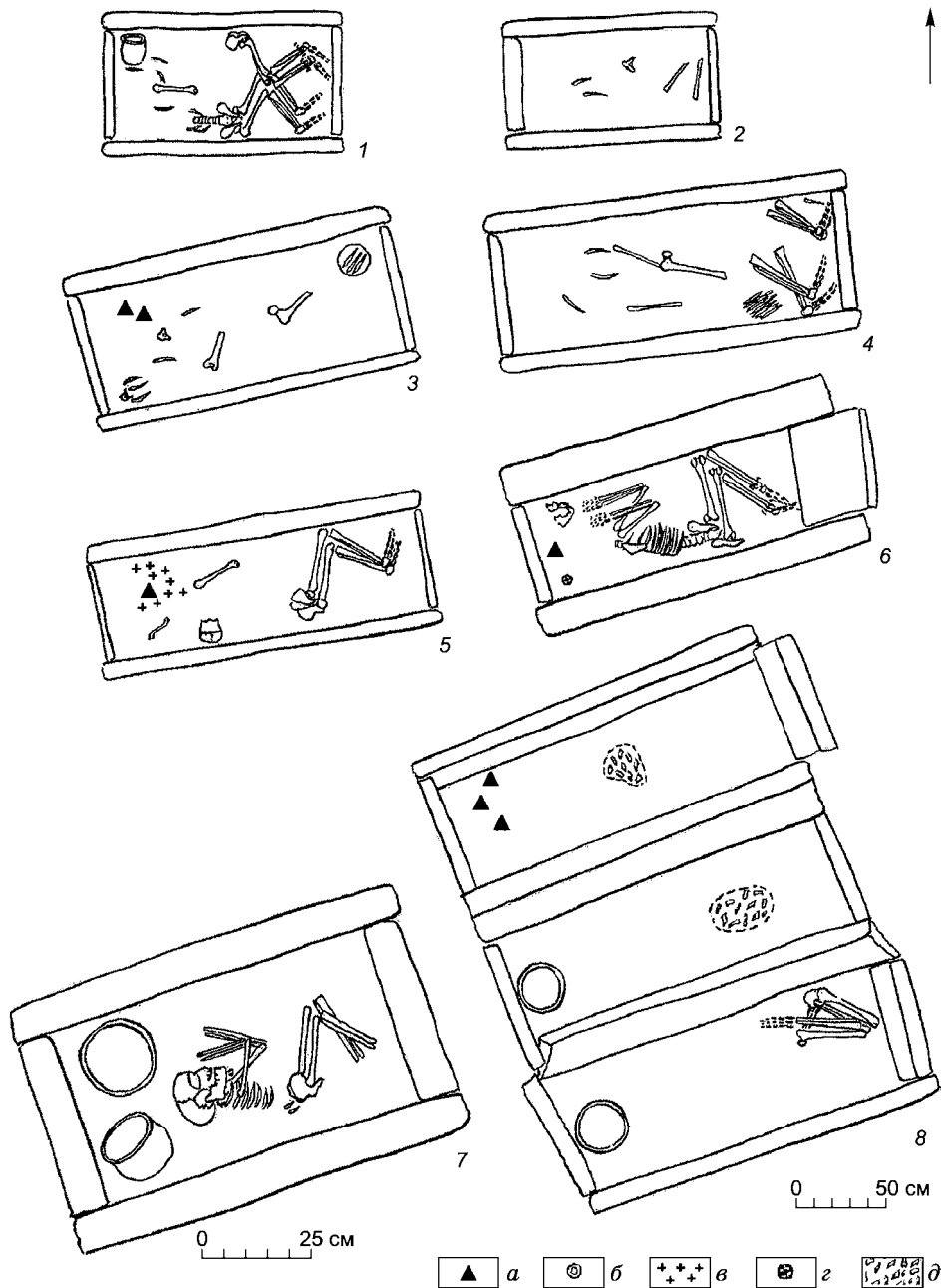

Рис. 35. Могильник Майтан. Ограда 15. Планы погребений.

1 – ограда А, могила 1; 2 – ограда А, могила 2; 3 – ограда А, могила 3; 4 – ограда А, могила 4; 5 – ограда Б, могила; 6 – ограда Г, могила; 7 – ограда В, могила; 8 – ограда Д, могила 1-3.
a – фрагмент керамики; *b* – сосуд; *v* – древесные угли; *z* – бронзовая бляшка; *d* – кальцинированные кости

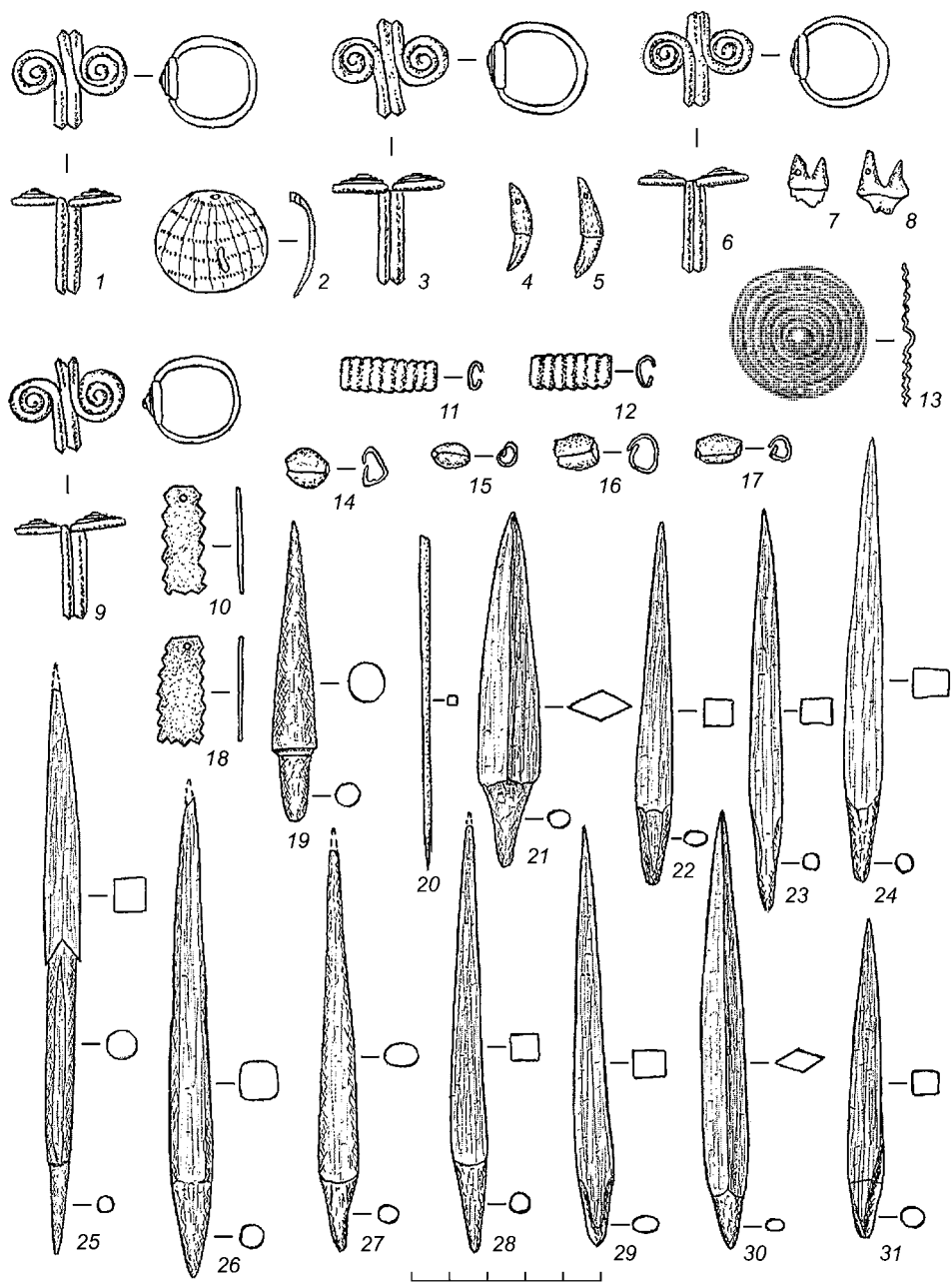

Рис. 36. Могильник Майтан. Ограда 15. Вещевой инвентарь.

1, 3, 6, 9, 13 – ограда Г, могила; 2, 4, 5, 7, 8 – ограда В, могила; 10, 14–28 – ограда А, могила 4;
 11, 12 – ограда А, могила 1; 29–31 – ограда А, могила 3.
 1, 3, 6, 9–18, 20 – бронза; 2 – раковина; 4, 5, 7, 8, 19, 21–31 – кость

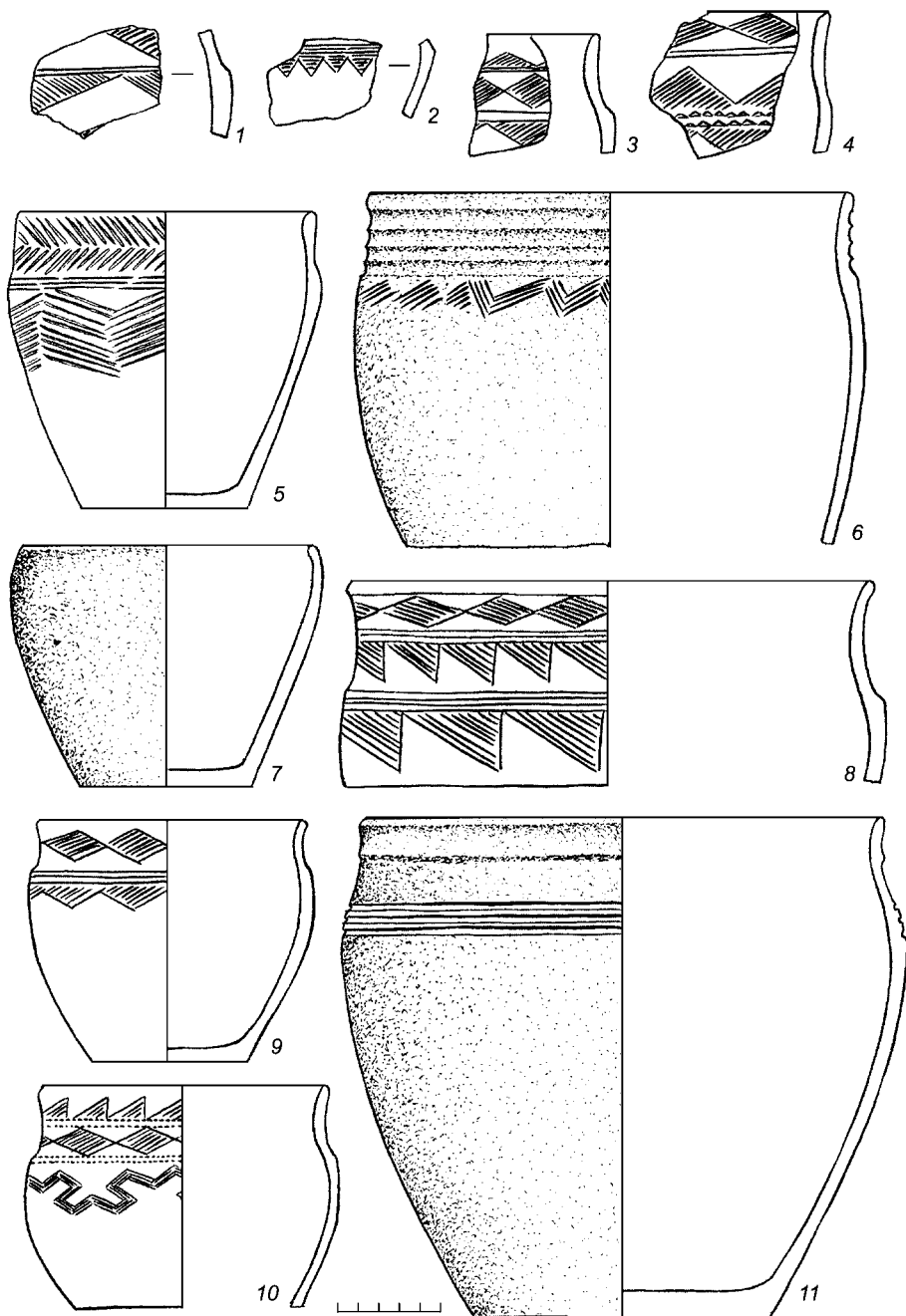

Рис. 37. Могильник Майтан. Ограда 15. Керамика.

1 – ограда Б, могила; 2, 4 – ограда А, могила 3; 3 – ограда Д, могила 1; 5 – ограда А, могила 1; 6 – ограда Д, могила 3; 7, 9 – ограда В, могила; 8, 11 – ограда Д, могила 2; 10 – ограда А, могила 4

В заполнении встречены разрозненные кости двух человеческих скелетов, обломки сосуда (см. рис. 37, 10), 2 лапчатые подвески (см. рис. 36, 10, 18), 4 бочонковидные бусины (рис. 36, 14–17), 38 бронзовых и 49 пастовых бусин. На дне в восточной части могилы обнаружены частично сохранившиеся костяки парного разнополого захоронения.

Первый погребенный – мужчина в возрасте около 30 лет – находился у южной стенки ящика. Непотревожены кости голени и стоп. Мужчина лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Между костями голени и стенкой ящика найдено 9 костяных наконечников стрел (рис. 36, 19, 21–28), уложенных под небольшим углом к стенке остриями на северо-восток. Вторая погребенная – молодая женщина – лежала вдоль северной стенки. Непотревоженными сохранились кости голени и стоп. Женщина погребена на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. В ногах, в северо-восточном углу ящика, находилось бронзовое шило (рис. 36, 20). Расположение костей позволяет интерпретировать данное захоронение как одновременное, найденные в заполнении украшения связаны с деталями женского костюма.

Ограда Б – расположена в 5 м юго-юго-восточнее ограды А, овальной формы, размером 4,75 × 3,75 м, ориентирована по линии запад – восток. В центре огражденной площадки расположена могила – каменный ящик размером 2,1 × 0,85 × 0,8 м, ориентированный по линии запад – восток, с незначительным отклонением к югу. Восточная торцевая плита выше западной на 5 см и выше продольных на 20 см. Западный сектор могилы перекрыт расколовшейся на две части плитой размером 1,35 × 0,55 м (см. рис. 34; 35, 5). В придонной части заполнения встречены разрозненные кости скелета, принадлежавшего взрослому мужчине, и фрагмент керамики (см. рис. 36, 1). Дно могилы было присыпано древесными угольками. В непо потревоженном состоянии зафиксированы кости таза и ног. Погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой запад.

Ограда В – пристроена к ограде А с южной стороны, овальной формы, размером 1,75 × 1,0 м. В огражденном пространстве находилась грунтовая яма размером 1,0 × 0,8 м, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 34; 35, 7). На глубине 10 см от уровня материка вдоль северной стенки прослежен уступчик шириной 15 см. Ниже в яму впущен ящик размером 1,0 × 0,65 м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Глубина могилы от уровня материка 0,5 м, от уровня продольных плит 0,4 м. Восточная торцевая плита выше западной на 5 см и выше продольных на 25 см. Ящик перекрыт двумя плитами размером 0,7 × 0,4 и 0,75 × 0,4 м. Плиты перекрытия опираются на материковый уступчик и стенки ящика. На дне могилы обнаружен костяк ребенка в возрасте 2–3 лет, лежавший на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. В головах погребенного вдоль западной стенки находились два сосуда (см. рис. 37, 7, 9). На шее погребенной (вероятно, девочки) находилось ожерелье, включавшее подвеску из раковины (см. рис. 36, 2), две подвески из коренных зубов собаки или волка (рис. 36, 7, 8), шесть пастовых бус и четыре двусоставные пастовые пронизи. В области пояса найдены две подвески из клыков корсака и лисицы (рис. 36, 4, 5), вплетенные, вероятно, в косу.

Ограда Г – пристроена к ограде Б с северо-западной стороны, овальной формы, размером $4,0 \times 3,3$ м. В центре огражденного пространства расположена могила – каменный ящик размером $2,1 \times 1,1$ м, ориентированный по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Глубина от уровня материка $0,85$ м, от уровня плит $0,75$ м. Западную половину перекрывает плита, расколовшаяся на две части и запавшая вовнутрь ящика, размером $0,95 \times 0,7$ м; восточную половину перекрывает частично сдвинутая плита размером $0,9 \times 0,7$ м. Центральная часть перекрытия отсутствовала (см. рис. 34; 35, 6). В заполнении встречены нижняя челюсть человека, нашивная бляшка (рис. 36, 13) и неорнаментированный фрагмент керамики. На дне обнаружен костяк женщины в возрасте 18–20 лет, у которого отсутствовал череп. Погребенная лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Кости стоп имеют следы посмертного слома. Правая стопа слегка отогнута, кости левой, сломанной в голеностопном суставе, расположены по одной линии с костями голени. На лодыжках отмечено по низке бронзовых бусин, по 59 изделий в каждой. На пальцы обеих рук – мизинцы и средние – надето по бронзовому кольцу с S-образными щитками (рис. 36, 1, 3, 6, 9). На дне под костяком прослеживался тлен от подстилки фиолетового цвета.

Ограда Д – объединяла два отдельных поминальных комплекса (ограды А–В и Б–Г) в общую погребальную систему – размером $8,0 \times 5,5$ м, пристроена к ограде А с юго-восточной стороны, а к ограде Б с северной стороны. Между первичными погребальными комплексами (оградами В и Г) сохранился в северном секторе незакрытый проход в ограду Д шириной $0,5$ м, ориентированный на юго-запад. В огражденном пространстве расположен тройной ящик размером $2,3 \times 3,1 \times 0,7$ м, впущенный в грунтовую яму, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад, и занимающий центральную и южную части огражденного пространства. Частично деформированные стенки ящика запали наружу или вовнутрь (см. рис. 34).

Могила 1 – северная – ящик размером $2,3 \times 1,0$ м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад; толщина общей с могилой 2 стенки $0,15$ м; глубина от уровня материка $0,7$ м, от уровня западной и восточной стенки $0,6$ м. Торцевые плиты выше продольных на 10 см. Восточная часть перекрыта обломками расколовшейся на две части плиты, запавшими вовнутрь, размером $1,1 \times 0,55$ м (см. рис. 35, 8). В заполнении встречены фрагменты сосуда (рис. 37, 3). В центре могилы обнаружена линза кальцинированных костей и пепла размером $0,25 \times 0,3$ м, мощностью $2–3$ см.

Могила 2 – центральная – ящик размером $2,3 \times 1,0 \times 0,7$ м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад, толщина общей с могилой 3 стенки $0,1$ м. Восточная стенка выше западной на 5 см и выше продольных на $0,25$ м. Центральная часть перекрыта двумя плитами, лежавшими одна поверх другой: нижняя размером $1,5 \times 0,8$ м; верхняя – $1,1 \times 0,7$ м (рис. 35, 8). В заполнении встречены обломки сосуда (см. рис. 37, 8), второй сосуд стоял у западной стенки ящика (рис. 37, 11). В восточной половине ящика обнаружена линза кальцинированных костей и пепла размером $0,4 \times 0,25$ м, мощностью $3–4$ см.

Могила 3 – южная – ящик размером $2,3 \times 1,1 \times 0,7$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Западная стенка выше восточной на 15 см и

выше продольных на 25 см. Перекрыта четырьмя небольшими обломками плит размером 0,7–0,9 × 0,5–0,9 м (см. рис. 34, 8). В заполнении встречена часть черепной крышки человека. У западной стенки ящика обнаружен раздавленный сосуд (см. рис. 37, 6). В восточном секторе могилы в непо потревоженном состоянии зафиксированы кости таза и ног взрослого человека (пол не определен; возможно, женский), лежавшего на правой боку, в сильно скорченном положении, головой на юго-запад. Сохранившаяся часть костяка свидетельствует о посмертном сломе суставов умершего перед захоронением и его насильственным связывании – кости голени плотно притянуты к бедренным костям, стопы сломаны в голеностопных суставах и «вытянуты» в одну линию с костями голени (см. рис. 35, 8).

Ограда 16. Расположена в южной части погребальной площадки (см. рис. 4). Поминальная конструкция с одной дополнительной пристройкой (рис. 38, 1).

Ограда А – основная, сильно разрушенное надмогильное сооружение неправильно-овальной формы размером 5,0 × 4,0 м, ориентированное по линии северо-запад – юго-восток. Представляла собой систему отдельно вырытых в материковом грунте канавок, концы которых не стыковались, – между отдельными впущенными в них плитами ограждения должны были просматриваться значительные проходы-разрывы. В каждую из зафиксированных на уровне материка канавок впущено по две плиты, запавшие наружу или вовнутрь (рис. 38, 1). В огражденном пространстве расположена могила – грунтовая яма, северная стенка которой укреплена каменной плитой, возвышающейся на 9–10 см над уровнем современной дневной поверхности. Размеры ямы на уровне материка 1,9 × 0,9 × 0,35 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Плиты перекрытия разбиты и сдвинуты. Одна, размером 0,7 × 0,6 м, обнаружена в северо-восточном секторе; вторая, размером 0,9 × 0,5 м, находилась у юго-восточных плит ограждения. В заполнении могилы встречены сильно раздробленные кости человеческого скелета, обломок желобчатого браслета со спиралевидным окончанием (рис. 38, 3) и два неорнаментированных фрагмента керамики.

Ограда Б – пристроена к центральной ограде с северной стороны, удлиненно-овальной формы, размером 5,5 × 3,5 м. Как и основная ограда, носит следы преднамеренного разрушения и представляет собой систему из пяти канавок, в которые впущены небрежно изготовленные плиты, часть из которых отсутствовала. Планиграфические и конструктивные особенности надмогильной конструкции свидетельствуют о том, что первоначально соорудили могилу, используя для этого северную плиту ограждения основной ограды, и, вероятно, только после захоронения могилу обнесли дополнительным ограждением. Наиболее поздней погребальной конструкцией является могила, обнаруженная за пределами пристройки (рис. 38, 1).

Могила 1 – ящик размером 2,2 × 0,7 м, ориентированный по линии запад – восток, с незначительным отклонением к северу; глубина могилы в материке 0,35 м (рис. 38, 1). Длинные стенки ящика возвышались над уровнем современной дневной поверхности на 10–15 см и над уровнем материка на 25 см. Торцевые плиты ниже продольных на 20 см (западная) и 15 см (восточная). В заполнении встречено несколько сильно раздробленных трубчатых костей человеческого скелета.

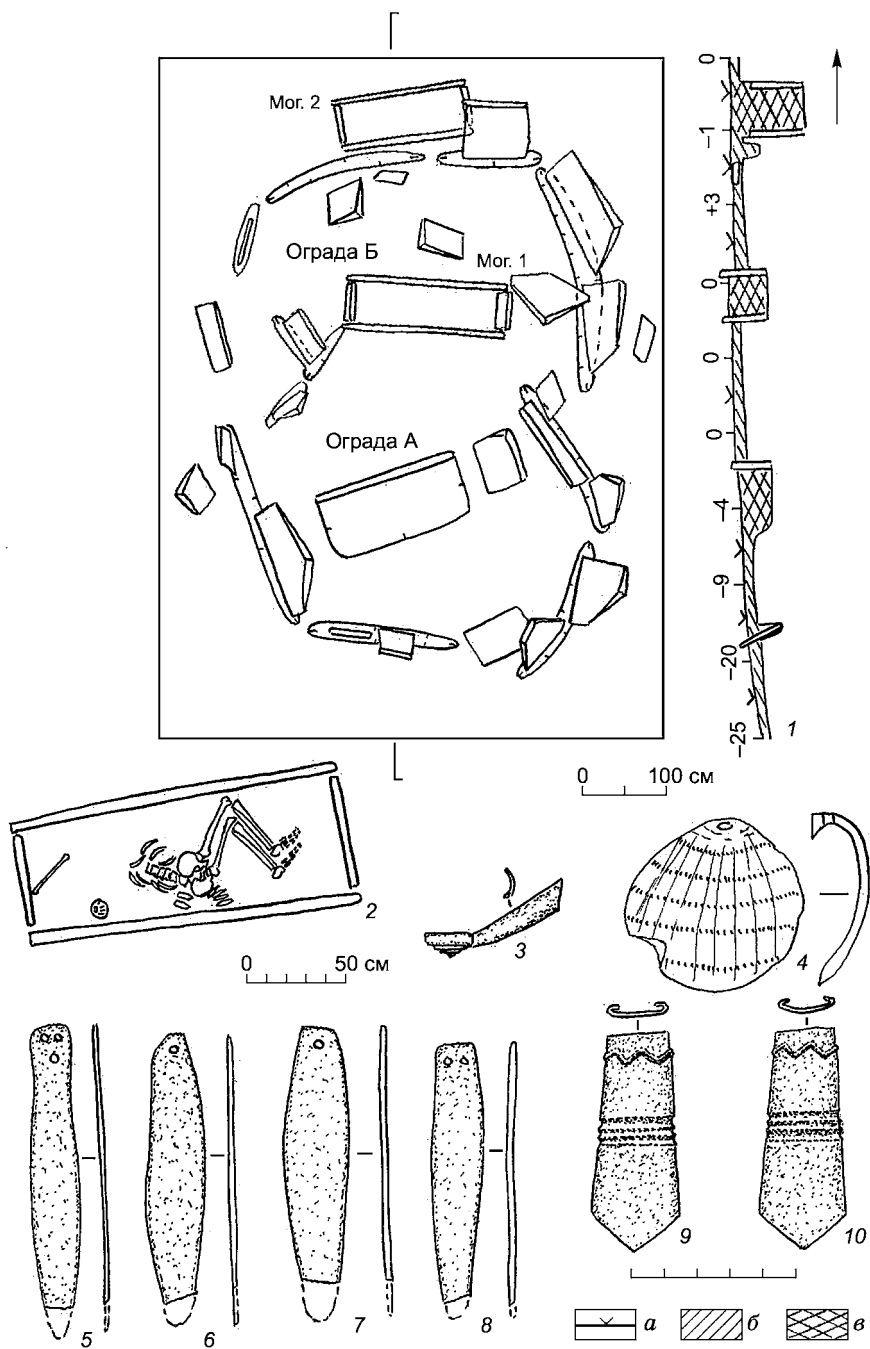

Рис. 38. Могильник Майтан. Ограда 16.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда Б, могила 2; 3 – ограда А, могила 1;
4–10 – ограда Б, могила 2.

3, 5–10 – бронза; 4 – раковина.

а – дерн; б – коричневый гумусированный суглинок; в – коричневый суглинок

Могила 2 – расположена за оградой у северных плит ограждения. Надмогильной конструкции не прослежено. Ящик трапецевидной формы, размером $1,65 \times 0,6-0,65$ м, ориентирован по линии запад – восток, с незначительным отклонением к югу; глубина могилы от уровня материка $0,85$ м, от уровня продольных плит $0,7$ м; торцевые плиты выше продольных на 5 см (рис. 38, 2). В заполнении встречены лучевая кость левой руки и подвеска из раковины (рис. 38, 4). На дне в неповрежденном состоянии зафиксирована нижняя часть грудной клетки, 9 позвонков грудного и поясничного отделов, кости таза и ноги взрослой женщины, лежавшей на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Между тазовыми костями и стенкой ящика найдены остатки накосника, включающего две бронзовые орнаментированные трубчатые пронози (рис. 38, 9, 10) и четыре бронзовые листовидных подвески (рис. 38, 5–8).

Ограда 17. Расположена в южной части погребальной площадки (см. рис. 4). Сложное поминальное сооружение, состоящее из пяти надмогильных конструкций. Особенности исследованных оград и планиграфические наблюдения позволили проследить последовательность возведения: первоначально существовали две обособленные ограды А и Б; позднее к ограде А пристроены ограды Д и Г; ограда В, встроенная между оградами А и Б, соединила два отдельных поминальных комплекса в общую надмогильную конструкцию (рис. 39).

Ограда А – северная, округлой формы, диаметром около $5,5$ м. В погребальном пространстве исследованы поминальный комплекс и две могилы.

Жертвенник 1 – расположен в северо-западном секторе ограды. Ямка овальной формы размером $0,4 \times 0,2 \times 0,2$ м, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток, была перекрыта плитой размером $0,65 \times 0,25$ м (рис. 39). На дне ямки стояли два поминальных сосуда (рис. 40, 4, 7).

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства. Ящик размером $2,35 \times 1,2 \times 0,8$ м ориентирован по линии запад – восток, с незначительным отклонением к северу. Центральная часть перекрыта плитой, расколовшейся на две части, размером $1,2 \times 0,9$ м; восточная плита, размером $0,8 \times 0,6$ м, сдвинута; западная отсутствовала. Торцевые плиты запади – одна вовнутрь (западная), другая (восточная) – наружу (см. рис. 39). В заполнении встречены разрозненные кости двух человеческих скелетов и обломки трех сосудов (см. рис. 40, 1–3).

В восточной половине ящика исследовано частично сохранившееся парное погребение (рис. 41, 1). Из останков взрослого мужчины, лежавшего вдоль южной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад, в неповрежденном состоянии обнаружены 11 позвонков, несколько ребер, кости таза и ног. Между костями бедер и голени лежали четыре костяных (рис. 41, 14–17) и каменный (рис. 41, 10) наконечники стрел, направленные остриями на северо-северо-восток. У восточной стенки ящика, у пальцев ступней ног, находилась костяная округлая пряжка из метаподиальной кости лошади (рис. 41, 9). От второго погребенного – юной женщины – неповрежденными сохранились кости голени и стоп, располагавшиеся в центре ящика, на уровне тазовых костей мужчины. Женщина лежала вдоль северной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад.

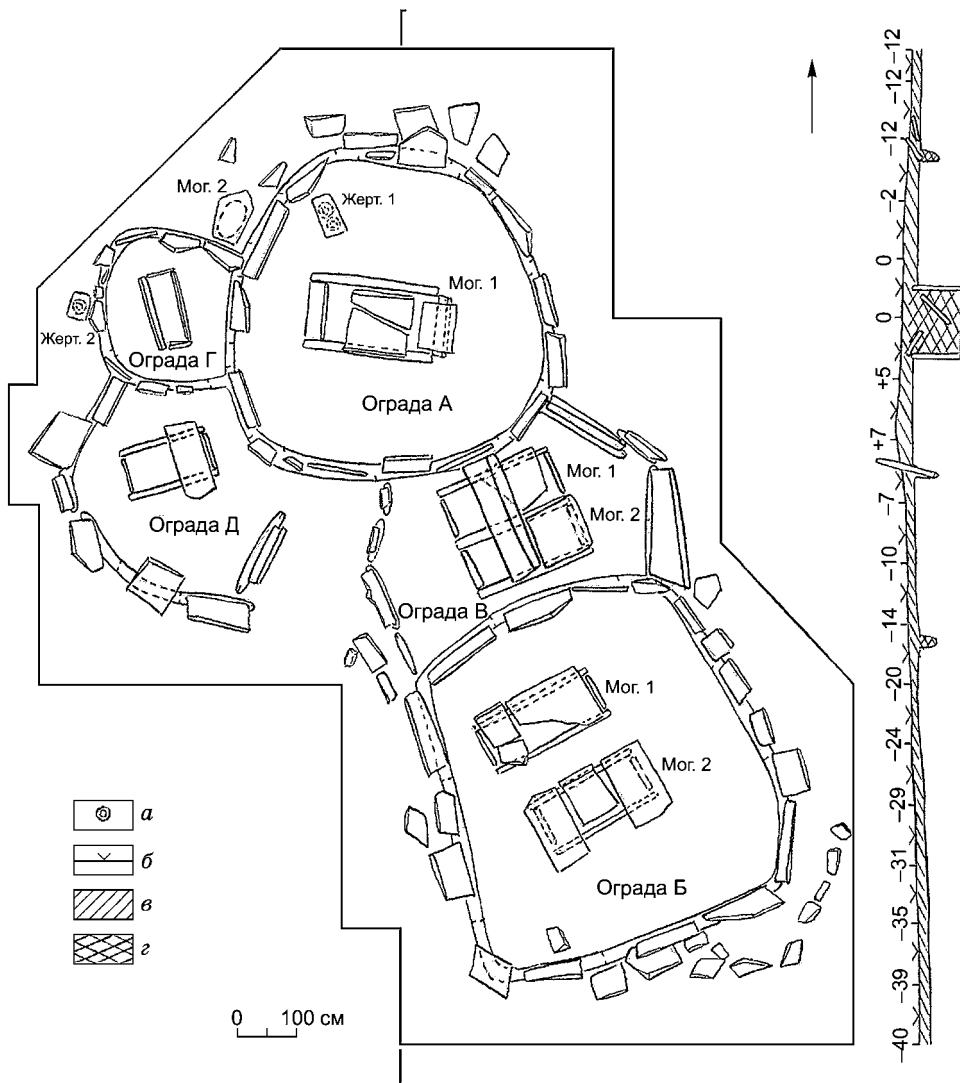

Рис. 39. Могильник Майтан. Ограда 17. План и разрез раскопа.

a – поминальный сосуд; *б* – дерн; *в* – коричневый гумусированный суглинок; *г* – коричневый суглинок

Могила 2 – расположена за оградой с северо-западной стороны. Грунтовая яма размером $0,6 \times 0,4 \times 0,2$ м ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 41, 8). Яма перекрыта плитой размером $0,8 \times 0,5$ м. На дне ямы, у юго-западной стенки, на боку лежал сосуд (см. рис. 40, 5). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда Б – располагалась в 2,5 м юго-восточнее ограды А – неправильно-прямоугольной формы, размером $6,0 \times 5,5$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В огражденном пространстве исследовано две могилы (см. рис. 39).

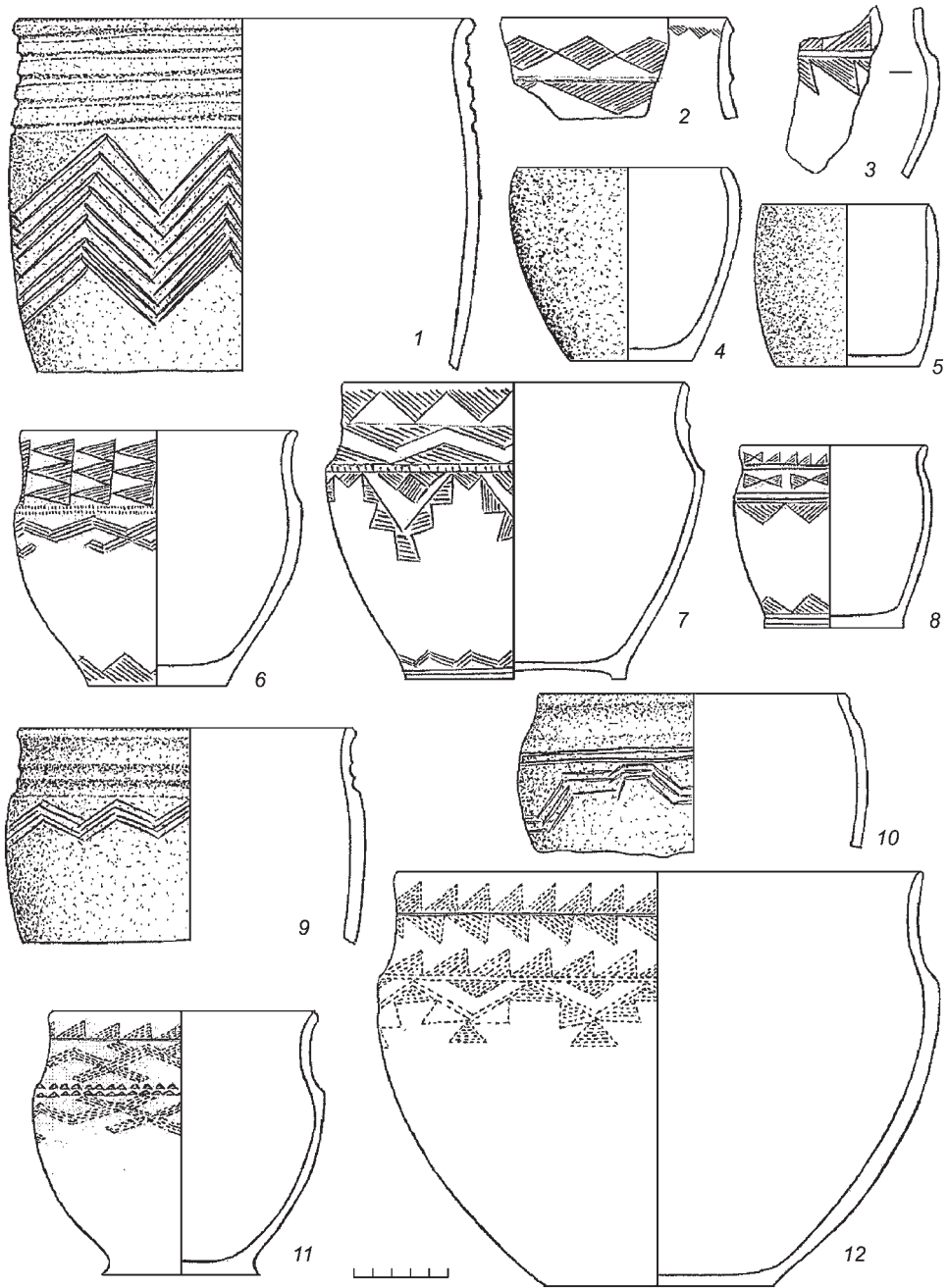

Рис. 40. Могильник Майтан. Ограда 17. Керамика.

1–3 – ограда А, могила 1; 4, 7 – ограда А, жертвенник 1; 5 – ограда А, могила 2; 6, 12 – ограда Б, могила 1; 8, 9 – ограда Д, могила; 10 – ограда Г, жертвенник 2; 11 – ограда В, могила 1

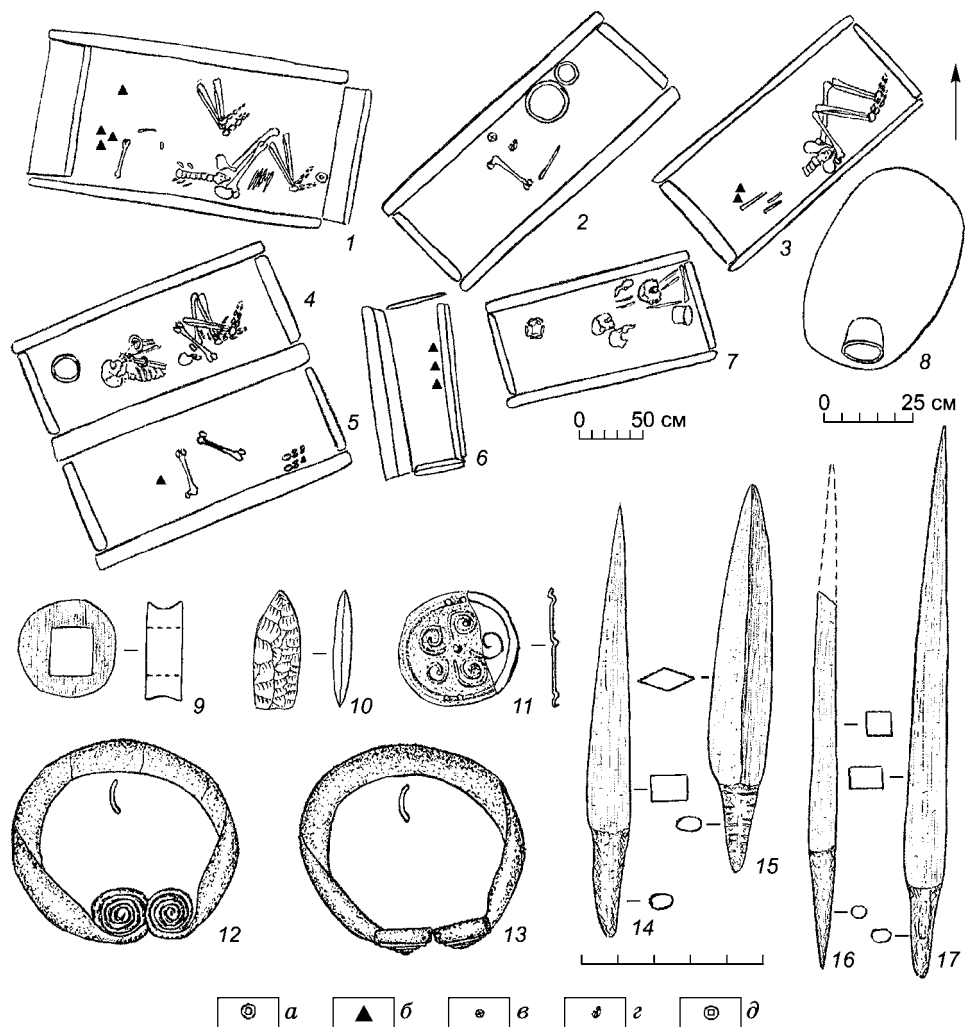

Рис. 41. Могильник Майтан. Ограда 17.

1 – ограда А, могила 1; 2 – ограда Б, могила 1; 3 – ограда Б, могила 2; 4 – ограда В, могила 1; 5 – ограда В, могила 2; 6 – ограда Г, могила; 7 – ограда Д, могила; 8 – ограда А, могила 2; 9, 10, 14–17 – ограда А, могила 1; 11 – ограда Б, могила 1; 12, 13 – ограда В, могила 1.

9, 14–17 – кость; 10 – камень; 11–13 – бронза.

а – сосуд; б – фрагмент керамики; в – бляшка; з – обломок браслета; д – костяная пряжка

Могила 1 – северная – ящик размером $2,1 \times 0,9 \times 0,7$ м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Перекрыт двумя плитами: западная, размером $1,0 \times 0,65$ м, раскололась на две части и частично запала вовнутрь; в восточной, размером $1,25 \times 0,95$ м, пробито грабительское отверстие (рис. 39; 41, 2). В заполнении встречен обломок нижней челюсти, бедренная и большая берцовая кости женщины в возрасте 18 лет, бронзовая бляшка (рис. 41, 11), обломок бронзового желобчатого браслета со спиралевидным окончанием и

бронзовая бусина из ребристой проволоки. Вдоль северной стенки близ северо-восточного угла ящика стояли два сосуда (см. рис. 40, 6, 12).

Могила 2 – южная – ящик трапециевидной формы, размером $1,9 \times 0,85 - 0,9 \times 0,65$ м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Перекрыта тремя поперечно уложенными плитами размером $0,9-1,2 \times 0,65-0,75$ м. Центральная плита в процессе ограбления запала вовнутрь (см. рис. 39; 41 3). В заполнении встречены разрозненные кости взрослого мужчины и неорнаментированные фрагменты керамики. В неповрежденном состоянии зафиксированы 5 позвонков поясничного отдела, кости таза и ног. Мужчина лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад; ступни ног погребенного покрыты тленом фиолетового цвета.

Ограда В – встроена между оградами А и Б, неправильно-прямоугольной формы, размером $5,0 \times 2,53$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В огражденном пространстве находился спаренный каменный ящик, восточная половина которого была перекрыта двумя плитами размером $0,9 \times 0,85$ и $0,9 \times 0,8$ м, центральная и западная части – мощной плитой размером $2,1 \times 0,5$ м, толщиной около 25 см, перевернутой в процессе ограбления и стоящей почти вертикально (см. рис. 39).

Могила 1 – северная – ящик размером $2,0 \times 0,8 \times 0,6$ м, толщина общей с могилой 2 стенки 0,2 м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 41, 4). Захоронение частично разрушено сурчиной норой – отсутствовали кость предплечья правой руки, крестец, правая кость таза и украшения в районе ушного отверстия, отпечатки которых фиксировались на черепе (обломки двух бронзовых подвесок в полтора оборота, покрытых золотым листом, найдены в заполнении). На дне обнаружено погребение женщины в возрасте 20–25 лет, лежавшей на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. В изголовье, близ северо-западного угла, стоял сосуд (см. рис. 40, 11). На запястьях рук надето по одному желобчатому браслету со спиралевидными окончаниями (см. рис. 41, 12, 13). На щиколотках ног фиксировалось по низке – не менее 60 изделий в каждой – рассыпавшихся сильно коррозированных бронзовых бусин. На дне могилы, вдоль бедренных костей, прослежена низка из 33 бронзовых бусин. Под левой стороной черепа расчищена низка пастовых бусин, включающая несколько десятков изделий очень плохой сохранности (не рассыпалось всего около десятка бусинок), нашитых по основанию шапочки. Одна низка пастовых бусин прослеживалась вдоль подбородка. Они, вероятно, были нашиты и украшали завязки шапочки. К шапочке, в области ушей, крепились по две бронзовые подвески в полтора оборота, покрытые золотым листом.

Могила 2 – южная – ящик размером $2,0 \times 0,8 \times 0,6$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. В заполнении встречены разрозненные две бедренные кости, принадлежавшие, вероятно, женщине, неорнаментированный фрагмент керамики, одна бронзовая и 15 пастовых бусин. У южной стенки обнаружены неповрежденные кости стоп, судя по которым погребенная женщина (?) была уложена на левый бок, в скорченном положении, головой на юго-запад (см. рис. 41, 5).

Ограда Г – пристроена к ограде А с западной стороны, подовальной формы, размером $2,2 \times 2,5$ м (см. рис. 39). За оградой, у западных плит ограждения, обнаружен жертвенник 2 – сосуд, впущенный в материк и перекрытый каменной плиткой размером $0,25 \times 0,2$ м (рис. 39; 40, 10). В центре огражденной площадки расположена могила – деформированный каменный ящик трапециевидной формы, размером $1,3 \times 0,4-0,5$ м, ориентированный по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток; глубина от уровня материка $0,5$ м, от уровня восточной стенки $0,4$ м. Северная стенка ящика выше южной и западной на 15 см и выше восточной на 20 см. В заполнении могилы найдено несколько неорнаментированных фрагментов керамики.

Ограда Д – пристроена к ограде А с юго-западной и к ограде Г с южной стороны, неправильно-овальной формы, размером $3,75 \times 3,25$ м. В северной половине огражденного пространства располагалась могила – каменный ящик размером $1,55 \times 0,8 \times 0,5$ м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 39; 41, 7). Восточный сектор перекрыт плитой размером $1,2 \times 0,6$ м. Торцевые плиты выше продольных на 5 см. В заполнении найдены разрозненные кости двух костяков (принадлежали женщине в возрасте $14-16$ лет и ребенку в возрасте $7-9$ лет), 14 бронзовых и 2 пастовые бусины. У восточной стенки на боку лежал целый сосуд (см. рис. 40, 8); второй, сохранившийся частично, обнаружен у западной стенки (рис. 40, 9).

Ограда 18. Расположена в южной части погребальной площадки (см. рис. 4). Сложное поминальное сооружение, состоящее из 10 надмогильных конструкций. Конструктивные особенности исследованных оград и планиграфические наблюдения позволили проследить определенную последовательность возведения: первоначально соорудили ограду А, к которой пристроили ограды Б и В; далее к оградкам А и В пристроили ограду Г; к ограде В – ограду Е; к оградкам В и Г – ограду Д; к ограде В, между оградками Д и Е, пристроили ограду Ж; к ограде А, между оградками Б и В – ограду З; к ограде А и Г – ограду К; к ограде Д – ограду И (см. рис. 42, 1).

Ограда А – основная – удлиненно-овальной формы, размером $6,0 \times 3,0$ м, ориентирована по линии север – юг, с небольшим отклонением к западу. В огражденном пространстве исследованы 4 поминальных комплекса и 4 могилы (рис. 42, 1).

Жертвенник 1 – расположен в северной части ограды, грунтовая яма овальной формы, размерами $0,55 \times 0,35 \times 0,1$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 42, 3). На дне у юго-западной стенки находился стоящий вверх дном сосуд (см. рис. 43, 8), вдоль северной стенки – череп крупного рогатого скота, уложенный на правую сторону, с общей ориентацией на юго-запад; вдоль южной стенки параллельно черепу лежали две конечности крупного рогатого скота копытцами на юго-запад (см. рис. 42, 3).

Жертвенник 2 – два поминальных сосуда, впущенных в материковый грунт у южных плит ограждения (см. рис. 43, 5, 6).

Жертвенник 3 – расположен в центре огражденного пространства (см. рис. 42, 1); грунтовая яма неправильно-прямоугольной формы, $0,6 \times 0,55 \times 0,1$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 42, 2). На дне у юго-западной стенки обнаружены обломки двух сосудов (см. рис. 43, 2, 9).

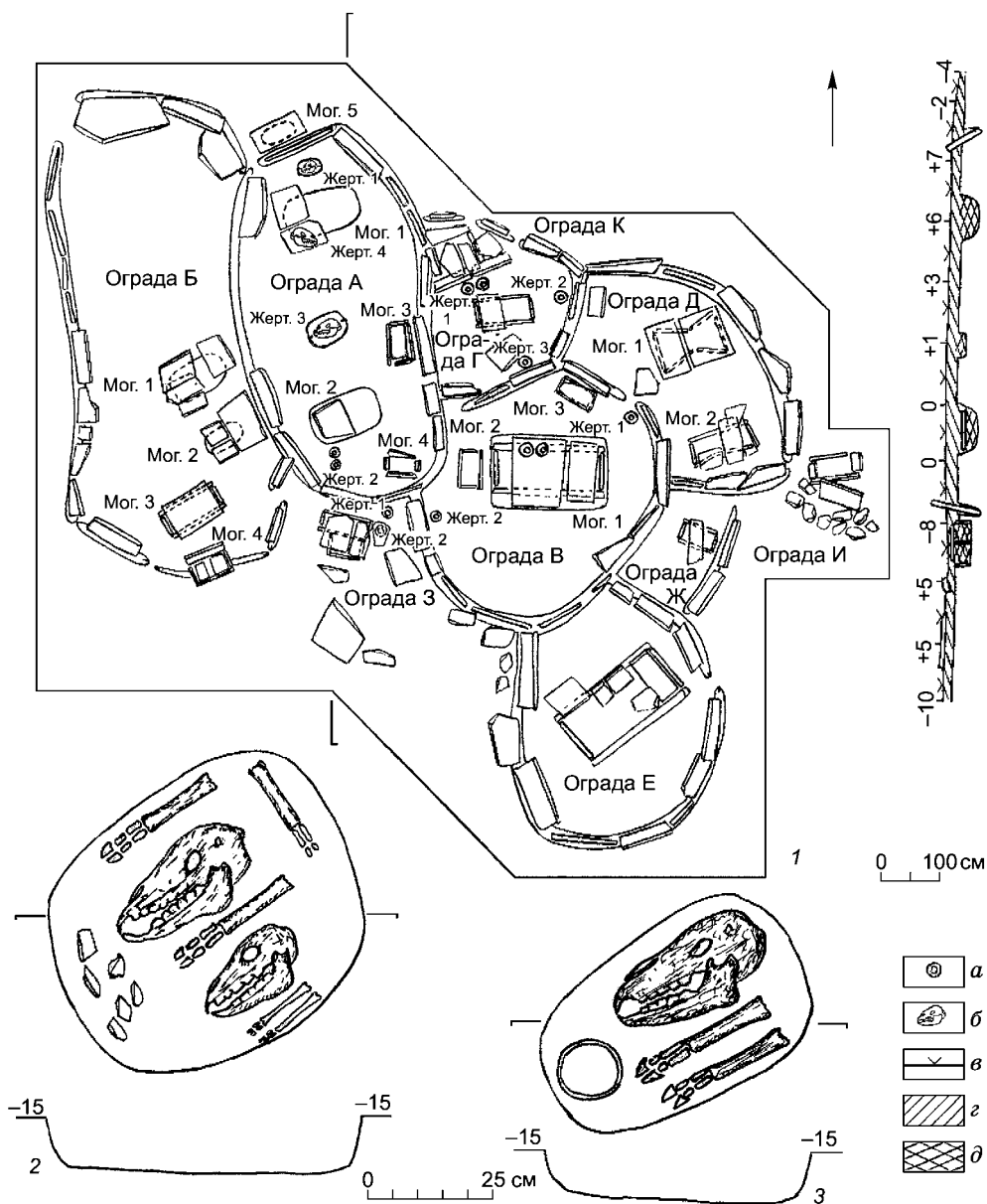

Рис. 42. Могильник Майтан. Ограда 18.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, жертвенник 3; 3 – ограда А, жертвенник 1.
 а – сосуд; б – поминальный комплекс; в – дерн; з – коричневый гумусированный суглинок;
 д – коричневый суглинок

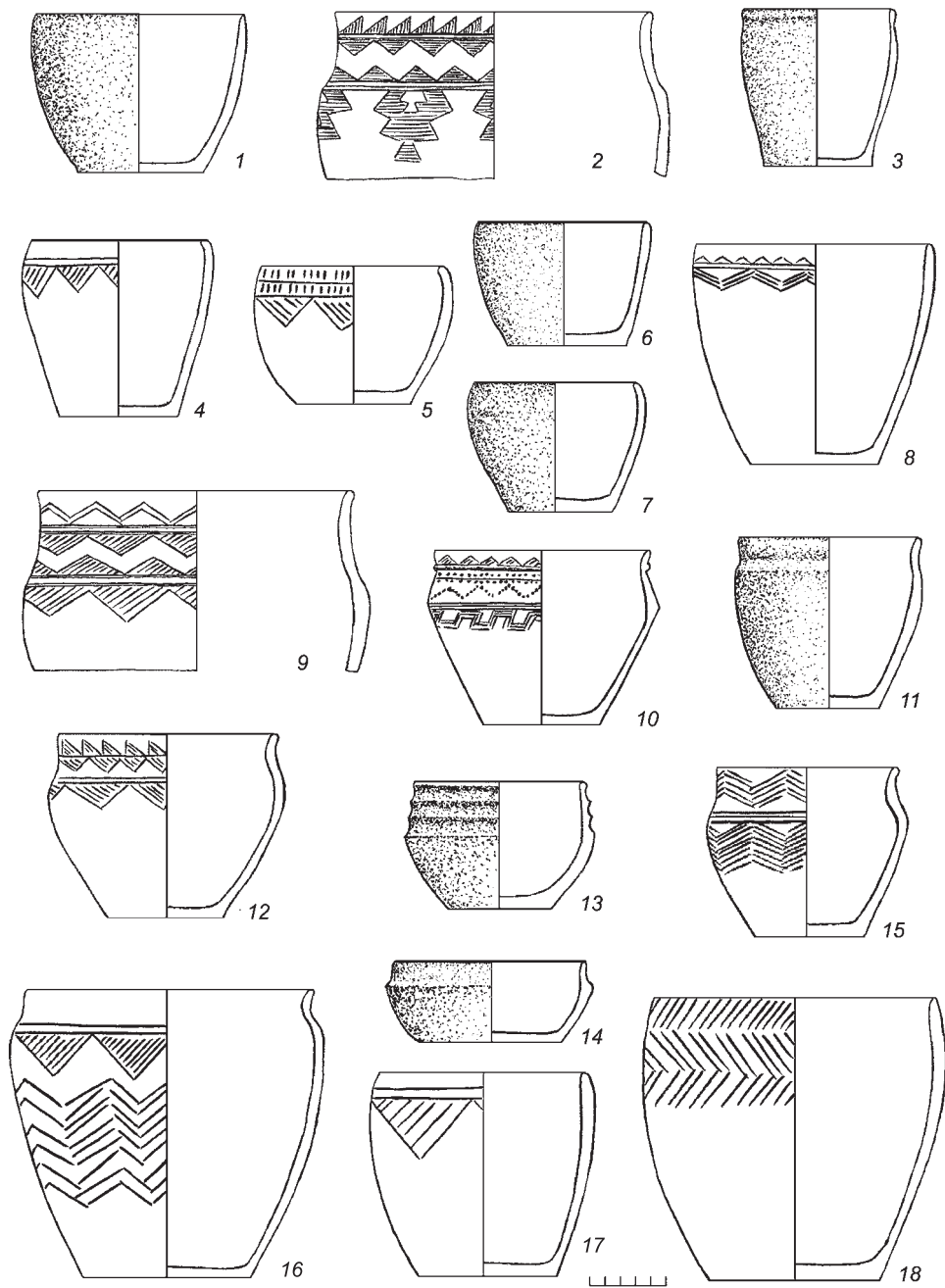

Рис. 43. Могильник Майтан. Ограда 18. Керамика.

1, 7 – ограда Б, могила 2; 2, 9 – ограда А, жертвенник 3; 3, 10 – ограда А, могила 1; 4 – ограда А, могила 3; 5, 6 – ограда А, жертвенник 2; 8 – ограда А, жертвенник 1; 11 – ограда Б, могила 4; 12, 14 – ограда Б, могила 3; 13 – ограда А, могила 5; 15 – ограда Б, могила 1; 16, 18 – ограда А, могила 2; 17 – ограда А, могила 4

В центральной части находился череп лошади, уложенный на правую сторону, ориентирован на юго-запад. Череп с трех сторон – северной, восточной и южной – обложен тремя конечностями крупного рогатого окота. В южной части ямы параллельно черепу лошади был помещен череп овцы, уложенный на правую сторону, ориентирован на юго-запад. Между основанием черепа и стенкой ямы лежали две нижние конечности мелкого рогатого скота.

Жертвенник 4 – расположен на плите перекрытия могилы 1; череп овцы, уложенный на правый бок, с общей ориентацией на юго-восток.

Могила 1 – расположена в северной части ограды, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $1,3 \times 0,75 \times 0,45$ м, ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Западная часть перекрыта расколовшейся на две части плитой размером $1,0 \times 0,7$ м. В заполнении найдены кости ребенка в возрасте 9–10 лет (рис. 44, 3) и ребро собаки или лисицы, с разрастанием костной ткани. У северной стенки ямы – обломки двух раздавленных сосудов (см. рис. 43, 3, 10), между которыми лежала бронзовая листовидная подвеска (рис. 45, 14).

Могила 2 – расположена в южной части ограды, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $1,15 \times 0,7 \times 0,5$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Западная половина перекрыта запавшей вовнутрь плитой размером $0,7 \times 0,5$ м (см. рис. 42, 1). На дне обнаружен частично сохранившийся скелет ребенка в возрасте 10 лет: не потревожены три позвонка поясничного отдела, кости таза и ног. Погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад (см. рис. 44, 4). В изголовье, вдоль западной стенки, стояли 2 сосуда (см. рис. 43, 16, 18).

Могила 3 – расположена в центре ограды у восточных плит ограждения; каменный ящик, впущенный в коричневый гумусированный суглинок, размером $0,9 \times 0,4 \times 0,15$ м, ориентирован по линии север – юг с незначительным отклонением к западу (см. рис. 42, 1). На уровне материка находился костяк ребенка в возрасте 2–3 лет, лежавший на левом боку, в скорченном положении, головой на север (см. рис. 44, 5). У северной стенки, в изголовье погребенного ребенка, стоял сосуд (см. рис. 43, 4).

Могила 4 – расположена в юго-восточном углу огражденного пространства; каменный ящик, впущенный в коричневый гумусированный суглинок, размером $0,6 \times 0,35 \times 0,2$ м, ориентирован по линии запад – восток с незначительным отклонением к северу (рис. 42, 1; 44, 6). У западной стенки ящика на боку лежал сосуд (см. рис. 43, 17). Останков погребенного не обнаружено.

Могила 5 – расположена за оградой у северных плит ограждения, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $0,6 \times 0,3 \times 0,25$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Яма перекрыта прямоугольной плитой размером $0,8 \times 0,35$ м (рис. 42, 1; 44, 7). В юго-западном углу ямы стоял сосуд (рис. 43, 13). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда Б – пристроена к оградке А с западной стороны, в которой прослеживался проход шириной около 2 м. Удлиненной неправильно-овальной формы, размером $7,0 \times 3,0$ м, ориентирована по линии север – юг. Исследовано 4 могилы, располагавшиеся в южной половине огражденного пространства, в северном его секторе каких-либо погребальных конструкций не обнаружено (см. рис. 42, 1).

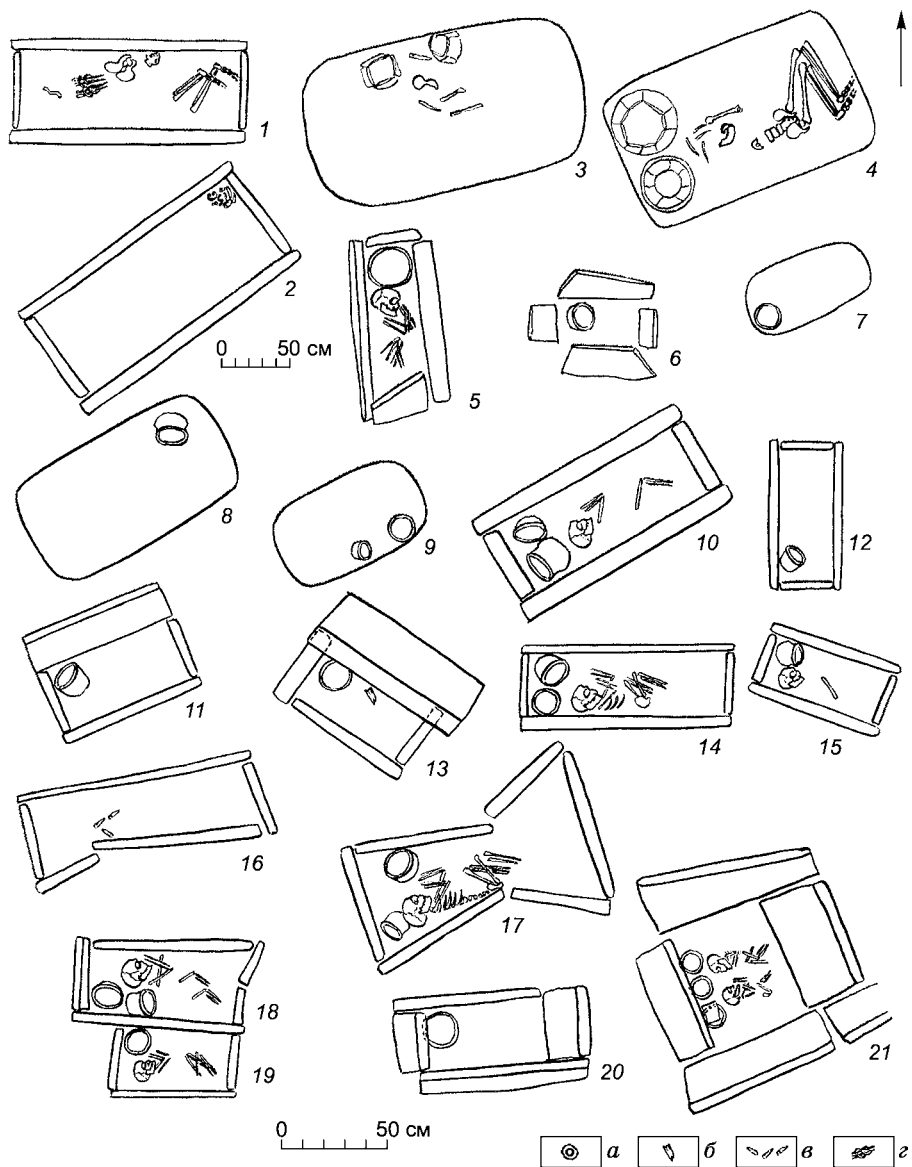

Рис. 44. Могильник Майтан. Ограда 18. Планы погребений.

1 – ограда В, могила 1; 2 – ограда Е, могила; 3 – ограда А, могила 1; 4 – ограда А, могила 2; 5 – ограда А, могила 3; 6 – ограда А, могила 4; 7 – ограда А, могила 5; 8 – ограда Б, могила 1; 9 – ограда Б, могила 2; 10 – ограда Б, могила 3; 11 – ограда Б, могила 4; 12 – ограда В, могила 2; 13 – ограда В, могила 3; 14 – ограда Г, могила; 15 – ограда Ж, могила; 16 – ограда Д, могила 2; 17 – ограда Д, могила 1; 18, 19 – ограда 3, могила 1-2; 20 – ограда И, могила; 21 – ограда К, могила.

а – сосуд; б – зуб лошади; в – листовидные подвески; з – бронзовые браслеты

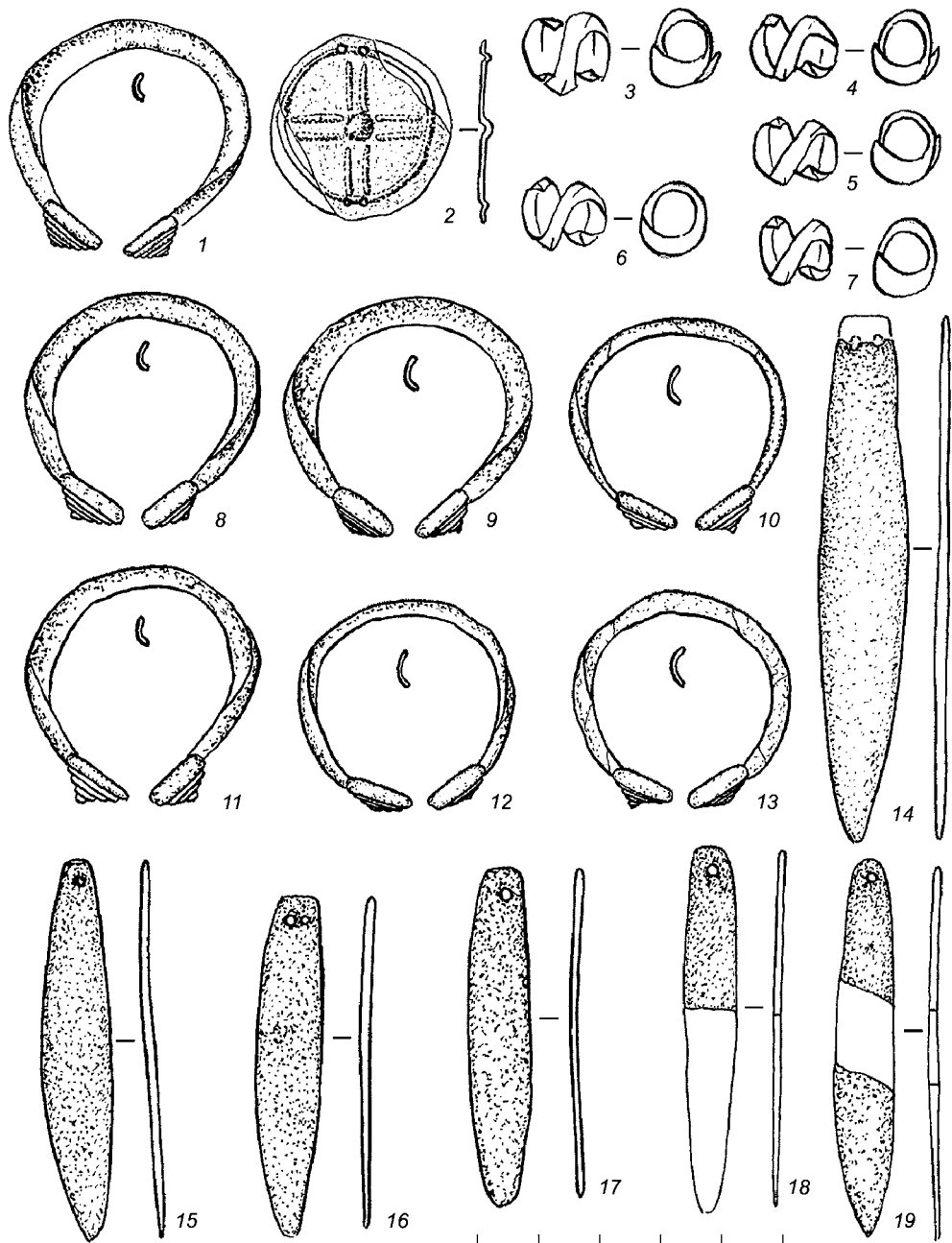

Рис. 45. Могильник Майтан. Ограда 18. Бронзовый вещевой инвентарь.
 1, 3, 8, 9, 11 – ограда В, могила 1; 2, 4-7, 10, 12, 13, 18, 19 – ограда Е, могила 1; 14 – ограда А, могила 1; 15-17 – ограда Д, могила 2

Могила 1 – расположена близ центра ограды, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $1,0 \times 0,55 \times 0,25$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Перекрыта обломками треснувших плит, частично запавшими вовнутрь ямы, размером $0,4-0,6 \times 0,3-0,4$ м (см. рис. 42, 1; 44, 8). В северо-восточном углу ямы на боку лежал сосуд (см. рис. 43, 15). Останков погребенного не обнаружено.

Могила 2 – расположена в юго-восточном секторе ограды, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $0,7 \times 0,4 \times 0,25$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Перекрыта двумя плитами: восточная размером $0,9 \times 0,5$ м; западная, размером $0,65 \times 0,4$ м, раскололась на две части и запала вовнутрь (см. рис. 42, 1; 44, 9). На дне ямы обнаружено два сосуда: один стоял у южной стенки близ юго-восточного угла (см. рис. 43, 1), второй лежал на боку в центре у южной стенки (рис. 43, 7). Останков погребенного не обнаружено.

Могила 3 – расположена в южной части ограды, каменный ящик размером $1,1 \times 0,55 \times 0,4$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Перекрыт плитой размером $0,9 \times 0,55$ м (см. рис. 42, 1; 44, 10). На дне обнаружен частично сохранившийся костяк ребенка в возрасте 2–3 лет, лежавший на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. В изголовье, у западной стенки, стояли 2 сосуда (см. рис. 43, 12, 14).

Могила 4 – расположена в южной части ограды, для ее сооружения были сняты южные плиты ограждения. Каменный ящик размером $0,7 \times 0,55 \times 0,2$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Перекрыт двумя плитами размером $0,3 \times 0,23$ и $0,3 \times 0,29$ м, запавшими вовнутрь в результате смещения северной стенки ящика (см. рис. 42, 1; 44, 11). На дне, в северо-западном углу ящика, стоял сосуд (см. рис. 43, 11). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда В – пристроена к ограде А с юго-восточной стороны, овальной формы, размером $4,5 \times 3,5$ м. В огражденном пространстве исследовано 2 поминальных комплекса и 3 могилы (см. рис. 42, 1).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у северо-восточных плит ограждения (рис. 46, 1).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у западных плит ограждения (рис. 47, 7).

Могила 1 – расположена в центре огражденной площадки, грунтовая яма прямоугольной формы, размером $1,8 \times 1,15$ м, ориентирована по линии запад – восток. На глубине 20 см от уровня материка вдоль длинных сторон ямы прослежены уступчики (ширина северного 10 см, южного 15 см). Ниже уступчиков в яму впущен ящик размером $1,8 \times 0,8 \times 0,6$ м, ориентированный по линии запад – восток. Восточная торцевая плита выше западной на 0,15 м и выше продольных на 0,25 м. Непотревоженными сохранились две плиты перекрытия, уложенные поперек могилы и находившиеся на уступчиках и стенках ящика: восточный сектор перекрыт плитой размером $0,6 \times 0,8$ м, центральный участок – плитой размером $1,1 \times 0,9$ м. В западном секторе плита перекрытия отсутствовала (см. рис. 42, 1; 44, 1). На центральной плите перекрытия, вдоль северной стенки ямы, стояли два сосуда: один – западный – устьем вверх

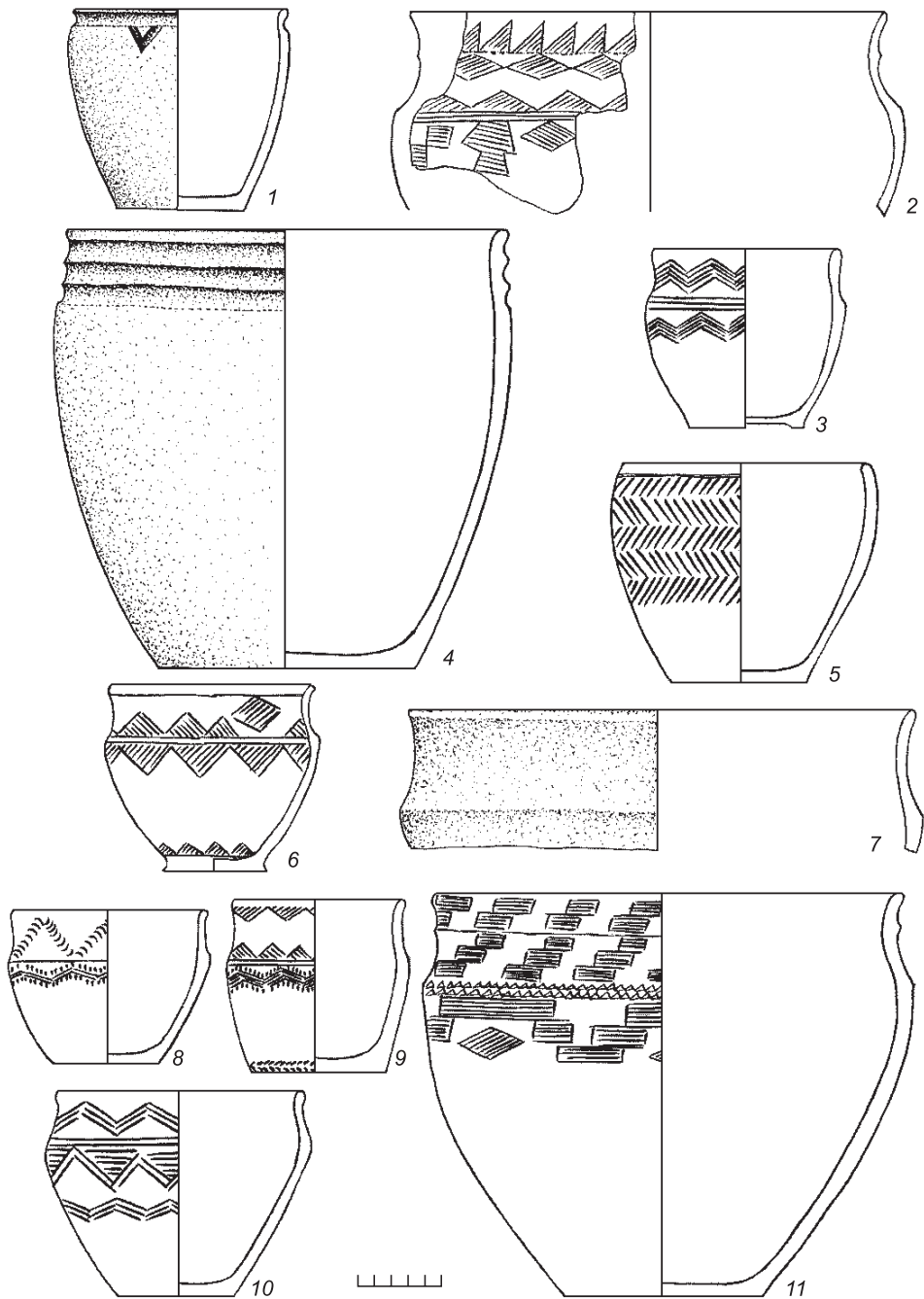

Рис. 46. Могильник Майтан. Ограда 18. Керамика.

1 – ограда В, жертвенник 1; 2 – ограда Г, жертвенник 1, крышка сосуда; 3, 8 – ограда К, могила; 4, 11 – ограда В, перекрытие могилы 1; 5 – ограда З, могила 1; 6 – ограда Ж, могила; 7 – ограда В, могила 1; 9 – ограда З, жертвенник 1; 10 – ограда В, могила 2

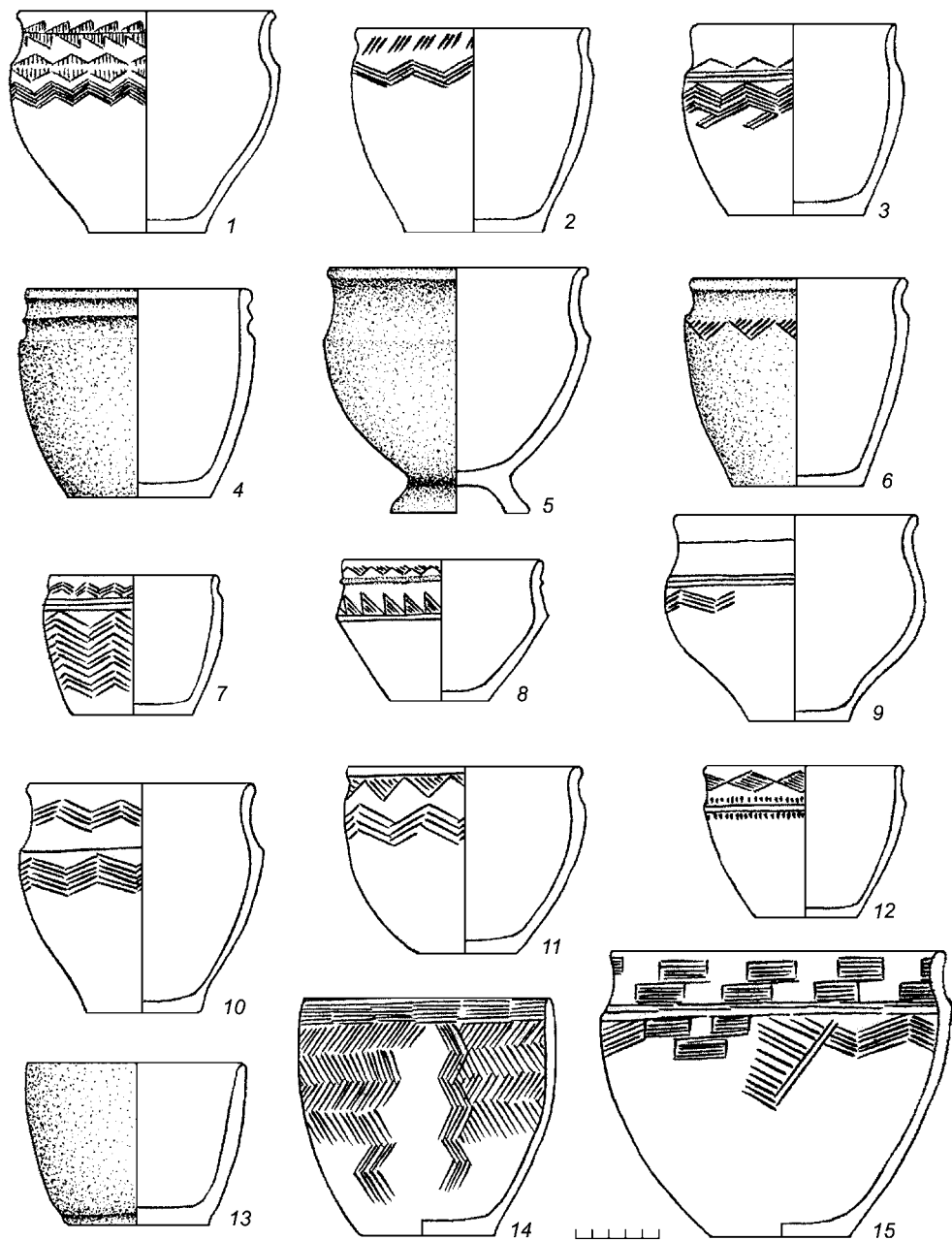

Рис. 47. Могильник Майтан. Ограда 18. Керамика.

1, 2 – ограда Г, могила; 3, 4 – ограда Г, жертвенник 1; 5 – ограда И, могила; 6 – ограда Г, жертвенник 2; 7 – ограда В, жертвенник 2; 8 – ограда Г, жертвенник 3; 9, 15 – ограда Д, могила 1; 10 – ограда 3, могила 2; 11 – ограда 3, могила 1; 12 – ограда К, могила; 13 – ограда В, могила 3; 14 – ограда 3, жертвенник 2

(рис. 46, 4), второй – восточный – вверх дном (см. рис. 46, 11). В заполнении встречены разрозненные кости скелетов мужчины (возраст 20–25 лет) и женщины (возраст 18 лет), обломки сосуда (рис. 46, 7), бронзовая подвеска в полтора оборота (см. рис. 45, 3), 71 бронзовая и 9 пастовых бусин. На дне в непотревоженном состоянии зафиксированы кости предплечья обеих рук, голени и стопы ног женского костяка, лежавшего вдоль северной стенки, на правом боку, в скорченном положении, головой на запад (см. рис. 44, 1). На запястьях рук обнаружено по 2 желобчатых браслета со спиралевидными окончаниями (см. рис. 45, 1, 8, 9, 11). Особенности внутреннего устройства могилы позволяют предполагать ярусное захоронение, в котором костяк мужчины, располагавшийся выше, перекрывал останки погребенной женщины. В результате ограбления мужской скелет был разрушен полностью, а женский только частично. Вероятно, погребенные лежали лицом друг к другу, мужчина вдоль южной, женщина – вдоль северной стенки.

Могила 2 – расположена в западной части ограды, каменный ящик, впущенный в коричневый гумусированный суглинок, размером $0,7 \times 0,35 \times 0,2$ м, ориентирован по линии север – юг (см. рис. 42, 1; 44, 12). На дне в юго-западном углу ящика на боку лежал сосуд (см. рис. 46, 10). Останков погребенного не обнаружено.

Могила 3 – расположена в северо-восточном секторе ограды, каменный ящик, впущенный в коричневый гумусированный суглинок, размером $0,75 \times 0,4 \times 0,2$ м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Перекрыт плитой размером $0,66 \times 0,32$ м (см. рис. 42, 1; 44, 13). На дне, в северо-восточном углу ящика, стоял сосуд (см. рис. 47, 13), рядом лежал коренной зуб лошади. Останков погребенного не обнаружено.

Ограда Г – пристроена к ограде А с восточной и к ограде В с северной стороны, овальной формы, размером $3,0 \times 2,0$ м. В огражденном пространстве исследовано 3 поминальных комплекса и могила (см. рис. 42, 1).

Жертвенник 1 – два поминальных сосуда, впущенных в материковый грунт у северных плит ограждения (см. рис. 47, 4), один из них (рис. 47, 3) был закрыт керамической крышкой (см. рис. 46, 2).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у восточных плит ограждения (см. рис. 47, 6).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у южных плит ограждения (рис. 47, 8).

Могила – расположена в центре огражденной площадки, каменный ящик размером $1,0 \times 0,4 \times 0,35$ м, ориентирован по линии запад – восток, с незначительным отклонением к югу. Западная часть ящика перекрыта плитой размером $0,5 \times 0,4$ м; плита размером $0,6 \times 0,4$ м, перекрывавшая восточный участок могилы, сдвинута в южный сектор ограды. Торцевые плиты выше продольных на 5 см (см. рис. 42, 1). На дне обнаружен костяк ребенка в возрасте около 2 лет, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на запад (см. рис. 44, 14). Вдоль западной стенки, в изголовье погребенного, обнаружено два сосуда: один стоял в юго-западном углу (см. рис. 47, 2), второй, лежавший на боку, находился в северо-западном углу (см. рис. 47, 1).

Ограда Д – пристроена к оградкам В и Г с востока, неправильно-овальной формы, размером $4,0 \times 2,5$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В огражденном пространстве исследовано две могилы (см. рис. 42, 1).

Могилка 1 – прослежена в северной половине ограды, грунтовая яма размером $1,15 \times 0,85 \times 0,5$ м, в которую был впущен деформированный каменный ящик трапециевидной формы размером $1,1 \times 0,65$ – $0,8$ м, глубиной от уровня продольных плит $0,2$ м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Восточная торцевая плита выше западной на 5 см и выше продольных на 20 см. Восточная половина перекрыта плитой размером $0,8 \times 0,65$ м, западная – двумя лежащими друг на друге плитами, нижняя размером $0,8 \times 0,4$ м, верхняя – $0,85 \times 0,5$ м. Длинные стенки ящика треснули и под давлением земли западали к центру могилы (см. рис. 42, 1; 44, 17). Погребенный ребенок в возрасте 7 – 9 лет лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. В изголовье стоял сосуд (см. рис. 47, 9), второй сосуд находился перед лицом (рис. 47, 15).

Могилка 2 – расположена в южной части ограды, деформированный каменный ящик, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад, размером $1,1 \times 0,45$ м; глубина от уровня материка $0,45$ м, от уровня продольных плит $0,3$ м. Западная торцевая плита выше восточной на 5 см и выше продольных на 20 см. Перекрыт обломками плит размером $0,25$ – $0,35 \times 0,45$ – $0,75$ м (см. рис. 42, 1; 44, 16). Останков погребенного не обнаружено, но на дне в западной половине ящика найдены 3 бронзовые листовидные подвески (см. рис. 45, 15–17).

Ограда Е – пристроена к ограде В с юго-восточной стороны, овальной формы, размером $4,0 \times 3,5$ м. В центре огражденного пространства располагалась могила – каменный ящик размером $2,0 \times 1,0$ м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад; глубина от уровня материка $0,6$ м и от уровня продольных плит $0,5$ м, торцевые плиты выше на 10 см. Ящик перекрыт обломками плит, большинство из которых западали вовнутрь могилы (см. рис. 42, 1; 44, 2). Костей человека не обнаружено, но в заполнении найдено несколько неорнаментированных фрагментов керамики. В северо-восточном углу ящика компактной кучкой лежали разнообразные украшения: 4 бронзовые подвески в полтора оборота, обтянутые золотой фольгой (см. рис. 45, 4–7), три бронзовых желобчатых браслета со спиралевидными окончаниями (рис. 45, 10, 12, 13), обломки двух листовидных подвесок (рис. 45, 18, 19), бронзовая бляшка (рис. 45, 2) и три пастовые бусины. Можно предположить, что данное захоронение является своеобразным женским кенотафом – в углу могилы частично сохранился женский набор, включающий основные элементы челюстно-лицевого, накового и наручных украшений.

Ограда Ж – пристроена к ограде В с востока, между оградками Д и Е, прямоугольной формы, размером $2,0 \times 1,25$ м. В северной половине расположена могила – каменный ящик размером $0,65 \times 0,35 \times 0,3$ м, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. Восточная торцевая стенка выше остальных на 5 см. Центральная часть перекрыта сдвинутой плитой размером $0,6 \times 0,25$ м (см. рис. 42, 1; 44, 15.) От костяка младенца в возрасте до полугода сохрани-

лись только череп и бедренная кость. Он лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Перед лицом погребенного, в северо-западном углу ящика, на боку лежал сосуд (см. рис. 46, 6).

Ограда 3 – пристроена к ограде А с южной стороны, между оградами Б и В, сильно разрушена; вероятно, имела прямоугольную форму, размер $2,5 \times 2,0$ м. В огражденном пространстве исследованы 2 поминальных комплекса и спаренный ящик (см. рис. 42, 1).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у южных плит ограды А (см. рис. 46, 9).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у восточной стенки могилы 1 и перекрытый каменной плиткой размером $0,25 \times 0,3$ м (см. рис. 47, 14).

Вдоль южных плит ограды А, в центре огражденного пространства, располагался спаренный ящик. Несмотря на то, что две его части имели разные размеры, вероятно, они сделаны одновременно, так как имеют общее перекрытие из двух плит, уложенных поперек могил, размером $0,65 \times 0,45$ и $0,55 \times 0,3$ м (см. рис. 42, 1; 44, 18, 19).

Могила 1 – северная спаренного ящика – трапециевидной формы, размером $0,8 \times 0,4-0,45 \times 0,3$ м, толщина общей стенки 5 см, ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. На дне обнаружен костяк младенца в возрасте до полугода. Он лежал по диагонали могилы, на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад (см. рис. 44, 18). За головой погребенного стояли два сосуда: один в юго-западном углу (см. рис. 46, 5); второй рядом с первым вдоль южной стенки (см. рис. 47, 11).

Могила 2 – южная спаренного ящика – трапециевидной формы, размером $0,6 \times 0,25-0,3 \times 0,3$ м, ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. На дне обнаружен костяк ребенка в возрасте до полугода, погребенного на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад (см. рис. 44, 19). Перед его лицом, в северо-западном углу ящика, стоял сосуд (см. рис. 47, 10).

Ограда И – располагалась у юго-восточного угла ограды Д, размеры конструкции установить не удалось. Сохранились остатки кладки из ломаного камня длиной около 3 м (см. рис. 42, 1). Севернее кладки находился деформированный каменный ящик размером $0,8 \times 0,45 \times 0,4$ м, ориентированный по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Плита перекрытия размером $0,7 \times 0,4$ м сдвинута в южный сектор (рис. 42, 1; 44, 20). На дне, в северо-западном углу ящика, стоял сосуд (см. рис. 47, 5). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда К – пристроена с восточной стороны к ограде А и с северной стороны к ограде Г, прямоугольной формы, размером $1,6 \times 1,0$ м. У деформированного каменного ящика, расположенного в огражденном пространстве, северные плиты ограды Г одновременно являлись и южной стенкой могильного сооружения. Каменный ящик размером $0,95 \times 1,0 \times 0,3$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Перекрыт тремя плитками размером $0,4 \times 0,3$, $0,4 \times 0,32$ и $0,55 \times 0,25$ м (см. рис. 42, 1; 44, 21). На дне обнаружено парное

погребение детей в возрасте до полугода. Один из погребенных лежал вдоль южной стенки на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Второй погребенный лежал вдоль северной стенки, лицом к первому, на правом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. В изголовье, вдоль западной стенки, стояли 3 сосуда: стоящий в юго-западном углу был накрыт керамической крышкой из неорнаментированной боковины крупного сосуда (см. рис. 47, 12); второй сосуд стоял в центре ряда (см. рис. 46, 3); третий закрывал ряд, располагался близ северо-западного угла (рис. 46, 8).

Ограда 19. Овальной формы, размером $4,5 \times 3,5$ м, ориентирована по линии запад-восток (см. рис. 4). Представляла собой систему отдельных канавок с нестыкующимися концами – между впущенными в них плитами ограждения просматриваются значительные разрывы (рис. 48, 1). В центре огражденного пространства расположена могила – ящик трапецевидной формы, размером $1,95 \times 0,7-0,6$ м, ориентированный по линии запад – восток, с незначительным отклонением к югу. Глубина ящика от уровня материка 0,7 м, от уровня плит 0,75 м. Западная торцевая плита выше остальных на 10 см. Плиты перекрытия разбиты и сдвинуты. В заполнении встречены неорнаментированные обломки керамики и разрозненные кости скелета женщины в возрасте 18–25 лет (рис. 48, 2). На дне, в восточной половине ящика, обнаружены непотревоженные голень правой ноги, левая часть таза и кости левой ноги. Женщина лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на запад.

Ограда 20. Прямоугольной формы, размером $5,2 \times 4,6$ м, ориентирована по линии запад – восток (см. рис. 4). В южной стенке ограды прослеживался проход шириной 1,8 м. В исследованном пространстве изучены 2 поминальных комплекса и 2 могилы (рис. 49, 1).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в северо-западном секторе у плит ограждения (рис. 49, 1; 50, 4). По материк у ямка с сосудом была обложена небольшими каменными плитками (с северной стороны – одна, размером $0,3 \times 0,1$ м, с восточной стороны – две, каждая размером $0,25 \times 0,1$ м). Сосуд и внутреннее пространство между плитками перекрыто дополнительно плитой размером $0,6 \times 0,25$ м.

Жертвенник 2 – две нижние конечности крупного рогатого скота, находившиеся на материке в юго-восточном секторе ограды, уложенные параллельно друг другу по линии северо-восток – юго-запад, копытами на северо-восток (см. рис. 49, 1, 4).

Могила 1 – расположена в центре ограды, ящик трапецевидной формы, размером $2,05 \times 0,8-0,7 \times 0,7$ м, ориентированный по линии запад – восток, с незначительным отклонением к северу. Плиты перекрытия разбиты и сдвинуты (рис. 49, 1). Восточная торцевая плита выше западной на 5 см и выше продольных на 15 см. В заполнении встречены обломки костей мужчины в возрасте 18–25 лет и ребенка в возрасте 5 лет, обломки двух сосудов (см. рис. 50, 2, 5) и бронзовая скрепка (рис. 50, 1). От костяка мужчины непотревоженными сохранились кости голени и стопы левой ноги. Он лежал вдоль северной стенки на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Из останков ребенка, лежавшего вдоль южной стенки на уровне тазовых костей за спиной муж-

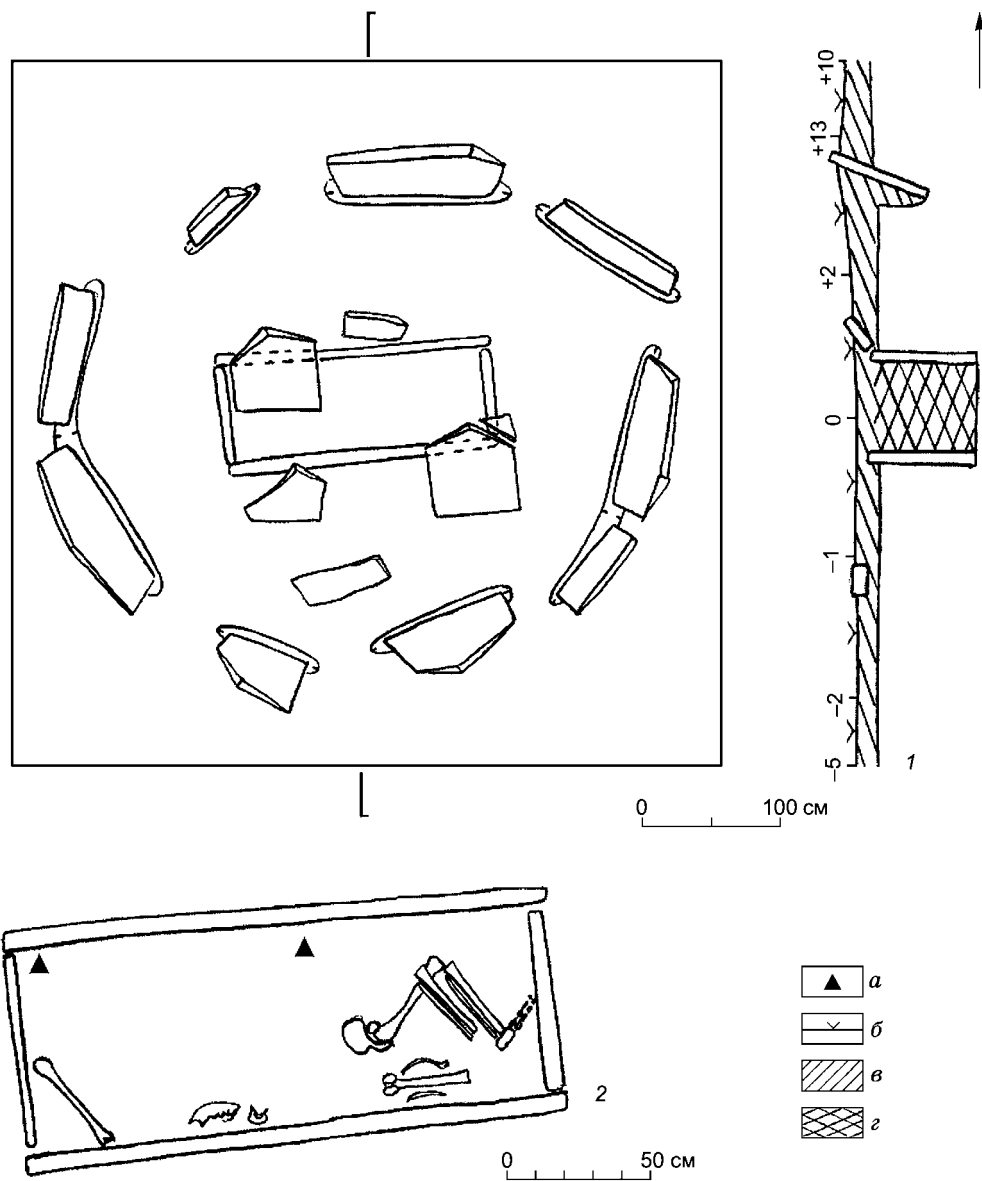

Рис. 48. Могильник Майтан. Ограда 19.

1 – план и разрез раскопа; 2 – план могилы.

a – фрагмент керамики; *b* – дерн; *v* – коричневый гумусированный суглинок; *z* – коричневый суглинок

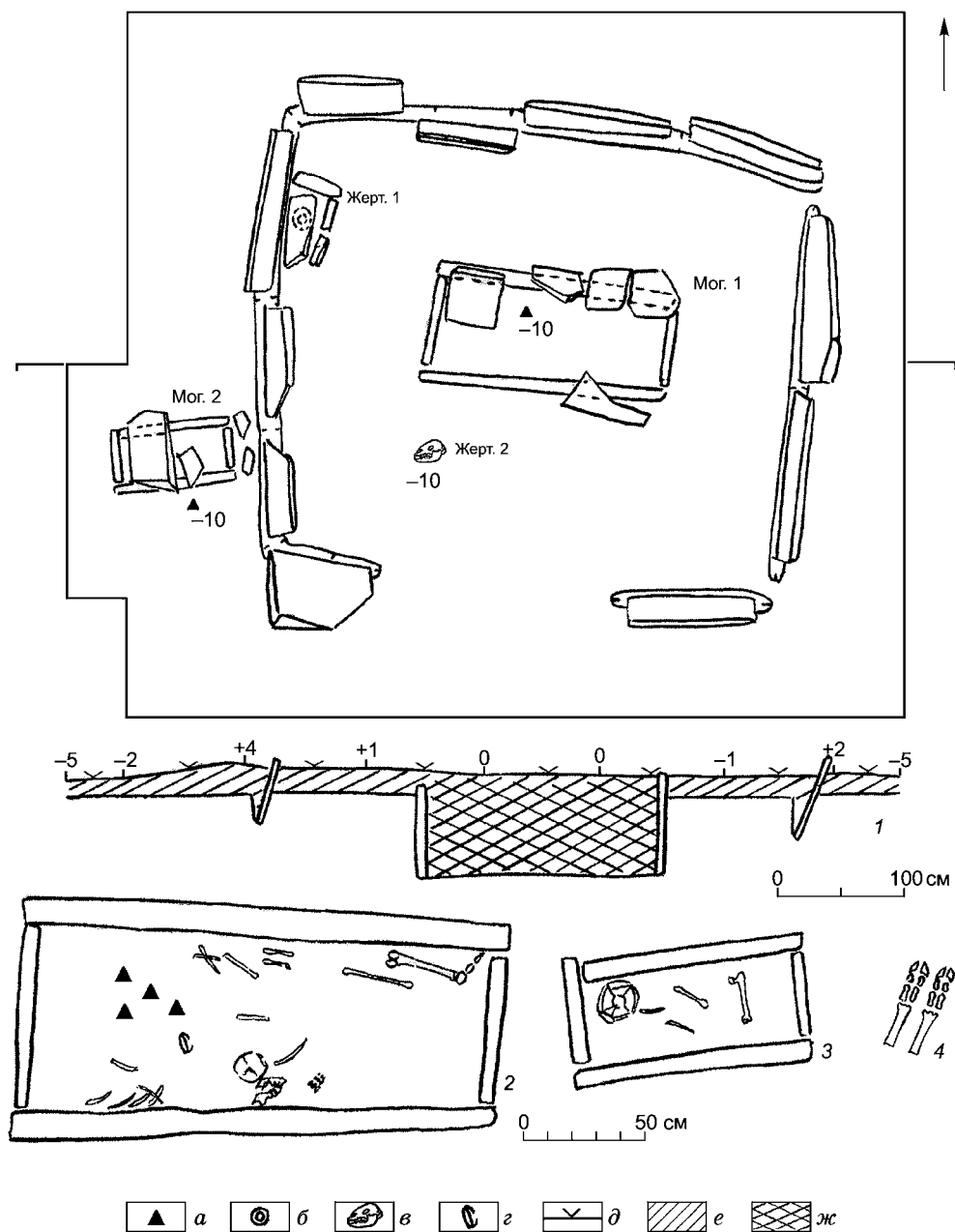

Рис. 49. Могильник Майтан. Ограда 20.

1 – план и разрез раскопа; 2 – могила 1; 3 – могила 2; 4 – жертвенник 2.

a – фрагмент керамики; *б* – сосуд; *в* – поминальный комплекс; *г* – бронзовая скобка; *д* – дерн; *е* – коричневый гумусированный суглинок; *ж* – коричневый суглинок

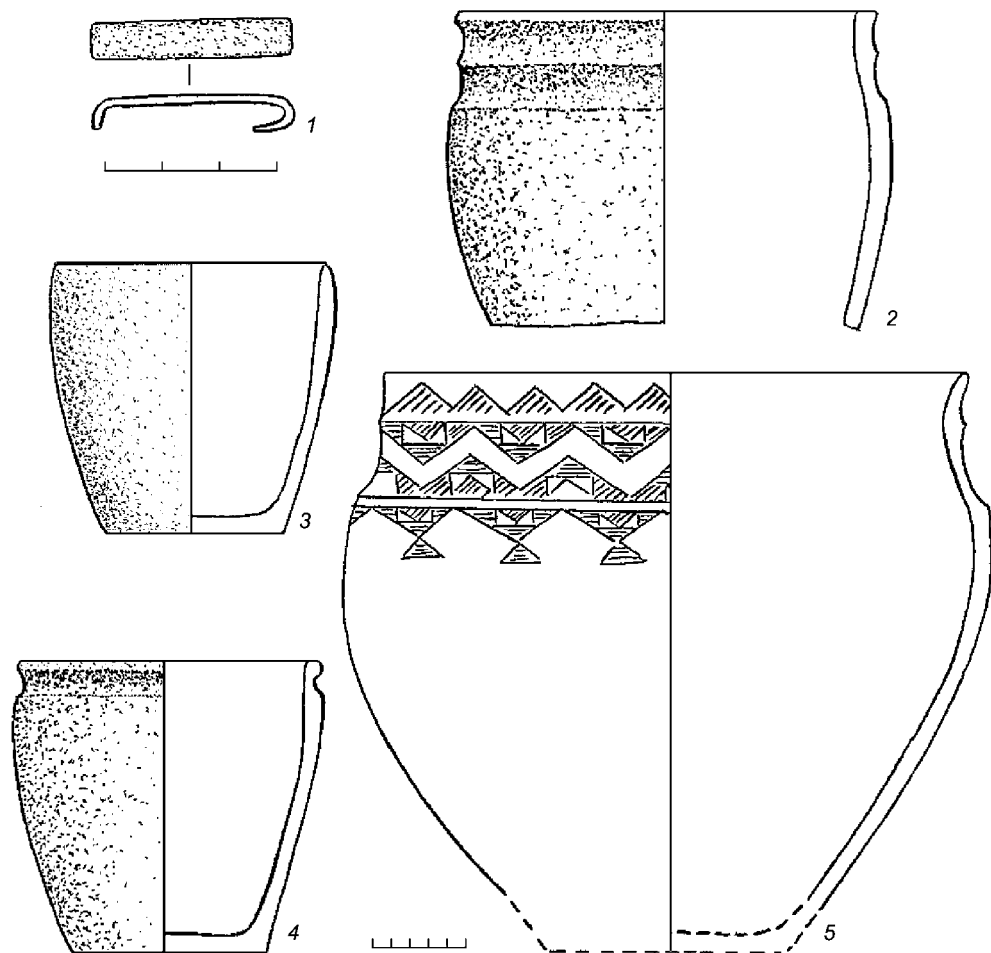

Рис. 50. Могильник Майтан. Ограда 20. Вещевой инвентарь.

1, 2, 5 – могила 1; 3 – могила 2; 4 – жертвенник 1.

1 – бронза; 2–5 – глина

чины, в неповрежденном состоянии зафиксированы кости одной из стоп. Судя по их расположению, ребенок лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад (рис. 49, 2). Под неповрежденными костями скелетов фиксировался тлен от подстилки буро-фиолетового цвета.

Могила 2 – расположена за оградой в южном секторе у западных плит ограждения, каменный ящик размером $1,0 \times 0,35 \times 0,4$ м ориентирован по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Восточная торцевая плита выше западной стенки на 10 см и выше продольных плит на 20 см. Западная плита перекрытия, размером $0,6 \times 0,35$ м, не потревожена, восточная – разбита и сдвинута (см. рис. 49, 1). В заполнении встречены разрозненные кости скелета ребенка в возрасте 4–5 лет (рис. 49, 3). На дне, в северо-западном углу ящика, обнаружен раздавленный сосуд (см. рис. 50, 3).

Курган 21. Расположен в юго-восточном секторе погребального поля (см. рис. 4). Насыпь диаметром около 12 м и высотой 0,3 м перекрывала ограду неправильно-округлой формы диаметром 9 м. Грунт для насыпи принесен со стороны: ровика вокруг ограды не обнаружено. В разрезе насыпи прослежены следующие отложения: дерново-гумусный слой – 0,1 м, коричневая глинистая насыпь – 0,15–0,2 м, серая погребенная почва – 0,1 м. В огражденном пространстве исследовано две могилы (рис. 51).

Могила 1 – расположена в центре ограды, грунтовая яма размером 2,0 × 1,0 × 0,7 м ориентирована по линии запад – восток. Западная часть перекрыта плитой размером 1,5 × 1,1 м, восточный участок – плитой размером 1,9 × 1,0 м; центральная плита перекрытия отсутствовала (рис. 51). Остатков погребения в заполнении ямы не обнаружено.

Могила 2 – расположена в северной половине ограды. Каменный ящик размером 1,7 × 0,9 м ориентирован по линии запад – восток; глубина от уровня материка 0,7 м, от уровня плит 0,75 м. Западная торцевая стенка ящика выше остальных на 15 см. В центре, на южной стенке, лежал обломок плиты перекрытия размером 0,65 × 0,4 м (рис. 51; 52, 1). На дне, в центре ящика, находилось скопление человеческих костей, принадлежавших взрослой женщине, между которыми найдены 10 бронзовых бусин и обломок костяного наконечника стрелы (рис. 52, 2). У восточной стенки ящика в непотревоженном состоянии зафиксированы кости стоп, покрытые тленом фиолетового цвета. Судя по расположению ступней, погребенная была уложена на левый бок, скорченно, головой на запад. В юго-восточном углу ящика обнаружена низка из 26 бронзовых бусин, нашитых, вероятно, на подол платья. На непотревоженных участках дна ящика фиксировался тлен от подстилки черного цвета.

Ограда 22. Сложное поминальное сооружение, состоящее из четырех надмогильных конструкций, содержащих 3 поминальных комплекса и 6 могил (см. рис. 4; 51).

Ограда А – основная – диаметром 5,5 м. За оградой у западных плит располагался жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт (рис. 53, 3). В огражденном пространстве исследовано 3 могилы.

Могила 1 – центральная – каменный ящик размером 1,7 × 1,2 м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток; глубина от уровня материка 0,6 м, от уровня плит – 0,65 м. Северная стенка ящика выше остальных на 8 см. Плиты перекрытия отсутствовали. В заполнении встречены кости скелетов, принадлежавших взрослому мужчине и взрослой женщине (рис. 54, 1), фрагмент сосуда (см. рис. 53, 2), 6 литых бронзовых бочонковидных бусин (рис. 55, 4, 7–10, 12), две плоские бляшки (рис. 55, 2, 5), две выпукло-вогнутые бляшки (рис. 55, 3, 6), бронзовая обойма (рис. 55, 1), три крестовидные подвески (рис. 55, 11, 13, 14) и 9 бронзовых бусин. На дне у южной стенки ящика найден бронзовый нож (рис. 55, 15), а в юго-западном углу – низка из 25 бронзовых бусин. На непотревоженных участках дна прослеживался тлен от подстилки черного цвета. Обнаруженные останки скелетов и вещевой инвентарь свидетельствуют о том, что могила содержала разнополое парное захоронение, которое было разграблено.

Могила 2 – расположена в юго-западном секторе ограды, параллельно центральной могиле. На уровне материка прослеживалась грунтовая яма прямоугольной формы размером 1,0 × 0,65 × 0,7 м, в которую впущен каменный

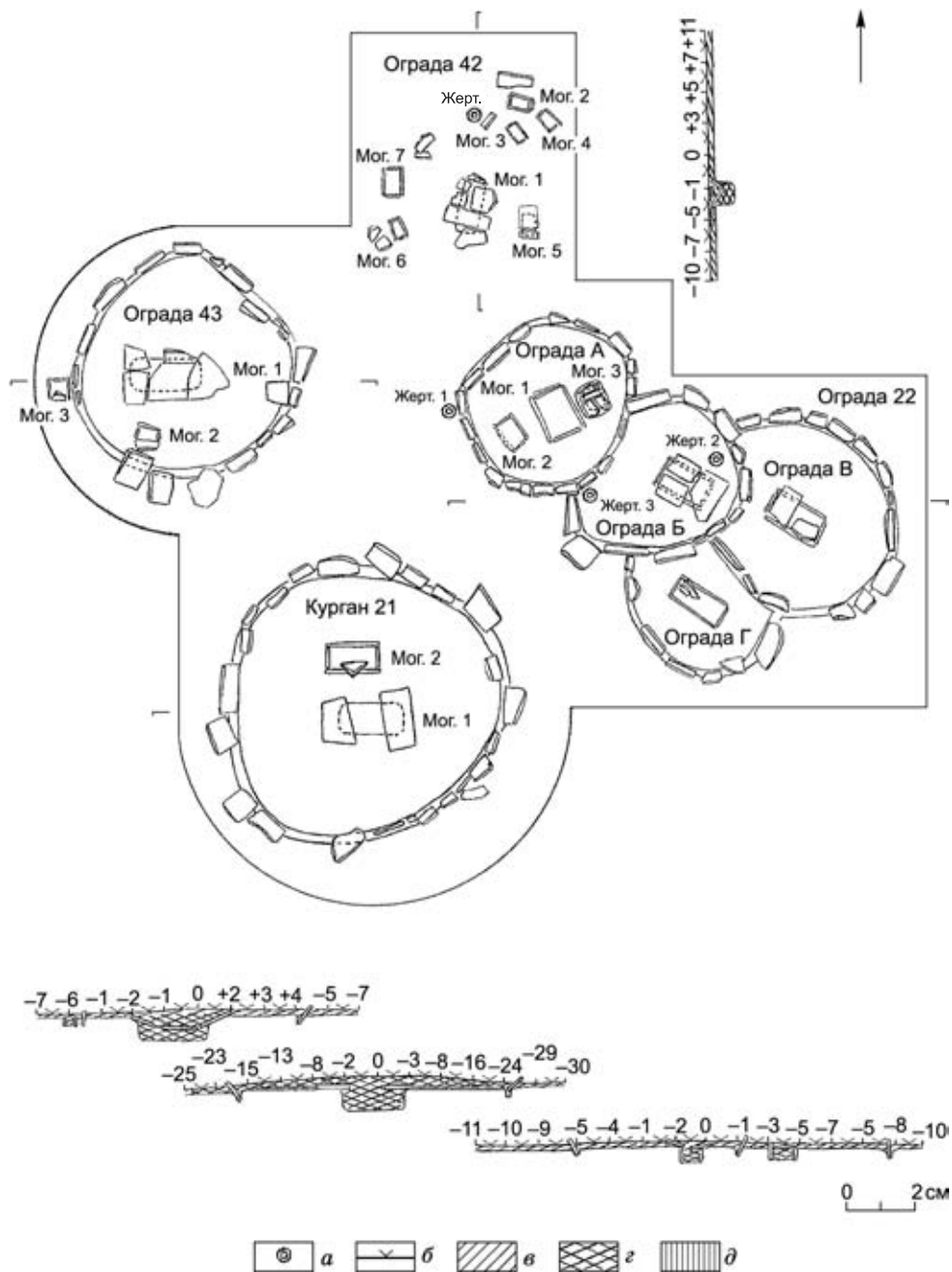

Рис. 51. Могильник Майтан. План раскопа и разрезы. Курган 21, ограды 22, 42, 43.
a – поминальный сосуд; *b* – дерн; *v* – коричневый гумусированный суглинок; *z* – коричневый суглинок; *d* – погребенная почва

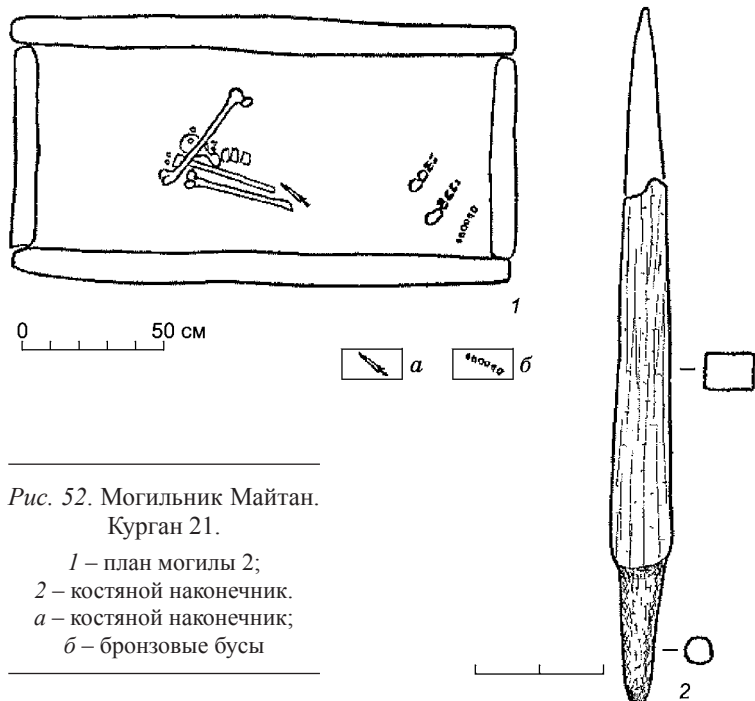

Рис. 52. Могильник Майтан.
Курган 21.

- 1 – план могилы 2;
2 – костяной наконечник.
а – костяной наконечник;
б – бронзовые бусы

ящик размером $0,95 \times 0,6 \times 0,5$ м, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. На уровне стенок ящик плотно перекрыт каменной плитой размером $0,95 \times 0,6$ м (см. рис. 51; 54, 2). На дне, в юго-западном углу, найдено кольцо от поддона сосуда (см. рис. 53, 1), рядом с которым лежали несколько сильно разложившихся обломков трубчатых костей, принадлежащих, вероятно, домашнему животному. Особенности заполнения и наличие неповрежденной плиты перекрытия свидетельствуют о том, что могила не подвергалась ограблению. Можно допустить, что она содержала кенотаф с детским ритуальным захоронением или кости погребенного ребенка полностью истлели.

Могила 3 – расположена в восточной части ограды, параллельно центральной могиле. На уровне материка прослежена грунтовая яма прямоугольной формы, размером $1,0 \times 0,9$ м, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток. Внутри ямы обнаружены три плиты перекрытия (размеры $0,8 \times 0,3$; $0,8 \times 0,2$; $0,8 \times 0,5$ м), лежавшие на обвалившихся заплечиках высотой 0,1 м и шириной 0,15–0,2 м. Плиты перекрывали прямоугольную грунтовую яму с закругленными углами, размером $0,7 \times 0,5 \times 0,4$ м, ориентированную по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. На дне обнаружен костяк ребенка в возрасте 2–3 лет, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-юго-восток (см. рис. 54, 3). В области висков на правой и левой сторонах черепа обнаружено по одной пастовой бусине. В юго-западном углу ямы, около черепа погребенного ребенка, стоял сосуд (см. рис. 53, 7).

Ограда Б – пристроена к ограде А с юго-восточной стороны. Овальной формы, размером $6,0 \times 4,3$ м. В огражденном пространстве выявлены 2 поминальных комплекса и могила (см. рис. 51).

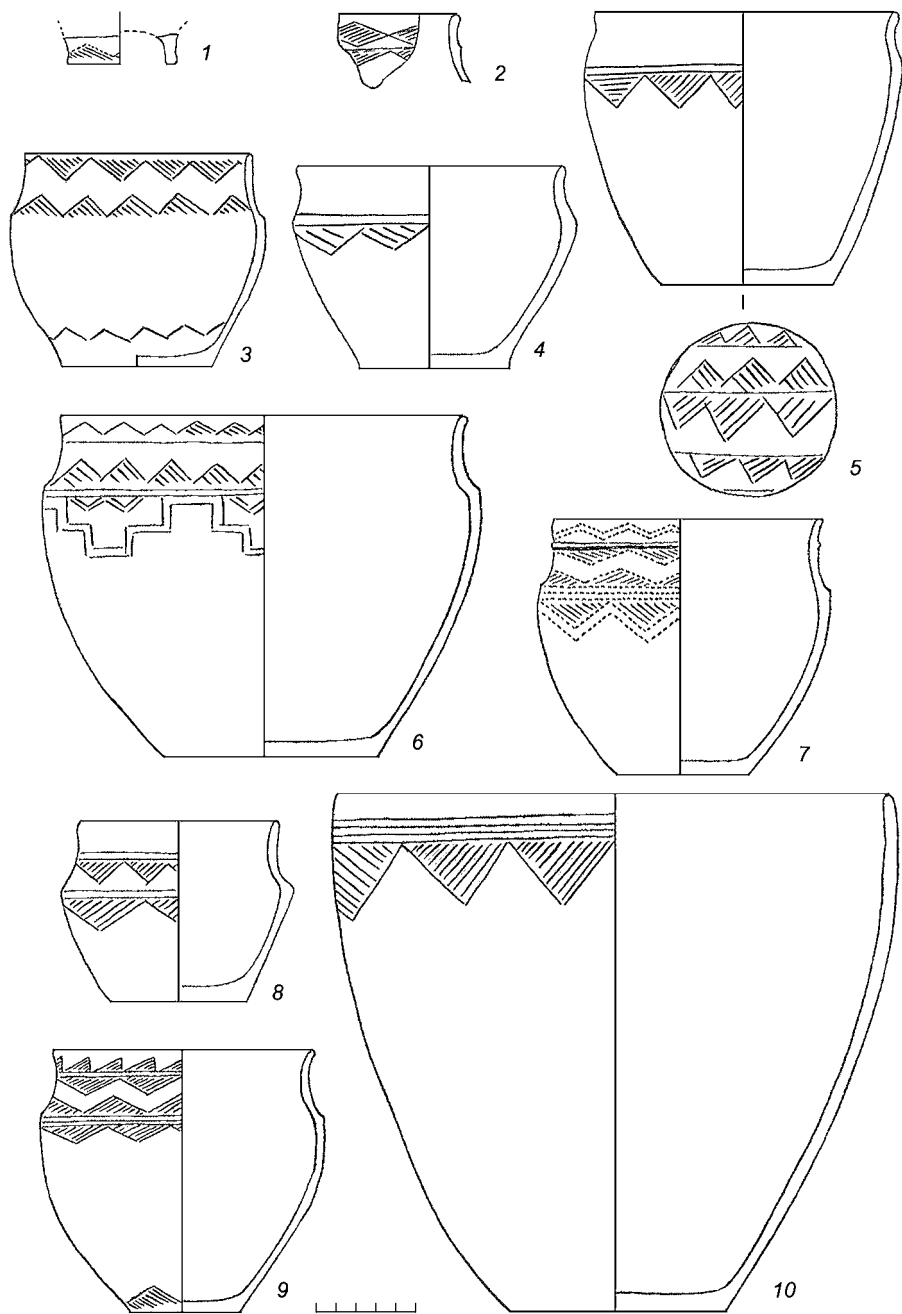

Рис. 53. Могильник Майтан. Ограда 22. Керамика.

1 – ограда А, могила 2; 2 – ограда А, могила 1; 3 – жертвенник 1; 4 – жертвенник 2;
 5 – ограда В, могила; 6 – ограда Г, могила; 7 – ограда А, могила 3; 8 – жертвенник 3;
 9, 10 – ограда Б, могила

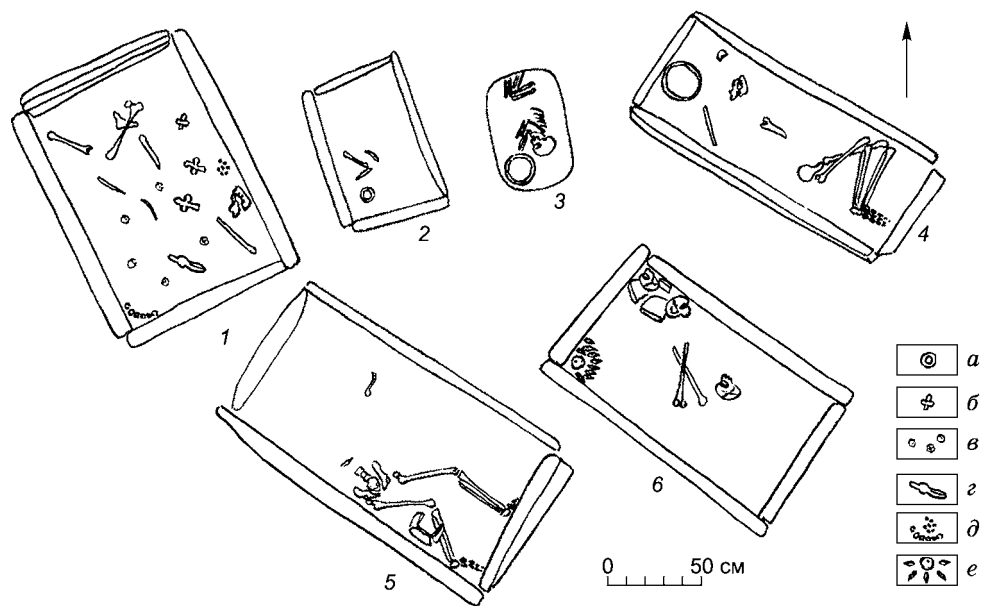

Рис. 54. Могильник Майтан. Ограда 22. Планы захоронений.

1 – ограда А, могила 1; 2 – ограда А, могила 2; 3 – ограда А, могила 3; 4 – ограда Г, могила;
5 – ограда В, могила; 6 – ограда Б, могила.
а – сосуд; б – крестовидная подвеска; в – бронзовые бляшки; з – бронзовый нож; д – бронзовые бусы; е – ожерелье (костяной кулон и подвески из клыков)

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у восточных плит ограждения (см. рис. 53, 4).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в западной части у плит ограждения (рис. 53, 8).

Могила – расположена в восточной половине ограды. Каменный ящик трапециевидной формы, размером $1,7 \times 1,0$ – $1,05$ м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток; глубина от уровня материка $0,7$ м, от уровня плит $0,75$ м, северная стенка ящика выше остальных на 10 см. Перекрыта двумя плитами: западный сектор – расколовшейся на две части размером $1,0 \times 1,4$ м; восточный – плитой размером $1,4 \times 0,9$ м, в которой пробит грабительский лаз (см. рис. 51; 54, 6). В заполнении встречены останки трех костяков, обломки двух сосудов (см. рис. 53, 9, 10), бронзовая обойма (см. рис. 56, 3), пять подвесок из раковин (рис. 56, 1, 2, 4–6), подвеска из резца лисицы, 8 бронзовых и 3 пастовые бусины. В северо-западном углу расчищены остатки ожерелья – круглый кулон, выточенный из рога (рис. 56, 7), и 9 подвесок из верхних и нижних клыков лисицы (рис. 56, 8–16). Наличие в заполнении трех человеческих черепов позволяет считать, что в могиле было совершено групповое – тройное – захоронение, вероятно, трех женщин достаточно юного возраста*.

* Половозрастное определение погребенных данного захоронения В.А. Дремовым не проведено.

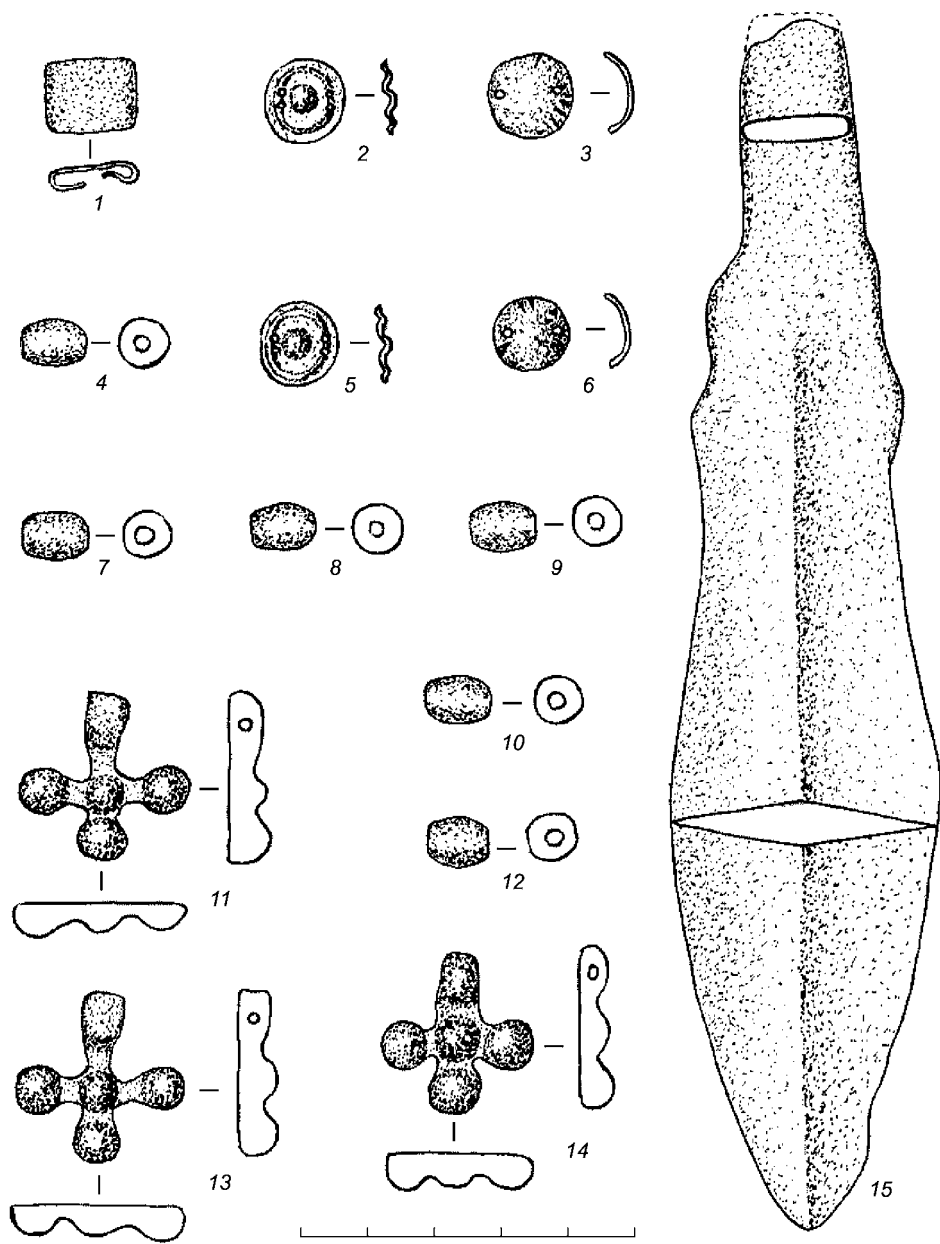

Рис. 55. Могильник Майтан. Ограда 22А, могила 1. Бронзовый инвентарь
 1 – обойма; 2, 5 – плоские бляшки; 3, 6 – выпукло-вогнутые бляшки; 4, 7–10, 12 – бочковидные бусины; 11, 13, 14 – крестовидные подвески; 15 – нож

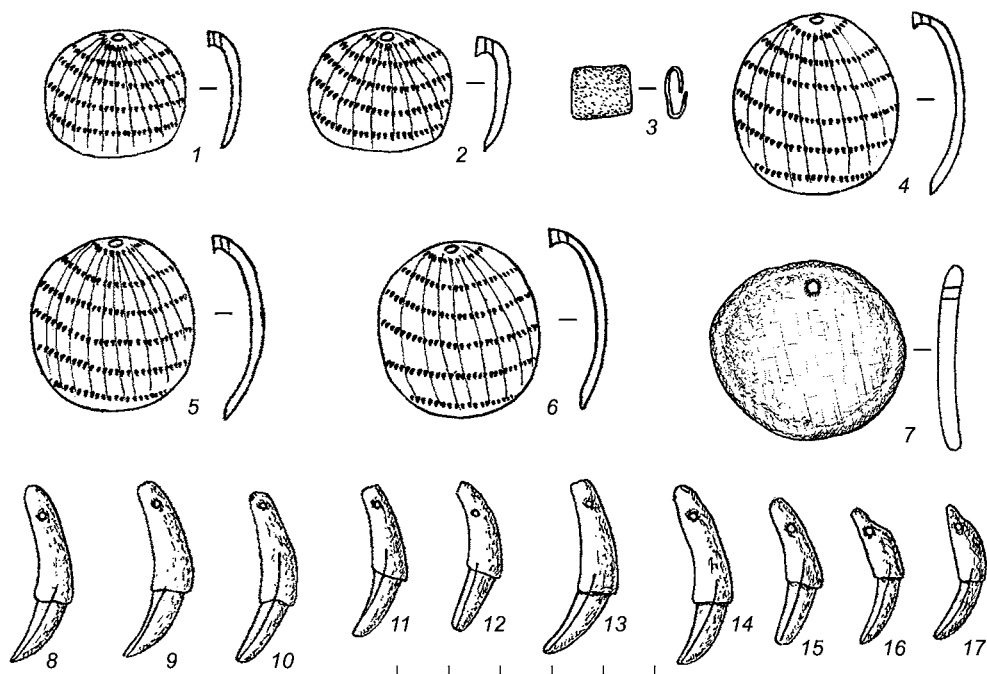

Рис. 56. Могильник Майтан. Ограда 22Б, могила. Вещевой инвентарь.

1, 2, 4-6 – раковина; 3 – бронза; 7-17 – кость

Ограда В – пристроена к ограде Б с восточной и к ограде Г с юго-западной стороны. Овальной формы, размером 5,0 × 6,0 м (см. рис. 51).

Могила – расположена в центре огражденного пространства. Каменный ящик трапециевидной формы, размером 2,0 × 1,0–1,15 м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток; глубина от уровня материка 0,6 м, от уровня плит – 0,65 м. Северная стенка ящика выше остальных на 15 см. Перекрыта двумя плитами: западный сектор – плитой размером 1,15 × 0,7 м; восточная половина – плитой размером 1,3 × 1,0 м, расколовшейся на две части и запавшей вовнутрь ящика в процессе ограбления (см. рис. 51; 54, 5). В заполнении найдены кости скелета взрослой женщины, обломки сосуда (см. рис. 53, 5) и три сильно коррозированные бронзовые лапчатые подвески. В восточной половине ящика в неповрежденном состоянии зафиксированы три позвонка поясничного отдела, кости таза и ног женщины, лежавшей на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Кости ступни правой ноги имеют следы посмертного насильственного слома (см. рис. 54, 5).

Ограда Г – пристроена к ограде Б с юго-восточной и к ограде В – с южной стороны. Овальной формы, размером 5,0 × 3,5 м (см. рис. 51). В центре огражденного пространства расположена могила – каменный ящик размером 1,85 × 0,8 м, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. Глубина могилы от уровня материка 0,65 м, от уровня северной стенки 0,7 м. Западная стенка выше северной на 0,35 м, выше южной и восточной на 0,25 м. Два

обломка от плит перекрытия размером $0,65 \times 0,75$ и $0,5 \times 0,3$ м обнаружены в северо-западном углу ящика. В заполнении встречены разрозненные кости скелета, принадлежавшие, вероятно, мужчине в возрасте 18–20 лет. На дне, в восточной половине могилы, непотревоженными зафиксированы кость левой стороны таза и кости ног мужчины, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад (см. рис. 54, 4). У северо-западной стенки, в головах погребенного, обнаружен раздавленный сосуд (см. рис. 53, б).

Описание оград 42 и 43 (рис. 57, 58) см. ниже.

Ограда 23. Сложное поминальное сооружение, включающее пять надмогильных конструкций (см. рис. 4; 59, 1).

Ограда А – основная – овальной формы, размером $6,5 \times 5,0$ м, ориентирована по линии север – юг. В огражденном пространстве исследовано 4 поминальных комплекса и 5 могил.

Жертвенник 1 – расположен в северо-восточной части ограды, грунтовая яма овальной формы, размером $0,5 \times 0,35 \times 0,1$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 59, 1, 2). На дне у северо-восточной стенки стоял сосуд (рис. 60, 1), в центре находился череп крупного рогатого скота, уложенный поперек ямы на левую сторону, с общей ориентацией на юго-восток; вдоль юго-западной стенки параллельно черепу лежали две конечности крупного рогатого скота копытцами на юго-восток.

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у северо-западного угла могилы 1 (рис. 60, 2).

Жертвенник 3 – два поминальных сосуда, впущенные в материковый грунт между канавкой ограды и западной стенкой могилы 4 (рис. 60, 3, 4).

Жертвенник 4 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у восточных плит ограждения (рис. 60, 5).

Могила 1 – расположена в северной части ограды, каменный ящик размером $1,75 \times 1,0 \times 0,55$ м ориентирован по линии запад – восток. Западная торцевая плита выше восточной на 5 см и выше продольных на 15 см. Западная часть ящика перекрыта плитой размером $1,2 \times 0,45$ м. В заполнении встречены кости женщины в возрасте 20–30 лет и ребенка в возрасте 3–5 лет. На дне расчищено частично сохранившееся парное погребение (рис. 61, 1). Из останков женщины в непотревоженном состоянии зафиксированы кости стоп, направленные в разные стороны. Можно предположить, что у женщины, лежавшей вдоль южной стенки, в скорченном положении, головой на запад, в процессе захоронения насильственно сломали голеностопный сустав левой ноги, развернув ступни ног в противоположные стороны. От детского костяка, лежавшего вдоль северной стенки, непотревоженными сохранились кости таза и ног. Погребенная девочка лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. На лодыжках ног прослежено по низке бронзовых бус – на правой 20, на левой 21 бусина. Ступни ног погребенных покрыты тленом фиолетового цвета. В западной части ящика обнаружены развалы трех сосудов: один располагался у западной стенки (рис. 62, 7), второй, лежащий на боку, находился в северо-западном углу (рис. 62, 2), третий лежал на боку у северной стенки (рис. 62, 1).

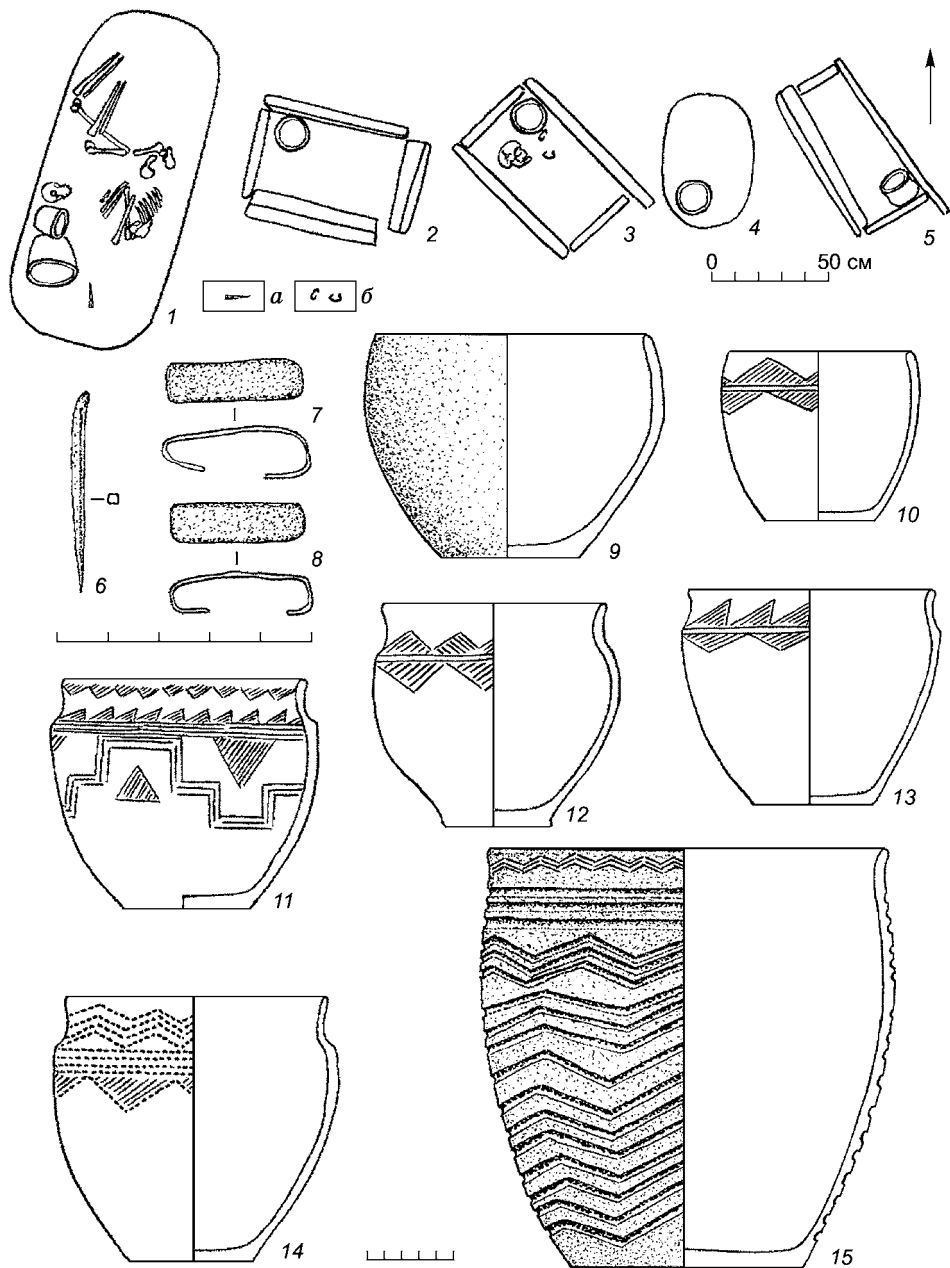

Рис. 57. Могильник Майтан. Ограда 42. Планы захоронений и вещевой инвентарь.
 1 – могила 1; 2 – могила 2; 3 – могила 4; 4 – могила 5; 5 – могила 6; 6, 9, 15 – могила 1;
 7, 8, 12 – могила 4; 10 – жертвенник; 11 – могила 6; 13 – могила 2; 14 – могила 5.
 а – бронзовое шило; б – бронзовые скрепки.
 6–8 – бронза; 9–15 – глина

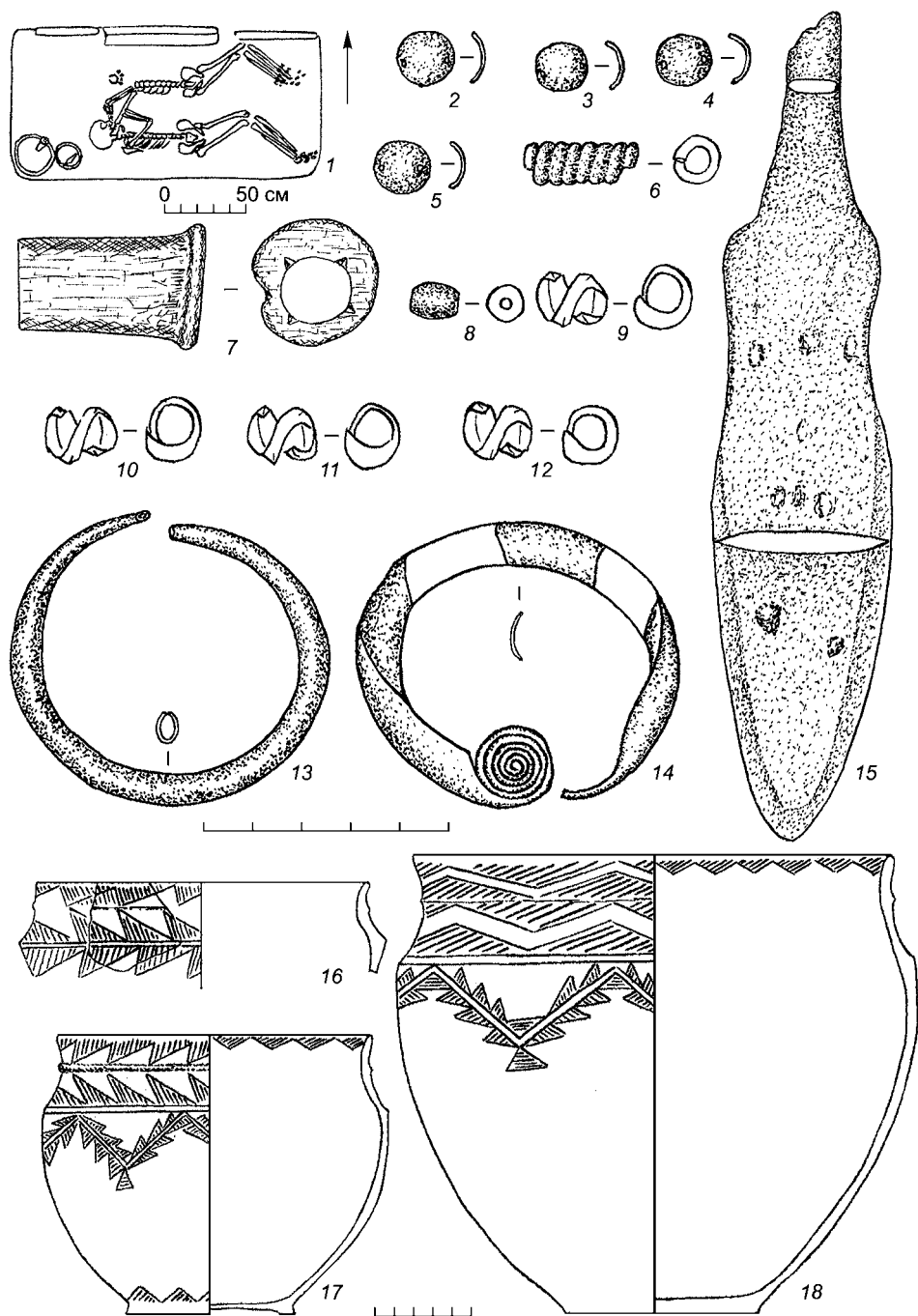

Рис. 58. Могильник Майтан. Ограда 43. План захоронения и вещевого инвентарь.

1 – могила 1; 2–15, 17, 18 – могила 1; 16 – могила 2.

2–6, 8, 13–15 – бронза; 7 – кость; 9–12 – бронза–золото; 16–18 – глина

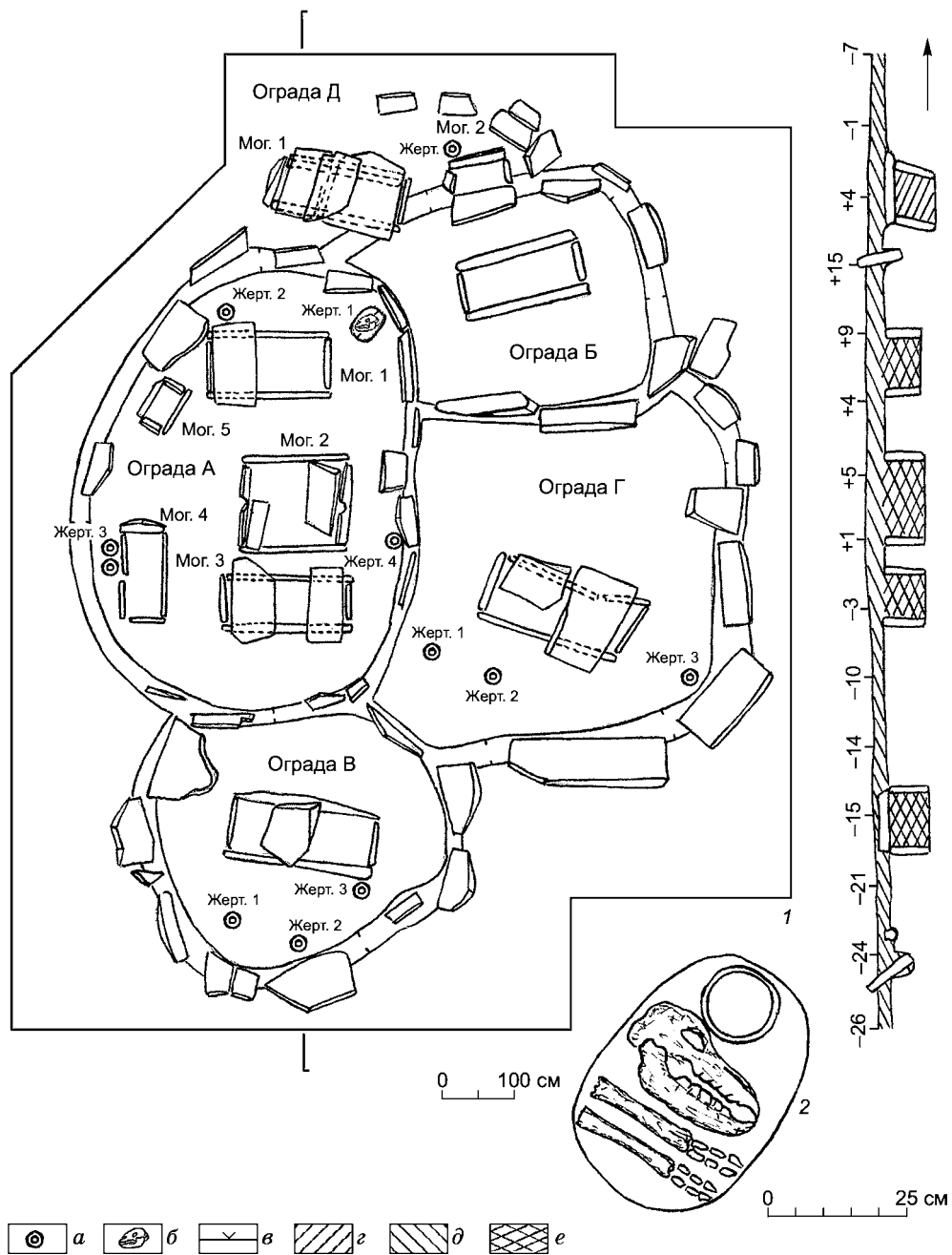

Рис. 59. Могильник Майтан. Ограда 23.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, жертвенник 1.

a – сосуд; *b* – поминальный комплекс; *v* – дерн; *г* – коричневый гумусированный суглинок; *д* – серая супесь; *e* – коричневый суглинок

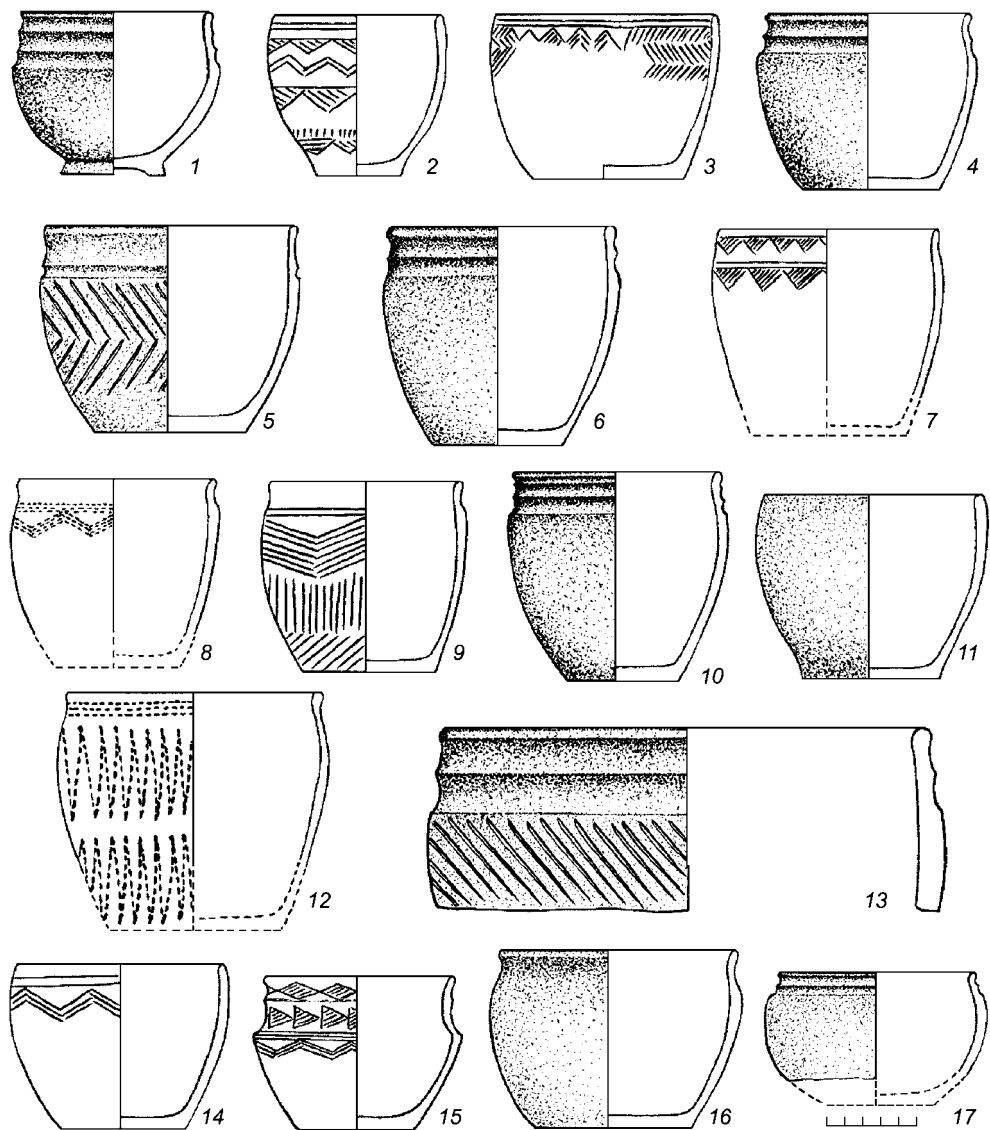

Рис. 60. Могильник Майган. Ограда 23. Керамика.

1 – ограда А, жертвенник 1; 2 – ограда А, жертвенник 2; 3, 4 – ограда А, жертвенник 3; 5 – ограда А, жертвенник 4; 6 – ограда Д, жертвенник; 7 – ограда В, жертвенник 2; 8 – ограда В, жертвенник 3; 9 – ограда В, жертвенник 1; 10 – ограда Г, жертвенник 3; 11 – ограда Г, жертвенник 1; 12 – ограда Г, жертвенник 2; 13 – ограда Г, крышка сосуда, жертвенник 2; 14 – ограда А, могила 5; 15 – ограда А, могила 4; 16, 17 – ограда Г, могила

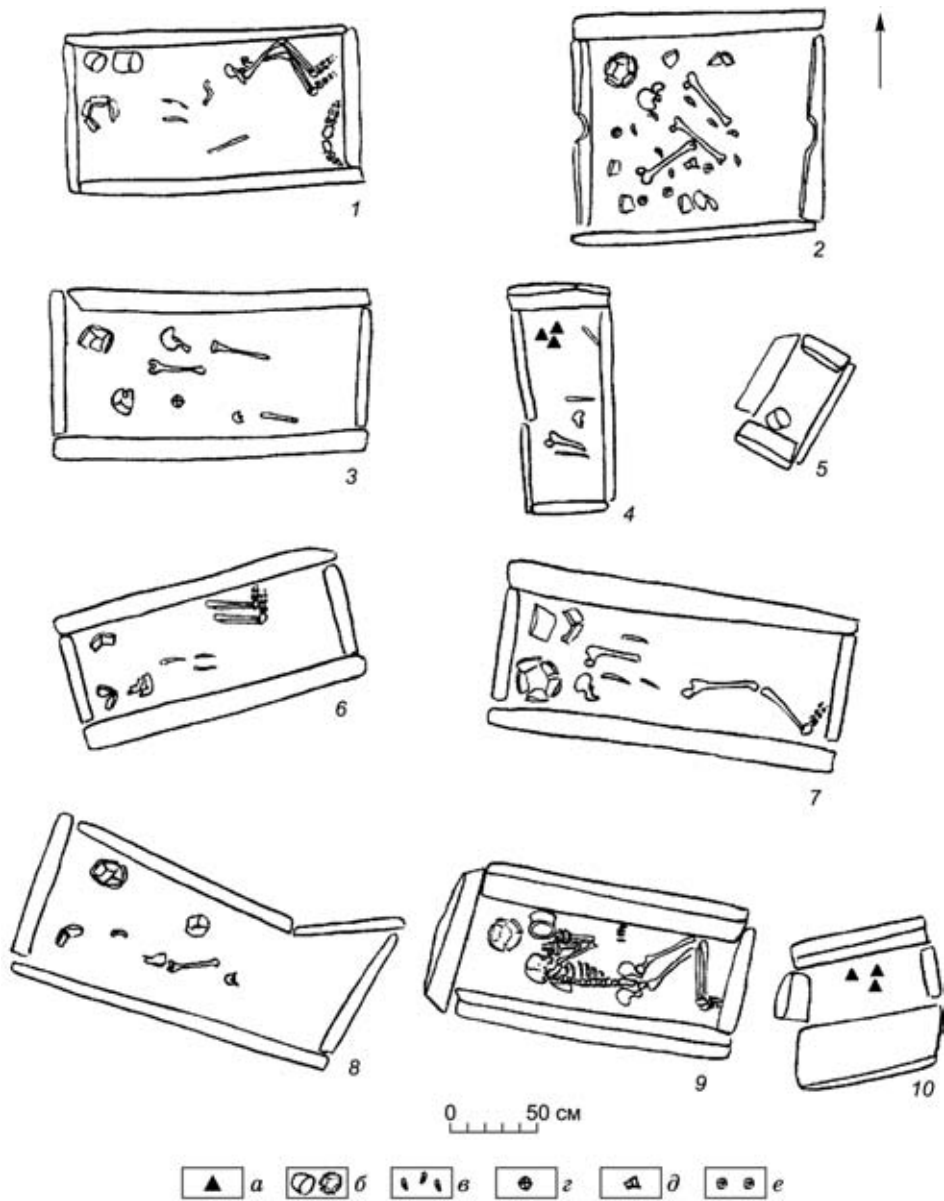

Рис. 61. Могильник Майтан. Ограда 23. Планы погребений.

1 – ограда А, могила 1; 2 – ограда А, могила 2; 3 – ограда А, могила 3; 4 – ограда А, могила 4;
 5 – ограда А, могила 5; 6 – ограда Б, могила; 7 – ограда В, могила; 8 – ограда Г, могила;
 9 – ограда Д, могила 1; 10 – ограда Д, могила 2.
 а – фрагмент керамики; б – сосуды; в – подвески из клыков; з – бронзовая бляшка; д – костяной кулон; е – подвески из раковин

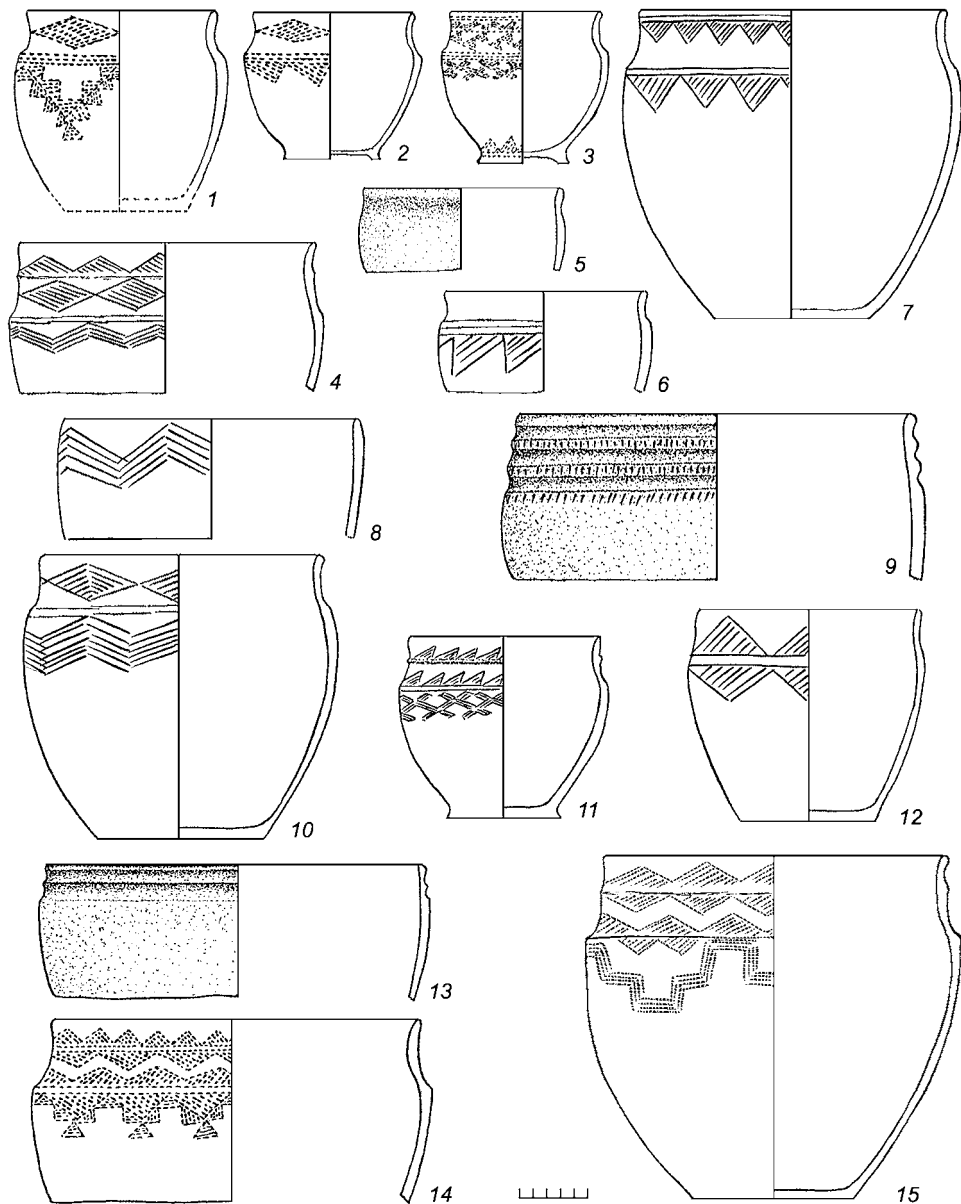

Рис. 62. Могильник Майтан. Ограда 23. Керамика.

1, 2, 7 – ограда А, могила 1; 3–6, 8 – ограда А, могила 2; 9, 13 – ограда Б, могила;
 10, 11 – ограда Д, могила 1; 12, 15 – ограда В, могила; 14 – ограда А, могила 3

Могила 2 – расположена в центре восточной половины ограды, каменный ящик размером $1,5 \times 1,35 \times 0,6$ м ориентирован по линии запад – восток. Торцевые стенки выше продольных на 10 см. В заполнении встречено два обломка плит перекрытия размером $0,7 \times 0,25$ и $0,9 \times 0,5$ м. В торцевых стенках ящика вырублены овальные пазы шириной 16–17 см и глубиной 15 см для закрепления в них опорного поперечного бревна (см. рис. 59; 61, 2). В заполнении встречены разрозненные кости трех человеческих скелетов: ребенка в возрасте около 10 лет и двух подростков в возрасте 12–14 лет, один из которых был несколько моложе. Вещевой инвентарь представлен обломками четырех сосудов (см. рис. 62, 4–6, 8), подвеской из подъязычной кости крупного рогатого скота (рис. 63, 14), обломками четырех подвесок из раковин и восьми клыков от собаки, лисицы и корсака, 27 бронзовыми бусинами и изделиями из пасты: бусинами (25 шт.) и пронизьями – двусоставными (3 шт.), трехсоставными (5 шт.) и четырехсоставной. В северо-западном углу ящика обнаружен раздавленный сосуд (см. рис. 62, 3).

Могила 3 – расположена в южной части ограды, каменный ящик размером $1,9 \times 1,05 \times 0,6$ м ориентирован по линии запад – восток. Восточная торцевая плита выше восточной на 10 см и выше продольных на 15 см. Западная и восточная части ящика перекрыты плитами размером $1,4 \times 0,65$ и $1,3 \times 0,5$ м; центральная плита перекрытия отсутствовала (см. рис. 59; 61, 3). В заполнении встречены кости скелета женщины в возрасте 20–30 лет и ребенка в возрасте 3–5 лет, обломки сосуда (см. рис. 62, 14), бронзовая бляшка (см. рис. 63, 11), 6 бронзовых и 2 пастовые бусины.

Могила 4 – расположена в юго-западном секторе ограды, каменный ящик размером $1,45 \times 0,5 \times 0,45$ м ориентирован по линии север – юг. Северная торцевая стенка выше восточной плиты на 0,3 м и выше продольных стенок на 0,25 м, перекрытие отсутствовало (см. рис. 59; 61, 4). В заполнении встречены кости скелета ребенка в возрасте 3–5 лет и обломки сосуда (рис. 60, 15).

Могила 5 – расположена у плит ограждения, в северо-западном секторе ограды. Каменный ящик, впущенный в коричневый гумусированный суглинок, размером $0,75 \times 0,5 \times 0,1$ м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 61, 5). На уровне материка, в юго-западном углу ящика, на боку лежал сосуд (см. рис. 60, 14). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда Б – пристроена к ограде А с северо-восточной стороны, неправильно-прямоугольной формы, размером $3,75 \times 3,25$ м. В центре огражденного пространства расположена могила – каменный ящик размером $1,75 \times 0,9 \times 0,7$ м, ориентированный по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Продольные стенки ниже уровня материка на 0,1 м, перекрытие отсутствовало (см. рис. 59; 61, 6). В заполнении встречены разрозненные кости скелета женщины в возрасте около 35 лет, обломки двух сосудов (см. рис. 62, 9, 13) и бронзовая подвеска в полтора оборота (см. рис. 63, 15). В центре ящика, у северной стенки, обнаружены непотревоженные кости голени и стоп женщины, лежавшей на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Ступни ног погребенной были покрыты тленом фиолетового цвета.

Ограда В – пристроена к ограде А с южной стороны. Овальной формы, размером $4,5 \times 3,75$ м. В огражденном пространстве исследованы 3 поминальных комплекса и могила (см. рис. 59, 1).

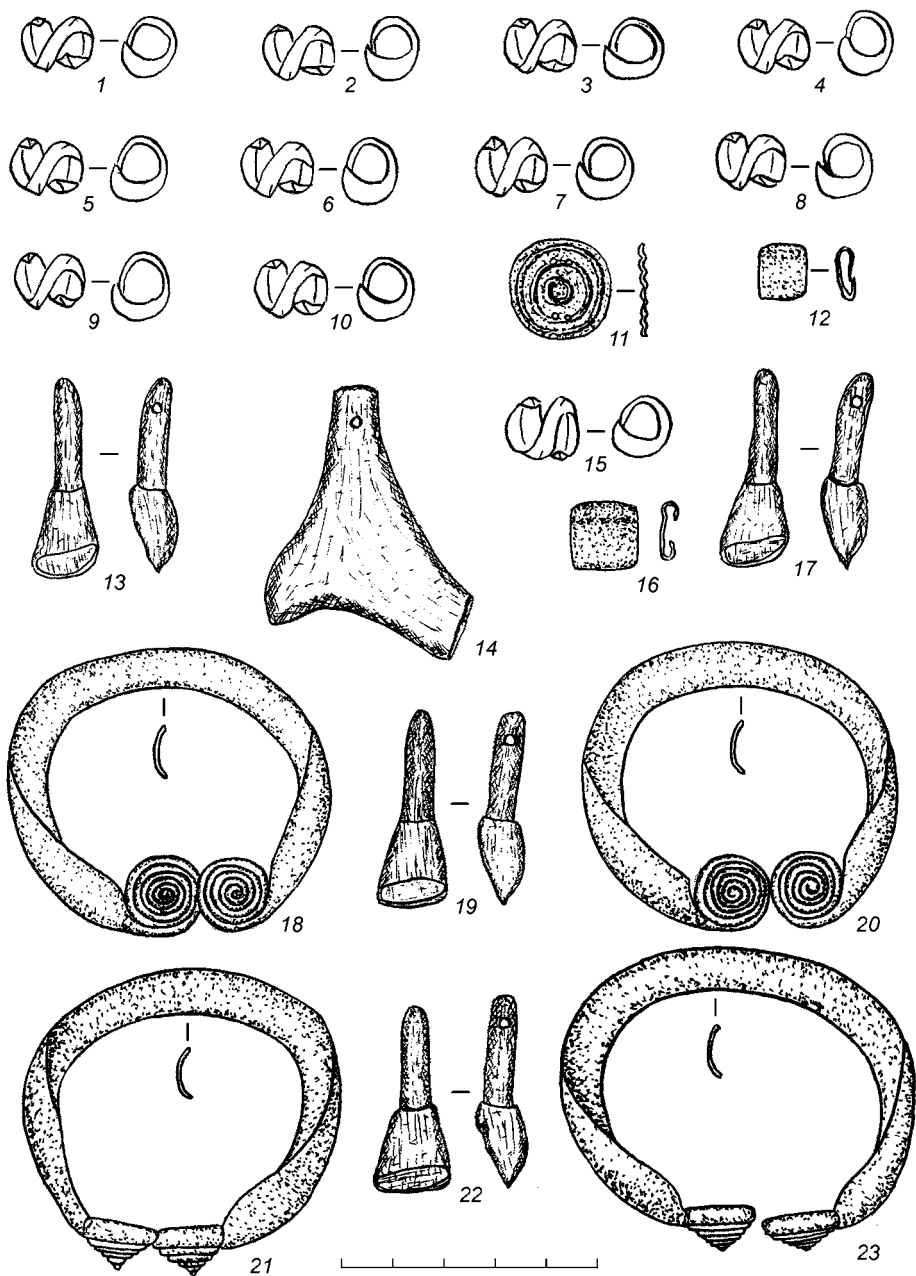

Рис. 63. Могильник Майтан. Ограда 23. Вещевой инвентарь.

1-10, 13, 17-23 – ограда Д, могила 1; 11 – ограда А, могила 3; 12, 16 – ограда Г, могила;

14 – ограда А, могила 2; 15 – ограда Б, могила.

1-10 – бронза-золото; 11, 12, 15, 16, 18, 20, 21, 23 – бронза; 13, 17, 19, 22 – кость

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у плит ограждения в юго-западном секторе ограды (см. рис. 60, 9).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у плит ограждения в южной части ограды (рис. 60, 7).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у юго-восточного угла могилы (рис. 60, 8).

Могила – расположена в центре огражденной площадки, каменный ящик размером $1,25 \times 1,0 \times 0,6$ м ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Торцевые плиты выше продольных на 0,3 м. Центральная часть ящика перекрыта гранитной плитой размером $0,8 \times 0,7$ м (см. рис. 59; 61, 7). В заполнении встречены разрозненные кости человеческого скелета. На дне, в восточной половине ящика, в неповрежденном состоянии зафиксированы кости левой ноги взрослого нестарого мужчины, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. В юго-западном углу ящика, в головах погребенного, стоял сосуд (см. рис. 62, 15); обломки второго сосуда обнаружены в северо-западном углу могилы (рис. 62, 12).

Ограда Г – пристроена к ограде А с юго-восточной стороны между оградами Б и В. Неправильно-квадратной формы, размером $5,0 \times 5,0$ м. В огражденном пространстве исследованы 3 поминальных комплекса и могила (см. рис. 59, 1).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у плит ограждения в юго-западном секторе ограды (см. рис. 60, 11).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у плит ограждения в южной части ограды (рис. 60, 12), накрытый керамической крышкой (рис. 60, 13).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в юго-восточном углу ограды у плит ограждения (рис. 60, 10).

Могила – расположена в южной половине огражденной площадки, каменный ящик размером $2,1 \times 1,0 \times 0,75$ м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток (рис. 60, 8). Западная торцевая плита выше восточной на 0,15 м и выше продольных на 0,25 м. Восточная часть перекрыта плитой $1,5 \times 0,8$ м; западная плита перекрытия, размером $0,75 \times 0,7$ м, разбита и запала вовнутрь. В заполнении встречены остатки скелета женщины в возрасте 16–18 лет и новорожденного младенца, обломки сосуда (рис. 60, 17), две бронзовые обоймы (см. рис. 63, 12, 16), обломки желобчатого браслета и 14 бронзовых бусин. У северной стенки, близ северо-западного угла ящика, обнаружен раздавленный сосуд (см. рис. 60, 16).

Ограда Д – сохранилась частично, реконструируемые размеры $5,0 \times 2,0$ м, пристроена к оградам А и Б с севера. Планиграфические наблюдения показывают, что для ее сооружения были частично сняты северные плиты ограждения ограды Б. Вновь сооружаемая ограда должна была стать естественным продолжением последней. Плиты западной части не прослеживались, сохранившиеся плиты восточного сектора ограждения впущены только в коричневый гумусированный суглинок, не достигая материкового грунта. Могилы ограды Д прорезали канавку для размещения плит ограждения ограды Б, что позволяет относить эти захоронения к завершающей стадии функционирования погребального комплекса (см. рис. 59, 1).

Могила 1 – расположена вдоль северной стенки ограды А, каменный ящик размером $1,9 \times 0,9 \times 0,7$ м ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Торцевые плиты выше продольных на 0,1 м. Могила перекрыта двумя рядами плит. В нижней части прослежено две плиты: западная размером $1,1 \times 0,5$ м; восточная размером $1,15 \times 1,0$ м. Стык нижнего ряда плит дополнительно перекрыт плитой размером $1,0 \times 0,6$ м. Внутреннее пространство ящика заполнено легкой серой супесью (см. рис. 59; 61, 9). На дне ящика обнаружен костяк женщины в возрасте 20 лет, лежавшей на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад. У основания черепа, с правой и левой стороны, обнаружено по пять бронзовых подвесок в полтора оборота, покрытых золотым листом, лежащих полукругом и нашитых, вероятно, на шапочку (см. рис. 63, 1–10). Под нижней челюстью прослежена низка пастовых бусин и пронизей, украшавших, вероятно, завязки шапочки (включала более 60 изделий очень плохой сохранности; не рассыпались лишь одна бусина и одна двусоставная пронизь). На запястьях рук надето по 2 бронзовых браслета (см. рис. 63, 18, 20, 21, 23), на лодыжках ног прослежено по низке бронзовых бусин: на правой ноге – 28 изделий, на левой – 29. У северной стенки ящика на уровне пояса погребенной прослежен ряд из 4 просверленных резцовых зубов крупного рогатого скота (см. рис. 63, 13, 17, 19, 22). Перед лицом погребенной на боку лежал сосуд (см. рис. 62, 11), второй стоял в головах (рис. 62, 10). Дно могилы покрывал тлен от подстилки черного цвета.

Могила 2 – расположена в восточной части ограды, каменный ящик размером $1,0 \times 0,9 \times 0,25$ м ориентирован по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад (см. рис. 59; 61, 10). В заполнении встречены неорнаментированные фрагменты керамики. На краю, у северо-западного угла ящика, находился жертвенник – впущенный в материковый грунт поминальный сосуд (см. рис. 60, б).

Ограда 24. Округлой формы, диаметром около 5 м (см. рис. 4). В исследованном пространстве обнаружены два поминальных комплекса и могила. В северо-западном секторе ограды обнаружено два скопления неорнаментированной керамики, выброшенные, вероятно, из могилы при ограблении (рис. 64, 1).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт за оградой с восточной стороны (рис. 65, 7).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт за оградой с западной стороны (рис. 65, б).

Могила – расположена в центре огражденного пространства, грунтовая яма размером $2,0 \times 1,0 \times 0,7$ м ориентирована по линии запад – восток. Восточный сектор могилы перекрыт обломком запавшей вовнутрь плиты размером $0,9 \times 0,45$ м, сдвинутой из западной части; в центре ямы обнаружена вертикально стоящая плита размером $0,7 \times 0,6$ м; плита, перекрывавшая восточную часть ямы, размером $1,0 \times 0,8$ м, в результате обвала стенок треснула и запала вовнутрь (рис. 64, 1, 2). В заполнении могилы встречены останки женского скелета, обломки трех сосудов (рис. 65, 10–12), обломок желобчатого браслета со спиралевидным окончанием (рис. 65, 3) и подвеска из клыка животного (рис. 65, 5). В центральной части ямы непотревоженными зафиксированы 12 позвонков, часть грудной клетки и кости таза женщины в возрасте около 25 лет, судя по которым погребенная была уложена на левый бок, в скорчен-

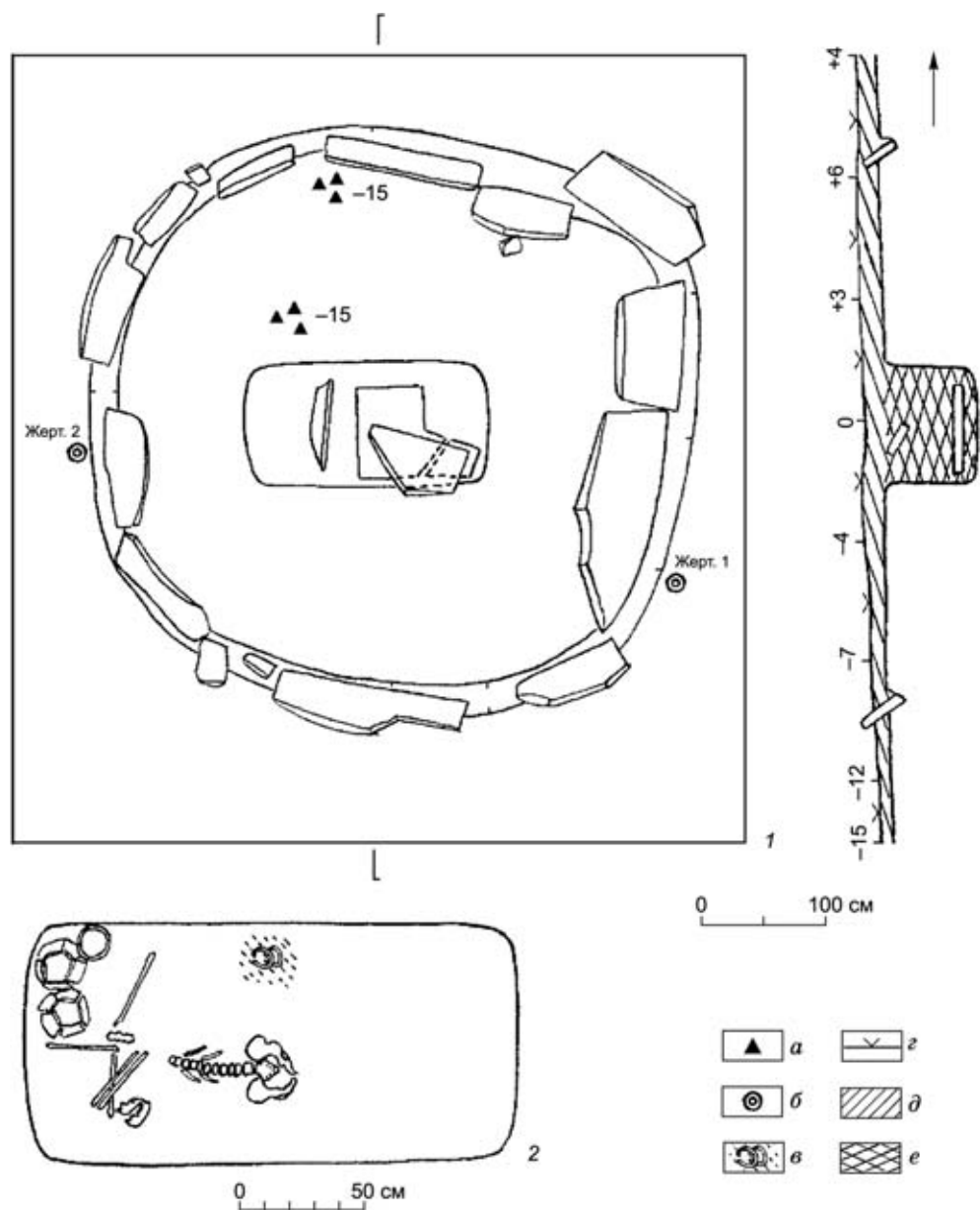

Рис. 64. Могильник Майтан. Ограда 24.

1 – план и разрез раскопа; 2 – план могилы.

a – фрагмент керамики; *б* – сосуд; *в* – серый тлен и височные кольца; *г* – дерн; *д* – коричневый гумусированный суглинок; *е* – коричневый суглинок

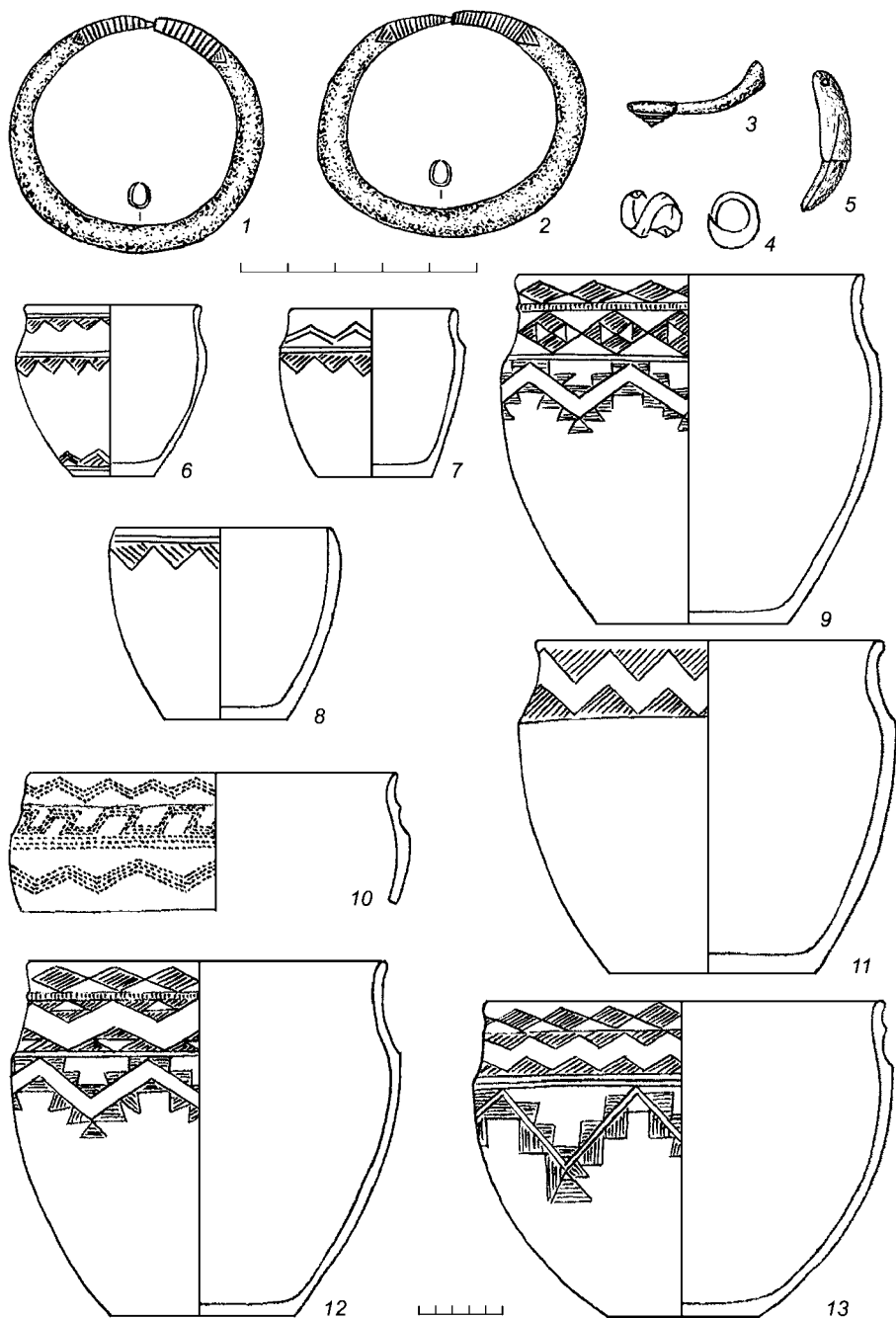

Рис. 65. Могильник Майтан. Ограда 24. Вещевой инвентарь.

1-5, 8, 9, 13 – могила; 6 – жертвенник 2; 7 – жертвенник 1; 10-12 – заполнение могилы.

1, 2, 4 – золото-бронза; 3 – бронза; 5 – кость; 6-13 – глина

ном положении, головой на запад. Под тазовыми костями обнаружена кучка пережженных кальцинированных костей животных размером $0,2 \times 0,15$ м, толщиной до 2 см. Под позвонками погребенной прослежена узкая линза желтой охры размером $0,3 \times 0,1$ м, толщиной 2–3 см. У северной стенки ямы, на уровне таза, расчищен участок тлена серого цвета размером 11×12 см от шерстяной (?) сумочки, внутри которой лежали 2 бронзовых височных кольца, покрытых золотым листом (рис. 65, 1, 2). В западной части ямы обнаружено 3 сосуда: один стоял в северо-западном углу (рис. 65, 13), второй располагался вдоль северной стенки ямы (рис. 65, 8), третий – рядом с первым у западной стенки (рис. 65, 9). На дне последнего сосуда находилась бронзовая подвеска в полтора оборота, покрытая золотой фольгой (рис. 65, 4). Дно могилы на непотревоженных участках было покрыто тленом от подстилки бордового цвета.

Ограда 25. Погребальное сооружение, состоящее из двух пристроенных друг к другу конструкций (см. рис. 4).

Ограда А – основная – неправильно-овальной формы, размером $7,5 \times 7,0$ м. В огражденном пространстве исследованы 2 поминальных комплекса и могила (рис. 66, 1).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в северной части ограды близ северо-западного угла могилы (рис. 67, 7).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в южной части ограды у плит ограждения (рис. 67, 2).

Могила – расположена в центре огражденного пространства. Каменный ящик размером $2,3 \times 1,2$ м ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток; глубина от уровня материка 0,55 м, от уровня плит – 0,7 м. Западная стенка выше восточной на 5 см и выше продольных на 10 см. Восточный сектор ящика перекрыт расколовшейся на две части плитой размером $1,1 \times 0,9$ м. В юго-западном углу могилы обнаружен обломок плиты перекрытия размером $0,55 \times 0,5$ м (см. рис. 66, 1). В заполнении встречены обломки сосуда (см. рис. 67, 3) и разрозненные кости мужского и женского скелетов (рис. 66, 2). От мужчины в возрасте 50–60 лет, лежавшего вдоль северной стенки, непотревоженными сохранились кости ног. Их расположение неестественно и свидетельствует о насильственном посмертном сломе суставов: кости правой ноги пропущены между костями бедра и голени левой ноги. Мужчина лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад. Из останков женщины в возрасте 30–40 лет непотревоженными сохранились кости голени ног. Погребенная лежала вдоль южной стенки ящика, за спиной мужчины, на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад. Лодыжки ног женщины украшали низки бронзовых бусин: на правой ноге – 20 изделий, на левой – 19.

Ограда Б – пристроена к основной ограде с северной стороны, неправильно-овальной формы, размером $4,5 \times 3,75$ м. В огражденном пространстве исследованы 2 поминальных комплекса и могила.

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в северо-восточном секторе ограды у плит ограждения (см. рис. 67, 5).

Жертвенник 2 – расположен в юго-восточном углу ограды у плит ограждения, грунтовая яма овальной формы, размером $0,8 \times 0,4 \times 0,1$ м, ориентиро-

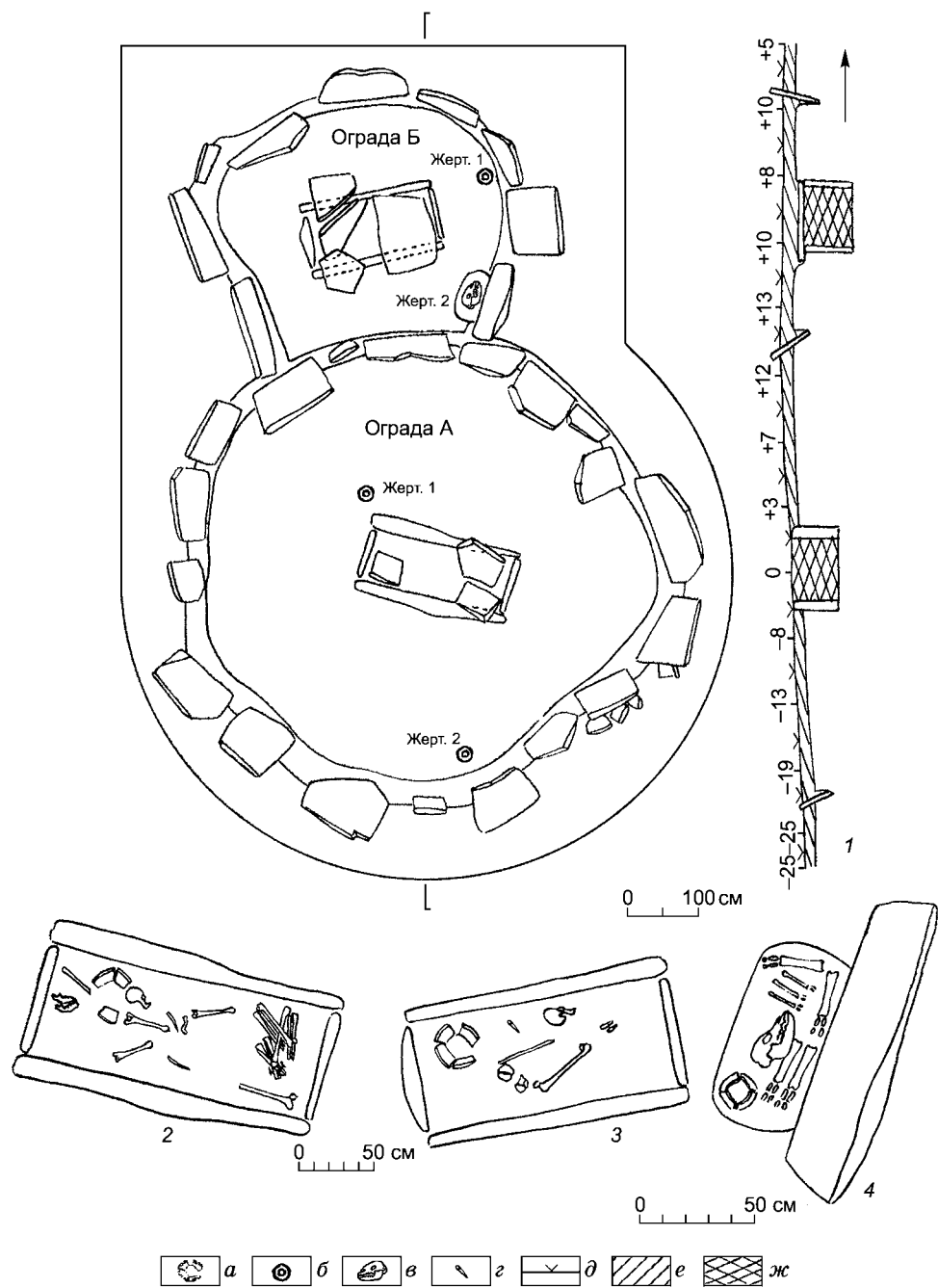

Рис. 66. Могильник Майтан. Ограда 25.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, могила; 3 – ограда Б, могила; 4 – ограда Б, жертвенник 2.
 а – развал сосуда; б – сосуд; в – поминальный комплекс; г – бронзовое шило; д – дерн; е – коричневый гумусированный суглинок; ж – коричневый суглинок

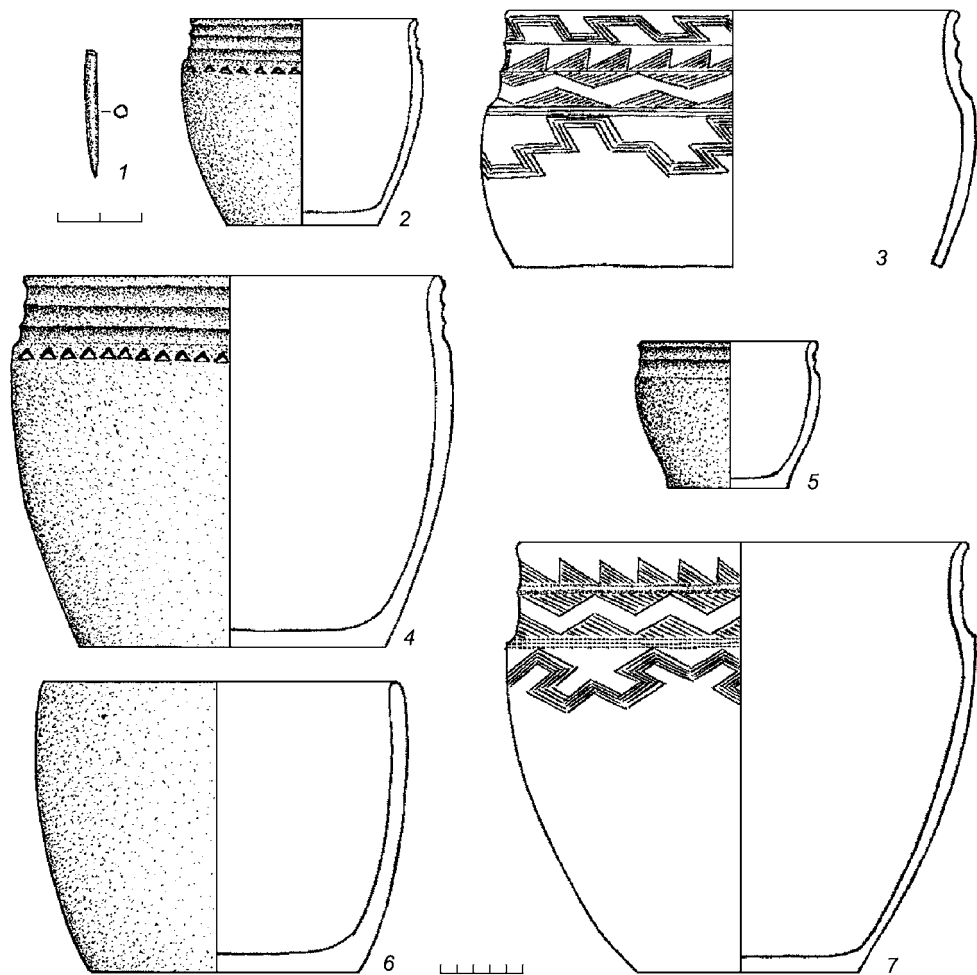

Рис. 67. Могильник Майтан. Ограда 25. Вещевой инвентарь.

1, 7 – ограда Б, могила; 2 – ограда А, жертвенник 2; 3 – ограда А, могила; 4 – ограда А, жертвенник 1; 5 – ограда Б, жертвенник 1; 6 – ограда Б, жертвенник 2.

1 – бронза; 2–7 – глина

вана по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад (см. рис. 66, 1). На дне ямы в юго-западном углу стоял сосуд (см. рис. 67, 6). В центре ямы находился череп крупного рогатого скота, уложенный на левую сторону и ориентированный на северо-северо-восток. Между основанием черепа и стенкой ограды лежали две конечности крупного рогатого скота копытцами на юго-юго-запад; третья конечность, аналогично ориентированная, расположена в северной части ямы вдоль плиты ограждения; четвертая, ориентированная на запад, располагалась вдоль северной стенки. В пространстве между черепом и конечностью, находившейся у северной стенки, располагались три нижних конечности мелкого рогатого скота, уложенные поперек ямы копытцами на юго-восток (см. рис. 66, 4).

Могила – расположена в центре огражденного пространства, каменный ящик размером $2,1 \times 1,1 \times 0,7$ м, ориентированный по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Восточная стенка ящика выше западной на 10 см и выше остальных на 0,3 м. Восточная половина могилы перекрыта плитой размером $1,25 \times 0,8$ м, западная – обломками разбитой плиты размером $1,8 \times 0,7$ м (рис. 66, 1, 3). В заполнении ящика встречены кости скелета, принадлежавшие взрослому мужчине, и обломок бронзового шила (см. рис. 67, 1). В северо-западном углу ящика обнаружен раздавленный сосуд (рис. 67, 7).

Ограда 26. Овальной формы, размером $6,5 \times 6,0$ м, ориентирована по линии запад – восток (см. рис. 4). В огражденном пространстве исследованы поминальный комплекс и две могилы (рис. 68, 1).

Жертвенник – расположен в юго-восточном секторе у плит ограждения, ямка овальной формы, размером $0,4 \times 0,3 \times 0,15$ м, ориентирована по линии север – юг. На дне в северной половине ямки находились три конечности крупного рогатого скота, вытянутые в меридиональном направлении, копытцам и на юг; четвертая конечность крупного рогатого скота, перекрывавшая вышеописанные кости, уложена по диагонали южной части ямы, копытцами на северо-восток (рис. 68, 4).

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства, грунтовая яма размером $2,15 \times 0,9 \times 0,5$ м ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Была перекрыта тремя плитами, уложенными поперек ямы: западная и восточная плиты, размером $1,2 \times 0,9$ и $1,1 \times 0,8$ м, не потревожены; центральная плита разбита, ее обломки запали вовнутрь ямы (рис. 68, 1). В заполнении найдены разрозненные кости скелета взрослого немолодого мужчины и неорнаментированные фрагменты керамики (рис. 68, 2). В северо-западном углу ямы стоял сосуд (рис. 68, 5), рядом, вдоль западной стенки, лежал бронзовый нож (рис. 68, 7).

Могила 2 – расположена в северо-восточном секторе, каменный ящик размером $0,8 \times 0,55 \times 0,1$ м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Глубина от уровня материка 0,1 м, от уровня плит 0,25 м (рис. 68, 1, 3). На дне в северо-восточном углу ящика на боку лежал сосуд (рис. 68, 6). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда 27. Сложное поминальное сооружение, объединяющее три надмогильные конструкции (см. рис. 4; 69, 1).

Ограда А – основная – овальной формы, размером $7,5 \times 7,0$ м. В огражденном пространстве выявлены 4 поминальных комплекса и 2 могилы (рис. 69, 1).

Жертвенник 1 – две конечности крупного рогатого скота, лежавшие на уровне материка у юго-западного угла могилы 2, копытцами, ориентированными на юго-запад (рис. 69, 1, 7).

Жертвенник 2 – расположен в северной половине ограды у восточных плит ограждения. Грунтовая яма овальной формы, размером $0,4 \times 0,3 \times 0,15$ м, ориентирована по линии запад – восток, перекрыта плитой размером $1,0 \times 0,6$ м (рис. 69, 1). На дне, в северной половине ямы, находился череп крупного рогатого скота, уложенный на правую сторону, ориентирован на восток. В южной половине ямы зафиксированы две конечности крупного рогатого скота, уложенные по линии запад – восток, копытцами на восток (рис. 69, 9).

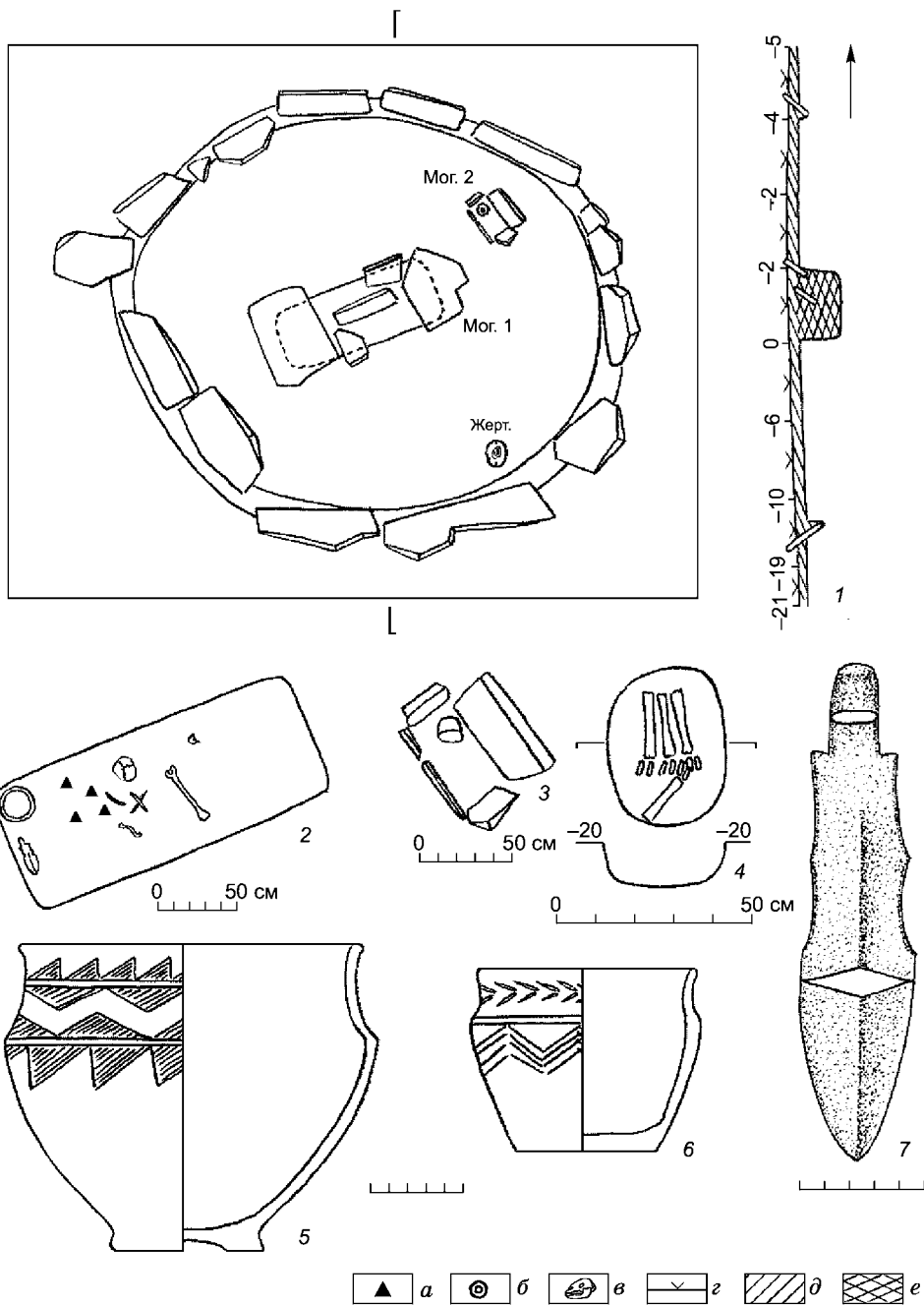

Рис. 68. Могильник Майтан. Ограда 26.

1 – план и разрез раскопа; 2 – могила 1; 3 – могила 2; 4 – план и разрез жертвенника;
5, 7 – могила 1; 6 – могила 2.

5, 6 – глина; 7 – бронза.

a – фрагмент керамики; б – поминальный сосуд; в – кости поминального животного;
г – дерн; д – коричневый гумусированный суглинок; е – коричневый суглинок

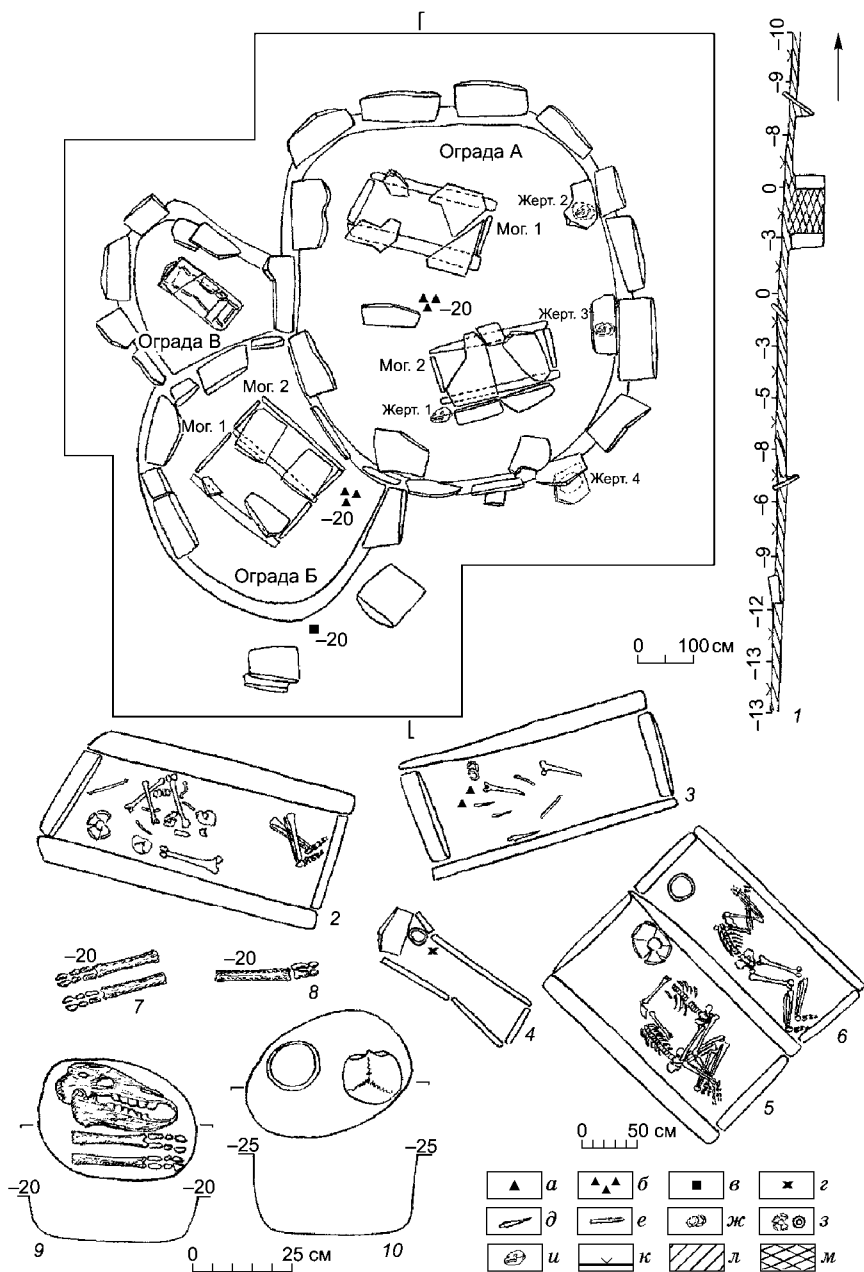

Рис. 69. Могильник Майтан. Ограда 27.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, могила 1; 3 – ограда А, могила 2; 4 – ограда В, могила; 5 – ограда Б, могила 1; 6 – ограда Б, могила 2; 7 – ограда А, жертвенник 1; 8 – ограда А, жертвенник 3; 9 – ограда А, жертвенник 2; 10 – ограда А, жертвенник 4. а – фрагмент керамики; б – скопление керамики; в – бронзовый крючок; г – глиняная поделка; д – костяной наконечник стрелы; е – костяная трубочка; ж – височные кольца; з – сосуды; и – поминальный комплекс; к – дерн; л – коричневый гумусированный суглинок; м – коричневый суглинок

Жертвенник 3 – конечность крупного рогатого скота, перекрытая плитой размером $1,1 \times 0,5$ м, лежала на уровне материка, в южной половине ограды у восточных плит ограждения. Вытянута в широтном наплавлении, ориентирована копытами на восток (рис. 69, 1, 8).

Жертвенник 4 – расположен за оградой у юго-восточных плит ограждения. Грунтовая яма овальной формы, размером $0,4 \times 0,3 \times 0,2$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад, перекрыта плитой размером $0,55 \times 0,5$ м (рис. 69, 1). На дне ямы у северной стенки близ северо-западного угла стоял сосуд (рис. 70, 5); напротив, в юго-восточном углу, находился череп ребенка в возрасте 3–5 лет, стоящий на основании, глазами на север (см. рис. 69, 10).

Могила 1 – расположена в северной половине ограды, каменный ящик размером $2,6 \times 1,3 \times 0,6$ м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Восточная торцевая плита выше западной на $0,15$ м и выше продольных на $0,3$ м. Плиты перекрытия разбиты и сдвинуты (рис. 69, 1, 2). В заполнении встречена костяная трубочка со сквозным отверстием в центральной части из диафиза трубчатой кости лебеда (?) (рис. 71, б), а также разрозненные кости двух скелетов – мужчины в возрасте 18–20 лет и молодой женщины. От костяка мужчины в восточной части ящика непо потревоженными зафиксированы кости голени и стоп. Погребенного уложили по диагонали могильного пространства, вдоль южной стенки ящика, на левый бок, скорченно, головой на запад. Кости стоп погребенного были покрыты тленом фиолетового цвета. Достоверно установить позу женского костяка не удалось, но, судя по четырем непо потревоженным позвонкам грудного отдела, обнаруженным в западной половине ящика, захоронение занимало центральную и западную части могильного пространства – женщина была уложена вдоль северной стенки ящика, в позе, аналогичной мужчины. В юго-западном углу могилы обнаружен раздавленный сосуд, частично разрушенный при ограблении (см. рис. 70, 11).

Могила 2 – расположена в южной половине ограды, каменный ящик размером $2,35 \times 1,15 \times 0,6$ м ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Восточная торцевая плита выше западной на 5 см и выше продольных на $0,25$ м. Ящик перекрыт обломками плит, частично разбитых и сдвинутых за пределы могилы, размером $1,2 \times 0,9$ и $1,0 \times 0,7$ м (см. рис. 69, 1, 3). В заполнении встречены сильно раздробленные кости скелета молодой женщины в возрасте 15–18 лет и неорнаментированные фрагменты керамики. На дне, у южной стенки, обнаружен костяной наконечник стрелы (см. рис. 71, 3), у северной найдены 2 бронзовых височных кольца, покрытых листовым золотом (рис. 71, 2, 4). Судя по вещевому материалу, ящик мог содержать парное разнополое захоронение, причем мужчина, вероятно, лежал вдоль южной стенки, женщина вдоль северной.

В центре ограды между могилами 1 и 2 обнаружено скопление фрагментов сосуда, выброшенного, вероятно, при ограблении одной из могил ограды (см. рис. 70, 9).

Ограда Б – пристроена к оградке А с юго-западной стороны, овальной формы, размером $5,0 \times 3,5$ м (см. рис. 69, 1). За оградкой, в слое коричневого гумусированного суглинка, найдена бронзовая скрепка (см. рис. 71, 5), вероятно, крепившая треснувшую стенку деревянного поминального сосуда. В центре

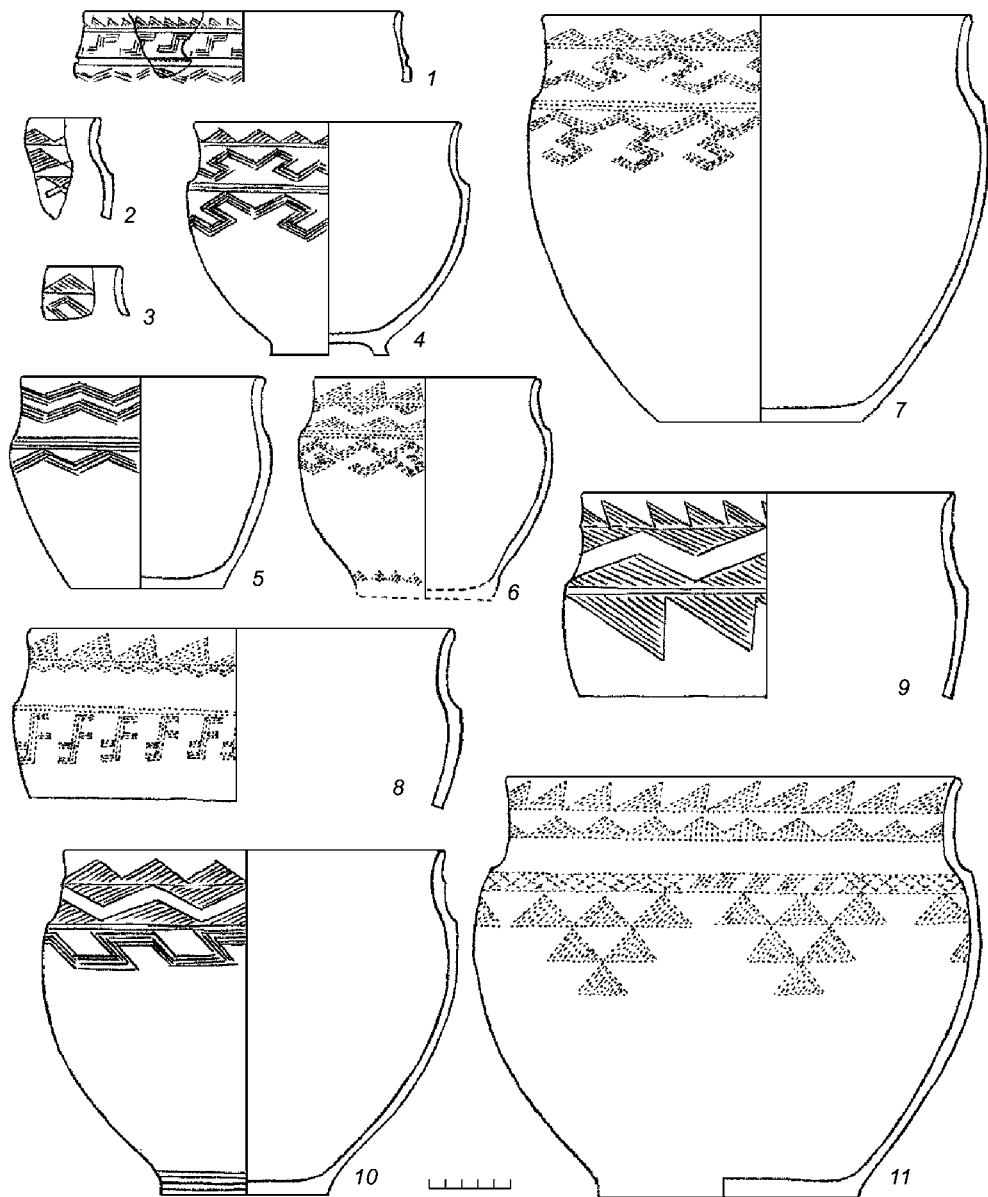

Рис. 70. Могильник Майтан. Ограда 27. Керамика.

1-3, 6, 7 – ограда Б, могила 1; 4 – ограда В, могила; 5 – ограда А, жертвенник 4; 8 – ограда Б, скопление керамики у восточной стенки могилы 2; 9 – ограда А, скопление керамики между могилами 1 и 2; 10 – ограда Б, могила 2; 11 – ограда А, могила 1

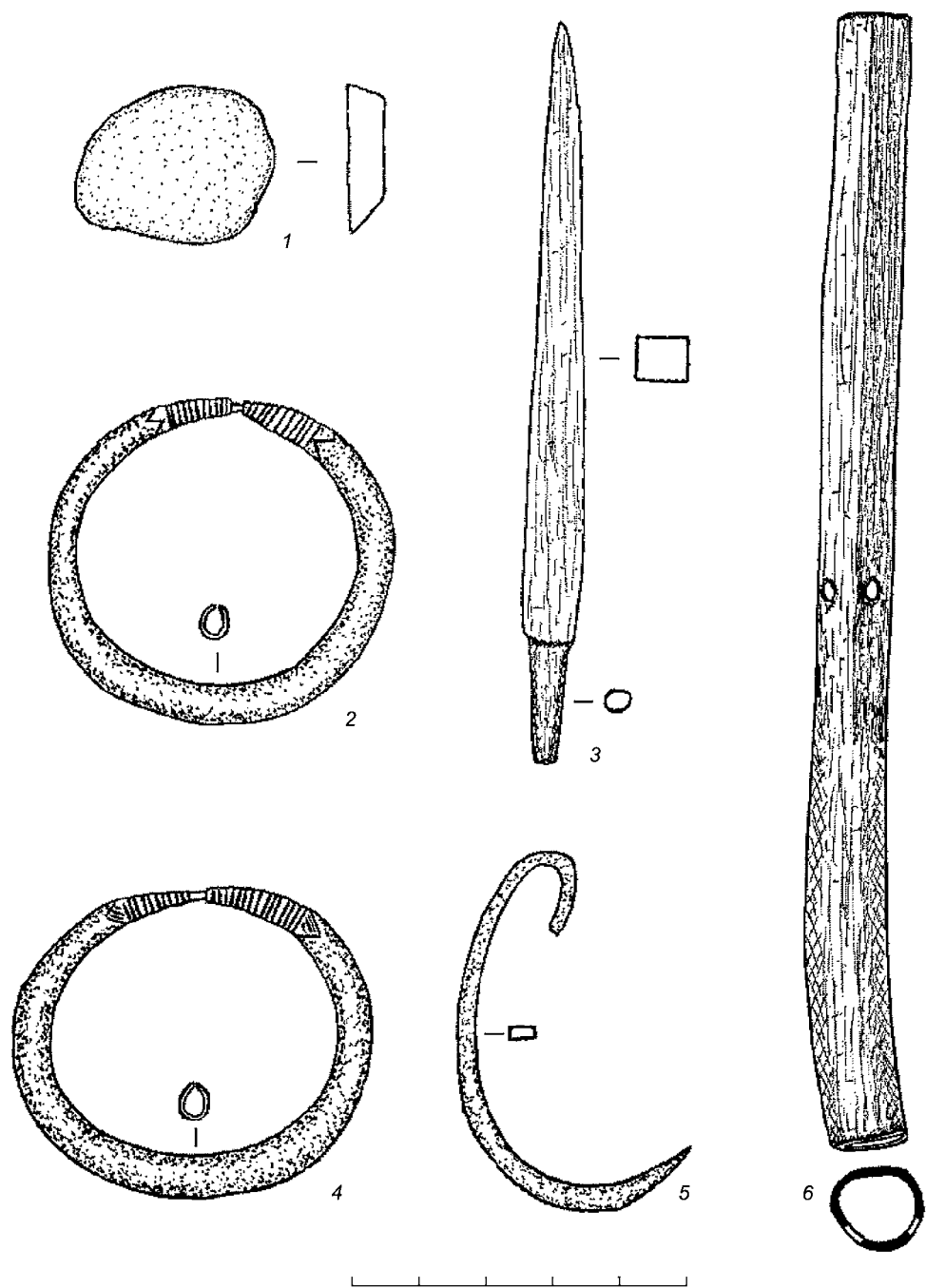

Рис. 71. Могильник Майтан. Ограда 27. Вещевой инвентарь.

1 – ограда В, могила; 2–4 – ограда А, могила 2; 5 – скрепка за оградой Б, в грунте выше материка;
6 – ограда А, могила 1.

1 – глина; 2, 4 – бронза–золото; 3, 6 – кость; 5 – бронза

огражденного пространства располагался спаренный каменный ящик, с юго-восточной стороны которого встречено скопление обломков сосуда, выброшенного, вероятно, при ограблении одной из могил (см. рис. 70, 8).

Могила 1 – южная спаренного ящика, размером $2,16 \times 1,15 \times 0,7$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Торцевые стенки выше продольных на 0,1 м (см. рис. 69, 5). В заполнении встречены обломки четырех сосудов (рис. 70, 1–3, 6) и разрозненные кости взрослого мужчины и взрослой женщины старше 25 лет. На дне исследовано частично сохранившееся парное разнополое погребение. От мужского костяка непо потревоженной сохранились левая лопатка и кость предплечья, предплечье правой руки, грудная клетка, часть позвоночного столба, кости таза и ног. Погребенный мужчина лежал вдоль южной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. От женского скелета уцелели часть грудной клетки, позвоночный столб, кости таза и ног. В области поясничного отдела в позвоночном столбе прослеживается разрыв, свидетельствующий о его смещении в процессе ограбления. Погребенная женщина лежала вдоль северной стенки, на правом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Кости ног женщины перекрывают кости ног мужчины. В северо-западном углу ящика располагался раздавленный, частично сохранившийся сосуд, стоявший в головах погребенной (рис. 70, 7).

Могила 2 – северная спаренного ящика, размером $2,15 \times 0,8 \times 0,7$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Торцевые стенки выше продольных на 0,1 м (см. рис. 69, 6). На дне обнаружен скелет женщины в возрасте 18–20 лет, у которого отсутствовали шейные позвонки и череп. Погребенная лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. В головах погребенной, у западной стенки ящика, стоял сосуд (см. рис. 70, 10).

Ограда В – построена к ограде А с запада и к ограде Б с севера, неправильно-овальной формы, размером $3,0 \times 3,0$ м. В огражденном пространстве располагалась грунтовая яма размером $1,6 \times 0,8$ м, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток. На глубине 25 см от уровня материка вдоль длинных сторон ямы прослежены уступчики для плит перекрытия: ширина уступчика вдоль северной стенки 0,1 м, вдоль южной – 0,25 м. Плиты перекрытия разбиты и частично запали вовнутрь погребальной камеры. В грунтовую яму впущен деформированный каменный ящик размером $1,5 \times 0,55 \times 0,55$ м, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. Внутреннее пространство ящика с течением времени деформировалось – стенки запали наружу или вовнутрь погребального пространства (см. рис. 69, 1, 4). В северо-западном углу ящика стоял сосуд (см. рис. 70, 4), рядом лежала керамическая поделка неопределенного назначения (рис. 71, 1). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда 28. Погребальная конструкция с дополнительной пристройкой (см. рис. 4; 72).

Ограда А – основная – овальной формы, размером $6,0 \times 5,0$ м, ориентирована по линии запад – восток. В огражденном пространстве исследовано 5 поминальных комплексов и 3 могилы.

Жертвенник 1 – два поминальных сосуда, впущенных в материковый грунт в северо-западном секторе ограды у плит ограждения и накрытых каменными плитками размером $0,25 \times 0,2$ м и $0,25 \times 0,3$ м (рис. 72; 73, 23, 24).

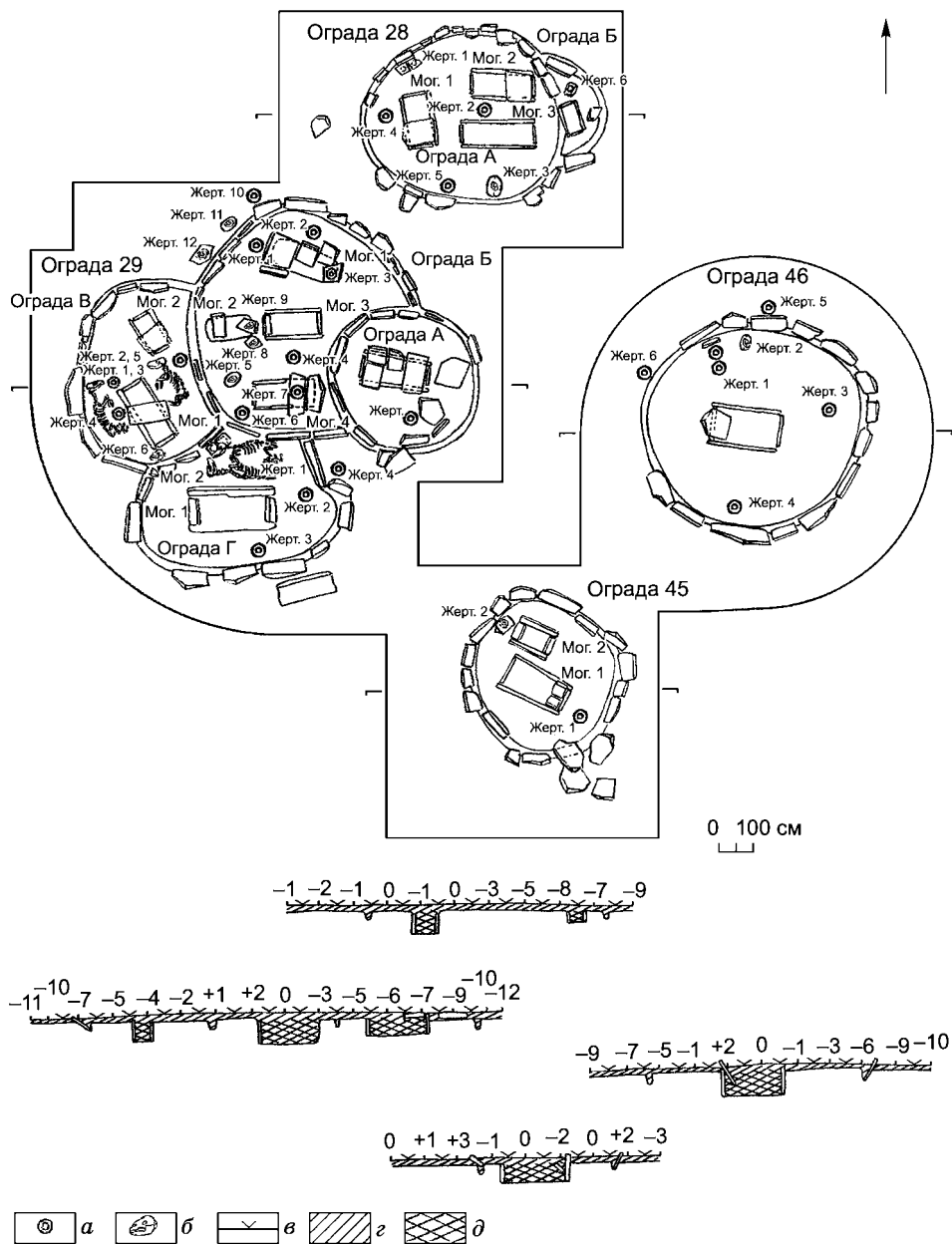

Рис. 72. Могильник Майтан. Ограды 28, 29, 45, 46. План и разрезы раскопа.
 а – поминальный сосуд; б – поминальный комплекс; в – дерн; г – коричневый гумусированный суглинок; д – коричневый суглинок

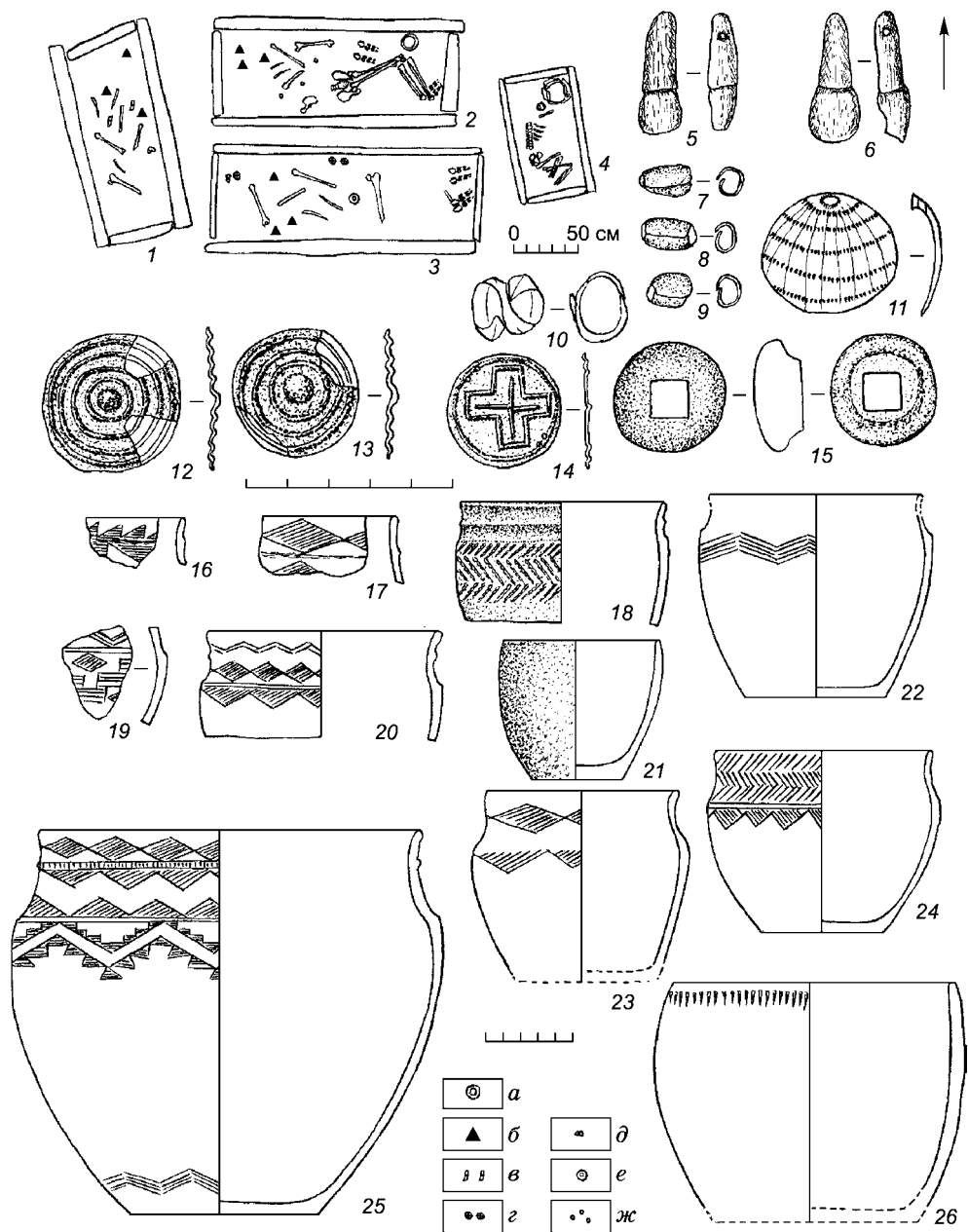

Рис. 73. Могильник Майтан. Ограда 28.

1 – ограда А, могила 1; 2 – ограда А, могила 2; 3 – ограда А, могила 3; 4 – ограда Б, могила;
 5, 6, 16 – ограда А могила 1 (а – сосуд; б – фрагмент керамики; в – подвески из зубов;
 г – бронзовые бляшки; д – подвеска в полтора оборота; е – каменное навершие; ж – бусы).
 7–9, 21 – ограда А, могила 2; 11, 25 – ограда Б, могила; 10, 12–15, 17, 20 – ограда А, могила 3;
 18 – жертвенник 4; 19 – жертвенник 3; 22 – жертвенник 5; 23, 24 – жертвенник 1; 26 – жертвенник 2.
 5, 6 – кость; 7–10, 12–14 – бронза; 11 – раковина; 15 – камень; 16–26 – глина

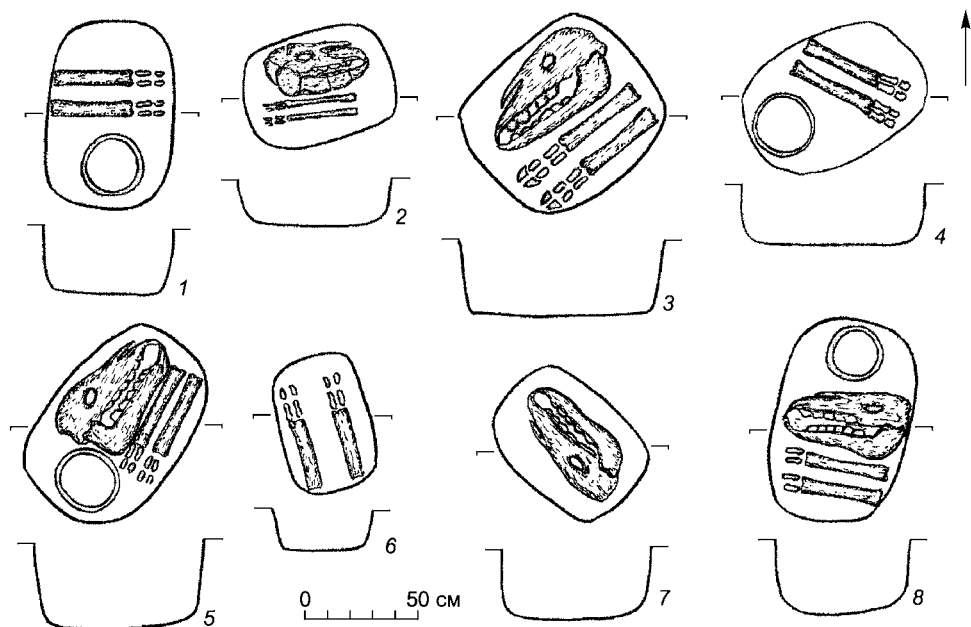

Рис. 74. Могильник Майтан. Ограды 28, 29, 46. Планы и разрезы жертвенников.

1 – ограда 28, жертвенник 3; 2 – ограда 28, жертвенник 6; 3 – ограда 29Б, жертвенник 11; 4 – ограда 29Б, жертвенник 5; 5 – ограда 29Б, жертвенник 12; 6 – ограда 29Б, жертвенник 9; 7 – ограда 29Б, жертвенник 8; 8 – ограда 46, жертвенник 2

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в центре ограды между могилами 2 и 3 (рис. 72; 73, 26).

Жертвенник 3 – расположен в южной части ограды у плит ограждения, грунтовая яма овальной формы, размером $0,43 \times 0,32 \times 0,18$ м, ориентирована по линии север – юг, с небольшим отклонением к востоку (см. рис. 72, 1). На дне ямы, у южной стенки, стоял сосуд, рассыпавшийся при расчистке (см. рис. 73, 19); в северной половине ямы находились две конечности крупного рогатого скота, уложенные по линии запад – восток, копытами на восток (см. рис. 74, 1).

Жертвенник 4 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в западном секторе ограды, между западной стенкой могилы 1 и плитами ограждения (см. рис. 72; 73, 18).

Жертвенник 5 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в юго-западном секторе ограды у плит ограждения (см. рис. 72; 73, 22).

Могила 1 – расположена в западной части ограды, каменный ящик размером $1,7 \times 0,8 \times 0,6$ м ориентирован по линии север – юг, с небольшим отклонением к западу. Южная стенка выше северной на 5 см и выше остальных на 10 см. Южная половина ящика перекрыта плитой размером $0,95 \times 0,75$ м (см. рис. 72; 73, 1). В заполнении встречены мелкие сильно раздробленные кости мужчины (?), обломки сосуда (рис. 73, 16) и две подвески из резцовых зубов крупного рогатого скота (рис. 73, 5, 6).

Могила 2 – расположена в северо-восточном секторе ограды, каменный ящик размером $2,0 \times 0,85$ м ориентирован по линии запад – восток. Глубина от уровня материка 0,6 м, от уровня плит 0,7 м; западная торцевая плита выше остальных на 5 см. Восточная часть могилы перекрыта плитой размером $0,8 \times 0,8$ м (см. рис. 72; 73, 2). В заполнении найдены разрозненные кости двух человеческих скелетов, неорнаментированные фрагменты керамики, 3 бронзовые бочонковидные бусины (рис. 73, 7–9), 3 пастовые бусины и 28 бусин из белого искусственного материала. На дне исследовано частично разграбленное парное погребение. От костяка взрослого мужчины непотревоженными сохранились 3 позвонка поясничного отдела, кости таза и ног. Погребенный лежал вдоль южной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Вдоль северной стенки, у изгиба колен погребенного, стоял сосуд (рис. 73, 21). Из останков взрослой женщины уцелели только кости стоп, расположенные на уровне бедренных костей мужчины. Женщина была втиснута между мужчиной и северной стенкой ящика – лежала на правом боку, скорчено, головой на запад.

Могила 3 – расположена в юго-восточном секторе ограды, каменный ящик размером $2,3 \times 0,9$ м ориентирован по линии запад – восток. Глубина от уровня материка 0,6 м, от уровня плит 0,65 м; западная торцевая плита выше восточной стенки на 0,1 и выше продольных на 0,15 м; перекрытие отсутствовало (см. рис. 72; 73, 3). В заполнении найдены разрозненные кости взрослого мужчины и взрослой женщины, обломки двух сосудов (рис. 73, 17, 20), каменное навершие (рис. 73, 15), бронзовая подвеска в полтора оборота (рис. 73, 10), три бронзовые бляшки (рис. 73, 12–14) и разнообразные бусины (серебряная, 3 бронзовых, 13 пастовых и двусоставная пастовая пронизка). В могиле непотревоженными сохранились только кости стоп погребенных, а у мужчины еще и голеностопный сустав левой ноги и прилегающие к нему обломки большой и малой берцовой костей. Судя по сохранившимся костям, погребенные были уложены на левый бок, в скорченном положении, головой на запад – женщина вдоль северной стенки ящика, мужчина за спиной женщины вдоль южной. Под костями погребенных и на непотревоженных участках дна прослеживался тлен от подстилки фиолетового цвета.

Ограда Б – пристроена к восточной стороне основной ограды, размером $3,0 \times 1,0$ м, вытянута в меридиональном направлении. Исследованы поминальный комплекс и могила (см. рис. 72).

Жертвенник 6 – расположен в северной части ограды, грунтовая яма овальной формы, размером $0,35 \times 0,25 \times 0,15$ м, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад и перекрытая плитой размером $0,35 \times 0,3$ м. На дне ямы вдоль северной стенки находился череп мелкого рогатого скота, уложенный на левую сторону, ориентирован на восток. В южной части ямы параллельно черепу лежали две нижние конечности копытцами на запад (см. рис. 74, 2).

Для сооружения могилы, расположенной в южной половине пристройки, были частично удалены восточные плиты ограждения, и могильная яма частично прорезала канавку основной ограды. В яму был впущен ящик размером $1,05 \times 0,6 \times 0,4$ м, ориентированный по линии север – юг, с небольшим отклонением к западу. Северная стенка выше южной на 5 см и выше остальных

на 0,1 м. Плиты перекрытия отсутствовали. В заполнении встречены мелкие кости черепа и подвеска из раковины (см. рис. 73, 11). На дне ямы обнаружен частично сохранившийся костяк ребенка в возрасте 2–3 лет, лежавший на левом боку, в скорченном положении, головой на север (рис. 73, 4). Перед лицом погребенного, в северо-восточном углу ящика, находился раздавленный сосуд (рис. 73, 25).

Ограда 29. Сложная поминальная конструкция, включающая четыре надмогильных сооружения (см. рис. 4; 72).

Ограда А – основная – округлой формы, диаметром около 4,5 м; в южной половине обнаружен поминальный комплекс – сосуд, вкопанный в материковый грунт (рис. 75, 1).

Могила – несколько смещенная от центра в северо-западную половину огражденного пространства – представляла собой каменный ящик размером 2,0 × 0,9 × 0,55 м, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. Западная стенка выше восточной на 0,1 м и выше длинных сторон на 0,25 м. Перекрыта тремя уложенными поперек плитами: западный сектор – плитой размером 1,15 × 0,55 м, восточный – плитой размером 1,2 × 0,75 м; центральная плита перекрытия разбита, и ее обломки смещены в восточный сектор ограды (см. рис. 72; 76, 1). В заполнении могилы найдены разрозненные кости двух человеческих скелетов, костяная трубочка (рис. 77, 13), раковина (рис. 77, 4), 2 пастовые и 23 бронзовые бусины. На дне обнаружено частично сохранившееся парное погребение. От костяка мужчины в возрасте 20–25 лет, лежавшего вдоль северной стенки на правом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад, непотревоженными сохранились кости стоп и центральный участок позвоночного столба с примыкающими к нему ребрами.

За спиной погребенного, у северной стенки, лежал колчан, содержащий 2 бронзовых (рис. 77, 11, 12) и 4 костяных наконечника стрелы (рис. 77, 7–10). Острия изделий направлены на северо-запад. От костяка юной женщины, в возрасте 14–18 лет, непотревоженными сохранились кости стоп – она лежала вдоль южной стенки на правом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. У южной стенки в области местонахождения головы женского костяка обнаружено скопление из семи подвесок из клыков собаки, вероятно, входивших в ожерелье.

Ограда Б – пристроена к северному и западному секторам ограды А, овальной формы, размером 7,0 × 4,5 м. В исследованном пространстве выявлено 12 поминальных комплексов и 4 могилы (рис. 72).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в северо-западном секторе с западной стороны могилы 1 (рис. 75, 3).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в северо-западном секторе с северной стороны могилы 1 (рис. 75, 2).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, стоящий на восточной плите перекрытия могилы 1 (рис. 75, 6).

Жертвенник 4 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в южной половине ограды между могилами 3 и 4 (рис. 75, 10).

Жертвенник 5 – расположен в юго-западном секторе ограды, грунтовая яма овальной формы, размером 0,4 × 0,3 × 0,15 м, ориентирована по линии

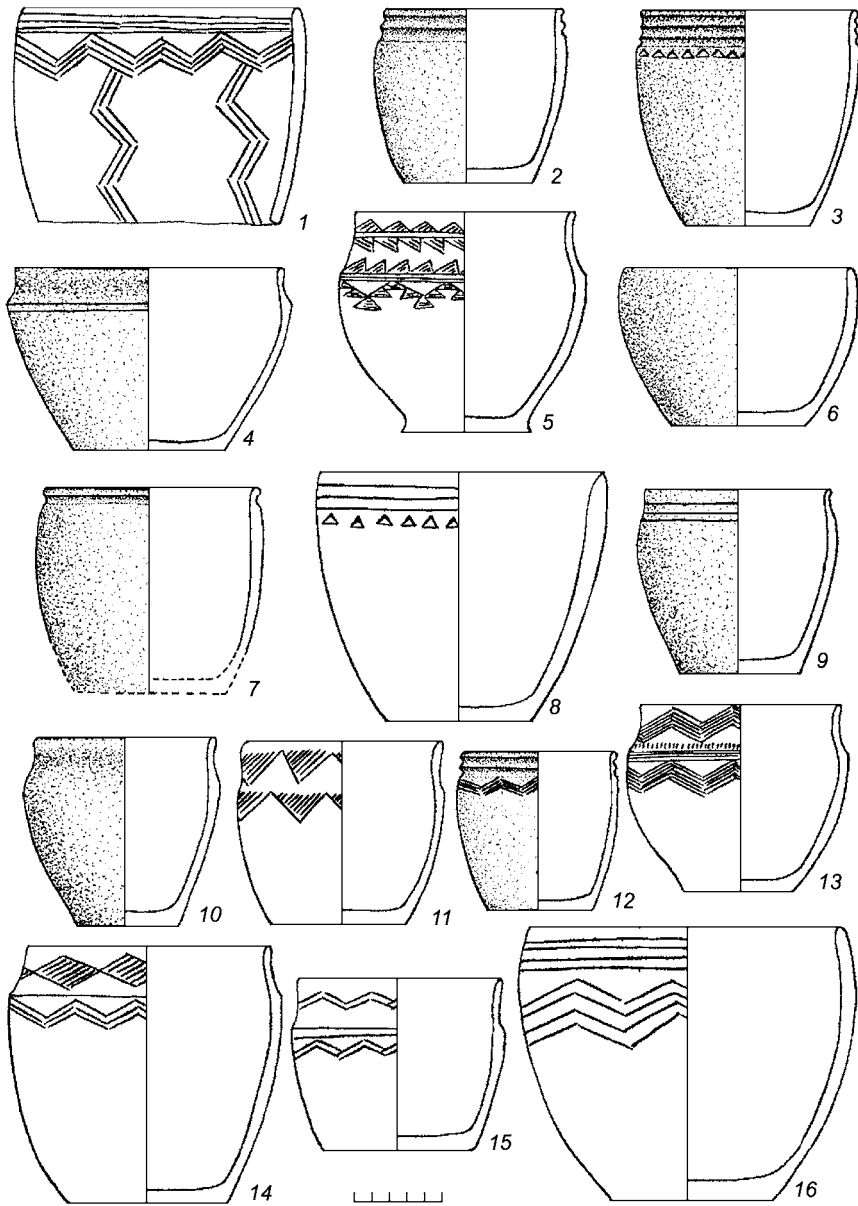

Рис. 75. Могильник Майтан. Ограда 29. Керамика.

1 – ограда А, жертвенник; 2 – ограда Б, жертвенник 2; 3 – ограда Б, жертвенник 1;
 4 – ограда Б, жертвенник 10; 5 – ограда В, жертвенник 4; 6 – ограда Б, жертвенник 3;
 7 – ограда Б, жертвенник 6; 8 – ограда Б, жертвенник 12; 9 – ограда Г, жертвенник 4;
 10 – ограда Б, жертвенник 4; 11 – ограда В, жертвенник 5; 12 – ограда Г, жертвенник 2;
 13 – ограда Б, жертвенник 7; 14 – ограда Б, жертвенник 5; 15 – ограда В, жертвенник 3;
 16 – ограда Г, жертвенник 3

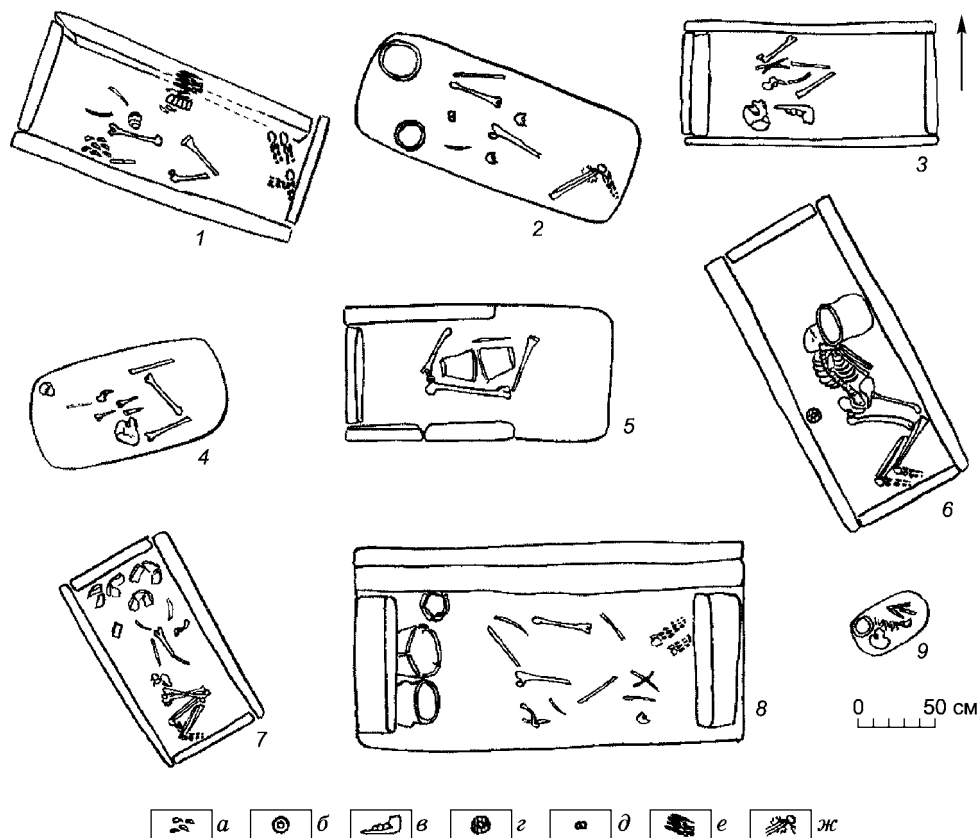

Рис. 76. Могильник Майтан. Ограда 29. Планы могил.

1 – ограда 29А, могила; 2 – ограда 29Б, могила 1; 3 – ограда 29Б, могила 3; 4 – ограда 29Б, могила 2; 5 – ограда 29Б, могила 4; 6 – ограда 29В, могила 1; 7 – ограда 29В, могила 2; 8 – ограда 29Г, могила 1; 9 – ограда 29Г, могила 2.

a – подвески из клыков; *b* – сосуд; *v* – челюсть лошади; *z* – пряжка из раковины; *d* – подвеска в полтора оборота; *e* – наконечники стрел; *ж* – бронзовые бусы

северо-восток – юго-запад (см. рис. 72; 74, 4). На дне ямы, у юго-восточной стенки, стоял сосуд (рис. 75, 14); в восточной половине по диагонали ямы зафиксированы две конечности крупного рогатого скота, уложенные копытцами на юго-восток.

Жертвенник 6 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в юго-западном секторе у плит ограждения (см. рис. 75, 7).

Жертвенник 7 – поминальный сосуд, стоящий на плите перекрытия могилы 4 (рис. 75, 13).

Жертвенник 8 – расположен у юго-восточного угла могилы 2, грунтовая яма прямоугольной формы, размером $0,35 \times 0,25 \times 0,15$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, перекрыта плитой размером $0,4 \times 0,3$ м. На дне ямы лежал череп лошади, уложенный на правую сторону с ориентацией на северо-запад (см. рис. 74, 7).

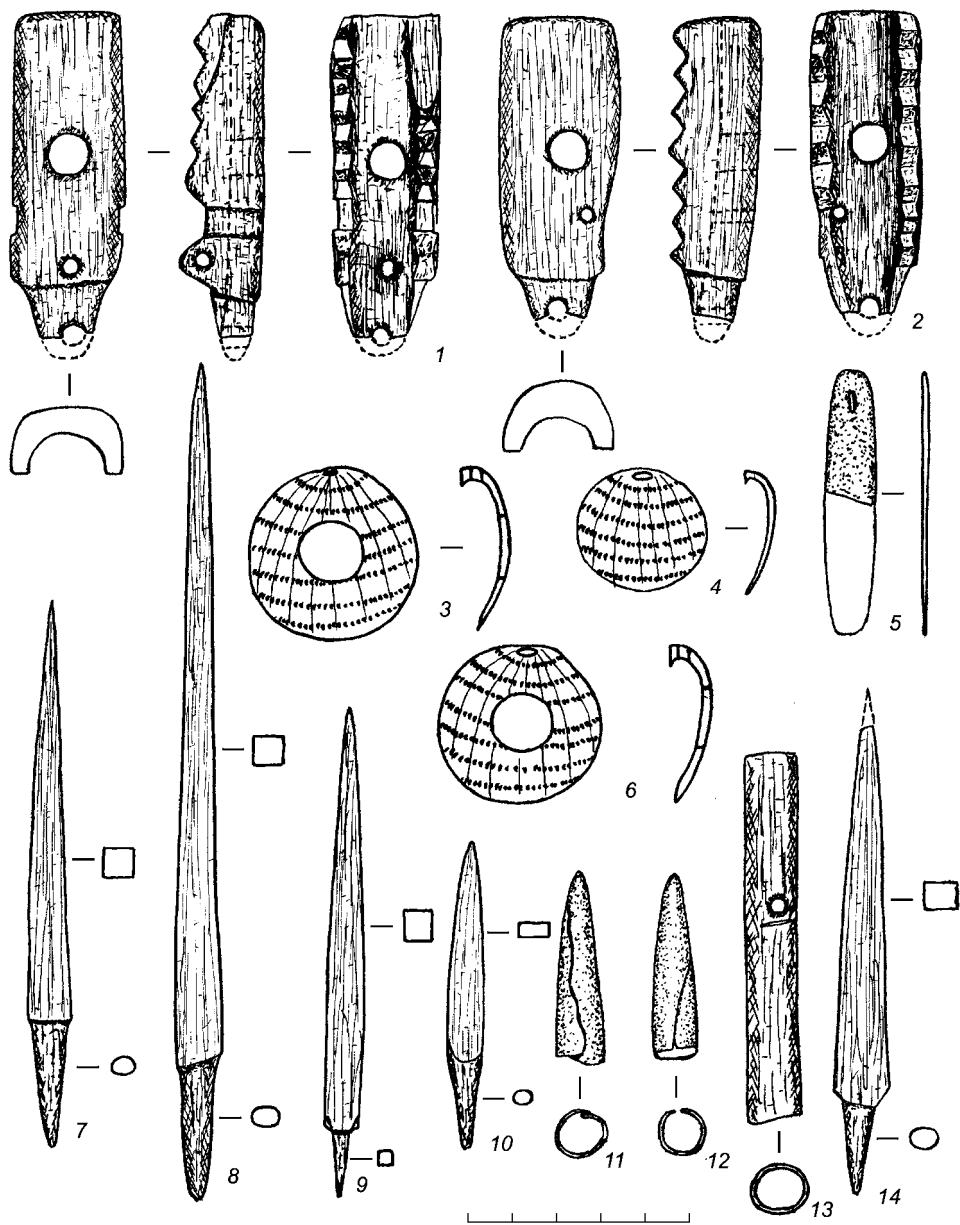

Рис. 77. Могильник Майтан. Ограда 29. Вещевой инвентарь.

1, 2 – ограда В, на лошади; 3 – ограда В, могила 1; 4, 7–13 – ограда А, могила 5; 5 – ограда Б, могила 2; 6 – ограда Г, могила 1; 14 – ограда Б, могила 4; 1, 2, 7–10, 13, 14 – кость; 3, 4, 6 – раковина; 5, 11, 12 – бронза

Жертвенник 9 – расположен между восточной стенкой могилы 2 и западной стенкой могилы 3, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $0,3 \times 0,2 \times 0,1$ м, ориентированная по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. На дне ямы лежали две конечности крупного рогатого скота параллельно длинным сторонам ямы копытцами на северо-северо-запад (рис. 74, б).

Жертвенник 10 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у северных плит за пределами ограждения (см. рис. 75, 4).

Жертвенник 11 – расположен у северо-западных плит за пределами ограждения, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $0,42 \times 0,38 \times 0,15$ м, ориентированная по линии северо-восток – юго-восток. Вдоль северо-западной стенки ямы лежал череп крупного рогатого скота на правой стороне, с ориентацией на юго-запад. Параллельно черепу, вдоль восточной стенки, лежали две конечности крупного рогатого скота копытцами на юго-запад (см. рис. 74, 3).

Жертвенник 12 – расположен у северо-западных плит за пределами ограждения, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $0,45 \times 0,3 \times 0,2$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-восток. Перекрыта плитой размером $0,5 \times 0,4$ м (см. рис. 72). На дне у юго-западной стенки стоял сосуд (см. рис. 75, 8). В восточной части ямы, вдоль северо-западной стенки, лежал череп крупного рогатого скота на левой стороне, с ориентацией на северо-восток. Параллельно черепу, вдоль юго-восточной стенки, лежали две конечности крупного рогатого скота копытцами на юго-запад (см. рис. 74, 5).

Могилы 1 – расположена в северной части ограды, грунтовая яма размером $1,9 \times 0,8 \times 0,5$ м ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Западная часть ямы перекрыта плитой размером $1,15 \times 0,75$ м, остальные плиты перекрытия разбиты в процессе ограбления (см. рис. 72; 76, 2). В заполнении встречены разрозненные кости женского скелета, обломок бронзовой подвески в полтора оборота и 4 пастовые бусины. В юго-западном углу обнаружены непотревоженные кости голени и стоп правой ноги взрослой женщины, лежавшей на правом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. На лодыжке ноги обнаружена низка из 72 бронзовых бусин. В северо-западном углу ямы стоял сосуд (рис. 78, 1), второй обнаружен у южной стенки (рис. 78, 2).

Могилы 2 – расположена в западной половине ограды, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $1,3 \times 0,7 \times 0,5$ м, ориентирована по линии запад – восток. Западный участок ямы перекрыт плитой размером $0,8 \times 0,5$ м, в восточной части обнаружен обломок плиты размером $0,5 \times 0,4$ м (см. рис. 72; 76, 4). В заполнении встречены обломки скелетов двух взрослых женщин и ребенка в возрасте 6–10 лет, неорнаментированные фрагменты керамики и обломок бронзовой листовидной подвески (рис. 77, 5).

Могилы 3 – расположена в центре ограды, каменный ящик размером $1,7 \times 0,85 \times 0,55$ м ориентирован по линии запад – восток. Торцевые стенки выше продольных на 0,1 м, плиты перекрытия отсутствовали (см. рис. 72; 76, 3). В заполнении встречены кости скелета взрослого мужчины (?) и ребенка в возрасте около 10 лет, нижняя челюсть лошади и обломки сосуда (рис. 78, б).

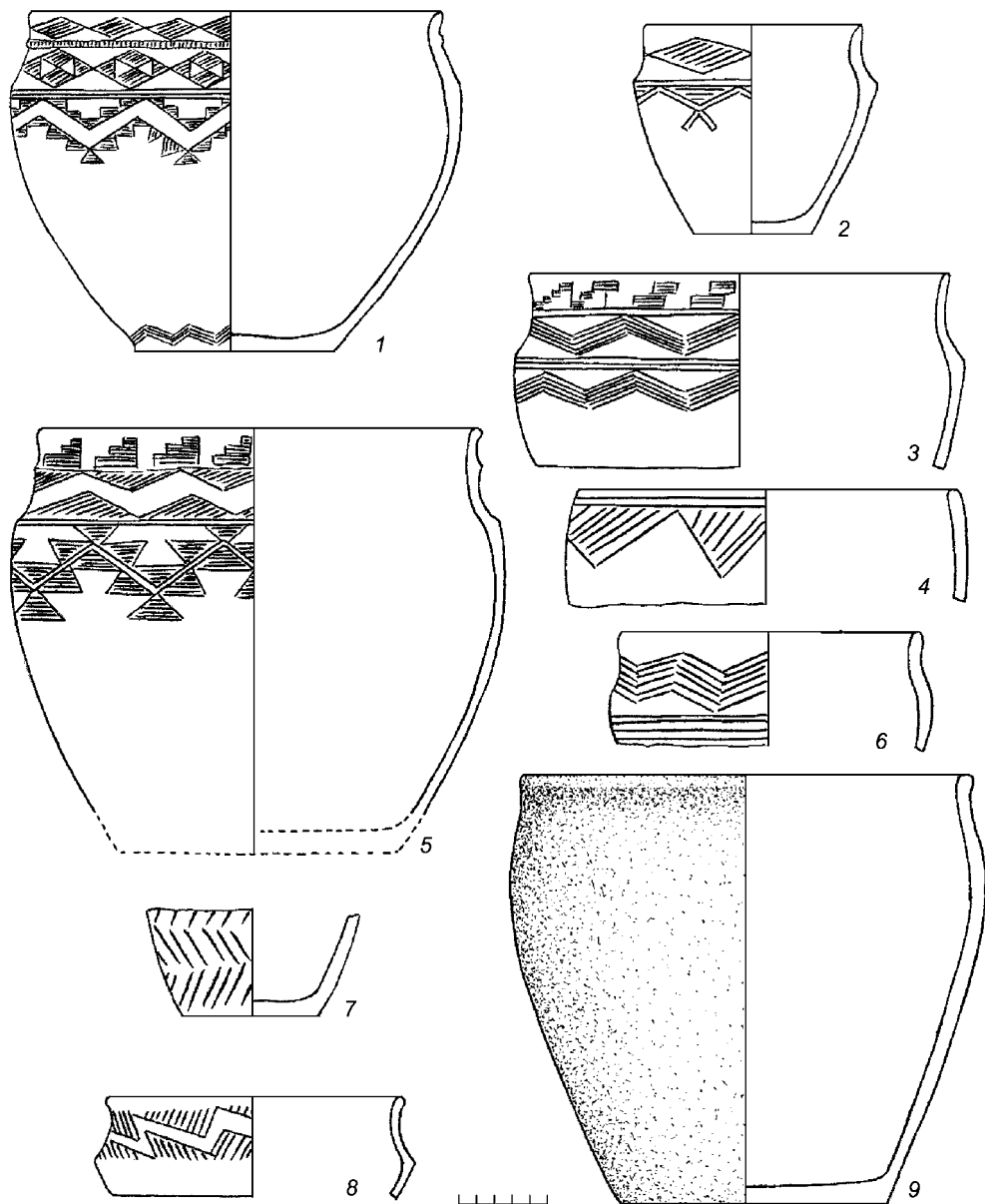

Рис. 78. Могильник Майтан. Ограда 29. Керамика.

1, 2 – ограда Б, могила 1; 3–5, 7–9 – ограда Б, могила 4; 6 – ограда Б, могила 3

Могила 4 – расположена в южной части ограды, грунтовая яма размером 1,8 x 0,95 x 0,75 м ориентирована по линии запад – восток.

Стенки западной половины ямы укреплены четырьмя плитками. Восточная половина ямы перекрыта двумя сохранившимися уложенными поперек плитами размером 1,2 × 0,35 и 1,1 × 0,55 м (см. рис. 72; 76, 5). В заполнении встречены отдельные кости скелетов взрослого мужчины и юноши 18–20 лет. На дне в центре ящика компактным скоплением лежали обломки шести сосудов (см. рис. 78, 3–5, 7–9). С западной и южной сторон скопление керамики обрамлено аккуратно уложенными бедренными костями взрослого мужчины; с восточной стороны находилась большая берцовая кость юноши; с северной стороны обрамление скопления керамики замыкал костяной наконечник стрелы, уложенный острием на запад (см. рис. 77, 14). При разборке скопления керамики найдены две пастовые бусины.

Ограда В – пристроена к ограде Б с западной стороны – овальной формы, размером 5,6 × 3,5 м. В огражденном пространстве исследовано 2 могилы и 6 поминальных комплексов, сопровождавших одно из захоронений (см. рис. 72).

Могила 1 – каменный ящик размером 2,1 × 0,9 × 0,65 м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Центральный участок перекрыт плитой размером 1,15 × 0,6 м. На дне ямы обнаружен костяк мужчины в возрасте 18–20 лет. Погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Кисти рук находились под черепом (рис. 79). Перед лицом мужчины, у восточной стенки, стоял сосуд (рис. 80, 1); за спиной, у западной стенки ящика, на уровне таза находилась пряжка из раковины (см. рис. 77, 3).

Жертвенник 1-2 – фиксировался на уровне материка. Два лошадиных костяка лежали симметрично вдоль восточной и западной сторон ящика головами на северо-запад: костяк, расположенный вдоль восточной стенки, – на правом, вдоль западной – на левом боку. Лошади находились в позе «летающего галопа», с подогнутыми под живот ногами. Головы повернуты друг к другу, как бы обрамляя с севера погребальную конструкцию (см. рис. 79). На черепе западного костяка с правой и левой сторон, в области ротового отверстия, обнаружено два костяных псаляя, лежавших щитками вниз вырезанные из метаподиальных костей лошади (см. рис. 77, 1, 2).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт у черепа жертвенной лошади, лежавшей вдоль западной стенки (см. рис. 75, 15; 79).

Жертвенник 4 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт между ногами жертвенной лошади, лежавшей вдоль восточной стенки (рис. 75, 5; 79).

Жертвенник 5 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт за спиной жертвенной лошади, лежавшей вдоль западной стенки (рис. 75, 11; 79).

Жертвенник 6 – выкладка костей животных, лежащих на уровне материкового грунта между южной стенкой могилы 1 и плитами ограждения. У юго-западного угла погребальной конструкции находился череп крупного рогатого скота, уложенный на левую сторону и ориентированный на северо-запад; восточнее располагались уложенные под углом друг к другу две конечности крупного и две конечности мелкого рогатого скота, первые ориентированы копытцами на запад, вторые – на юго-запад. Восточнее располагался череп овцы,

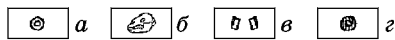
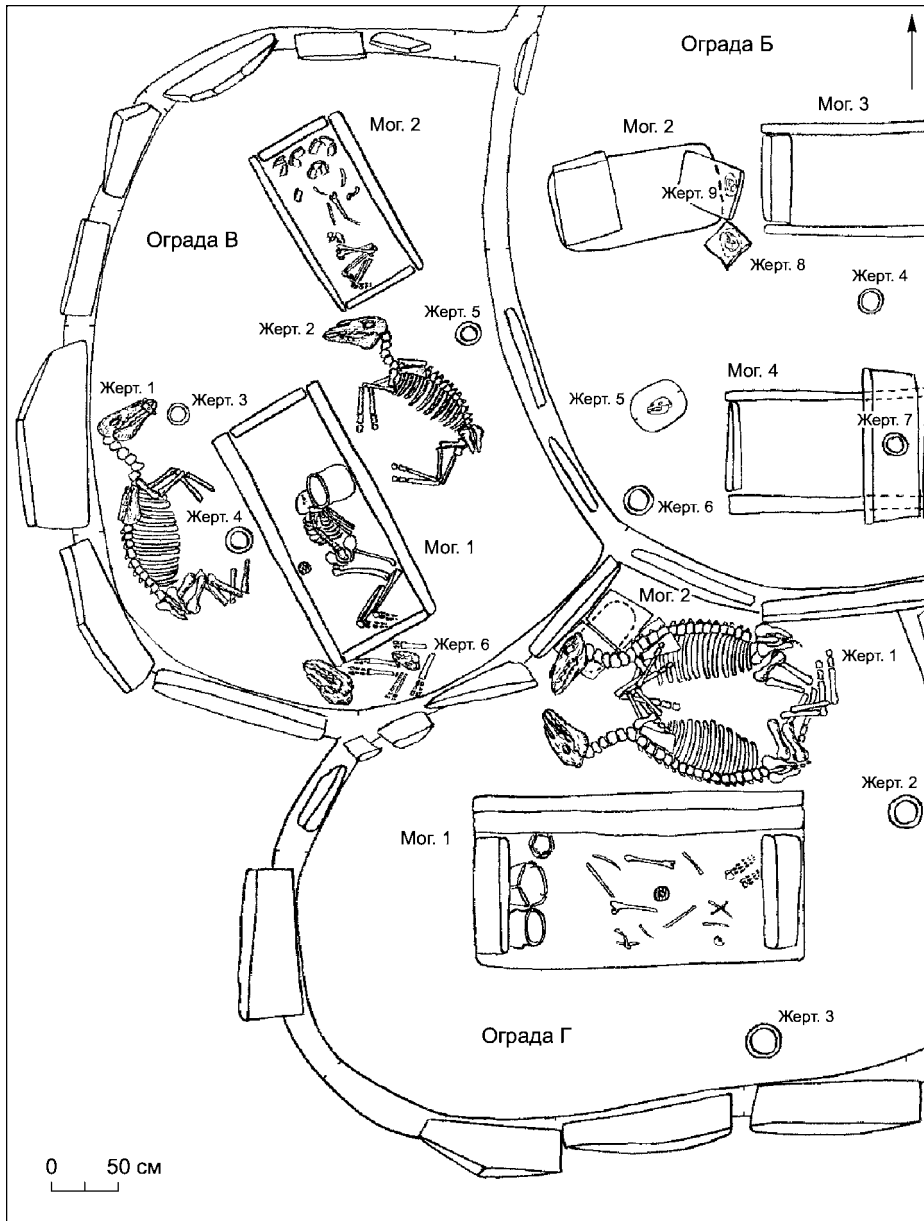

Рис. 79. Могильник Майтан. Ограда 29. Пристроечные комплексы с захоронением лошадей.

а – поминальный сосуд; *б* – поминальный комплекс; *в* – фрагменты сосудов; *г* – пряжка из раковины

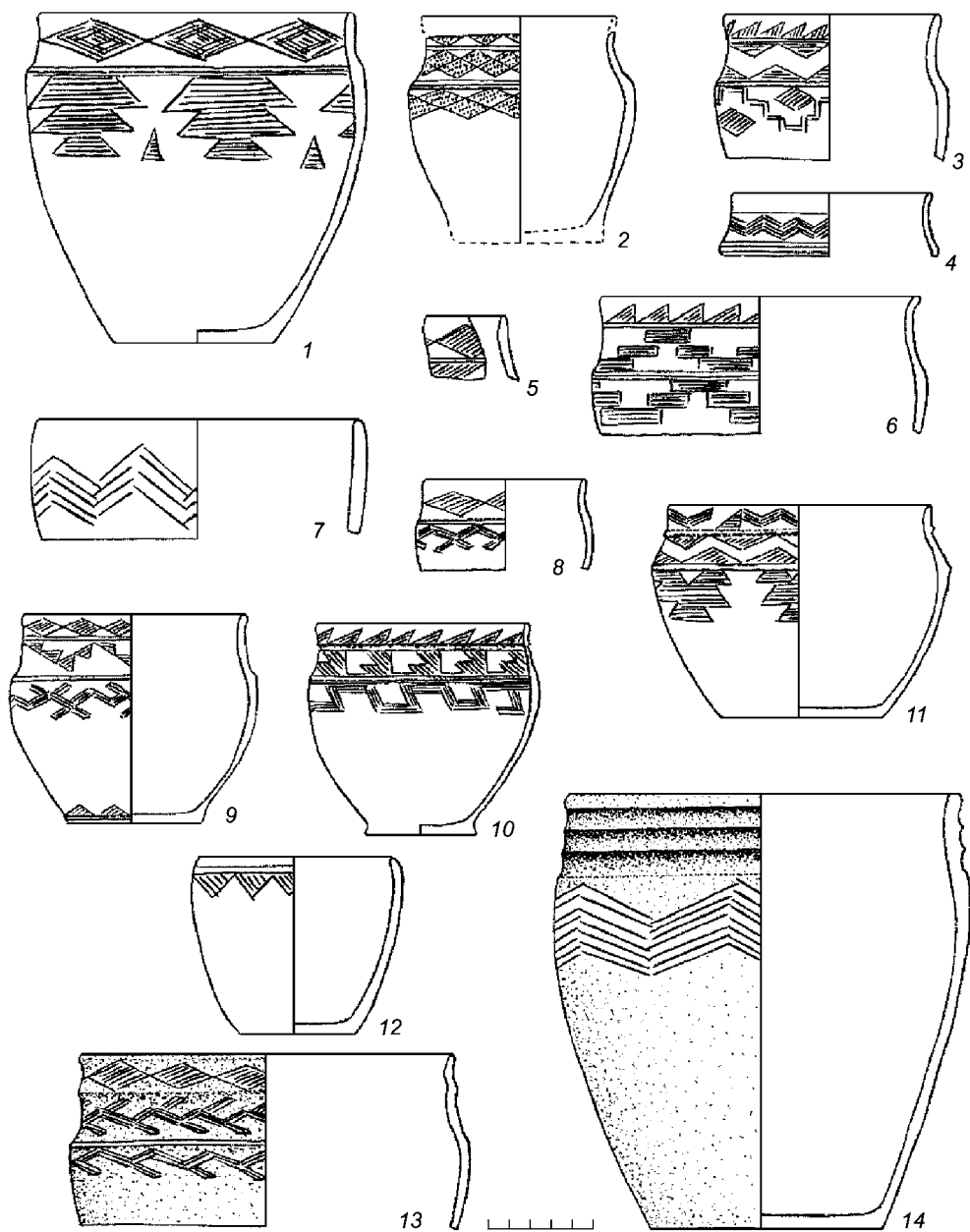

Рис. 80. Могильник Майтан. Ограда 29. Керамика.

1 – ограда В, могила 1; 2–8 – ограда В, могила 2; 9–11, 13, 14 – ограда Г, могила 1;
12 – ограда Г, могила 2

уложенный на левую сторону и ориентированный на северо-запад. С востока череп обрамлен двумя конечностями крупного рогатого скота, уложенными под углом друг к другу – одна копытцами на запад, вторая на юго-запад (см. рис. 79).

Могила 2 – расположена в северной половине ограды, каменный ящик размером $1,4 \times 0,75 \times 0,5$ м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. На дне, в южной части ящика, в непо потревоженном состоянии зафиксированы кости ног ребенка в возрасте около 5 лет, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. В северной половине ящика встречены обломки семи сосудов (см. рис. 80, 2–8).

Ограда Г – пристроена к оградкам Б и В с юга, овальной формы, размером $6,0 \times 4,0$ м. В огражденном пространстве исследованы 2 могилы и 3 поминальных комплекса, связанных с центральным захоронением (см. рис. 72).

Жертвенник 1 – зафиксирован на уровне материка. Вдоль северной стенки могилы 1 лежали два лошадиных костяка с подогнутыми ногами в позе «летающего галопа»: один на левом, другой на правом боку, головами на запад, причем второй перекрыт первым (см. рис. 79).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в восточной части ограды между стенкой могилы 1 и плитами ограждения (см. рис. 75, 12; 79).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в южной части ограды у плит ограждения (рис. 75, 16; 79).

Жертвенник 4 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт за оградой с восточной стороны (рис. 75, 9; 79).

Могила 1 – каменный ящик, у которого отсутствовала южная стенка, размером $2,6 \times 1,3$ м, ориентирован по линии запад – восток, глубина ямы от уровня материка $0,35$ м, стенки ящика возвышались над уровнем материка на $0,25$ м. Плиты перекрытия отсутствовали. В заполнении встречены кости скелета взрослого мужчины, обломки двух сосудов (рис. 80, 9, 13) и пряжка из раковины (рис. 77, 6). На дне, у восточной стенки могилы, в непо потревоженном состоянии обнаружены кости стоп мужчины, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Вдоль западной стенки ящика стояли три сосуда (рис. 80, 10, 11, 14).

Могила 2 – расположена в северном секторе у плит ограждения, грунтовая яма овальной формы, размером $0,5 \times 0,3 \times 0,25$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад, перерыта двумя каменными плитами размером $0,4 \times 0,3$ м. На дне ямы обнаружены останки ребенка в возрасте до одного года, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад (рис. 76, 9). Перед лицом погребенного стоял сосуд (рис. 80, 12).

Особенности погребального обряда ограды Г свидетельствуют, что центральное захоронение сопровождали не только поминальные животные и отдельно стоящие сосуды. В качестве своеобразного жертвоприношения можно рассматривать и захоронение ребенка в могиле 2. Его похоронили перед принесением в жертву коней: один из лошадиных костяков лежит поверх каменной плиты перекрывающей детскую могилу.

Описание оград 45, 46 (рис. 81, 82) см. ниже.

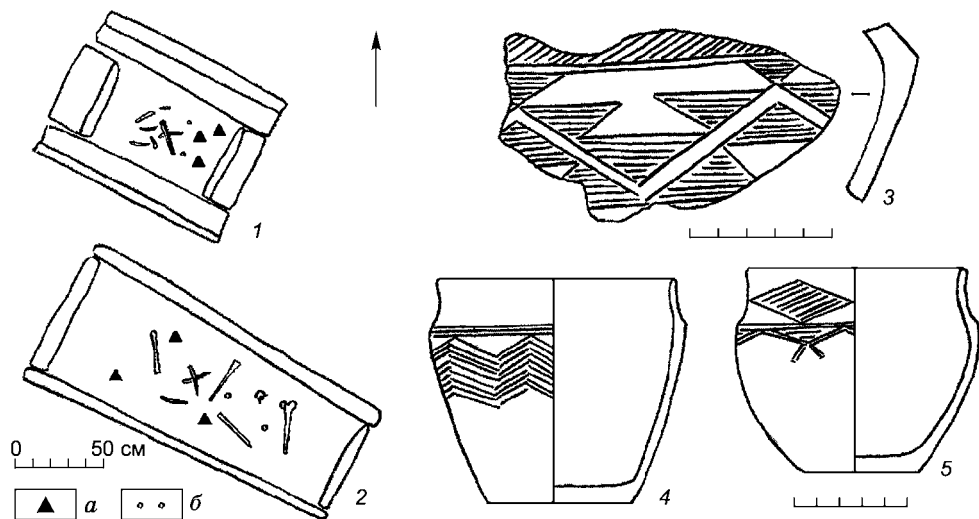

Рис. 81. Могильник Майтан. Ограда 45.

1 – план могилы 2; 2 – план могилы 1 (а – фрагмент керамики; б – бронзовые бусы); 3 – могила 1; 4 – жертвенник 2; 5 – жертвенник 1

Ограда 30. Погребальное сооружение с дополнительной пристройкой (см. рис. 4; 83, 1)

Ограда А – основная – овальной формы, размером $4,75 \times 4,0$ м, ориентирована по линии запад – восток. В огражденном пространстве исследованы 4 поминальных комплекса и 2 могилы (рис. 83, 1).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в северном секторе ограды у плит ограждения (рис. 83, 1; 84, 14).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в северо-западном секторе ограды у плит ограждения (рис. 83, 1; 84, 11).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в западном секторе ограды у плит ограждения (рис. 83, 1; 84, 10).

Жертвенник 4 – расположен в юго-восточном секторе у плит ограждения, грунтовая яма прямоугольной формы, с закругленными углами, размером $0,5 \times 0,35 \times 0,2$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-восток. На дне, у юго-западной стенки, находились два черепа крупного рогатого скота, уложенные на правую сторону, с ориентацией на юго-запад. В северной половине ямы обнаружены 4 конечности крупного рогатого скота, лежавшие параллельно друг другу поперек ямы: две, в центре ямы, ориентированы копытами на юго-восток; две другие, вдоль северной стенки – копытами на северо-запад (рис. 83, 1, 2).

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства, каменный ящик трапецевидной формы, размером $2,0 \times 1,2-1,05$ м, ориентирован по линии запад – восток, с незначительным отклонением к югу. Глубина от уровня материка $0,65$ м, от уровня северной стенки $0,7$ м. Западная стенка выше северной на 10 см и выше остальных на 5 см. Перекрыта обломками разбитых при ограблении плит размером $0,25-0,4 \times 0,6-0,8$ м. В заполнении встречены

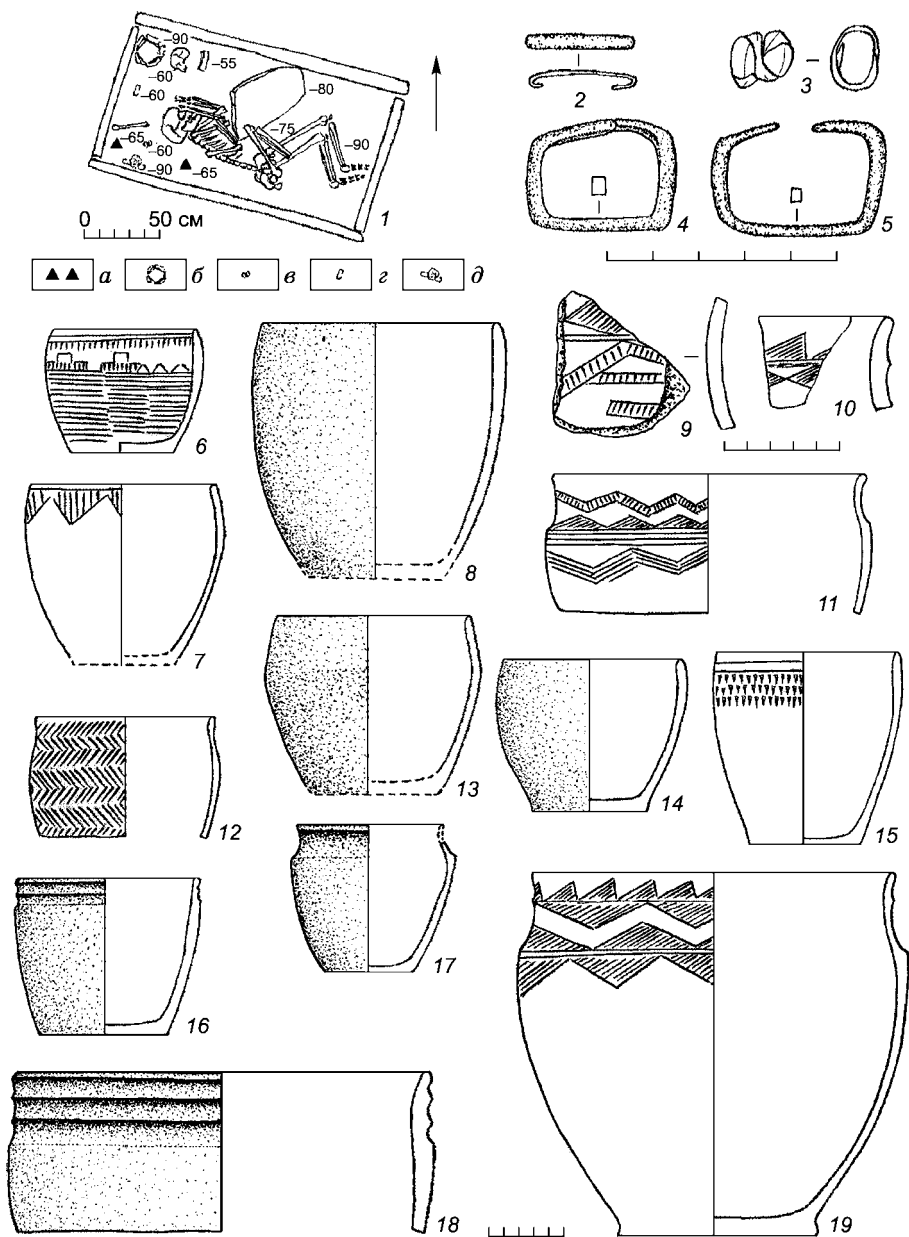

Рис. 82. Могильник Майтан. Ограда 46. План захоронения и вещевого инвентаря.
 1 – план могилы; 2–5, 9, 10, 12, 18, 19 – могила; 6, 7 – жертвенник 1; 8 – жертвенник 4;
 11 – жертвенник 5, крышка сосуда; 13 – жертвенник 2; 14 – жертвенник 5; 15 – жертвенник 6;
 16 – жертвенник 3; 17 – жертвенник 4, крышка сосуда.
 а – фрагменты керамики; б – развал сосуда; в – подвеска в полтора оборота; г – бронзовая скрепка; д – бронзовые скрепки и остатки дерева.
 2–5 – бронза; 6–19 – глина

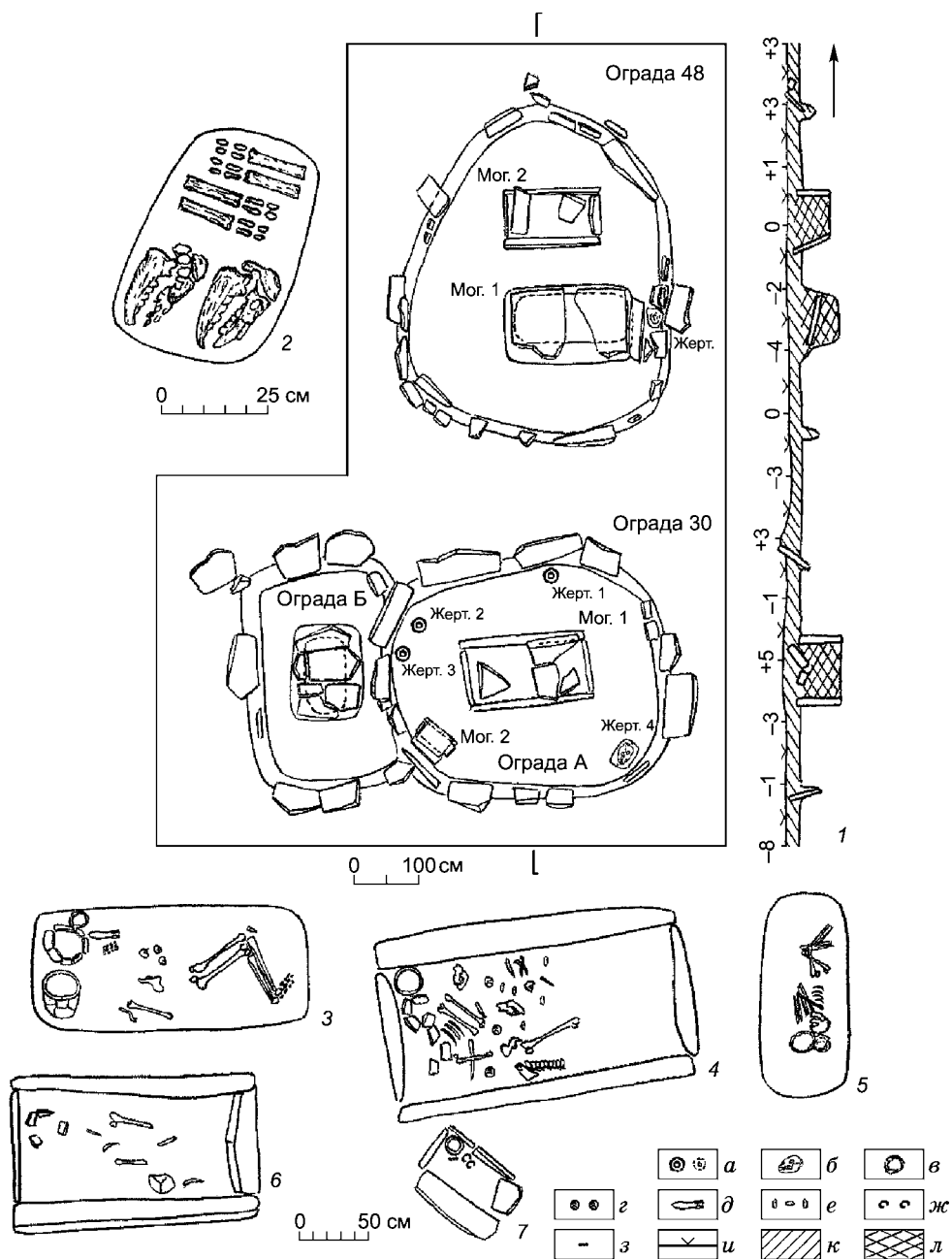

Рис. 83. Могильник Майтан. Ограды 30 и 48.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда 30, жертвенник 4; 3 – ограда 48, могила 1; 4 – ограда 30А, могила 1; 5 – ограда 30Б, могила; 6 – ограда 48, могила; 7 – ограда 30А, могила 2.

a – поминальные сосуды; *б* – поминальный комплекс; *в* – развал сосуда; *г* – подвеска из раковин; *д* – бронзовое копье; *е* – подвески из клыков; *ж* – бронзовые браслеты; *з* – спиралевидная бронзовая подвеска; *и* – дерн; *к* – коричневый гумусированный суглинок; *л* – коричневый суглинок

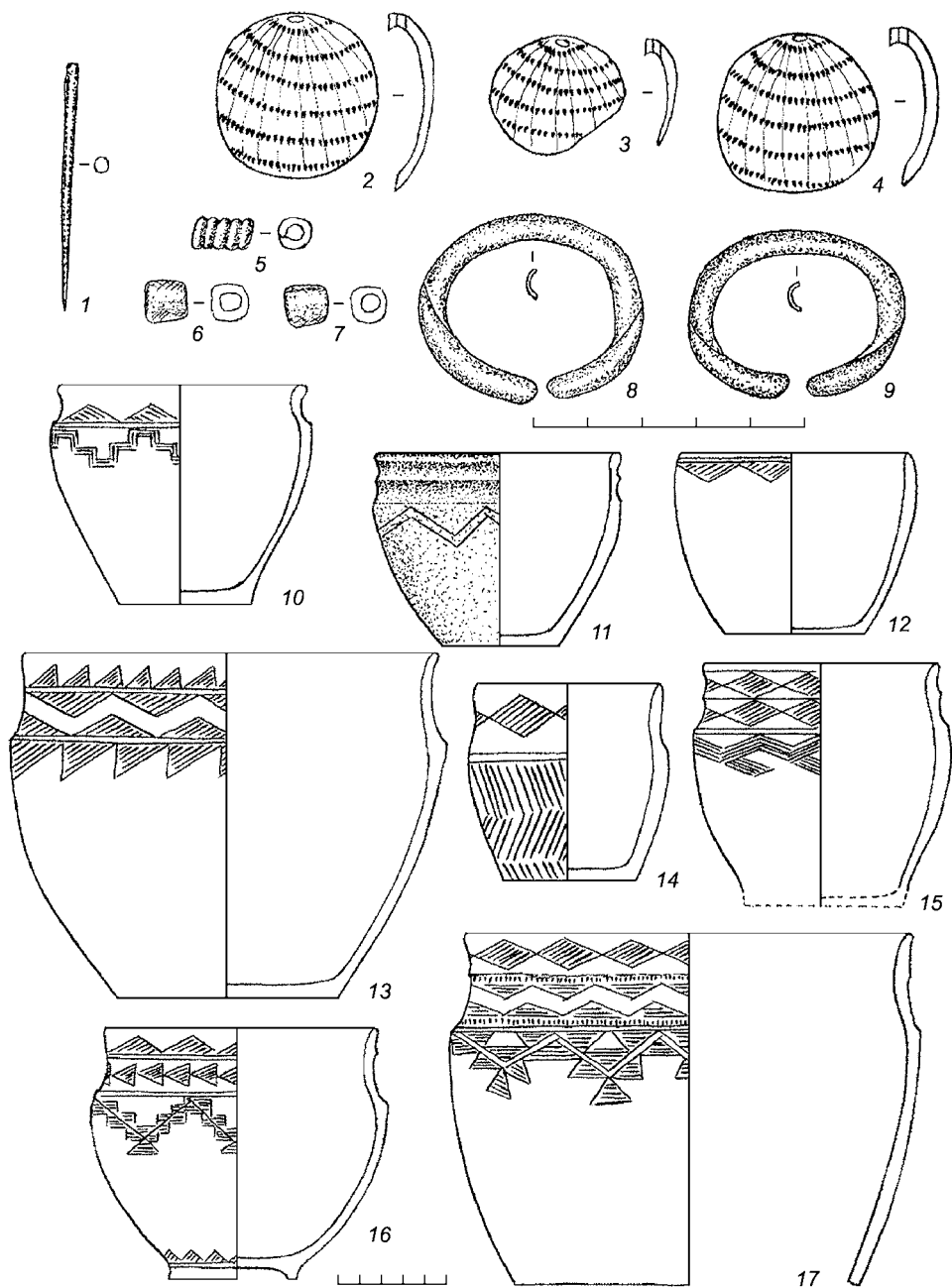

Рис. 84. Могильник Майтан. Ограда 30. Вещевой материал.
 1-4, 6, 7, 16, 17 – ограда А, могила 1; 5, 8, 9, 12 – ограда А, могила 2; 10 – жертвенник 3;
 11 – жертвенник 2; 13, 15 – ограда Б, могила; 14 – жертвенник 1.
 1, 5, 8, 9 – бронза; 2-4 – раковина; 6, 7 – кость; 10-17 – глина

останки двух разнополюх человеческих скелетов, обломок бронзового шила (см. рис. 84, 1), три подвески из раковин (рис. 84, 2–4), обломки пяти подвесок из резца и клыков лисицы, желобчатого браслета со спиралевидными окончаниями и разнообразные бусины: 2 костяные (рис. 84, 6, 7), 30 бронзовых и 2 пастовые. В неповрежденном положении сохранилась левая лопатка и девять позвонков скелета взрослого мужчины, лежавшего вдоль южной стенки, вероятно, в скорченном положении, головой на запад; поза взрослой женщины не определена. В северо-западном углу ящика обнаружен неповрежденный сосуд (рис. 84, 16); рядом, у западной стенки ящика – развал второго сосуда (рис. 84, 17).

Могилы 2 – расположена у плит ограждения в юго-западном секторе ограды, каменный ящик размером $0,7 \times 0,55 \times 0,25$ м ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Три стенки ящика возвышались над уровнем материка: северо-западная на 15 см, юго-западная на 5 см и юго-восточная на 10 см. Ящик перерыт плитой размером $0,6 \times 0,45$ м (см. рис. 83, 1, 7). В северо-восточном углу ящика стоял сосуд (рис. 84, 12), рядом с ним лежала спиралевидная подвеска (рис. 84, 5) и два желобчатых браслета с несомкнутыми концами (рис. 84, 8, 9). Останков погребенного не обнаружено, но расположение вещевого инвентаря позволяет предполагать, что ребенок, возможно, новорожденная девочка, был уложен вдоль юго-западной стенки на левом боку, скорченно, головой на северо-запад.

Ограда Б – пристроена к западной стороне основной ограды, прямоугольной формы, размером $4,0 \times 2,0$ м, ориентирована по линии север – юг. В центре погребальной площадки располагалась грунтовая яма размером $1,6 \times 1,1 \times 0,6$ м, ориентированная по линии север – юг. На глубине 20 см от уровня материка прослежены три треснувшие плиты перекрытия, запавшие вовнутрь в результате обвала стенок, размером $1,0 \times 0,6$, $1,0 \times 0,5$ и $0,9 \times 0,25$ м. Размеры придонной части ямы $1,4 \times 0,6$ м (рис. 83, 1, 5). На дне ямы находился костяк ребенка в возрасте 5–6 лет. Он лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юг. В изголовье погребенного стояли два сосуда горшечной формы (рис. 84, 13, 15). Небольшой сосуд перекрыт плоской гранитной плиткой размером 10×12 см, толщиной 2–3 см.

Описание ограды 48 (рис. 85) см. ниже.

Ограда 31. Сильно разрушена, значительная часть плит ограждения отсутствовала – реконструируется погребальная конструкция неправильно-округлой формы, диаметром около 4,5 м. В северном секторе огражденного пространства располагалась овальная ямка размером $0,7 \times 0,2 \times 0,15$ м; у западных плит ограждения обнаружено несколько неорнаментированных фрагментов керамики (см. рис. 4; 86, 1). Могила, расположенная в центре огражденной площадки, представляла собой каменный ящик размером $1,9 \times 1,35$ м, ориентированный по линии запад – восток, с незначительным отклонением к югу. Глубина от уровня материка 0,6 м, от уровня плит 0,7 м. Восточная половина ящика перекрыта расколовшейся на две части плитой размером $1,2 \times 1,0$ м. На плитах находился обломок плиты, перекрывавшей западную часть ящика, размером $0,9 \times 0,5$ м, сдвинутой в процессе ограбления (рис. 86, 1, 2). В заполнении встречены обломки костей двух скелетов, взрослого мужчины

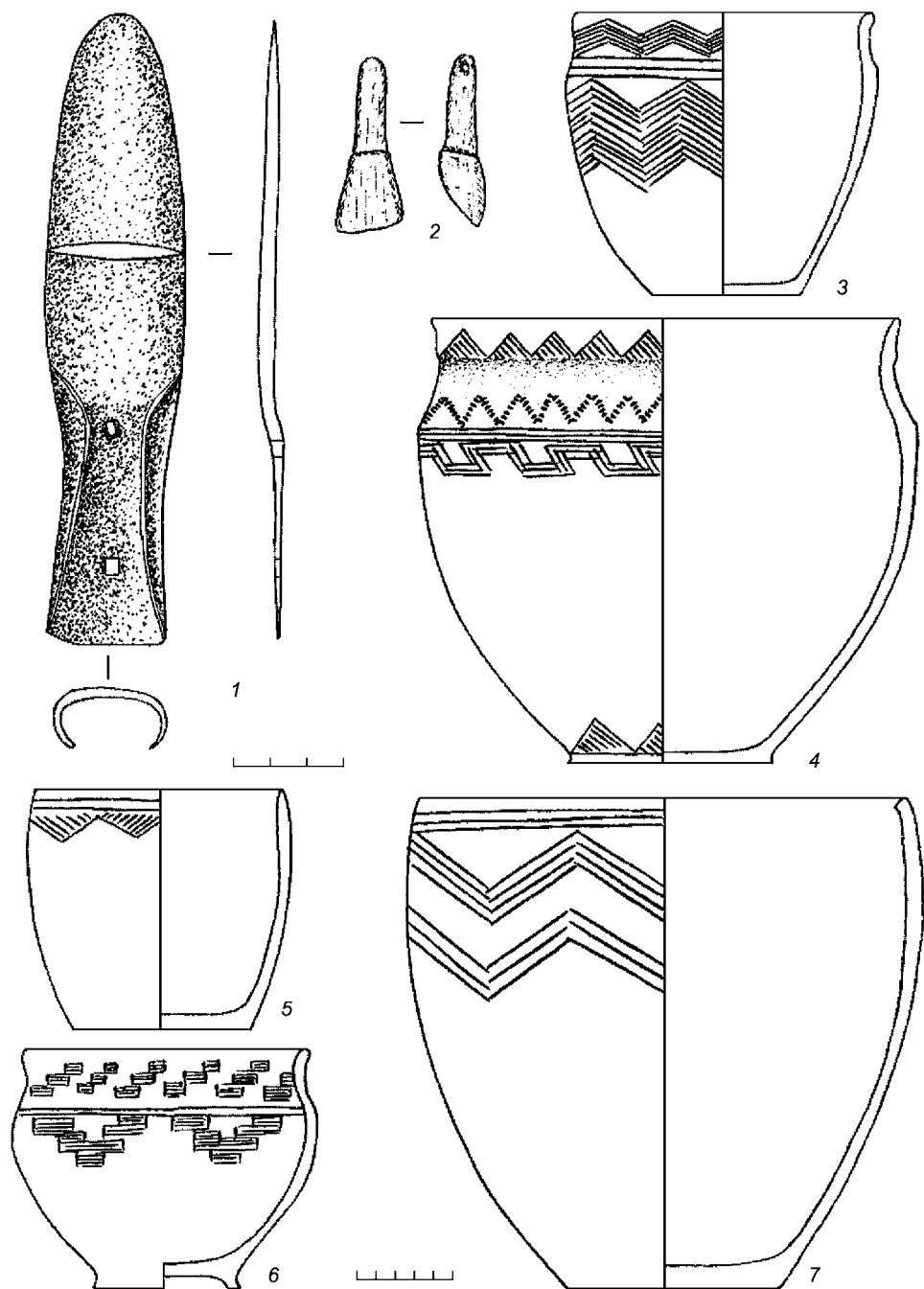

Рис. 85. Могильник Майтан. Ограда 48. Вещевой инвентарь.

1-2, 4, 6, 7 – могила 1; 3 – могила 2; 5 – жертвенник.

1 – бронза; 2 – кость; 3-7 – глина

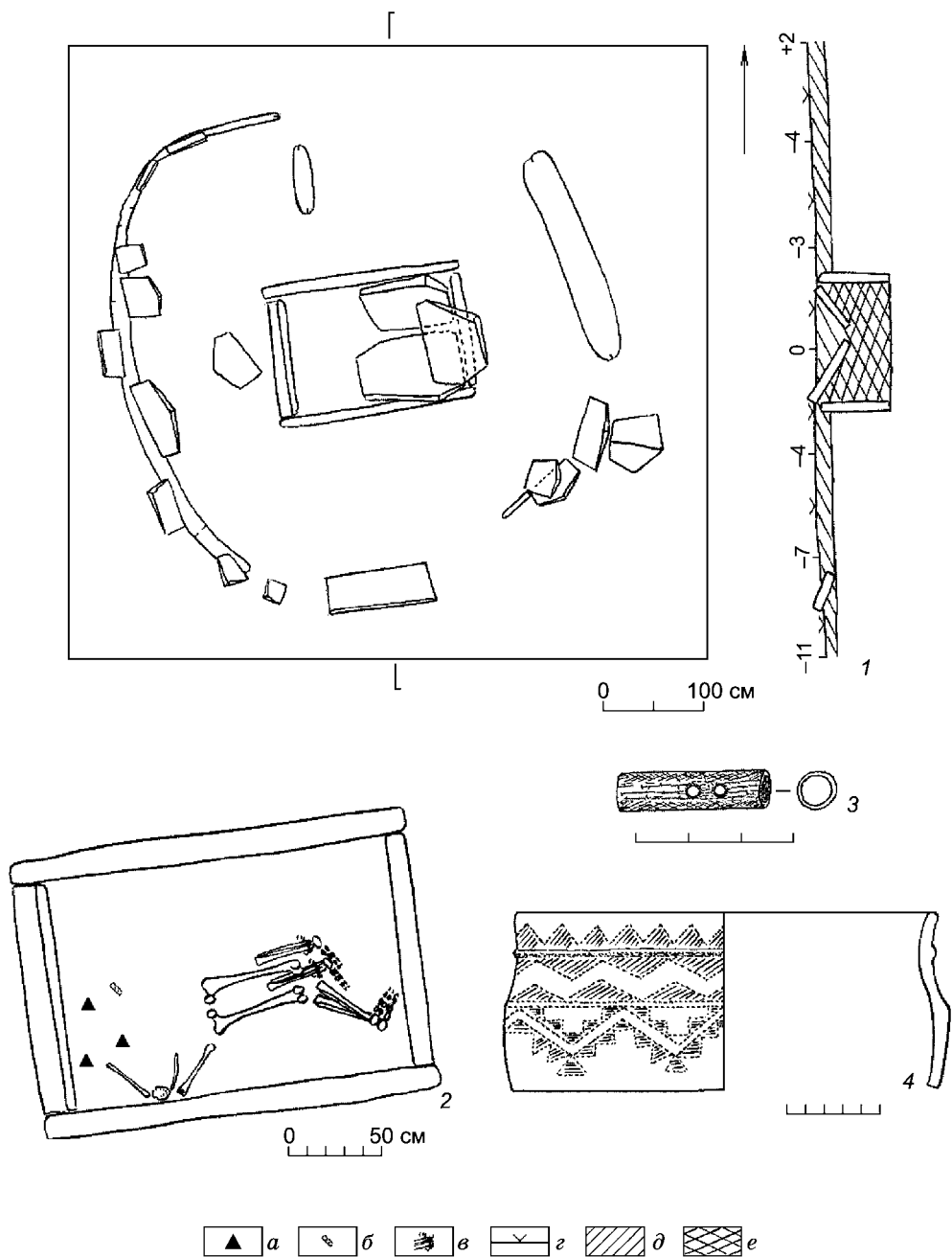

Рис. 86. Могильник Майтан. Ограда 31. Вещевой инвентарь.

1 – план и разрез раскопа; 2 – план могилы; 3 – костяная трубочка; 4 – сосуд.
 а – обломки сосуда; б – костяная трубочка; в – бронзовые бусы; г – дерн; д – коричневый гумусированный суглинок; е – коричневый суглинок

и взрослой женщины, обломки сосуда (рис. 86, 4), костяная трубочка с двумя отверстиями на боковой грани из трубчатой кости птицы (рис. 86, 3) и обломки двух бронзовых бочонковидных бусин. От мужчины, лежавшего вдоль южной стенки ящика на левом боку, в скорченном положении, головой на запад, непотревоженными сохранились кости ног; кости стоп покрыты тленом фиолетового цвета. Из останков женщины, лежавшей на правом боку, в скорченном положении, головой на запад, уцелели кости голени и стоп. На щиколотках ног женщины обнаружено по низке сильно коррозированных бронзовых бусин, включающих около 40 изделий. В процессе ограбления кость бедра правой ноги мужчины была слегка смещена и перекрыла кости ног женщины. Особенности взаиморасположения останков свидетельствуют об одновременном захоронении мужчины и женщины.

Ограда 32. Погребальная конструкция с дополнительной пристройкой (см. рис. 4; 87, 1).

Ограда А – основная – неправильно-прямоугольной формы, размером $3,5 \times 3,25$ м, ориентирована по линии запад – восток. Исследованы 3 поминальных комплекса и могила (рис. 87, 1).

Жертвенник 1 – расположен в северо-восточном секторе у плит ограждения, грунтовая яма овальной формы, размером $0,4 \times 0,25 \times 0,15$ м, ориентирована по линии запад – восток, перекрыта плитой размером $0,2 \times 0,15$ м (рис. 87, 1, 2). В центре ямы на боку лежал сосуд, ориентированный устьем на юго-запад (рис. 88, 10).

Жертвенник 2 – расположен у плит ограждения в южной части ограды, грунтовая яма удлиненно-трапециевидной формы с закругленными углами, размером $0,63 \times 0,33 \times 0,13$ м, ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад, перекрыта плитой размером $0,5 \times 0,35$ м (см. рис. 87, 1, 3). В западной части ямы стоял сосуд (рис. 88, 11), закрытый крышкой, изготовленной из обломка крупного сосуда баночной формы (см. рис. 88, 6). Второй сосуд, стоявший в восточной половине ямы (рис. 88, 9), также был накрыт крышкой, изготовленной из обломка верхней части сосуда баночной формы (рис. 88, 7).

Жертвенник 3 – расположен в юго-восточном секторе у плит ограждения, грунтовая яма овальной формы, размером $0,32 \times 0,22 \times 0,1$ м, ориентирована по линии запад – восток, перекрыта плитой размером $0,5 \times 0,25$ м (рис. 87, 1, 4). Северная стенка ямы укреплена каменной плиткой размером $0,2 \times 0,1$ м. В центре ямы на боку лежал сосуд, опиравшийся на каменную стенку ямы и ориентированный устьем на север (рис. 88, 4), перекрытый неорнаментированным обломком стенки крупного сосуда.

Могила – расположена в центре огражденного пространства, каменный ящик размером $1,5 \times 0,75$ м, ориентированный по линии запад – восток, с незначительным отклонением к северу. Глубина от уровня материка 0,6 м, от уровня плит 0,55 м. Западная стенка выше восточной на 10 см и выше продольных плит на 20 см. Перекрыта разбитыми и сдвинутыми в сторону обломками плит (рис. 87, 1, 5). В заполнении встречены кости скелета молодой женщины, обломки двух сосудов (рис. 88, 8, 12), бронзовое шило (рис. 88, 1) и две пастовые бусины.

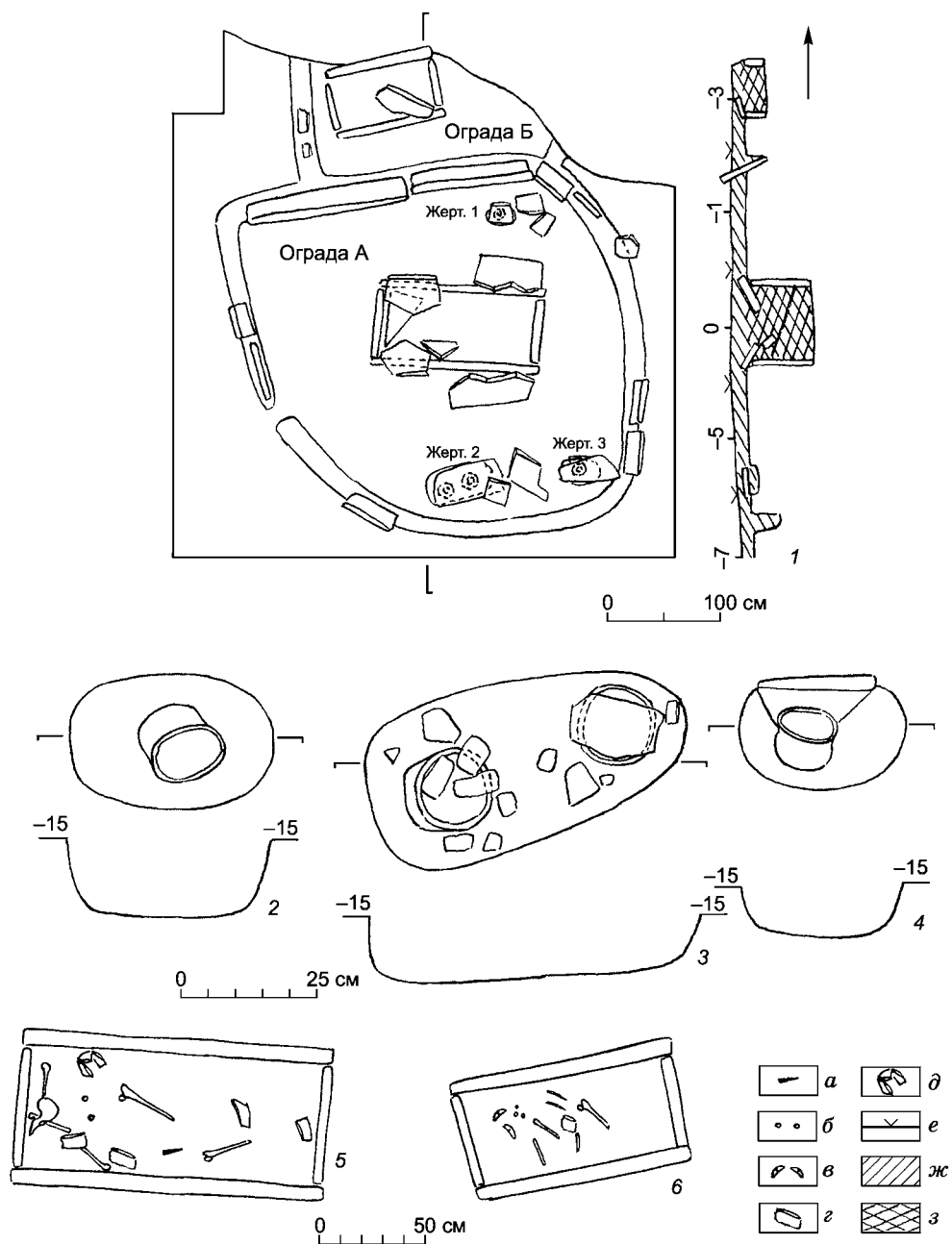

Рис. 87. Могильник Майтан. Ограда 32.

1 – план и разрез раскопа; 2 – жертвенник 1; 3 – жертвенник 2; 4 – жертвенник 3; 5 – ограда А, могила; 6 – ограда Б, могила.

а – бронзовое шило; б – пастовые бусы; в – подвески из клыков; г – обломки сосудов; д – развал сосуда; е – дерн; ж – коричневый гумусированный суглинок; з – коричневый суглинок

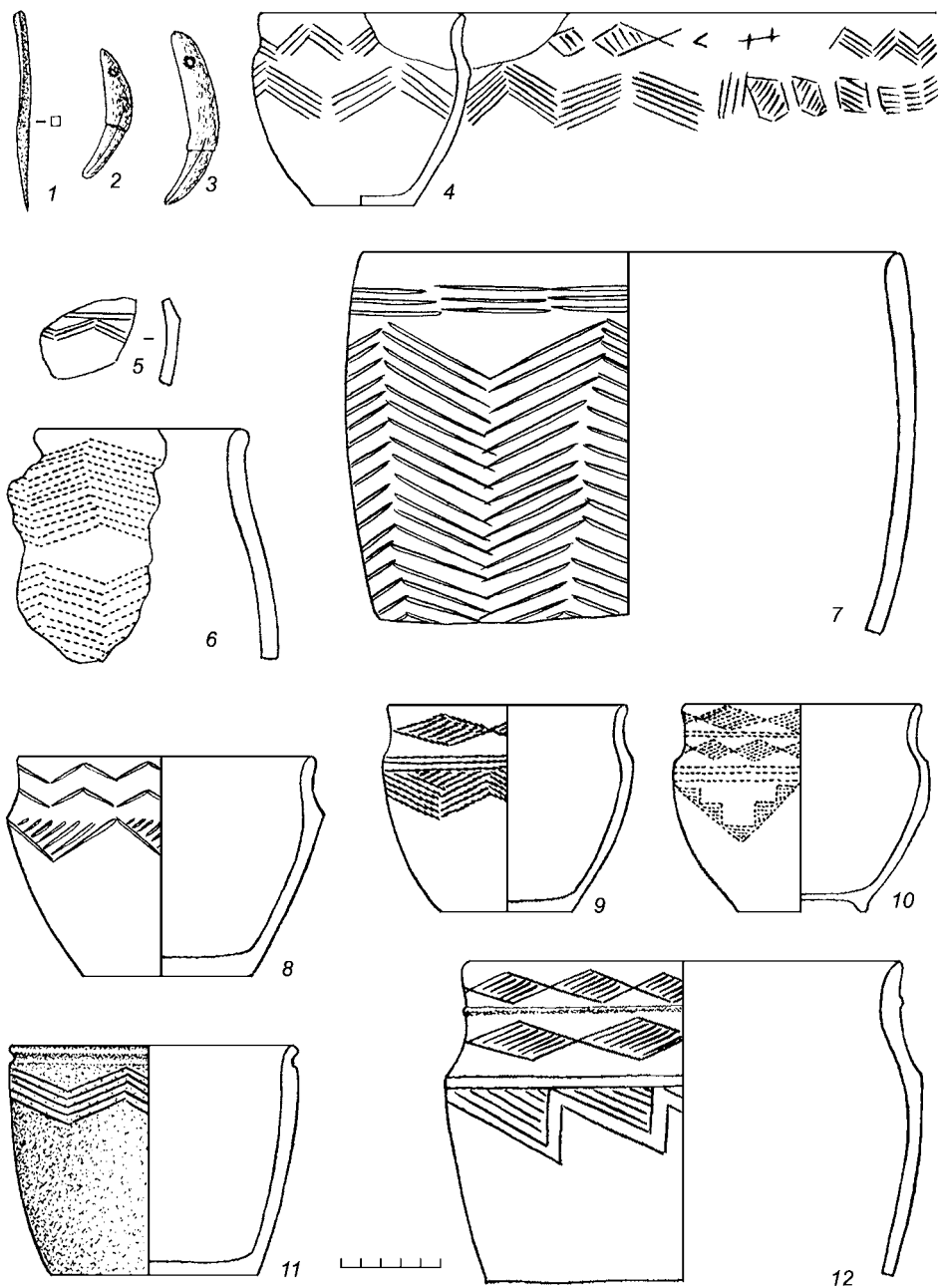

Рис. 88. Могильник Майтан. Ограда 32. Вещевой инвентарь.

1, 8, 12 – ограда А, могила; 2, 3, 5 – ограда Б, могила; 4 – жертвенник 3; 6 – жертвенник 2, крышка сосуда 1; 7 – жертвенник 2, крышка сосуда 2; 9 – жертвенник 2, сосуд 2-й; 10 – жертвенник 1; 11 – жертвенник 2, сосуд 1-й.

1 – бронза; 2, 3 – кость; 4–12 – глина

Ограда Б – пристроена к северной стенке основной ограды. Размеры не установлены, так как практически полностью разрушена оврагом. В восточной части пристройки располагалась могила – каменный ящик размером $1,05 \times 0,65 \times 0,3$ м, ориентированный по линии восток-северо-восток – запад – юго-запад. Западная стенка выше восточной на 5 см и выше остальных на 10 см. Центральная часть ящика перекрыта обломком плиты перекрытия размером $0,4 \times 0,15$ м (рис. 87, 1, б). В заполнении встречены кости скелета ребенка в возрасте 1–2 лет, фрагмент керамики (рис. 88, 5), две подвески из клыков лисицы (рис. 88, 2, 3) и 3 пастовые бусины.

Ограда 33. Погребальная конструкция с дополнительной пристройкой (см. рис. 4; 89, 1).

Ограда А – основная, северо-восточный сектор частично разрушен оврагом. Овальной формы, размером $5,75 \times 5,0$ м, вытянута по линии северо-восток – юго-запад. В огражденном пространстве исследованы поминальный комплекс и могила.

Жертвенник – расположен в юго-восточном секторе ограды, примыкал к плите ограждения. Удлиненно-аморфная в плане яма размером $1,15 \times 0,7 \times 0,15$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 89, 1, 2). У юго-западной стенки стоял сосуд (рис. 90, 2), накрытый крышкой из гранитной плитки размером $0,17 \times 0,15 \times 0,03$ м. На дне ямы вдоль плиты ограждения прослежена выкладка из костей крупного рогатого скота. Вдоль сосуда лежали две конечности крупного рогатого скота: одна, обрамляющая сосуд, согнута в суставе; вторая вытянута по линии северо-запад – юго-восток, ориентирована копытцами на северо-запад. Далее вдоль костей лежала нижняя челюсть крупного рогатого скота, на правой стороне, с ориентацией на юго-восток. В центре ямы обнаружены три конечности крупного рогатого скота: две уложены рядом по линии северо-восток – юго-запад, копытцами на северо-восток; третья располагалась несколько в стороне, вдоль плиты ограждения, по линии северо-восток – юго-запад, копытцами на юго-запад. Замыкает кладку череп крупного рогатого скота, у которого аккуратно была обрублена задняя часть черепной коробки – он уложен на правую сторону, с общей ориентацией на юго-восток. В северо-восточной части ямы, замыкая выкладку костей животных, располагались разрозненные обломки второго сосуда (рис. 90, 3).

К северо-западной стенке жертвенной ямы примыкало небольшое кострище, расположенное в округлой ямке размером $0,4 \times 0,35 \times 0,1$ м, заполненной черным углистым суглинком, на дне прослеживался прокол мощностью 2–3 см (см. рис. 89, 2).

Могила – расположена в центре ограды, грунтовая яма размером $2,6 \times 1,1 \times 0,7$ м, ориентирована по линии запад – восток. Стенки западной части ямы разрушены в результате ограбления, плиты перекрытия разбиты и запали вовнутрь. Придонная часть ямы размером $2,25 \times 0,9$ (рис. 89, 1, 3). В заполнении встречены кости скелета, принадлежащего взрослому мужчине, и несколько фрагментов керамики (см. рис. 90, 4–6).

Ограда Б – пристроена к юго-восточной стороне основной ограды, неправильно-овальной формы, размером $4,75 \times 4,0$ м. В северной половине

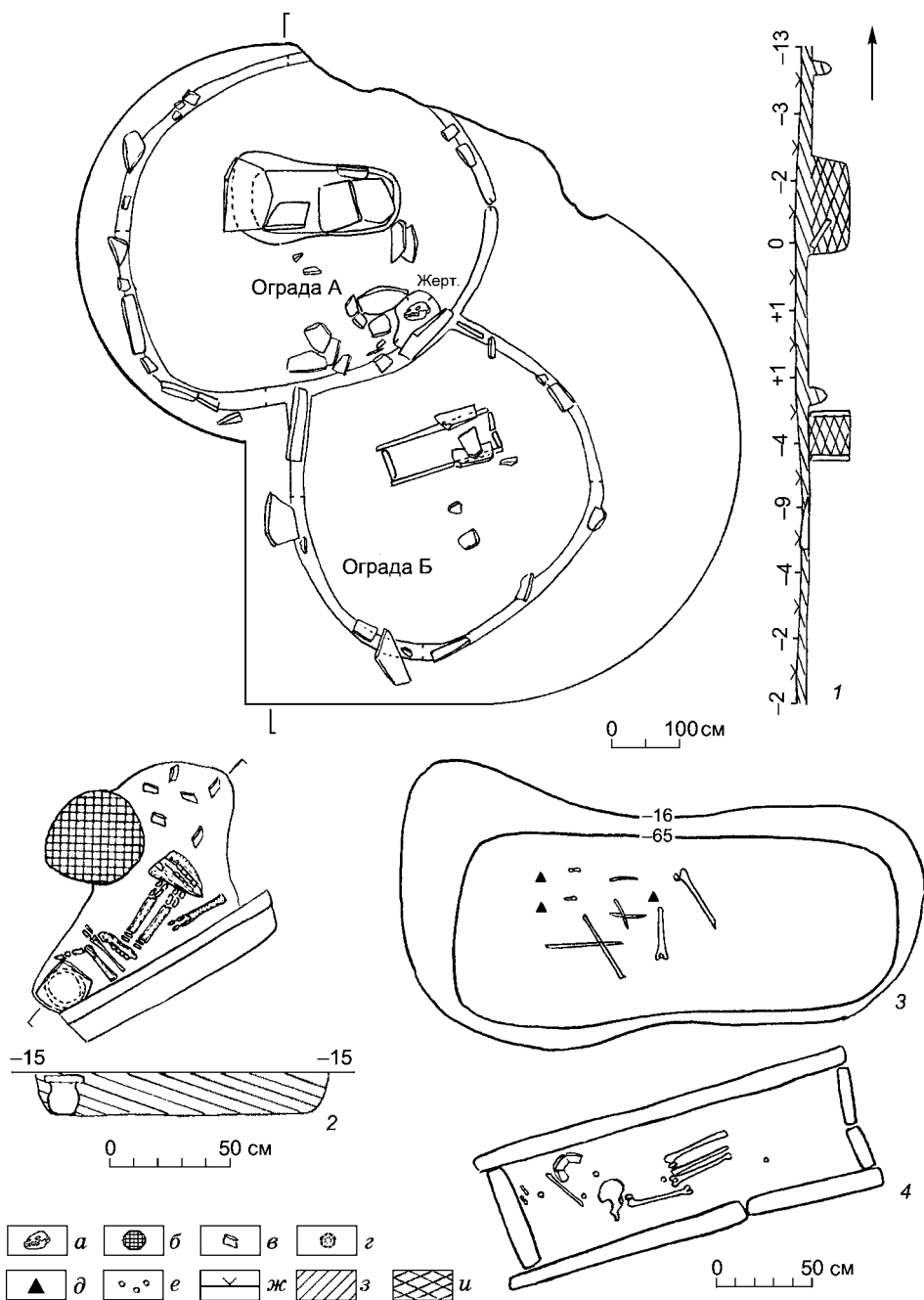

Рис. 89. Могильник Майтан. Ограда 33.

1 – план и разрез раскопа; 2 – жертвенник; 3 – ограда А, могила; 4 – ограда Б, могила.
a – поминальный комплекс; *б* – кострище; *в* – обломки поминального сосуда; *г* – поминальный сосуд; *д* – фрагменты керамики; *е* – бронзовые бусы; *ж* – дерн; *з* – коричневый гумусированный суглинок; *и* – коричневый суглинок

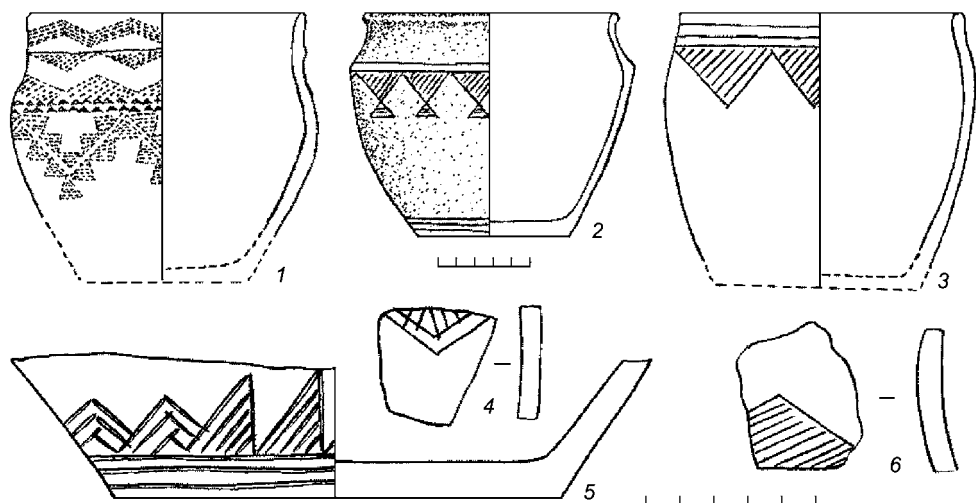

Рис. 90. Могильник Майтан. Ограда 33. Керамика.
1 – ограда Б, могила; 2, 3 – жертвенник; 4–6 – ограда А, могила

огражденного пространства располагалась могила – каменный ящик размером $1,9 \times 0,7 \times 0,6$ м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Западная стенка ящика выше восточной на 5 см и выше остальных на 15 см. Восточный сектор ящика перекрыт тремя обломками плит размером $0,7 \times 0,3$, $0,65 \times 0,3$ и $0,4 \times 0,3$ м (см. рис. 89, 1, 4). В заполнении встречены кости скелета, принадлежащего взрослой женщине, обломки сосуда (см. рис. 90, 1) и 5 бронзовых бусин.

Ограда 34. Погребальная конструкция с дополнительной пристройкой (см. рис. 4; 91, 1).

Ограда А – основная – овальной формы, размером $7,0 \times 6,5$ м, ориентирована по линии запад – восток. В огражденном пространстве исследованы 2 поминальных комплекса и 3 могилы: две в основной ограде и одна между основной оградой и пристройкой.

Жертвенник 1 – расположен в юго-западном секторе ограды, грунтовая яма размером $0,33 \times 0,27 \times 0,18$ м, ориентирована по линии запад – восток. На дне, в западной половине ямы, лежал череп овцы, на левой стороне, с общей ориентацией на север. В восточной половине ямы обнаружены две конечности мелкого рогатого скота, уложенные параллельно друг другу по линии север – юг копытцами на север (рис. 91, 1, 4).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, стоящий на материке за оградой с северной стороны (рис. 92, 6).

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства, каменный ящик размером $1,65 \times 1,2 \times 0,7$ м, ориентирован по линии запад – восток. Восточная половина перекрыта обломком плиты размером $0,9 \times 0,7$ м. Плита, перекрывавшая западную половину, разбита; ее реконструируемые размеры $1,2 \times 0,6$ м (см. рис. 91, 1, 2). В заполнении встречены кости скелета человека

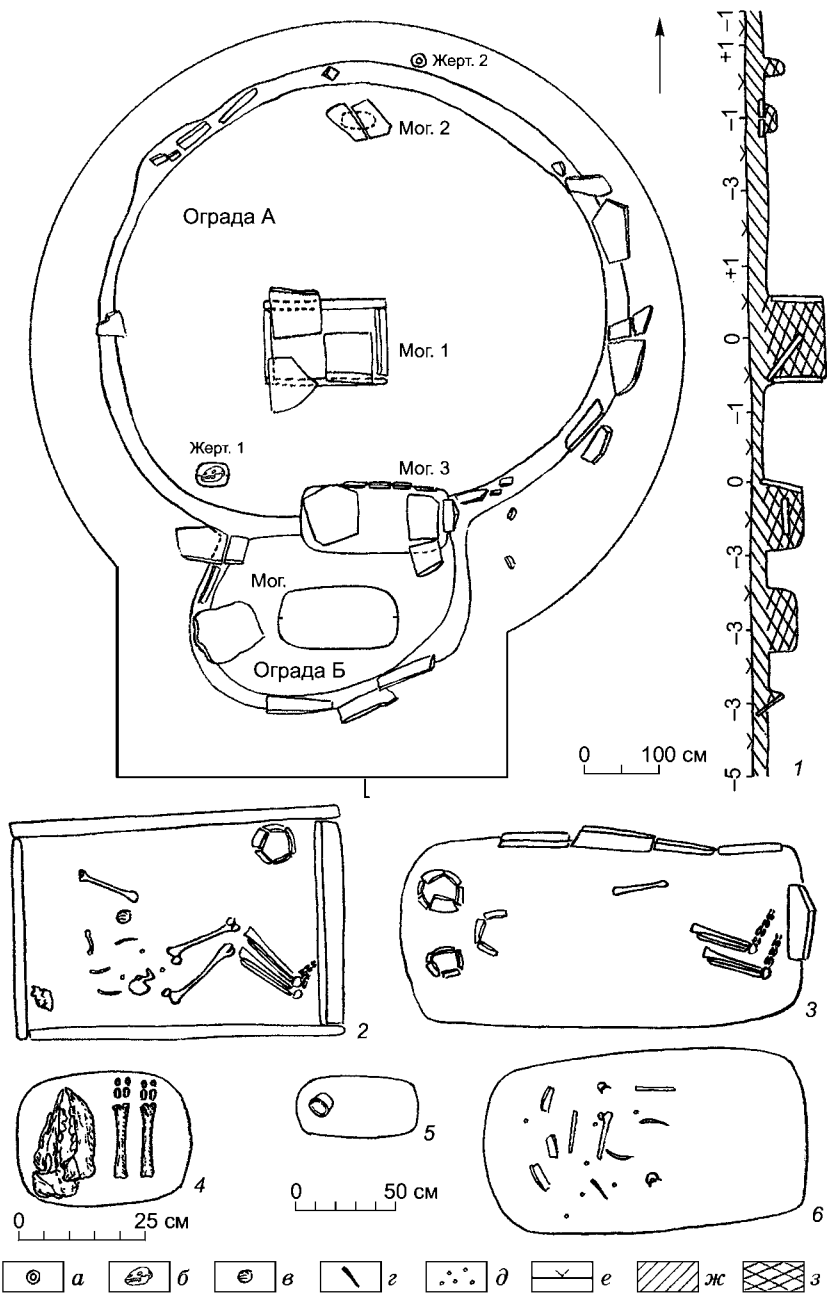

Рис. 91. Могильник Майтан. Ограда 34.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, могила 1; 3 – ограда А, могила 3; 4 – жертвенник 1; 5 – ограда А, могила 2; 6 – ограда Б, могила.

а – сосуд; б – поминальный комплекс; в – раковина; г – бронзовое шило; д – пастовые бусы; е – дерн; ж – коричневый гумусированный суглинок; з – коричневый суглинок

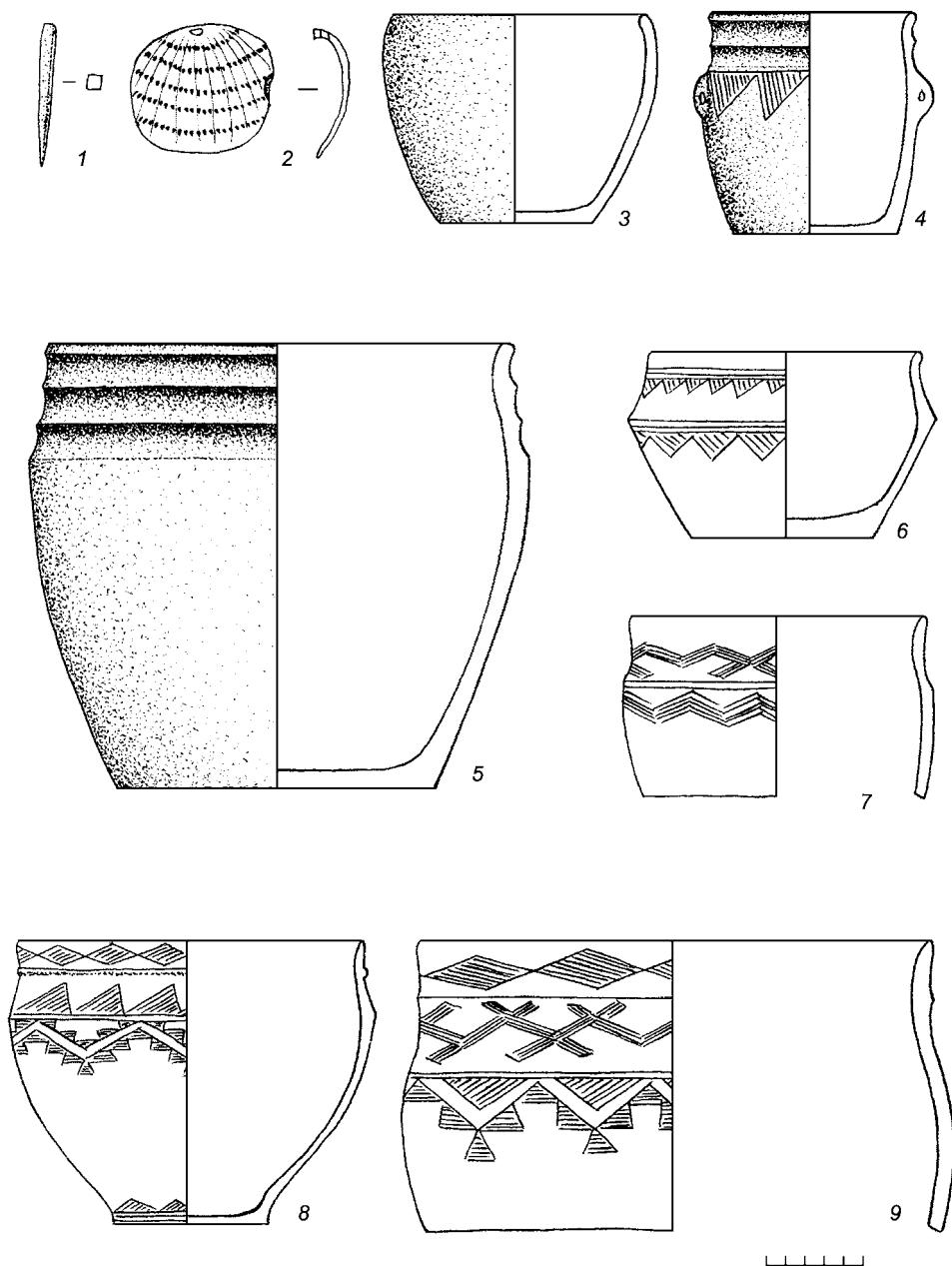

Рис. 92. Могильник Майтан. Ограда 34. Вещевой инвентарь.

1, 9 – ограда Б, могила; 2, 8 – ограда А, могила 1; 3 – ограда А, могила 2; 4, 5, 7 – ограда А, могила 3; 6 – жертвенник 1.

1 – бронза; 2 – раковина; 3–9 – глина

и подвеска из раковины (см. рис. 92, 2). В восточной половине ящика, вдоль южной стенки, потревоженными обнаружены кости ног мужчины в возрасте 35–40 лет, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. У северной стенки ящика, близ северо-восточного угла, стоял сосуд (рис. 92, 8). На потревоженных участках дна могилы прослеживался тлен от подстилки фиолетового цвета.

Могила 2 – расположена в северной части ограда, грунтовая яма размером $0,6 \times 0,3 \times 0,15$ м, ориентирована по линии запад – восток. Яма перекрыта расколовшейся на две части плитой размером $0,65 \times 0,6$ м (см. рис. 91, 1, 5). У западной стенки ямы на боку лежал сосуд (см. рис. 92, 3). Останков погребенного не обнаружено.

Могила 3 – расположена в южной части огражденного пространства, для ее сооружения удалены южные плиты ограждения основной ограды. Грунтовая яма размером $2,0 \times 1,05 \times 0,5$ м, ориентирована по линии запад – восток. Северная стенка частично укреплена четырьмя тонкими гранитными плитками шириной $0,3–0,4$ м, возвышающимися над уровнем материка на 10 см; восточная стенка ямы укреплена одной каменной плиткой размером $0,35 \times 0,45$ м, возвышающейся над уровнем материка на 0,25 м (см. рис. 91, 1, 3). В заполнении встречен обломок бедренной кости мужчины. У восточной стенки в потревоженном положении зафиксированы кости голени и стоп взрослого мужчины, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. В западной части ямы обнаружены развалы трех сосудов, стоявших в головах погребенного (см. рис. 92, 4, 5, 7). На потревоженных участках дна ямы фиксировался тлен от подстилки черного цвета.

Ограда Б – пристроена к южной стороне основной ограды, овальной формы, размером $3,5 \times 2,5$ м, ориентирована по линии запад – восток. В центре огражденного пространства расположена могила – грунтовая яма размером $1,6 \times 0,9 \times 0,35$ м, ориентированная по линии запад – восток; плиты перекрытия отсутствовали (см. рис. 91, 1, 6). В заполнении встречены кости скелета, принадлежащие молодой женщине, фрагменты сосуда (см. рис. 92, 9), обломок бронзового шила (рис. 92, 1) и 7 бронзовых бусин.

Ограда 35. Овальной формы, размером $5,3 \times 4,8$ м, ориентирована по линии запад – восток (см. рис. 4). Большинство плит ограждения отсутствовало. В восточной части между стенками канавки для размещения плит ограждения прослеживался проход шириной 0,2 м. В исследованном пространстве зафиксировано 4 поминальных комплекса и могила (рис. 93, 1).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материк с северо-восточной стороны ограды (рис. 94, 4).

Жертвенник 2 – расположен в южной половине ограды у плит ограждения, грунтовая яма размером $0,55 \times 0,4 \times 0,15$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. На дне ямы обнаружено 3 черепа крупного рогатого скота, расположенных треугольником: первый, образующий одну из сторон треугольника, лежал в северной части ямы, на левой стороне, с общей ориентацией на запад; второй, образующий другую сторону треугольника, ориентированный на север, – на левой стороне вдоль западной стенки; третий, находившийся в

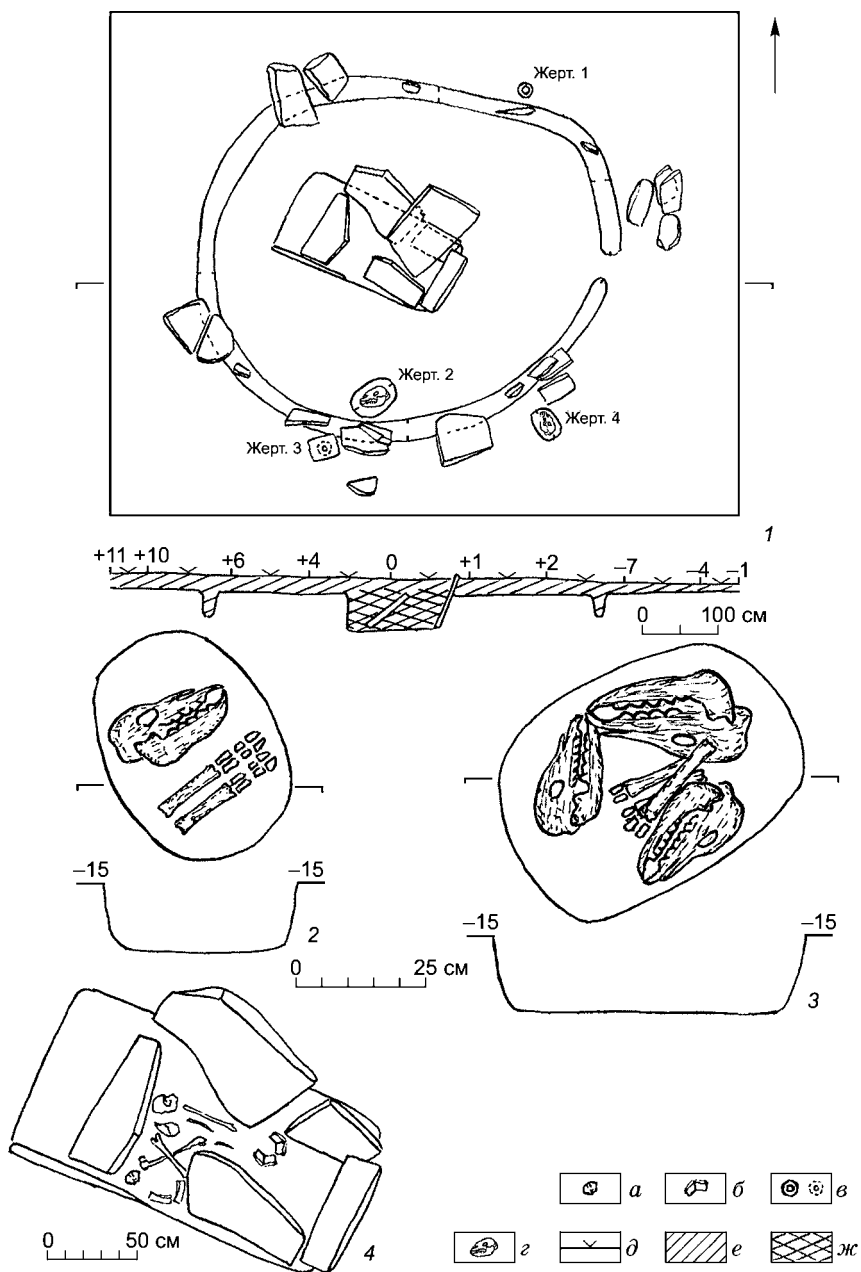

Рис. 93. Могильник Майтан. Ограда 35.

1 – план и разрез раскопа; 2 – жертвенник 4; 3 – жертвенник 2; 4 – план могилы.
a – каменная булава; *б* – обломки сосуда; *в* – поминальные сосуды; *г* – поминальный комплекс; *д* – дерн; *е* – коричневый гумусированный суглинок; *ж* – коричневый суглинок

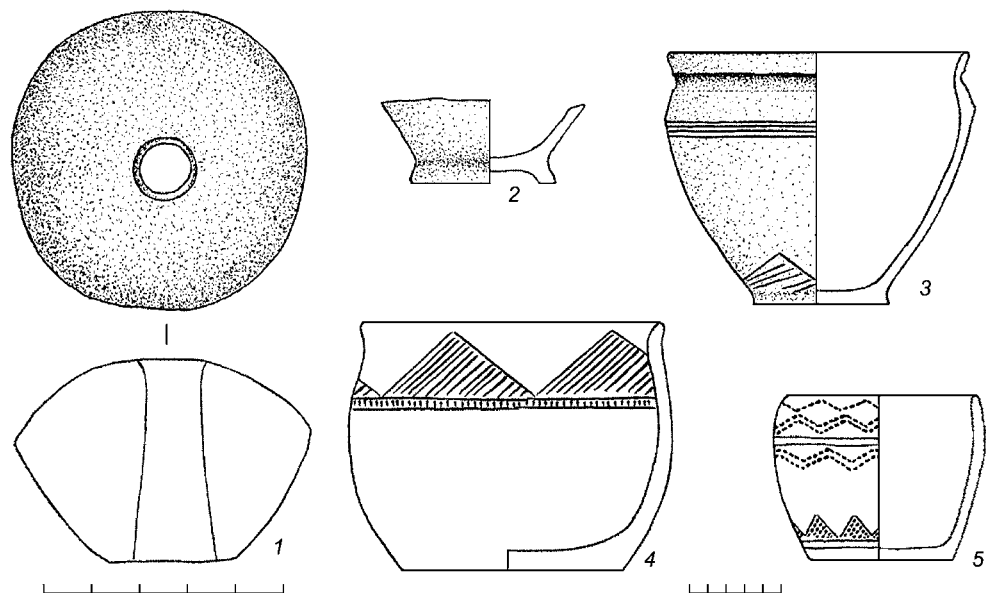

Рис. 94. Могильник Майтан. Ограда 35. Вещевой инвентарь.

1–3 – могила; 4 – жертвенник 1; 5 – жертвенник 3.

1 – камень; 2–5 – глина

основании треугольника, ориентированный на юго-запад, – вдоль юго-восточной стенки ямы, на левой стороне. В пространстве между черепами отмечено по одной конечности крупного и мелкого рогатого скота, перекрытых черепами; третья конечность, принадлежащая крупному рогатому скоту, помещена поверх одного из черепов (см. рис. 93, 1, 3).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материк за оградой у южных плит ограждения, был перекрыт каменной плиткой размером $0,2 \times 0,25$ м (рис. 93, 1; 94, 5).

Жертвенник 4 – расположен за оградой с юго-восточной стороны, грунтовая яма овальной формы, размером $0,4 \times 0,3 \times 0,15$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток (рис. 93, 1). В северной половине ямы находился череп крупного рогатого скота, уложенный на левую сторону, с общей ориентацией на северо-восток. В южной половине углубления обнаружены лежащие поперек ямы параллельно друг другу две нижние конечности крупного рогатого скота, вытянутые по линии северо-восток – юго-запад, копытцами направленными на северо-восток (рис. 93, 2).

Могила – расположена в центре огражденного пространства, сильно деформированный каменный ящик. Реконструируемые размеры $1,8 \times 1,0\text{--}1,3 \times 0,45$ м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Потревоженные стенки ящика возвышались над уровнем материка на $0,2\text{--}0,3$ м. Восточная половина перекрыта плитой размером $1,1 \times 0,65$ м (рис. 93, 1, 4). В заполнении встречены кости скелета взрослого мужчины, булава из белого мелового камня (см. рис. 94, 1) и обломки двух сосудов (рис. 94, 2, 3).

Ограда 36. Сложная погребальная конструкция из пяти примыкающих друг к другу пристроек. Проследить последовательность их сооружения не удалось, так как они сильно разрушены и деформированы в процессе строительства плотины (см. рис. 4). После удаления почвенного слоя, на уровне материка, выявлены канавки, в которые устанавливались плиты ограждения: ширина канавок 0,2–0,25 м, глубина 0,3–0,35 м. В процессе исследования выявлено 8 поминальных комплексов и 13 могил (рис. 95, 1).

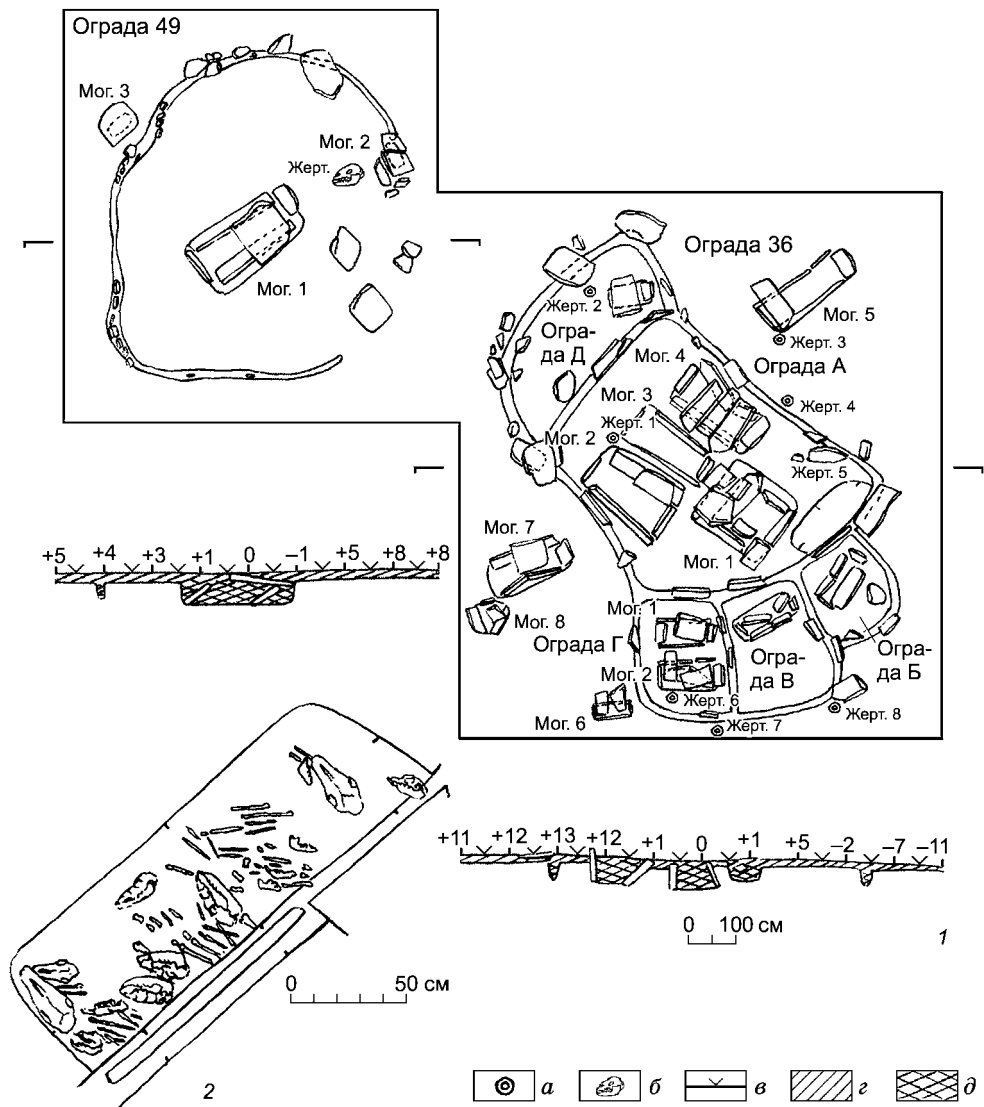

Рис. 95. Могильник Майтан. Ограды 36 и 49.

1 – план и разрезы раскопок; 2 – ограда 36, жертвенник 5.

a – поминальный сосуд; *b* – поминальный комплекс; *v* – дерн; *z* – коричневый гумусированный суглинок; *d* – коричневый суглинок

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материк в северо-западной части ограды А между могилами 2 и 3 (рис. 96, 3).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материк в северном секторе ограды Д (рис. 97, 5).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материк за пределами ограды у юго-восточного угла могилы 5 (см. рис. 96, 10).

Жертвенник 4 – поминальный сосуд, впущенный в материк за пределами ограды А у северо-восточных плит ограждения.

Жертвенник 5 – расположен в восточном секторе близ северо-восточного угла ограды А, грунтовая яма прямоугольной формы, размером $2,15 \times 0,75 \times 0,15$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 95, 1, 2). На дне располагалась сильно разрушенная выкладка, включающая остатки костей не менее чем 12 особей лошади (2 черепа), крупного (5 черепов) и мелкого (5 черепов) рогатого скота. Восстановить первоначальное расположение не представляется возможным, но сохранившиеся фрагменты свидетельствуют о том, что черепа лошадей находились вдоль юго-западной и северо-восточной стенок ямы. Они были установлены на основание с общей ориентацией на северо-запад. Большинство черепов крупного и мелкого рогатого скота лежали вдоль юго-восточной стенки ямы, ограниченной потревоженными плитами ограды, на левой или правой стороне, с общей ориентацией на северо-запад. Между черепами встречены многочисленные обломки трубчатых костей нижних конечностей крупного и мелкого рогатого скота (рис. 95, 2).

Жертвенник 6 – поминальный сосуд, впущенный в материк в южной части ограды Г (см. рис. 97, 9).

Жертвенник 7 – поминальный сосуд, впущенный в материк за оградой Г с южной стороны (рис. 97, 6).

Жертвенник 8 – деревянный поминальный сосуд, впущенный в ямку размером $0,25 \times 0,2 \times 0,15$ м за пределами ограды у юго-восточного угла. Сохранилась бронзовая обкладка, изготовленная из листовой бронзы, размером 6×4 см, закрепленная на сосуде четырьмя мелкими скобками, изготовленными из бронзовой проволоки.

Ограда А – основная – неправильно-прямоугольной формы, размером $6,5 \times 4,5$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В огражденном пространстве исследовано 8 могил – по 4 в ограде и за оградой (см. рис. 95, 1).

Могила 1 – расположена в центре юго-восточной половины ограды, грунтовая яма подквадратной формы, размером $1,8 \times 1,7 \times 0,3$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Юго-западная и юго-восточная стенки ямы укреплены каменными плитами размером $1,25 \times 0,4$ м и $0,9 \times 0,4$ м, возвышающимися над уровнем материка на 10 см. Перекрыта обломками плит размером $0,2-1,5 \times 0,4-0,8$ м, запавшими в могилу (рис. 95, 1). Вдоль северо-западной стенки ямы располагался плохо сохранившийся скелет взрослого мужчины, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад (рис. 98, 1). Около запястья правой руки найдены 21 бронзовая бусина и 3 подвески из клыков корсака (рис. 99, 1-3). Костяк мужчины частично перекрывал скелет ребенка, вероятно, девочки в возрасте 10-13 лет, лежавшей на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. На запястьях рук про-

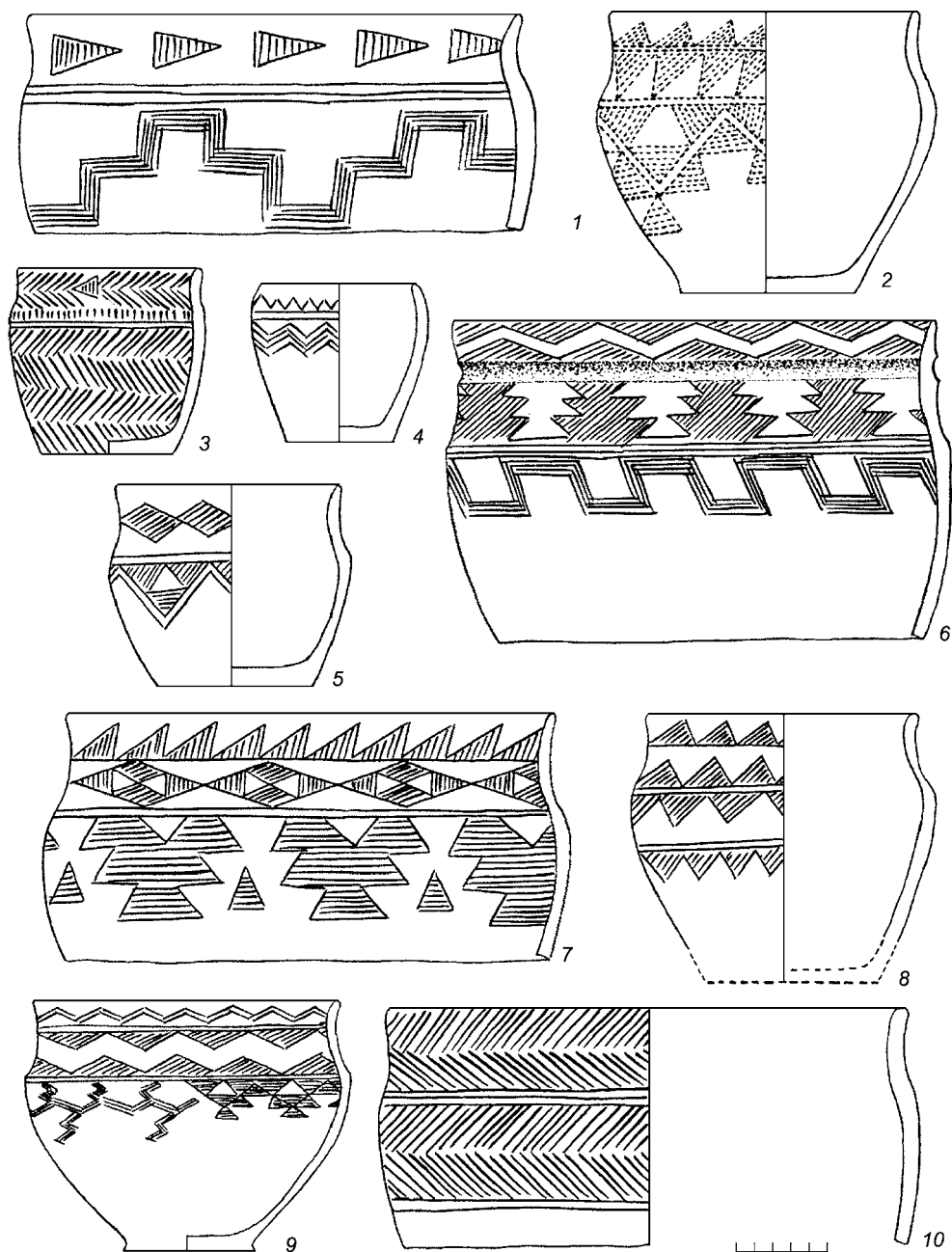

Рис. 96. Могильник Майтан. Ограда 36. Керамика.

1, 5, 7 – ограда А, могила 3; 2, 8 – ограда А, могила 1; 3 – жертвенник 1; 4 – ограда А, могила 6;
6 – ограда А, могила 2; 9 – ограда А, могила 7, ограда Д, могила; 10 – ограда А, могила 5

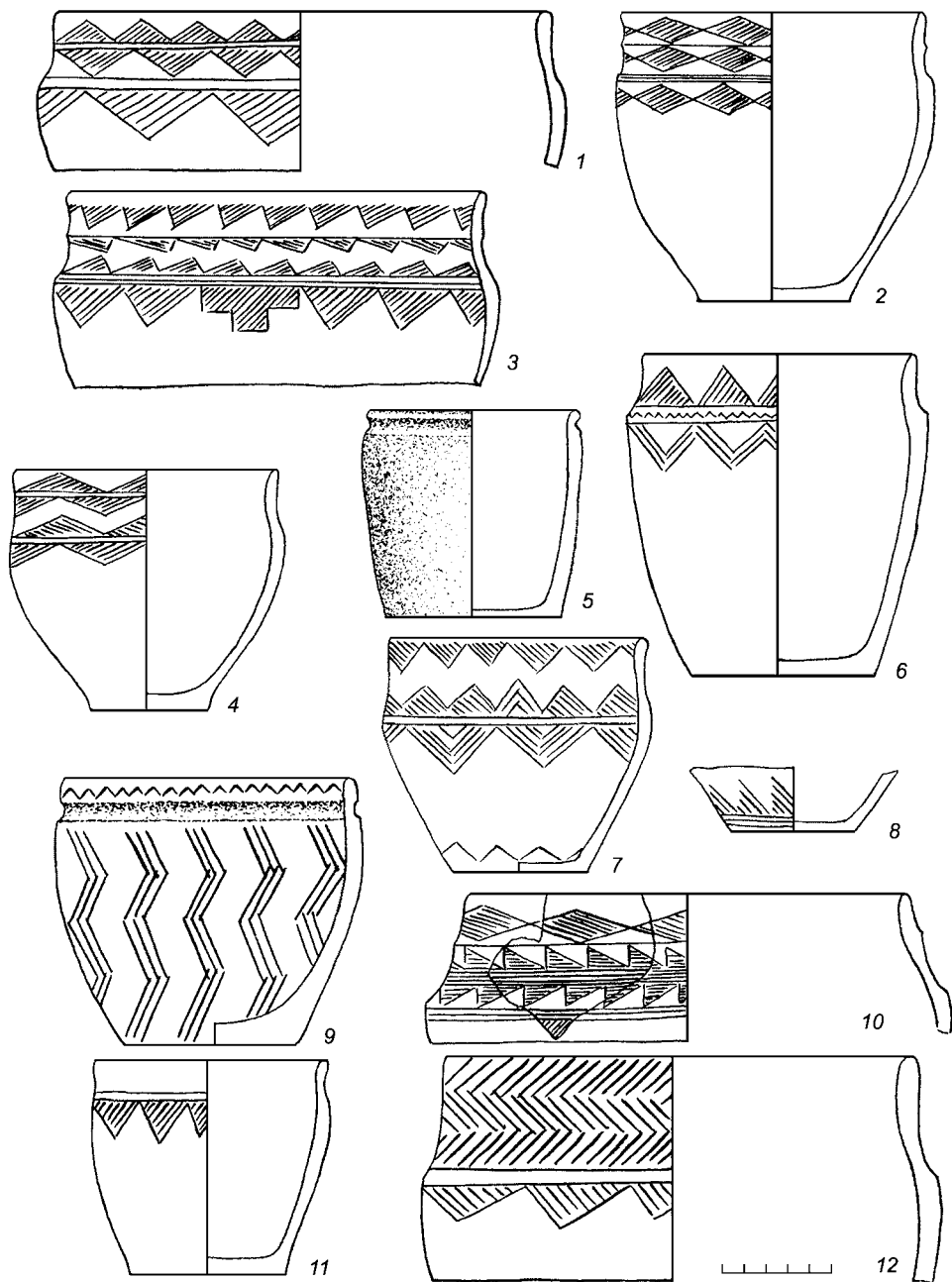

Рис. 97. Могильник Майтан. Ограда 36. Керамика.

1–4 – ограда В, могила; 5 – ограда Д, жертвенник 2; 6 – ограда Г, жертвенник 7; 8 – ограда А, могила 8; 9 – ограда Г, жертвенник 6; 10 – ограда Г, могила 2; 7, 11 – ограда Г, могила 1; 12 – ограда Б, могила

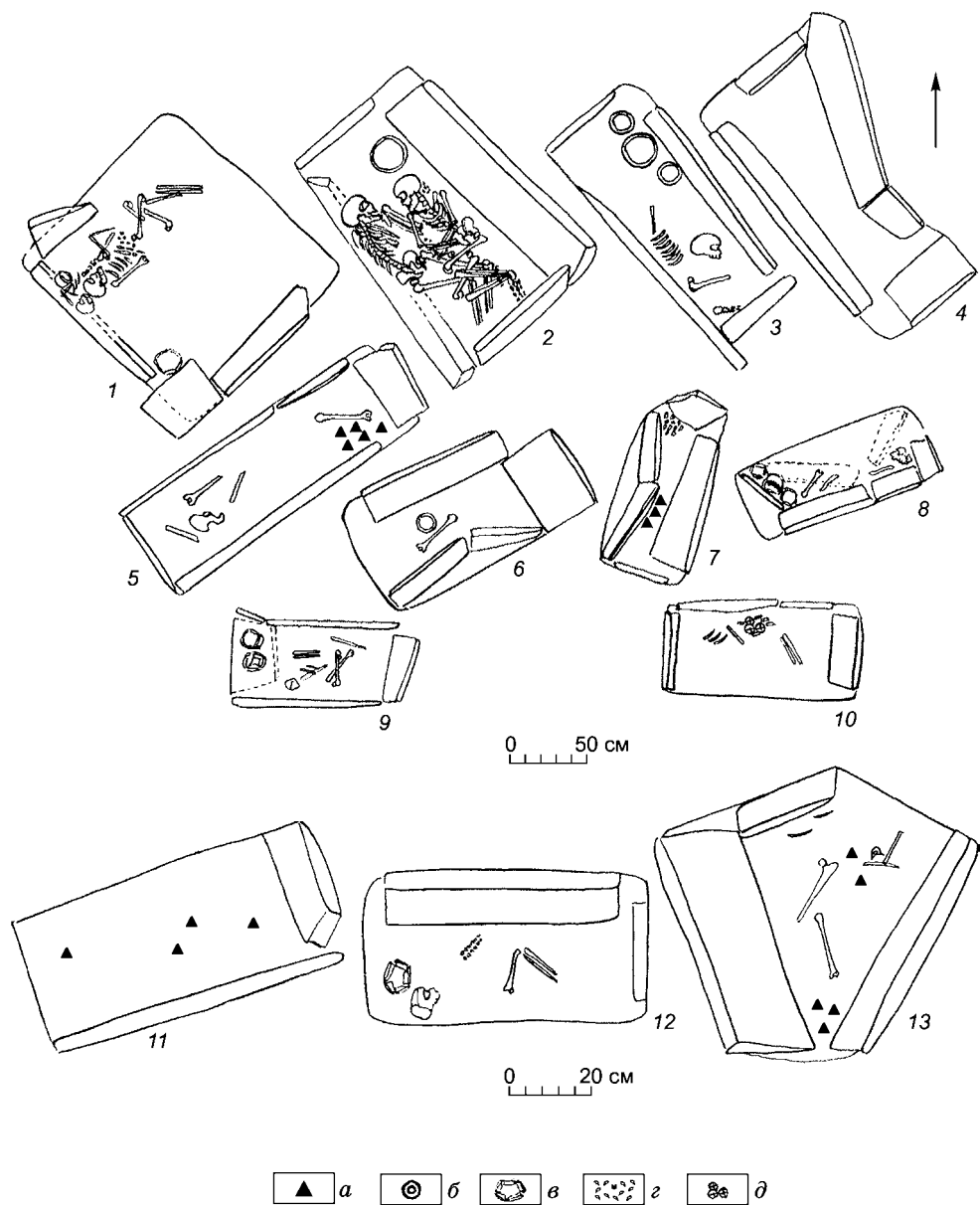

Рис. 98. Могильник Майтан. Ограда 36. Планы погребений.

1 – ограда А, могила 1; 2 – ограда А, могила 2; 3 – ограда А, могила 3; 4 – ограда А, могила 4;
 5 – ограда А, могила 5; 6 – ограда А, могила 7; 7 – ограда Б, могила; 8 – ограда В, могила;
 9 – ограда Г, могила 1; 10 – ограда Г, могила 2; 11 – ограда Д, могила; 12 – ограда А, могила 6;
 13 – ограда А, могила 8.
 а – фрагмент керамики; б – сосуд; в – раздавленный сосуд; з – кальцинированные кости;
 д – бронзовые украшения

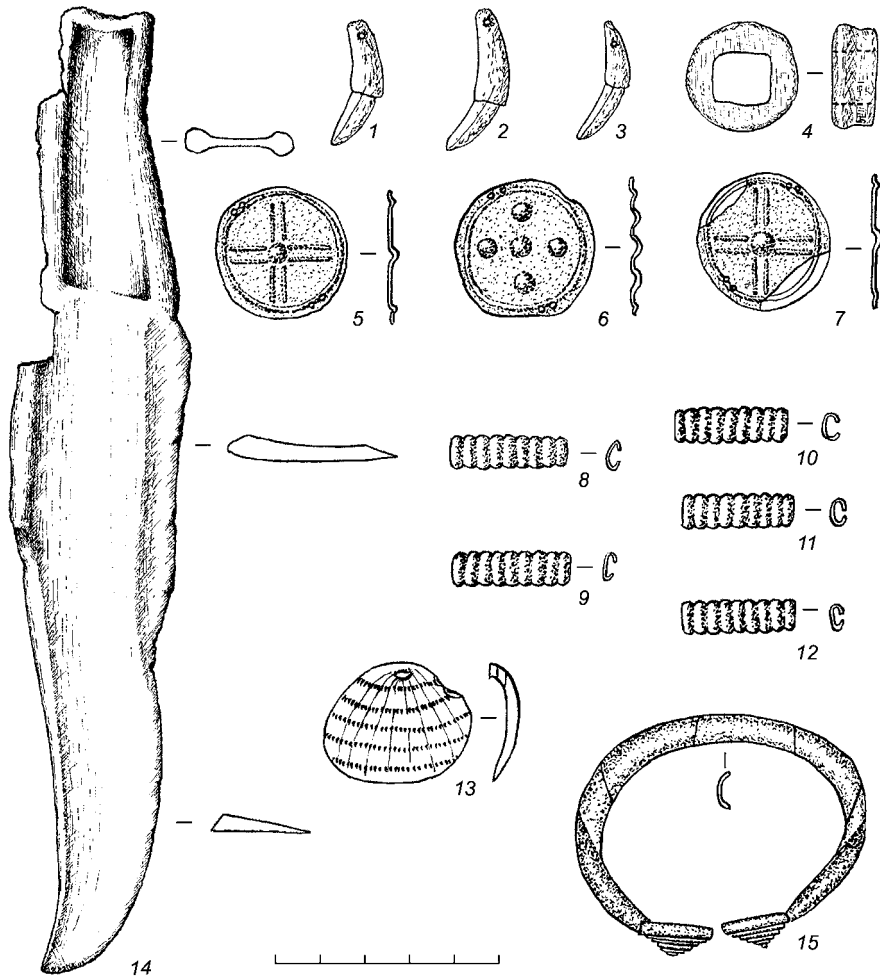

Рис. 99. Могильник Майтан. Ограда 36. Вещевой инвентарь.

1-3 – ограда А, могила 1; 4, 15 – ограда А, могила 2; 5-13 – ограда Г, могила 2;
14 – ограда В, могила.

1-4 – кость; 5-12, 14, 15 – бронза; 13 – раковина

слежены остатки сильно коррозированных бронзовых желобчатых браслетов с несомкнутыми концами. Перед лицом погребенной стоял сосуд (см. рис. 96, 2), второй находился в юго-восточном углу ямы (рис. 96, 8). На отдельных участках дна, в том числе под костями погребенных, фиксировался тлен от подстилки черного цвета.

Могила 2 – расположена в северо-западном секторе ограды, деформированный каменный ящик трапециевидной формы размером $2,05 \times 1,15-1,45$ м, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. Глубина от уровня материка 0,5 м, от уровня плит 0,7 м. Торцевые плиты выше продольных на 10 см. Плиты перекрытия отсутствовали. На дне исследовано непотревоженное парное разнополое погребение (см. рис. 98, 2).

Погребенный мужчина в возрасте 20–30 лет лежал вдоль юго-западной стенки на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Кости рук сломаны в локтевых суставах, предплечья плотно притянуты к плечевым костям, вероятно, они были связаны между собой. У бедра правой ноги мужчины обнаружена пряжка из рога лося или марала (см. рис. 99, 4).

Погребение женщины в возрасте 30–35 лет совершено несколько позже – кости рук и ног перекрывали костяк мужчины. Женщина находилась на правом боку у северо-восточной стенки, в скорченном положении, головой на северо-запад, с разворотом туловища на спину. В месте соединения шейных и грудных позвонков прослеживается насильственный посмертный слом. Руки сложены крест-накрест в области живота. Ступня правой ноги вывернута и положена поверх ступни левой ноги. У основания черепа найдены обломки шести позолоченных подвесок в полтора оборота, располагавшиеся первоначально по три с правой и левой сторон черепа. У локтя правой руки найдены две пастовые бусины, на запястье левой руки надет бронзовый желобчатый браслет со спиралевидными окончаниями (рис. 99, 15), на щиколотках по низке бронзовых бус – на правой ноге низка из 12, на левой – из 13 изделий. В изголовье женщины, в северо-восточном углу ящика, стоял сосуд (см. рис. 96, 6).

Могилы 3 – расположена восточнее, параллельно могиле 2, деформированный каменный ящик размером 2,05 × 0,8 м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Глубина от уровня материка 0,5 м, от уровня плит 0,6 м. Плиты перекрытия отсутствовали (см. рис. 95, 1; 98, 3). На дне расчищены останки скелета подростка в возрасте 10–14 лет: сохранились неповрежденными несколько ребер, раздробленная бедренная кость и стопа левой ноги. Подросток лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Вдоль северо-восточной стенки стояли три сосуда (см. рис. 96, 1, 5, 7).

Могилы 4 – расположена восточнее, параллельно могиле 3, деформированный каменный ящик. Реконструируемые размеры 2,2 × 0,85–1,3 м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Глубина от уровня материка 0,5 м, от уровня плит 0,6 м. Центральная и восточная части ящика перекрыты тремя плитами, уложенными поперек ящика, размером 1,1 × 0,35, 1,2 × 0,4 и 1,3 × 0,4 м. Западная плита перекрытия отсутствовала. Остатков погребенного и инвентаря не обнаружено (см. рис. 95, 1; 98, 4).

Могилы 5 – расположена за оградой с северо-восточной стороны ограды А, деформированный каменный ящик размером 2,35 × 0,75 × 0,5 м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Западная стенка выше восточной на 15 см и выше остальных на 25 см. Западная часть перекрыта каменной плитой размером 1,3 × 0,45 м (рис. 95, 1; 98, 5). В заполнении встречены кости скелета молодого мужчины и обломки сосуда (см. рис. 96, 10).

Могилы 6 – расположена за пределами огражденного пространства у юго-западного угла могилы Г, деформированный каменный ящик размером 0,9 × 0,45 м, глубина от уровня материка 0,4 м, от уровня плит 0,2 м, ориентирован по линии запад – восток. Северная и восточная стенки укреплены каменными плитами, южная продольная стенка запала вовнутрь, западная стенка отсутствовала. Плиты ящика впущены в канавки, прорытые вдоль стенок, глубиной 5, 10 и 30 см. Перекрыт двумя плитами размером 0,5 × 0,45 и

0,5 × 0,25 м (см. рис. 95, 1; 98, 12). На дне обнаружены кости левой ноги и череп, принадлежавшие ребенку в возрасте 2–3 лет. Погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. В области рук найдены 12 бронзовых бусин, располагавшихся двумя рядами и нашитых, вероятно, на обшлага платья. У западной стенки ящика обнаружен раздавленный сосуд (см. рис. 96, 4).

Могила 7 – расположена за оградой с юго-западной стороны ограды А, деформированный каменный ящик, не имеющий западной стенки, размером 1,8 × 0,9 × 0,6 м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Центральная часть могилы перекрыта плитой размером 0,9 × 0,7 м, (см. рис. 95, 1; 98, 6). На дне встречена плечевая кость взрослого мужчины (?) и половина сосуда, вторая половина этого же сосуда найдена в заполнении могилы ограды Д (см. рис. 96, 9).

Могила 8 – расположена за пределами ограды А, юго-западнее могилы 7, деформированный каменный ящик неправильно-четырёхугольной формы размером 0,9 × 0,8 м, ориентирован по линии север – юг. Глубина от уровня материка 0,5 м, от уровня стенок 0,3 м. В заполнении встречены кости скелета ребенка в возрасте 1–3 лет и обломки сосуда (см. рис. 97, 8). На непо потревоженных участках dna прослеживался тлен от подстилки черного цвета (см. рис. 95, 1; 98, 13).

Ограда Б – пристроена к ограде А с юго-восточной стороны, прямоугольной формы, размером 2,25 × 2,0 м. В центре огражденного пространства исследован деформированный каменный ящик размером 1,45 × 0,6 × 0,35 м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Южная торцевая плита выше северной стенки на 5 см и выше продольных на 20 см. (рис. 95, 1; 98, 7). В заполнении встречены обломки сосуда (см. рис. 97, 12). В северо-западном углу ящика прослежено скопление пепла и кальцинированных костей человека размером 10 × 12 см, мощностью 2–3 см.

Ограда В – пристроена к ограде А с юга, к ограде Б с запада, прямоугольной формы, размером 3,0 × 2,0 м. В северной части огражденного пространства расположен деформированный каменный ящик размером 1,55 × 0,65 м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Глубина от уровня материка 0,5 м, от уровня плит 0,4 м. Западная стенка выше остальных на 0,2 м. Южная плита ящика впущена в канавку шириной 12 см и глубиной 7 см, прорытую вдоль южной стенки ямы (см. рис. 95, 1; 98, 8). В заполнении найдены кости скелета ребенка в возрасте 6 лет, фрагменты сосуда (см. рис. 97, 1) и обломки трех подвесок из клыков хищников. Вдоль западной стенки располагались 3 раздавленных сосуда (рис. 97, 2, 4), в среднем из них (рис. 97, 3), лежал бронзовый нож лезвием вверх (см. рис. 99, 14).

Описание ограды 49 (рис. 100) см. ниже.

Ограда Г – пристроена к ограде А с южной, к ограде В с западной стороны, прямоугольной формы, размером 2,75 × 2,0 м. В исследованном пространстве выявлено 2 могилы (см. рис. 95, 1).

Могила 1 – расположена в северной части ограды, деформированный каменный ящик размером 1,4 × 0,65 м, ориентирован по линии запад – восток. Глубина от уровня материка 0,6 м, от уровня плит 0,35 м; западная стенка выше

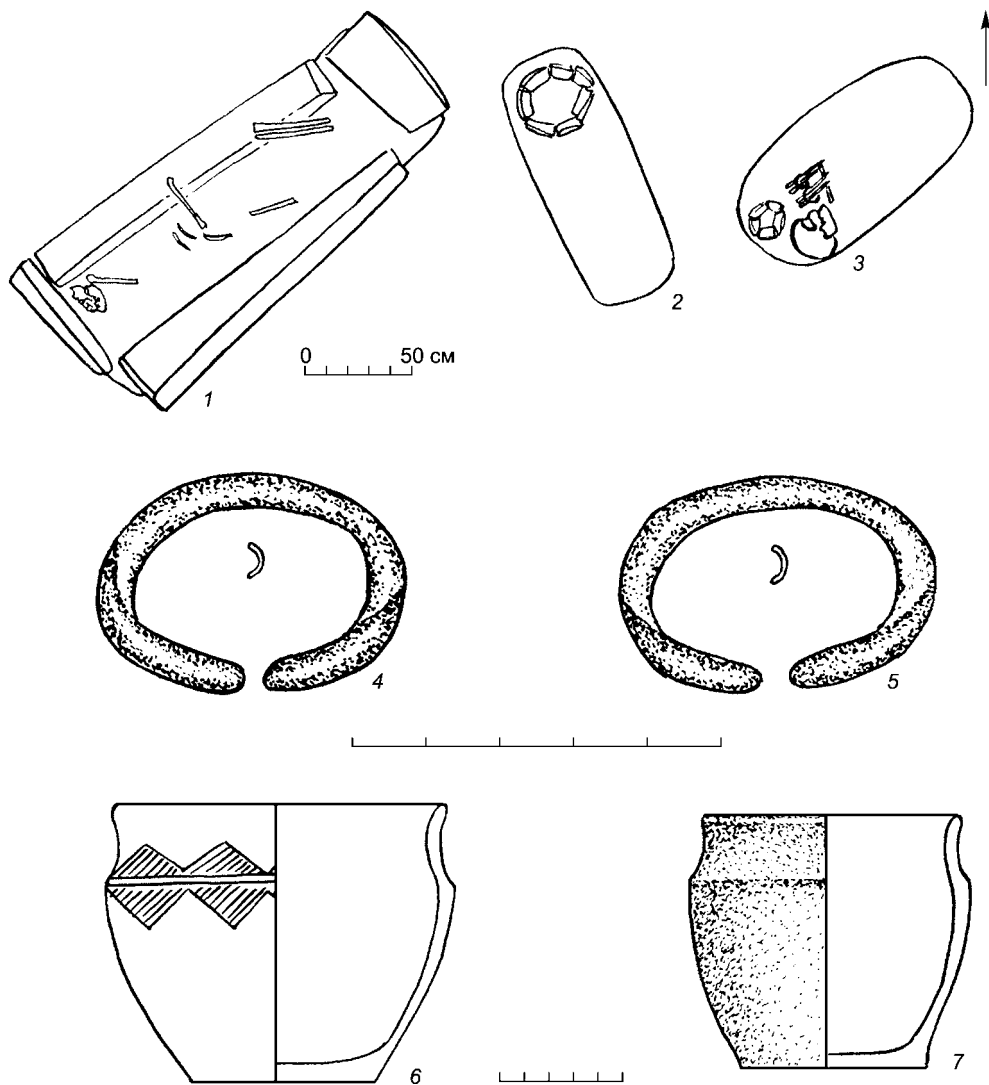

Рис. 100. Могильник Майтан. Ограда 49. Планы захоронений и вещевого инвентаря.

1 – могила 1; 2 – могила 2; 3 – могила 3; 4, 5, 7 – могила 3; 6 – могила 2.

4, 5 – бронза; 6, 7 – глина

остальных на 0,3 м. Западная, северная и южная плиты ящика впущены в канавки шириной 6–8 см, глубиной 8–12 см, прорытые вдоль стенок ямы. Могила перекрыта плитой размером 0,75 × 0,7 м, зававшей вовнутрь (рис. 95, 1; 98, 9). Из останков ребенка в возрасте 4–6 лет в неповрежденном состоянии зафиксированы кости предплечья левой руки и кости бедер. Погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. В головах погребенного, в северо-западном углу, вдоль западной стенки располагались 2 раздавленных сосуда (см. рис. 97, 7, 11).

Могила 2 – расположена в южной половине пристройки, деформированный каменный ящик размером $1,5 \times 0,7$ м, ориентирован по линии запад – восток. Глубина от уровня материка $0,55$ м, от уровня плит $0,45$ м; западная стенка выше восточной на 15 см и выше продольных на 25 см. Ящик перекрыт двумя смещенными плитами размером $0,75 \times 0,45$ и $0,55 \times 0,35$ м. Западная и северная плиты ящика впущены в канавки, прорытые вдоль стенок ямы, шириной $8-10$ см, глубиной $10-25$ см (см. рис. 95, 1; 98, 10). В заполнении встречены кости скелета ребенка в возрасте $3-4$ лет и обломок сосуда (см. рис. 97, 10), подвеска из раковины (см. рис. 99, 13), обломки желобчатого браслета с несомкнутыми концами и 14 бронзовых бусин. В центре могилы обнаружены остатки челюстно-лицевой подвески, от которой сохранились три бронзовые бляшки (см. рис. 99, 5–7) и пять бронзовых пронизок (рис. 99, 8–12). На непо тревоженных участках дна прослеживался тлен от подстилки черного цвета.

Ограда Д – пристроена к ограде А с северо-восточной стороны, неправильно-прямоугольной формы, размером $4,75 \times 2,0$ м. В северо-восточном секторе ограды обнаружена грунтовая яма размером $1,0 \times 0,9$ м, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад. Вдоль длинных сторон ямы на глубине 15 см от уровня материка зафиксированы уступчики: вдоль северной стенки шириной $0,2$ м, южной – $0,25$ м. На уступчиках лежала плита перекрытия размером $0,8 \times 0,7$ м. Южная и восточная стенки грунтовой ямы размером $0,95 \times 0,45 \times 0,65$ м укреплены двумя каменными плитами; глубина от уровня плит $0,35$ м. Могила ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 95, 1; 98, 11). В заполнении найдены обломки половины сосуда, другая его половина обнаружена в могиле 7 ограды А (см. рис. 96, 9).

Ограда 37. Овальной формы, размером $4,25 \times 3,5$ м, ориентирована по линии север – юг (см. рис. 4). В исследованном пространстве выявлены 2 поминальных комплекса и 2 могилы (рис. 101, 1).

Жертвенник 1 – грунтовая яма округлой формы, размером $0,25 \times 0,2 \times 0,25$ м, прорезавшая канавку за оградкой у восточных плит ограждения (рис. 101, 1). На дне ямки на боку лежал сосуд, устьем ориентированный на запад (рис. 102, 7).

Жертвенник 2 – расположен за оградой в юго-восточном секторе, грунтовая яма округлой формы, диаметром $0,2$ м, глубиной $0,25$ м, перекрытая плитой размером $0,45 \times 0,35$ м (см. рис. 101, 1). На дне стоял поминальный сосуд (см. рис. 102, 5).

Могила 1 – расположена в северной половине ограды, деформированный каменный ящик размером $2,05 \times 1,2$ м, ориентирован по линии запад – восток. Глубина от уровня материка $0,4$ м, от уровня северной стенки $0,55$ м. Западная стенка возвышается над уровнем материка на $0,5$ м, восточная – на $0,3$ м, южная – на $0,25$ м (см. рис. 101, 1, 2). В заполнении найдены кости скелета ребенка в возрасте около 5 лет и две бронзовые пронизи (см. рис. 102, 1, 2). У западной стенки ящика встречены обломки трех сосудов (рис. 102, 6, 8, 9).

Могила 2 – расположена в южной половине ограды, деформированный каменный ящик размером $2,0 \times 1,05$, ориентирован по линии запад – восток; глубина от уровня материка $0,55$ м, от уровня западной стенки $0,7$ м. Вос-

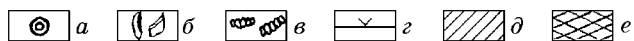
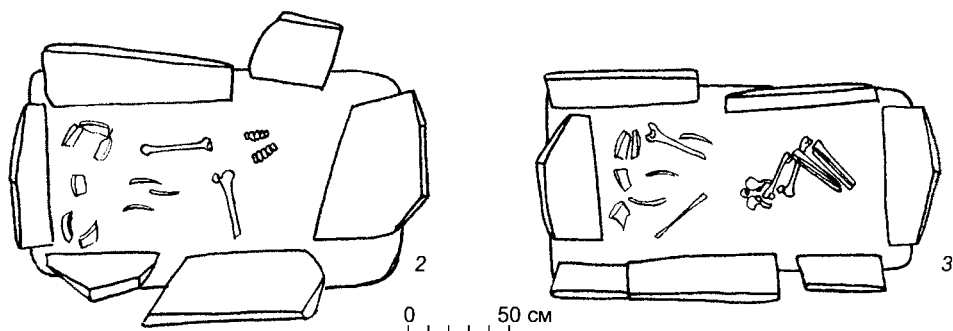
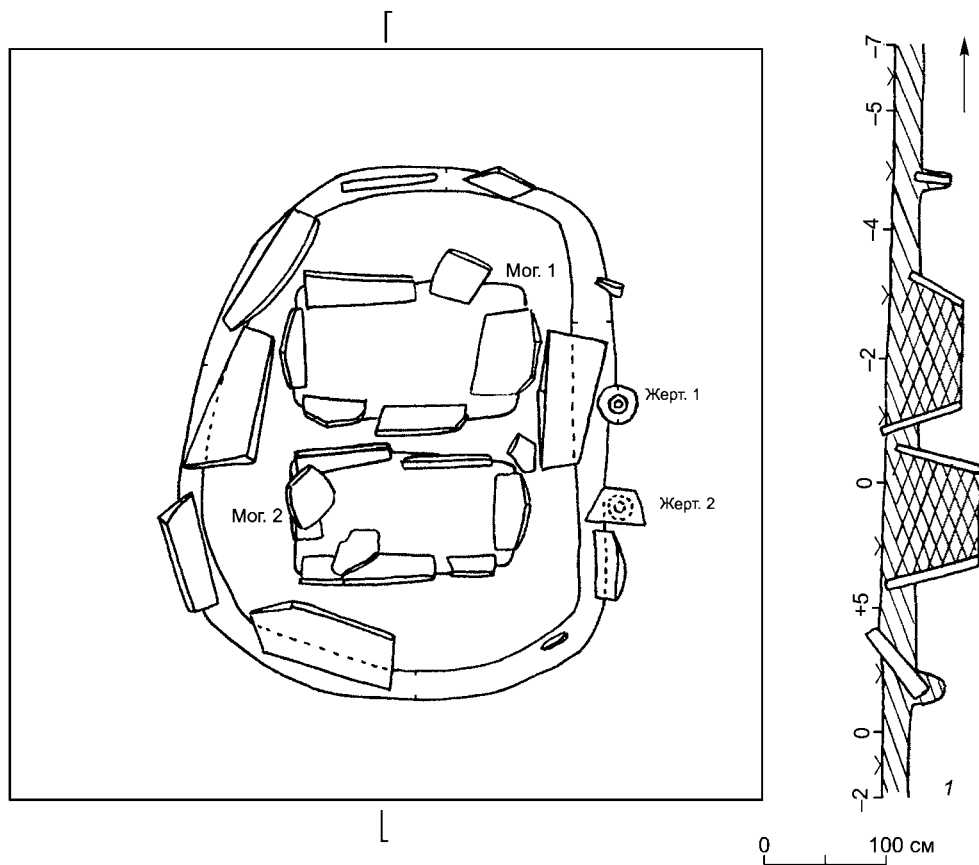

Рис. 101. Могильник Майтан. Ограда 37.

1 – план и разрез раскопа; 2 – могила 1; 3 – могила 2.

a – поминальный сосуд; *б* – обломки сосудов; *в* – бронзовые пронизи; *г* – дерн; *д* – коричневый гумусированный суглинок; *е* – коричневый суглинок

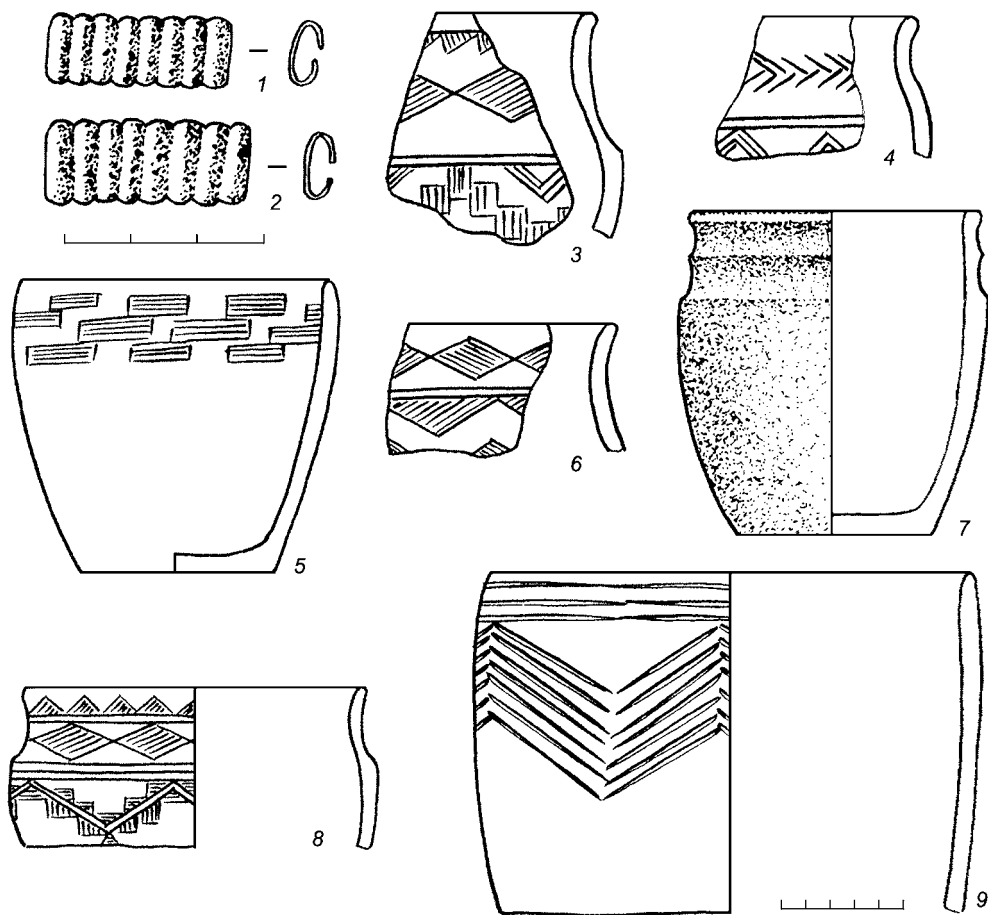

Рис. 102. Могильник Майтан. Ограда 37. Вещевой инвентарь.

1–2, 6, 8, 9 – могила 1; 3, 4 – могила 2; 5 – жертвенник 2; 7 – жертвенник 1.
1–2 – бронза; 3–9 – глина

точная и южная стенки возвышаются над уровнем материка на 0,25 м, северная – на 0,2 м. Перекрыта обломками плит размером 0,6 × 0,5 и 0,3 × 0,25 м (см. рис. 101, 1, 3). В заполнении встречены разрозненные кости скелета человека и обломки двух сосудов (см. рис. 102, 3, 4). В восточной половине ящика в неповрежденном состоянии зафиксированы кости таза и ног юной женщины, лежавшей на левом боку, в скорченном положении, головой на запад.

Ограда 38. Представляла собой серию небольших канавок, в которые впущены от одной до четырех плит ограждения; между канавками прослеживаются разрывы шириной 0,2–0,7 м; в северном секторе канавки и плиты ограждения отсутствовали. Реконструируется надмогильная конструкция удлиненно-овальной формы, размером 5,5 × 5,0 м, ориентированная по линии север – юг (см. рис. 4). В огражденном пространстве выявлено 3 поминальных комплекса и 2 могилы (рис. 103, 1).

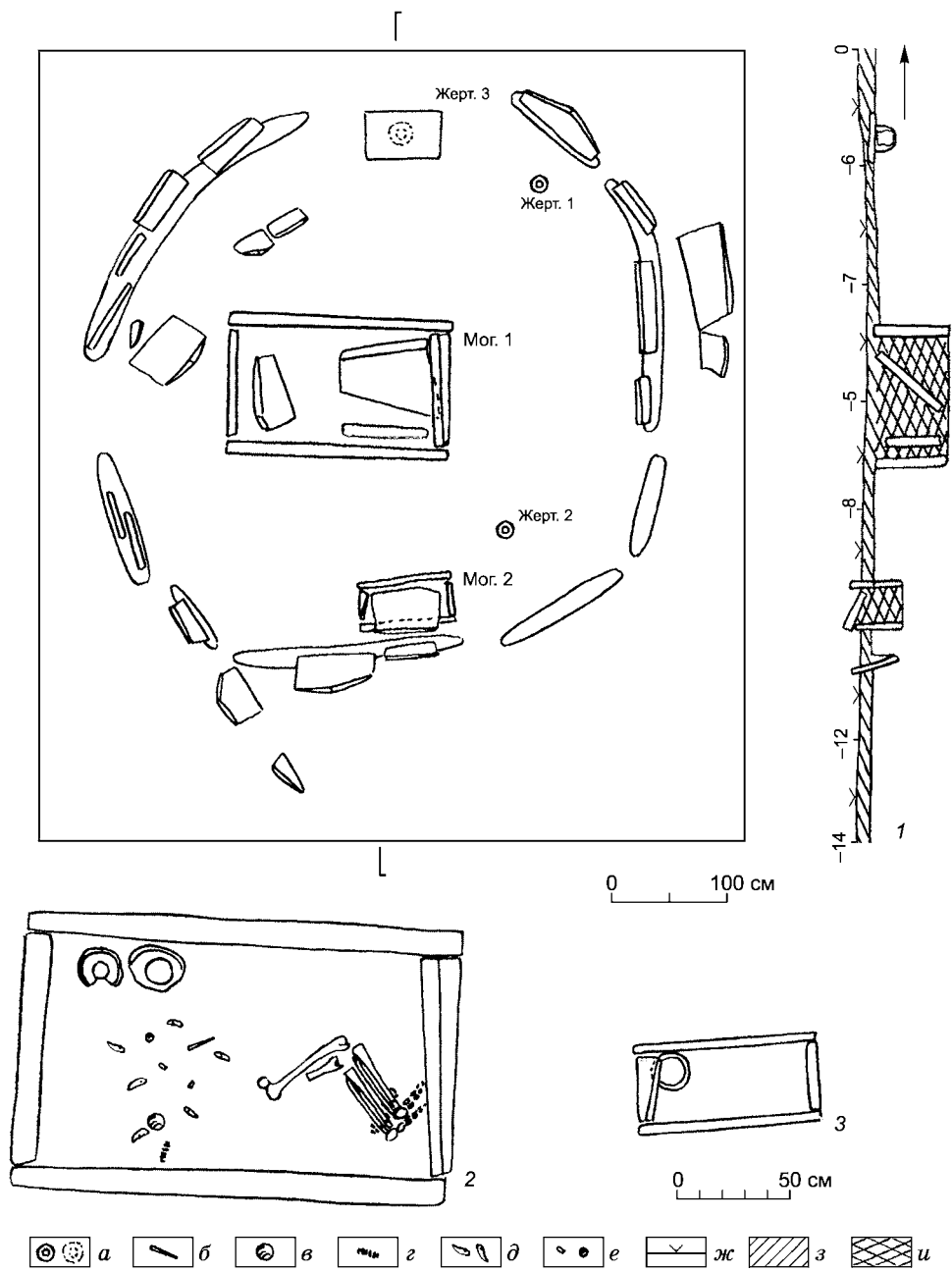

Рис. 103. Могильник Майтан. Ограда 38.

1 – план и разрез раскопа; 2 – могила 1; 3 – могила 2.

a – поминальные сосуды; *б* – бронзовая игла; *в* – подвеска из раковины; *г* – низка бронзовых бус; *д* – подвески из клыков; *е* – бронзовые бусы; *ж* – дерн; *з* – коричневый гумусированный суглинок; *и* – коричневый суглинок

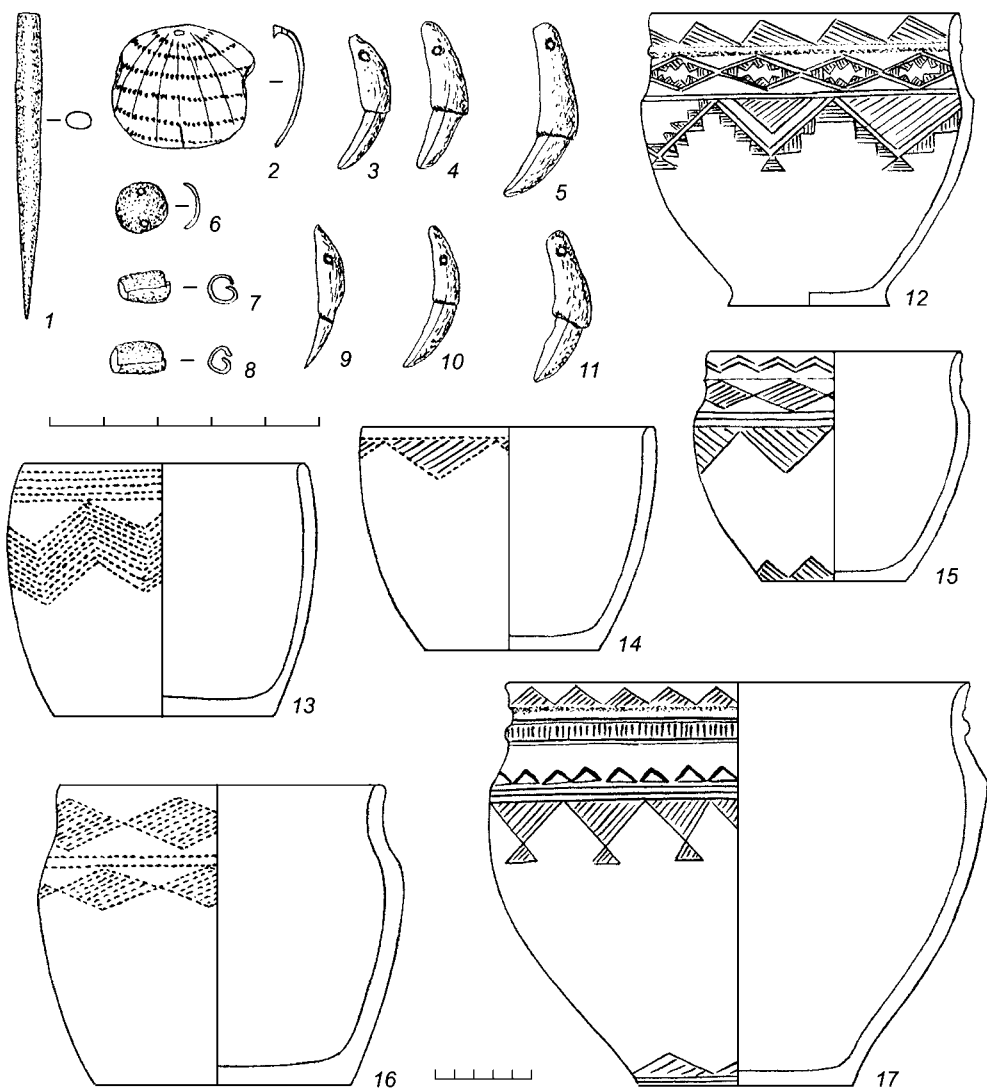

Рис. 104. Могильник Майтан. Ограда 38. Вещевой материал.

1-12, 17 – могила 1; 13 – жертвенник 3; 14 – жертвенник 2; 15 – жертвенник 1; 16 – могила 2.

1, 6-8 – бронза; 2 – раковина; 3-5, 9-11 – кость; 12-17 – глина

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в северо-восточном секторе ограды (рис. 104, 15).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материковый грунт в юго-восточном секторе ограды (рис. 104, 14).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материк в северной части ограды и перекрытый плитой размером $0,65 \times 0,45$ м (см. рис. 103, 1; 104, 13).

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства, каменный ящик размером $1,9 \times 1,2 \times 0,7$ м, ориентирован по линии запад – восток, с незначительным отклонением к северу. Восточный участок ящика перекрыт треснувшей плитой размером $1,1 \times 0,8$ м; в западной части могилы обнаружен обломок плиты перекрытия размером $0,7 \times 0,4$ м. В заполнении могилы найдены обломок шила (рис. 104, 1), 6 подвесок из клыков лисицы и корсака (рис. 104, 3–5, 9–11), подвеска из раковины (рис. 104, 2), две бронзовые бочонковидные бусины (рис. 104, 7, 6) и бронзовая выпукло-вогнутая нашивная бляшка (рис. 104, 6). На дне в восточной половине ящика в неповрежденном состоянии зафиксированы кости ног женщины в возрасте около 20 лет (см. рис. 103, 2). Погребенная лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. На лодыжках ног обнаружено по низке бронзовых бус, на правой ноге 64 бусины, на левой – 63. В северо-западном углу ящика, вдоль северной стенки, стояли 2 сосуда (см. рис. 104, 12, 17).

Могила 2 – расположена в южной половине ограды у плит ограждения, каменный ящик размером $0,8 \times 0,4$ м, ориентирован по линии запад – восток, с незначительным отклонением к югу. Глубина от уровня материка $0,25$ м, от уровня южной стенки $0,4$ м; остальные стенки возвышаются над уровнем материка на $0,2$ м. Могила перекрыта плитой размером $0,65 \times 0,35$ м, запавшей вовнутрь ящика (см. рис. 103, 1, 3). В северо-западном углу ящика стоял сосуд (рис. 104, 16). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда 39. Сильно разрушена, сохранились отдельные плиты ограждения от северной, восточной и южной стенок, впущенных только в коричневый гумусированный суглинок (см. рис. 4). Реконструируется надмогильное сооружение прямоугольной формы, размером $3,5 \times 3,0$ м, ориентированное по линии запад – восток. В исследованном пространстве выявлено 3 поминальных комплекса и 2 могилы (рис. 105, 1).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, впущенный в материк в северной части ограды (рис. 105, 5).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, впущенный в материк в юго-западном секторе ограды (рис. 105, 6).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, впущенный в материк за оградой с восточной стороны, обложенный с северной стороны тремя каменными плитками размером $0,15\text{--}0,25 \times 0,1\text{--}0,15$ м (рис. 105, 4).

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства, деформированный каменный ящик размером $1,3 \times 0,85$ м, ориентированный по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Глубина от уровня материка $0,65$ м, от уровня плит $0,55$ м; западная и восточная стенки выше остальных на 10 см. Перекрыт двумя плитами размером $1,2 \times 0,7$ и $1,05 \times 0,4$ м (рис. 105, 1). В заполнении встречены 3 астрагала мелкого рогатого скота, плечевая и бедренная кости человека – подростка $12\text{--}15$ лет (рис. 105, 1, 2).

Могила 2 – расположена в восточной половине ограды, каменный ящик размером $1,0 \times 0,6 \times 0,5$ м, ориентирован по линии север – юг. Северная стенка выше остальных на 10 см; плиты перекрытия отсутствовали (рис. 105, 1, 3). На дне, в северо-восточном углу ящика, стоял сосуд (рис. 105, 7). Останков погребенного не обнаружено.

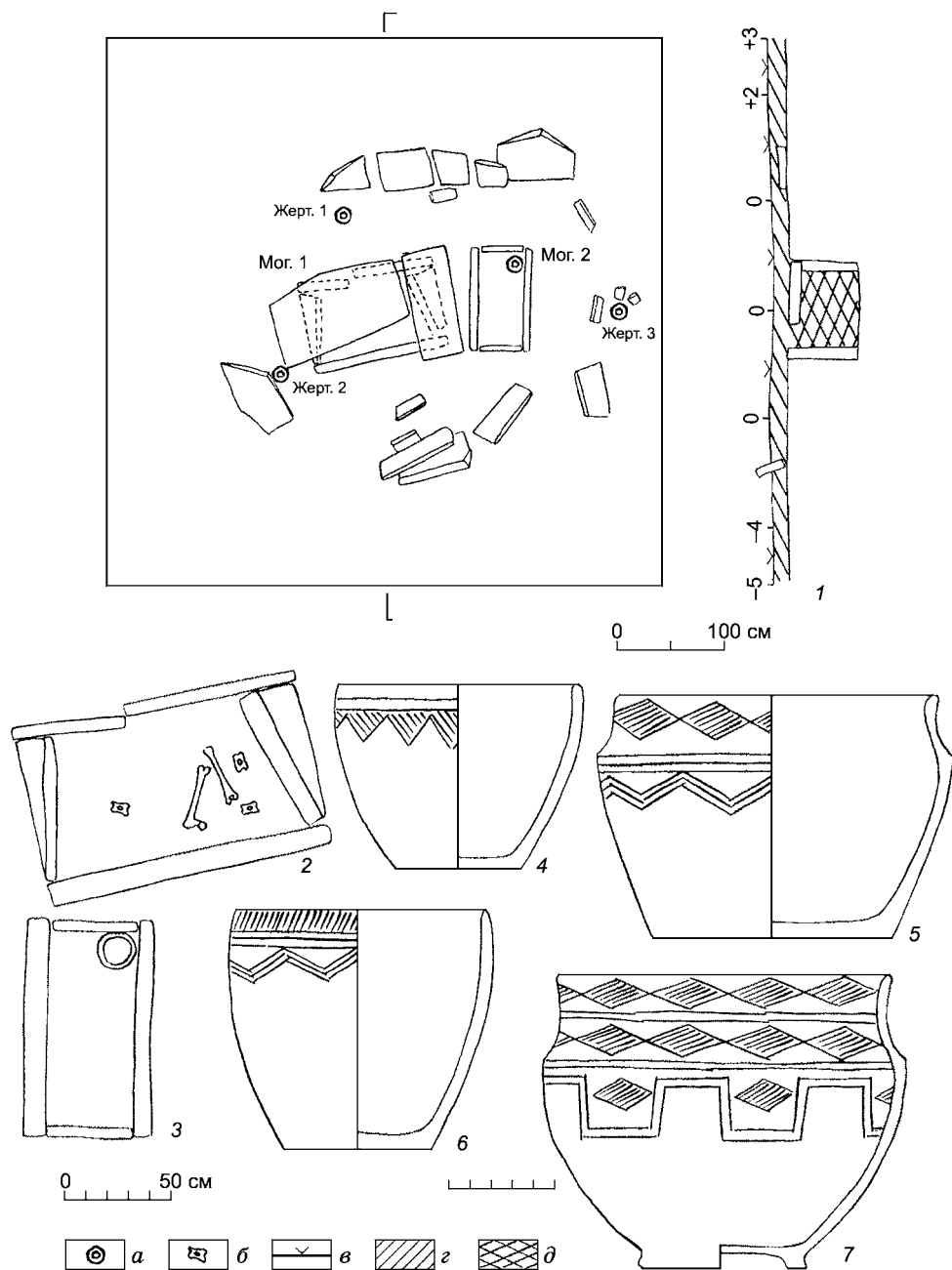

Рис. 105. Могильник Майтан. Ограда 39.

1 – план и разрез раскопа; 2 – могила 1; 3 – могила 2; 4 – жертвенник 3; 5 – жертвенник 1;
 6 – жертвенник 2; 7 – могила 2.
 а – поминальный сосуд; б – астрагал; в – дерн; г – коричневый гумусированный суглинок;
 д – коричневый суглинок

Ограда 40. Расположена обособленно, в 30 м к юго-востоку от основной части памятника – подквадратной формы, размером $5,5 \times 5,5$ м, ориентирована по странам света (см. рис. 4). В пределах огражденного пространства исследовано 4 поминальных комплекса и 6 могил, расположенных двумя правильными рядами: три в западной и три в восточной половине ограды. Каких-либо выбросов не прослежено, что предполагает единовременность всех исследованных захоронений (рис. 106, 1).

Жертвенник 1 – расположен у северо-западного угла перекрытия могилы 2. Череп крупного рогатого скота, лежащий на уровне материка на правой стороне, с общей ориентацией на северо-северо-запад (рис. 106, 1).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, установленный на стыке плит перекрытия могилы 2 (рис. 106, 1; 107, 4).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт с северной стороны плиты, перекрывавшей западную часть могилы 4 (рис. 106, 1; 108, 1).

Жертвенник 4 – поминальный сосуд, установленный на южной кромке плиты, перекрывающей восточную часть могилы 5 (см. рис. 106, 1; 108, 6).

Мои́ла 1 – расположена в северо-западном секторе ограды, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $1,65 \times 0,9 \times 0,65$ м, ориентирована по линии запад – восток. Перекрыта тремя плитами размером $1,2 \times 0,85$, $1,0 \times 0,4$ и $1,05 \times 0,75$ м (см. рис. 106, 1). На дне, в восточной части ямы, прослежена линза пепла и кальцинированных костей человека размером $0,4 \times 0,27 \times 0,04$ м (рис. 106, 2). Вдоль западной стенки ямы стояли 2 сосуда (см. рис. 107, 1, 2).

Мои́ла 2 – расположена в северо-восточном секторе ограды, грунтовая яма прямоугольной формы, размером $1,6 \times 0,8 \times 0,7$ м, ориентирована по линии запад – восток. Перекрыта двумя плитами: западный сектор – плитой размером $1,1 \times 0,95$ м, восточный – плитой размером $1,1 \times 1,1$ м (см. рис. 106, 1). На дне обнаружен непо потревоженный костяк женщины в возрасте 20–25 лет. Погребенная лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на запад (рис. 106, 3). На запястья рук надето по бронзовому желобчатому браслету со спиралевидными окончаниями (см. рис. 109, 1, 5), у основания черепа найдены 3 бронзовые подвески в полтора оборота, нашитые, вероятно, на шапочку (рис. 109, 2–4). Ступни ног погребенной были покрыты тленом фиолетового цвета. В изголовье, вдоль западной стенки, стояли 3 сосуда (см. рис. 107, 7, 8, 10); четвертый, стоящий вдоль северной стенки, располагался перед лицом (рис. 107, 5).

Мои́ла 3 – расположена в центральной части западной половины ограды, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $1,9 \times 0,9 \times 0,6$ м, ориентирована по линии запад – восток. Западная часть ямы перекрыта треснувшей плитой размером $1,15 \times 0,4$ м; обломок плиты размером $0,75 \times 0,7$ м частично перекрывал и центральную часть могилы (см. рис. 106, 1, 4). В заполнении встречены кости скелета взрослой женщины, обломок сосуда (см. рис. 107, 6), две бронзовые подвески в полтора оборота, покрытые золотым листом (см. рис. 109, 11, 12), половина бронзового височного кольца, обтянутого золотой фольгой (рис. 109, 21), бочонковидные брон-

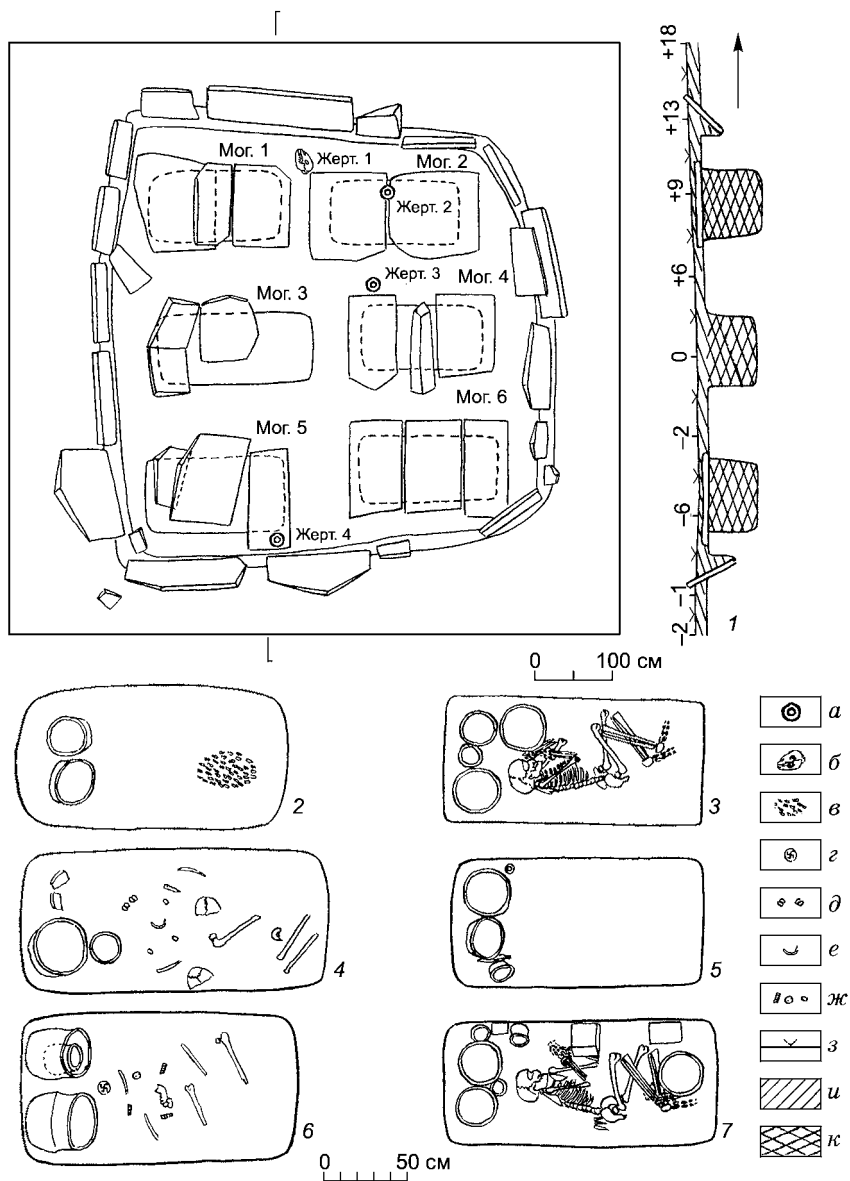

Рис. 106. Могильник Майтан. Ограда 40.

1 – план и разрез раскопа; 2 – могила 1; 3 – могила 2; 4 – могила 3; 5 – могила 4; 6 – могила 5; 7 – могила 6.

a – поминальные сосуды; *б* – череп крупного рогатого скота; *в* – линза кальцинированных костей; *г* – бляшка; *д* – подвески в полтора оборота; *е* – обломок бронзового позолоченного кольца; *ж* – бронзовые украшения; *з* – дерн; *и* – коричневый гумусированный суглинок; *к* – коричневый суглинок

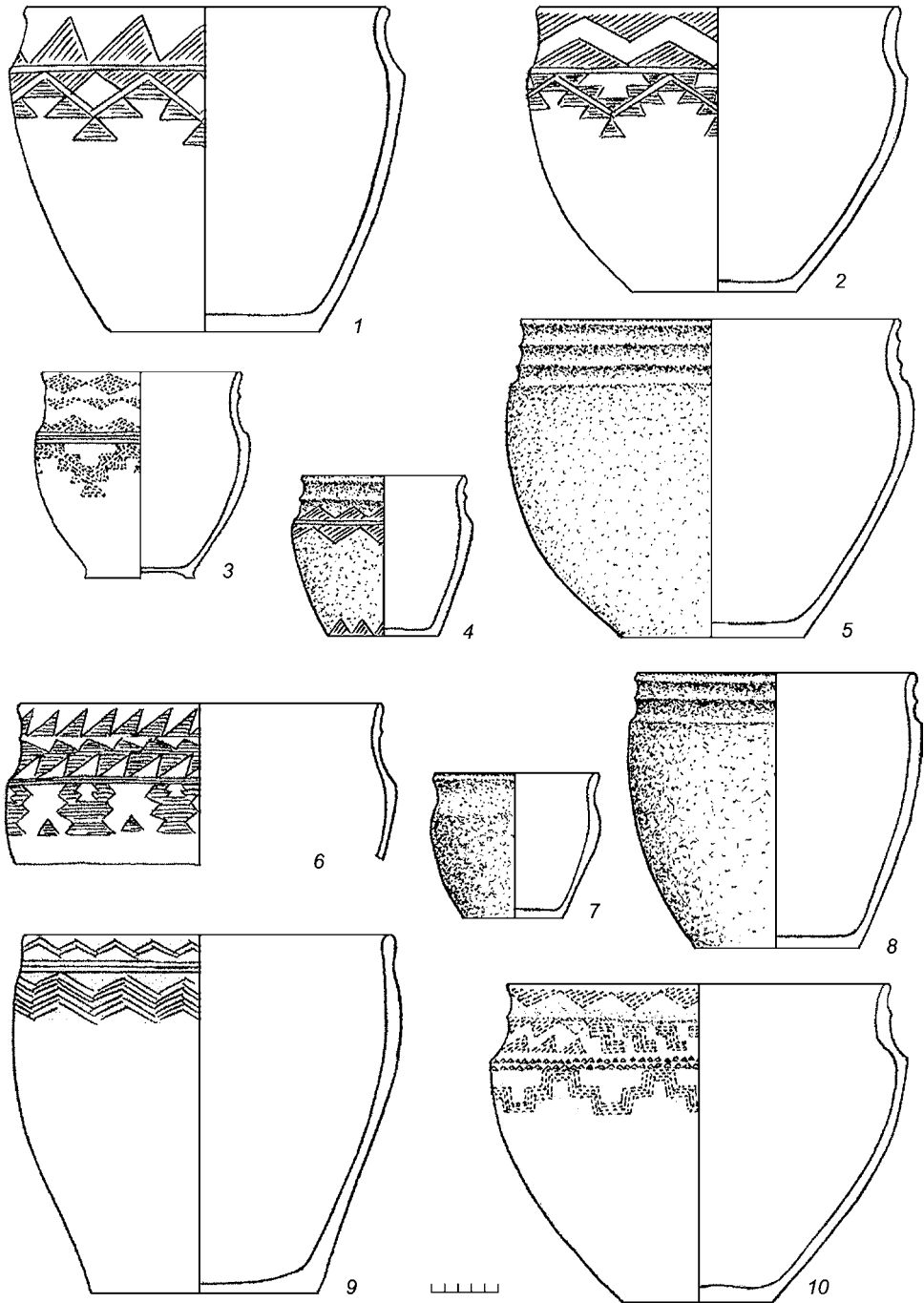

Рис. 107. Могильник Майтан. Ограда 40. Керамика.
 1, 2 – могила 1; 3, 6, 9 – могила 3; 4 – жертвенник 2; 5, 7, 8, 10 – могила 2

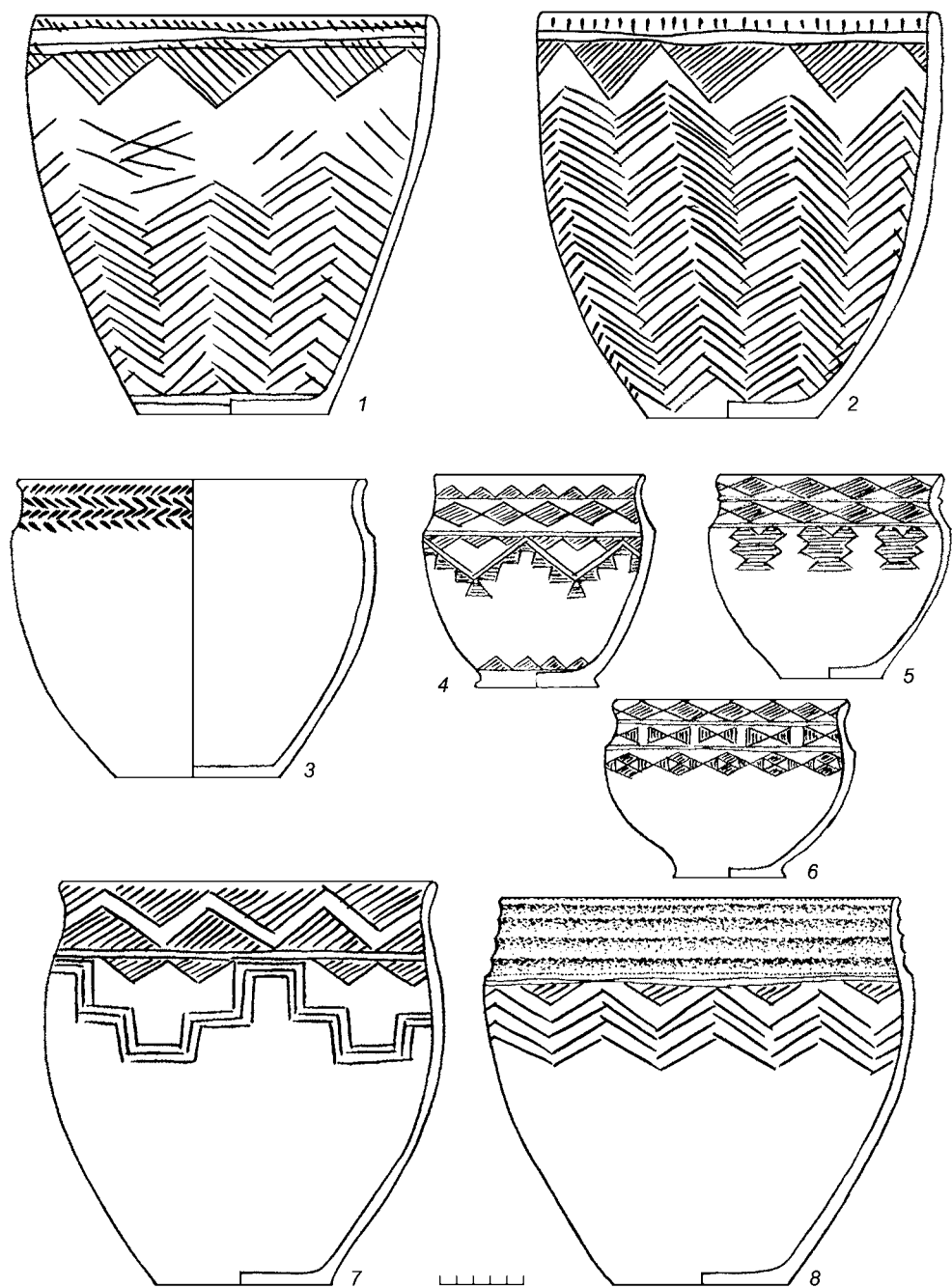

Рис. 108. Могильник Майган. Ограда 40. Керамика.
 1 – жертвенник 3; 2–4 – могила 4; 5, 7, 8 – могила 5; 6 – жертвенник 4

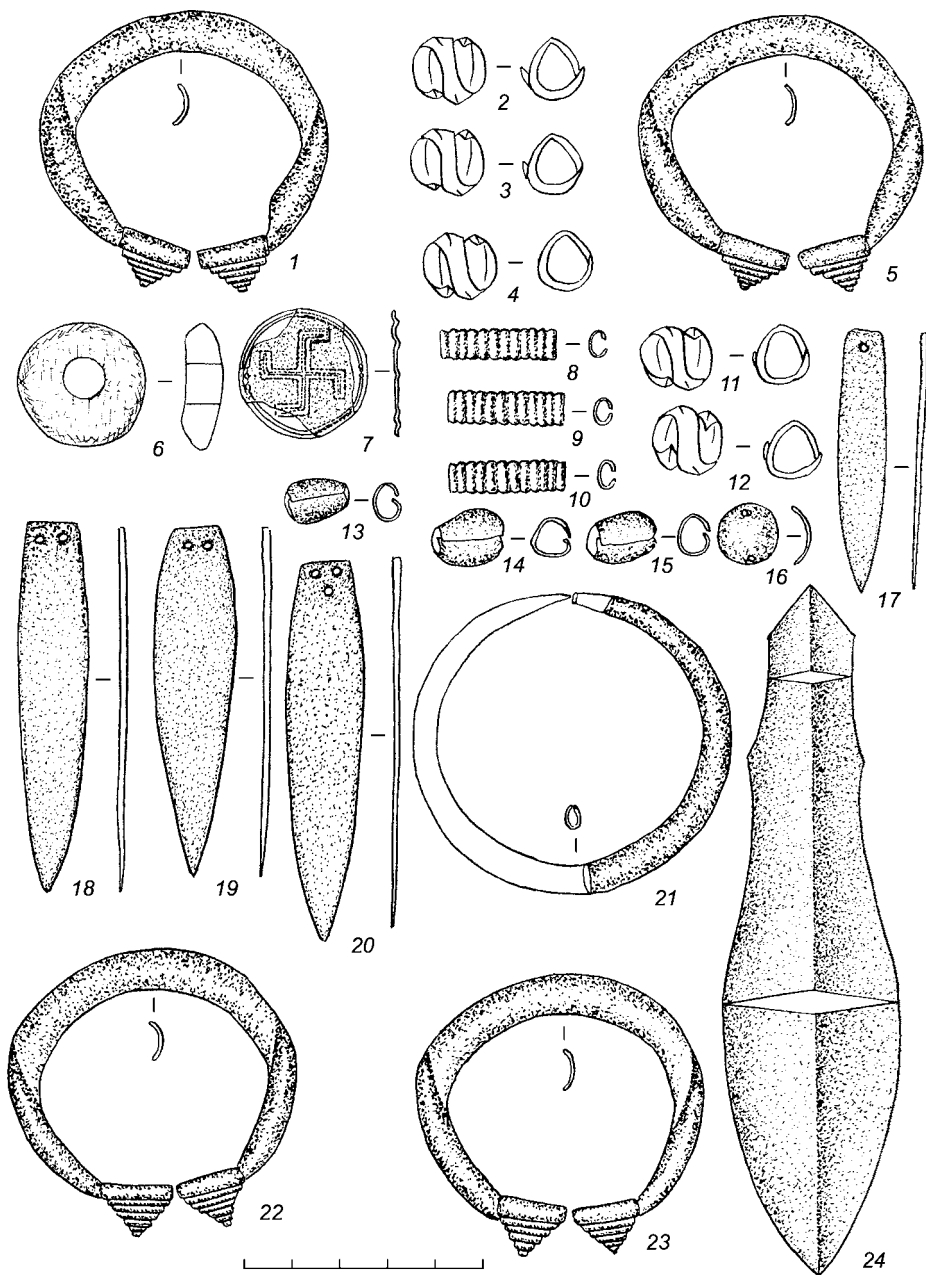

Рис. 109. Могильник Майтан. Ограда 40. Вещевой инвентарь.

1-5 – могила 2; 6, 24 – могила 4; 7-10, 16 – могила 5; 11-15, 17, 21 – могила 3;

18-20, 22, 23 – могила 6.

1-5, 7-10, 13-20, 22-24 – бронза; 11, 12, 21 – бронза-золото; 6 – кость

зовые бусины (рис. 109, 13–15), листовидная подвеска (рис. 109, 17), бронзовая скрепка, 16 бронзовых и 4 пастовые бусины. В юго-западном углу, вдоль южной стенки ямы, стояли 2 сосуда (см. рис. 107, 3, 9).

Могила 4 – расположена в центральной части восточной половины ограды, грунтовая яма прямоугольной формы, размером $1,55 \times 0,8 \times 0,7$ м, ориентирована по линии запад – восток. Западная часть перекрыта плитой размером $1,15 \times 0,6$ м, восточная – плитой размером $1,0 \times 0,7$ м. Центральная часть ямы перекрыта гранитным блоком, прямоугольным в сечении, размером $1,1 \times 0,25 \times 0,15$ м (см. рис. 106, 1, 5). Вдоль западной стенки ямы стояли 3 сосуда (рис. 108, 2–4). Между двумя из них, расположенными в юго-западном углу, был помещен бронзовый нож (см. рис. 109, 24); у северной стенки, рядом с третьим сосудом, находилась костяная пряжка (см. рис. 109, 6).

Перекрытие могилы не потревожено, останки скелета отсутствуют, и поэтому наличие специфического инвентаря позволяет интерпретировать данное захоронение как ритуальный мужской кенотаф.

Могила 5 – расположена в юго-западном секторе ограды, грунтовая яма прямоугольной формы, размером $1,7 \times 0,95 \times 0,6$ м, ориентирована по линии запад – восток. Восточная часть ямы перекрыта неповрежденной плитой размером $1,2 \times 0,5$ м. Плиты, перекрывающие центральный и западный участки ямы, размером $0,8 \times 0,35$ и $1,05 \times 0,8$ м, сдвинуты и слегка запали вовнутрь ямы (рис. 106, 1, 6). В заполнении встречены кости скелета женщины в возрасте около 40 лет и изделия из бронзы: пронизи (рис. 109, 8–10), плоская и выпукло-вогнутая бляшки (рис. 109, 7, 16), 11 бронзовых и одна пастовая бусина. Вдоль западной стенки на боку лежали сосуды: один в юго-западном углу ямы (рис. 108, 7); второй – в северо-западном углу (рис. 108, 8), внутри него находился третий сосуд (рис. 108, 5).

Могила 6 – расположена в юго-восточном секторе ограды, грунтовая яма прямоугольной формы, размером $1,7 \times 0,8 \times 0,6$ м, ориентирована по линии запад – восток. Яму плотно перекрывали 3 поперечно уложенные плиты: западная размером $1,15 \times 0,65$ м, центральная – $1,15 \times 0,75$ м, восточная – $1,2 \times 0,55$ м. Плиты перекрытия опирались на 3 каменных столбика, установленных вдоль северной стенки ямы. Столбики прямоугольного сечения, размером $10 \times 8,0$, 15×15 и 15×18 см, высотой около 60 см (рис. 106, 1, 7). Погребенная – женщина в возрасте около 30 лет – лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. На запястья рук надето по одному бронзовому желобчатому браслету со спиралевидными окончаниями (рис. 109, 22, 23), за спиной у тазовых костей находились 3 листовидные подвески (рис. 109, 18–20). На щиколотках ног обнаружено по низке бронзовых бусин: 37 изделий на левой и 36 на правой ноге. Женщину сопровождало 6 сосудов: четыре стояли в изголовье вдоль западной стенки ямы (рис. 110, 1–4), пятый – у северной стенки перед лицом погребенной (рис. 110, 5), шестой – в ногах, у восточной стенки ямы (рис. 110, 6).

Ограда 41. Погребальное сооружение с дополнительной пристройкой (см. рис. 4; 111, 1).

Ограда А – основная – диаметром около 6 м, часть плит ограждения отсутствовала. Исследовано 2 поминальных комплекса и 3 могилы.

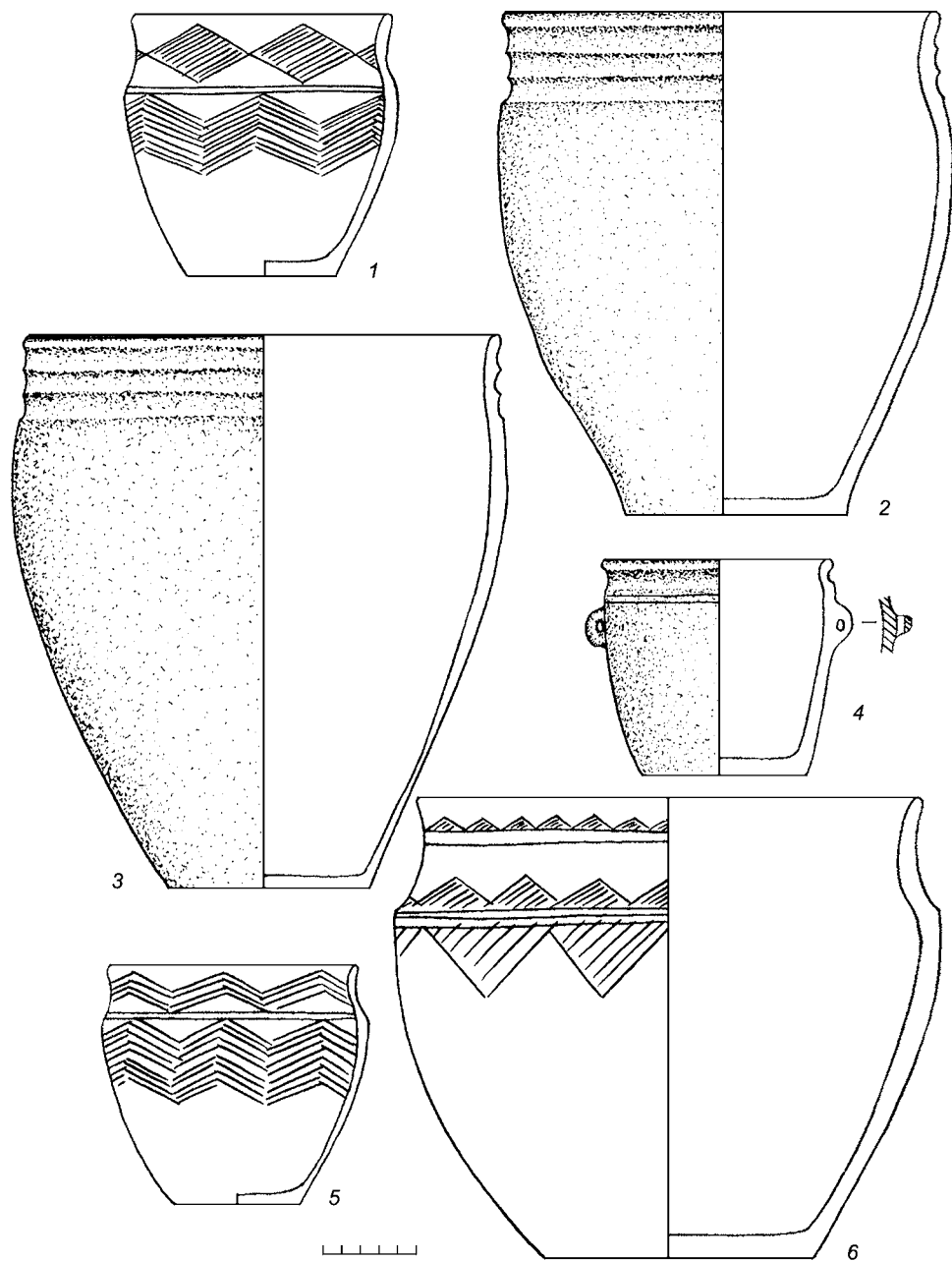

Рис. 110. Могильник Майтан. Ограда 40. Керамика.

1-6 – могила 6

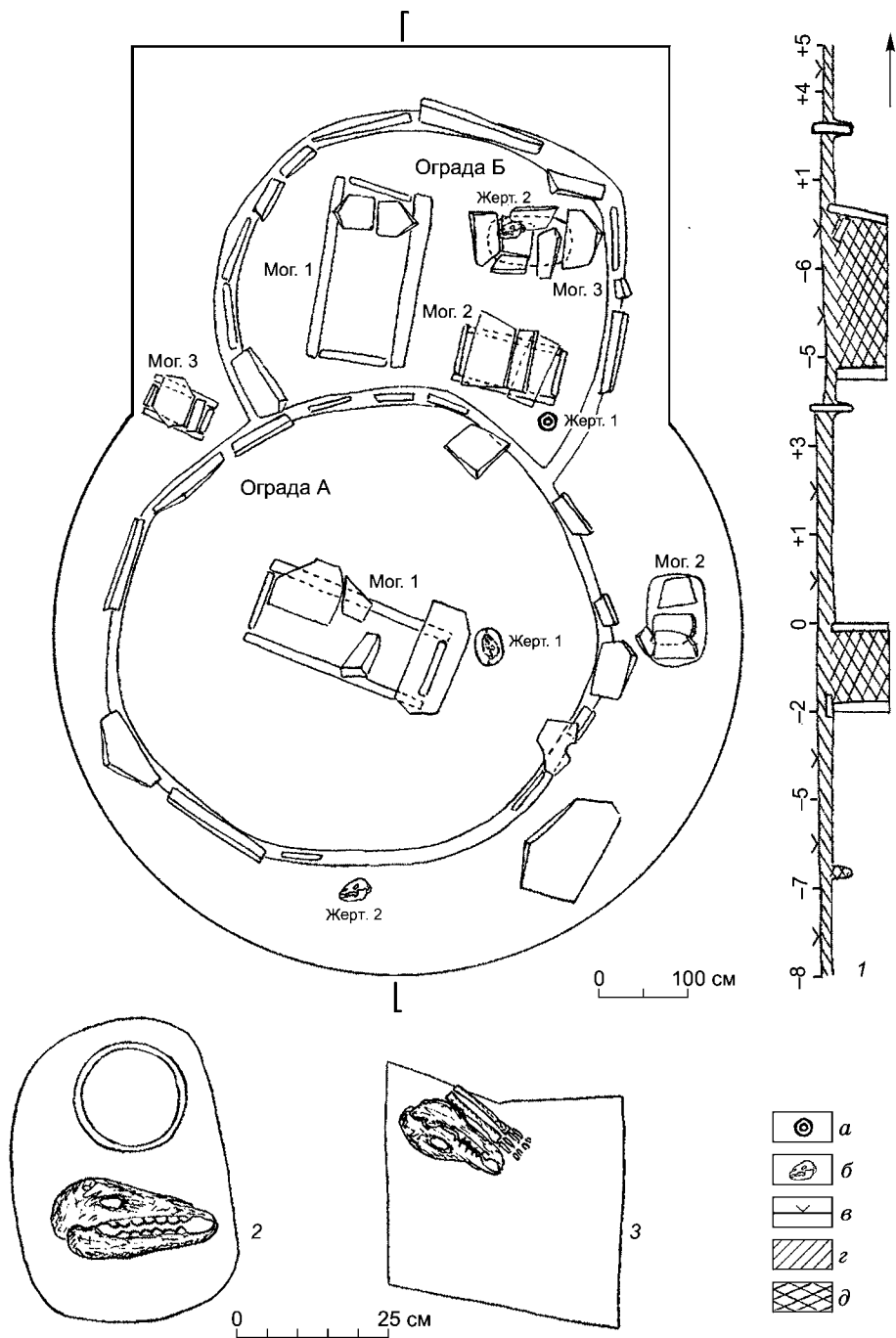

Рис. III. Могильник Майтан. Ограда 41.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда А, жертвенник 1; 3 – ограда Б, жертвенник 2.
 а – поминальный сосуд; б – поминальный комплекс; в – дерн; г – коричневый гумусированный суглинок; д – коричневый суглинок

Жертвенник 1 – располагался близ северо-восточного угла ящика, у восточной кромки неповрежденной плиты перекрытия центральной могилы. Грунтовая яма овальной формы, размером $0,5 \times 0,35 \times 0,15$ м, ориентирована по линии север – юг (рис. 111, 1, 2). В северной половине находился стоящий вверх дном сосуд (рис. 112, 1), в южной – череп крупного рогатого скота, уложенный на левую сторону, с общей ориентацией на восток (см. рис. 111, 2).

Жертвенник 2 – расположен за пределами ограды, у южных плит ограждения. Две путовые кости (бабки) лошади, лежавшие на уровне материка (рис. 111, 1).

Мои́ла 1 – расположена в центре огражденной площадки, каменный ящик размером $2,3 \times 1,0 \times 0,7$ м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Западная торцевая плита выше остальных на 10 см. Восточный сектор ящика перекрыт неповрежденной плитой размером $1,35 \times 0,35$ м. Над западным и центральным секторами обнаружены разбитые плиты перекрытия размером $0,3-0,7 \times 0,4-0,8$ м (рис. 111, 1; 113, 1). В заполнении встречены разрозненные кости скелетов взрослого мужчины и взрослой женщины, фрагменты сосуда (см. рис. 112, 2), три пастовые двусоставные пронизи, обломки бронзового браслета со спиралевидными окончаниями и три подвески из клыков собаки или волка. В северо-восточном углу ящика обнаружены неповрежденные кости голени и стоп женского скелета. Погребенная женщина лежала вдоль северной стенки, на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Захоронение мужчины полностью разрушено: можно предположить, что оно располагалось вдоль южной стенки, за спиной женщины (см. рис. 113, 1).

Мои́ла 2 – расположена за пределами основной ограды с восточной стороны, грунтовая яма овальной формы, размером $1,1 \times 0,7 \times 0,5$ м, ориентирована по линии север – юг. Перекрыта обломками плит, завалившимися вовнутрь ямы в результате обвала стенок, размером $0,5-0,6 \times 0,3-0,4$ м (см. рис. 111, 1; 112, 3). В заполнении ямы встречены обломки поминального сосуда, установленного, вероятно, в процессе захоронения на перекрытие могилы (рис. 112, 10). На дне в северной части ямы обнаружен костяк ребенка в возрасте до полугода, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Перед лицом погребенного стоял сосуд (рис. 112, 12), второй, круглодонный, перевернутый вверх дном, находился за спиной погребенного у западной стенки (рис. 112, 8).

Мои́ла 3 – расположена за пределами основной ограды с северо-западной стороны, каменный ящик размером $0,9 \times 0,5$ м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Глубина от уровня материка $0,45$ м, от уровня плит $0,4$ м; западная торцевая стенка выше восточной на 5 см и выше длинных стенок на 15 см. Перекрыт двумя плитами размером $0,5 \times 0,45$ и $0,45 \times 0,08$ м (см. рис. 111, 1; 113, 5). На дне могилы обнаружено 2 сосуда: один стоял в северо-западном углу (см. рис. 112, 11), второй – у восточной стенки (рис. 112, 13). Останков погребенного не обнаружено.

Ограда Б – пристроена к основной ограде с северной стороны, овальной формы, размером $4,76 \times 3,5$ м. В огражденном пространстве исследованы 2 поминальных комплекса и 3 могилы (см. рис. 111, 1).

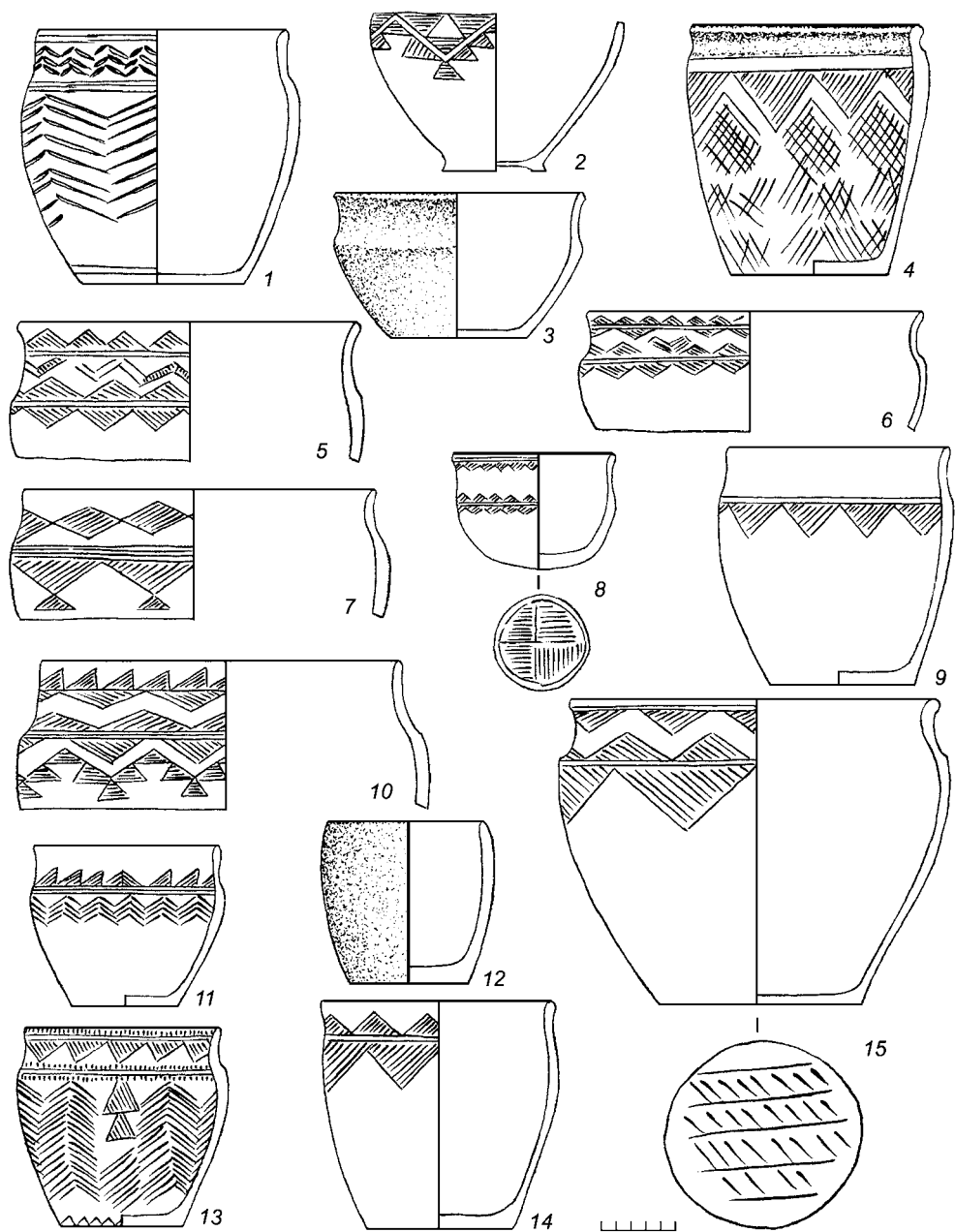

Рис. 112. Могильник Майтан. Ограда 41. Керамика.

1 – ограда А, жертвенник 1; 2 – ограда А, могила 1; 3, 4, 15 – ограда Б, могила 2; 5–7 – ограда Б, могила 1; 8, 10, 12 – ограда А, могила 2; 9 – ограда Б, жертвенник 1; 11, 13 – ограда А, могила 3; 14 – ограда Б, могила 3

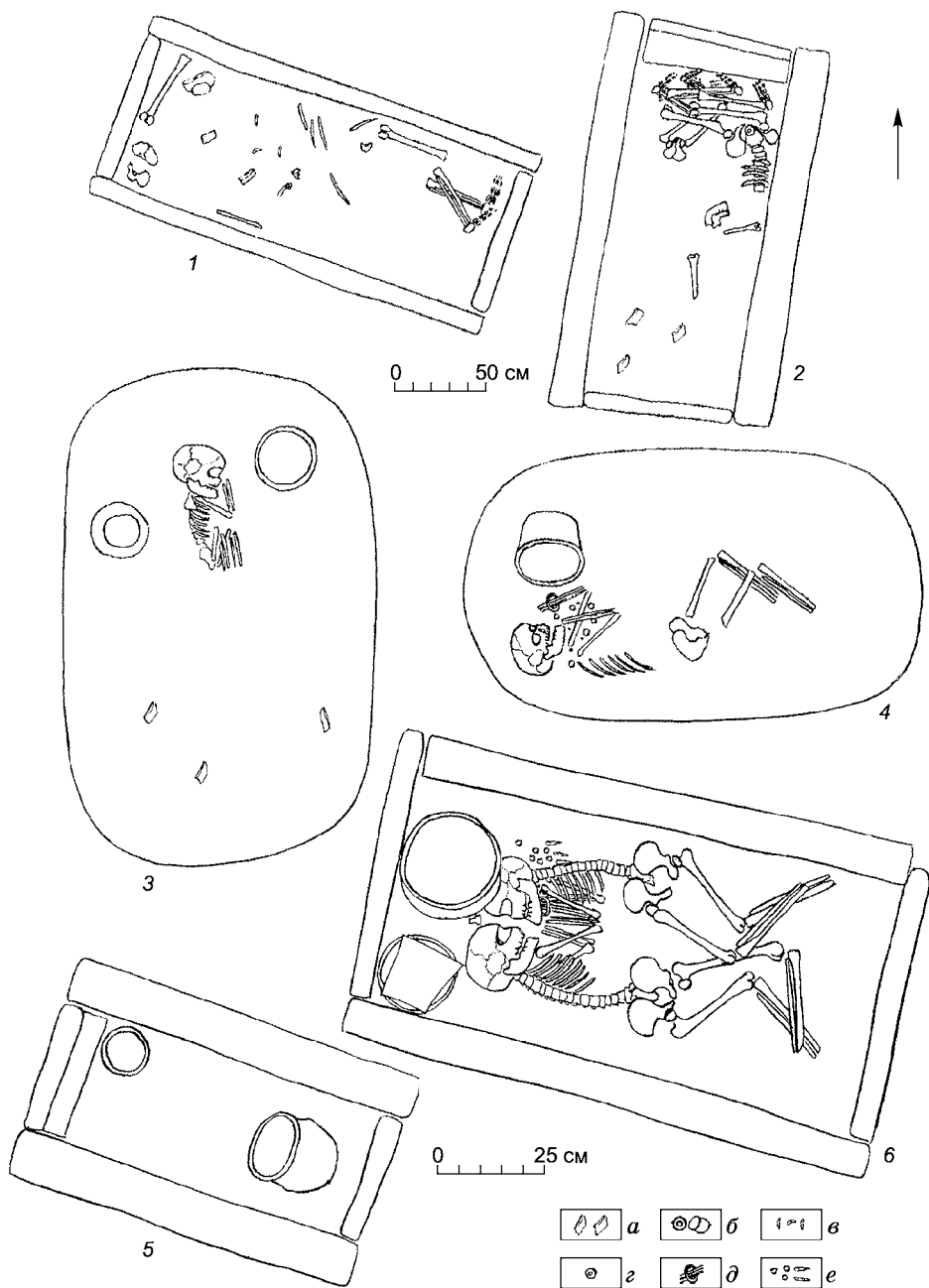

Рис. 113. Могильник Майтан. Ограда 41. Планы захоронений.

1 – ограда А, могила 1; 2 – ограда Б, могила 1; 3 – ограда А, могила 2; 4 – ограда Б, могила 3;
5 – ограда А, могила 3; 6 – ограда Б, могила 2.

а – фрагменты керамики; б – сосуды; в – подвески из клыков; з – пряжка из раковины;
д – браслет; е – украшения

Жертвенник 1 – сосуд, вкопанный в материковый грунт у юго-восточного угла могилы 2 (рис. 111, 1; 112, 9).

Жертвенник 2 – располагался на плите перекрытия, над северо-западным углом могилы 3. Череп крупного рогатого скота, уложенный на правую сторону, с общей ориентацией на юго-восток. Вдоль основания черепа располагались две конечности крупного рогатого скота, ориентированные копытами на юго-восток (см. рис. 111, 1, 3).

Могила 1 – расположена в западной половине ограды, каменный ящик размером $2,15 \times 1,2$ м, ориентирован по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Глубина от уровня материка 0,65 м, от уровня западной стенки 0,55 м. Восточная стенка выше западной на 10 см; южная и северная выше восточной на 5 см. Северная часть перекрыта треснувшей и запавшей вовнутрь плитой, $1,0 \times 0,4$ м (рис. 111, 1; 113, 2). В заполнении найдены обломки трех сосудов (см. рис. 112, 5–7), две бронзовые бочонковидные бусины, нижняя челюсть и две нижние конечности крупного рогатого скота, лежавшие, вероятно, до ограбления на перекрытии могилы, а также разрозненные кости молодого взрослого мужчины и ребенка в возрасте около 10 лет. От мужского скелета непотревоженными сохранились 8 позвонков, нижняя часть грудной клетки, кости таза и ног. Погребенный мужчина был уложен вдоль восточной стенки, на левый бок, в скорченном положении, головой на юг. Кости голени плотно притянуты к бедром, при захоронении они, вероятно, были связаны между собой. На тазовых костях обнаружена пряжка из раковины (см. рис. 114, 15). Вдоль щиколотки левой ноги прослежено два ряда бронзовых бусин, по пять изделий в каждом. От частично сохранившегося костяка ребенка, вероятно, девочки, перекрытого костями мужчины, непотревоженными сохранились кости таза и ног. Девочка лежала вдоль западной стенки, на правом боку, в скорченном положении, головой на юг. На щиколотках ног обнаружено по низке бронзовых бус: на правой ноге – 22, на левой – 21 бусина.

Могила 2 – расположена в юго-восточном секторе пристройки, каменный ящик размером $1,2 \times 0,7 \times 0,5$ м, ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Западная и восточная стенки выше остальных на 10 см. Перекрыт тремя плитами, размер западной плиты $0,9 \times 0,5$ м, центральной – $0,9 \times 0,3$ м, восточной – $0,85 \times 0,4$ м. В могиле исследовано парное захоронение детей (см. рис. 111, 1; 113, 6). Положение костяков скорченное, головой на запад-северо-запад. Дети лежали лицом друг к другу: мальчик в возрасте 8–9 лет – вдоль южной стенки на левом боку; девочка в возрасте 4–5 лет – вдоль северной стенки на правом. Кости левой ноги девочки уложены поверх правой ноги мальчика. В изголовье мальчика обнаружено костяное навершие, в отверстие которого вставлена бронзовая пластинка-клинышек, использовавшаяся для закрепления костяного изделия на деревянном оружии (см. рис. 114, 12, 13). На запястьях рук девочки надето по одному желобчатому браслету со спиралевидными окончаниями (рис. 114, 19, 20). За головой, в области шеи, обнаружено 6 бронзовых бляшек (рис. 114, 6–11), а на уровне лопаток находились 3 листовидные подвески (рис. 114, 16–18). Можно предположить, что бляшки и листовидные подвески связаны с наконечником, закрепленным на коротких волосах девочки или преднамеренно положенным у за-

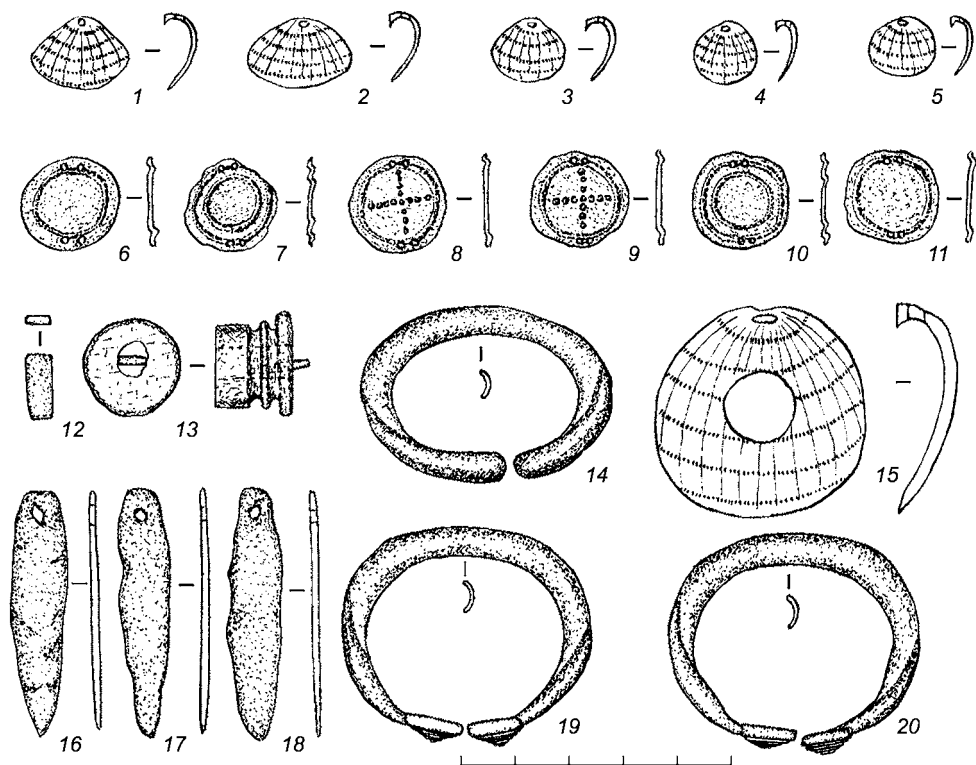

Рис. 114. Могильник Майтан. Ограда 41. Вещевой инвентарь.

1-5, 14 – ограда Б, могила 3; 6-13, 16-20 – ограда Б, могила 2; 15 – ограда Б, могила 1.
1-5, 15 – раковина; 6-12, 14, 16-20 – бронза; 13 – кость

тылочных костей черепа. У основания черепа девочки обнаружены изделия из пасты: две бусины и две двусоставные пронизи. Под черепами, на костях скелетов и под ними, за исключением лицевых костей, прослеживался тлен фиолетового цвета. Детей перед погребением поместили в своеобразную «емкость» с открытым клапаном. В изголовье погребенных стояли 2 сосуда: сосуд в головах мальчика (см. рис. 112, 4) был закрыт керамической крышкой из боковины неорнаментированного сосуда (рис. 112, 3) и имел меньшие размеры по сравнению с тем, который находился в головах девочки (рис. 112, 15).

Могила 3 – расположена в северо-восточном секторе пристройки, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $1,0 \times 0,6 \times 0,5$ м, ориентирована по линии запад – восток. Перекрыта треснувшими, частично запавшими вовнутрь плитами размером $0,6-0,7 \times 0,3-0,7$ м (см. рис. 111, 1; 113, 4). Ребенок в возрасте до полугода* лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. На запястье левой руки был надет желобчатый браслет с несомкнутыми концами (см. рис. 114, 14). В области шеи обнаружены остатки украшений, включавших 5 раковин (рис. 114, 1-5) и 4 пастовые

* Возраст определен В.А. Дремовым, но, судя по размерам могилы и костных останков, возраст погребенной девочки был не менее 3-4 лет.

бусины. Перед лицом погребенного, в северо-западном углу могилы, на боку лежал сосуд (см. рис. 112, 14). На дне ямы фиксировался тлен от подстилки фиолетового цвета.

Ограда 42. Практически не сохранилась, за исключением отдельных плит ограждения, вкопанных в коричневый гумусированный суглинок, расположение которых не позволяет реконструировать форму и размеры погребальной конструкции. В то же время прослеживается уникальная планировка погребальных сооружений: вокруг крупной центральной могилы по окружности расположены детские захоронения. В исследованном пространстве выявлен поминальный комплекс и 7 могил (см. рис. 4; 51).

Жертвенник – расположен в северной части погребальной площадки в 1,5 м к северу от центрального захоронения – поминальный сосуд, стоящий на материке (см. рис. 51; 57, 10).

Могилы 1 – грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,5 × 0,65 × 0,6 м, ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад, перекрыта четырьмя уложенными поперек плитами размером 0,7–1,4 × 0,4–0,75 м. При ограблении часть плит была разбита, сдвинута в сторону и запала вовнутрь (рис. 51; 57, 1). На дне ямы обнаружен потревоженный скелет взрослой женщины – череп, лежащий на теменной части, сдвинут к западной стенке ямы. Погребенная женщина лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-юго-запад. Перед лицом погребенной, вдоль западной стенки, фиксировались два запавших на бок сосуда (рис. 57, 9, 15). На дне близ южной стенки обнаружено бронзовое шило (рис. 57, 6).

Могилы 2 – расположена в 2,5 м к северо-востоку от центральной могилы, с севера ограждена сохранившейся плитой ограждения размером 1,2 × 0,5 м. Каменный ящик размером 0,75 × 0,6 м, ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Глубина от уровня материка 0,2 м, от уровня плит 0,25 м. Перекрыт плитой размером 0,7 × 0,4 м (см. рис. 51; 57, 2). В северо-западном углу ящика стоял сосуд (рис. 57, 13). Останков погребенного не обнаружено.

Могилы 3 – расположена в 1,75 м к северо-востоку от центральной могилы, каменный ящик трапециевидной формы, размером 0,75 × 0,4–0,3 × 0,15 м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Юго-восточная стенка ниже остальных на 15 см. Длинные стенки треснули и слегка запали вовнутрь (см. рис. 51). Инвентаря и останков погребенного не обнаружено.

Могилы 4 – расположена в 2,6 м к северо-востоку от центральной могилы, каменный ящик размером 0,7 × 0,5 × 0,2 м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Юго-восточная стенка ниже остальных на 13 см. (рис. 51; 57, 3). В северном секторе ящика обнаружен раздавленный череп ребенка в возрасте до полугода, лежавшего на левой стороне, других костей скелета не сохранилось. Можно предположить, что погребенный младенец был уложен вдоль западной стенки ящика на левый бок, в скорченном положении, головой на северо-запад. В северо-западном углу ящика, перед лицом погребенного, стоял сосуд (рис. 57, 12). На дне, перед лицевой частью черепа, лежали две бронзовые обоймы: одна находилась у основания жертвенной емкости; вторая, рядом с черепом, в области запястья рук погребенного (рис. 57, 7, 8).

Могила 5 – расположена в 1,5 м к востоку от центральной могилы, грунтовая яма овальной формы, размером $0,6 \times 0,4 \times 0,3$ м, ориентирована по линии север – юг. Перекрыта двумя плитами размером $0,5 \times 0,15$ и $0,65 \times 0,5$ м (рис. 51; 57, 4). На дне, в юго-западном углу ямы, стоял сосуд (рис. 57, 14). Останков погребенного не обнаружено.

Могила 6 – расположена в 1,5 м к юго-юго-западу от центральной могилы, каменный ящик трапециевидной формы, размером $0,75 \times 0,33$ – $0,4$ м, ориентирован по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Глубина от уровня материка $0,3$ м, от уровня северной и восточной стенки $0,35$ м; западная и южная стенки выше на 5 см (рис. 51; 57, 5). Западнее ящика на расстоянии $0,4$ м обнаружены две небольшие плитки размером $0,5 \times 0,3$ и $0,4 \times 0,3$ м, вероятно, от отброшенного в сторону перекрытия могилы. На дне ящика в юго-восточном углу стоял сосуд (рис. 57, 11). Останков погребенного не обнаружено.

Могила 7 – расположена в $1,9$ м к западу от центральной могилы, каменный ящик размером $0,9 \times 0,55$ м, ориентирован по линии север – юг. Глубина от уровня материка $0,3$ м, от уровня плит $0,4$ м (см. рис. 51). Останков погребения не обнаружено.

Ограда 43. Погребальная конструкция неправильно-овальной формы, диаметром 7 м. Исследовано 3 могилы (см. рис. 4; 51).

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $2,15 \times 1,1 \times 0,7$ м, ориентирована по линии запад – восток. Была перекрыта тремя поперечно уложенными плитами: западная размером $1,8 \times 0,8$ м; центральная – $1,8 \times 1,2$ м, восточная – $1,5 \times 1,2$ м. В северной части центральной плиты был пробит грабительский лаз – обломки сдвинуты и запали вовнутрь ямы, северная стенка которой укреплена тремя небольшими плитками (см. рис. 51; 58, 1). В заполнении встречены обломки желобчатого браслета со спиралевидными окончаниями (рис. 58, 14), четыре выпукло-вогнутые нашивные бляшки (рис. 58, 2–5), бочонковидная бусина (рис. 58, 8), обломок спиралевидной подвески (рис. 58, 6) и 6 пастовых бусин.

На дне расчищено частично сохранившееся парное погребение. Взрослый мужчина лежал вдоль южной стенки ямы на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Плечевая кость левой руки расположена почти под прямым углом к туловищу, лучевые кости, согнутые в локтевом суставе, максимально приближены к плечевой кости, кисть руки, частично перекрытая черепом, находится в области левого плеча; кисть правой руки отсутствовала. В головах погребенного, вдоль западной стенки, стояли 2 сосуда: на внутренний край сосуда, находившегося в юго-западном углу ямы (рис. 58, 18), опиралось костяное изделие, вырезанное из диафиза плюсневой кости лошади и украшавшее навершие деревянного орудия, помещенного вовнутрь сосуда (рис. 58, 7); во втором, значительно меньшем по размерам, сосуде (рис. 58, 17) находился бронзовый нож (рис. 58, 15). Последний лежал острием вниз – рукоять изделия едва возвышалась над верхним срезом керамической емкости.

От второго погребенного – молодой женщины – непотревоженными сохранились грудной и поясничный отдел позвоночного столба, часть грудной клетки, кости таза и ног. Погребенная была уложена вдоль северной стенки,

в скорченном положении, головой на запад. На лодыжках ног зафиксировано по две низки сильно коррозированных бронзовых бус, включавших не менее 150 изделий (удалось собрать только 13 бусинок, изготовленных из тонкой ребристой проволоки). В области головы обнаружено бронзовое височное кольцо (рис. 58, 13), к которому были подвешены 4 бронзовые подвески в полтора оборота покрытые листовым золотом (рис. 58, 9–12). Можно предположить, что разрозненные украшения, обнаруженные в заполнении могилы, связаны с головным убором и костюмом женщины, разрушенным в процессе ограбления.

Могила 2 – расположена в юго-западном секторе у плит ограждения, деформированный каменный ящик размером $0,8 \times 0,75$ м, ориентирован по линии запад – восток. Глубина от уровня материка $0,15$ м, от уровня плит $0,3$ м (см. рис. 51). В заполнении найден фрагмент сосуда (см. рис. 58, 16). Останков погребенного не обнаружено.

Могила 3 – расположена за оградой с западной стороны, каменный ящик размером $0,8 \times 0,65$ м, ориентирован по линии север – юг. Глубина от уровня материка $0,25$ м, от уровня северной стенки $0,32$ м; остальные стенки возвышаются над уровнем материка на $0,15$ м (рис. 51). Остатков погребения не обнаружено.

Ограда 44. Погребальное сооружение с дополнительной пристройкой (см. рис. 4; 115, 1).

Ограда А – основная – овальной формы, размером $6,3 \times 5,8$ м, ориентирована по линии север – юг. В огражденном пространстве исследованы 3 поминальных комплекса и 2 могилы, между которыми найден обломок венчика сосуда (рис. 115, 1; 116, 18).

Жертвенник 1 – расположен в северной части ограды, грунтовая яма овальной формы, размером $0,5 \times 0,4 \times 0,2$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. На дне обнаружен череп овцы, уложенный на правую сторону в северной части ямы, с общей ориентацией на юго-запад; южнее параллельно черепу лежали две конечности мелкого рогатого скота копытцами на юго-запад (рис. 115, 1, 2).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт у южных плит ограждения (см. рис. 116, 19), был прикрыт керамической крышечкой (рис. 116, 17).

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт за оградой с юго-западной стороны (рис. 116, 21).

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства, каменный ящик трапециевидной формы, размером $2,25 \times 1,05$ – $1,0$ м, ориентирован по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Глубина от уровня материка $0,6$ м, от уровня плит $0,65$ м. Западная стенка выше восточной на 10 см и выше остальных на 15 см (см. рис. 115, 4). Западный сектор перекрыт поперечно уложенной плитой размером $1,2 \times 0,6$ м. В заполнении встречены разрозненные кости скелета взрослого мужчины, неорнаментированные фрагменты керамики, обломки желобчатого браслета со спиралевидными концами, 3 выпукло-вогнутые нашивные бляшки (см. рис. 116, 14–16) и бронзовая скрепка (рис. 116, 4). На дне у южной стенки ящика найдено 2 костяных наконечника стрел (рис. 116, 1, 3).

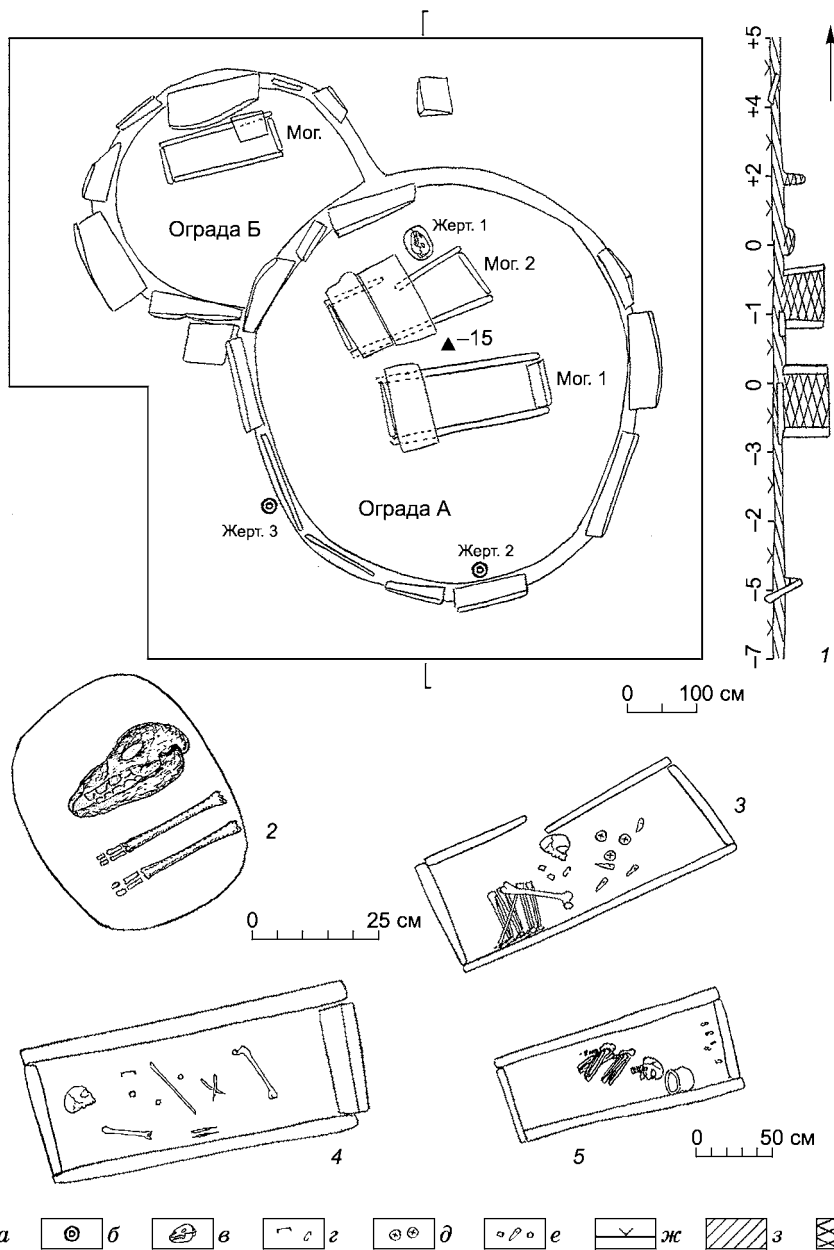

Рис. 115. Могильник Майтан. Ограда 44.

1 – план и разрез раскопа; 2 – жертвенник 1; 3 – ограда А, могила 2; 4 – ограда А, могила 1; 5 – ограда Б, могила.

а – фрагмент керамики; *б* – жертвенный сосуд; *в* – поминальный комплекс; *г* – бронзовые скрепки; *д* – бронзовые бляшки; *е* – бронзовые украшения; *ж* – дерн; *з* – коричневый гумусированный суглинок; *и* – коричневый суглинок

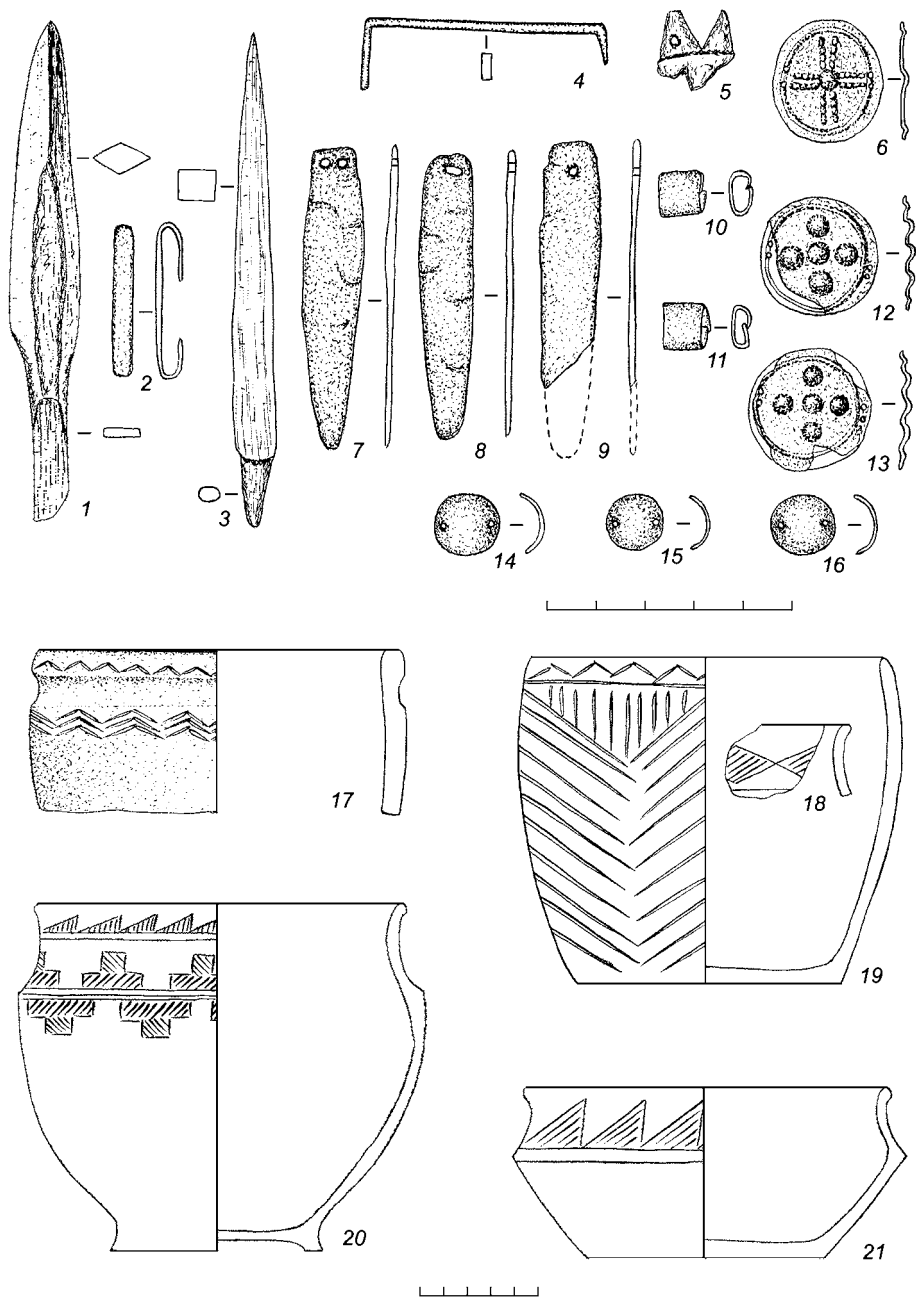

Рис. 116. Могильник Майтан. Ограда 44. Вещевой инвентарь.

1, 3, 4, 14-16 – ограда А, могила 1; 2, 5-13 – ограда А, могила 2; 17, 19 – жертвенник 2;
18 – ограда А, между могилами 1 и 2; 20 – ограда Б, могила; 21 – жертвенник 3.

1, 3, 5 – кость; 2, 4, 6-16 – бронза, 17-21 – глина

Могила 2 – расположена в северном секторе огражденного пространства, деформированный каменный ящик размером $2,2 \times 0,9$ м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Глубина от уровня материка $0,55$ м, от уровня плит $0,6$ м; западная стенка выше восточной на 10 см и выше остальных на 15 см. Западная половина ящика перекрыта двумя поперечно уложенными плитами размером $1,2 \times 0,45$ и $1,3 \times 0,6$ м (см. рис. 115, 1, 3). В заполнении найдены обломки костей двух человеческих скелетов, бронзовые обоймы (рис. 116, 10, 11), три бронзовые листовидные подвески (рис. 116, 7–9), бронзовая скрепка (рис. 116, 2), три бронзовые бляшки (рис. 116, 6, 12, 13), подвеска из коренного зуба лисицы (рис. 116, 5), 40 бронзовых бусин и изделия из пасты: 5 бусин и две пронизи – дву- и трехсоставная. В западной части ящика непотревоженными обнаружены кости голени и стоп молодого мужчины и молодой женщины. Погребенные лежали на правом боку, в скорченном положении, головой на северо-восток: мужчина вдоль северной стенки, женщина – за спиной мужчины, вдоль южной стенки (см. рис. 115, 3).

Ограда Б – пристроена к основной ограде с северо-западной стороны, овальной формы, размером $4,0 \times 3,0$ м (рис. 115, 1, 5). В северной части пристройки расположена могила – каменный ящик трапецевидной формы, размером $1,7 \times 0,65\text{--}0,75$ м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Глубина от уровня материка $0,6$ м, от уровня плит $0,65$ м. Западная стенка выше восточной на 15 см и выше остальных на 20 см. На северной стенке ящика, у северо-восточного угла, лежал обломок плиты перекрытия размером $0,95 \times 0,5$ м. В заполнении могилы встречены обломки двух желобчатых браслетов со спиралевидными окончаниями. На дне, у восточной стенки ящика, найдены разрозненные кости пальцев человеческих рук. В центральной части ящика обнаружено частично сохранившееся парное разнополое погребение, уцелели кости таза и ног: молодая женщина лежала вдоль южной стенки, молодой мужчина располагался у нее за спиной вдоль северной. Женскому скелету принадлежал и череп с прилегающими к нему шейными позвонками, смещенный в процессе ограбления от восточной стенки ящика к центру могилы. Сохранность шейных позвонков говорит о том, что ограбление произошло до разрушения связок. Расположение сохранившихся костных останков позволяет предполагать, что погребенные были не только плотно соединены между собой, но и, возможно, привязаны друг к другу, о чем свидетельствуют частично переплетенные между собой кости ног. Мужчина и женщина лежали на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-восток (рис. 115, 5). В восточной половине, у южной стенки ящика, обнаружен лежащий на боку сосуд (рис. 116, 20), установленный первоначально перед лицом погребенных.

Ограда 45. Погребальная конструкция округлой формы, диаметром $4,5$ м (см. рис. 4). В огражденном пространстве исследованы 2 поминальных комплекса и 2 могилы (см. рис. 72).

Жертвенник 1 – поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт в юго-восточном секторе ограды (см. рис. 81, 5).

Жертвенник 2 – поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт у плит ограждения в северо-западном секторе ограды (рис. 81, 4), накрытый каменной плиткой размером $0,4 \times 0,3$ м.

Могила 1 – расположена в центре огражденного пространства, каменный ящик трапецевидной формы, размером $2,1 \times 1,0-0,8 \times 0,5$ м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Юго-восточная стенка выше северо-западной на 23 см и выше длинных стенок ящика на 18 см. Южная часть ящика перекрыта плитой, расколовшейся на две части, частично запавшие вовнутрь, размером $0,75 \times 0,4$ м (см. рис. 72; 81, 2). В заполнении найдены кости скелета взрослого мужчины, обломки сосуда (рис. 81, 3) и две бронзовые бусины.

Могила 2 – расположена в северной части огражденного пространства, деформированный каменный ящик размером $1,3 \times 1,0$ м, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Глубина от уровня материка 0,3 м, от уровня плит 0,5 м. Плиты перекрытия отсутствовали (см. рис. 72; 81, 1). В заполнении встречены кости ребенка в возрасте до одного года, неорнаментированные фрагменты керамики и две бронзовые бусины.

Ограда 46. Овальной формы, размером $6,5 \times 6,0$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В огражденном пространстве исследованы 6 поминальных комплексов и могила (см. 4; рис. 72).

Жертвенник 1 – 2 поминальных сосуда, впущенных в материковый грунт у плит ограждения в северо-западном секторе ограды (рис. 82, 6, 7).

Жертвенник 2 – расположен в северной части ограды, грунтовая яма овальной формы, размером $0,45 \times 0,3 \times 0,15$ м, ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад (см. рис. 72; 73, 8). На дне у северной стенки ямы стоял сосуд (см. рис. 82, 13), в центре находился череп крупного рогатого скота, уложенный на правую сторону, с общей ориентацией на запад-северо-запад; южнее параллельно черепу лежали две конечности крупного рогатого скота копытцами на запад-северо-запад.

Жертвенник 3 – поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт у восточных плит ограждения (см. рис. 72; 82, 16).

Жертвенник 4 – поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт у южных плит ограждения (рис. 72; 82, 8), накрытый керамической крышкой (рис. 82, 17).

Жертвенник 5 – поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт за оградой с северной стороны (рис. 72; 82, 14), накрытый керамической крышкой (рис. 72; 82, 11).

Жертвенник 6 – поминальный сосуд, вкопанный в материковый грунт за оградой с северо-западной стороны (рис. 72; 82, 15).

Могила – расположена в центре огражденной площадки, каменный ящик размером $2,1 \times 1,2$ м, ориентирован по линии запад – восток, с незначительным отклонением к северу. Глубина от уровня материка 0,7 м, от уровня плит 0,8 м. На западной торцевой стенке ящика лежал обломок плиты перекрытия размером $0,85 \times 0,8$ м (рис. 72; 82, 1). В заполнении ящика встречены кости женщины, обломки четырех сосудов (рис. 82, 9, 10, 12, 18), бронзовая подвеска в полтора оборота (рис. 82, 3) и бронзовая скрепка (рис. 82, 2). На дне могилы, у южной стенки, близ юго-западного угла ящика, обнаружены остатки деревянного изделия, скрепленного двумя крупными скрепками (рис. 82, 4, 5). В придонной части ящика исследовано парное ярусное захоронение.

Первый погребенный – взрослый мужчина – лежал на дне ящика на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад. Его сопровождал сосуд, помещенный в северо-западный угол могилы (рис. 82, 19). Погребенного перекрывал обломок плиты размером 0,5 × 0,35 м, запавший в могилу в процессе вторичного захоронения женщины и располагавшийся на 10–12 см выше дна ящика.

Второй погребенный – женщина в возрасте не моложе 40 лет. Перекрывала не только захоронение мужчины, но и обломок рухнувшей плиты перекрытия. Непотревоженными сохранились кости левой руки, левая кость таза, бедро и голень левой ноги. Женщина, перекрывавшая костяк мужчины, лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на запад-северо-запад.

Ограда 47. Яма округлой формы, диаметром 2,5 м, глубина от уровня материка 0,45 м (см. рис. 4; 117). Стенки ямы по периметру обложены гранитными блоками и отдельными гранитными плитами, возвышающимися над современной дневной поверхностью на 0,1–0,2 м. Внутреннее пространство конструкции, заполненное плотным черным гумусированным суглинком, перекрыто забутовкой из небольших ломаных камней. На дне, в центре огражденного пространства, располагалось округлое углубление диаметром 0,4 м, глубиной 0,1 м. На дне углубления обнаружена кость длинной конечности и 3 коренных зуба лошади.

Ограда 48. Расположена в 2 м к северу от ограды 30, овальной формы, размером 5,5 × 4,5 м, ориентирована по линии север-юг (см. рис. 4). В огражденном пространстве исследованы поминальный комплекс и две могилы (см. рис. 83, 1).

Жертвенник – сосуд, вкопанный в материковый грунт между восточной стенкой могилы 1 и плитами ограждения, был перекрыт каменной плиткой размером 0,2 × 0,25 м (рис. 83, 1; 85, 5).

Могилы 1 – расположена в южной половине ограды, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,95 × 1,2 × 0,6 м, ориентирована по линии запад – восток (см. рис. 83, 1, 3). Яма перекрыта тремя поперечно уложенными плитами. Западная, размером 1,2 × 0,9 м, и восточная, размером 1,15 × 0,9 м, не потревожены. Центральная плита перекрытия, размером 1,1 × 0,5 м, в процессе ограбления была сдвинута и обнаружена стоящей вертикально вдоль восточной стенки ямы. Плиты перекрытия запали вовнутрь ямы в результате обвала стенок при ограблении могилы. Размеры придонной части ямы 1,8 × 0,8 м. На дне ямы в неповрежденном состоянии обнаружены кости ног и кисть левой руки взрослого мужчины, лежавшего на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кости кисти покрыты тленом фиолетового цвета; возможно, на руку было надето изделие из войлока или кожи. Между кистью и стенкой ямы лежал бронзовый нож-копье с несомкнутой втулкой (см. рис. 85, 1). Во втулке пробиты два отверстия для крепления древка, от которого сохранились кусочки древесного тлена. Древко лежало параллельно телу мужчины, его длина около 90 см. У оконечности древка, у изгиба колена левой ноги, найден амулет-подвеска из резцового зуба лошади (рис. 85, 2). В области головы погребенного обнаружено 7 бронзовых

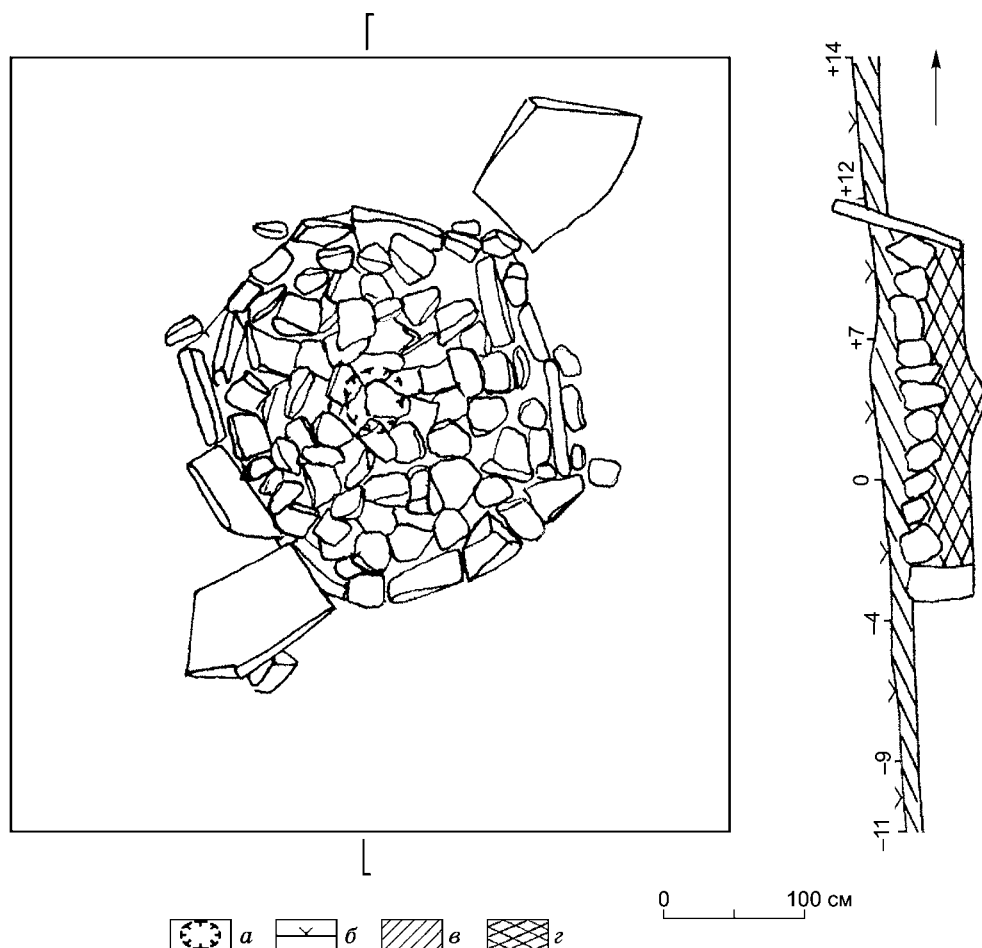

Рис. 117. Могильник Майтан. Ограда 47. План и разрез раскопа.

a – ямка; *б* – дерн; *в* – коричневый гумусированный суглинок; *г* – коричневый суглинок

и 7 пастовых бусинок. На щиколотках ног прослежено по две низки бронзовых украшений, расположенных параллельно костям голени и украшавших кожаную обувь погребенного мужчины. Длина каждой низки, включающей разнотипные украшения, 6–7 см. Бронзовые изделия чередуются сверху вниз в следующем порядке: три ребристые бусины – бочонковидная бусина – пронизка – три ребристые бусины – бочонковидная бусина – три ребристые бусины. Вдоль западной стенки ямы, в изголовье погребенного, стояли 3 сосуда (рис. 85, 4, б, 7). В заполнении сосудов обнаружены мелкие кости животных плохой сохранности, выглядевшие рыхлыми и обгоревшими. Можно предположить, что в качестве заупокойной пищи мужчину сопровождал налитый в сосуды мясной бульон.

Могила 2 – расположена в северной половине ограды, каменный ящик размером 1,6 × 1,0 м, ориентированный по линии запад – восток. Глубина

от уровня материка 0,45 м, от уровня северной стенки 0,55 м. Южная стенка выше северной на 10 см; западная и восточная стенки выше южной на 5 см. От плит перекрытия сохранились два обломка размером $0,8 \times 0,3$ и $0,4 \times 0,35$ м (см. рис. 83, 1, 6). В заполнении встречены разрозненные кости скелета ребенка в возрасте 8–10 лет, обломки сосуда (рис. 85, 3) и бронзовая бусина.

Ограда 49. Расположена в северной части могильника, сильно пострадала при строительстве плотины (см. рис. 4). Плиты ограды раздроблены, и их обломки сохранились только в заполнении канавки; в восточном секторе очертания канавки не прослеживались. Реконструируется надмогильная конструкция неправильно-овальной формы, размером $7,0 \times 6,0$ м, ориентированная по линии север – юг. В исследованном погребальном пространстве обнаружены поминальный комплекс и 3 могилы (см. рис. 95, 1).

Жертвенник – расположен в северо-восточном секторе ограды, скопление костей от двух конечностей крупного рогатого скота, обнаруженных на уровне материка и уложенных, по-видимому, по линии северо-запад – юго-восток, попытками на северо-запад.

Могилы 1 – расположена в центре огражденного пространства, сильно деформированный каменный ящик, размером $2,65 \times 1,0 \times 0,6$ м, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Восточная половина ящика перекрыта плитой размером $1,05 \times 1,0$ м. В заполнении обнаружены разрозненные кости скелета человека. В неповрежденном состоянии обнаружены большая и малая берцовые кости левой ноги человека, судя по которым взрослый мужчина (?) лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад (см. рис. 100, 1).

Могилы 2 – расположена в северо-восточном секторе исследованного пространства, для ее сооружения удалили несколько северо-восточных плит ограждения. Грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $0,6 \times 0,25 \times 0,25$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Яма плотно перекрыта двумя каменными плитками размером $0,5 \times 0,35$ и $0,6 \times 0,35$ м. Вдоль западной и южной сторон ямы прослеживаются небольшие, вертикально вкопанные плитки, свидетельствующие о попытке соорудить дополнительную пристройку в пределах существующей погребальной конструкции (см. рис. 95; 100, 2). На дне ямы у северной стенки стоял сосуд (рис. 100, 6). Останков погребенного не обнаружено.

Могилы 3 – расположена за оградой с северо-западной стороны, грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером $0,6 \times 0,3 \times 0,2$ м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад; перекрыта гранитной плитой размером $0,8 \times 0,6$ м (рис. 95, 1). От погребенного ребенка в возрасте до одного года сохранился череп, кости правой и предплечье левой руки. Погребенная девочка лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад (см. рис. 100, 3). На запястья рук надето по бронзовому желобчатому браслету с несомкнутыми концами (рис. 100, 4, 5). Перед лицом погребенной, в северо-западном углу, стоял сосуд (рис. 100, 7), накрытый керамической крышкой, сделанной из обломка неорнаментированной придонной части крупного сосуда.

Ограда 50. Надмогильная конструкция, располагавшаяся в зоне строительства, практически полностью разрушена при сооружении плотины (см. рис. 4). Верхний слой срезан до уровня материкового грунта на глубину 20–25 см, и на современной разрушенной поверхности просматривались только отдельные плиты и раздробленные каменные стенки могил. Над местом предполагаемой надмогильной конструкции заложен раскоп прямоугольной формы размером 10 × 9 м, ориентированный по сторонам света. Форма основной ограды и пристроек реконструирована по остаткам канавок, выявленных при зачистке материковой поверхности. В раскопе исследована погребальная конструкция с двумя дополнительными пристройками (рис. 118, 1).

Ограда А – основная – овальной формы, размером 5,5 × 4,5 м, ориентирована по линии север – юг. В северном секторе ограды в канавке сохранился обломок плиты ограждения, у основания которой обнаружен поминальный комплекс – сосуд, вкопанный в материковый грунт, рассыпавшийся при расчистке. В центре огражденной площадки располагалась могила – каменный ящик размером 2,4 × 1,25 × 0,7 м, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад (рис. 118, 1, 4). В заполнении встречена подвеска из клыка лисицы (рис. 119, 7). На дне обнаружено частично сохранившееся парное разнополое захоронение. От мужского скелета уцелели 5 позвонков поясничного отдела, кости таза и ног. Мужчина в возрасте 25–40 лет лежал вдоль южной стенки на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Ступни ног мужчины покрыты тленом фиолетового цвета. У южной стенки ящика, на уровне бедер мужчины, найдено навершие камчи (кнута), верхней частью направленное к костям таза, вырезанное из рога лося или марала (рис. 119, 11). Можно предположить, что камча была подвешена к поясу погребенного. От костяка женщины непотревоженными сохранились 3 позвонка поясничного отдела, кости таза и ног. Женщина в возрасте около 20 лет лежала лицом к мужчине, вдоль северной стенки на правом боку, головой на юго-запад, с горизонтально уложенными ногами, едва присогнутыми в коленях. На щиколотках ног погребенной обнаружено по низке бронзовых бус, включающих 91 изделие: 46 на правой и 45 на левой ноге. Захоронение мужчины и женщины совершено одновременно, так как кости ног взаимно перекрываются: кости правой ноги женщины перекрывают кости левой ноги мужчины и в то же время ступня правой ноги мужчины – ступню правой ноги женщины.

Ограда Б – пристроена к ограде А с восточной стороны, овальной формы, размером 4,0 × 3,75 м. В огражденном пространстве находился спаренный ящик, сопровождавшийся двумя поминальными комплексами – сосудами, вкопанными в материковый грунт у северо-восточного (рис. 120, 5) и юго-западного (рис. 120, 4) угла погребальной конструкции.

Могила 1 – южная спаренного ящика, размером 2,0 × 1,0 × 0,6 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Западный и центральные сектора ящика перекрыты каменными плитами размером 0,9 × 0,65 и 1,3 × 0,6 м (см. рис. 118, 1, 2). В заполнении встречены разрозненные кости скелета взрослого мужчины и молодой женщины. У северной стенки, близ северо-западного угла, обнаружен раздавленный сосуд (см. рис. 120, 6), а в юго-восточном углу ящика найдена пряжка из рога лося или марала (см. рис. 119, 1).

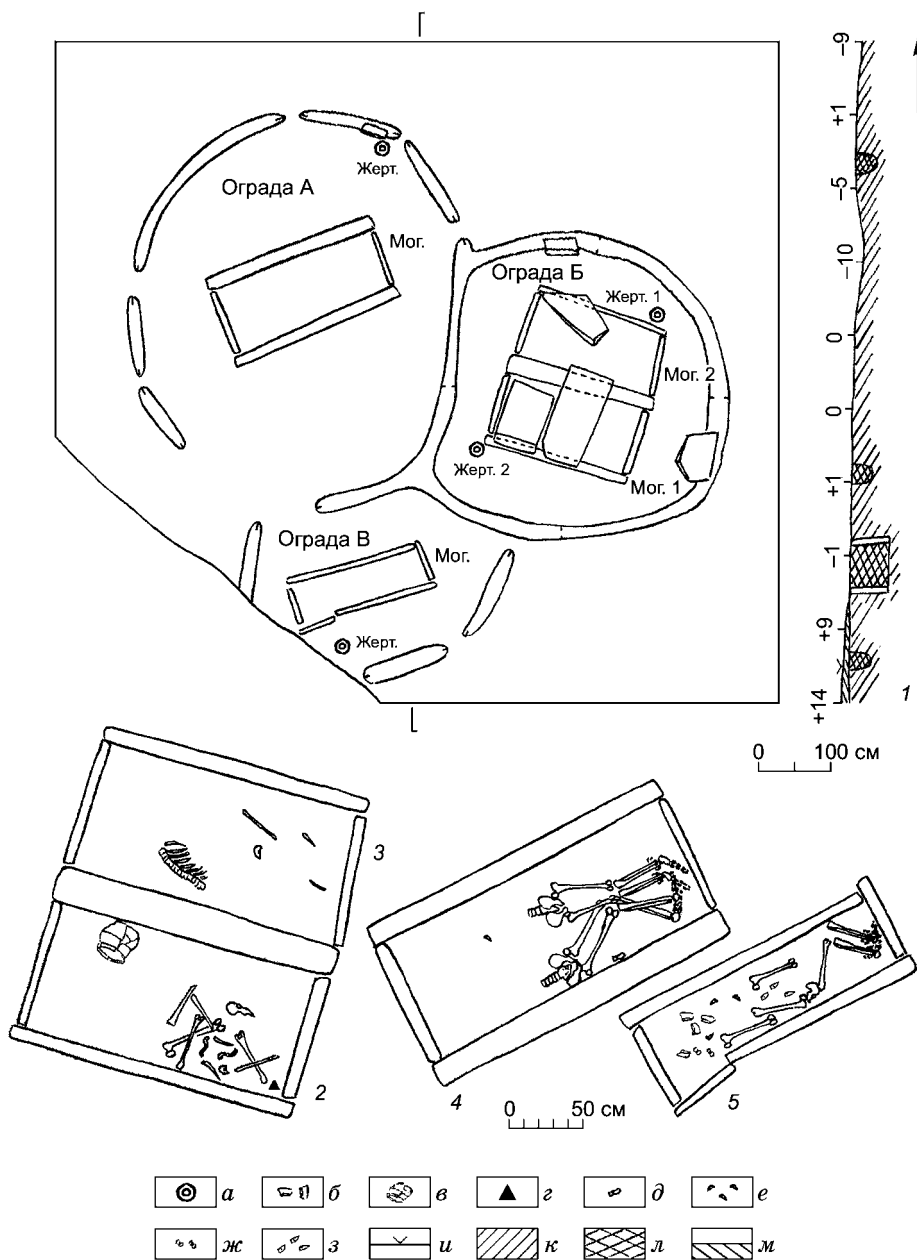

Рис. 118. Могильник Майтан. Ограда 50.

1 – план и разрез раскопа; 2 – ограда Б, могила 1; 3 – ограда Б, могила 2; 4 – ограда А, могила; 5 – ограда В, могила.

a – поминальный сосуд; *б* – фрагменты керамики; *в* – развал сосуда; *г* – костяная пряжка; *д* – костяное навершие камчи; *е* – подвески из клыков; *ж* – подвески в полтора оборота; *з* – листовидные бронзовые подвески; *и* – дерн; *к* – коричневый гумусированный суглинок; *л* – коричневый суглинок; *м* – желтая материковая глина

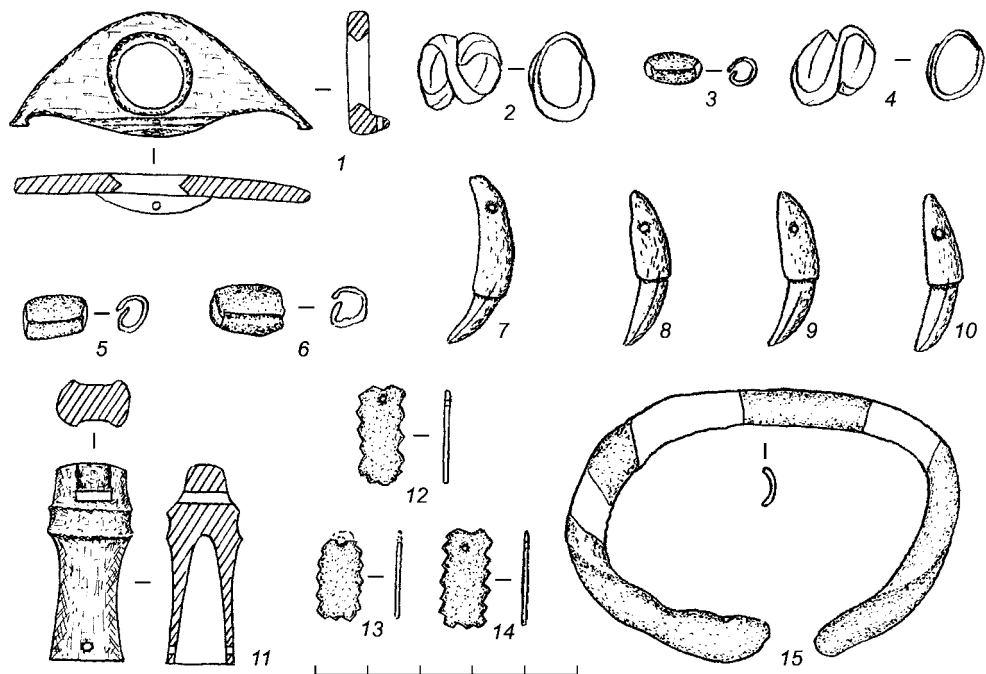

Рис. 119. Могилиник Майтан. Ограда 50. Вещевой инвентарь.

1 – ограда Б, могила 1; 2, 4–6, 8–10, 12–14 – ограда В, могила; 3, 15 – ограда Б, могила 2;
7, 11 – ограда А, могила.

1, 7–11 – кость; 2, 4 – бронза-золото; 3, 5, 6, 12–15 – бронза

Могила 2 – северная спаренного ящика, размером $2,0 \times 1,0 \times 0,6$ м, толщина общей стенки с могилой 1 – 22–26 см, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Северная стенка перекрыта обломком плиты размером $1,0 \times 0,4$ м (см. рис. 118, 1, 3). В заполнении встречены разрозненные кости скелета старой женщины и ребенка в возрасте до полугода, бочонковидная бусина (см. рис. 119, 3), обломки желобчатого браслета с несомкнутыми концами (рис. 119, 15), 29 бронзовых и 4 пастовые бусины. В центральной части, у южной стенки ящика, обнаружен неповрежденный участок позвоночного столба с прилегающими к нему останками грудной клетки. Судя по сохранившимся частям скелета, погребенная женщина была уложена на левый бок, скорченно, головой на северо-запад.

Ограда В – частично разрушена оврагом, была пристроена к южным секторам оград А и Б. По сохранившимся канавкам для размещения плит ограждения реконструируется надмогильная конструкция неправильно-овальной формы, размером $3,6 \times 2,5$ м, ориентированная в широтном направлении (см. рис. 118, 1). В центре огражденного пространства находилась могила в сопровождении поминального комплекса – сосуда, впущенного в материковый грунт между южной стенкой могилы и ограждением (см. рис. 120, 1).

Могила – деформированный каменный ящик неправильно-прямоугольной формы, размером $1,95 \times 0,7-0,75 \times 0,55$ м, ориентирован по линии северо-

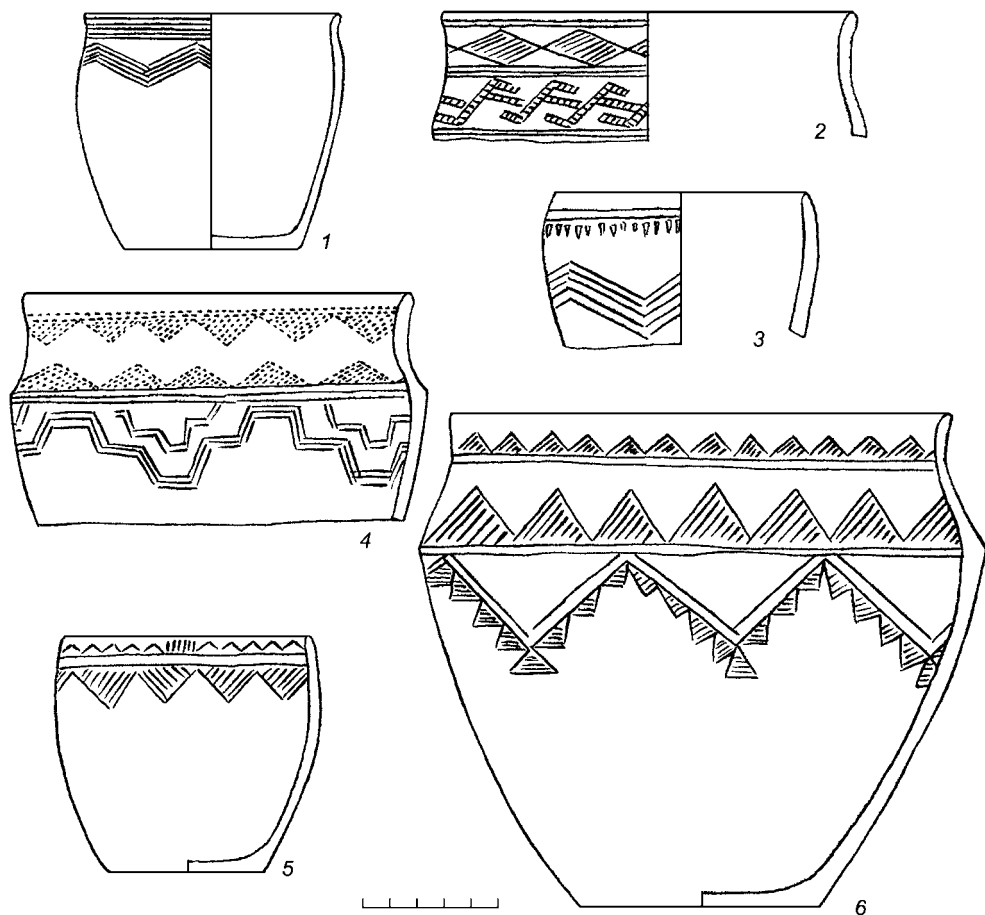

Рис. 120. Могильник Майтан. Ограда 50. Керамика.

1 – ограда В, жертвенник; 2, 3 – ограда В, могила; 4 – ограда Б, жертвенник 2; 5 – ограда Б, жертвенник 1; 6 – ограда Б, могила 1

ро-восток – юго-запад; плиты перекрытия отсутствовали (см. рис. 118, 1, 5). В заполнении встречены останки мужского и женского скелетов, обломки двух сосудов (см. рис. 120, 2, 3), бронзовые подвески в полтора оборота, покрытые золотым листом (см. рис. 119, 2, 4), бронзовые лапчатые подвески (рис. 119, 12–14), подвески из клыков лисицы (рис. 119, 8–10), 2 бронзовые бочонковидные (рис. 119, 5, 6) и 4 пастовые бусины.

Особенности устройства ящика (ширина внутреннего пространства 45–55 см), костные останки людей и вещевой инвентарь позволяют предполагать ярусное захоронение. От женщины в возрасте 18 лет, лежавшей на дне могилы, потревоженными сохранились кости голени и стопа правой и кости ног левой ноги. Молодая женщина лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. На щиколотках ног зафиксировано по низке бронзовых бус: 24 бусины на правой и 25 на левой ноге. Узкое внутреннее пространство

ящика не позволяло поместить мужчину и женщину рядом на одном уровне. Захоронение мужчины занимало верхний ярус, перекрывая женское. В результате ограбления захоронение мужчины было разрушено полностью, а женщины – только частично. Большая часть останков погребенных и потерянный инвентарь находились в смешанном состоянии в западной половине ящика.

Ограда 51. Наброска из небольших колотых камней удлиненно-овальной формы, размером $5,5 \times 4,5$ м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток (см. рис. 4; 121). Остатков погребений не обнаружено.

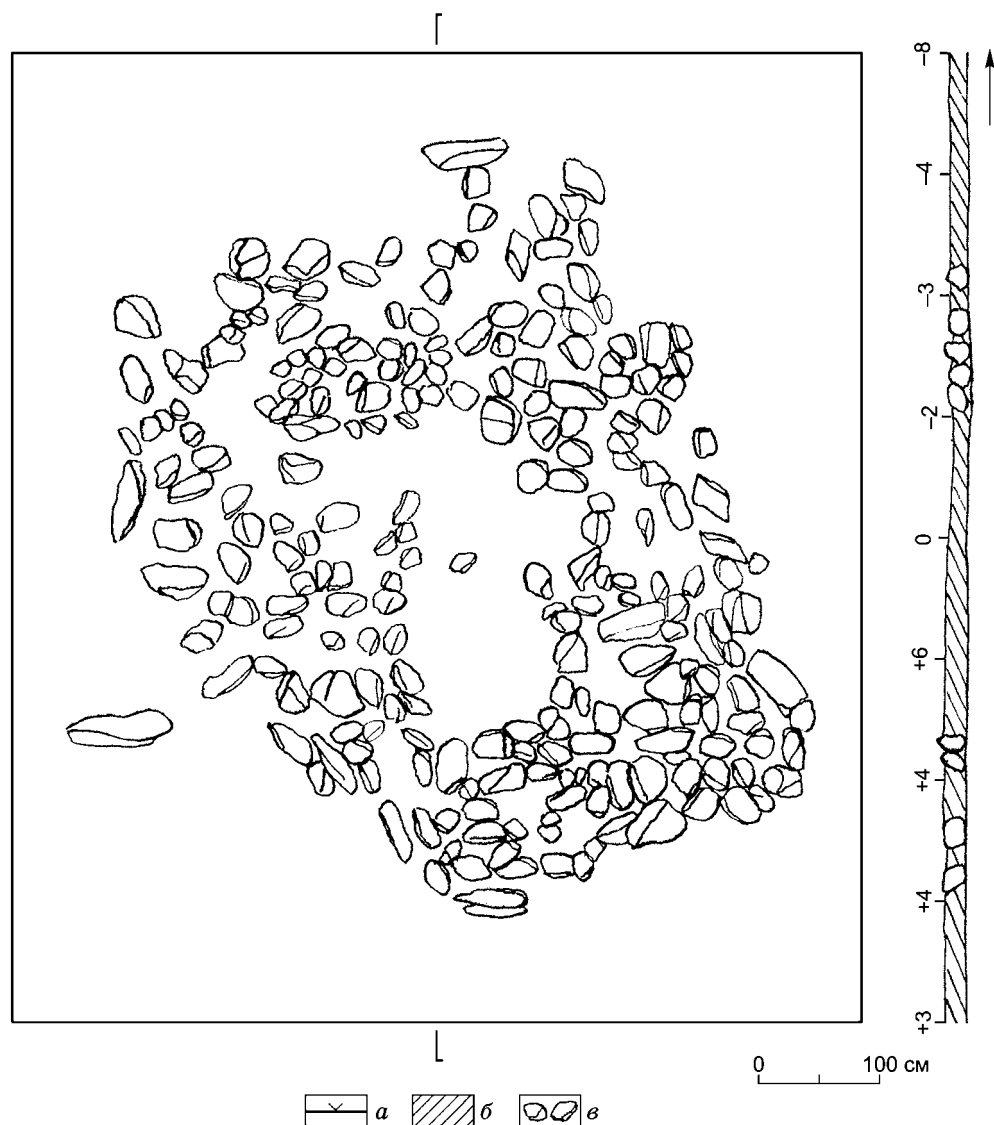

Рис. 121. Могильник Майтан. Ограда 51. План и разрез раскопа.
a – дерн; *b* – коричневый гумусированный суглинок; *v* – камни

Глава 2

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

В пределах одной погребальной площадки могильника Майтан исследованы разнообразные надмогильные конструкции, содержавшие могильные сооружения нескольких разновидностей. Подобные объекты известны среди уже опубликованных погребальных комплексов Сары-Арки, но впервые появилась возможность проанализировать особенности погребального обряда населения бронзового века данного региона на основе полностью изученного памятника.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Несмотря на разнообразие изученных надмогильных конструкций, все они представлены двумя основными вариантами: ограды, перекрытые насыпью (курганы), и ограды без насыпи. Последние значительно отличаются между собой по конструкции, но до раскопок выявить принципиальную разницу по специфическим индивидуальным параметрам оказалось достаточно сложно. Это связано с тем, что на современной дневной поверхности прослеживались только отдельные гранитные плиты, возвышающиеся над уровнем почвы на 0,1–1,1 м. Иногда внутри огражденного пространства просматривались отдельные стенки каменных ящиков или обломки плит перекрытия.

Визуально выделялись две ограды, перекрытые насыпью: одна, более крупная, – в северной части погребального поля (кург. 6), вторая – в центральной части памятника (кург. 21). Вокруг данных погребальных объектов концентрируется основная часть надмогильных сооружений, не перекрытых насыпями (см. рис. 4; вкл.). Стратиграфические и планиграфические наблюдения свидетельствуют, что перед строительством надмогильной погребальной конструкции производилась предварительная разметка будущего погребального пространства. Границы намеченного для захоронения участка обозначались канавками, углубленные части которых в отдельных случаях прорезали только дерн и верхний горизонт коричневого гумусированного суглинка, но в большинстве случаев канавки углублялись и в слой светло-коричневой материковой глины на 0,1–0,5 м. Ширина канавок на уровне материковой глины также варьировалась в этих пределах. Обычно канавки представляют собой замкнутую систему, и даже при отсутствии плит ограждения удавалось проследить последовательность сооружения пристроек, а также определить форму и размеры огражденного погребального пространства. В то же время в

конструкциях отдельных оград просматривалась разрозненная цепочка углублений-канавок, каждая из которых была вырыта под конкретную отдельную плиту, и между ними в огражденном погребальном пространстве наблюдаются достаточно широкие разрывы. В большинстве случаев вертикально впущенные в канавки плиты ограждения плотно смыкаются друг с другом, и если наблюдаются разрывы, то они незначительны. Для сооружения оград, каменных ящиков и перекрытия могил использовались плиты серого гранита; толщина плит варьируется от 3–4 до 15–25 см. В 4–5 км к северу от памятника находится гранитный массив, сложенный аналогичным плитняком и перекрытый реликтовым сосновым бором, откуда, скорее всего, и доставляли необходимые для сооружения могильных конструкций материалы. К сожалению, местоположение древнего карьера обнаружить не удалось.

На погребальном поле могильника Майтан в результате антропогенного воздействия сохранилось 51 сооружение (см. рис. 4; вкл.). Особенности планиграфии сохранившихся объектов позволяют предполагать, что в северной части погребальной площадки в процессе строительства плотины уничтожено не менее 8–10 погребальных конструкций и, кроме того, часть пристроек и 1–2 небольшие ограды могли быть разрушены оврагом.

Таким образом, общее количество надмогильных сооружений на кладбище Майтан не превышало 60–65. Особенности планиграфического распределения оград на погребальном поле позволяют выделить несколько групп надмогильных конструкций: две примерно равные по количеству группы концентрируются вокруг курганов, и две группы, объединяющие незначительное количество надмогильных сооружений, смещены в западный и северо-западные сектора погребальной площадки. Причем первые две группы частично смыкаются. Внутри групп ограды расположены достаточно плотно, свободное пространство между отдельными группами не превышает нескольких метров. Это позволяет рассматривать исследованный могильник как достаточно целостное, компактное объединение. Исключением является ограда 40, расположенная в 30 м юго-восточнее основного массива погребальных объектов памятника (см. рис. 4).

По индивидуальным признакам и конструктивным особенностям исследованные погребальные сооружения отличаются отсутствием или наличием пристроек; размером, формой и ориентировкой оград; количеством, типом и ориентировкой могил, расположенных в насыпи, внутри огражденного пространства или за его пределами (табл. 2).

По конструктивным особенностям исследованные сооружения можно разделить на четыре основные группы.

Группа 1 объединяет две округлые ограды диаметром 9–10 м, перекрытые насыпями диаметром 10–12 м и высотой 0,3–0,5 м (табл. 3). Один из курганов, занимающий господствующую позицию, располагался на наиболее высокой точке склона сопки в северной части погребального поля (кург. 6), второй – на слабо выраженном южном пологом склоне погребальной площадки, откуда основная часть урочища не просматривалась (кург. 21).

В одной из погребальных конструкций массивные плиты ограждения были впущены в неглубокую канавку (кург. 21), после этого внутри огражденного

Характеристика погребальных конструкций

Номер погребального сооружения	Ограда		Насыпь		Размеры ограды (м)	Ориентировка ограды	Расположение могилы			Вид могильного сооружения				Ориентировка могилы				
	Основная	Пристройка	Диаметр (м)	Высота (м)			В ограде	За оградой	В насыпи	Ящик	Спаренный ящик	Тройной ящик	Грунтовая яма	Яма с отдельными каменными стенками	С-Ю	З-В	СЗ-ЮВ	СВ-ЮЗ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1	?	?			?	?	1			1								1
2	?	?			?	СЗ-ЮВ	5	1		4	1					1	4	1
3					6	Круглая	1			1							1	
4	А	Прямоугольная			5,5 × 4,0	СЗ-ЮВ	1			1							1	
		Б			4,0 × 3,0	С-Ю	1			1						1		
		В			4,0 × 3,5	З-В	1			1						1		
		Г			2,75 × 2,0	З-В	1			1								1
		Д			5,0 × 3,5	СВ-ЮЗ	1			1								1
		Е			2,0 × 1,0	СЗ-ЮВ	1			1							1	
5	А				5,5	Круглая	1			1								1
		Б			3,75 × 2,0	З-В	1			1								1
		В			2,0 × 1,75	СЗ-ЮВ	1			1							1	
6			12	0,3	10	Круглая	1	1	10	2			10		1	1	7	3
7	А				4	Круглая	1			1							1	
		Б			4,0 × 3,0	СВ-ЮЗ	2			2								2
		В			2,75 × 2,0	СВ-ЮЗ	1			1								1
		Г			4,0 × 3,75	СВ-ЮЗ	1			1								1
		Д			4,0 × 3,8	СВ-ЮЗ	1			1								1
		Е			?	?	1			1								1
8	А	Овальная*			7,0 × 5,5	СЗ-ЮВ	3			3					1	2		
		Б			?	?	1			1							1	
		В			4,0 × 2,5	СЗ-ЮВ	1			1								1
		Г			3,0 × 2,5	СВ-ЮЗ	2				1							2
9	А				5,2 × 4,8	З-В	1			1						1		
		Б			6,5 × 2,0	З-В	2			2							1	1
10	А	Прямоугольная			7,5 × 5,5	С-Ю	3	2		4			1			4	1	
		Б			3,2 × 3,0	С-Ю	2			2						2		
11	А				5,0	Круглая	1			1							1	
		Б			5,5 × 5,0	З-В	1			1						1		
12					4,5	Круглая	1			1							1	
13		Овальная			8,5 × 6,5	С-Ю	2			1				1				2
14					4,5	Круглая	1						1					1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
15	А	Овальная			9,0 × 6,0	С-Ю	4			4						2		2	
	Б				4,75 × 3,75	З-В	1			1								1	
		В			1,75 × 1,0	СВ-ЮЗ	1			1								1	
		Г			4,0 × 3,5	С-Ю	1			1								1	
					8,0 × 5,5	СЗ-ЮВ	3					1						3	
16	А				4,5 × 4,0	З-В	1							1				1	
	Б				5,5 × 3,5	З-В	1	1		2							2		
17	А				5,5	Круглая	1	1		1			1				1	1	
	Б	Прямо- угольная			6,0 × 5,5	СЗ-ЮВ	2			2								2	
		В			5,0 × 2,5	СВ-ЮЗ	2				1							2	
		Г			2,5 × 2,2	СЗ-ЮВ	1			1								1	
		Д			3,75 × 3,25	СЗ-ЮВ	1			1								1	
18	А	Овальная			6,0 × 3,0	С-Ю	4	1		2			3		1		1	3	
		Б			7,0 × 3,0	С-Ю	4			2			2					4	
						4,3 × 3,5	СВ-ЮЗ	3			3				1	1	1		
						3,0 × 2,0	СВ-ЮЗ	1			1						1		
						4,0 × 2,5	СЗ-ЮВ	2			2							2	
						4,0 × 3,5	С-Ю	1			1							1	
						2,0 × 1,25	СВ-ЮЗ	1			1							1	
						2,5 × 2,0	З-В	2				1						2	
						?	?	1			1								1
						1,5 × 1,0	СВ-ЮЗ	1			1								1
	19					4,5 × 3,5	З-В	1			1						1		
20		Прямо- угольная			5,2 × 4,6	З-В	1	1		2						2			
21					9,0	Круглая	2			1			1			2			
22	А				5,5	Круглая	3			2			1					3	
		Б			6,4 × 4,25	СВ-ЮЗ	1			1								1	
		В			6,0 × 5,0	СЗ-ЮВ	1			1								1	
		Г			5,0 × 3,5	СВ-ЮЗ	1			1								1	
23	А	Овальная			6,5 × 4,0	С-Ю	5			5				1	3			1	
		Б			3,75 × 3,25	СВ-ЮЗ	1			1								1	
		В			4,5 × 3,75	З-В	1			1						1			
		Г			5,0 × 5,0	С-Ю	1			1								1	
		Д			?	?	2			2								1	1
24					5,0	Круглая	1						1			1			
25	А				7,5 × 7,0	З-В	1			1								1	
		Б			4,5 × 3,75	З-В	1			1								1	
26					6,5 × 6,0	З-В	2			1			1				1	1	
27	А	Овальная			7,5 × 7,0	С-Ю	2			2								1	1
		Б			5,0 × 3,5	СЗ-ЮВ	2					1						2	
		В			3,0 × 3,0	СЗ-ЮВ	1			1								1	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
28	А	Овальная			6,5 × 5,0	З-В	3			3					1	2		
		Б			3,0 × 1,0	С-Ю	1			1					1			
29	А				4,5	Круглая	1			1							1	
		Б			7,0 × 4,5	СВ-ЮЗ	4			1			2	1		4		
		В			5,5 × 3,5	С-Ю	2			2							2	
		Г			5,0 × 4,0	З-В	2						1	1		1		1
30	А	Овальная			4,75 × 4,0	З-В	2			2						1	1	
		Б			4,0 × 2,0	С-Ю	1						1		1			
31					4,5	Круглая	1			1						1		
32	А				3,5 × 3,25	З-В	1			1						1		
		Б			?	?	1			1						1		
33	А				5,75 × 5,0	СВ-ЮЗ	1						1			1		
		Б			4,75 × 4	СВ-ЮЗ	1			1								1
34	А	Овальная			7,0 × 6,5	З-В	2	1		1			1	1		3		
		Б			3,5 × 2,5	З-В	1						1			1		
35					5,3 × 4,8	З-В	1			1							1	
36	А	Прямо- угольная			6,5 × 4,5	СЗ-ЮВ	4	4		4				4		2	4	2
		Б			2,25 × 2,0	СЗ-ЮВ	1			1								1
		В			3,0 × 2,0	С-Ю	1			1								1
		Г			2,75 × 2,0	С-Ю	2			1				1		2		
		Д			4,75 × 2,0	СВ-ЮЗ	1							1				1
37		Овальная			4,25 × 3,5	С-Ю	2			2						2		
38					5,5 × 5,0	С-Ю	2			2						2		
39					3,5 × 3,0	З-В	2			2					1			1
40		Квадратная			5,5 × 5,5	С-Ю	6						6			6		
41	А				6,0	З-В	1	2		2			1		1		2	
		Б			4,75 × 3,5	З-В	3			2			1		1	2		
42					?	?	1	6		5			2		2		4	1
43					7,0	Круглая	2	1		2				1	1	2		
44	А	Овальная			6,3 × 5,8	С-Ю	2			2								2
		Б			4,0 × 3,0	СВ-ЮЗ	1			1								1
45					4,5	Круглая	2			2								2
46					6,5 × 6,0	СВ-ЮЗ	1			1								1
47					2,5		?											
48		Овальная			5,5 × 4,5	С-Ю	2			1			1			2		
49					7,0 × 6,0	С-Ю	1	2		1			2				1	2
50	А				5,5 × 4,5	С-Ю	1			1								1
		Б			4,0 × 3,75	С-Ю	2				1						2	
		В			3,5 × 2,5	СВ-ЮЗ	1			1								1
51					5,5 × 4,5		?											

* Ограды, обозначенные как овалы, имеют вытянутую форму и содержат две и более могил. В тех случаях, когда обозначение отсутствует, конструкция имеет форму неправильной окружности или слабовыраженного овала.

пространства соорудили две могилы – грунтовую яму и каменный ящик. В первой следы захоронения отсутствовали, во второй обнаружены останки женщины. Земля для насыпи принесена со стороны (см. рис. 51, 52). В другом кургане на предварительно очищенной от дерна материковой поверхности был отсыпан кольцевой бруствер (высота 0,2 м, ширина 0,5 м), перекрытый плитами с наклоном внутрь (кург. 6). Для отсыпки насыпи использовался грунт из рва. В центре погребальной площадки располагался каменный ящик, содержащий парное разнополое сооружение; второй ящик, с погребением ребенка младшей возрастной группы, находился за пределами ограды у южных плит ограждения. После сооружения погребальной конструкции в насыпь были впущены 10 захоронений младенцев, располагавшихся в северном, восточном и южном секторах вдоль плит ограждения (см. рис. 14, 16).

Группа 2 объединяет 21 одиночную ограду, включая разрушенную, расположенную у подножия плотины (табл. 3).

Индивидуальные одиночные ограды равномерно распределены по всему погребальному полю как в центральной его части, так и на периферии памятника. Обычно они примыкают друг к другу, образуя неправильные ряды из двух-трех конструкций. Необходимо выделить и комплекс из трех оград, расположенных вдоль северного сектора кургана 21 (см. рис. 4).

Значительная часть сооружений имеет округлую форму, преобладают ограды диаметром 4,5 м (огр. 12, 14, 31, 45), единично отмечены сооружения диаметром 5, 6 и 7 м (соответственно огр. 24, 3, 43). В центре огражденного пространства обычно расположена одна могила в виде каменного ящика (огр. 3, 12, 31) или грунтовой ямы (огр. 14, 24), содержащих захоронения мужчины (огр. 3), женщины (огр. 12, 24) и парные разнополые погребения (огр. 14, 31). Выделяются две ограды. Одна содержала два каменных ящика: в центральном обнаружены останки мужчины, в боковом – ребенка (огр. 45); другая – 3 могилы (две в ограде и одна за ее пределами): в центральной яме с одной каменной стенкой располагалось парное захоронение мужчины и женщины, два небольших каменных ящика предназначались для захоронения детей (огр. 43).

Более широко представлены ограды овальной формы, среди которых по размерам выделяются три подгруппы: небольшие – 3,5–4,5 × 3,0–3,5 м (огр. 19, 37, 39), средние – 5,25–6,5 × 4,5–6,0 м (огр. 26, 35, 38, 46, 48) и крупные – 7,0–8,5 × 6,0–6,5 м (огр. 13, 49). Взаимообусловленность ориентировки и размеров оград не прослеживается: большинство вытянуты по линии С–Ю (огр. 13, 37, 38, 48, 49), реже – 3–В (огр. 19, 26, 35, 39) и, как исключение, – СВ–ЮЗ (огр. 46).

Овальные погребальные конструкции содержат одну, две или, как исключение, три могилы. Ограды с одной могилой в виде каменного ящика отмечены в трех надмогильных конструкциях: одна содержала захоронение мужчины (огр. 35), вторая – женщины (огр. 19), третья – парное захоронение мужчины и женщины (огр. 46). В шести сооружениях встречено по две могилы, расположение которых позволяет отметить два принципиально разных подхода по отношению к умершим:

– при первом подходе одна из могил располагалась в центре огражденного пространства, вторая – смещена в один из секторов. В одном случае централь-

Характеристика погребального обряда (группы 1 и 2)

1	2	3	Способ захоронения				Попа погребенного				Ориентировка костяка				Возраст, лет					
			Труположение	Парное труположение	Трупосождение	Не определен	Мужчина	Женщина	Ребенок	Мужчина	Женщина	Ребенок	Не определена	Мужчина	Женщина	Ребенок	18	19	20	21
1	2	3	Труположение	Парное труположение	Трупосождение	Не определен	Мужчина	Женщина	Ребенок	Мужчина	Женщина	Ребенок	Мужчина	Женщина	Ребенок	18	19	20	21	
			Вид могильного сооружения				Скорчено на левом боку	Не определена	Скорчено на левом боку	Скорчено на правом боку	Не определена	Скорчено на левом боку	Мужчина	Женщина	Ребенок	Не определена	Мужчина	Женщина	Ребенок	
			Номер могилы				8	9	10	11	12	13	14	15	16	17				
			Номер погребального сооружения																	

Группа 1 (курганы)

6	1	Я	+				+						С3	С3			50-60	В	4-6	
	2	Я	+									+								До 1
	3	Л	+									+								До 1
	4	Л	+									+								До 1
	5	Л	+									+								До 1
	6	Л	+									+								До 1
	7	Л	+									+								До 1
	8	Л	+									+								До 1
	9	Л	+									+								До 1
	10	Л	+									+								До 1
	11	Л	+									+								До 1
	12	Л	+									+								До 1
21	1	Л					+													?
	2	Я	+						+						3					В

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
42	1	Г	+						+						ЮЮЗ				В	
	2	Я				+														?
	3	Я				+														?
	4	Я	+								+					СЗ				0,5
	5	Г				+														?
	6	Я				+														?
	7	Я				+														?
43	1	К		+			+		+					3	3			В	М	
	2	Я				+														?
	3	Я				+														?
45	1	Я	+					+										В		
	2	Я	+									+					+			До I
46	1	Я		+			+		+					ЗСЗ	ЗСЗ			В	40	
48	1	Г	+				+							3				В		
	2	Я	+									+					+			8-10
49	1	Я	+				+							ЮЗ				В		
	2	Г				+														?
	3	Г	+								+					ЮЗ				До I

Примечание. Я – каменный ящик; Г – грунтовая яма; К – яма с одной – тремя каменными стенками; МК – мужской кенотаф; В – взрослый; Ю – юная женщина; М – молодая женщина; ! – возраст не определен; ? – костные останки отсутствовали.

ная грунтовая яма содержала захоронение мужчины и небольшой каменный ящик, смещенный в северо-восточный сектор ограды, предназначенный для ребенка (огр. 26); во втором – в центральном каменном ящике располагалось захоронение женщины, а небольшой каменный ящик смещен к южным плитам ограждения (огр. 38); в третьем – в центральном ящике, судя по инвентарю, был погребен подросток мужского пола, а ящик для ребенка смещен в восточный сектор ограды (огр. 39);

– при втором подходе, уже в момент сооружения ограды, преднамеренно планировали размещение в огражденном пространстве двух могил, расположенных симметрично и равномерно смещенных относительно центра: в одной ограде грунтовая яма с одной каменной стенкой, находившаяся в южной половине огражденного пространства, содержала захоронение мужчины, тогда как каменный ящик в северном секторе – погребение женщины (огр. 13); во второй – в каменном ящике южного сектора погребена женщина, в северном – ребенок (огр. 37); в третьей – в грунтовой яме южного сектора захоронен мужчина, а в каменном ящике, расположенном в северной половине ограды, ребенок (огр. 48).

Исключением является ограда, содержащая три могилы: в центральном каменном ящике находились останки мужчины; умерших детей захоронили в грунтовых ямах, разместив одну в пределах северо-восточного сектора, с дополнительным ограждением из тонких плиток, вторую – за оградой с северо-западной стороны (огр. 49).

Конструкции прямоугольных очертаний единичны. Одна ограда прямоугольной формы, размером $5,0 \times 4,5$ м, ориентирована по линии З–В, с незначительным отклонением к северу. В центре располагался каменный ящик, содержащий парное захоронение мужчины и ребенка; второй каменный ящик, с останками ребенка, находился за пределами огражденного пространства (огр. 20). Вторая конструкция квадратной формы, размером $5,5 \times 5,5$ м, ориентирована по сторонам света. В огражденном пространстве располагалось шесть крупных грунтовых ям: одна содержала мужской кенотаф, вторая – захоронение по обряду кремации, остальные – захоронения женщин (огр. 40).

Уникальна погребальная конструкция, содержащая в центральной грунтовой яме захоронение женщины, окруженное по периметру пятью каменными ящиками и грунтовой ямой, предназначенными для захоронений детей (огр. 42).

Группа 3 включает ограды с пристройками, среди которых по конструктивным особенностям и количеству пристроек выделяется восемь подгрупп – А–З.

Подгруппа А объединяет 12 оград, имеющих по одной пристройке; располагаются они по всему погребальному полю, примыкая в большинстве случаев к одиночным оградкам (см. рис. 4). По форме основных оград выделяются конструкции округлой, овальной и прямоугольной форм (табл. 4).

Наиболее часто сооружали овальные ограды, среди которых по размерам выделяются три разновидности: небольшие – $4,5\text{--}4,75 \times 4,0$ м (огр. 16, 30), средние – $5,2\text{--}6,25 \times 4,8\text{--}5,25$ м (огр. 9, 28, 33, 44) и крупные – $7,0\text{--}7,5 \times 6,5\text{--}7,9$ м (огр. 25, 34). Они ориентированы по линии З–В (огр. 9, 16, 25, 28, 30, 34), СВ–ЮЗ (огр. 33) и С–Ю (огр. 44). Определенной закономерности в располо-

Характеристика погребального обряда (группа 3)

1	2	3	Способ захоронения				Поза погребенного						Ориентировка костяка				Возраст, лет					
			Труположение	Парное труположение	Трупосожжение	Не определен	Мужчина	Женщина	Ребенок		Мужчина		Женщина		Ребенок		Мужчина	Женщина				
4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
	Номер могилы	Вид могильного сооружения	Труположение	Парное труположение	Трупосожжение	Не определен	Скорченно на левом боку	Скорченно на правом боку	Не определена	Скорченно на левом боку	Скорченно на правом боку	Не определена	Скорченно на левом боку	Скорченно на правом боку	Не определена	Мужчина	Женщина	Ребенок	Не определена	Мужчина	Женщина	Ребенок

Подгруппа А (ограда с одной пристройкой)

9А	1	Я	+									+							+			В	!
Б	1	Я	+																+				!
	2	Я	+							+								ЮЗ					3
10А	1	Я	+									+							+			М	
	2	Я	+								+								+			50	
	3	Я	+								+								+			30	
	4	Я				+																	?
	5	Л				+																	?
Б	1	Я	+										+					3					9-10
	2	Я	+											+				3					9-10
11А	1	Я			+										+				+				4-6
Б	1	Я	+						+										+				!
																			+		20		

16А	1	К	+																+															!				
Б	1	Я	+																															!				
	2	Я	+																																В			
25А	1	Я			+																															50-60	30-40	
Б	1	Я	+									+																							В			
28А	1	Я	+									+																							!			
	2	Я			+							+																							В	В		
	3	Я			+							+																							В	В		
Б	1	Я	+																+																С	2-3		
30А	1	Я			+																														В	В		
	2	Я							+																											?		
Б	1	Г	+																																	Ю	5-6	
32А	1	Я	+																																	М		
Б	1	Я	+																+																	1-2		
33А	1	Г	+																																В			
Б	1	Я	+																																	В		
34А	1	Я	+							+																										35-40		
	2	Г							+																												?	
	3	К	+							+																											В	
Б	1	Г	+																																		М	
41А	1	Я			+																															В	В	
	2	Г	+																																		С	0,5
	3	Я																																		?		
Б	1	Я			+																															Ю	10	
	2	Я			+																																3С3	8-9
	3	Г	+						+																											3С3	4-5	
	1	Я																																			3	2-4
44А	1	Я	+																																		В	
	2	Я																																			М	М
Б	1	Я			+																																М	М

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
<i>Подгруппа Б (ограда с двумя пристройками)</i>																							
2	1	Я			+																!		
	2	Я		+			+			+						СЗ	СЗ				В	В	
	3	СП	+				+									СЗ					В		
	4		+								+							+				18-20	
	5	Я		+					+						+				+		16-20		7-9
	6	Я					+																?
5А	1	Я	+								+									+		В	
Б	1	Я	+								+						ЮЗ					18-20	
В	1	Я					+																?
27А	1	Я		+							+					ЗСЗ				+	18-20	М	
	2	Я	+								+									+		15-18	
Б	1	СП		+			+				+					СЗ	СЗ				В	>25	
	2			+							+						СЗ					18-20	
В	1	Я					+																?
50А	1	Я		+			+				+					ЮЗ	ЮЗ				25-40	20	
Б	1	СП		+					+			+								++	В	М	
	2			+							+				+		СЗ					С	0,5
В	1	Я		+					+	+							ЮЗ			+	В	18	

Примечание. Я – каменный ящик; СП – сларенный ящик; Г – грунтовая яма; К – яма с одной – тремя каменными стенками; В – взрослый; М – молодая женщина; С – старая женщина; ! – возраст не определен; ? – костные останки отсутствовали.

жении небольших (3,0–4,75 × 1,0–4,0 м) пристроек овальной формы не прослеживается: они находились с южной (огр. 9, 34), северной (огр. 16, 25), восточной (огр. 28), западной (огр. 30), юго-восточной (огр. 33) и северо-западной (огр. 44) сторон основных оград. Большинство оград и пристроек содержали по одной (огр. 16, 25, 33), реже – по две (огр. 9, 30, 44) могилы.

Исключением являются две конструкции:

– одна содержала три каменных ящика с мужским и парными разнополыми захоронениями, тогда как в пристройке находился каменный ящик с захоронением ребенка (огр. 28);

– вторая содержала в основной ограде каменный ящик с погребением мужчины и грунтовую яму, предназначенную для ребенка; в грунтовой яме пристройки погребена женщина; каменные плиты ограждения между могилами мужчины (основная ограда) и женщины (пристройка) удалили и в освободившееся пространно «впустили» грунтовую яму, куда поместили взрослого мужчину (огр. 34).

Две конструкции имели округлую форму:

– одна диаметром 5 м, с овальной пристройкой (5,5 × 5,0 м) с северо-восточной стороны, вытянутой по линии З–В; в центральной части огражденных площадок расположено по одному каменному ящику, в основной ограде обнаружено захоронение по обряду трупосожжения, в пристройке – останки мужчины (огр. 11);

– вторая диаметром 6 м, с овальной пристройкой (4,75 × 3,5 м) с северной стороны; основная ограда содержала каменный ящик с парным разнополым погребением и две детские могилы (каменный ящик и грунтовую яму) за ее пределами; в пристройке три могилы (каменные ящики и грунтовая яма), в одном каменном ящике парное захоронение взрослого мужчины и девочки, во втором – парное погребение детей, в грунтовой яме – захоронение ребенка (огр. 41).

Две погребальные конструкции – прямоугольной формы:

– одна (7,5 × 5,5 м), вытянутая в меридиональном направлении, имела небольшую прямоугольную пристройку (3,2 × 3,0 м) вдоль северной стенки; в основной ограде размещено три каменных ящика, содержавших захоронения женщин, а за ее пределами располагались две детские могилы (каменный ящик и грунтовая яма); в пристройке находилось два каменных ящика с одиночным и парным захоронением детей (огр. 10);

– вторая (3,5 × 3,25 м) ориентирована по сторонам света, у северной стенки располагалась разрушенная оврагом подквадратная пристройка; конструкции содержали по одному каменному ящику – в центральной ограде погребение женщины, в пристройке – ребенка (огр. 32).

Подгруппа Б включает ограды с двумя пристройками – три сооружения концентрировались вокруг кургана 6 в северо-восточной части погребальной площадки; одно располагалось в западном секторе погребального поля (см. рис. 4). Одна конструкция округлой формы (диаметр 5 м), остальные – овальные (5,5–7,5 × 4,5–6,0 м), вытянутые по линии С–Ю. Частично разрушенная ограда, вероятно, была ориентирована по линии СВ–ЮЗ (огр. 2). Небольшие овальные пристройки расположены вдоль северного (огр. 2, 5), западного (огр. 27) и восточного (огр. 50) сектора основных оград (табл. 4).

Погребальные конструкции подгруппы имели следующие индивидуальные особенности:

– ограда и пристройки содержали по одному каменному ящику с останками погребенных женщин и, судя по размерам могилы, ребенка (огр. 5);

– в центральной ограде располагалось два каменных ящика с останками парных захоронений мужчин и женщин; в одной пристройке находился спаренный каменный ящик, содержащий в одной половине парное захоронение мужчины и женщины, в другой – погребение женщины; во второй пристройке находился ящик для погребения подростка или ребенка (огр. 27);

– в основной ограде обнаружен ящик, содержащий парное захоронение мужчины и женщины; в одной пристройке находился спаренный каменный ящик, содержащий в одной половине мужчину и женщину, в другой женщину и ребенка; в каменном ящике второй пристройки находилось парное разнополое погребение мужчины и женщины (огр. 50);

– частично разрушенная ограда 2 могла иметь две пристройки, причем в основной ограде в двух каменных ящиках отмечены парные погребения мужчины и женщины, женщины и ребенка, третий каменный ящик предназначался для захоронения ребенка; в одной пристройке находился каменный ящик с захоронением по обряду трупосожжения, во второй – спаренный каменный ящик с захоронением мужчины и женщины.

Подгруппа В представлена одной погребальной конструкцией (огр. 8), находящейся южнее кургана 6, в центральной части погребального поля, и имевшей три дополнительные пристройки, располагавшиеся вдоль западного сектора основной ограды (рис. 4).

Основная ограда имела овальную форму (7,0 × 5,5 м), ориентированную по линии СЗ–ЮВ: три каменных ящика содержали парное разнополое захоронение мужчины и женщины, погребение мужчины и групповое захоронение мужчины и двух женщин; каменный ящик первой пристройки содержал останки захоронения женщины; каменный ящик второй пристройки предназначался для захоронения ребенка; спаренный каменный ящик третьей пристройки – для захоронения детей: в одной половине обнаружены останки двух погребенных, во второй – один костяк ребенка (табл. 5).

Подгруппа Г объединяет две конструкции (огр. 23 и 36), имеющие по четыре дополнительных пристройки и расположенные в западной части погребального поля (см. рис. 4; табл. 5).

Основная конструкция ограды 23, имевшая овальную форму (6,5 × 4,9 м), вытянутую по линии С–Ю, содержала 5 каменных ящиков: в двух отмечены парные захоронения женщин и детей, в одном групповое погребение подростков, два предназначались для детей младшего возраста. Пристройки располагались вдоль северной, восточной и южной частей основной конструкции. Первая и третья пристройки содержали каменный ящик с погребенными в них женщинами; вторая – каменный ящик с погребенным мужчиной; четвертая – два каменных ящика: в одном находилась останки женщины, второй предназначался для ребенка.

Главная конструкция ограды 36 неправильно-прямоугольной формы (6,5 × 4,5 м), ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Одна пристройка располага-

Таблица 5

Характеристика погребального обряда (группа 3)

Номер погребального сооружения	Номер могилы	Вид могильного сооружения	Способ захоронения				Поза погребенного						Ориентировка костяка				Возраст, лет				
			Труположение	Парное труположение	Трупосождение	Не определен	Мужчина	Скорченно на левом боку	Скорченно на правом боку	Женщина	Скорченно на левом боку	Не определена	Ребенок	Скорченно на левом боку	Не определена	Мужчина	Женщина	Ребенок	Не определена	Мужчина	Женщина
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	
8А	1	Я	+				+				+						+	18	В		
	2	Я	+				+							3			+	В			
	3	Я	+	+			+				+						+	В	В		
Б	1	Я	+								+						+	20-25	В	В	
	1	Я	+	+			+					+					+	В?			
Г	1	СП		+					+								+				
	2	СП						+	+								+				
23А	1	Я		+									+		3	3			20-30		
	2	Я	+									+					+				
	3	Я	+	+								+					+				
	4	Я	+								+						+				
	5	Я				+											+				
Б	1	Я	+						+						3					35	

Подгруппа В (ограда с тремя пристройками)

Подгруппа Г (ограда с четырьмя пристройками)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
В	1	Я	+				+							3				В		
Г	1	Я		+						+			+				+		16-18	Н
Д	1	Я	+					+							3С3				20	
	2	Я				+														?
36А	1	К		+			+				+			Ю3		Ю3		В		10-13
	2	Я		+			+			+				С3	С3			20-30	30-35	
	3	Я	+								+					С3				10-14
	4	Я				+												?		
	5	Я	+					+									+	М		
	6	К	+							+						3				2-3
	7	К	+					+									+	В		
	8	К	+										+				+			1-3
Б	1	Я			+															?
В	1	Я	+									+					+			6
Г	1	Я	+									+				3				4-6
	2	К	+										+				+			3-4
Д	1	К					+													?

Подрутка Д (ограда с пятью пристройками)

4А	1	Я		+				+			+						+	20-25	>25	
Б	1	Я		+			+		+					3	3			20	16-18	10-14***
В	1	Я	+				+							3				В		
Г	1	Я	+										+				+			3-4
Д	1	Я	+				+							3				В		
Е	1	Я	+										+				+			7-9

* В заполнении детского ящика встречен обломок нижней челюсти и плечевая кость взрослого человека.

** В заполнении детского ящика встречено три зуба взрослого человека.

*** Останки подростка встречены в верхней части заполнения.

Примечание. Я – каменный ящик; СП – спаренный ящик; Г – грунтовая яма; К – яма с одной – тремя каменными стенками; В – взрослый; М – молодой; Н – новорожденный; В? – взрослый, пол не определен; ? – костные останки отсутствовали.

лась вдоль северо-западной стенки, три – вдоль юго-восточной. В центральной ограде располагались 4 каменных ящика, содержавших парное захоронение мужчины и ребенка, мужчины и женщины, ребенка, и в одной могиле материальных или костных останков не обнаружено. За пределами огражденного пространства обнаружено 4 могилы: каменный ящик с останками мужчины и грунтовые ямы с отдельными каменными стенками, содержащими захоронения детей.

Подгруппа Д включает одну конструкцию (огр. 4), расположенную в восточной части погребальной площадки на краю береговой террасы и имеющую пять дополнительных пристроек (см. рис. 4; табл. 5). В единственном каменном ящике основной ограды, имеющей прямоугольную форму (5,5 × 4,0 м) и вытянутой по линии СЗ–ЮВ, были погребены близкие по возрасту мужчина и женщина. Каменные ящики пристроек (четыре располагались вдоль плит ограждения северо-восточного сектора основной конструкции, одна – вдоль западной половины южной стенки) содержали парное захоронение мужчины и женщины, два индивидуальных захоронения взрослых мужчин (в одном случае в заполнении встречены кости подростка) и захоронения двух детей младших возрастных групп.

Подгруппа Е объединяет два своеобразных погребальных комплекса, отличающихся наличием двух первоначально существовавших отдельно погребальных конструкций, объединенных на заключительной стадии развития в единый поминальный комплекс посредством системы соединительных пристроек. Обе конструкции расположены близ друг друга в южной части погребального поля (см. рис. 4; табл. 6).

В сооружении 15 первая основная ограда, имевшая овальную форму (9,0 × 6,0 м) и ориентированная по линии С–Ю, содержала 4 каменных ящика: в одном отмечено парное погребение подростков, во втором встречены останки ребенка, в третьем – погребение мужчины, в четвертом – парное разнополое захоронение мужчины и женщины. К юго-восточному сектору ограды примыкала пристройка, содержащая каменный ящик с погребением ребенка. Второй самостоятельный комплекс объединял основную овальную (4,75 × 3,75 м) ограду, ориентированную по линии З–В, содержащую каменный ящик с погребением мужчины, и овальную пристройку (4,0 × 3,5 м), примыкавшую к северо-западному сектору и вытянутую в меридиональном направлении, с размещенным в ней каменным ящиком с захоронением женщины. Два отдельных погребальных комплекса объединяет в единую поминальную конструкцию соединительная ограда удлиненно-овальной формы (8,0 × 5,5 м) с проходом в нее, расположенным между основными объектами. Она содержала тройной каменный ящик, в двух северных отсеках которого прослежены захоронения по обряду кремации, в третьем – труположение – захоронение взрослого человека, предположительно женщины (см. рис. 34).

В сооружении 17 также первоначально существовали две отдельные ограды: – первая – округлой (5,5 м) формы, с размещенным в ней каменным ящиком, содержащим парное разнополое погребение мужчины и женщины, вторая могила – грунтовая яма, предназначавшаяся для ребенка, располагалась за оградой. К западному сектору примыкали две небольшие пристройки с камен-

Характеристика погребального обряда (группа 3)

Номер погребального сооружения	Номер могилы	Вид могильного сооружения	Способ захоронения				Поза погребенного						Ориентировка костяка					Возраст, лет					
			Труположение	Парное труположение	Трупосоожение	Не определен	Мужчина		Женщина		Ребенок		Мужчина	Женщина	Ребенок	Не определена	Мужчина	Женщина	Ребенок				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
15А	1	Я		+									+	+				3					10-12
	2	Я	+												+			3					10-12
	3	Я	+						+										+				?
	4	Я	+	+			+												+	18-20			
Б	1	Я	+				+									3	3						
В	1	Я	+				+									3	3						М
Г	1	Я	+				+									3							
Д	1	Я			+												ЮЗ						18-20
	2	Я			+															!			
	3	Я	+																	!			
17А	1	Я	+	+			+									ЗСЗ	ЮЗ						В!
	2	Г					+										ЗСЗ	ЗСЗ					Ю
Б	1	Я	+																+				?
	2	Я	+				+										ЮЗ						18
В	1	СП	+																				
	2	Я	+														ЮЗ						20-25
Г	1	Я					+										ЮЗ						В!
Д	1	Я		+															+				?
	1	Я		+															+				14-16
																			+				7-9

Подгруппа Е (две основные ограды – А и Б, соединенные пристройками)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
<i>Подгруппа 3 (сложносоставная ограда)</i>																							
18А	1	Г	+													+				+			9–10
	2	Г	+											+					ЮЗ				10
	3	Я	+											+					С				2–3
	4	Я					+																?
	5	Г					+																?
Б	1	Г					+																?
	2	Г					+																?
	3	Я	+											+					ЮЗ				2–3
	4	Я					+																?
В	1	Я		+					+									3		+	20–25	18	
	2	Я					+																?
	3	Я					+																?
Г	1	Я	+											+					3				2
Д	1	Я	+											+					ЮЗ				7–9
	2	Я					+																?
Е	1	Я					+											ЖК					
Ж	1	Я	+											+					СЗ				До 0,5
З	1	СП	+											+					СЗ				До 0,5
	2		+											+					ЗСЗ				До 0,5
И	1	Я					+																?
К	1	Я		+										+					ЮЗ				До 0,5
														+					ЮЗ				До 0,5

Примечание. Я – каменный ящик; СП – спаренный ящик; Г – грунтовая яма; К – грунтовая яма с одной – тремя каменными стенками; ЖК – женский кенотаф; В – взрослый; М – молодой; Ю – юный; ! – пол не определен; В!, Ю! – определен предположительно; ? – костные останки отсутствовали.

ными ящиками в центре – один предназначался для погребения ребенка или подростка, во втором обнаружены останки молодой женщины и ребенка;

– вторая – прямоугольная (6,0 × 5,5 м), ориентирована по линии СЗ–ЮВ, содержала два каменных ящика – в южном находились останки мужчины, в северном – женщины;

– соединяет два отдельных комплекса в единое целое пристройка неправильно-прямоугольной формы (5,0 × 2,5 м), ориентированная по линии СВ–ЮЗ; она содержала спаренный каменный ящик, в каждом из отсеков которого обнаружены останки женщин.

Подгруппа Ж представлена тремя конструкциями, характерной особенностью которых является соединение оград с друг другом в виде неправильных цепочек; расположены в центральной части памятника в окружении оград с разным количеством пристроек (см. рис. 4; табл. 6).

Данные конструкции имеют следующие характерные признаки:

– в сооружении 7 общее развитие пристроечных комплексов происходило с северо-запада на юго-восток; основная ограда округлой формы (около 4 м), четыре небольшие пристройки (2,75–4,0 × 2,0–3,8 м) последовательно пристраивались одна к другой, пятая, содержащая ящик для погребения ребенка, пристроена с запада, между двумя дополнительными конструкциями. Внутри огражденного пространства в каждой из оград располагалось по одному каменному ящику, и только в одном случае в северном секторе пристройки находился ящик с останками ребенка. Основная ограда содержала захоронение женщины, в могилах трех промежуточных пристроек пол погребенных не определен; в могиле последней, четвертой, пристройки обнаружены останки погребенной женщины (см. рис. 18);

– в сооружении 22 развитие пристроечных комплексов также происходило с северо-запада на юго-восток; основная ограда неправильно-округлой формы (5,5 м), две пристройки (6,0–6,4 × 4,25–5,0 м) последовательно пристроены одна к другой, третья (5,0 × 3,5 м) пристроена к последним с юга. В основной ограде находились 3 могилы – в центре располагался каменный ящик, содержащий парное разнополое погребение мужчины и женщины, в западном и восточном секторах огражденной площадки – ящик и грунтовая яма, предназначенные для захоронения детей. В пристройках зафиксировано по одному каменному ящику: в одном обнаружены останки трех молодых женщин, во втором – погребение женщины, в третьем – мужчины (см. рис. 51).

– развитие погребального комплекса 29 происходило с востока на запад. Основная ограда округлой формы (4,5 м), две пристройки (5,5–7,0 × 3,5–4,5 м) последовательно пристроены одна к другой, третья (5,0 × 4,0 м) присоединена к последним с юга. В центре основной ограды располагался каменный ящик, содержащий парное разнополое погребение мужчины и женщины. В первой пристройке находилось четыре могилы: каменный ящик (содержал останки мужчины и ребенка), две грунтовые ямы (в одной погребена женщина, в другой находились останки двух женщин и ребенка) и комбинированная могила с частично укрепленными каменными плитами стенками (содержала останки мужчины и юноши); во второй – два каменных ящика (в одном захоронение мужчины, в другом – ребенка); в третьей – комбинированная могила с захоронением мужчины и грунтовая яма, в которой обнаружены останки ребенка.

В подгруппу 3 выделена ограда 18, расположенная на юго-восточной окраине погребального поля, восточнее оград подгруппы Е (см. рис. 4).

Сложносоставная погребальная конструкция, в основе которой находилась ограда овальной формы (6,0 × 3,0 м), вытянутая в меридиональном направлении и имевшая 9 пристроек, сооруженных со всех сторон, за исключением северного сектора. Основное развитие комплекса шло в юго-восточном направлении (табл. 6). Является специализированным комплексом, содержащим преимущественно детские захоронения, однако в значительной части могильных конструкций при наличии поминальных сопроводительных сосудов останки погребенных не встречены. В огражденном пространстве основной ограды расположено 4 могилы (2 грунтовые ямы и 2 каменных ящика), пятая могила в виде грунтовой ямы располагалась за оградой у северных плит ограждения. В одной пристройке находилось 4 могилы (2 грунтовые ямы и 2 каменных ящика); во второй – 3 могилы (каменный ящик, содержащий парное разнополое захоронение мужчины и женщины и два ящика для захоронения детей); в третьей – спаренный каменный ящик, в каждом из отсеков которого были погребены младенцы; в четвертой – два детских каменных ящика; в остальных пяти пристройках располагалось по одному каменному ящику, в четырех ящики предназначались для захоронения детей, в пятой находился крупный каменный ящик, особенности расположения и набор вещевого инвентаря которого позволяют рассматривать данную могилу в качестве женского кенотафа.

Группа 4 объединяет две конструкции, которые можно интерпретировать как жертвенные круги: один имел яму диаметром 2,5 м, обложенную гранитными плитами (огр. 47); другой представляет собой кольцевую наброску (огр. 51) размером 5,5 × 4,5 м.

Подводя итоги характеристики погребальных конструкций могильника Майтан, можно констатировать, что первые три группы надмогильных сооружений содержали 113 оград (4 реконструированы), из них основных – 51, пристроек – 62; внутри огражденного пространства выявлено 214 разнообразных могильных сооружений.

УСТРОЙСТВО МОГИЛ И ОСТАНКИ УМЕРШИХ

При раскопках могильника Майтан внутри оград и за их пределами изучены многочисленные разнообразные конструкции, которые можно рассматривать в качестве могильных сооружений. В количественном отношении данная выборка значительно превосходит серии захоронений, исследованных в зоне распространения андроновских древностей не только отдельных регионов Казахстана, но и сопредельных территорий Урала, Алтая и Сибири. Анализ соотношения разнотипных могильных конструкций в полностью изученном могильнике позволяет объективно подойти к проблемам реконструкции особенностей погребальной обрядности в пределах поминального памятника, оставленного одним коллективом на протяжении достаточно короткого хронологического периода.

В пределах погребального поля могильника Майтан изучено 214 могил (см. табл. 2), среди которых по своим особенностям и принципам сооружения выявлены следующие виды могильных конструкций: в одиночных ящиках – 145 (67,8 %), в спаренных ящиках – 12 (5,6 %), в тройном ящике – 3 (1,4 %), в грунтовых ямах – 42 (19,6 %), в комбинированных могилах, имеющих одну–три каменные стенки, – 12 (5,6 %). Основная часть исследованных могил обычно располагалась в пределах огражденного пространства – 181 (84,6 %), иногда за пределами надмогильной конструкции, без дополнительного ограждения – 23 (10,7 %) и, как исключение, в насыпи – 10 (4,7 %).

Рассмотрим особенности устройства каждого из выделенных типов могил. Наиболее широко практиковалось устройство захоронений в каменных ящиках, отмеченных для всех половозрастных групп. Преобладают прямоугольные конструкции, значительно реже встречены могилы трапециевидной формы. Главная особенность последних – расположение в более широкой их части вещевого инвентаря и помещение в этой половине верхней части туловища погребенных. Другой характерной особенностью данного типа погребальной камеры является наличие более высоких торцевых стенок, возвышающихся, иногда значительно (до 0,5 м), над длинными продольными стенками. В среднем торцевые стенки выше продольных на 10–12 см. Они выполняют роль распорок, предохраняя ящик от разрушения и выступая своеобразными ограничителями могильного пространства для плит перекрытия. Обратная картина, когда плиты длинных стенок распирают торцевые, отмечена единично, причем во всех фиксируемых подобных случаях наблюдалась деформация могильной конструкции. Также выявлено, что при строительстве данного типа могил под сооружение ящика преднамеренно вырывали прямоугольную или трапециевидную яму с вертикальными стенками, к которой плотно примыкали плиты могильной конструкции. Данный подход характерен и для каменных ящиков с двумя или тремя отсеками.

В конструкциях ящиков наблюдаются и определенные различия, связанные с углублением плит относительно стенок грунтовой могильной ямы. В большинстве фиксируемых фактов срез длинных стенок обычно соответствует уровню материкового грунта – в этом случае дерн вокруг могилы подрезался, и плиты перекрытия не только опирались на стенки ящика, но и перекрывали участки материкового грунта, примыкающие к стенкам ящика. Иногда длинные стенки ящика впускались только до уровня древнего грунта, и тогда плиты перекрытия располагались на уровне древней дневной поверхности, перекрывая стенки и дернину. Последний способ перекрытия не характерен для крупных центральных могил, содержащих захоронения взрослых. Он более широко представлен для вторичных ящиков, в которых захоронены дети, причем иногда дно ящика, предназначенного для захоронения ребенка, располагалось на уровне материка, тогда как стенки прорезали только слой гумуса и коричневого гумусированного суглинка. В результате и торцевые стенки, и плиты перекрытия хорошо просматривались на современной дневной поверхности. Достаточно редко наблюдался и глубокий выпуск стенок ящика вовнутрь ямы, так что срез плит находился на 10–15 см ниже края ямы. В результате проис-

ходила деформация устья могильной конструкции, так как плиты перекрытия не опирались на стенки, а только на земляные края ямы.

Как исключение отмечены и более сложные конструкции: первоначально выкапывали крупную грунтовую яму, внутри которой копали яму несколько меньших размеров для размещения в ней ящика. В этом случае могила могла иметь или одинарное перекрытие на уровне стенок ящика, или двойное – на уровне стенок ящика и на уровне верхних очертаний первоначальной ямы.

Количество плит перекрытия могил зависело от толщины и размера плит. Крупные ящики, содержавшие захоронение взрослых, обычно имели поперечное перекрытие из двух – четырех плит. Детские ящики обычно перекрывались одной прямоугольной плитой, располагавшейся между торцевыми стенками, но если все стенки детского ящика располагались на одном уровне, то плита обычно перекрывала все стенки могильной конструкции.

Грунтовые ямы представляли собой выкопанные в земле продолговатые углубления с закругленными углами, с прямыми или слегка наклонными стенками. Иногда линия длинных стенок была несколько округлена, и тогда очертание могилы имело овальную форму. Грунтовые ямы, содержащие захоронения людей старшего возраста, имели поперечное перекрытие из трех-четырех плит; небольшие ямы, предназначавшиеся для размещения детей, обычно перекрывались одной, реже двумя небольшими плитками.

Особую группу составляют комбинированные могильные конструкции, представляющие собой грунтовые ямы, у которых одна – три стенки полностью или частично укреплены отдельными каменными плитами, причем достаточно часто это только имитация из небольших тонких плиток. В то же время определенной закономерности в размещении каменных стенок не прослежено. Иногда это северная (огр. 16, мог.; огр. 43, мог. 1) или южная (огр. 13, мог. 1), северная и восточная (огр. 34, мог. 3, огр. 36А, мог. 6), южная и восточная (огр. 36Д, мог.), западная и южная (огр. 36А, мог. 1), или три разные (огр. 29Г, мог. 1; огр. 36А, мог. 7 и 8; огр. 36Г, мог. 2) стенки. В одном случае укреплена западная половина могилы (огр. 29Б, мог. 4). В крупных могильных конструкциях с отдельными каменными стенками отмечены индивидуальные захоронения мужчин (огр. 13, мог. 1; огр. 29Г, мог. 1; огр. 34, мог. 3; огр. 36А, мог. 7) и женщины (огр. 16А, мог.), парные захоронения двух мужчин (огр. 29Б, мог. 4), мужчины и женщины (огр. 43, мог. 1), мужчины и ребенка (огр. 36А, мог. 1). В четырех могилах отмечены захоронения детей младшего возраста (огр. 36А, мог. 6 и 8; 36Г, мог. 2; 36Д, мог.). Все могильные сооружения данной группы имели перекрытия из каменных плит на уровне материкового грунта или древней дневной поверхности.

Необходимо отметить, что, несмотря на наличие в урочище Майтан разнообразной лесной растительности, включающей лиственные и хвойные породы, дерево как материал для сооружения могил в виде срубов или перекрытия не практиковалось. Исключением является широкий каменный ящик, содержащий захоронения трех подростков: в центре его торцевых стенок были вырублены овальные пазы (ширина 16–17 см, глубина 15 см) для закрепления в них опорного поперечного бревна, на которое с двух сторон могли опираться небольшие плиты, образующие перекрытие шатрового типа (огр. 23А, мог. 2).

Единственная аналогия данному типу могильной конструкции отмечена в могильнике нуртайской культуры Актобе II, расположенном в среднем течении р. Нуры степной зоны Центрального Казахстана [Ткачев, 2002а, с. 280, рис. 120, 3].

В ориентировке могильных сооружений преобладает широтное размещение могил, преимущественно по линии СВ–ЮЗ – 71 (33,2 %), несколько реже З–В – 67 (31,3 %) и СЗ–ЮВ – 62 (28,9 %), в незначительном количестве отмечена ориентировка могил в меридиональном направлении по линии С–Ю – 14 (6,6 %; см. табл. 2).

В центре оград и пристроек обычно одна (70–61,9 %), реже две (29–25,7 %) могилы (табл. 7). Очень редко центральные ограды группы 3 содержали 3 (огр. 8А, 10А, 22А, 28А), 4 (огр. 15А, 18А, 36А) и, как исключение, 5 могил (огр. 23А). В пристройках единично отмечено 3 (огр. 15Д, 18В, 41Б) и 4 могилы (огр. 18Б, 29Б). Количество последних не превышает 11,5 %. В планировке ограды 42 прослеживается явно алакульская традиция, не характерная для центрально-казахстанских поминальных комплексов – при отсутствии ограды вокруг центральной могилы, содержавшей захоронение женщины, по периметру были расположены 6 могил, предназначенных для размещения в них детских захоронений (см. рис. 51). Своеобразна планировка и ограды 40 – квадратная, ориентирована по сторонам света; в огражденном пространстве располагалось 6 крупных грунтовых ям, вытянутых в широтном направлении тремя рядами, параллельно друг другу, и содержащих 4 захоронения по обряду ингумации, одно по обряду кремации и мужской кенотаф (см. рис. 106). Без ограждения, за пределами погребальных конструкций, выявлено 24 могилы – 3 крупных размеров, сооруженных для захоронения взрослых, остальные содержали в большинстве случаев останки детей. Кроме того, десять захоронений младенцев встречено в насыпи кургана 6.

В погребальном обряде господствует ингумация – 169 (80 %); в шести могилах прослежены захоронения, совершенные по обряду кремации (2,8 %), из которых, судя по размерам могил, в пяти случаях были погребены взрослые и одним ребенок (огр. 36Б, мог.). Сожжение трупа происходило где-то на стороне, так как в могилах следов огня не зафиксировано. Кучки пепла и пере-

Таблица 7

Распределение исследованных могил по ограм и пристройкам

Кол-во могил в оградe или пристройке	Основная ограда		Пристройка		Всего	%
	Кол-во	%	Кол-во	%		
1	27	52,9	43	69,5	70	61,9
2	15	29,6	14	22,4	29	25,7
3	4	7,8	3	4,8	7	6,2
4	3	5,9	2	3,3	5	4,4
5	1	1,9			1	0,9
6	1	1,9			1	0,9
Итого	51	100	62	100	113	100

жженных костей аккуратно ссыпаны в угол или центр могилы. Кроме сосудов, других вещей в погребениях не найдено. Ограды с трупосожжением в основном расположены по периферии могильника. Большая часть могил, содержащих кремированные останки, расположены в пристройках, и только в одном случае обряд трупосожжения зафиксирован в центральной ограде (огр. 11А). Во всех зафиксированных случаях прослеживается сочетание трупоположения и трупосожжения в пределах одной погребальной конструкции (см. табл. 3–6). Например, в тройном ящике в двух северных отсеках обнаружены захоронения по обряду кремации, в южном – ингумации (огр. 15Д).

Среди могил, где обряд погребения не определен (могилы абсолютно пустые или отсутствуют костяки при наличии вещей), две погребальные камеры можно считать кенотафами: первая соотносится с мужским захоронением – перекрытие не потревожено, костяк отсутствовал, у западной стенки стояли три сосуда, между которыми был размещен бронзовый нож и костяная пряжка (огр. 40, мог. 4); вторая женская – перекрытие и кости скелета отсутствуют, в одном углу обнаружено скопление украшений: остатки трех желобчатых браслетов, бляшка, листовидные подвески, позолоченная подвеска в полтора оборота, бронзовые бусы (огр. 18Е, мог.).

Детские могилы в основном малых размеров (0,3–1,25 × 0,3–0,7 м), глубиной 0,15–0,5 м. Они встречаются в оградах или за оградами, всегда сопутствуя взрослым, и только в нескольких случаях для захоронения детей сооружались дополнительные специальные пристройки (огр. 4Г, 8В, 9Б, 10Б, 15В, 28Б и др.). В восточной половине кургана 6 выявлено 10 вводных детских погребений. Своеобразна конструкция ограды 18 (группа 3з) с девятью пристройками, содержащими 19 детских и 2 взрослых (женский кенотаф и парное разнополое погребение мужчины и женщины) могилы, причем пристройки, в которых захоронены взрослые, более поздние, так как пристроены к оградам, содержащим только детские могилы.

Могилы взрослых средних (1,3–1,9 × 0,7–1,2 м) и крупных (2,0–2,35 × 0,8–1,7 м) размеров, некоторые ящики, в основном тройной и спаренные, впущены в грунтовые ямы очень крупных размеров (2,0–2,6 × 1,1–3,1 м), глубина могил варьирует от 0,55 до 0,95 м.

В исследованных погребальных комплексах могильника, согласно антропологическим определениям, выявлены костные останки 227 человеческих особей, принадлежащие разным половозрастным группам. Варибельность взаимосочетания в отдельных погребениях людей по полу и возрасту затрудняют вычленение отдельных групп, но, взяв за основу два основных показателя, можно выделить следующие половозрастные объединения: индивидуальные (мужские, женские, детские), парные и групповые.

Индивидуальные мужские захоронения отмечены в 21 могиле (табл. 8), но только в двух случаях они не сопровождались обособленными погребениями другого возраста или пола (огр. 3 и 35). Иногда мужские захоронения сопровождаются погребениями детей младшего возраста, причем их могилы обычно смещены в один из секторов огражденного пространства (огр. 26, 29В, 29Г, 45, 49). В то же время значительно чаще они расположены в индивидуальных дополнительных пристройках (огр. 4В, 4Д, 7В, 11Б, 22Г, 23В, 25Б)

Характерные признаки мужских индивидуальных захоронений

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Тип могильного сооружения			Возраст, лет	Поза погребенного		Ориентировка	Сопровождающий инвентарь
			Каменный ящик	Грунтовая яма	Комбинированная конструкция		Скорчено на левом боку	Не определена		
1	1	1	+			20		+		Сосуд
2	3	1	+			?		+		Сосуд
3	4В	1	+			Взрослый	+		3	2 сосуда
4	4Д	1	+			Взрослый	+		3	Сосуд, 4 костяных наконечника стрел
5	7В	1	+			?	+		ЮЗ	2 сосуда
6	8А	2	+			Взрослый, нестарый	+		3	2 сосуда, пряжки из рога и раковины, бронзовый и 9 костяных наконечников стрел
7	11Б	1	+			20		+		Фрагменты керамики
8	15А	3	+			18–20		+		2 сосуда, 3 костяных наконечника стрел
9	22Г	1	+			18–20	+		СЗ	Сосуд
10	23В	1	+			Взрослый, нестарый	+		3	2 сосуда
11	25Б	1	+			Взрослый		+		Сосуд, бронзовое шило
12	26	1		+		Взрослый, молодой		+		Сосуд, бронзовый нож
13	28А	1	+			?		+		Подвески из резцов КРС
14	29В	1	+			18–20	+		СЗ	Сосуд, пряжка из раковины
15	29Г	1			+	Взрослый	+		3	5 сосудов, пряжка из раковины
16	35	1	+			Взрослый		+		2 сосуда, каменная булава
17	36А	5	+			Молодой		+		Сосуд
18		7	+			Взрослый		+		Сосуд
19	44А	1	+			Взрослый		+		Фрагменты керамики, бронзовая скрепка, 2 костяных наконечника стрел, 3 бронзовые бляшки, обломки браслета
20	45	1	+			Взрослый		+		Сосуд, 2 бронзовые бусины
21	49	1	+			Взрослый	+		ЮЗ	

или, занимая господствующее положение, сопровождаются одной – тремя дополнительными могилами, содержащими захоронения взрослых или детей (огр. 8А, 15А, 44А). Как исключение зафиксировано захоронение мужчины за пределами огражденного пространства (огр. 36А, мог. 5).

Основная часть мужчин погребена в каменных ящиках, в одном случае отмечена грунтовая яма (огр. 26), в другом – комбинированная могила, три стенки которой укреплены каменными плитами (огр. 29Г). Во всех определенных случаях погребенные мужчины лежат на левом боку, в скорченном положении, головой на запад, с отклонениями на юго-запад или северо-запад. При выявлении возрастных показателей преобладают характеристики, обозначенные термином «взрослый», единично представлены категории «взрослый, нестарый» и «взрослый, немолодой». Значительную группу составляют молодые мужчины в возрасте 18–20 лет. Вещевой инвентарь, несмотря на ограбление, представлен сосудами и предметами типичного мужского набора: бронзовые ножи, бронзовое шило, каменная булава, костяные наконечники стрел, пряжки из рога и раковин; украшения из бронзы (бляшки, обломок браслета, бусы) единичны.

Индивидуальные женские захоронения отмечены в 27 могилах (табл. 9). Как и для мужской части коллектива, оставившего могильник Майтан, обособленные женские захоронения без сопровождения сопутствующих погребений единичны (огр. 12, 19, 24). Особенности размещения женских могил, в отличие от мужских, имеют определенную специфику, связанную с наличием отдельных погребальных комплексов, содержавших одно – три женских захоронения, сопровождавшихся захоронениями детей, располагавшихся совместно с женщинами в ограде (огр. 7Б, 23Д, 38) или в пристройках (огр. 9, 10, 32). Достаточно часто индивидуально-обособленные женские захоронения включены в развитую систему пристроечных комплексов (огр. 7А, 7Д, 8Б, 22В, 23Б). Выделяется несколько уникальных случаев, связанных с размещением женских захоронений:

– одна ограда, вероятно, содержавшая только погребения женщин, имела следующую конструктивную особенность: стенкой могилы, расположенной в пристройке, являлась плита ограждения центральной могилы; третье захоронение вообще располагалось за пределами огражденного пространства (огр. 16);

– во второй конструкции основная ограда и дополнительная пристройка содержали захоронения женщин, тогда как во второй пристройке находился каменный ящик, предназначенный для ребенка (огр. 5);

– в третьей ограде, при отсутствии ограждения вокруг центральной могилы, содержавшей погребение женщины, размещены по окружности каменные ящики и грунтовая яма, предназначенные для захоронения детей (огр. 42);

– в четвертом случае индивидуальное захоронение женщины, размещенное в грунтовой яме, в альтернативной позе – на правом боку, сопровождали три могилы, содержавшие групповое и парные захоронения (огр. 29Б);

– из общей массы выделяется квадратная ограда, отличающаяся как своим расположением на погребальной площадке, так и внутренней планировкой грунтовых ям, расположенных аккуратными рядами и содержавших захоронения по обряду кремации и погребения четырех женщин, рассредоточенных вокруг могилы, в которой находился мужской кенотаф (огр. 40).

Характерные признаки женских индивидуальных захоронений

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Тип могильного сооружения			Возраст женщины, лет	Поза погребенной			Ориентировка	Сопровождающий инвентарь
			Каменный ящик	Грунтовая яма	Комбинированная конструкция		Скорчено на левом боку	Скорчено на правом боку	Не определена		
1	5А	1	+			Взрослая, нестарая			+		3 сосуда, бронзовые, пастовые и костяные украшения
2	5Б	1	+			18–20	+			ЮЗ	3 сосуда, бронзовые, пастовые и костяные украшения
3	7А	1	+			Взрослая	+			СЗ	2 сосуда, 34 бронзовые бусины
4	7Б	1	+			Взрослая			+		2 сосуда, украшения
5	7Д	1	+			Взрослая	+			ЮЗ	Бронзовые подвеска, бусы
6	8Б	1	+			Взрослая			+		Сосуд, бронзовый нож, украшения
7	9А	1	+			Взрослая			+		2 сосуда, украшения
8	10А	1	+			Молодая			+		Обломки сосуда
9		2	+			50			+		4 сосуда, украшения
10		3	+			30			+		Сосуд, украшения
11	12	1	+			?			+		Сосуд, украшения
12	16А	1			+	?			+		Фрагменты керамики, обломки браслета
13	16Б	1	+			?			+		
14		2	+			Взрослая	+			З	Украшения
15	19	1	+			18–25	+			З	Фрагменты керамики
16	22В	1	+			Взрослая	+			СЗ	Сосуд, 3 лапчатые подвески
17	23Б	1	+			35	+			З	2 сосуда, подвеска
18	23Д	1	+			20	+			ЗСЗ	2 сосуда, украшения
19	24	1		+		25	+			З	3 сосуда, украшения
20	29Б	1		+		Взрослая		+		СЗ	2 сосуда, украшения
21	32А	1	+			Молодая			+		2 сосуда, бронзовое шило, две пастовые бусины
22	38	1	+			20	+			З	2 сосуда, бронзовое шило, подвески из клыков лисицы и корсака
23	40	2		+		20–25	+			З	4 сосуда, украшения
24		3		+		Взрослая			+		4 сосуда, украшения
25		5		+		40			+		3 сосуда, украшения
26		6		+		30	+			З	6 сосудов, украшения
27	42	1		+		Взрослая	+			ЮЮЗ	2 сосуда, шило

Большинство индивидуальных захоронений женщин располагались в каменных ящиках, несколько реже встречаются погребения в грунтовых ямах (огр. 24, 29Б), комбинированная могила с одной каменной стенкой единична (огр. 16А). В большинстве определимых случаях погребенные женщины лежат на левом боку, в скорченном положении, и только одна женщина уложена на правый бок. В ориентировке костяков господствует западное направление с вариациями от СЗ до ЮЮЗ. При установлении возрастных показателей преобладают характеристики, определяемые термином «взрослая», с некоторыми пределами – от 30 до 50 лет. Захоронения молодых женщин в возрасте от 18 до 25 лет единичны. Вещевой инвентарь, сопровождавший женщин, представлен в основном сосудами и разнообразными украшениями. Орудия труда (небольшой бронзовый ножик хозяйственного назначения и шилья) можно рассматривать как явление исключительное.

Индивидуальные детские захоронения широко представлены в погребальных комплексах могильника Майтан. Из 101 могилы, соотносимых по основным показателям с захоронениями детей, в качестве индивидуальных можно рассматривать 84 сооружения, среди которых можно выделить две группы.

Группа 1 объединяет 35 конструкций (табл. 10), среди которых каменные ящики (26 экз.), грунтовые ямы (8 экз.) и комбинированная могила. Характерными признаком данной группы является отсутствие костных останков детей, при наличии в большинстве случаев неповрежденных одного, реже двух сосудов, и, как исключение, присутствие единичных вещей.

Группа 2 объединяет 49 сооружений (табл. 11), среди которых каменные ящики (29 экз.), грунтовые ямы (18 экз.) и комбинированные могилы (2 экз.).

Характерными признаком данной группы является наличие костных останков детей. Во всех зафиксированных случаях погребенные лежат на левом боку, в скорченном положении (30 экз.). В ориентации костяков преобладает широтное направление, с отклонениями к северу и югу, как исключение отмечено и меридиональное расположение костяков, среди которых встречается и северное, и южное направления. Детей обычно сопровождает один-два сосуда, располагающихся в головах или перед лицом, как исключение, три (огр. 36А, мог. 3; 37, мог. 1), четыре (огр. 36В, мог. 1) и семь (огр. 29В, мог. 2) сосудов. Присутствие вещевого инвентаря не характерно, зафиксированы только отдельные изделия из бронзы, кости и пасты. В одном случае ребенка сопровождал бронзовый нож, помещенный в один из ритуальных сосудов острием вверх (огр. 36В, мог. 1), в другом подростка сопровождали астрагалы для игры в кости (огр. 39, мог. 1).

Анализируя возрастные показатели погребенных детей, необходимо отметить, что среди погребенных преобладают младенцы до одного года и дети младшей возрастной группы – в возрасте от 1 года до 7–9 лет. Количество погребений детей старшего возраста и подростков незначительно. Вероятно, в могилах, в которых отсутствовали костные останки, были погребены в свое время дети младших возрастных групп.

Особенности расположения детских могил в огражденном погребальном пространстве позволяет предполагать предусмотренное традициями подчиненное положение детских захоронений по отношению к захоронениям взрослых.

Характерные признаки детских могил с несохранившимися костяками

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Тип могильного сооружения			Ориентировка могилы	Инвентарь
			Каменный ящик	Грунтовая яма	Комбинированная конструкция		
1	2	3	4	5	6	7	8
1	2	6	+			СВ-ЮЗ	Сосуд. На краю могилы жертвенник – череп и две конечности МРС
2	5В	1	+			СВ-ЮЗ	Фрагменты керамики. На краю могилы жертвенник – сосуд, череп и две конечности МРС
3	7Е	1	+			ВСВ-ЗЮЗ	Сосуд
4	10А	4	+			ССЗ-ЮЮВ	Сосуд
5		3		+		ЗСЗ-ВЮВ	Сосуд. На перекрытии жертвенник – две конечности теленка
6	17А	2		+		СВ-ЮЗ	Сосуд
7	17Г	1	+			ССЗ-ЮЮВ	Фрагменты керамики
8	18А	4	+			З-В	Сосуд
9		5		+		СВ-ЮЗ	Сосуд
10	18Б	1		+		СВ-ЮЗ	Сосуд
11		2		+		СВ-ЮЗ	2 сосуда
12		4	+			СВ-ЮЗ	Сосуд
13	18В	2	+			С-Ю	Сосуд
14		3	+			СЗ-ЮВ	Сосуд
15	18Д	2	+			СВ-ЮЗ	3 бронзовые листовидные подвески
16	18И	1	+			ВСВ-ЗЮЗ	Сосуд
17	22А	2	+			СЗ-ЮВ	Поддон от сосуда, трубчатые кости животного
18	23А	5	+			СВ-ЮЗ	Сосуд
19	23Д	2	+			ВСВ-ЗЮЗ	Фрагменты керамики. На краю могилы жертвенник – вкопанный в грунт сосуд
20	26	2	+			СЗ-ЮВ	Сосуд
21	27В	1	+			СЗ-ЮВ	Сосуд, керамическая поделка
22	30А	2	+			СЗ-ЮВ	Сосуд, 2 браслета, спиралевидная подвеска
23	34А	2		+		З-В	Сосуд
24	36Д	1			+	СВ-ЮЗ	Сосуд
25	38	2	+			З-В	Сосуд

1	2	3	4	5	6	7	8
26	39	2	+			С–Ю	Сосуд
27	41А	3	+			СЗ–ЮВ	2 сосуда
28	42	2	+			ЗСЗ–ЮЮВ	Сосуд
29		3	+			СЗ–ЮВ	
30		5		+		С–Ю	Сосуд
31		6	+			ССЗ–ЮЮЮВ	Сосуд
32		7	+			С–Ю	
33	43	2	+			З–В	Сосуд
34		3	+			С–Ю	
35	49	2		+		СЗ–ЮВ	Сосуд

Таблица 11

Характерные признаки детских индивидуальных захоронений

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Тип могильного сооружения			Возраст ребенка, лет	Поза погребенного		Ориентировка	Сопровождающий инвентарь
			Каменный ящик	Грунтовая яма	Комбинированная конструкция		Скорчено на левом боку	Не определена		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	4Г	1	+			3–4		+		2 сосуда
2	4Е	1	+			7–9		+		Сосуд, подвеска из резца КРС
3	6	2		+		4–6		+		Сосуд
4		3		+		До 1	+		ЗСЗ	Сосуд
5		4		+		До 1	+		ЗСЗ	Сосуд
6		5		+		До 1	+		Ю	Сосуд
7		6		+		До 1	+		ЮЮЗ	Сосуд
8		7		+		До 1	+		ЮЗ	Сосуд
9		8		+		До 1	+		ЮЗ	Сосуд
10		9		+		До 1	+		ЗСЗ	Сосуд
11		10		+		До 1	+		СЗ	Сосуд
12		11		+		До 1	+		СЗ	Сосуд
13		12	+			До 1	+		З	2 сосуда
14	7Б	2	+			?		+		
15	8В	1	+			10		+		3 фрагмента керамики
16	9Б	1	+			?		+		3 фрагмента керамики
17		2	+			3	+		ЮЗ	Сосуд
18	10Б	2	+			4–6		+		Сосуд, астрагал, поделка из рога оленя

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
19	15А	2	+			?		+		
20	15В	1	+			2–3	+		ЮЗ	2 сосуда, украшения
21	18А	1		+		9–10		+		2 сосуда, бронзовая подвеска, ребро собаки или лисицы
22		2		+		10	+		ЮЗ	2 сосуда
23		3	+			2–3	+		С	Сосуд
24	18Б	3	+			2–3	+		ЮЗ	2 сосуда
25	18Г	1	+			2	+		3	2 сосуда
26	18Д	1	+			7–9	+		ЮЗ	2 сосуда
27	18Ж	1	+			До 0,5	+		СЗ	Сосуд
28	20	2	+			4–5		+		Сосуд
29	22А	3		+		2–3	+		ЮЮВ	Сосуд, две пастовые бусины
30	23А	4	+			3–5		+		Сосуд
31	28Б	1	+			2–3	+		С	Сосуд, подвеска из раковины
32	29В	2	+			5	+		СЗ	7 сосудов
33	29Г	2		+		До 1	+		ЮЗ	Сосуд
34	30Б	1		+		5–6	+		Ю	2 сосуда
35	32Б	1	+			1–2		+		Обломок сосуда, три пастовые бусины, две подвески из клыков лисицы
36	36А	3	+			10–14	+		СЗ	3 сосуда
37		6			+	2–3	+		3	Сосуд, 12 бронзовых бусин
38		8			+	1–3		+		Сосуд
39	36В	1	+			6		+		4 сосуда, бронзовый нож, три подвески из клыков
40	36Г	1	+			4–6	+		3	2 сосуда
41		2	+			3–4		+		Сосуд, украшения
42	37	1	+			5		+		3 сосуда, две бронзовые пронизи
43	39	1	+			12–15		+		3 астрагала МРС
44	41А	2		+		До 0,5	+		С	2 сосуда
45	41Б	3		+		3–4	+		3	Сосуд, браслет, ожерелье
46	42	4	+			До 0,5	+		СЗ	Сосуд, бронзовая обойма
47	45	2	+			До 1		+		Обломки сосуда, две бронзовые бусины
48	48	2	+			8–10		+		Обломки сосуда, бронзовая бусина
49	49	3		+		До 1	+		ЮЗ	Сосуд, бронзовые браслеты

В большинстве случаев детские могилы вторичны и обычно смещены от центра в один из секторов ограды (огр. 2, 22В, 26, 29Г, 30А, 38, 43, 45), пристройки (огр. 7Б, 41Б) или располагаются за пределами огражденного пространства (огр. 10А, 17А, 20, 36А, 41А). В то же время достаточно часто встречаются и обособленные детские захоронения, располагавшиеся в отдельных дополнительных пристройках (огр. 5В, 15В, 17Г, 28Б, 30Б).

Только две погребальные конструкции можно рассматривать как специализированные, соотносимые с детской возрастной группой:

– сложносоставная ограда 18, объединяющая девять конструкций, содержащих 21 могилу, причем только две могилы, располагавшиеся во вторичных пристройках, сопоставимы по размерам с конструкциями, характерными для захоронения взрослых людей;

– ограда 39 содержала два каменных ящика, в одном, судя по находкам, был погребен подросток мужского пола в возрасте 12–15 лет, второй предназначался для ребенка младшей возрастной группы.

Парные разнополюе захоронения. Наибольшее разнообразие отдельных элементов погребальной обрядности наблюдается среди парных захоронений, отмеченных в 27 поминальных конструкциях могильника Майтан (табл. 12). Они представлены погребениями всех половозрастных групп: взрослых мужчин и женщин, подростков, детей младшего возраста, младенцев, мужчин и женщин с детьми. Особо выделяются захоронения в спаренных ящиках, а также индивидуальные захоронения мужчин и женщин, совместно захороненных в одной ограде или в ограде с пристройкой.

Большинство погребений совершено в каменных ящиках, но, как исключение, выявлена грунтовая яма (огр. 14) и комбинированная могила, северная стенка которой укреплена тремя небольшими плитами (огр. 43, мог. 1). В то же время взаимосвязи парных захоронений с определенным типом надмогильного сооружения не прослеживаются, а их сопровождение достаточно индивидуально. Они размещаются в одиночных индивидуальных могилах (огр. 14, 31); сопровождаются детскими погребениями, располагавшимися за оградой и в насыпи (кург. 6), в пределах или за пределами огражденного пространства (огр. 17А, 22А, 43). Иногда парные захоронения, располагаясь в основных оградах, сопровождаются пристройками, содержащими захоронения мужчины (огр. 25Б), ребенка (огр. 30Б), или являются вторичными по отношению к центральной могиле (огр. 44А, мог. 2). Отмечены парные погребения и в основных оградах (огр. 4А, 29А, 50А), и в пристройках (огр. 4Б, 18В, 44Б, 50Б). Достаточно часто парные разнополюе захоронения расположены в оградах, содержащих две – четыре могилы (огр. 2, 8А, 27А, 28А, 36А).

Особым видом парных разнополюх погребений являются ярусные захоронения:

– в одном случае на дне размещался костяк мужчины, перекрытый расположенным выше женским скелетом, причем и мужчина, и женщина имеют идентичную позу и ориентировку (огр. 46);

– в остальных случаях на дне фиксировались останки женских костяков, уложенных на правый (огр. 18А, мог. 1) или левый (огр. 50В, мог. 1) бок; поза мужчин, располагавшихся выше и перекрывавших останки женщин, не определена.

Характерные черты парных разнополох захоронений

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Пол и возраст	Поза погребенного	Ориентировка погребенного	Взаимоположение погребенных
1	2	3	4	5	6	7
1	2	2	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	СЗ СЗ	Мужчина лежал за спиной женщины
2	4А	1	Мужчина (20–25 лет) Женщина (не старше 25 лет)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено
3	4Б	1	Мужчина (20 лет) Женщина (16–18 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	З З	Мужчина лежал за спиной женщины (в верхней части заполнения встречены кости подростка 14 лет)
4	6	1	Мужчина (50–60 лет) Женщина (взрослая)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	СЗ СЗ	Мужчина лежал за спиной женщины
5	7Г	1	Мужчина (?) Женщина (?)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено
6	8А	3	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено
7	14	1	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Скорченно на левом боку Скорченно на правом боку	ЗЮЗ ЗЮЗ	Лицом друг к другу. Кости ног женщины перекрывают кости ног мужчины
8	15А	4	Мужчина (около 30 лет) Женщина (молодая)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	З З	Мужчина лежал за спиной женщины
9	17А	1	Мужчина (взрослый) Женщина (юная)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	ЗСЗ ЗСЗ	Мужчина лежал за спиной женщины
10	18В	1	Мужчина (20–25 лет) Женщина (18 лет)	Не определена Скорченно на правом боку	Не определена З	Реконструируется ярусное захоронение: мужской костяк перекрывает женский, расположенный на дне

1	2	3	4	5	6	7
11	22A	1	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено
12	25A	1	Мужчина (50–60 лет) Женщина (30–40 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	ЗСЗ ЗСЗ	Женщина лежала за спиной мужчины
13	27A	1	Мужчина (18–20 лет) Женщина (молодая)	Скорченно на левом боку Не определена	ЗСЗ Не определена	Не определено
14	27A	2	Мужчина (?) Женщина (15–18 лет)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Лицом друг к другу (?)
15	28A	2	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Скорченно на левом боку Скорченно на правом боку	3 3	Лицом друг к другу
16	28A	3	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	3 3	Мужчина лежал за спиной женщины
17	29A	1	Мужчина (20–25 лет) Женщина (14–18 лет)	Скорченно на правом боку Скорченно на правом боку	СЗ СЗ	Мужчина лежал за спиной женщины
18	30A	1	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Скорченно на левом боку Не определена	3 Не определена	Лицом друг к другу (?)
19	31	1	Мужчины (взрослый) Женщина (взрослая)	Скорченно на левом боку Скорченно на правом боку	3 3	Лицом друг к другу
20	36A	2	Мужчина (20–30 лет) Женщина (30–35 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на правом боку	СЗ СЗ	Лицом друг к другу. Кости рук и ног женщины перекры- вают кости мужчины
21	41A	1	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Не определена Скорченно на левом боку	Не определена СЗ	Мужчина лежал за спиной женщины (?)
22	43	1	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	3 3	Мужчина лежал за спиной женщины

1	2	3	4	5	6	7
23	44А	2	Мужчина (молодой) Женщина (молодая)	Скорченно на правом боку Скорченно на правом боку	СВ СВ	Женщина лежала за спиной мужчины
24	44Б	1	Мужчина (молодой) Женщина (молодая)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	СВ СВ	Мужчина лежал за спиной женщины
25	46	1	Мужчина (взрослый) Женщина (40 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	ЗСЗ ЗСЗ	Ярусное захоронение. Мужчина лежал на дне, женщина выше, перекрывая его
26	50А	1	Мужчина (25–40 лет) Женщины (около 20 лет)	Скорченно на левом боку Слабо-скорченно на правом боку	ЮЗ ЮЗ	Лицом друг к другу. Кости ног взаимно перекрываются
27	50В	1	Мужчина (взрослый) Женщина (18 лет)	Не определена Скорченно на левом боку	Не определена ЮЗ	Реконструируется ярусное захоронение: мужской костяк перекрывает женский, расположенный на дне

Погребенные мужчины и женщины уложены в скорченном положении на левый или правый бок, преобладает западная ориентировка, с отклонениями на юг или север; исключением являются два захоронения, в которых погребенные ориентированы головами на северо-восток (огр. 44). В двух могилах, содержащих парные разнополюсные захоронения, женские костяки размещены с некоторым отклонением от традиционного канона: в одном – на правом боку, с вытянутыми горизонтально ногами (огр. 50А, мог.); в другом – на правом боку, с разворотом туловища на спину и руками, сложенными крест-накрест в области живота (огр. 36А, мог. 2).

Особенности размещения умерших в пределах погребального пространства могил позволяет констатировать наличие двух основных позиций относительно друг друга – на одном боку и лицом друг к другу:

– в первом случае мужчины и женщины укладывались на левый или правый (огр. 29А, мог.) бок, причем мужчина размещался за спиной женщины; исключением являются два захоронения, в которых погребенные лежат на левом (огр. 25А, мог.) или правом (огр. 44А, мог. 2) боку, но в их взаиморасположении отмечен альтернативный способ размещения – женщины располагались за спинами мужчин;

– во втором случае погребенные лежат лицом друг к другу – мужчина на левом, женщина – на правом боку; во всех фиксируемых случаях женский костяк всегда перекрывал мужской (огр. 14, мог.; огр. 31, мог.; 36А, мог. 2).

Значительная часть погребенных, обнаруженных в парных разнополых захоронениях, характеризуется термином «взрослый». В тех случаях, когда возраст определяется индивидуально-цифровыми показателями, можно констатировать, что возраст мужчин всегда, иногда значительно, старше женщин. Исключением является единственное захоронение, где женщина значительно старше мужчины (огр. 36А, мог. 2).

Парное однополое захоронение отмечено в одной могиле – в центре грунтовой ямы, западная половина которой была укреплена плитами, компактной грудой лежали обломки шести сосудов, обложенные по периметру костями ног взрослого мужчины и юноши 18–20 лет, с четверной стороны неправильно-прямоугольный контур ограждения замыкал костяной наконечник стрелы (огр. 29Б, мог. 4).

Парные захоронения мужчин с детьми встречены в 5 погребальных конструкциях могильника (табл. 13). Они располагаясь в каменных ящиках и грунтовой яме со стенками, частично укрепленными каменными плитами (огр. 36А, мог. 1). Данные захоронения отмечены в отдельной ограде прямоугольной формы (огр. 20, мог. 1), пристройке (огр. 41Б, мог. 1) и групповых комплексах (огр. 2, мог. 5; 29Б, мог. 3; 36А, мог. 1). Во всех случаях взрослых или молодых мужчин в возрасте 16–25 лет сопровождают дети от 5 до 13 лет. Судя по сохранившимся в могилах и на костяках украшениям, половая принадлежность погребенных детей может соотноситься с женской частью коллектива, оставившего могильник.

Зафиксировано следующее взаимоположение и поза погребенных:

– погребенные лежат скорченно на левом боку – ребенок 5 лет размещен за спиной мужчины (огр. 20, мог. 1);

– погребенные лежат скорченно на левом боку – взрослый мужчина расположен за спиной девочки 10–13 лет (огр. 36А, мог. 1);

– погребенные лежат лицом друг к другу, кости ног мужчины перекрывают кости ног девочки – молодой взрослый мужчина на левом боку, девочка 10 лет на правом (огр. 41А, мог. 1).

Парные захоронения женщин с детьми встречены в 4 погребениях (табл. 14). Все исследованные захоронения располагались в каменных ящиках. Одно из них находилось в отдельной пристройке сложносоставного комплекса (огр. 17Д). Остальные соотносятся с одним поминальным комплексом, причем две могилы, содержавшие идентичные по основным параметрам захоронения (огр. 23А, мог. 1 и 3), располагались в основной ограде, сопровождаясь еще тремя каменными ящиками, содержавшими одиночные и групповое захоронения детей. Одна пристройка комплекса содержала захоронение женщины (огр. 23Б), вторая – мужчины (огр. 23В), третья – отдельные захоронения женщины и ребенка (огр. 23Д), последняя, встроенная между пристройками, – захоронение молодой женщины и новорожденного младенца (огр. 23Г).

Взаиморасположение погребенных определено только в одном случае. Женщина и ребенок были уложены на левый бок, скорченно, головой на запад, причем женщина лежала за спиной ребенка (огр. 23А, мог. 1). Судя по наличию низок бронзовых бус, располагавшихся на лодыжках ног, погребен-

Характерные черты парных захоронений мужчин с детьми

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Пол и возраст	Поза погребенного	Ориентировка погребенного	Взаимоположение погребенных
1	2	5	Мужчина (16–20 лет) Ребенок-девочка (7–9 лет)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено
2	20	1	Мужчина (18–25 лет) Ребенок (5 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	3 3	Ребенок лежал за спиной мужчины
3	29Б	3	Мужчина (взрослый) Ребенок (около 10 лет)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено
4	36А	1	Мужчина (взрослый) Ребенок-девочка (10–13 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	ЮЗ ЮЗ	Мужчина лежал за спиной девочки
5	41Б	1	Мужчина (молодой, взрослый) Ребенок-девочка (около 10 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на правом боку	Ю Ю	Лицом друг к другу. Кости ног мужчины перекрывают кости ног девочки

Характерные черты парных захоронений женщин с детьми

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Пол и возраст	Поза погребенного	Ориентировка погребенного	Взаимоположение погребенных
1	17Д	1	Женщина (14–16 лет) Ребенок (7–9 лет)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено
2	23А	1	Женщина (20–30 лет) Ребенок-девочка (3–5 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	3 3	Женщина лежала за спиной девочки
3	23А	3	Женщина (20–30 лет) Ребенок-девочка (3–5 лет)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено
4	23Г	1	Женщина (18 лет) Новорожденный младенец	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено

ного ребенка можно соотнести с женской половиной коллектива, оставившего могильник Майтан. В остальных могилах, содержавших парные захоронения женщин и детей, несмотря на ограбление, встречены пастовые бусы и изделия из бронзы (обломки желобчатых браслетов, в том числе с несомкнутыми концами, бляшка, обоймы, бусы). Можно предположить, что в большинстве случаев совместно с женщинами погребались только девочки.

Парные захоронения детей зафиксированы в 4 погребениях могильника Майтан (табл. 15). Все исследованные погребения располагались в каменных ящиках. Одно захоронение находилось в основной ограде, включавшей несколько могил с погребенными разных половозрастных групп (огр. 15А, мог. 1); второе – в пристройке, сопровождавшей основную ограду, в которой располагались три индивидуальных захоронения разновозрастных женщин (огр. 10Б, мог. 1); третье – в пристройке, содержавшей захоронение ребенка и парное погребение взрослого мужчины и девочки (огр. 41, мог. 2); четвертое обнаружено в сложносоставном поминальном комплексе, содержащем в основном захоронения детей (огр. 18К, мог.).

Во всех зафиксированных случаях погребенные лежат лицом друг к другу, мальчики на левом, девочки на правом боку. В трех захоронениях возраст погребенных детей идентичен: наиболее юная пара представлена младенцами до полугода, следующая соотносится со средней группой и имеет возраст 9–10 лет, третья близка подростковой группе – 10–12 лет, и только одна детская пара имеет существенные возрастные различия: мальчику 8–9 лет, девочке 4–5 лет. Половая принадлежность детей, уложенных на левый бок, соотнесена с мужской частью коллектива, тогда как половая принадлежность детей, уложенных на правый бок (за исключением младенцев), соотнесена с женской половиной

Таблица 15

Характерные черты парных захоронений детей

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Пол и возраст	Поза погребенного	Ориентировка погребенного	Взаимоположение погребенных
1	10Б	1	Мальчик (9–10 лет)	Скорченно на левом боку	3	Лицом друг к другу. Кости ног взаимно перекрываются
			Девочка (9–10 лет)	Скорченно на правом боку	3	
2	15А	1	Юноша (10–12 лет)	Скорченно на левом боку	3	Лицом друг к другу
			Девушка (10–12 лет)	Скорченно на правом боку	3	
3	18К	1	Ребенок (0,5 лет)	Скорченно на левом боку	ЮЗ	Лицом друг к другу
			Ребенок (0,5 лет)	Скорченно на правом боку	ЮЗ	
4	41Б	2	Мальчик (8–9 лет)	Скорченно на левом боку	ЗСЗ	Лицом друг к другу. Кости ног взаимно перекрываются
			Девочка (4–5 лет)	Скорченно на правом боку	ЗСЗ	

общества, оставившего могильник. Это подтверждается присутствием разнообразных и многочисленных украшений, в том числе и низок бронзовых бус, сохранившихся на лодыжках ног погребенных.

В качестве альтернативных парных захоронений, иногда непосредственно не содержащих два костяка в одной могиле, можно рассматривать спаренные ящики, отдельные ограды с двумя могилами и ограды с одной пристройкой, содержащие индивидуальные разнополюе захоронения.

Захоронения в спаренных ящиках. В пределах могильника Майтан обнаружено 6 погребальных конструкций, которые типологически можно рассматривать в качестве спаренных ящиков, характерной особенностью которых является наличие двух отсеков, разделенных пополам перегородкой. Сравнительный анализ показал, что захоронения в данных поминальных комплексах в большинстве случаев можно определять как парные захоронения и, как исключение, как групповые (табл. 16). Коллектив, создавший могильник Майтан, отдельных надмогильных конструкций для данного вида могил не соорудил. Все исследованные спаренные ящики вторичны, располагаясь в дополнительных, по отношению к основным оградкам, пристройках. Каждое из изученных сооружений имеет свои индивидуально-погребальные признаки и содержание:

- мужчина и женщина погребены индивидуально, в отдельных отсеках, мужчина в южном секторе, женщина – в северном (огр. 2);

- две женщины погребены отдельно, каждая в своем отсеке (огр. 17В);

- два младенца погребены отдельно, но, несмотря на идентичный возраст погребенных, северный отсек был несколько больше южного (огр. 18З);

- конструкция, содержащая индивидуально-парное захоронение: в северном секторе погребен ребенок 5 лет, в южном – парное захоронение детей разного возраста (3–5 и 2–4 лет); младший ребенок лежал за спиной старшего (огр. 8Г);

- индивидуально-парное захоронение, в северном отсеке погребена женщина 18–20 лет, в южном – взрослые мужчина и женщина, уложенные лицом друг к другу (огр. 27Б);

- двойное парное захоронение: в южном отсеке были погребены взрослый мужчина и молодая женщина, в северном – старая женщина и младенец в возрасте до полугодка (огр. 50Б).

Во всех определимых случаях взрослые и дети уложены на левый бок в скорченном положении, головой ориентированы на запад, с отклонениями к югу или северу. Только в парном захоронении, где женский костяк перекрывал мужской, умершие уложены лицом друг к другу, мужчина лежал на левом, женщина – на правом боку.

Захоронения в овальных оградах. В качестве своеобразных парных захоронений можно рассматривать индивидуальные погребения, выявленные в пяти оградах, вытянутых, за исключением одной, в меридиональном направлении. Внутри огражденного пространства находятся две симметрично расположенные могилы, смещенные в южный и северный сектора околomoгильной конструкции (табл. 17).

Характерные признаки захоронений, расположенных в спаренных ящиках

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Пол и возраст	Поза погребенного	Ориентировка погребенного	Взаимоположение погребенных
1	2	3 южная	Мужчина (взрослый)	Скорченно на левом боку	СЗ	Не определено
		4 северная	Женщина (18 лет)	Не определена	Не определена	
2	8Г	1 северная	Ребенок (5 лет)	Не определена	Не определена	В заполнении встречено 3 зуба взрослого человека
		2 южная	Ребенок (3–5 лет) Ребенок (2–4 года)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	ЮЗ ЮЗ	Младший ребенок лежал за спиной старшего
3	17В	1 северная	Женщина (20–25 лет)	Скорченно на левом боку	ЮЗ	Останки погребенной в южной камере располагались за спиной женщины, погребенной в северной камере
		2 южная	Женщина (?)	Скорченно на левом боку	ЮЗ	
4	18З	1 южная	Ребенок (0,5 лет)	Скорченно на левом боку	СЗ	Останки младенца, погребенного в южной камере, располагались за спиной ребенка, погребенного в северной камере
		2 северная	Ребенок (0,5 лет)	Скорченно на левом боку	ЗСЗ	
5	27Б	1 южная	Мужчина (взрослый) Женщина (старше 25 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на правом боку	СЗ СЗ	Лицом друг к другу. Кости ног женщины перекрывают кости ног мужчины
		2 северная	Женщина (18–20 лет)	Скорченно на левом боку	СЗ	Останки женщин лежат спиной друг к другу
6	50Б	1 южная	Мужчина (взрослый) Женщина (молодая)	Не определена Не определена	Не определена Не определена	Не определено
		2 северная	Женщина (старая) Ребенок (0,5 лет)	Скорченно на левом боку Не определена	СЗ Не определена	

Характерные черты погребальной обрядности оград, содержащих две могилы

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Тип могилы	Пол и возраст	Поза погребенного	Ориентировка погребенного	Взаимоположение погребенных
1	13	1 южная	Грунтовая яма	Мужчина (20–25 лет)	Скорчено на левом боку	3	Останки мужчины, погребенного в южной могиле, формально располагались за спиной женщины, погребенной в северной могиле
		2 северная	Каменный ящик	Женщина (взрослая)	Скорчено на левом боку	3	
2	17Б	1 северная	Каменный ящик	Женщина (18 лет)	Не определена	Не определена	Не определено
		2 южная	Каменный ящик	Мужчина (взрослый)	Скорчено на левом боку	ЮЗ	
3	21	1 южная	Грунтовая яма	Не определены	Не определена	Не определена	Не определено
		2 северная	Каменный ящик	Женщина (взрослая)	Скорчено на левом боку	3	
4	37	1 северная	Каменный ящик	Ребенок (5 лет)	Не определена	Не определена	Не определено
		2 южная	Каменный ящик	Женщина (юная)	Скорчено на левом боку	3	
5	48	1 южная	Грунтовая яма	Мужчина (взрослый)	Скорчено на левом боку	3	Не определено
		2 северная	Каменный ящик	Ребенок (8–10 лет)	Не определена	Не определена	

Несмотря на ряд общих признаков, характерных для погребальной обрядности данной группы, необходимо отметить и отдельные черты, связанные с индивидуальными свойствами каждой из конструкций и половозрастными характеристиками погребенных:

- две овальные ограды наиболее близки между собой; в каменных ящиках, располагавшихся в северной части огражденного пространства, погребены женщины, в грунтовых ямах (в одной какие-либо материальные останки отсутствовали), размещенных в южной части, – мужчины (огр. 13, 21);

- в прямоугольной ограде, содержащей два каменных ящика, в южной половине был погребен мужчина, в северной – женщина (огр. 17Б);

- в грунтовой яме в южной части овальной ограды погребен мужчина, в северном каменном ящике – ребенок в возрасте 8–10 лет (огр. 48);

- в двух каменных ящиках овальной ограды погребены: в южной части юная женщина, в северной – ребенок 5 лет (огр. 37).

Во всех определяемых случаях погребенные лежат в скорченном положении, на левам боку. В овальных оградах костяки ориентированы головами на запад, в прямоугольной – на юго-запад. Взаимоположение погребенных относительно друг друга удалось проследить только в одном случае – оба погребенных были уложены на левый бок, и если исходить из особенностей пространственного размещения парных захоронений, то погребенный мужчина располагался за спиной женщины (огр. 13). Можно предполагать, что подобные ограды сооружались преднамеренно с перспективой совместного захоронения мужчин и женщин в разных могилах, но какая из них (мужская или женская) сделана раньше, какая позже, установить не удалось.

Захоронения в овальных оградах с пристройками. В качестве особой разновидности погребальных конструкций, соотносимых с парными захоронениями можно рассматривать несколько оград с одной пристройкой (табл. 18). Характерным признаком данных сооружений является наличие отдельных индивидуальных могил в каждой части огражденного пространства: и в основной ограде, и в пристройке. Своеобразное отличие данного типа сооружений связано с особенностями расположения дополнительного погребального сооружения относительно линии горизонта – с северной или южной стороны от основной конструкции. Основным сближающим фактором между погребальными сооружениями является половозрастной признак – во всех центральных оградах были погребены взрослые мужчины, тогда как в пристройках – женщины разного возраста.

Преобладающим видом могильных конструкций данной группы захоронений являются каменные ящики, но единично встречены и мужское, и женское погребения, размещенные в грунтовых ямах. Одна из оград содержала дополнительное вводное захоронение взрослого мужчины (грунтовая яма с двумя стенками, укрепленными небольшими тонкими плитками), впущенное в грунт между основной оградой и пристройкой (огр. 34). Основная часть могил вытянута в широтном направлении, причем их ориентировка в оградах и пристройках обычно совпадает. Во всех определяемых случаях погребенные укладывались скорченно на левый бок, головой на запад. В одном случае, исходя из особенностей пространственного размещения погребенных относительно друг друга, мужчина располагался за спиной женщины (огр. 15Б и Г).

Характерные черты погребальной обрядности оград с одной пристройкой

№ п/п	№ ограды	№ могилы	Тип могилы	Пол и возраст	Поза погребенного	Ориентировка погребенного	Местоположение пристройки и взаимоположение погребенных
1	15 Б	1	Каменный ящик	Мужчина (взрослый)	Скорчено на левом боку	ЗЮЗ	Пристройка расположена с северо-запада. Исходя из пространственного размещения, останки мужчины располагались за спиной женщины
		Г	Каменный ящик	Женщина (18–20 лет)	Скорчено на левом боку	ЮЗ	
2	33 А	1	Грунтовая яма	Мужчина (взрослый)	Не определена	Не определена	Пристройка расположена с юго-восточной стороны. Не определено
		Б	Каменный ящик	Женщина (взрослая)	Не определена	Не определена	
3	34 А	1	Каменный ящик	Мужчина (35–40 лет)	Скорчено на левом боку	3	Пристройка расположена с юга. Не определено
		Б	Грунтовая яма	Женщина (молодая)	Не определена	Не определена	
			3 вводная	Грунтовая яма	Мужчина (взрослый)	Скорчено на левом боку	3

Коллективные захоронения. В данную группу объединены четыре могилы, содержавшие разрозненные останки трех костяков (табл. 19). Захоронения размещались в грунтовой яме и каменных ящиках. Все захоронения данной группы разграблены, поза и особенности взаиморасположения не определены. Каждая из могил содержала не характерный для других индивидуальный половозрастной набор костных останках. В грунтовой яме находились останки двух взрослых женщин и ребенка (огр. 29Б, мог. 2). В одном каменном ящике обнаружены кости мужчины и двух женщин (огр. 8А, мог. 1), во втором – трех женщин (огр. 22Б, мог.), в третьем – трех подростков, имеющих между собой некоторые возрастные отличия (огр. 23А).

Таблица 19

Характерные признаки групповых захоронений

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Тип могильного сооружения		Ориентировка могилы	Возраст погребенных	Поза погребенного	Сопровождающий инвентарь
			Каменный ящик	Грунтовая яма			Не определена	
1	8А	1	+		ВСВ–ЗЮЗ	Мужчина (18 лет) Женщина (взрослая) Женщина (18 лет)	+ + +	5 сосудов, украшения из бронзы, кости, пасты
2	22Б	1	+		СЗ–ЮВ	Женщина (юная) Женщина (юная) Женщина (юная)	+ + +	2 сосуда, украшения из бронзы, рога, кости, раковин, пасты
3	23А	2	+		З–В	Подросток (12–14 лет) Подросток (12–14 лет) Ребенок (10 лет)	+ + +	5 сосудов, украшения из кости, раковин, пасты
4	29Б	2		+	З–В	Женщина (взрослая) Женщина (взрослая) Ребенок (6–10 лет)	+ + +	Неорнаментированные фрагменты керамики, обломок бронзовой листовидной подвески

Исследованные могилы располагаются как в основных сооружениях (огр. 8А, 23А), так и в пристройках (огр. 22Б, 29Б), содержащих в огражденном пространстве, за исключением одной конструкции, 3–5 могил (огр. 8А, 29Б, 23А). Несмотря на ограбление, во всех захоронениях обнаружен сопровождающий инвентарь: обломки сосудов и разнообразные украшения из бронзы, кости, рога, раковин, пасты.

ОБЩЕЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Обобщив данные исследованных погребальных комплексов могильника Майтан, можно констатировать, что, несмотря на ограбление значительной части могильных сооружений, позу и ориентировку погребенных удалось установить в 131 случае. Степень скорченности костяков различная: от слабо до сильноскорченности, некоторые скелеты несут следы насильственного слома, особенно в области костей стоп. Погребенные лежат в основном на левом боку – 113 (86,3 %), значительно реже на правом – 18 (13,7 %). Лишь в двух случаях в могиле встречены одиночные костяки, уложенные на правый бок (огр. 15Д, мог. 3, 29Б, мог. 1), которые, согласно как антропологическому определению, так и сопровождавшему их инвентарю, соответствуют захоронениям женщин.

Выявлено свыше 50 разнообразных парных погребений, причем положение обоих умерших относительно друг друга удалось зафиксировать в 32 случаях (в значительной серии одиночных и спаренных ящичков установлена поза только одного погребенного). В двух спаренных ящичках найдены остатки трех костяков: два в одном отсеке, третий – во втором (огр. 8Г, 27Б); в одном – останки двух костяков в каждом из отсеков (огр. 50Б). Парные погребения зафиксированы для всех возрастных групп: младенцев, детей младшего возраста, подростков, взрослых. Отдельно можно выделить парные погребения мужчин и женщин с детьми (соответственно 5 и 4 случая). Поза и положение костяков в парных погребениях не отличаются устойчивостью: оба на левом (19) или правом (2) боку; один на левом, другой на правом боку (11). Судя по размерам костей и вещам, в тех случаях, когда положение костяков одинаково, мужчина лежит за спиной женщины; когда костяки лежат лицом друг к другу, мужчина размещен на левом, женщина на правом боку. Данный принцип взаиморасположения умерших внутри погребального пространства характерен для всех возрастных групп, содержавших парные погребения. Исключением являются три захоронения: в одном за спиной мужчины размещался ребенок (огр. 20, мог. 1), в остальных – за спиной мужчин находились женщины (огр. 25А, мог.; 44А, мог. 2). Наиболее своеобразными являются ярусные погребения, в двух случаях первоначально погребались женщины, с последующим подзахоронением мужчины; в одном прослежено обратное соотношение последовательности размещения в могиле мужчины и женщины. В групповых захоронениях, которые можно рассматривать как своеобразный вариант парных, позу погребенных определить не удалось, но по половозрастным показателям в них преобладают останки женщин и детей.

В ориентировке костяков преобладает западное направление – 67 (51,1 %), с отклонением к югу – 26 (19,8 %), или северу – 25 (19,1 %); достаточно редко встречается меридиональное размещение костяка с направлением головой на север – 3 (2,3 %), или юг – 5 (3,8 %). В двух могилах одной ограды, содержащих парные разнополюсные захоронения, костяки погребенных ориентированы головами на северо-восток – 4 (3,1 %; огр. 44). Исключением из общего правила является одна могила, содержащая захоронение ребенка, ориентированного головой на юго-юго-восток (0,8 %; огр. 22А, мог. 3).

Умерших сопровождали от одного-двух до трех-четырёх сосудов, как исключение, отмечено пять – семь сосудов, стоящих в изголовье или перед лицом погребенного, иногда они находились у изгиба колена или в ногах. В качестве погребальной пищи, вероятно, использовались растительные или молочные продукты; в погребальные сосуды одной из могил был налит мясной бульон – в заполнении и на дне емкостей найдены мелкие рыхлые (проваренные) косточки (огр. 48, мог. 1). Можно допустить, что бульон с мелкими кусочками мяса мог широко использоваться в качестве заупокойной пищи наряду с растительной и молочной. Для поминовения умерших использовались как специально сделанные, так и обычные кухонные сосуды, что подтверждается значительной серией емкостей, покрытых мощным слоем сажи и нагара.

Кроме сосудов с пищей, погребенных, в зависимости от половозрастной категории, сопровождали и различные предметы материальной культуры: оружие, орудия труда, украшения.

В некоторых могильных конструкциях на дне фиксировались следы подстилки. Определенной закономерности в использовании данного элемента в системе погребальной обрядности не прослеживается. Подстилки отмечены как в индивидуальных захоронениях отдельных мужчин, женщин и детей, так и в парных захоронениях. Почему разнообразные типы подстилок использовались редко (отмечены в 7 % захоронений), объяснению не поддается (табл. 20).

Большинство подстилок сохранились в виде тлена толщиной от 1–2 до 5–6 мм черного, фиолетового или буро-фиолетового цвета. Фиолетовый оттенок обычно возникает при разложении войлочной кошмы. Тлен черного цвета, вероятно, мог сформироваться в процессе разложения подстилки из шерстяной ткани, причем не исключен и вариант преднамеренной окраски ткани в черный цвет. В одной могиле под мужским костяком фиксировалась подсыпка из мелкозернистого желтого песка; в другой, содержавшей захоронение женщины, на дне зафиксирована подстилка бордового цвета, поверх которой под костями таза погребенной располагались кучка пережеванных костей животных, а под позвоночником – слой желтой охры.

В ряде случаев ступни ног погребенных покрыты слоем фиолетового тлена, образовавшегося в результате разложения войлочной обуви. Одно парное погребение детей, кроме войлочной подстилки на дне, после захоронения было прикрыто куском кошмы, оставившей фиолетовый тлен поверх костей.

Половозрастные признаки погребенных и особенности подстилки

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Пол и возраст погребенного	Поза погребенного	Ориентировка костяка	Характеристика подстилки
1	7В	1	Мужчина (?)	Не определена		Подстилка буро-фиолетового цвета 5–6 мм
2	8А	2	Мужчина (взрослый, нестарый)	Скорченно на левом боку	3	Подсыпка из мелкого желтого песка мощностью 3–4 см
3	15Г	1	Женщина (18–20 лет)	Скорченно на левом боку	ЮЗ	Подстилка фиолетового цвета
4	20		Мужчина (18–25 лет) Ребенок (5 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	3 3	Подстилка буро-фиолетового цвета
5	22А	1	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Не определена Не определена		Подстилка черного цвета
6	23Д	1	Женщина (20 лет)	Скорченно на левом боку	ЗСЗ	Подстилка черного цвета
7	24	1	Женщина (25 лет)	Скорченно на левом боку	3	Подстилка бордового цвета, пережженные кости животных, подсыпка желтой охры
8	28	3	Мужчина (взрослый) Женщина (взрослая)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	3 3	Подстилка фиолетового цвета
9	34	1	Мужчина (35–40 лет)	Скорченно на левом боку	3	Подстилка фиолетового цвета
10	34	3	Мужчина (взрослый)	Скорченно на левом боку	3	Подстилка черного цвета
11	36А	1	Мужчина (взрослый) Ребенок (10–13 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на левом боку	ЮЗ ЮЗ	Подстилка черного цвета
12	36А	8	Ребенок (1–3 года)	Не определена		Подстилка черного цвета
13	36Г	2	Ребенок (3–4 года)	Не определена		Подстилка черного цвета
14	41Б	2	Мальчик (8–9 лет) Девочка (4–5 лет)	Скорченно на левом боку Скорченно на правом боку	ЗСЗ ЗСЗ	Подстилка фиолетового цвета в сочетании с дополнительным перекрытием костяков сверху
15	41Б	3	Ребенок (3–4 года)	Скорченно на левом боку	3	Подстилка фиолетового цвета

ОСОБЕННОСТИ САКРАЛЬНО-РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Характерной чертой погребальной обрядности коллектива, оставившего могильник Майтан, является наличие многочисленных и разнообразных жертвенников, свидетельствующих о посмертном поминовении умерших. Это указывает, с одной стороны, на наличие в общественном сознании достаточно сложных религиозно-идеологических воззрений, требовавших проведения определенных ритуальных действий, сопровождавших процесс захоронения умерших; с другой – на периодическом поминовении усопших на протяжении достаточно длительного периода времени. К сожалению, проследить отчетливую последовательность в развитии жертвенных комплексов в погребальном пространстве отдельных оград и пристроек, содержавших даже многочисленные жертвоприношения, не удалось.

Следы ритуально-поминальных действий отмечены в 73 оградах и пристройках могильника Майтан (64,6 %). Зафиксированы следующие разновидности жертвоприношений, осуществленные как при сооружении оград, пристроек и могил, так и в результате сложного процесса ритуала, совершаемого над мертвым телом и духом умершего:

- 1) принесение в жертву ребенка – 1 ограда (0,9 %);
- 2) сосуды с поминальной пищей – 56 оград (49,5 %);
- 3) сложносоставные комплексы, сочетающие сосуды и кости животных, – 15 оград (13,3 %);
- 4) целые лошадиные туши – 4 ограды (3,5 %);
- 5) кости животных – 27 оград (23,9 %).

Преобладают погребальные сооружения, содержащие один (30 оград – 26,6 %), реже два (19 оград – 16,8 %) однотипных жертвоприношения; значительно реже отмечены погребальные конструкции, содержащие от трех до шести ритуальных комплексов (24 ограды – 21,2 %) и, как исключение, отмечена пристройка, в которой обнаружено 13 жертвенников (огр. 29Б). В последних случаях обычно сочетаются различные виды жертвоприношений (табл. 21).

Многочисленные жертвенники характерны для оград и пристроек, содержащих 3–4 (огр. 8А, 10А, 18А, 23А, 28А, 29Б, 36А), реже 1–2 (огр. 27А, 29В, 29Г, 35, 46) и, как исключение, 6 могил (огр. 40). В количественном и качественном отношении в содержании ритуальных комплексов каких-либо закономерностей практически не прослежено. В отмеченных выше конструкциях прослеживается разнообразное сочетание погребенных как по половым, так и по возрастным характеристикам: индивидуальные захоронения мужчин (огр. 23В, 35), женщин (огр. 10А) и детей (огр. 18А); индивидуальные захоронения женщин и мужской кенотаф (огр. 40); ярусное разнополое захоронение мужчины и женщины (огр. 46), групповое, парное разнополое и индивидуальное мужское захоронения (огр. 8А), женщины и ребенка (огр. 23Г), парные разнополые погребения (огр. 27А и 44А); парные, групповое и женское индивидуальное (огр. 29Б).

Необходимо отметить, что поминальные комплексы отсутствуют в основном в погребальных конструкциях с одной могилой, содержащих как парные разнополые захоронения взрослых (огр. 14; огр. 31; 44Б) и детей (огр. 18К), так и

**Количественное распределение поминальных комплексов
по ограм и пристройкам**

№ п/п	Номер ограды	Содержание поминального комплекса					Всего
		Челове- ческое жертвопри- ношение	Сосуды	Сложно- составные жертвен- ники	Костяки лошадей	Кости животных	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	2			1		3	4
2	3		1				1
3	4А					1	1
4	Б		1				1
5	В		1				1
6	Г		1				1
7	Д		1				1
8	5А			1			1
9	Б		1				1
10	В			1			1
11	6		1				1
12	7А					1	1
13	Г				2	1	3
14	Д		2				2
15	8А		2	1		2	5
16	Г			1			1
17	9А		2				2
18	10А		3	1		1	5
19	Б					2	2
20	11Б		1				1
21	12			1			1
22	13		1			2	3
23	15А				1	1	2
24	17А		1				1
25	Г		1				1
26	18А		1	2		2	5
27	В		3				3
28	Г		3				3
29	3		2				2
30	20		1			1	2
31	22А		1			1	2
32	Б		2				2
33	23А		3	1			4
34	В		3				3
35	Г		3				3
36	Д		1				1

1	2	3	4	5	6	7	8
37	24		2				2
38	25А		2				2
39	Б		1	1			2
40	26					1	1
41	27А	1				3	4
42	Б		1				1
43	28А		4	1			5
44	Б					1	1
45	29А		1				1
46	Б		7	2		4	13
47	В		3		2	1	6
48	Г		3		2		5
49	30А		3			1	4
50	32А		3				3
51	33А			1			1
52	34		1			1	2
53	35		2			2	4
54	36А		3			1	4
55	В		1				1
56	Г		2				2
57	Д		1				1
58	37		2				2
59	38		3				3
60	39		3				3
61	40		3			1	4
62	41А			1		1	2
63	Б		1			1	2
64	42		1				1
65	44А		2			1	3
66	45		2				2
67	46		5	1			6
68	47					1	1
69	48		1				1
70	49					1	1
71	50А		1				1
72	Б		2				2
73	В		1				1
%	Итого	1/1	56/110	15/17	4/7	27/39	113/174
64,6		0,9/0,6*	49,5/63,2	13,3/9,8	3,5/4,1	23,9/ 22,3	%

* Числитель отражает соотношение оград и пристроек с наличием конкретных форм жертвоприношений, знаменатель – соотношение между отдельными видами поминальных приношений.

индивидуальные погребения мужчин (огр. 15Б), женщин (огр. 15Г), подростков (огр. 17Д; 27В) и детей (огр. 15В; 30Б; 32Б; 36Б). Своеобразным исключением является и отсутствие свидетельств каких-либо дополнительных ритуальных действий в погребальных конструкциях, содержащих внутри огражденного пространства по две могилы с захоронениями детей (огр. 18Д), мужчины и женщины (огр. 17Б; кург. 21), а также сочетание могил с захоронением ребенка и парного разнополого погребения мужчины и женщины (огр. 43). Кроме того, наиболее нехарактерной деталью погребальной ритуальной практики является отсутствие каких-либо ритуальных комплексов в двух пристройках: в одной находилась уникальная могильная конструкция – тройной ящик, в двух отсеках которой обнаружены захоронения по обряду кремации и в одном – ингумации (огр. 15Д); в другой отмечено 4 могилы с захоронениями детей (огр. 18Б).

Человеческое жертвоприношение. Этот вид жертвоприношения не характерен для всей андроновской ойкумены. В то же время можно допустить, что в силу чрезвычайно исключительного случая допускалось приношение в жертву умершим человека, в данном случае – ребенка.

Особенности одного поминального комплекса, исследованного в ограде 27А, свидетельствуют о существовании человеческих жертвоприношений. В огражденном пространстве располагалось два каменных ящика, содержащих, судя по обнаруженному инвентарю и костным остаткам, парные разнополые захоронения мужчин и женщин. Могилы, кроме поминальных комплексов содержащих кости крупного рогатого скота, сопровождало жертвоприношение ребенка. За оградой, у южных плит, в овальной ямке, накрытой каменной плитой, находился сосуд и череп ребенка 3–5 лет, располагавшиеся по диагонали углубления по одной линии запад – восток. Череп, у которого отсутствовали шейные позвонки, был установлен на основание, глазницы направлены на север, в сторону центральной части огражденного пространства. Сосуд располагался западнее, на расстоянии 5–8 см от черепа (рис. 69, 1, 10; 70, 5). Единственная близкая аналогия, связанная с жертвоприношением ребенка, отмечена в атасуском могильнике Шондынкорасы [Хабдулина, 2000, с. 45–46].

Поминальные сосуды. Наиболее массовый вид поминания умерших, связан с привнесением покойным сосудов, вовнутрь которых помещалась жертвенная поминальная пища. Данный способ жертвоприношения зафиксирован в 56 оградах и пристройках (49,5 %; табл. 21), в которых отмечено 110 жертвенников, содержащих 123 сосуда (табл. 22). Две жертвенные емкости можно рассматривать, с определенной долей условности, как деревянные изделия, и их наличие обосновывается находками бронзовых крепежных частей, использовавшихся для ремонта (огр. 27Б и 36В); остальные жертвенные сосуды изготовлены из глины. Использование в погребальной обрядности емкостей из нестойких материалов – дерева и кожи – практиковалось, вероятно, достаточно широко, но наличие данных изделий в силу их быстрого исчезновения фиксируется достаточно редко [Ткачев, 2002а, с. 278].

Преобладают ограды и пристройки с одним – тремя жертвенными сосудами: один поминальный сосуд встречен в 26 оградах, два в 13, и три – в 14 погребальных сооружениях. Значительное количество жертвенных емкостей отмечено в оградах, содержащих 3 (огр. 28А – 4 жертвенника) и 4 (огр. 29Б –

7 жертвенников) могилы. В одной из оград ярусное захоронение мужчины и женщины сопровождало 6 жертвенников, 5 из которых – сосуды (огр. 46).

Исходя из характерных признаков размещения ритуально-поминальных сосудов в погребальном пространстве оград, выделяются 4 основные группы: на перекрытии могилы, на краю погребального сооружения, в пределах огражденного пространства, за пределами погребального сооружения (табл. 22).

1. **Сосуды на перекрытии могилы.** Является наиболее редко сохранившимся способом жертвоприношения (5 случаев – 4,5 %; табл. 22). По одному сосуду встречено над захоронениями взрослых женщин (огр. 29Б, мог. 1; огр. 40, мог. 2 и 5) и двух разновозрастных мужчин (огр. 29Б, мог. 4). Умерших сопровождали неорнаментированная баночка (см. рис. 75, б) и орнаментированные горшочки (см. рис. 75, 13; 107, 4; 108, б). Одно парное захоронение мужчины и женщины (огр. 18В, мог. 1) сопровождали две емкости крупных размеров: нарядно орнаментированный горшок, установленный устьем вверх (см. рис. 46, 9), и сосуд горшечно-баночного облика, установленный альтернативно – вверх дном (рис. 46, 4).

Можно допустить, что в древности ритуальных комплексов, подобных выше охарактеризованным, могло быть значительно больше, но в результате разрушения перекрытий в процессе ограбления обломки жертвенных сосудов, установленных на них, смещены во внутренние сектора оград, запали вовнутрь могил или вообще выброшены на пределы погребального пространства. Данное предположение косвенно подтверждает и присутствие в верхней части отложений оград и ограбленных могил черепков, не соотносимых с емкостями, пусть и частично сохранившимися в придонной части погребальных камер.

Необходимо отметить, что альтернативный способ размещения жертвенных емкостей встречается достаточно редко. Так, в могильнике Нуртай сосуд, стоящий вверх дном, находился в небольшой грунтовой ямке, содержавшей, скорее всего, новорожденного младенца [Ткачев, 2002а, с. 170, рис. 5; 74, 5]. В могильнике Майтан стоящий верх дном сосуд также сопровождал погребенного младенца (огр. 41; см. рис. 113, 3; 112, 8). Другой сосуд, сопровождающий ребенка, установлен вверх дном у края могилы (кург. 6, мог. 2; см. рис. 14; 17, 13). В сложносоставном жертвеннике аналогично установленный сосуд сопровождал несколько детских захоронений (огр. 18; см. рис. 42, 3; 43, 8). Зафиксирован единственный случай, когда установленный вверх дном сосуд в сопровождении черепа КРС разместили на краю могилы, содержавшей парное разнополое захоронение мужчины и женщины (огр. 41; см. рис. 111, 2; 112, 1). Таким образом, альтернативное размещение емкостей в погребальном пространстве характерно скорее для детских захоронений, соотносимых с младшей возрастной группы, а также для взрослых мужчин и женщин, погребаемых в силу обстоятельств вместе. Между собой разновозрастные группы погребенных, скорее всего, сближает особенность смерти, которая наступила для окружающих неожиданно, что, в свою очередь, и требовало нетрадиционного жертвенного приношения конкретным умершим.

У современных народов Северной Азии, ведущих традиционный образ жизни, в идеологических воззрениях бытует представление о том, что потусторонний мир является обратным отражением мира живых и «...все, что

Распределение и местоположение поминальных сосудов

№ п/п	Номер ограды	Кол-во сосудов								Особенности местоположения
		На пере- крытии могилы		На краю могилы		В ограде		За оградой		
		1	2	1	2	1	2	1	2	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	3							+		Стоял на материке с СВ стороны.
2	4Б					+				Частично впущен в материк у В плит ограждения, обложен по периметру камнями
3	В			+						Впущен в материк у В стенки могилы
4	Г			+						На уступчике внутри могилы
5	Д					+				Впущен в материк в Ю секторе у плит ограждения ограды Г
6	5Б			+						Впущен в материк у ЮВ угла могилы
7	6			+						Установлен на материк вверх дном у ЮВ угла мог. 2, расположенной за оградой с Ю стороны
8	7Д					+	+			В овальной ямке у Ю плит ограждения. В овальной ямке у СВ плит ограждения, емкости перекрыты крышками из обломков сосудов
9	8А					+	+	+		В овальной ямке у ЮЗ плит ограждения, емкость закрыта крыш- кой из обломка сосуда. У ЮВ плит ограждения в округлой ямке, перекрытой плитой, емкость закрыта крышкой из обломка сосуда
10	9А					+	+	+		У ЮВ плит ограждения в овальной ямке, перекрытой плитой, внутри лежащего на боку сосуда находился фрагмент остро- реберного горшка. Впущен в материк в ЮЗ секторе

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	10А						+		Впущены в материк у С плит ограждения, с трех сторон обложены каменными плитками, один сосуд накрыт каменной крышкой. Впущен в материк в СВ секторе ограды. Впущен в материк близ ЮЗ угла мог. 1.
12	11Б							+	Впущен в материк у Ю плит ограждения
13	13				+				Впущены в материк у В стенки могилы
14	17А						+		В СЗ секторе ограды в овальной ямке, перекрытой плитой
15	Г							+	Впущен в материк у 3 плит ограждения, накрыт каменной плиткой
16	18А						+		Впущены в материк у Ю плит ограждения
17	В					+			Впущен в материк у СВ плит ограждения. Впущен в материк у 3 плит ограждения. Мог. 1: один – 3 – установлен устьем вверх; В – вверх дном
18	Г		+				+		Впущены в материк у С плит ограждения; одна емкость закрыта крышкой из обломка сосуда. Впущен в материк у В плит ограждения. Впущен в материк у Ю плит ограждения
19	3					+			Впущен в материк в С секторе ограды.
20	20					+			Впущен в материк у В стенки мог. 1; перекрыт каменной крышкой
21	22А								Впущен в материк в СЗ секторе у плит ограждения, перекрыт плитой, обложенной каменными плитками
	Б					+		+	Впущен в материк у 3 плит ограждения
						+			Впущен в материк у В плит ограждения. Впущен в материк у 3 плит ограждения
22	23А			+					Впущен в материк у СЗ угла мог. 1. Впущены в материк у 3 стенки мог. 4. Впущен в материк у В плит ограждения
23	В					+	+		Впущен в материк в ЮЗ секторе ограждения. Впущен в материк в Ю секторе ограждения. Впущен в материк у ЮВ угла могилы

24	Г									Впущен в материк в ЮЗ секторе ограды. Впущен в материк в Ю части ограды. Впущен в материк у ЮВ плит ограждения Впущен в материк у СЗ угла мог. 2
25	Д									Впущен в материк у В плит ограждения. Впущен в материк у 3 плит ограждения.
26	24								+	Впущен в материк близ СЗ угла могилы.
27	25А								+	Впущен в материк у Ю плит ограждения Впущен в материк у В плит ограждения
28	Б									Впущены в материк у СЗ плит ограждения; накрыты каменными плитками.
29	27Б								+	Впущен в материк между мог. 2 и 3. Впущен в материк близ 3 стенки мог. 1. Впущен в материк у Ю плит ограждения
30	28А								+	Впущен в материк в Ю половине ограды
31	29А									Впущен в материк у 3 стенки мог. 1. Впущен в материк у С стенки мог. 1. На плите перекрытия мог. 1.
32	Б								+	Впущен в материк между мог. 3 и 4. Впущен в материк у ЮЗ плит ограждения. На перекрытии мог. 4. Впущен в материк у С плит ограждения
33	В								+	Впущен в материк у черепа лошади, уложенной вдоль 3 стенки мог. 1. Впущен в материк между ног лошади, уложенной вдоль 3 стенки мог. 1. Впущен в материк за спиной лошади, уложенной вдоль В стенки мог. 1
34	Г								+	Впущен в материк у В плит ограждения. Впущен в материк у Ю плит ограждения. Впущен в материк у В плит ограждения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
35	30А					+			Впущен в материк у С плит ограждения. Впущен в материк у СЗ плит ограждения. Впущен в материк у 3 плит ограждения
36	32А					+	+		В овальной ямке, перекрытой плитой, СВ сектор. Удлиненно-трапецевидная яма, перекрытая плитой, у Ю плит ограждения; емкости закрыты крышками из обломков сосудов. В овальной ямке, перекрытой плитой, ЮВ сектор
37	34А							+	На материке у С плит ограждения
38	35							+	Впущен в материк у СВ плит ограждения. Впущен в материк у Ю плит ограждения, емкость перекрыта каменной крышкой
39	36А			+		+		+	Впущен в материк между мог. 2 и 3. Впущен в материк у ЮВ угла мог. 5. Впущен в материк у СВ плит ограждения
40	В							+	Деревянный сосуд, впущенный в материк у Ю плит ограждения
41	Г					+		+	Впущен в материк у Ю плит ограждения. Впущен в материк у Ю плит ограждения
42	Д					+			Впущен в материк у СЗ плит ограждения
43	37							+	В округлой ямке у В плит ограждения. В округлой ямке, перекрытой плитой, у В плит ограждения
44	38					+			Впущен в материк в СВ секторе ограды. Впущен в материк в ЮВ секторе ограды. Впущен в материк в С секторе ограды, перекрыт плитой
45	39					+		+	Впущен в материк в СЗ секторе ограды. Впущен в материк в ЮВ секторе ограды. Впущен в материк у В плит ограждения, обложен по периметру тремя плитками

46	40	+					+					На перекрытии мог. 2. Впущен в материк у С стенки мог. 4. На перекрытии мог. 5
47	41Б						+					Впущен в материк у ЮВ угла могилы 2
48	42							+				На материке, в С части погребальной площадки
49	44А							+			+	Впущен в материк у Ю плит ограждения, емкость перекрыта крышкой из обломка сосуда. Впущен в материк у ЮЗ плит ограждения
50	45							+	+			Впущен в материк в ЮВ секторе ограды. Впущен в материк в СЗ секторе, перекрыт каменной крышкой
51	46								+			Впущены в материк у СЗ плит ограждения. Впущен в материк у В плит ограждения. Впущен в материк у Ю плит ограждения, накрыт каменной плиткой. Впущен в материк у С плит ограждения, емкость перекрыта крышкой из обломка сосуда. Впущен в материк у СЗ плит ограждения
52	48										+	Впущен в материк между восточной стенкой могилы и плитами ограждения
53	50А								+			Впущен в материк у С плит ограждения
54	Б								+	+		Впущен в материк у ЮЗ угла мог. 1. Впущен в материк у СВ угла мог. 2
55	В											Впущен в материк в южной части ограды
	Кол-во жертвенников	4	1	19	2	55	8	21				110
	%	3,6	0,9	17,3	1,8	50,0	7,3	19,1				100
	Кол-во сосудов	4	2	19	4	55	16	21				121 (119 глиняных и 2 деревянных)
	%	4,9	19,1	58,6	17,4							100

перевернуто на земле, у мертвых находится в нормальном положении; именно поэтому переворачивают предметы, оставляемые на могиле для покойника, – если их вообще не разбивают: то, что разбито здесь, невредимо на том свете, и наоборот» [Элиаде, 1998, с. 159]. С этой идеей перекликаются и взгляды исследователей, занимающихся изучением древних и современных народов, ведущих традиционный образ жизни [Семенов, 1992, с. 32; Цимиданов, 2001–2002, с. 379; Косарев, 2011, с. 90–91; Молодин и др., 2012, с. 96–97]. Скорее всего, в представлениях современных этнических групп нашла отражение трансформация андроновских представлений о неестественной смерти погребаемого индивида, тем более что и в традиционных обществах описанный обряд применяется достаточно редко.

2. *Сосуды, установленные на краю могил.* Отмечен 21 случай данного вида ритуального приношения (19,1 %; табл. 22). Обычно один сосуд впущен в материковый грунт у восточной (огр. 4В, мог.; 183, мог. 1; 48, мог. 1), западной (огр. 28А, мог. 1) или северной (огр. 40, мог. 4) стенки могилы. Единично встречено размещение одновременно по одному сосуду у западной и северной стенок могильной ямы (огр. 29Б, мог. 1). В погребальной практике широко практиковалось и размещение сосудов у одного из углов могильного сооружения: юго-восточного (огр. 5Б, мог.; 23В, мог.; 36А, мог. 5; 41Б, мог. 2); северо-западного (огр. 23А, мог. 1; 23Д, мог. 2; 25А, мог.); юго-западного (огр. 10А, мог. 1). Приношение ритуальной пищи в индивидуальных емкостях характерно для всех половозрастных групп: для детей (огр. 183, мог. 1; 23Д, мог. 2), женщин (огр. 5Б, мог.; 10А, мог. 1; 29Б, мог. 1), мужчин (огр. 4В, мог.; 23В, мог.; 28А, мог. 1; 36А, мог. 5; 48, мог. 1), мужского кенотафа (огр. 40, мог. 4), а также парных захоронений детей (огр. 41А, мог. 2) и взрослых (огр. 25А, мог.), женщины и ребенка (огр. 23А, мог. 1).

Несколько случаев можно рассматривать как исключительное явление: одного ребенка дополнительно сопровождал сосуд, стоящий на уступчике в северо-западном углу ямы (огр. 4Г, мог.); второго ребенка – сосуд, установленный вверх дном за пределами могилы у юго-западного угла (кург. 6, мог. 2); в третьем случае у противоположных углов спаренного ящика (юго-западного и северо-восточного), содержащих парные захоронения мужчины и женщины, женщины и ребенка, были вкопаны острореберный горшок и баночка (см. рис. 120, 4, 5).

В двух случаях в жертвенных комплексах отмечено по два сосуда: в одной емкости горшечно-баночного облика, помещенные близ восточной стенки ямы, сопровождали мужчину (огр. 13, мог. 1; рис. 32, 11, 12); в другой сосуда баночного и горшечно-баночного типа, вкопанные у западной стенки ящика, – захоронение ребенка (огр. 23А, мог. 4; см. рис. 60, 3, 4).

3. *Сосуды, размещенные в пределах огражденного пространства.* Выявлено 63 жертвенных комплекса (табл. 22), среди которых абсолютно господствуют одиночные поминальные сосуды, впущенные в материковый грунт (55 случаев – 50 %). Распределение одиночных поминальных сосудов в пределах огражденного пространства далеко неравномерно: по одному сосуду обнаружено в 17, по два – в 13, по три – в 4 оградах. В 8 оградах и пристройках встречены жертвенники, содержавшие по два сосуда (7,3 %). Главное отличие

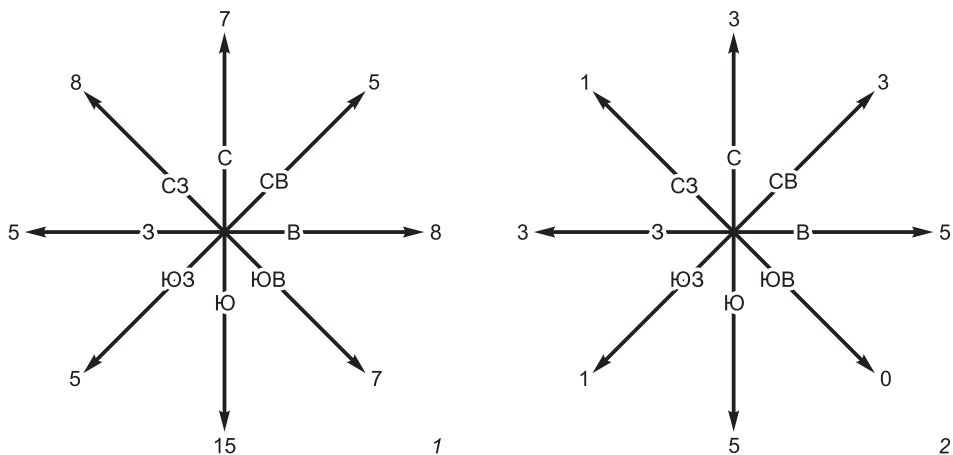

Рис. 122. Могильник Майтан. Распределение поминальных сосудов в оградах и пристройках относительно сторон горизонта.

1 – внутри огражденного пространства; 2 – за пределами огражденного пространства

двух видов жертвоприношений связан с принципами размещения: одиночные сосуды обычно фиксировались срезом венчика на уровне материка – жертвенные емкости впускались в небольшую ямку, куда сосуд входил достаточно плотно; парно размещаемые сосуды обычно располагались в просторных овальных ямках, хорошо прослеживаемых на уровне материка. Данные способы жертвоприношений достаточно часто сочетались в одних и тех же оградах (огр. 7Д; 18Г; 10А; 28А; 32А; 46). В расположении жертвенных сосудов определенной закономерности не прослеживается. Они достаточно равномерно распределены по всем сторонам горизонта, с некоторым преобладанием южного сектора (рис. 122, 1).

Необходимо отметить отдельные индивидуальные отличия, выделяющие зафиксированные случаи жертвоприношений из традиционного канона:

- наличие каменной плиты, перекрывающей ямку с сосудами (огр. 9А; 17А; 32А);
- сосуд, перекрытый каменной плитой, частично обложенной по периметру небольшими камнями (огр. 20);
- сосуды, вкопанные в грунт, частично обкладывались по периметру большими каменными плитками (огр. 4Б; 10А);
- часть емкостей перекрывалась крышками из тонких каменных плиток (огр. 10А; 28А; 38; 45; 46) или черепков от крупных сосудов (огр. 7Д; 8А; 18Г; 32А; 44А).

Основная часть поминальных сосудов расположена вплотную или на расстоянии 30–50 см от плит ограждения. Можно предположить, что в процессе жертвоприношения традиция не позволяла человеку, поминающему умершего, находиться внутри погребального пространства. Определенным исключением являются жертвенные сосуды, впущенные в материковый грунт между двумя рядом расположенными могилами. Причем во всех зафиксированных случаях внутри огражденного пространства располагалось по три-четыре

могилы. Можно допустить, что сосуды с пищей приносились в жертву ранее умершему родственнику при сооружении дополнительной могилы или в процессе захоронения умершего, чтобы ранее погребенный доброжелательно отнесся к родственнику, направляющемуся вслед за ним в загробный мир (огр. 28А; 29Б, 36А).

4. **Сосуды, установленные за оградой.** Отмечен 21 жертвенник в 17 оградах и пристройках (15,1 %). Преобладают индивидуальные емкости, и только в четырех погребальных конструкциях умерших сопровождало по два поминальных сосуда. Необходимо отметить, что в двух оградах других жертвоприношений не прослежено (огр. 24 и 37); еще в двух сооружениях сосуды сочетались с другими формами жертвоприношений, располагавшимися как внутри (огр. 46), так и за пределами (огр. 35) погребального пространства. В одной ограде погребена женщина (огр. 24), во второй – мужчина (огр. 35), в третьей – ярусное захоронение мужчины и женщины (огр. 46), и только в одном случае в ограде располагались две могилы, содержавшие захоронения женщины и ребенка (огр. 37).

Индивидуальные жертвенники, располагавшиеся за оградой, обычно совмещались, с одной стороны, с отсутствием других дополнительных жертвоприношений, с другой, с наличием только одной могилы внутри огражденного пространства. Данный способ жертвоприношения встречен при захоронении мужчин (огр. 3; 11Б), подростка (огр. 17Г), ребенка (огр. 36В). Аналогичные жертвенники присутствуют в оградах, содержащих спаренный ящик (огр. 27Б) и три могилы (огр. 22А), но и в последнем случае центральный ящик, содержавший парное захоронение мужчины и женщины, сочетался с могилами, предназначенными для захоронения детей. Иногда данный способ поминания умерших совмещался и с другими видами жертвенников, располагавшимися внутри огражденного пространства, в котором находилось в основном две – четыре могилы (огр. 29Г; 34; 36А; 36Г; 39; 44А). Выделяется единственный случай, когда за пределами огражденного пространства встречено несколько разнотипных жертвоприношений: в одном сосуд; во втором находились останки животного; в третьем сосуд сочетался с костями животного (огр. 29Б).

В размещении жертвенных сосудов, располагавшихся за пределами огражденного пространства, относительно сторон света преобладает южное и восточное направления (рис. 122, 2). Остальные стороны горизонта использовались примерно в тех же пропорциях, что и для сосудов, встреченных во внутренней части погребального пространства.

Сложносоставные жертвенники. Поминальные комплексы представляют собой сочетание привнесенных умершим сосудов с пищей в сопровождении отдельных частей тел жертвенных животных. Как правило, в подобных жертвенниках присутствуют компактные скопления костных останков, олицетворяющих домашнее животное и обладающих сакральной значимостью, – черепа, нижние челюсти, дистальные отделы конечностей [Новикова, 2007, с. 355].

Данный вид жертвоприношений отмечен 17 раз в 15 оградах и пристройках (соответственно 13,3 и 9,8 %; см. табл. 21). Только в пяти случаях данный вид поминания умершего индивидуален, в остальных он сочетается в другими формами ритуальных приношений. И только в двух оградах встречено по два

таких жертвенника: в одном они сопровождали 4 детские могилы (огр. 18А), в другом четыре могилы, содержащие разновозрастные и разнополюе захоронения (огр. 29Б). Несмотря на довольно значительное количество данного вида жертвоприношений, основное сходство между ними наблюдается только по двум параметрам: во-первых, наличие одного, реже двух сосудов; во-вторых, жертвенные комплексы впущены в грунтовые ямы, верхний срез которых на уровне материка расположен выше помещенных в них сосудов и останков животных. Только в нескольких случаях поминальные комплексы были впущены только в верхнюю часть грунта и располагались на уровне материка (огр. 5А; 5Б; 12). По своему местоположению выделяются следующие виды жертвенников: на перекрытии могилы, в околomoгильном пространстве, внутри и за пределами огражденного погребального пространства (табл. 23).

1. **Поминальный комплекс на перекрытии могилы.** Прослежен на перекрытии спаренного ящика, содержащего индивидуальное и парное захоронения детей. В сложносоставном поминальном комплексе находилось 3 сосуда (можно допустить количественное соответствие сосудов с количеством погребенных детей) и разрозненные кости, принадлежавшие крупному рогатому скоту (возможно, первоначально был уложен череп и две конечности). Уникальность данному жертвеннику придает наличие каменного песта, единственного орудия труда, обнаруженного среди всех исследованных поминальных приношений.

2. **Поминальный комплекс в околomoгильном пространстве.** Достоверно выделяются только два случая соотношения поминального приношения с конкретной могилой:

– в первом ямка с приношениями, вытянутая в широтном направлении, располагалась у юго-западного угла каменного ящика, содержавшего останки мужчины и женщины, – сосуд в сопровождении трех нижних конечностей КРС. Это единственный случай, когда часть костей жертвенного животного находилась внутри глиняной емкости (огр. 8А, мог. 3);

– во втором ямка, вытянутая в меридиональном направлении, располагалась у северо-восточного угла ящика, также содержавшего останки мужчины и женщины. У северной стенки углубления стоял сосуд, а в южной половине, на правой стороне, лежал череп КРС, ориентированный мордой на восток (огр. 41А).

3. **Поминальный комплекс внутри огражденного пространства.** Основная часть жертвенных ям вытянута в широтном направлении, с отклонением в юго-западный сектор, значительно реже встречаются углубления, вытянутые меридионально. Несмотря на определенную близость, каждый из поминальных комплексов глубоко индивидуален. Выделяются следующие разновидности:

– сосуд в сопровождении двух конечностей КРС: в одном сосуд стоял у южной стенки, а кости ног располагались вдоль северной, с ориентацией копытцами на восток (огр. 28А); во втором сосуд стоял у юго-западной стенки, кости ног направлены параллельно северо-восточной, копытцами на юго-восток (огр. 29Б). К данной группе, скорее всего, относится и жертвенник, содержащий сосуд, северо-восточнее которого прослеживались останки конечности КРС (огр. 5А);

Распределение и содержания сложносоставных поминальных комплексов

п/п №	Номер отряды			НПМ	НКМ	В отряде											ЗПО	Примечание
	3 сосуда, пест и кости КРС	Сосуд и 3 конечности КРС	Сосуд и череп КРС			Сосуд и череп лошади	2 сосуда, черепа лошади и овцы, конечности КРС и МРС	Сосуд и конечность КРС	Сосуд и 2 конечность КРС	Сосуд и череп КРС	Сосуд, череп и 2 конечности КРС	2 сосуда, костьище, 2 черепа и 5 конечностей КРС	Сосуд, череп, 4 конечности КРС и 3 конечности МРС	Сосуд, череп и 2 конечности МРС	Сосуд, череп и 2 конечности КРС			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Сосуд стоял у 3 стенки ямки; череп находился в В части углубления, уложен на правую сторону, ориентирован на 3	
2	5А						+										Сосуд впушен в материк, кости конечности рядом на уровне материке	
3	5В													+			Сосуд, стоял на материке, восточнее размещен череп овцы, уложен на левый бок, ориентирован на ЮВ; 2 конечности, располагавшиеся вдоль основания черепа, ориентированы копытцами на ЮВ	
4	8А		+														Располагались в овальной ямке, часть костей находилась внутри сосуда	
5	Г	+															Две нижние челюсти и кости конечности	

6	10А																		Один сосуд стоял в СЗ углу ямки, второй – в ЮЗ; череп ориентирован на С, уложен основанием вверх; вокруг черепа 4 конечности: две с С и по одной с З и Ю сторон
7	12																		Сосуд стоял на материке; череп ориентирован на ЮВ, уложен на левый бок
8	18А																		У ЮЗ стенки ямки располагался сосуд, установленный вверх дном; вдоль С стенки – череп, ориентирован на ЮЗ, уложен на правую сторону; параллельно черепу, вдоль Ю стенки, лежали 2 конечности копытцами на ЮЗ
9	18А																		Вдоль западной стенки ямки стояли 2 сосуда; череп лошади ориентирован на ЮЗ, уложен на правую сторону, с трех сторон – С, В и Ю – обложен 3 конечностями КРС. Череп овцы, ориентирован на ЮЗ, уложен на правую сторону, размещен в Ю части ямы; вдоль основания черепа размещены 2 конечности МРС, копытцами на ЮЗ
10	23А																		Сосуд стоял у СВ стенки ямки; в центре находился череп, ориентирован на ЮВ, уложен поперек ямы на левую сторону; вдоль ЮЗ стенки параллельно черепу лежали две конечности копытцами на ЮВ
11	25Б																		Сосуд стоял в ЮЗ углу ямы; в центре размещен череп, ориентирован на ССВ, уложен на левую сторону, в сопровождении 4 конечностей КРС (3 ориентированы копытцами на ЮЮЗ, четвертая – на З) и 3 конечности МРС, уложенные поперек ямы копытцами на ЮВ
12	28А																		Сосуд стоял у Ю стенки ямки, в С половине углубления 2 конечности, вытянутые в широтном направлении, копытцами на В

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
13	29Б							+								Сосуд стоял у ЮВ стенки ямки; в В половине по диагонали углубления лежали 2 конечности, уложенные копытцами на ЮВ
14	29Б														+	Сосуд стоял у ЮЗ стенки ямки; в В части углубления находился череп, ориентирован на СВ, уложен на левую сторону; вдоль основания черепа размещены 2 конечности, копытцами на ЮЗ
15	33А											+				Один сосуд, накрытый гранитной плиткой, стоял у ЮЗ стенки. В центральной части углубления выкладка из костей из 5 конечностей и обломков 2 черепов (один представлен нижней челюстью, у второго аккуратно обрублена задняя часть черепной коробки). Обломки второго сосуда располагались у СВ стенки ямки. К СЗ стенке углубления примыкало небольшое кострище
16	41А															Сосуд, стоящий вверх дном, располагался в северной части ямки; в южной – череп, ориентирован на В, уложен на левую сторону
17	46									+						Сосуд стоял у С стенки ямки; в центре череп, ориентирован на ЗСЗ, уложен на правую сторону; в Ю 2 конечности, копытцами на ЗСЗ
	Итого	1	1	1	1	1	1	2	1	3	1	1	1	1	1	17
	%	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9	11,7	5,9	17,5	5,9	5,9	5,9	5,9	5,9	100

Примечание. НПМ – на перекрытии могилы; НКМ – на краю могилы; ЗПО – за пределами ограды; КРС и МРС – крупный и мелкий рогатый скот.

– сосуд в сопровождении черепа: в одном случае сосуд стоял у западной стенки, а череп лошади, уложенный на правую сторону, мордой на запад, располагался в восточной части ямы (огр. 2, жерт. 1); во втором – вдоль юго-западной стенки стоял сосуд, череп КРС лежал на левой стороне вдоль северо-восточной стенки, мордой на юго-восток (огр. 12);

– сосуд в сопровождении черепа и ног животного: в первом у северо-западной стенки стоял сосуд, юго-западнее находился череп овцы, уложенный на левую сторону, мордой на юго-восток; вдоль основания черепа располагались две конечности МРС, копытами на юго-восток (огр. 5В); во втором у юго-западной стенки стоял сосуд, северо-восточнее вдоль северо-западной стенки лежал череп КРС, уложенный на правую сторону мордой на юго-запад. Вдоль основания лежали две конечности КРС копытами на юго-запад (огр. 18А, жерт. 1); в третьем у северо-восточной стоял сосуд, юго-западнее, параллельно юго-западной стенки, лежал череп КРС, уложенный на левую сторону мордой на юго-восток. Вдоль основания черепа лежали две конечности КРС копытами на юго-восток (огр. 23, жерт. 1);

– жертвенники, включающие один-два сосуда в сопровождении своеобразно расположенных костных останков животных: в первом случае встречены два сосуда, установленные в северо-западном и юго-западном углах ямы, в центре которой располагалась верхняя часть черепа КРС, уложенная на теменную часть основанием вверх, вокруг нее располагались четыре конечности КРС (огр. 10, жерт. 3); во втором – встречены два разбитых сосуда, череп лошади и овцы в сопровождении трех нижних конечностей КРС и двух МРС (огр. 18А, жерт. 2); в третьем – сосуд, стоящий в юго-западном углу, сопровождал череп КРС, уложенный на левую сторону, мордой на северо-восток, в сопровождении четырех конечностей КРС и трех МРС (огр. 25Б, жерт. 2); в четвертом – в яме аморфной формы располагались два сосуда у юго-западной и северо-восточной стенок, между которыми располагались остатки двух черепом КРС (у одного преднамеренно обрублена задняя часть черепной коробки) и пяти конечностей КРС, рядом с ямой располагалось кострище (огр. 33А, жерт. 2).

Основная часть сложносоставных жертвенников концентрируется в восточной половине погребальных комплексов. Северный, западный и южный сектора погребальных площадок для аналогичных поминальных приношений использовались значительно реже (рис. 123). В индивидуальном проявлении или в сочетании с другими видами жертвоприношений они сопровождали захоронения мужчин (огр. 33А; 25Б), женщин (огр. 5А; 12), детей (огр. 5В). Достаточно часто они встречаются в

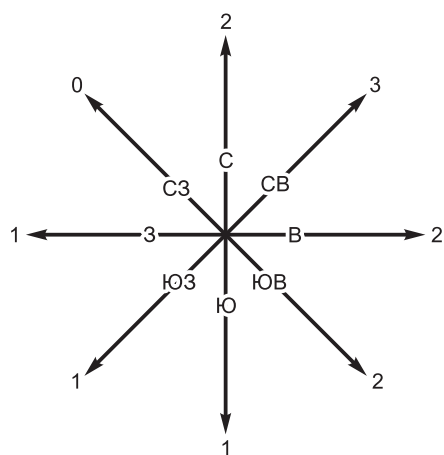

Рис. 123. Могильник Майтан. Расположение сложносоставных жертвенников внутри огражденного пространства относительно сторон горизонта

оградах, в которых находилось несколько могил (огр. 10А, 18А, 28А, 29Б), или располагаясь в огражденном пространстве близ погребальных конструкций, содержащих парные погребения мужчин и женщин, женщины с ребенком, детей (огр. 2; 8А; 8Г; 23А; 41А; 46).

4. Поминальный комплекс за пределами огражденного пространства.

Единственный сложносоставной жертвенник располагался в грунтовой ямке, перекрытой каменной плитой, у северо-западных плит ограждения (огр. 29Б, жерт. 12). Вдоль юго-западной стенки углубления стоял сосуд, северо-восточнее располагался череп КРС, уложенный на левую сторону, параллельно северо-западной стенке, мордой на северо-восток; вдоль основания черепа лежали две конечности КРС, ориентированные копытами на юго-запад. За оградой данный комплекс сочетался с одиночно впущенным в грунт сосудом и грунтовой ямкой, в которой лежали череп и нижние конечности КРС. Внутри огражденного пространства находились разнообразные могильные сооружения, содержавшие костные останки людей разного возраста и пола.

Жертвоприношение туши лошади. Данный вид жертвоприношений отмечен в одной центральной оgrade и трех пристройках (табл. 21). Все зафиксированные случаи имеют индивидуально-специфические черты, связанные с особенностями размещения жертвенных животных (табл. 24).

В оgrade, содержащей одиночный костяк лошади, располагалось 4 могилы, в которых находились парные захоронения взрослого мужчины и молодой женщины, подростков, индивидуальные одиночные захоронения молодого мужчины и ребенка. Особенности планиграфии свидетельствуют о том, что ограда преднамеренно сооружена для размещения большой группы могил, из которых основным является ящик, содержащий парное разновозрастное захоронение мужчины и женщины. Первоочередность могилы подчеркивается и расположением вокруг нее шести длинных конечностей лошади. Можно допустить, что лошадиный костяк внесли в ограду уже в процессе подзахоронения в дополнительных могилах более поздних покойников к ранее умершим, предварительно сделав проход в западной стенке ограды. Туша лошади была уложена так, чтобы с одной стороны быть ориентированной на проход, с другой – на основную могилу ограды, подчеркивая социальную значимость погребенных в ней людей (огр. 15А).

Во всех остальных случаях в пристройках фиксировались парные костяки жертвенных животных:

– в одном случае лошади уложены идентично, вдоль длинных сторон ящика (к сожалению, передняя часть туши одного жертвенного животного разложилась полностью); шея полностью сохранившегося животного неестественно вывернута и направлена в сторону прохода, располагавшегося в юго-западной стенке ограды. Можно предположить, что жертвоприношение лошадей вторично, – они внесены после предварительного ритуального ограбления в ограду, содержавшую парное захоронение мужчины и женщины, разместив после этого на дне 4 конечности лошади, отрезанные в коленных суставах. Фактически ритуальное жертвоприношение включало три лошадиные особи (огр. 7Г);

Особенности размещения поминальных комплексов, содержащих туши лошадей

№ п/п	Номер ограда	Одиночный костяк	Парные костяки	Примечание
1	7Г		+	Размещены на материке. Один уложен на левый бок вдоль СЗ стенки ящика, со слабо согнутыми задними и подогнутыми к животу передними конечностями, направленными на СЗ; общая ориентация костяка ЮЗ–СВ; шейные позвонки сломаны, череп вывернут на правую сторону и ориентирован на Ю к выходу из ограды. От второго сохранилась задняя часть костяка, уложенная вдоль ЮВ стенки ящика, с общей ориентацией ЮЗ–СВ; лошадь уложена на левый бок с подогнутыми задними ногами, направленными на СЗ
2	15А	+		Размещен на материке в СЗ секторе ограды; костяк лошади уложен на правый бок, с подогнутыми задними и вытянутыми вперед передними конечностями, ориентирован головой на Ю, в сторону выхода из ограды
3	29В		+	Размещены на материке. Один лежал вдоль ЮЗ стенки ящика на левом боку с подогнутыми к животу ногами; на черепе с правой и левой сторон, в области ротового отверстия, располагалось по костяному псалию. Второй уложен вдоль СВ стенки ящика на правый бок с подогнутыми к животу ногами
4	29Г		+	Размещены на материке вдоль северной стенки ящика, на левом и правом боку, с подогнутыми ногами, ориентированы на В; второй перекрывает первого
Итого		1	3	4
%		25	75	100

– во втором случае в размещении двух лошадиных туш наблюдается зеркально-идентичное положение вдоль длинных сторон ящика, в котором захоронен молодой мужчина (огр. 29В);

– в третьем случае две туши размещены вдоль одной стороны ящика, в позе антитезы, перекрывая одна другую (огр. 29Г).

Несмотря на отличия в расположении жертвенных лошадиных туш в погребальных конструкциях, необходимо отметить, что по отдельным признакам погребальной обрядности в пределах данного ритуального действия можно выделить два основных подхода:

– первый связан с могилами, содержащими парные разнополюе погребения (в одном случае захоронение прослежено, второе рассматривается гипотетически, исходя из обнаруженных находок). Несмотря на отличия и в количестве, и в особенностях расположения могил внутри огражденного пространства, захоронения в оградах 15А и 7Г сближают следующие черты: наличие преднамеренно сделанного прохода в огражденное пространство и своеобразные размещение и поза животных. Близость данных захоронений и социальная

значимость погребенных в них мужчин подчеркнута приношением в обоих случаях как минимум трех коней, олицетворением которых являются длинные конечности, – в одном случае дополнительно 6 ног размещены вокруг могилы (огр. 15А), в другом 4 конечности уложены в центре могильного пространства (огр. 7Г). Таким образом, значимость покойных усилена не только одной-двумя жертвенными тушами, но и одной-двумя лошадьми, съеденными во время трапезы, поместив умершим дополнительно символы жертвенных животных – ноги, возможно, накрыв их снятыми с животных шкурами;

– второй подход связан, с одной стороны, с размещением туш лошадей с подогнутыми ногами в «позе летящего галопа»; с другой стороны, индивидуально погребенных мужчин сопровождали небольшие могилы, содержащие захоронения детей, расположенные в северных секторах огражденного пространства. Кроме того, мужчин сопровождали и дополнительные ритуальные приношения – сосуды с пищей (огр. 29Г), дополненные останками домашних животных (огр. 29В).

Жертвоприношение останков животных. Поминование умерших останками жертвенных животных в виде принесения в жертву головы и ног, отрезанных обычно по уровню коленных суставов, или их сочетаний встречено в 27 оградах и пристройках могильника Майтан (23,9 %; см. табл. 21). В основном данный вид поминовения усопших сочетается с другими видами жертвоприношений, и только в 7 оградах и пристройках встречены жертвенники, содержащие только кости животных (6,2 %). Особенности размещения останков жертвенных животных позволяет рассматривать их в рамках трех групп: в пределах могильного сооружения, в огражденном погребальном пространстве и за его пределами. Во взаимосвязи жертвенников с могильной конструкцией выделяются три местоположения костей жертвенных животных: внутри могилы, на ее перекрытии и на краю погребального сооружения (табл. 25).

Кости животных в могиле. Кости жертвенных животных обнаружены в шести могилах: челюсть (огр. 29Б, мог. 3) и конечности лошади (огр. 7Г, мог.), череп и две конечности КРС (огр. 13, мог. 1), одна или две конечности КРС (огр. 8А, мог. 1; огр. 2, мог. 1), ребро собаки или лисицы (огр. 18А, мог. 1). В большинстве могил кости животных встречены в переотложенном состоянии, попав вовнутрь в процессе ограбления. Можно допустить, что основная часть жертвоприношений могла располагаться на перекрытиях могил. Достоверно зафиксировано только два случая: две конечности КРС, ориентированные копытами на запад, сопровождали погребение, совершенное по обряду кремации (огр. 2, мог. 1); четыре конечности лошади были помещены в могилу после ритуального ограбления парного разнополого захоронения мужчины и женщины (огр. 7Г, мог.).

Кости животных на перекрытии могилы. Во всех зафиксированных случаях жертвоприношения животных, размещенные на перекрытиях могил, сопровождали захоронения детей младших возрастных групп: череп и две конечности КРС – ребенка 3–4 лет (огр. 41Б, мог. 3); две ножки теленка – новорожденного младенца (огр. 10А, мог. 5); череп овцы – ребенка 9–10 лет (огр. 18А, мог. 1).

**Распределение поминальных комплексов, содержащих кости животных
в околмогильном пространстве**

№ п/п	Номер ограды	В могиле						На пере- крытии могилы		На краю могилы					Примечание		
		Челюсть лошади	4 конечности лошади	Череп и 2 конечности КРС	Конечность КРС	2 конечности КРС	Ребро лисши или собаки	Череп и 2 конечности КРС	2 конечности КРС	Череп МРС	Череп лошади	6 конечностей лошади	Череп КРС	2 конечности КРС		Череп МРС	Череп и 2 конечности МРС
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	2					+							+			+	Мог. 1 (кремация), вытянуты в широтном направлении, копытцами на З. В ямке, у ЮЗ угла мог. 3 (мужчина), череп уложен на правую сторону, мордой на Ю. У ЮВ стенки мог. 6 (ребенок), череп на левой стороне, мордой на СВ, конечности уложены вдоль теменной части копытцами на СВ
2	4А														+		У В стенки, на правой стороне, ориентирован на Ю
3	7Г		+														Уложены попарно по диагонали в центре ящика; одна пара копытцами на С, вторая – на Ю
4	8А				+								+				Мог. 1 (мужчина и две женщины), на материке у Ю стенки, на левой стороне, мордой на В
5	10А								+								Мог. 5 (ребенок), ориентированы копытцами на СВ
6	13			+													Мог. 2 (мужчина), обнаружены в заполнении.
7	15А											+					Мог. 4 (мужчина), располагались попарно на материке вдоль В, Ю и З стенок ящика

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
8	18А						+			+							Мог. 1 (ребенок), череп овцы, уложен на правую сторону, мордой на ЮВ; в заполнении найдено ребро с разрастанием костной ткани
9	22А					+											Мог. 2 (ребенок), трубчатые кости КРС (?) плохой сохранности
10	27А													+			Мог. 2 (парное?), на материке у ЮЗ угла ящика
11	29Б	+									+						Мог. 2 (две женщины и ребенок), в ямке у ЮВ угла. Череп уложен на правую сторону, мордой на СЗ. Мог. 3 (мужчина и ребенок)
12	40													+			Мог. 2 (женщина); у СЗ угла, на материке, на правой стороне, мордой на ССЗ
13	41Б							+									Мог. 3 (ребенок), уложен на правую сторону, мордой на ЮВ; вдоль основания черепа конечности, ориентированные копытами на ЮВ
Итого		1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	3	1	1	1	18
%		5,6	5,6	5,6	5,6	11,1	5,6	5,6	5,6	5,6	5,6	5,6	16,1	5,6	5,6	5,6	100

Кости животных на краю могилы. Жертвоприношения встречены у восьми могильных конструкций: грунтовых ям, спаренного и одиночных ящиков (табл. 25). Они располагались в ямках, вырытых в материковом грунте, или на уровне материка: череп лошади сопровождал захоронение двух женщин и ребенка (огр. 29Б, мог. 2); шесть лошадиных ног – парное захоронение мужчины и женщины (огр. 15А, мог. 1); череп КРС – погребение мужчины (огр. 2, мог. 3), женщины (огр. 40, мог. 2) и захоронение двух женщин и мужчины (огр. 8А, мог. 1); две конечности КРС – парное погребение мужчины и женщины (огр. 27А, мог. 2); череп овцы – парное погребение мужчины и женщины (огр. 4А, мог.); череп и две конечности овцы – ребенка (огр. 2, мог. 6).

Размещение костных останков жертвенных животных на краю могил в основном связано с групповыми и парными разнополюми захоронениями, исключением является погребение ребенка. Головы жертвенных животных (лошадь, КРС, овца) укладывали вдоль восточных оконечностей могил и, как исключение, вдоль южных и западных стенок. Черепа животных уложены на левую (лошадь, овца и один череп КРС) и правую (3 черепа КРС) стороны с ориентацией на юг (2 черепа КРС), северо-запад (череп лошади и КРС) вос-

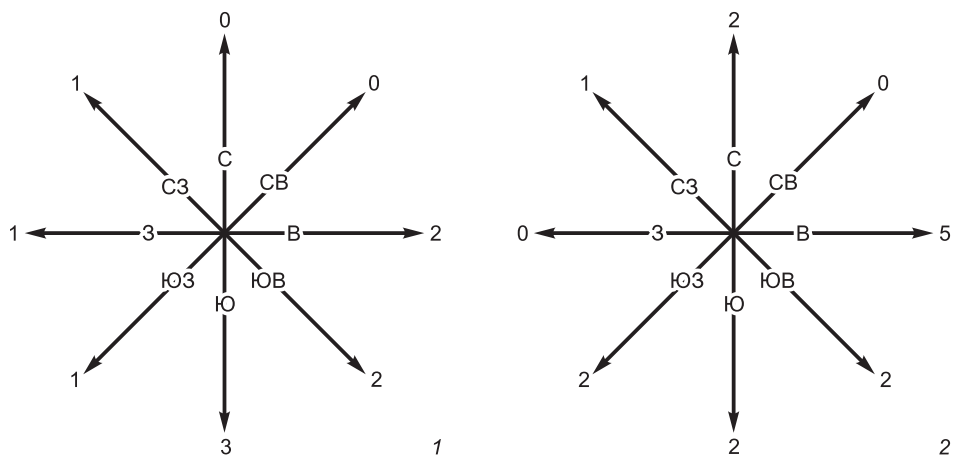

Рис. 124. Могильник Майтан. Распределение поминальных комплексов, содержащих кости животных.

1 – относительно стенок могил; 2 – внутри огражденного пространства

ток (КРС) и северо-восток (овца). Отдельно размещенные кости ног КРС, ориентированные копытами на юго-запад, располагались у юго-западного угла ящика; шесть ног лошадей попарно размещены вдоль восточной, южной и западной стенок ящика (рис. 124, 1).

Жертвенные останки животных внутри огражденного пространства.

В пределах огражденного пространства выявлено 17 жертвенных комплексов, содержащих кости в 16 оградах и пристройках (табл. 26).

Необходимо отметить, что ограда 47, в которой находились только разрозненные кости лошади, скорее всего, является не погребальным, а жертвенно-поминальным сооружением – жертвенным кругом, изредка встречающимся среди погребальных объектов на могильниках эпохи бронзы Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 154–159]. Кроме того, в двух пристройках поминальные приношения располагались между могилами в центре погребального пространства (огр. 10Б и 29Б). Третья часть поминальных комплексов, содержащих только останки животных, сосредоточена у восточных плит ограждения; остальные сектора, за исключением западного и северо-восточного, представлены в примерно равных пропорциях (рис. 124, 2).

Основная часть жертвоприношений впущена в овальные грунтовые ямки, вырытые в материковом грунте; незначительное количество костей жертвенных животных располагались на уровне материкового грунта. Жертвоприношения носят разнообразно-индивидуальный характер: одна, две, четыре конечности (огр. 20, 26, 27В, 29Б, 49), череп в сопровождении двух (огр. 27А, 28Б, 34, 44) или четырех конечностей (огр. 7А), два черепа (огр. 13) в сопровождении двух (огр. 10Б) или четырех конечностей (огр. 30А). Три поминальных комплекса можно рассматривать как сложносоставные выкладки из останков животных: в одном – черепа КРС и овцы сочетаются с четырьмя конечностями КРС и двумя конечностями МРС (огр. 29В); во втором – три черепа КРС сочетаются с двумя конечностями КРС и одной конечностью МРС (огр. 35); в третьем

Распределение поминальных комплексов, содержащих кости животных в погребальном пространстве

п/п №	Номер оврага	В овраге												За оградой			Примечание		
		Череп и конечности лошади, КРС и МРС	Кости лошади	Конечность КРС	2 конечности КРС	4 конечности КРС	Череп и две конечности КРС	2 черепа КРС	Череп и 4 конечности КРС	2 черепа и 2 конечности КРС	2 черепа и 4 конечности КРС	3 черепа КРС и конечности КРС и МРС	Череп и конечности КРС и МРС	Череп и 2 конечности МРС	Кости лошади	Череп КРС		Череп и 2 конечности КРС	
1	2																	19	
1	7А							+											Овальная ямка в В секторе. Череп уложен на правую сторону, мордой на В; конечности уложены вдоль теменной части черепа – одна пара ориентирована копытцами на 3, вторая – на В
2	10Б																+		На материке между мог. 1 и 2; черепа уложены параллельно друг другу, на правую сторону, мордами на СВ; конечности располагались восточнее, параллельно черепам, копытцами на СВ. На материке у СВ угла; уложен на правый бок, мордой на ЮЗ
3	13																+		Овальная ямка у В плит ограждения, ориентирована по линии С-Ю; черепа уложены по диагональным ямы параллельно друг другу, на левую сторону, мордами на СВ.
4	20																		На материке, в ЮВ секторе, копытцами на СВ
5	26																		Овальная ямка в ЮВ секторе, ориентирована по линии С-Ю; 3 конечности ориентированы копытцами на Ю, четвертая располагалась выше, по диагонали ямки, копытцами на СВ

6	27А																				На материке, перекрыта плитой, в ЮВ секторе; ориентирована копытцами на В. Овальная ямка в СВ секторе, перекрыта плитой, ориентирована по линии З–В; череп уложен на правую сторону, мордой на В; конечности уложены вдоль основания черепа копытцами на В
7	28Б																				Овальная ямка в С секторе, перекрыта плитой, ориентирована по линии СВ–ЮЗ; череп уложен на левую сторону, мордой на В. Конечности уложены вдоль основания черепа копытцами на З
8	29Б																				Прямоугольная ямка между мог. 2 и 3, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ; конечности уложены копытцами на ССЗ. Прямоугольная ямка у СЗ плит ограждения, ориентирована по линии СВ–ЮЗ; череп уложен на правую сторону, мордой на ЮЗ, конечности уложены вдоль основания черепа копытцами на ЮЗ
9	29В																				Выкладка на уровне материка в Ю секторе; череп КРС уложен на левую сторону, мордой на СЗ; череп овцы, находившийся восточнее, уложен на левую сторону, мордой на СЗ; между ними под углом друг к другу помещены 2 конечности КРС и 2 конечности МРС, первые уложены копытцами на З, вторые – на ЮЗ. С востока череп овцы обрамлен двумя конечностями КРС, уложенными под углом друг к другу, – одна копытцами на З, вторая – на ЮЗ
10	30																				Прямоугольная ямка в ЮВ секторе, ориентирована по линии СВ–ЮЗ; черепа уложены на правую сторону, мордами на ЮЗ. Параллельно затылочным частям черепов лежали 4 конечности: одна пара копытцами на ЮВ, вторая – на СЗ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
11	34													+				Овальная ямка в ЮЗ секторе, ориентирована по линии З–В; череп уложен на левую сторону, мордой на С; конечности уложены вдоль основания черепа копытцами на С
12	35											+						Прямоугольная ямка в Ю секторе, ориентирована по линии СВ–ЮЗ; черепа уложены треугольником на левую сторону: один мордой на З, второй – на С, третий – на ЮЗ. В пространстве между черепами располагалось по одной конечности КРС и МРС; вторая конечность КРС помещена поверх одного из черепов; общая ориентация – копытцами на ЮЗ.
13	36	+															+	Овальная ямка с ЮВ стороны, ориентирована по линии СЗ–ЮВ; череп уложен на левую сторону, мордой на СВ, конечности уложены вдоль основания черепа копытцами на СВ
14	41А														+			Прямоугольная яма в В секторе, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Выкладка из черепов и костей конечностей, принадлежащих 12 особям: 2 лошади, 5 КРС и 5 МРС
15	44А													+				2 пуговых кости, лежащие на материке, у Ю плит ограждения
16	47		+															Овальная ямка в С секторе, ориентирована по линии СЗ–ЮВ; череп уложен на правую сторону, мордой на ЮЗ, вдоль основания черепа располагались конечности, копытцами на ЮЗ
17	49																	Длинная конечность и 3 зуба
Итого		1	1	1	3	1	1	1	1	1	1	1	1	3	1	1	2	На материке, в СВ секторе, копытцами на СЗ
%		4,8	4,8	4,8	14,1	4,8	4,8	4,8	4,8	4,8	4,8	4,8	4,8	14,1	4,8	4,8	9,4	21
																		100

обнаружены сочетания останков 12 жертвенных животных: двух лошадей, пяти особей КРС и пяти особей МРС (огр. 36А).

Наличие в ограде одного жертвенника, содержавшего только кости животных, скорее исключение, чем правило. В двух случаях погребенных мужчин сопровождали только четыре и две конечности КРС, но, возможно, в качестве дополнительной жертвы можно рассматривать захоронения младенцев, размещенных в отдельных могилах как внутри (огр. 26), так и снаружи (огр. 49) огражденного пространства. Как исключение можно рассматривать и индивидуальное жертвоприношения останков животных ребенку (огр. 28Б) и женщине (огр. 7А). Обычно вдоль основания черепа укладывали две нижних конечности жертвенного животного, направленные копытами в одну сторону, но в последнем случае взаиморасположение костей в жертвеннике уникально – четыре конечности, размещенные вдоль теменной части черепа КРС, были уложены попарно, копытами к друг другу и с ориентацией в противоположные стороны – на запад и восток (огр. 7А).

В большинстве случаев поминальные комплексы, содержащие кости животных, встречены в сочетании с другими формами жертвоприношений: сосудами (огр. 13, 20, 30А, 34А, 44, 36А); останками животных, размещенными возле могилы (огр. 27А); сложносоставными жертвенниками (огр. 35), в том числе и с лошадиными тушами (огр. 29В, 29Г). Значительная часть жертвоприношений с костями животных сопутствует индивидуальным захоронениям мужчин (огр. 35), которых сопровождали детские захоронения, размещавшиеся в отдельных могилах (огр. 29В, 29Г, 34), а также парные разнополюе захоронения мужчин и женщин, погребенных в совместных (огр. 27А, 44, 36А) или в индивидуальных (огр. 13) могилах. Как исключение можно отметить жертвенный комплекс из двух конечностей КРС, сопровождавших совместное захоронение мужчины и ребенка (огр. 20). Своеобразен и жертвенник в парном захоронении мужчины и женщины – два черепа и четыре конечности уложены ассиметрично относительно друг друга – черепа ориентированы на юг-запад, одна пара ног – на северо-запад, вторая – на юго-восток. Кроме того, погребенных сопровождают три жертвенных сосуда, погребение новорожденного, размещенного в индивидуальную могилу, и ребенка младшей возрастной группы, для которого соорудили отдельную пристройку (огр. 30).

Жертвенные останки животных за пределами огражденного пространства. За пределами огражденного пространства выявлено четыре поминальных комплекса у двух оград и двух пристроек (табл. 26). В одном случае парное захоронение мужчины и женщины сопровождали лежащие на материке две путовые (бабки) кости лошади (огр. 41А); во втором – череп КРС, находящийся на уровне материка у северо-восточного угла пристройки в парном и одиночном захоронениях детей (огр. 10Б); в третьем – в грунтовой ямке, располагавшейся у юго-восточных плит ограждения, находились череп и две конечности КРС, уложенные поперек длинной оси углубления, – в захоронении мужчины (огр. 35); в четвертом – в ямке, перекрытой каменной плитой, лежали череп и две конечности КРС, ориентированные на юго-запад (огр. 29Б). В двух случаях других жертвенников за оградой не прослеживалось при наличии дополнительных жертвоприношений внутри огражденного простран-

ства (огр. 10 и 41); в третьем два жертвенника располагались за пределами и один внутри ограды (огр. 35); в четвертом могилы сопровождали 9 разнообразных поминальных комплексов, располагавшихся внутри погребального пространства, и 3 – за его пределами, вдоль северо-западного сектора ограждения (огр. 29Б). В последнем случае один жертвенник содержал сосуд, второй – сосуд и кости животных (овальная ямка, накрытая каменной крышкой), третий – кости животных (овальная ямка, без перекрытия). Необходимо отметить, что в жертвенниках, расположенных рядом, черепа КРС уложены относительно друг друга в альтернативной позе – один на левую, другой на правую сторону, один ориентирован на северо-восток, второй – на юго-запад. Вдоль основания черепов располагалось по две конечности КРС, идентично ориентированных копытами на юго-запад.

* * *

Подводя итоги общей характеристике поминальных комплексов, необходимо констатировать, что основная часть ритуальных поминовений умерших связана с принесением жертвоприношения через сосуды, содержавшие, вероятно, растительную или молочную пищу. Как исключение можно рассматривать и помещение в некоторые поминальные емкости мясных продуктов. В сложносоставных жертвенниках, сочетающих части туш животных и сосуды, последние, скорее всего, также содержали растительно-молочную пищу. Изредка на сосудах, найденных в жертвенниках, встречались крышки, изготовленные из каменных плиток или глиняных стенок от крупных сосудов. Можно допустить, что основная часть жертвенных емкостей заполненных растительной или молочной пищей, могла перекрываться для предотвращения попадания в пищу земли крышками из нестойких органических материалов. В качестве крышек для перекрытия сосудов могли выступать куски кожи, округлые деревянные спилы со стволов или округло-уплощенные досточки. Косвенным подтверждением данного предположения является объем жертвенных сосудов, представленных в основном небольшими емкостями баночного или горшечно-баночного типа; размещение жертвоприношений в сосудах горшечного облика – явление исключительное. Объем большинства жертвенных сосудов колеблется в пределах от 0,4–0,5 до 0,7–1,0 л (рис. 7, 13; 10, 10; 20, 10, 12 и др.), емкости среднего размера объемом от 1,0 до 2,0 л встречаются редко (рис. 10, 14; 12, 3; 67, 4). Исключением из общего правила является размещение крупных емкостей объемом до 8–9 л у могил, имеющих принципиальные отличия в основных деталях погребальной обрядности:

– крупная банка сопровождала грунтовую яму, содержащую мужской кенотаф (см. рис. 108, 1);

– две емкости горшечно-баночного и горшечного облика были размещены на перекрытии могилы, содержащей ярусное разнополое захоронение мужчины и женщины (см. рис. 46, 4, 9).

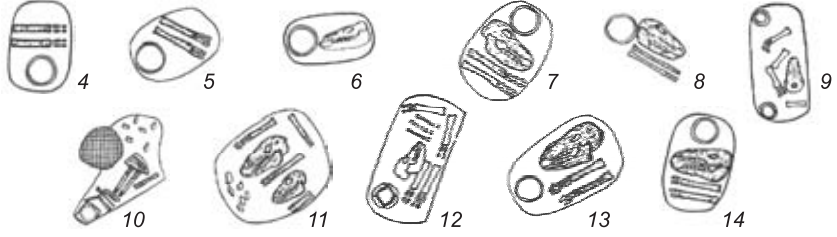

Анализируя особенности распространения поминальных комплексов, содержащих костные останки животных, можно отметить тенденцию достаточной редкости использования данного вида жертвоприношений. Обычно данный вид ритуального приношения выделяет ограду или могилу своеобразием

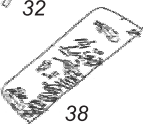

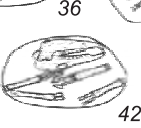
погребального ритуала и сочетанием разного вида жертвоприношений. Наблюдается и определенное пристрастие к конкретному виду жертвоприношения исходя из половозрастной характеристики погребенных: принесение в жертву останков лошади отмечено для индивидуально-мужских и парных разнополюх захоронений; при захоронении женщин предпочтение отдавалось крупному рогатому скоту; захоронения детей чаще сопровождают останки овец.

Изучение жертвоприношений показали не только сложную внутреннюю иерархию поминальных приношений, но и отсутствие какой-либо унификации поминальных комплексов по деталям внутреннего устройства. Жертвоприношения располагались как внутри, так и на перекрытии или на краю могилы, вкопаны в дерново-гумусный горизонт или впущены в небольшие углубления, расположенные в материковом грунте в ограде или за ее пределами, причем в последних случаях жертвоприношение чаще касалось не отдельной могилы, а всех умерших, погребенных в конкретной ограде. Фактически каждое жертвоприношение, связанное с поминовением умерших, – явление индивидуальное (табл. 27). С одной стороны, это свидетельствует о том, что коллектив, оставивший майтанское кладбище в процессе захоронения, совершал сложные индивидуально-разнообразные ритуальные действия в честь каждого из своих умерших; с другой – археологизированные остатки жертвоприношений позволяют говорить и о том, что единого канона с определенной регламентацией поминовения не существовало. Специфика сохранившихся жертвоприноше-

Таблица 27

Поминальные комплексы и особенности их распределения в пределах погребального пространства

Сложносоставные жертвенники	
На перекрытии могилы	 1
На краю могилы	 2 3
В ограде	 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14
За оградой	 15

Жертвенники с костными останками животных	
В могиле	 16
На перекрытии могилы	 17 18 19
На краю могилы	 20 21 22 23 24 25 26
В ограде	 27 28 29 30 31
	 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42

Примечание. 1 – огр. 8Г, жерт. 5; 2 – огр. 8А, жерт. 1; 3 – огр. 41А, жерт. 1; 4 – огр. 28А, жерт. 3; 5 – огр. 29Б, жерт. 5; 6 – огр. 2, жерт. 1; 7 – огр. 23А, жерт. 1; 8 – огр. 5В, жерт.; 9 – огр. 10А, жерт. 3; 10 – огр. 33А, жерт.; 11 – огр. 18А, жерт. 2; 12 – огр. 25Б, жерт. 2; 13 – огр. 18А, жерт. 1; 14 – огр. 46, жерт. 2; 15 – огр. 29Б, жерт. 12; 16 – огр. 2, мог. 1; 17 – огр. 10А, жерт. 7; 18 – огр. 18А, жерт. 4; 19 – огр. 41Б, жерт. 2; 20 – огр. 27А, жерт. 1; 21 – огр. 2, жерт. 2; 22 – огр. 4А, жерт.; 23 – огр. 8А, жерт. 4; 24 – огр. 40, жерт. 1; 25 – огр. 2, жерт. 3; 26 – огр. 29Б, жерт. 8; 27 – огр. 27А, жерт. 3; 28 – огр. 49, жерт.; 29 – огр. 20, жерт. 2; 30 – огр. 29Б, жерт. 9; 31 – огр. 26, жерт.; 32 – огр. 10Б, жерт. 5; 33 – огр. 29В, жерт. 6; 34 – огр. 28Б, жерт. 6; 35 – огр. 27А, жерт. 2; 36 – огр. 34, жерт. 1; 37 – огр. 44, жерт. 1; 38 – огр. 36, жерт. 5; 39 – огр. 13, жерт. 2; 40 – огр. 30А, жерт. 4; 41 – огр. 35, жерт. 2; 42 – огр. 7А, жерт.; 43 – огр. 10Б, жерт. 6; 44 – огр. 29Б, жерт. 11; 45 – огр. 35, жерт. 4.

ний подразумевает не только проведение сложных церемоний, но и позволяет предполагать их взаимосвязь с конкретной умершей личностью, имеющей свой уникальный социальный статус, свою индивидуальную роль в коллективе, свои прижизненные заслуги перед обществом и свое место в загробной жизни, олицетворением чего и являлся погребальный ритуал. Отдельные захоронения детей, сопровождаемые жертвоприношениями, могли касаться индивидов, на которых общество с момента рождения налагало определенную социальную миссию и, возможно, надежду на выполнение ими определенных функций на пользу коллектива после неожиданной смерти, но уже в загробной жизни. К сожалению, какие представления и какие идейные воззрения лежали за конкретными ритуальными проявлениями, отражением которых и являются фактически каждый из поминальных комплексов, представить, реконструировать и воссоздать вряд ли когда-нибудь удастся.

Глава 3

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

В погребальных конструкциях могильника Майтан, несмотря на ограбление большинства могил, обнаружен разнообразный вещевой инвентарь, для изготовления которого использовались металл, камень, кости животных и естественно-природные материалы. Коллекция вещевого инвентаря включает 2306 изделий из бронзы, 9 предметов из камня, 151 – из кости, 33 украшения из раковин. Кроме того, сохранились бусины: 428 пастовых, 1 серебряная и 28 из неопределенного белого материала искусственного происхождения. Собранный инвентарь позволяет охарактеризовать материальную культуру и многие стороны жизнедеятельности центрально-казахстанского населения эпохи бронзы.

ОРУЖИЕ И ОРУДИЯ ТРУДА

Данная категория вещей составляет небольшую, но наиболее яркую часть инвентаря могильника Майтан. Оружие представлено копьем, ножами, каменным, бронзовыми и костяными наконечниками стрел. Среди орудий труда и предметов бытового назначения бронзовые шилья, костяные псалии и изделия из камня – булава, пест и поделка из конкреции (табл. 28).

Копье. Изготовлено из бронзовой пластины, основание которой было свернуто в округлую втулку с несомкнутыми концами и проковано в месте перехода втулки в лезвие, имеющее листовидную форму с закругленным концом, линзовидного сечения. В нижней и верхней части втулки пробиты два прямоугольных отверстия для закрепления изделия на древке. Длина копья 16,8 см, длина двулезвийного пера 9,5 см, ширина 3,7 см, толщина 0,4 см; сечение овальной втулки $3,2 \times 1,8$ см, длина 7,3 см, размер верхнего отверстия $0,3 \times 0,4$ см, нижнего – $0,4 \times 0,5$ см, край втулки приострен проковкой (см. рис. 85, 1; рис. 125, 7). Копье было насажено на древко диаметром 4–5 см, длиной около 90 см. Можно допустить, что на конце древка имелось отверстие, через которое с помощью нити или кожаного ремешка был прикреплен амулет-подвеска из резцового зуба лошади (см. рис. 85, 2).

В Центральном Казахстане двулезвийное нож-копье с прокованной округлой втулкой найдено на полу нуртайского жилища 3 поселения Икпень II [Ткачев, 2002а, с. 91, рис. 26, 6]. Однолезвийное нож-копье с округлой несомкнутой втулкой обнаружено в заполнении атасуского жилища 1 на поселении Энтузиаст I [Там же, с. 141, рис. 43, 16]. С поселения Атасу происхо-

Распределение оружия и орудий труда по оградкам и могилам

Номер оградки	Номер могилы	Бронза					Кость		Камень				Поделка из глины	Инокультурные изделия		
		Нож-копье	Нож	Пулевидный наконечник	Шило	Скобка	Наконечник	Псалий	Наконечник	Булава	Пест	Конкреция		Нуклеус	Скребок	Обломок жертвенника
4Б	1										1					
4Д	1						4									
6	Насыпь												1		1	
8А	2			1			9									
8Б	1		1													
8Г	Жерт. 4										1					
11А	Насыпь													1		
14	1						3									
15А	3						3									
	4				1		9									
17А	1						4	1								
20	1					1										
21	2						1									
22А	1		1													
25Б	1				1											
26	1		1													
27А	2						1									
27Б	Насыпь					1										
27В	1											1				
29А	1			2			4									
29Б	4						1									
29В	Жерт. 1							2								
30А	1				1											
32А	1				1											
34Б	1				1											
35	1								1							
36А	Жерт. 8					5										
36В	1		1													
38	1				1											
40	3					1										
40	4		1													
42	1				1											
43	1		1													
44А	1					1										
	2					1										
46	1					3										
48	1	1														
Итого		1	6	3	7	13	41	2	1	1	1	1	1	1	1	1

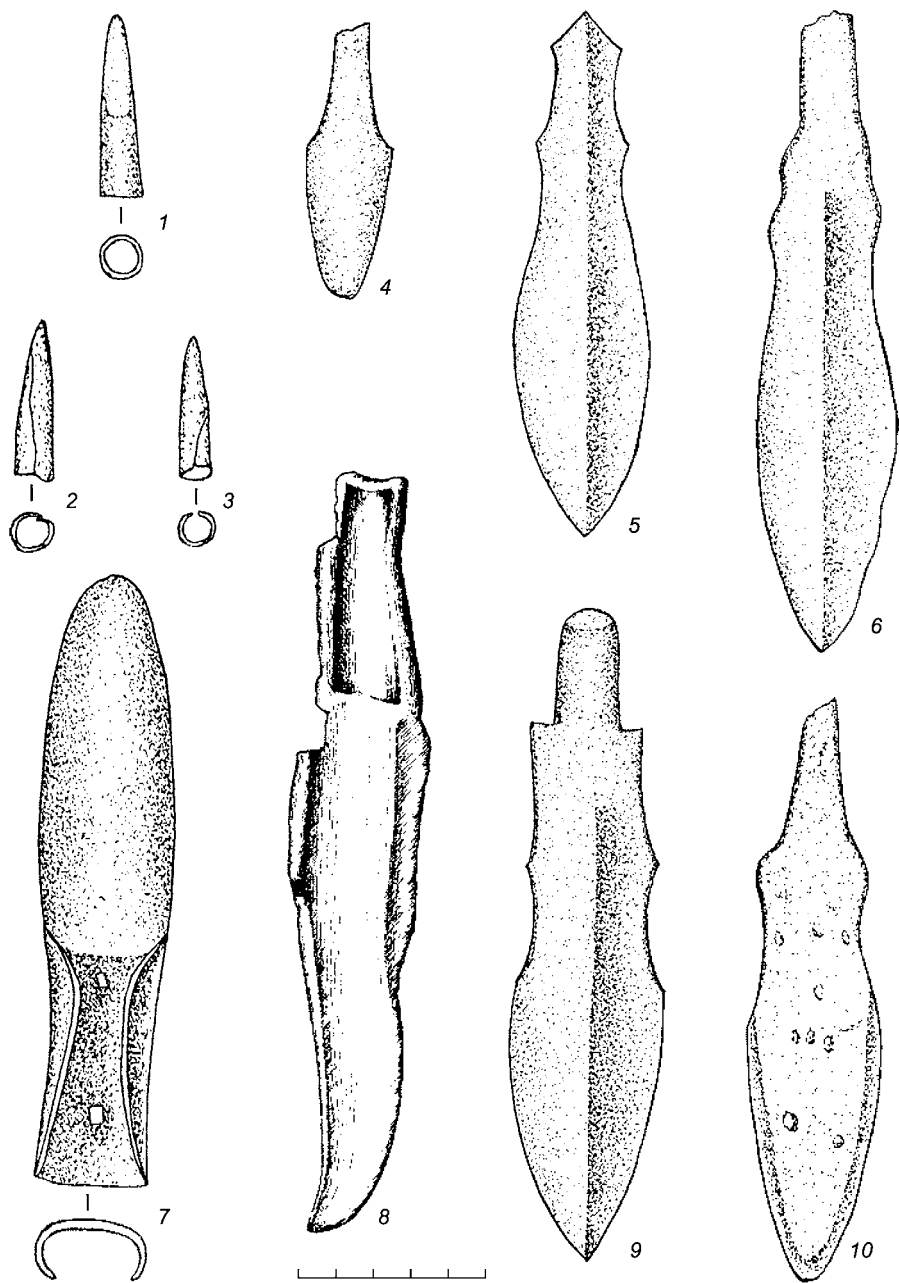

Рис. 125. Могильник Майтан. Бронзовое оружие.

1 – ограда 8А, могила 2; 2, 3 – ограда 29А, могила; 4 – курган 8Б, могила; 5 – ограда 40, могила 4; 6 – ограда 22А, могила 1; 7 – ограда 48, могила 1; 8 – ограда 36В, могила; 9 – ограда 44, могила; 10 – ограда 43, могила 1

дит двулезвийное нож-копье с удлинённо-треугольным клинком и сомкнутой овальной в сечении прокованной втулкой [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 21, 7]. На территории Северного Казахстана ножи-копья с несомкнутой прокованной втулкой обнаружены на поселении Новоникольское I [Зданович, 1974, с. 65, рис. 2, 5, 10]. В Восточном Казахстане аналогичное изделие найдено на поселении Трушниково [Максимова, 1959, с. 27, табл. XX, 9; Черников, 1960, с. 30, табл. XIV, 1]. Наиболее близкое сходство наблюдается между майтанским копьем и пластинчатым копьем с отверстием на несомкнутой втулке, обнаруженным в Башкирии на черкаскульском поселении Юкаликуль [Членова, 1983, рис. 4, 6]. Копье с листовидным пластинчатым пером и массивной кованой сомкнутой втулкой обнаружено на территории Приуралья [Черных, 1970, рис. 45, 9].

К рассматриваемой категории вещевого инвентаря относится и квадратная в сечении пика с раскованным и свернутым во втулку насадом и отверстием для закрепления, обнаруженная в Северной Сары-Арке в могильнике Балыкты [Ткачев, 2002б, с. 20, рис. 135, 7], а также массивные наконечники дротиков с прокованными несомкнутыми округлыми втулками: один из них найден в Центральном Казахстане в атасуском могильнике Шапат [Ткачев, 2002б, с. 119, рис. 187, 18], второй – в Южном Казахстане в атасуском могильнике Бийликуль [Мотов, Карабаспакова, 1983, с. 154, рис. 1, 8; Карабаспакова, 2011, с. 113, табл. 42, 8]. Близкий технологический прием, связанный с изготовлением наконечников стрел с кованой несомкнутой втулкой, характерен и для алакульских древностей Южного Урала (могильник Увак [Федорова-Давыдова, 1962, с. 19, рис. 5, 14], поселение Мирный II [Стефанов, 1996, с. 49, рис. 4, 5]) и Западного Казахстана (Тасты-Бутак [Аванесова, 1975а, с. 29, табл. 2]).

Западнее близкое по форме копье обнаружено на территории Оренбуржья в кургане 1 Болдыревского I могильника, соотносимого с полтавкинским этапом древнеямной общности [Моргунова, 2000, с. 57, рис. 5, 6]. В Поволжье наиболее древние копья с кованой втулкой происходят из фатьяновских памятников – поселения Ош-Пандо [Степанов, 1950, с. 85, рис. 17; 1967, с. 60, рис. 29, 4] и Балановского могильника [Бадер, Халиков, 1976, с. 71, рис. 48, 2], а также из Верхнекизыльского клада, соотносимого с абашевскими древностями [Тихонов, 1960, табл. II, 7; XXV, 2]. Копья с кованой несомкнутой втулкой отмечены в раннесрубных комплексах Покровского могильника [Кривцова-Гракова, 1954, рис. 14, 8] и кургане у с. Мазур [Тихонов, 1960, табл. XVII, 11].

Типология пластинчатых втульчатых орудий не разработана, хотя способ изготовления втулки путем расковки черешка наблюдается на очень широкой территории. С одной стороны, это указывает на древность форм, с другой – простота изготовления предполагает самостоятельное возникновение в разных регионах изделий с коваными насадами. В пределах распространения памятников андроновской культурно-исторической общности центром появления подобного типа изделий являются степи Центрального Казахстана, где сформировался центрально-металлургический очаг металлургического производства на базе меднорудных и касситеритовых месторождений [Маргулан, 1972].

Нуртайские металлурги достаточно рано стали практиковать как использование двусторонних литейных форм, так и пластинчатую технику литья с по-

следующим изготовлением орудий с коваными втулками. Данная технология продолжает развиваться и в атасуское время, и именно из центрально-казахстанского металлургического очага отдельные типы орудий распространяются на сопредельные территории, занятые населением, входящим в андроновскую общность. Это подтверждается находкой на полу в нуртайском жилище 4* поселения Икпень II глиняной литейной формы для отливки удлиненно-треугольных бронзовых пластин, которые можно было использовать для изготовления пластинчатых втульчатых орудий военного и хозяйственно-бытового назначения [Ткачев, 2002а, с. 91, рис. 27, 12]. В памятниках синташтинского круга Поволжья и Южного Урала широко распространены орудия на крупных бронзовых пластинах, но для этих территорий нехарактерно изготовление орудий с втульчатými насадами. Единственным исключением является миниатюрный двулезвийный нож с удлиненно-округлым лезвием и прокованной овальной втулкой**, обнаруженный в Потаповском могильнике [Васильев и др., 1994, с. 36–37, рис. 32, 6].

Ножи. В захоронениях могильника Майтан найдено шесть бронзовых изделий, относящихся к данной категории вещей, среди которых по морфологическим особенностям можно выделить три типологические группы.

Первая группа представлена двулезвийным пластинчатым ножом с выделенной рукоятью и подтреугольным в плане клинком линзовидного сечения толщиной до 0,2 см. Переход к прямоугольной в сечении рукояти (толщина 0,2 см) оформлен небольшими уступчиками. Общая длина ножа 7,3 см, длина клинка 4,1 см, максимальная его ширина около 2,3 см (см. рис. 24, 25; 125, 4). Появление листовидных ножей с выделенной рукоятью в зауральских степях связано с эпохой энеолита, они сочетались с ножами с треугольным клинком [Матюшин, 1982, с. 122, рис. 34, 8]. Близкий по форме нож, типологически связанный с ножами с треугольным лезвием ямно-полтавкинского времени, найден в раннеалакульском комплексе могильника Убаган I [Потемкина, 1985, с. 281–282, рис. 47, 5]. Ножи данной формы в первой половине II тыс. до н.э. сосуществовали с короткочерешковыми пластинчатыми листовидными двулезвийными ножами [Черников, 1960, с. 95–97; Тихонов, 1960, с. 71–73, табл. XXIII, 48; Кузьмина, 1966, с. 37–38, табл. VII]. Типологически пластинчатые ножи предшествуют изделиям «срубного» типа и доживают до алакульско-атасуского времени [Стоколос, 1972, с. 35, рис. 6, 2, 3; Зданович, 1976, с. 159, рис. 2, 3; Евдокимов, 1983, с. 39, рис. 3, 11; Стефанов, 1996, рис. 10, 3; Ткачев, 2002а, с. 141, рис. 43, 15]. Листовидная форма ножей отмечена и в нуринских комплексах Центрального Казахстана; вероятно, заимствована у нуртайского населения в процессе контактов разнокультурного населения [Ткачев, 2002а, с. 141, рис. 12, 13].

* В этом жилище найден и бронзовый серп с насадом, оформленным в виде несомкнутой овальной втулки, что свидетельствует о господстве в производстве орудий разного функционального назначения одних и тех же технологических приемов [Ткачев, 2002а, рис. 26, 7].

** В публикации данное изделие названо ножевидной подвеской, но местонахождение его под коленом позволяет предполагать, что это древнейший засапожный нож.

Вторая группа представлена четырьмя изделиями, относящимися по внешним признакам к ножам срубно-андроновского облика. Несмотря на общее типологическое сходство, каждый нож имеет только ему присущие отличительные морфологические признаки:

– двулезвийный с ромбической пяткой, перекрестьем и перехватом, отлит в двусторонней литейной форме, ромбического сечения и с ребром жесткости по всей поверхности, длина 14,6 см, длина клинка 10,8 см, максимальная ширина клинка 3,8 см (см. рис. 109, 24; 125, 5);

– с ромбическим в сечении лезвием, с округлой пяткой черешка, намечающимся двойным перекрестьем и перехватом, длина 18,1 см, длина клинка 11,5 см, максимальная ширина клинка 4 см (см. рис. 55, 15; 125, 6);

– с округлой пяткой черешка, через приподнятые плечики переходит в двойной перехват, между которыми расположено перекрестье, длина 18,1 см, длина клинка 7,5 см, ширина клинка 4 см, максимальная толщина клинка около 1,0 см, длина черенка 3,5 см (см. рис. 68, 7; 125, 9);

– с перехватом и намечающимся перекрестьем, черешок оформлен нечетко, лезвие уплощено и проковано, ребро жесткости отсутствует, рабочие грани лезвия приострены проковкой, длина 16,5 см, длина клинка 8,5 см, максимальная ширина 3,5 см (см. рис. 58, 15; 125, 10).

Ножи с перекрестьем и перехватом достаточно хорошо представлены в памятниках Центрального Казахстана и встречаются в основном с посудой нуртайского и атасуского типов. Наиболее ранними в этой группе ножей являются пластинчатые изделия, имеющие иногда ромбическое сечение клинка, выделенный черешок с закругленной пяткой, слабо намеченным округлым перекрестьем и едва выделенным перехватом. Ножи данной формы обнаружены в могильнике Нуртай [Ткачев, 2002а, рис. 68, 16], Сатан [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 4, 22], Бозенген [Ткачев, 2002а, рис. 94, 9, 11], Балыкты [Ткачев, 2002б, рис. 135, 8]. Эта форма ножей, преобладающая в петровских и раннеалакульских комплексах, является наиболее характерной для раннеандроновских древностей [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 35–36]. Развитие исходной формы ножей, присущей памятникам нуртайской культуры, приводит к появлению ножей срубно-андроновского типа с ромбическим или плоским черешком, намечающимся перекрестьем и перехватом, характерных для всей серии майтанских ножей. Подобные обнаруженным в захоронениях могильника Майтан изделия широко распространены в атасуско-алакульских, срубных и поздняковских памятниках [Кадырбаев, 1974, с. 36, рис. 9, 1; Черных, 1970, с. 62, рис. 57, 3, 35; 58, 1–5, 23–25]. Есть экземпляры с уступами, переходящими в одиночный или двойной перехват [Кадырбаев, 1974, рис. 9, 1; Ткачева, Ткачев, 2008, рис. 7, 8]. Встречается данная форма изделий и с материалами нуринаского и федоровского облика. В Центральном Казахстане нож срубно-андроновского типа обнаружен на полу нуринаского жилища 2 поселения Икпень I [Ткачев, 2002а, рис. 12, 16], в Зауралье в федоровских могильниках Путиловская Заимка II [Зданович, 1988, рис. 38, 4; табл. 10В, 13, 14] и Урефты I [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 97, рис. 56, 4, 5].

Третья группа представлена однолезвийным ножом с выделенной рукоятью, имеющей двусторонние выемки, переходящей в горбатую спинку, ско-

шенную в одну сторону, плавно понижающуюся к загнутому вверх концу клинка, образующему «хвост»; одна сторона клинка уплощена, вторая – слегка вогнута, кромка лезвия прокована. Длина ножа 21,2 см, длина клинка 14,5 см, ширина до 3,8 см, глубина выемок на рукояти до 0,2 см (см. рис. 99, 14; 125, 8). Нож не имеет прямых аналогов в памятниках андроновской общности и не соответствует ни одной из классификационных схем, разработанных для памятников эпохи бронзы Евразийских степей. Несмотря на «хвостатость», его нельзя сравнить ни с одним из «хвостатых» ножей карасукской культуры [Членова, 1972, табл. 1–3]. Коленчатые ножи с выемчатой рукоятью встречены в могильнике Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 78–80, рис. 49, 2]. Нож со слегка загнутым концом клинка найден в Турбинском II могильнике [Бадер, 1964, с. 122–123, рис. 113], другой нож, имеющий аналогичное оформление клинка, обнаружен в Восточном Казахстане на р. Джумба [Членова, 1972, табл. 69, 4]. Пока можно констатировать, что майтанский нож относится к досейминской – ранней фазе сейминского горизонта и может датироваться временем Турбинского могильника [Черных, 1970, с. 94, табл. Г].

Наконечники стрел. Наиболее распространенным видом вооружения населения эпохи бронзы Центрального Казахстана, судя по погребальному инвентарю, являлись лук и стрелы. К сожалению, в захоронениях могильника Майтан сохранились только наконечники стрел, зафиксированные в 11 могилах (5,1 %) (табл. 28). Не исключено, что одновременно в могилы помещали и луки. Судя по положению непотревоженных наконечников стрел, они находились в колчанах, остриями в одну сторону. Прослежено два местоположения колчанов в погребальном пространстве могилы: пучок наконечников стрел располагался вдоль стенки за тазовыми костями погребенного остриями в сторону ног (огр. 4Д, мог.; 8А, мог. 2; 29А, мог.) или между согнутых ног погребенного по диагонали могилы остриями в сторону лодыжек (огр. 15А, мог. 4; 17А, мог. 1). В потревоженных грабителями захоронениях единично найденные наконечники стрел также располагались вдоль стен могил (огр. 27А, мог. 2; огр. 44, мог. 1) или между ног погребенного мужчины (огр. 14). Исключением из общего правила является случай, когда три костяных наконечника стрел без древков могли поместить в небольшую коробочку, впущенную в округлую ямку (огр. 15А, мог. 3). В этом случае можно допустить, что погребенный мужчина уже в загробном мире должен был сам оснастить наконечники стрел древками. Крайне редко в непотревоженных колчанах отмечаются единичные изделия, у которых преднамеренно или случайно обломаны острия (огр. 15А, мог. 4; огр. 17А, мог. 1).

На основании положения большинства сохранившихся пучков стрел можно предполагать, что колчан носили как на левом, так и на правом боку. Вероятно, это зависело от индивидуальных особенностей человека, но стрелы в колчанах всегда помещали остриями вниз. Число стрел в колчанах варьируется незначительно – от 3 до 10. Зафиксировано 6 непотревоженных скоплений, которые можно рассматривать как отдельные колчаные наборы. В трех могилах обнаружены только изделия из кости: в одном случае найдено 3 наконечника (огр. 15А, мог. 3), во втором – 4 (огр. 4Д, мог.), в третьем – 9 (огр. 15А, мог. 4). В трех наборах при преобладании костяных наконечников стрел прослеже-

но сочетание изделий, изготовленных из разных материалов: в одном случае колчан содержал 1 бронзовый и 9 костяных наконечников стрел (огр. 8А, мог. 2); во втором – 2 бронзовых и 4 костяных наконечника (огр. 29А, мог.); в третьем – 1 каменный и 4 костяных наконечника стрелы (огр. 17А, мог. 1).

Данные о форме колчанов, размерах и форме лука отсутствуют, неизвестна длина древка стрел. В то же время местоположение сохранившихся пучков стрел на уровне тазовых костей позволяет предположить, что нижняя часть колчана имела форму округлой тубы и он располагался за спиной вдоль туловища. Верхний срез колчана вряд ли возвышался над уровнем плечевого пояса, т.е. длина древка была не менее чем 60–70 см. Близкие размеры древков стрел реконструируются по материалам памятников синташтинской и срубной культур [Шишлина, 1990, с. 33; Епимахов, 2005, с. 56].

Для комплексов бронзового века Центрального Казахстана характерно незначительное количество наконечников стрел, сопровождающих умерших. В могильнике Звенигородка колчан, располагавшийся за тазовыми костями, содержал 4 костяных наконечника стрел [Ткачев, 2002б, с. 35, рис. 143, 3; 145, 6–9]. Аналогичное размещение колчана с одним бронзовым и двумя костяными наконечниками отмечено в могильнике Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 184, рис. 56, 4; 68, 14, 20, 21]. В этом же памятнике в групповом захоронении детей четыре изделия сопровождали одного из мальчиков: бронзовый вток лежал на изгибе левого колена, а три костяных наконечника стрел располагались компактным скоплением за спиной у основания ног [Там же, с. 162, рис. 52]. Остатки размещенного за спиной погребенного кожаного колчана, содержавшего 3 бронзовых и 2 костяных наконечника, обнаружены в могильнике Бозенген [Там же, с. 204]; другой колчан с этого же памятника содержал 2 бронзовых и 3 костяных наконечника [Там же, с. 205]. В двух центральных могилах ограды 1 могильника Шет I обнаружено по 6 наконечников стрел, причем каждый набор содержал 3 бронзовых и 3 костяных наконечника [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 86–87, рис. 59, 1–6; 60, 1–4, 6, 8]. В атасуском могильнике Жаман-Узен II обнаружен колчан, содержавший костяной и три бронзовых наконечника стрелы [Аванесова, 1975б, с. 112, рис. 2, 1].

Наличие в захоронениях массивных, достаточно тяжелых бронзовых и костяных наконечников стрел свидетельствует об изготовлении мощных и крупных луков, использовавшихся населением, оставившим нуртайские и атасуские памятники Центрального Казахстана. Появление сложно-составных композитных и простых усиленных луков в Урало-Казахстанских степях можно связать с милитаризованным синташтинским обществом [Берсенев и др., 2010, с. 84]. Две формы лука одновременно использовались длительное время разными группами степного населения вплоть до заключительной фазы финальной стадии бронзового века [Нелин, 1996, с. 59–62].

В погребениях могильника Майтан найдено 45 наконечников стрел: один каменный, три бронзовых, остальные костяные (табл. 28).

Каменный наконечник стрелы, изготовленный из светло-серого кремня, имеет удлинненно-листовидную форму, линзовидное сечение пера и усеченное ровное основание; поверхность обработана двусторонней струйчатой ретушью; длина наконечника 3,6 см, максимальная ширина пера 1,4 см, толщи-

на 0,4 см, ширина основания 1,2 см (см. рис. 41, 10). Каменные наконечники достаточно редко встречаются в погребальных комплексах бронзового века Центрального Казахстана: в памятниках нуртайского типа каменный наконечник стрелы обнаружен в одном из захоронений могильника Сатан [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 3, 7]; обломок каменного наконечника дротика встречен в насыпи нуринаского кургана могильника Самара [Ткачев, 2002б, рис. 158, 2].

Удлиненно-треугольные наконечники с усеченным основанием отмечены во всех колчаных наборах синташтинских [Генинг и др., 1992, рис. 49, 1; Костюков и др., 1995, с. 157, рис. 18, 7; Епимахов, 1996, с. 37, рис. 11, 4; 2002, рис. 9, 14, 15; Виноградов, 2003, рис. 101, 7; 105, 10], петровских [Зданович, 1976, с. 156, рис. 2, 8; 1988, с. 76, рис. 31, 1] и потаповских [Васильев и др., 1995, с. 10, рис. 16, 8] погребальных комплексов Южного Зауралья и Поволжья. Аналогичные наконечники стрел обнаружены в могильнике Кулевчи VI [Виноградов, 1984, рис. 9, 41], Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, рис. 80, 15; 82, 14], Чистослебяжий [Матвеев, 1998, рис. 18, 3; 34, 5; 37, 3], Хрипуновский [Там же, рис. 59, 4]. Близкий по форме наконечник со слегка вогнутым основанием встречен в могильнике Алакуль [Сальников, 1952, с. 57, рис. 7, 3]. Подобные по форме наконечники широко представлены в колчаных наборах могильника Ростовка [Матюшенко, Сеницына, 1988, рис. 12, 2; 24, 3, 6, 7; 27, 2–4]. Для колчаных наборов, происходящих из погребальных памятников синташтинско-петровского и алакульского круга, характерно преобладание треугольных наконечников с усеченным основанием, но удлиненно-треугольные наконечники стрел с усеченным основанием представлены в каждом наборе единичными экземплярами. Исключением являются колчаные наборы из захоронений могильника Ростовка, где преобладают удлиненно-треугольные изделия, а наконечники треугольной формы значительно более редки.

Бронзовые пулевидные наконечники-втоки, обнаруженные в колчаных наборах могильника Майтан, изготовлены двумя способами. Один, отлитый в двусторонней литейной форме, имел округлую втулку и прокованное четырехгранное перо; длина изделия 4,8 см, длина пера 2,8 см, длина втулки 2 см, диаметр втулки 1,1 см, глубина насада 2,5 см (см. рис. 24, 34; 125, 1). Два изделия изготовлены из скрученного в трубочку тонкого бронзового листа с прокованным и приостренным пером: длина одного наконечника 4,3 см, диаметр втулки 1,1 см (рис. 77, 11; 125, 2), второго – 4 см, диаметр втулки 1 см (рис. 77, 12; 125, 3). Данный тип изделий широко представлен в памятниках бронзового века Центрального Казахстана. Наконечники-втоки обнаружены на полу нуртайского жилища 6 поселения Икпень I [Ткачев, 2002а, рис. 9, 4, 16], в заполнении жилища 1 атасуского поселения Майоровка [Ткачев, 2002а, с. 120, рис. 38, 3], нуринаском слое поселения Усть-Кенетай [Евдокимов, 1982, с. 8, рис. 4, 10], атасуско-нуринаском горизонте поселения Мыржик [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 118, 10]. Погребальные памятники, в которых встречен данный тип изделий, – могильники Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 192, рис. 68, 13], Бозенген [Ткачев, 2002а, с. 246, рис. 94, 3] и Темир-Астау [Маргулан и др., 1966, с. 117, рис. 44, 2]. За пределами Центрального Казахстана аналогичные наконечники-втоки обнаружены в Кустанайском Притоболье на

Алексеевском поселении [Кривцова-Гракова, 1948, с. 109, рис. 34, 3] и на территории Средней Азии в составе Сукулукского клада [Кузьмина, 1966, с. 28, табл. III, 8]. Территориальное распространение свидетельствует о том, что, несмотря на простоту изготовления, наконечники-втоки не характерны для других регионов андроновской общности и местом их происхождения являются степи Центрального Казахстана. По типологическим особенностям бронзовые наконечники-втоки могильника Майтан соотносятся с ранней стадией производства данного вида изделий [Ткачев, 2002б, с. 173].

Костяные наконечники стрел наиболее многочисленны среди предметов вооружения, преобладают во всех колчаных наборах могильника Майтан (рис. 126). Типология костяных наконечников стрел андроновской эпохи не разработана. Обнаруженная в захоронениях значительная серия изделий позволяет выделить основные типы данной категории. Длина костяных наконечников варьируется от 7 до 19 см. Несмотря на разнообразие, все обнаруженные изделия относятся к черешковым наконечникам стрел; по форме и разрезу пера выделяются три группы – листовидные, шиловидные и с жальцами-шипамии. По сочетанию формы и разреза пера и насада в каждой группе выделяется несколько типов (табл. 29, 30). Наличие серии наконечников оригинальных форм свидетельствует о поиске центрально-казахстанскими мастерами оптимальных решений в изготовлении данного вида оружия.

Группа А. Листовидные наконечники стрел (6 экз.). По сочетанию пера и насада подразделяются на четыре типа (см. табл. 29).

Тип I. С ромбовидным сечением пера и уплощенным прямоугольным в сечении черешком. Представлен двумя вариантами: один (огр. 8А, мог. 2) имеет плавный переход от пера к черешку (рис. 126, 14; 127, 1); у второго (огр. 44, мог. 1) переход подчеркнут уступчиками (рис. 126, 1; 127, 2).

Тип II. С удлинённо-треугольным, ромбическим в сечении пером и коротким коническим черешком, округлым в сечении (огр. 15А, мог. 4) (рис. 126, 40; 127, 3).

Тип III. Два наконечника с удлинённо-овальным пером, ромбическим в сечении, и коротким, овальным в сечении, приостренным черешком (огр. 15А, мог. 3) (рис. 126, 31; 127, 5); у одного (огр. 17А, мог. 1) на черешок нанесены параллельные нарезки для более плотного закрепления в древке (рис. 126, 7; 127, 4).

Тип IV. Наконечник с удлинённо-треугольным, ромбическим в сечении пером, переходящим в округло-ромбический черешок, заканчивающийся коротким округлым насадом (огр. 14, мог. 1) (рис. 126, 21; 127, 6).

Группа Б. Шиловидные наконечники стрел (32 экз.). По сочетанию пера и насада можно выделить девять типов (табл. 29):

Тип I. С квадратным сечением пера, переходящего в уплощенный, прямоугольный в сечении черешок (огр. 8А, мог. 2). Представлены двумя вариантами: у одного грани при переходе к черешку сглажены (рис. 126, 10; 127, 10); у второго наблюдается резкий переход от пера к черешку (рис. 126, 18; 127, 11).

Тип II. С квадратным сечением пера и коротким заостренным квадратным в сечении черешком; при переходе к черешку выделен уступчиками-упорами, боковые грани пера у основания срезаны (огр. 29А, мог. 1) (рис. 126, 23; 127, 12).

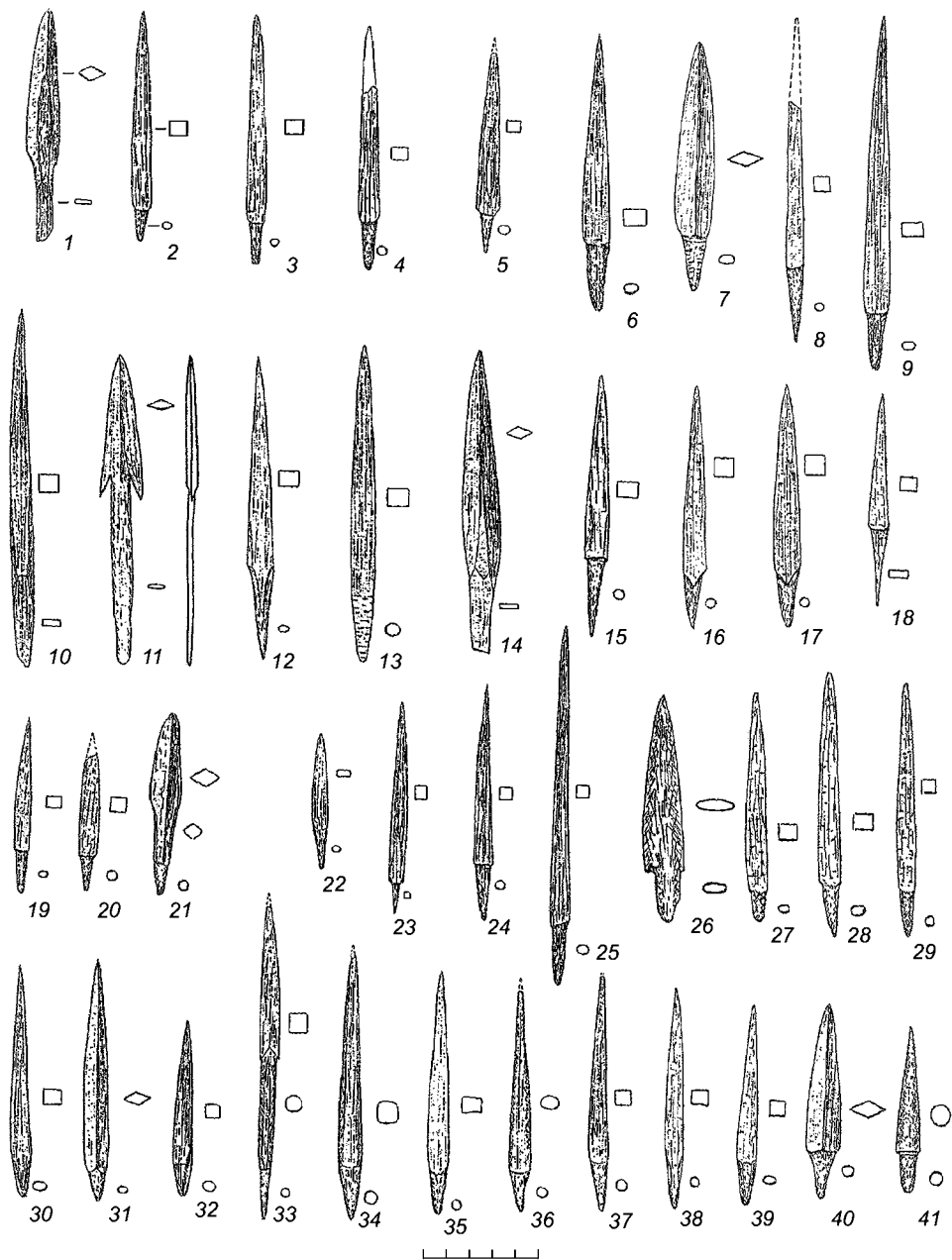

Рис. 126. Могильник Майтан. Костяные наконечники стрел.

1, 2 – могила 1, ограда 44; 3 – могила 2, ограда 27А; 4 – могила 2, курган 21; 5 – могила 4, ограда 29Б; 6–9 – могила 1, ограда 17А; 10–18 – могила 2, ограда 8А; 19–21 – могила, ограда 14; 22–25 – могила, ограда 29А; 26–29 – могила, ограда 4Д; 30–32 – могила 3, ограда 15А; 33–41 – могила 4, ограда 15А

Сочетание основных типов костяных наконечников в комплексах

Номер ограды	Номер могилы	Индекс конечного разряда															Всего	
		Листовидные				Шиловидные									С шипами			
		I	II	III	IV	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	I	II		III
4Д	1							1	2								1	4
8А	2	1				2		2		2	1					1		9
14	1				1			1			1							3
15А	3			1				1			1							3
15А	4		1					2	1	1		1	1	1		1		9
17А	1			1				1			2							4
21	2									1								1
27А	2							1										1
29А	1						1	1	1		1							4
29Б	4										1							1
44А	1	1									1							2
Всего		2	1	2	1	2	1	10	4	4	8	1	1	1	1	1	1	41

Тип III. Включает десять наконечников с квадратным сечением пера и округлым коническим черешком. Представлен двумя вариантами: у первого наблюдается плавный переход от пера к черешку (огр. 4Д, мог.; отр. 8А, мог. 2; отр. 15А, мог. 3; отр. 15А, мог. 4; отр. 17А, мог. 1) (рис. 126, 8, 17, 29, 32, 37; 127, 13, 14, 18, 19, 21); у второго переход подчеркнут слабо выраженными упорами (огр. 27А, мог. 2; отр. 8А, мог. 2; отр. 14, мог.; отр. 29А, мог. 1) (рис. 126, 3, 15, 16, 20, 24; 127, 15–17, 20, 22).

Тип IV. Четыре наконечника с квадратным сечением пера и коротким приостренным овальным в сечении черешком (огр. 4Д, мог.; отр. 15А, мог. 4; отр. 29А, мог. 1) (рис. 126, 25, 27, 28, 39; 127, 23–26).

Тип V. Четыре наконечника с прямоугольным сечением пера и коротким коническим округлым в сечении черешком. Представлены двумя вариантами: одно изделие имеет плавный переход от пера к черешку (огр. 15А, мог. 4) (рис. 126, 38; 127, 29); у остальных прослеживается резкий переход от пера к черешку (огр. 8А, мог. 2; кург. 21, мог. 2; отр. 29Б, мог.) (рис. 126, 4, 5, 12; 127, 28, 30).

Тип VI. Восемь наконечников стрел с прямоугольным сечением пера и коротким приостренным овальным в сечении черешком. Представлен двумя вариантами: одни изделия имеют плавный переход от пера к черешку, причем черешок одного наконечника украшен насечками (огр. 8А, мог. 2; отр. 15А, мог. 4; отр. 29А, мог. 1) (рис. 126, 13, 22, 35; 127, 32, 34, 38); у других прослеживаются слабо выраженные уступчики-упоры (огр. 14, мог.; отр. 15А, мог. 3; мог. 1, отр. 17А; отр. 44, мог. 1) (рис. 126, 2, 6, 9, 19, 30; 127, 31, 33, 35–37).

Тип VII. Один наконечник (огр. 15А, мог. 4), имеющий квадратного сечения перо со сглаженными гранями, в основании пера прослеживается плавный переход к короткому коническому округлому в сечении черешку (рис. 126, 34; 127, 39).

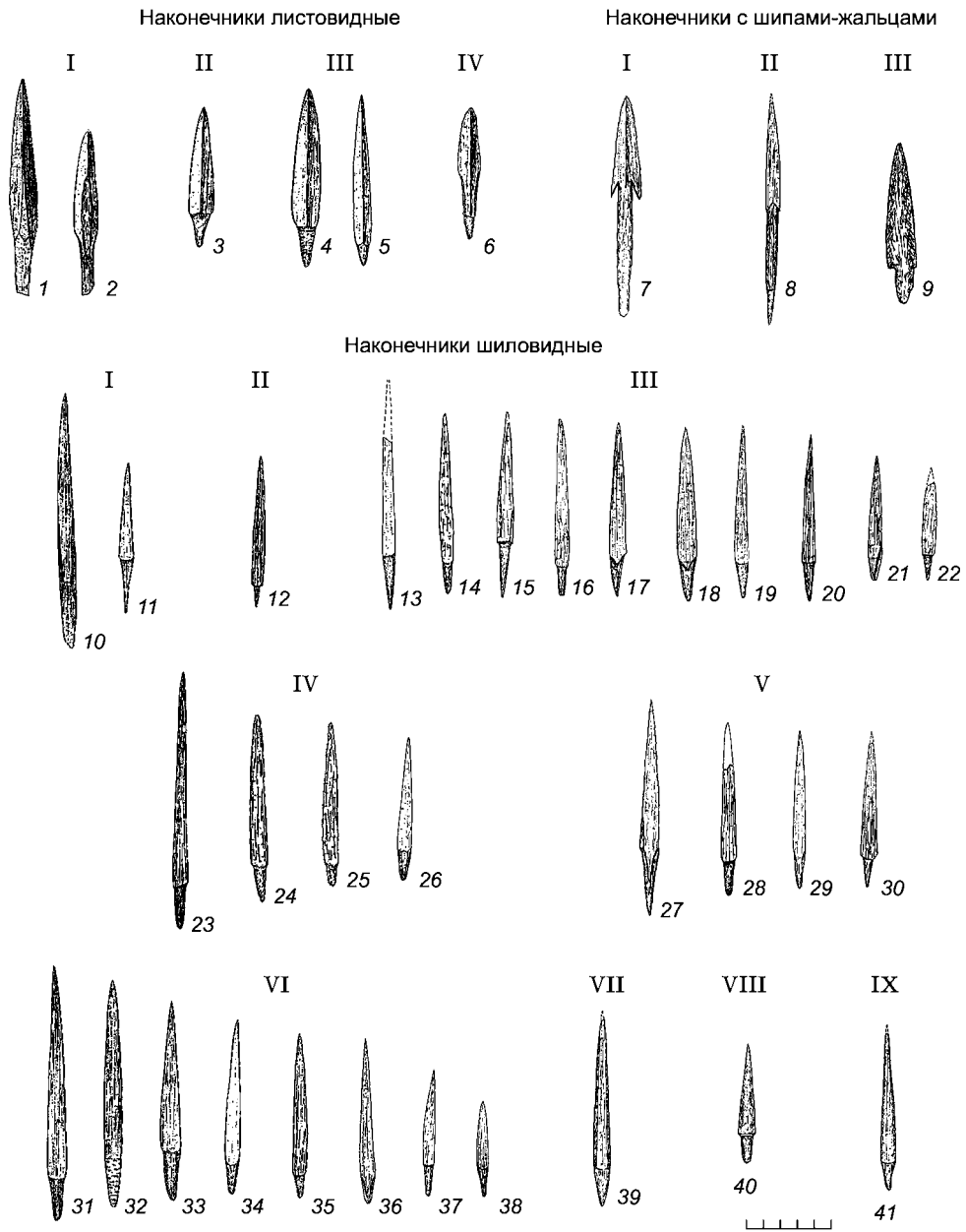

Рис. 127. Могильник Майтан. Распределение костяных наконечников стрел по типологическим группам.

1, 7, 10, 11, 15, 17, 18, 27, 32 – ограда 8А, могила 2; 2, 35 – ограда 44, могила 1; 3, 8, 19, 26, 29, 34, 39–41 – ограда 15А, могила 4; 4, 13, 31, 33 – ограда 17А, могила 1; 5, 21, 36 – ограда 15А, могила 3; 6, 22, 37 – ограда 14, могила; 9, 14, 24, 25 – ограда 4Д, могила; 12, 20, 23, 38 – ограда 29А, могила; 16 – ограда 27А, могила 2; 28 – курган 21, могила 2; 30 – ограда 29Б, могила 4

Тип VIII. Один наконечник (огр. 15А, мог. 4), с коротким слабоприостренным округлым в сечении пером; переход пера к черешку оформлен коническими уступчиками-упорами (рис. 126, 41; 127, 40).

Тип IX. Один наконечник (огр. 15А, мог. 4) с овальным сечением пера и коротким коническим округлым в сечении черешком (рис. 126, 36; 127, 41).

Группа В. Включает 3 экз. наконечников с жальцами-шипами, каждый из которых можно рассматривать в качестве отдельного типа (табл. 29).

Тип I. Наконечник с ромбическим сечением пера (огр. 8А, мог. 2) с гранями, переходящими в хорошо оформленные шипы; длинный черешок уплощено-овального сечения (рис. 126, 11; 127, 7).

Тип II. Наконечник с квадратным сечением пера (огр. 15А, мог. 4), грани заканчиваются четырьмя слабо выраженными шипами, подчеркнутыми боковыми врезками; длинный квадратно-округлый в сечении черешок заканчивается коротким округлым в сечении насадом (рис. 126, 33; 127, 8).

Тип III. Наконечник с овальным сечением пера (огр. 4Д, мог.), на концах боковых граней прослеживаются слабо выраженные уплощенные шипы; короткий черешок имеет овально-уплощенное сечение (рис. 126, 26; 127, 9).

Основные типы костяных наконечников стрел и заготовки для их изготовления широко представлены в нуртайско-атасуских и нуринских комплексах Центрального Казахстана. Они встречены на поселении Икпень I [Ткачев, 2002а, рис. 9, 1; 13, 9, 10, 22–29], Икпень III [Там же, рис. 32, 6, 11], Майоровка [Там же, рис. 38, 11, 20], Энтузиаст I [Там же, рис. 43, 13, 14]. Аналогичные костяные наконечники стрел обнаружены в погребальных комплексах могильника Нуртай [Там же, рис. 68, 19–21], Звенигородка [Ткачев, 2002б, рис. 145, 6–9], Аяпперген [Там же, рис. 167, 17, 18], Темир-Астау [Маргулан и др., 1966, рис. 44, 1], Копа [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 6, 29–34], но наиболее представительный комплекс аналогичных наконечников стрел отмечен на могильнике Бозенген [Ткачев, 2002а, рис. 95, 1–21].

Для погребального обряда памятников синташтинско-петровского круга предметы вооружения, изготовленные их кости, не характерны. Так, в могильнике Кривое Озеро на все исследованные курганы приходится всего один костяной наконечник [Виноградов, 2003, с. 251, рис. 105, 9]. Для алакульских памятников Северного Казахстана исключением является центральное захоронение кургана 5 могильника Семипалатное, где мужчину сопровождал колчан с семью наконечниками стрел, располагавшийся за спиной на уровне плеча. Особенности размещения колчана отличаются от канонов, принятых у центрально-казахстанского населения. Острия стрел направлены не к ногам, а к голове: верхняя часть колчана располагалась на уровне тазовых костей.

Основная часть наконечников листовидные, с ромбическим сечением пера и выделенным уплощенным черешком (группа А, тип I) [Зданович, 1988, с. 105, рис. 41, 7–9, 11–14]. Другой колчан, обнаруженный в кургане 10 могильника Амангельды, содержал 5 костяных, 2 каменных и 2 бронзовых наконечника стрел [Там же, с. 67, рис. 28, 4–6, 8, 13–18]. Основная часть костяных наконечников аналогична найденным в могильнике Семипалатное, два изделия являются своеобразным подражанием треугольным каменным наконечникам стрел, характерным для синташтинско-петровского круга памятников. Близки к ним

и каменные амангельдинские наконечники. Одна из амангельдинских бронзовых стрел аналогична наконечникам, широко представленным в нуртайских и атасуских комплексах Центрального Казахстана [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 51, 7, 8, 10; Ткачев, 2002а, рис. 94, 1, 2, 4]. Второе бронзовое изделие, атрибутированное как наконечник стрелы, по морфологическим особенностям ближе скорее к миниатюрным теслам, чем к стрелам [Зданович, 1988, рис. 28, 17]. Можно предположить, что костяные наконечники стрел из могильников Семипалатное и Амангельды являются изделиями местных мастеров, а бронзовые попали в Петропавловское Прииртышье в результате контактов между населением Центрального и Северного Казахстана.

Шилья. Наиболее невыразительная в морфологическом отношении и сравнительно малочисленная категория мелких бронзовых орудий [Черных, Кузьминых, 1989, с. 130]; изделия обнаружены в семи захоронениях (см. табл. 28). В четырех случаях шилья сопровождали одиночные захоронения женщин (огр. 32А, мог.; огр. 34Б, мог.; огр. 38, мог. 1; огр. 42, мог. 1); в двух – женщин в парных разнополюх захоронениях (огр. 15А, мог. 4; огр. 30А, мог. 1); в одном – обломок шила обнаружен в разграбленном захоронении мужчины (огр. 25Б, мог.).

Все орудия односторонние, квадратные (см. рис. 36, 20; 57, 6; 88, 1; 92, 1), округлые (см. рис. 67, 1; 84, 1) и овальные (см. рис. 104, 1) в сечении – с прокованным и приостренным рабочим концом. Основная часть изделий представлена обломками, но два предмета сохранились полностью: одно, сопровождавшее женщину в парном разнополом захоронении, длиной 8,9 см, квадратного сечения 2×2 мм, с прокованным рабочим округлым острием (см. рис. 36, 20); второе, найденное в захоронении женщины, длиной 4 см, квадратного сечения 2×2 мм, рабочая часть его приострена, противоположный округлый конец слегка отогнут (см. рис. 57, 6).

Подобные предметы в течение длительного времени достаточно широко бытовали в разных регионах андроновской общности. Простота производства позволяет предполагать их единовременное использование и изготовление на каждой территории. В Центральном Казахстане аналогичные изделия встречены на поселении Икпень I [Ткачев, 2002а, рис. 16, 8, 10], Майоровка [Там же, рис. 38, 16], Энтузиаст I [Там же, рис. 43, 6], в могильниках Нуртай [Там же, рис. 68, 8, 10–12, 17, 18], Бозеген [Там же, рис. 94, 7], Актобе II [Там же, рис. 121, 1], Балыкты [Ткачев, 2002б, рис. 135, 1–6], Аяпперген [Там же, рис. 167, 11], Былкылдак [Маргулан, 1970, рис. 17, 1], Жиланды [Кадырбаев, 1974, с. 30, рис. 9, 3]. В Восточном Казахстане бронзовое шило найдено в могильнике Березовский [Ткачева, Ткачев, 2008, рис. 63, 4]; в культурном слое городища Барашки I кроме шила обнаружена заготовка изделия, отлитая в односторонней литейной форме [Там же, рис. 7, 3, 6].

На Южном Урале аналогичные изделия широко представлены в комплексах Синташты [Генинг и др., 1992, рис. 41, 11, 12, 14; 46, 5; 51, 15, 16; 57, 3; и др.], Большекараганском могильнике [Боталов и др., 1996, рис. 5, 3; 17, 11; 21, 2; 22, 2; 23, 5; Зданович и др., 2002, с. 98, рис. 16, 2; 21, 2; 29, 5, 6], могильниках Солнце II [Епимахов, 1996, рис. 12, 2] и Кривое Озеро [Виноградов, 2003, с. 250, рис. 103, 5]. В Северном Казахстане шилья отмечены в пе-

тровских могильниках Аксайман [Зданович 1988, рис. 30, 11] и Берлик II [Там же, рис. 30, 9, 10; 31, 6]. В Западном Казахстане шило встречено в могильнике Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 203, табл. XLII, 13]. В Притоболье близкие изделия обнаружены в могильниках Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, рис. 68, 10; 80, 16; 82, 11, 12], Раскатиха [Там же, рис. 88, 3], Чистолебяжье [Матвеев, 1998, рис. 12, 6], Хрипуновский [Там же, рис. 54, 13, 14; 58, 6]. Отмечены они и на поселениях Камышное I [Потемкина, 1985, рис. 39, 6], Убаган II [Там же, рис. 47, 10], Волосниково [Там же, рис. 52, 8, 9], Варакасово [Там же, рис. 53, 3].

Псалии. Обнаружены на правой и левой стороне ротового отверстия одной из жертвенных лошадей, сопровождавших погребенного мужчину (огр. 29В, мог. 1) (см. рис. 79). Изготовлены из половинок крупных трубчатых костей, кончики которых обломаны еще в древности, имеют выделенную подтреугольную планку и шипы на внутренней стороне. Один псалий трехдырчатый (длина 7,2 см, ширина 2,5 см, высота 1,5 см): одно крупное отверстие, диаметром 0,9 см, расположено в центре; второе, диаметром около 0,5 см, – на планке; третье, диаметром 0,3 см, – сбоку между ними ближе к центральному отверстию (см. рис. 77, 2). Второй псалий четырехдырчатый (длина 7,5 см, ширина 2,6 см, высота 1,5 см): первые два отверстия, диаметром соответственно 0,8 и 0,5 см, расположены как на первом псалии; третье, диаметром 0,4 см, – в центре близ края планки. С обеих сторон внутри отсутствуют вторые от планки зубцы, что подчеркнуто вертикальными канавками шириной около 6 мм и глубиной до 1 мм. В первом от планки зубце просверлено дополнительное, четвертое отверстие диаметром 0,3 см (рис. 77, 1).

Костяные псалии могильника Майтан типологически близки, незначительно отличаются оформлением, размерами и количеством отверстий. По морфологическим особенностям они относятся к I типу псалиев (по К.Ф. Смирнову [1961]) или щитковым (по Г.Б. Здановичу [1985]). На территории Центрального Казахстана встречено незначительное количество изделий подобного типа. Орнаментированный щитковый псалий с выделенной планкой обнаружен в нуртайском могильнике Сатан [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 3, 8]. Крупный щитковый псалий совместно с нуриной посудой обнаружен на поселении Икпень I [Ткачев, 2002а, рис. 13, 1]. За пределами региона щитковые псалии характерны для многих культур Евразийской степи. Совместно с дисковидными щитковыми псалиями встречены в памятниках многоваликовой керамики [Братченко, 1976, с. 151, рис. 72, IV, 2; Березанская, 1982, с. 127, рис. 40, 3], абашевских [Пряхин, 1976, с. 124, рис. 21, 6], срубных [Смирнов, 1961, с. 47, рис. 1, 4, 5], петровских [Зданович, 1986, с. 60, рис. 1] комплексах.

Значительное накопление материалов, связанных с деталями конской упряжи, позволило перейти на новый уровень обобщения и наметить новые подходы к рассмотрению одной из важных сторон жизнедеятельности древнего населения степной полосы эпохи бронзы [Бочкарев, Кузнецов, 2010]. Типология желобчатых псалиев разработана по материалам культурных образований всей Евразийской степи. Что касается Центрального Казахстана, то подчеркивается, с одной стороны, малочисленность изделий, с другой – их своеобразие. Это позволяет считать степные пространства Сары-Арки особой зоной развития

материальной культуры, где производились и использовались оригинальные предметы конской упряжи. Псалии с могильника Майтан, типологически отнесенные к желобчатым изделиям с шипами, в то же время были выделены в особый майтанский тип, не имеющий аналогий на сопредельных территориях [Там же, 2010, с. 308].

Булава. Обнаружена в разграбленном захоронении ограды 35. Из мягкого мелового камня, округло-биконической формы, с односторонним сверлением, диаметром 5,8 см, высотой 4 см, с отверстием диаметром 1,0–1,6 см (см. рис. 94, 1). На территории Центрального Казахстана булава из мягкого мелового камня обнаружена на могильнике Нуртай [Ткачев, 2002а, рис. 68, 15]. Булава из могильника Майтан несколько отличается от уплощенно-округлой нуртайской, за счет ребра в верхней трети, придающей ей ярко выраженную биконическую форму. Небольшие размеры и вес нуртайской и майтанской булав позволяют предполагать их символическо-ритуальный характер.

За пределами Центрального Казахстана близкие по форме и размерам каменные булавы встречены в абашевском могильнике Селезни II [Пряхин, 2000, с. 81, рис. 2, 27], в погребальных комплексах Синташты [Генинг и др., 1992, с. 147, рис. 61, 9; 68, 2; 146, 7; 195, 5], в синташтинском могильнике Большекараганский [Боталов и др., 1996, с. 73, рис. 13, 3; Зданович и др., 2002, рис. 21, 3], петровском могильнике Кенес [Зданович, 1976, с. 154, рис. 2, 7], алакульских Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 150, рис. 9, 42] и Перелески [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 7, 36], культурном слое Алексеевского поселения [Кривцова-Гракова, 1948, с. 122, рис. 28, 3]. Все известные каменные булавы Зауралья, Северного и Центрального Казахстана связаны с памятниками, оставленными носителями синташтинских, петровско-нуртайских, раннесрубных и ранних алакульско-атасуских традиций, временем формирования и развития среднебронзовых комплексов в Урало-Казахстанских степях.

Пест. Обнаружен в жертвенном комплексе ограды 8Г. Представляет собой массивное изделие из плотной породы зеленоватого цвета (см. рис. 24, 1). В процессе изготовления заготовка оббивалась, местами прослеживается желвачная корка, поверхность частично заглажена, в верхней части выделена округлая пришлифованная пятка для захвата рукой. На нижней рабочей поверхности прослеживаются выбоины, свидетельствующие об использовании изделия для дробления твердых пород камня. Высота песта 16,2 см, сечение овальное, размером 8,8 × 7,2 см. Массивные каменные орудия – достаточно редкий и не характерный вид погребального инвентаря для памятников эпохи бронзы.

Пест-терочник встречен в могильнике Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 192, рис. 68, 4], в нуринском комплексе могильника Самара отмечен курант ладьевидной формы [Ткачев, 2002б, с. 61–62, рис. 158, 1]. Все вышеназванные изделия сближает плотная зеленоватая порода камня, из которого они изготовлены. В пределах Центрального Казахстана крупные каменные песты широко представлены в поселенческих комплексах, где они обычно использовались в процессе металлургического производства [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 132–136]. За пределами региона разнообразные песты наиболее широко встречены только в погребальных комплексах Синташты [Генинг и др.,

1992, рис. 149, 1–3; 152, 1; 161, 10, 11; 171, 8], что свидетельствует о важной роли данного вида изделий в жизнеобеспечении синташтинского населения. В алакульско-атасуское время традиция использования крупных каменных орудий в качестве погребального инвентаря отмирает, и находки данной категории вещей можно рассматривать как исключительное явление.

Поделка из конкреции. Найдена в могиле 1 ограды 4А. Темно-серого цвета, следов сработанности не отмечено, внешняя поверхность имела естественный волнистый характер, округлой формы, диаметром 2,8 см, высота изделия 1,8 см, диаметр отверстия 0,3 см (см. рис. 10, 1). Подобные находки не характерны для погребального инвентаря андроновской эпохи. Предмет мог выполнять функцию индивидуального амулета-оберега.

Керамическая поделка. Обнаружена в могиле ограды 27В. Неправильно-овальной формы, размером 3,1 × 2,2 × 0,5 см (см. рис. 71, 1). Назначение изделия не определено, но особенности заглаженности края свидетельствуют о том, что предмет мог использоваться для затычки отверстия, возможно, деревянной емкости.

Скобки (13 экз.). В четырех захоронениях встречено по одному экземпляру (огр. 20, мог. 1; огр. 40, мог. 3; огр. 44А, мог. 1 и 2), в одном – три (огр. 46, мог. 1), одно изделие найдено в грунте у плит ограды 27Б. Большинство этих предметов изготовлены из бронзовых пластин, имеют загнутые вовнутрь концы и использовались для починки глиняных и деревянных сосудов (рис. 50, 1; 82, 2; 116, 2). Две массивные скобки, изготовленные из прямоугольной в сечении проволоки, скрепляли части какого-то толстостенного деревянного изделия (см. рис. 82, 4, 5). Назначение двух предметов не ясно: одно длиной 5 см, с загнутыми под прямым углом концами – один короткий приостренный, второй более длинный уплощенный (рис. 116, 4); второе напоминает крючок – один конец загнут в петлю, второй приострен (см. рис. 71, 5).

Особо необходимо отметить находку крепежной бронзовой пластины с загнутым вовнутрь краем (огр. 36А, жерт. 8). Изготовлена из листа размером 6 × 4 см, толщиной около 2 мм; с внешней стороны пробиты 4 отверстия диаметром 3–4 мм, в которые были вставлены мелкие П-образные скобки (длина 2,3–2,5 см, длина боковых отростков 0,3–0,4 см) из тонкой бронзовой проволоки прямоугольного сечения 2 × 3 мм. Поделка использовалась для ремонта деревянного сосуда с толщиной стенок 5–6 мм.

Традиционно бронзовые скобки, считающиеся характерной деталью бытовой практики населения всего массива андроновских древностей, использовались для ремонта керамических и деревянных емкостей [Потемкина, 1985, с. 170, рис. 68, 15; Зданович, 1988, с. 82, рис. 30, 12; Генинг и др., 1992, с. 260; Матвеев, 1998, с. 251; Ткачев, 2002а, с. 278, рис. 121, 24]. В то же время, несмотря на достаточно широкое распространение бронзовых скобок в синташтинских, петровских и алакульских памятниках, в большинстве случаев данный вид изделий не связан с погребальной посудой [Сальников, 1952, с. 65; Виноградов, 1984, с. 150, рис. 9, 43, 44; Зданович, 1988, рис. 30, 12–14; Генинг и др., 1992, рис. 46, 9; 61, 1; 96, 8; Матвеев, 1998, рис. 12, 10; 14, 14, 15]. К тому же данные, свидетельствующие об использовании бронзовых скобок для ремонта керамической посуды, немногочисленны [Зданович, 1988, с. 83; Матвеев,

1998, с. 38, 91]. В большинстве случаев скрепки, являясь самостоятельной категорией погребального инвентаря, представляют собой массивные пластины, охватывающие своими загнутыми концами достаточно толстостенные изделия. Скорее всего, при классификации данного вида изделий необходимо исходить из их размеров. Для ремонта глиняной посуды применялась тонкая проволока; для починки деревянной посуды – скобки-стяжки, имеющие П-образную форму, с приостренными концами, что не требовало сверления дополнительных отверстий в треснувшем деревянном сосуде. Подобные изделия обнаружены на могильниках Майтан (см. рис. 116, 4), Синташта [Генинг и др., 1992, рис. 46, 9], Аксайман [Зданович, 1988, рис. 30, 12], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, рис. 9, 43]. Крупные, массивные изделия прямоугольной или квадратной формы с широким охватом внутреннего пространства использовались для ремонта толстостенных деревянных изделий, к сожалению, не поддающихся реконструкции. Последний тип скобок распространен достаточно широко в могильниках степной полосы: Майтан (см. рис. 82, 4, 5), Синташта [Генинг и др., 1992, рис. 46, 9], Берлик II [Зданович, 1988, рис. 30, 13], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, рис. 9, 44].

На могильнике Майтан при фиксации даже непотревоженных сосудов и присутствии на них просверленных отверстий, свидетельствующих о проведенном когда-то ремонте, в большинстве случаев бронзовые скобки отсутствовали. На целой серии сосудов при наличии нескольких попарно расположенных отверстий ни одной бронзовой скобки не обнаружено. Конечно, можно допустить, что в процессе совершения погребального обряда бронзовые скобы, использовавшиеся для стягивания трещин на глиняных сосудах, удалялись, их заменяли кожаными ремешками или веревочками растительного происхождения. Последний способ мог активно практиковаться и в повседневной жизни, так как мягкий эластичный материал более плотно стягивал поврежденные края, в отличие от жесткого крепления при помощи металлических скобок.

Инокультурные изделия. В процессе исследования могильника Майтан обнаружено несколько предметов, не имеющих отношения к погребальной обрядности эпохи бронзы.

Клиновидный нуклеус находился на уровне материка с юго-западной стороны за пределами ограды кургана 6. Изготовлен из коричневого кремня, с уплотненной рабочей площадкой подтреугольной формы, размером $3,0 \times 2,2$ см, высота изделия 2,9 см (см. рис. 15, 3).

Скребок обнаружен на уровне материка в юго-западном секторе ограды 11, изготовлен на отщепе серой кремнистой породы, неправильно-овальной формы, подовального сечения, размером $2,9 \times 2,8 \times 0,9$ см; рабочая поверхность подретуширована.

Обломок жертвенника найден в заполнении вводного захоронения раннего железного века в кургане 6. Предмет изготовлен из мелкозернистого серого камня, размер $13,5 \times 6,2 \times 2,0-3,5$ см, реконструируемый диаметр изделия 14 см, с заполированной двусторонней вогнутой рабочей поверхностью (рис. 15, 4). Данный вид изделий широко распространен в погребальной обрядности раннего железного века Казахстана [Кадырбаев, 1966, рис. 10, 1–3; 14, 1; 30, 1–3; 1974, с. 44, рис. 12, 2].

УКРАШЕНИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

С украшением человеческого тела и костюма связана значительная серия предметов из металла, представленных разными типами. Они неравномерно распределены по погребальным комплексам, так как большинство изученных захоронений могильника Майтан разграблено (табл. 31, 32).

Таблица 31

Распределение украшений из бронзы по оградкам и могилам

Номер оградки	Номер оградки	Браслеты			Бляшки			Трубчатые кольца		Пронижи		Перстни с S-образными щитками
		Желобчатые со спиралевидными концами	Желобчатые с несомкнутыми окончаниями	Желобчатые составные со спиралевидными концами	Крупные	Мелкие	Выпукло-вогнутые	С покрытием золотым листом	Без покрытия	Ребристые	Трубчатые	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
5А	1				1		2			1		
5Б	1			2								
7Б	1				1							
7Г	1	1										
8А	1						4			2		
	3									2		
8Б	1	2										
9	1									1		
10А	2	1						1				
	3				1							
10Б	1					4	2			4	2	
15А	1									2		
15Г	1				1							4
16А	1	1										
16Б	2										2	
17Б	1	1			1							
17В	1	2										
18В	1	4										
18Е	1	3			1							
22А	1					2	2					
23А	3					1						
23Г	1	1										
23Д	1	4										
24	1	1						2				
27А	2							2				
28А	3				3							

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
30А	1	1										
	2		2									
36А	1		2									
	2	1										
36Г	1	1			3					5		
37	1									2		
38	1						1					
40	2	2										
	3							1				
	5				1		1			3		
	6	2										
41А	1	1										
41Б	2	2					6					
	3		1									
43	1	1					4		1			
44А	1	1					3					
	2				3							
44Б	1	2										
48	1									4		
49	3		2									
50Б	2		1									
Итого		35	8	2	16	17	15	6	1	26	2	6

Таблица 32

Распределение украшений из металла по оградкам и могилам

Номер оградки	Номер могилы	Украшения из бронзы												Серебряная бусина
		Серьги со спирале- видными концами	Обоймы	Подвеска							Бусы			
				Спиралевидная	Очковидная	Листовидная	Лапчатая	Крестообразная	В полтора борота с покрытием золотым листом	В полтора оборота без покрытия	Бочонковидные литые	Бочонковидные из пластин	Бисер из гладкой и ребристой проволоки	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
2	2					1				3			2	
	4					3								
	5												46	
4Б	1												95	
5А	1				4	5						1	28	
5Б	1	2	2			5							37	
6	1												83	

Продолжение табл. 32

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
7А	1												34	
7Б	1												3	
7Д	1									1			13	
8А	1					3	1				1		8	
8А	3									1			29	
8Б	1					7								
9А	1							1						
10А	2												4	
10Б	1					5							22	
13	1		2									2		
	2								1					
14	1												47	
15А	1												99	
	4						2					4	38	
15Г	1												118	
16Б	2					4								
17Б	1												1	
17В	1								4				153	
	2												15	
17Д	1												14	
18А	1					1								
18Б	1									1			71	
18Д	2					3								
18Е	1					2			4					
21													36	
22А	1		1					3			6		34	
22Б	1		1										8	
22В	1						3							
23А	1												41	
	2												27	
	3												6	
23Б	1									1				
23Г	1		2										14	
23Д	1								10				57	
24	1								1					
25А	1												39	
28	2											3		
	3									1			3	1
29А	1												23	
29Б	1									1			72	
	2					1								
30А	1												30	
	2			1										
31	1											2	40	
32Б	1												5	
34Б	1												7	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
36А	1												21	
	2								6				25	
	6												12	
36Г	2												14	
38	1											2	127	
40	2									3				
	3					1			2			3	16	
	5												11	
	6					3							73	
41Б	1											2	53	
	2					3								
42	4		2											
43	1			1					4		1		13	
44А	2		2			3							40	
45	1												2	
	2												2	
46	1									1				
48	1											8	43	
	2												1	
50А	1												91	
50Б	2											1	29	
50В	1						3		2			2		
	Итого	2	12	2	4	50	9	4	34	13	8	30	1975	1

Браслеты (45 экз.). Обнаружены в 27 захоронениях могильника, количество их варьируется от одного до четырех. По особенностям изготовления все изделия относятся к типу желобчатых. Можно выделить три их разновидности:

– с прокованными и закрученными в тугую спираль концами, плоскими или коническими в разрезе. Наиболее представительны – 35 экз. (см. рис. 24, 32, 33; 41, 12, 13; 63, 18, 20, 21, 23; 99, 15; 109, 1, 5, 22, 23; 114, 19, 20);

– составные со спиралевидными концами, имеющими разрыв ближе к одной из спиралей, концы пластин загнуты вовнутрь, две части браслетов соединялись между собой кожаными ремешками (см. рис. 13, 41, 42)

– с закругленными несомкнутыми концами (см. рис. 84, 8, 9; 100, 4, 5; 114, 14).

Распределение по отдельным оградкам свидетельствует о том, что желобчатые браслеты со спиралевидными окончаниями являлись принадлежностью погребального инвентаря взрослых женщин. В тех случаях, когда удавалось зафиксировать их в неповрежденном состоянии, они отмечены по одному на каждой руке погребенной (огр. 40, мог. 2 и 6), как исключение, отмечено по два изделия на каждой руке (огр. 23Д, мог.), составные браслеты также встречены на запястье одной руки (огр. 5Б, мог.). В парном разнополом погребении в одном случае погребенную сопровождает всего один браслет, надетый на запястье левой руки (огр. 36А, мог.).

Желобчатые браслеты с несомкнутыми концами встречены только в детских захоронениях, обычно по одному на каждой руке (огр. 36А, мог. 1; огр. 49, мог. 3), причем иногда они сопровождали и новорожденных младенцев (огр. 36А, мог. 2) (рис. 84, 8, 9; 100, 4, 5). Встречаются и одиночные браслеты: так, девочку в возрасте 3–4 лет (огр. 41Б, мог. 3) сопровождал один браслет, надетый на запястье левой руки (рис. 114, 14).

Бронзовые браслеты являются распространенным типом женских украшений. Браслеты со спиральными щитками и с несомкнутыми или заходящими округлыми концами широко представлены в погребальных комплексах Центрального Казахстана в могильниках Нуртай [Ткачев, 2002а, рис. 69, 25, 26, 30, 21; 70, 40–43; 71, 31, 36, 37], Бозенген [Там же, рис. 96, 28, 35] Актобе II [Там же, рис. 121, 21, 22, 25, 26], Ак-Мустафа [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 42, 4, 5], Койшоки IV [Там же, рис. 56], Шондынкорасы [Хабдулина, 2000, с. 46, рис. 3, 1].

Аналогичные браслеты с намечающимися щитками и несомкнутыми округлыми концами характерны для синташтинских памятников Южного Зауралья (Синташта, Большекараганский, Кривое Озеро) [Генинг и др., 1992, рис. 41, 5; 151, 1, 10; 159, 1, 5; 175, 5, 6; Боталов и др., 1996, рис. 11, 2; Виноградов, 2003, рис. 97, 7–20], потаповских Поволжья [Васильев и др., 1994, с. 133, рис. 29, 4–7] и петровских комплексов Зауралья и Северного Казахстана [Боталов и др., 1996, рис. 23, 3; Зданович, 1988, рис. 30, 3, 4, 7].

В алакульских памятниках Южного Зауралья, Западного и Северного Казахстана преобладают браслеты со спиралевидными окончаниями, браслеты без щитков встречаются значительно реже. В погребальных комплексах могильников Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, рис. 68, 1, 2, 3; 80, 1, 2, 9, 10, 17, 18; 82, 4, 9] и Хрипуновский [Матвеев, 1998, рис. 57, 10] браслеты со щитком не обнаружены. Для остальных алакульских комплексов характерно сочетание браслетов обоих типов. Они отмечены в могильниках Алакульском [Сальников, 1952, с. 65, рис. 5, 3, 4], Алексеевском [Кривцова-Гракова, 1948, рис. 36, 8; 37, 1, 2, 4], Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 56–67, табл. XXXVII, 1, 18, 19, 21, 22], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, рис. 3, 10–12; 4, 16, 17; 7, 9; 9, 37], Лисаковском [Усманова, 2005, рис. 69, 1–8; 70, 1–14], Субботино [Потемкина, 1973, рис. 3, 8, 9; 4, 4, 6], Раскатиха [Потемкина, 1985, рис. 88, 10, 11], Чистолебяжье [Матвеев, 1998, рис. 14, 13; 27, 8, 9; 40, 9; 41, 8, 12–14; 45, 14, 15], В Казахском Прииртышье желобчатые браслеты со спиралевидными окончаниями встречены в могильнике Маринка [Ткачева, Ткачев, 2008, рис. 31, 14, 15].

Составные желобчатые браслеты могильника Майтан (см. рис. 13, 41, 42) типологически близки к браслетам со спиралевидными окончаниями и являются своеобразным, достаточно редким изделием центрально-казахстанских мастеров, не имеющим аналогов в памятниках андроновского круга.

Желобчатые браслеты с несомкнутыми, заходящими и спиралевидными окончаниями, возникнув в раннеалакульское время, существуют на всем протяжении средней и поздней бронзы, развитие браслетов со щитками шло от плоской к высокой конической спирали с постепенным увеличением числа завитков [Аванесова, 1979, с. 18; 1991, с. 69–70]. По мнению А.В. Матвеева,

данный тип украшений эволюционировал от бесщитковых браслетов к изделиям с плоскими спиралями с постепенным переходом к браслетам с высокими коническими спиралями [1998, с. 247]. В то же время в могильнике Майтан прослежено сочетание браслетов с плоской, уплощенно-конической и невысокой конической спиралью (см. рис. 13, 41, 42; 24, 32, 33; 41, 12, 13; 45, 1, 8–13; 109, 1, 5, 22, 23). В алакульских памятниках Северного Казахстана отмечены браслеты с высокими коническими спиралями, что считается характерным для нуринско-федоровских комплексов [Малютина, 1994, табл.].

Перстни. Обнаружены в двух захоронениях: в одном случае (огр. 10Б, мог. 1) найдены обломки двух изделий (рис. 29, 17, 18); в другом (огр. 15Г, мог.), перстни обнаружены на мизинцах и средних пальцах обеих рук погребенной женщины (рис. 36, 1, 3, 6, 9). Все изделия изготовлены из ромбической в сечении проволоки, имеют S-образные закрученные в тугую плоскую спираль щитки.

В пределах Центрального Казахстана перстни встречены в могильниках Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 193, рис. 69, 24], Бозенген [Там же, с. 247, рис. 96, 14, 24], Сатан [Евдокимов, Усманова, 1990, с. 80, табл.], Алтынсу [Кабанов и др., 1975, с. 230, рис. 1, 11], Жаман-Узен II [Аванесова 1975б, с. 112, рис. 2, 2], Копа [Евдокимов, Усманова, 1990, с. 80, рис. 2, 7]. За пределами региона перстни отмечены в комплексах Синташты [Генинг и др., 1992, рис. 126, 18–20; 153, 3; 161, 4; 184, 2], но значительно чаще данный вид украшений встречается в алакульских могильниках Зауралья и Притоболья – Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 147, рис. 7, 4], Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, с. 185, рис. 82, 5–7], Алексеевский [Кривцова-Гракова, 1948, с. 113, рис. 40], Лисаковский I [Усманова, 2005, рис. 72, 1–4], Чистолебяжье [Матвеев, 1998, с. 111], Хрипуновский [Там же, рис. 53, 4; 54, 10]. В разных регионах андроновской общности для изготовления перстней использовалась проволока различного сечения: в Центральном Казахстане – ромбического (Нуртай, Бозенген, Майтан) и круглого (Алтынсу), в Южном Зауралье – овально-уплощенного (Синташта), в Притоболье – ромбического (Верхняя Алабуга, Алексеевский) и прямоугольного (Чистолебяжье, Хрипуновский).

В позднеандоновский период традиция изготовления перстней с S-образными щитками исчезает. Подтверждением тому является их отсутствие в комплексах финальной стадии бронзового века в Урало-Казахстанской степной зоне. А.В. Матвеев полагает, что данный вид украшений у носителей карасукской и ирменской культур трансформировался в изделия с литыми коническими выступами [1998, с. 248].

Трубчатые кольца-серьги (7 экз.). Обнаружены в 5 захоронениях (огр. 10А, мог. 2; огр. 24, мог.; огр. 27А, мог. 2; огр. 40, мог. 3; огр. 43, мог. 1) Изделия пружинного действия округлой формы имеют замок в виде трубчатого приемника с входом в него приостренного конца. Изготовлены из тонких свернутых в трубку бронзовых пластинок на органической основе (см. рис. 58, 13); большинство обтянуты золотой фольгой (рис. 109, 21); у пяти на концах имеется чеканный орнамент – одно орнаментировано замкнутыми параллельными линиями (см. рис. 29, 19), у других замкнутые линии сочетаются с заштрихованными треугольниками (см. рис. 65, 1, 2; 71, 4) или зигзагом (рис. 71, 2).

В одном случае к кольцу кожаными ремешками были прикреплены четыре бронзовые подвески в полтора оборота, обтянутые золотым листом (огр. 43, мог. 1; рис. 58, 9–12).

В Центральном Казахстане аналогичные кольца встречены в могильниках Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 194, рис. 70, 1; 71, 35], Бозенген [Там же, с. 247, рис. 96, 36, 37], Балыкты [Ткачев, 2002б, рис. 136, 13, 14, 39, 31], Алтынсу [Кабанов и др., 1975, с. 237, рис. 2, 4], Алеп-аул [Рыков, 1935, с. 55, рис. 41, 2], Бегазы [Маргулан и др., 1966, с. 138, табл. XIII, 1, 6], Шондынкорасы [Хабдулина, 2000, с. 47, рис. 3, 2]. Трубчатые кольца характерны как для алакульских погребальных комплексов (могильник Алексеевский [Кривцова-Гракова, 1948, с. 109, рис. 37, 3], Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 57, табл. XXXVII, 2, 3; XLI, 1, 2], Кожумберды [Кузьмина, 1969, с. 126, рис. 49, 2], Чистолебяжье [Матвеев, 1998, с. 249, рис. 6, 3; 41, 8], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 147, рис. 3, 7, 8; 7, 10; 9, 38]), так и для в федоровско-нуринских памятников (могильник Путиловская Заимка II [Зданович, 1988, с. 99, рис. 38, 1, 2], Тау-Тары [Максимова, 1962, с. 39, рис. 2, 2], Талапты II [Карабаспакова, 2011, с. 108, табл. 51, 1, 2], Ак-Мустафа [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 75, рис. 44, 3]). Это не согласуется с мнением Н.А. Аванесовой, полагавшей, что подобные изделия присущи только алакульским памятникам Западного и Центрального Казахстана [1975в, с. 69–70, рис. 2].

Трубчатые пронизи представлены двумя типами.

К первому типу относятся два изделия, входившие в состав сложного наконсника (огр. 16Б, мог. 2). Пронизи имеют трапециевидную форму с треугольным окончанием и загнутыми вовнутрь концами – орнаментированы в верхней части горизонтальным зигзагом, по центру параллельными линиями (см. рис. 38, 9, 10). Данный тип изделий известен в памятниках новокумакского горизонта, использовался в изготовлении сложных наконсных украшений. В Центральном Казахстане аналогичные изделия встречены в могильниках Бозенген [Ткачев, 2002а, с. 247–248, рис. 96, 29; 98, 2] и Сатан [Евдокимов, Усманова, 1990, с. 67, рис. 1, 2]; в Южном Зауралье в погребальных комплексах Синташты [Генинг и др., 1992, с. 192, рис. 99]; в Казахском Притоболье в могильниках Лисаковском [Евдокимов, Усманова, 1990, с. 67, рис. 1, 3; Усманова, 2005, с. 10–11] и Токанай I [Усманова, Логвин, 1998, с. 20, рис. 16, 2].

Второй тип – более многочисленные удлиненные трубчатые ребристые пронизи (26 экз.) уплощенно-овального сечения, свернутые из тонких бронзовых пластинок. В количестве 1–5 экз. они обнаружены в 10 захоронениях (см. табл. 31). Длина изделий 0,8–3,1 см, ширина 0,5–1,3 см, украшены вертикальными параллельными линиями (см. рис. 13, 4; 24, 13–16; 36, 11, 12; 99, 8–12; 102, 1, 2; 107, 8–10) или несомкнутой горизонтальной «ёлочкой» (см. рис. 29, 8–11). В основном пронизи встречены в переотложенном состоянии, и только в двух случаях они соотносятся с деталями костюма: входили в систему украшения обуви (огр. 48, мог. 1) и, вероятно, являлись частью челюстно-лицевой подвески (огр. 36Г, мог. 2).

Последний тип вещей широко представлен значительными сериями во многих андроновских могильниках Центрального Казахстана (Нуртай [Ткачев, 2002а, рис. 69, 18], Бозенген [Там же, рис. 96, 7, 10; 98, 3], Балыкты

[Ткачев, 2002б, рис. 137], Аяпперген [Ткачев, 2002б, рис. 167, 2–4, 7; Кукушкин, 2006, рис. 7, 3], Шет I [Кадырбаев. Курманкулов, 1992. с. 92, рис. 62, 4]). В западной части андроновской ойкумены данный тип изделий встречается достаточно редко. В незначительном количестве гладкие бронзовые пронизы отмечены в могильниках Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 55, 61, табл. 3; XLI, 13–15]), Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 139, 142], Алакульский [Сальников, 1952, с. 65], Чистолебяжье [Матвеев, 1998, с. 250]. Единичные находки ребристых пронизей, аналогичных центрально-казахстанским, сделаны в алакульских могильниках: Алексеевском [Кривцова-Гракова, 1948, рис. 38, 3], Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, с. 196], Лисаковский [Усманова, 2005, рис. 74, 24, 25]. Сочетание гладких и ребристых пронизей зафиксировано в могильнике Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 61, табл. 3]. Более широко пронизы с гофрированным орнаментом представлены в погребальных памятниках степной зоны Обь-Иртышского междуречья. В Павлодарском Прииртышье бронзовая ребристая пронизь, обтянутая золотым листом, встречена в раннеандоновском могильнике Кенжеколь I [Ткачев и др., 2005, с. 303], крупная серия аналогичных изделий происходит из могильника Кытманово [Уманский и др., 2007, с. 28, рис. 10, 3; 55, 2]. Преобладание ребристых пронизей в памятниках степной зоны Центрального Казахстана и Алтая позволяет предполагать их самостоятельное происхождение и развитие в рамках двух культурных провинций: для центрально-казахстанской характерно изготовление разнообразных бронзовых изделий; в Обь-Иртышском регионе преобладало производство более грацильных округлых изделий, плакированных золотом.

Бляшки. Изготовлены из тонких бронзовых пластинок, в количестве от 1 до 6 экз. встречены в 18 захоронениях (табл. 31). По морфологическим признакам могут быть разделены на три группы:

– *первая* – крупные изделия (16 экз.), диаметром 2,5–3,2 см, с двусторонними парными отверстиями для закрепления; орнаментированы концентрическими кругами (см. рис. 20, 1; 36, 13; 73, 12, 13), свастикой (см. рис. 109, 7), крестообразными фигурами (см. рис. 29, 1; 44, 2; 73, 14; 99, 5–7; 116, 6, 12, 13), спиралями (см. рис. 41, 11), треугольниками, сочетающихся со стилизованными изображениями рогов (см. рис. 13, 1);

– *вторая* – мелкие бляшки (17 экз.), диаметром 1–2 см, с двусторонними одиночными или парными отверстиями для закрепления; орнаментированы концентрическими кругами (см. рис. 24, 3; 29, 2–5; 55, 2, 5; 63, 11; 114, 6, 7, 10, 11), крестовидными фигурами (см. рис. 24, 8, 9; 114, 8, 9); горизонтальным зигзагом (см. рис. 24, 2);

– *третья* – выпукло-вогнутые полушарные бляшки (15 экз.) с двусторонними одиночными отверстиями (см. рис. 13, 2, 3; 29, 6, 7; 55, 3, 6; 58, 2–5; 104, 6; 109, 16; 116, 14–16).

По технике орнаментации выделяются две разновидности: основная часть бляшек украшена чеканным способом, т.е. узор выбивался или оттискивался с использованием мягкой или твердой матрицы; другие орнаментированы точечным узором в стиле пуансон; на части изделий обе техники сочетаются.

Плоские и полушарные бляшки широко распространены в погребальных комплексах Центрального Казахстана. Они отмечены в могильниках Нуртай

[Ткачев, 2002а, рис. 71, 18, 19, 26, 32–34], Балыкты [Ткачев, 2002б, рис. 137], Аяпперген [Там же, рис. 167, 6, 8–10, 12; Кукушкин, 2006, рис. 7, 4, 5, 12, 14], Шапат [Ткачев, 2002б, рис. 187, 7, 8], Былкылдак I [Маргулан, 1970, рис. 19, 1–3], Ак-Мустафа [Кадырбаев, Крманкулов, 1992, с. 73, рис. 42, 2], Шет I [Там же, с. 92, рис. 62, 4], Ащи-Озек, Копа, Ташик, Ижевский I [Усманова, 2010, с. 92–93]. В синташтинских комплексах данный тип украшений встречается достаточно редко (Бестамак [Калиева, Логвин, 2008, рис. 16, 12; 18, 9, 16]), более широко представлен в алакульских могильниках Зауралья и Казахстана (Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 55, 61, табл. 3; XLI, 3–11], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 141, 147, рис. 4, 2; 7, 1–3, 8; 9, 16–22], Алакульский [Сальников, 1952, с. 65, 69], Чистолебяжье [Матвеев, 1998, с. 111, рис. 41, 9–11], Хрипуновский [Матвеев, 1998, с. 149, рис. 54, 2–5], Алексеевский [Кривцова-Гракова, 1948, с. 114, рис. 41, 1–3], Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, с. 196, рис. 80, 6, 7], Лисаковский [Усманова, 2005, рис. 74, 1–8; 2010, с. 93], Алыпкаш [Зданович, 1988, табл. 10Б, 11]). В Южном Казахстане неорнаментированные полушарные бляшки характерны для смешанных атасуско-нуринских памятников (могильник Айдахар [Карабаспакова, 2011, с. 108, табл. 52, 2, 3]).

Для погребальных комплексов Казахстанского Прииртышья и Алтайских степей более характерны полусферические нашивные бляшки с точечным узором в стиле пуансон (при отсутствии плоских орнаментированных бляшек). Они встречены в могильниках Зевакино [Арсланова, 1975, с. 77, рис. 2. 5–18], Березовский [Ткачева, Ткачев, 2008, рис. 63, 6, 7], Барашки [Там же, рис. 69, 1], Кызылтас [Там же, рис. 85, 1–3], Кытманово [Уманский и др., 2007, рис. 63, 14–16]. Данный предмет погребального инвентаря может считаться характерным для восточно-андроновских памятников [Максименков, 1978, с. 72, табл. LIV, 9].

Серьги (2 экз.). Обнаружены в придонной части заполнения могилы в ограде 5Б (табл. 32). Изготовлены из овальной в сечении проволоки: один конец закручен в слабовыраженную коническую спираль; второй оформлен в виде загнутого овально-уплощенного крючка с прокованным приостренным краем (см. рис. 13, 37, 38). Типологическая атрибуция данных бронзовых изделий несколько условна, так как они уникальны для памятников андроновской общности. Единственное украшение, имеющее определенное сходство с майтанскими сережками, обнаружено в могильнике Шондынкорасы [Хабдулина, 2000, с. 45, рис. 3, 6]. Последний предмет, вероятнее всего, использовался в качестве подвески, так как крепление оформлено в виде загнутой широкой пластины.

Обоймы (12 экз.). Встречены в 7 захоронениях могильника (табл. 32). Это достаточно стандартная группа изделий, изготовленных из плоских бронзовых прямоугольных пластинок с загнутыми вовнутрь концами (см. рис. 13, 35, 36; 32 6, 7; 55, 1; 56, 3; 57, 7, 8; 63, 12, 16; 116, 10, 11). В большинстве случаев украшения данного вида найдены в переотложенном состоянии, в основном в могилах, содержавших женские или парные разнополюые захоронения. Только в одном случае удалось реконструировать сложную «шумящую» подвеску, в этом украшении обоймы служили в качестве крепежных элементов-распределителей кожаных ремешков (огр. 5Б, мог.). Как исключение можно выделить два

случая: в одном стандартные изделия сопровождали мужчину (огр. 13, мог. 1); в другом обоймы крупных размеров обнаружены с младенцем (огр. 42, мог. 4).

Достаточно широко данный вид изделий использовался носителями синташтинских, нуртайских и алакульских традиций Южного Зауралья, Центрального и Северного Казахстана для изготовления накосных украшений (Синташта [Генинг и др., 1992, рис. 99], Нуртай [Ткачев, 2002а, 70, 8, 10; 71, 15, 16], Бозенген [Там же, рис. 96, 27; 98, 5], Сатан [Евдокимов, Усманова, 1990, рис. 2, 1], Лисаковский [Там же, рис. 2, 3], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, рис. 4, 15]), количество которых, вероятно, зависело от пола и возраста погребенных.

Спиралевидные подвески. Найдены в двух захоронениях могильника (огр. 30А, мог. 2; огр. 43, мог. 1); представляли собой трубчатые изделия, изготовленные из тонкой бронзовой проволоки, закрученной в тугую спираль (см. рис. 58, 6; 84, 5). Данный вид украшений достаточно редок в погребальных комплексах андроновского времени. В Центральном Казахстане аналогичное изделие встречено в могильнике Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 189, рис. 69, 23]. В Северном Казахстане спиралевидная подвеска обнаружена в могильнике Семипалатное [Зданович, 1988, с. 105]. Оригинальные спиралевидные подвески найдены в Зауралье в могильнике Алакульский [Сальников, 1952, с. 65, рис. 6, 5] и Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 142, рис. 4, 3, 4]. В Восточном Казахстане обломок спиралевидной подвески отмечен в могильнике Средняя база Беткудук [Максимова, Ермолаева, 1987, с. 26, рис. 11, 6]. Достаточно широко спиралевидные подвески распространены в погребальных комплексах фатьяновской культуры [Бадер, Халиков, 1976, табл. 50, 20, 21]. Единственными целыми изделиями, выполненными аналогичным способом, являются бронзовые спиралевидные браслеты, изготовленные из овально-уплощенной и ребристо-треугольной в сечении проволоки, обнаруженные на территории Восточного Казахстана в могильнике Меновное IX [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 229, рис. 101, 7, 11]. Незначительное количество подобных украшений в погребальных комплексах андроновской общности оставляет открытым вопрос о месте появления и времени заимствования данных изделий населением сопредельных культурных образований.

Очковидные подвески. Обнаружены в заполнении одного захоронения (огр. 5А, мог.). Представлены обломком и тремя целыми изделиями, изготовленными из тонкой уплощенной бронзовой проволоки (см. рис. 13, 5–8). Данный вид украшений встречен в могильнике Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 104, рис. 69, 21; 70, 36, 37], Актобе II [Ткачев, 2002б, с. 283, рис. 121, 5, 13, 14, 20, 23], Шондынкорасы [Хабдулина, 2000, с. 47, рис. 3, 7]. За пределами региона данный вид украшений широко встречается в алакульских могильниках Зауралья, Притоболья, Западного и Северного Казахстана: Урал-сай [Грязнов, 1927, с. 184, рис. 24, 20], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 139], Алакульском [Сальников, 1952, с. 65, рис. 5, 2], Чистолебяжье [Матвеев, 1998, с. 55, рис. 14, 4], Хрипуновском [Там же, с. 150, рис. 54, 11], Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, с. 171, рис. 68, 4], Раскатиха [Там же, с. 21, рис. 88, 8], Субботино [Потемкина, 1973, с. 61, рис. 4, 5], Алексеевском [Кривцова-Гракова, 1948, с. 113, рис. 37, 5], Лисаковском [Усманова, 2005, с. 11, рис. 74, 18, 20], Улубай [Там же, с. 163, табл. 3], Петропавловском [Оразбаев, 1958, с. 261, рис. 30, 2, 3].

Определенного канона в размещении данного вида украшений на теле погребенных не прослежено: в могильнике Улубай очковидные подвески входили в состав нагрудника [Усманова, 2005, с. 249]; в Алексеевском могильнике подвеска располагалась у ступней ног погребенной [Кривцова-Гракова, 1948, с. 113]; в Актобе II очковидные подвески с дополнительными бронзовыми обоями обнаружены на висках погребенной девочки – украшали шапочку или налобную повязку [Ткачев, 2002б, рис. 276, 277].

Листовидные подвески. Наиболее распространенная деталь женского костюма; отмечены в 16 захоронениях могильника Майтан – 50 экз. (табл. 32). Представлены тремя типами бронзовых предметов, отличающимися размерами, формой и особенностями орнаментации.

К *первому типу* относятся ножевидные подвески (см. рис. 7, 1–4; 38, 5–8; 45, 14–19; 77, 5; 109, 17–20; 114, 16–18; 116, 7–9), изготовленные из тонких бронзовых пластинок длиной 5,6–8,8 см, шириной 0,8–1,7 см при толщине 1,0–1,2 мм. В верхней уплощенной части расположены отверстия для закрепления – одно (14 экз.), два (7 экз.) или три (3 экз.), обычно округлой (21 экз.), реже прямоугольной (3 экз.) формы (у одного изделия верхняя часть отсутствовала); нижняя часть имеет округлую или слегка приостренную форму. Данные изделия обычно использовались в качестве накосных украшений, количество которых в непотревоженных могилах обычно не превышало трех (огр. 18Д, мог.; огр. 40, мог. 6; 41Б, мог. 2), и только в одном случае более сложное накосное украшение завершали четыре подвески (огр. 16Б, мог. 2). Данный тип изделий широко использовался в качестве женских украшений в нуртайских (Нуртай [Ткачев, 2002а, рис. 69, 27–29; 70, 26–27, 32], Бозенген [Там же, рис. 96, 30–34], Актобе II [Там же, рис. 121, 2–4, 18]) и алакульско-атасуских (Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 20 табл. XXXVIII, 12, 13], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, рис. 7, 11, 12], Алексеевский [Кривцова-Гракова, 1948, рис. 39, 1–4], Алыпкаш [Зданович, 1988, табл. 10Б, 10], Ижевский I [Ткачев, 2002б, рис. 175, 1], Шапат [Там же, рис. 187, 1–3]) могильниках. В синташтинских комплексах листовидные подвески встречаются достаточно редко (Бестамак [Калиева, Логвин, 2008, рис. 16, 16]). К тому же листовидные подвески из погребений Синташтинского комплекса имеют несколько иную форму, для них характерна ярко выраженная пятиугольная форма с уплощенной верхней гранью, вдоль которой обычно располагаются четыре отверстия для закрепления на основе накосника или нагрудника [Генинг и др., 1992, рис. 99; 188].

Ко *второму типу* относятся подвески овальной формы, изготовленные из тонких, толщиной до 1 мм, бронзовых пластинок. По морфологическим признакам можно выделить три разновидности:

– изделия, близкие ножевидным подвескам, длиной 3,9–4,7 см, шириной 1,2–1,4 см; одна из подвесок дополнительно украшена в верхней части треугольной накладкой (см. рис. 13, 34; 29, 12);

– выпукло-вогнутые изделия подтреугольной формы длиной 1,7–2,4 см, шириной 1,1–1,4 см (см. рис. 24, 4–6);

– овально-уплощенные подвески длиной 2,5–3,0 см, шириной 1,1–1,6 см (см. рис. 13, 13–17, 30–33; 24, 21–23, 28–31; 29, 13, 14).

Данные изделия сближают между собой небольшие размеры, наличие одного отверстия (только в одном случае отмечено три) для закрепления на костюме и точечный узор в стиле пуансон (на большинстве предметов). Узор нанесен по внешнему периметру подвесок в виде одной (см. рис. 13, 30, 31; 24, 28, 29) или двух параллельных (см. рис. 24, 4) линий, дополненных по центру наклонной линией (рис. 24, 6), одиночными (см. рис. 13, 32, 34; 24, 5, 22; 29, 12) или двойными крестообразными (см. рис. 29, 13, 14) фигурами. Бронзовая накладка-обойма на овально-ножевидной подвеске украшена по периметру параллельными выдавленными линиями (рис. 29, 12).

Подобные неорнаментированные изделия хотя и встречаются, но не характерны для алакульско-атасуского погребального комплекса [Варфоломеев, 2007, рис. 15, 2]. В Северном Казахстане нашивные бляшки, украшенные в точечной технике, встречены в федоровских захоронениях могильника Боровое [Оразбаев, 1958, с. 230, табл. IV, 12–14; V, 23–28]. Орнаментация бляшек и ножевидных подвесок в стиле пуансон достаточно широко представлена в восточно-андроновских памятниках Казахстанского Прииртышья (Малый Койтас [Грязнов, 1927, с. 209, рис. 25, 4, 8], Маринка [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 113, рис. 31, 2], Зевакино [Арсланова, 1975, с. 77, рис. 2, 9–19]), Алтая (Кытманово [Уманский и др., 2007, с. 65, рис. 9, 4]) и Минусинской котловины (Сухое Озеро [Максименков, 1978, с. 187, табл. ЛII, 10], Каменка II [Там же, с. 189, табл. LIV, 9]). По мнению Э.Р. Усмановой, майтанские украшения данного типа относятся к декору платья или головного убора [2010, с. 158], что подтверждается находкой на левом плече женщины (огр. 5Б, мог.) сложной «шумящей» подвески, основой которой и служил данный тип изделий.

Третий тип представлен двумя разновидностями миниатюрных лепестковидных подвесок, изготовленных из бронзовых пластинок толщиной до 1 мм, с одним крепежным отверстием: одна подвеска листовидной формы, длиной 1,7 см, шириной 0,8 см (см. рис. 29, 15); другая прямоугольной формы, длиной 1,2 см, шириной 0,6 см (рис. 29, 16). Аналогов данным изделиям не известно, но, вероятнее всего, они использовались в сложносоставных украшениях одежды или головного убора.

Лапчатые подвески. Обнаружены в 4 захоронениях могильника Майтан (табл. 32). Представляют собой пластинчатые изделия длиной 1,6–2,1 см, шириной 0,8–1,0 см с зубчатыми краями и округлым отверстием в верхней части для закрепления на костюме. Выделяются две разновидности: относящиеся к первой имеют ровную верхнюю сторону с зубчиками на боковых и нижней части (см. рис. 24, 7; 36, 10, 18); у изделий второй зубчиками украшены все четыре стороны (см. рис. 119, 12–14). Три предмета (огр. 22В, мог.) из-за плохой сохранности атрибутировать не удалось.

В пределах Центрального Казахстана данный вид изделий встречен в нуринских захоронениях могильников Койшоки II [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 82, рис. 54, 3, 4], Атасу I [Там же, с. 107, рис. 78, 3], Сангру II [Там же, с. 115, рис. 81, 4]. В Северном Казахстане лапчатые подвески обнаружены и в федоровских (Боровое [Оразбаев, 1958, с. 232, табл. V, 7]) и в алакульских (Алыпкаш [Усманова, 2005, с. 156, рис. 160]) захоронениях.

В Южном Казахстане аналогичные подвески найдены в захоронениях нуринско-атасуского могильника Тау-Тары [Максимова, 1962, с. 39, рис. 2, 4]. Исходя из приоритета центрально-казахстанских находок, Э.Р. Усмановой выдвинута гипотеза о том, что лапчатые подвески, оформляющие концы завязок, являются характерной чертой «федоровской» обуви, причем данный стиль могли воспринять в процессе контактов и носители алакульских традиций [2010, с. 156]. С этим предположением, хотя оно и имеет право на существование, трудно согласиться. В нахождении лапчатых подвесок в пределах захоронений могильника Майтан можно проследить определенную закономерность: подвески в могилах сопровождают захоронения женщин – одиночное (огр. 22В, мог.) или в парных разнополых погребениях (огр. 8А, мог. 1; огр. 15А, мог. 4; огр. 50В, мог.). В трех могилах ноги женских костяков не потревожены, на лодыжках ног двух женщин украшения отсутствуют (огр. 15А, мог. 4; огр. 22В, мог.), у третьей на лодыжках прослежены низки бронзовых бусин (огр. 50В, мог.). Во всех случаях лапчатые подвески находились в разграбленной части могил, в области туловища, что предполагает использование подвесок в декоре одежды. С другой стороны, если лапчатые подвески впервые появились в нуринско-федоровской среде в качестве украшений обуви, то в процессе заимствования алакульское и атасуское население могло использовать их по-разному: и для украшения обуви, подражая носителям федоровских традиций (Алыпкаш), и для декорирования одежды (Майтан).

Крестообразные подвески (4 экз.; табл. 32). Найдены в двух захоронениях (огр. 9А, мог.; огр. 22А, мог. 1). Бронзовые изделия отлиты в односторонних литейных формах. Перекрестье и концы подвесок оформлены в виде полусферных выпуклин, в верхней части имеются отверстия для подвешивания (см. рис. 26, 3; 55, 11, 13, 14). В Центральном Казахстане аналогичные изделия встречены в одном из детских захоронений на поселении Икпень I [Ткачев, 2002а, с. 17, рис. 8, 3], в могильниках Балыкты [Ткачев, 2002б, с. 16, рис. 136, 7] и Шапат [Там же, с. 103, рис. 187, 10]. Крестовидные подвески, обнаруженные в могильнике Нуртай, в общем типологически сходные с майтанскими изделиями, имеют на концах по два дополнительных выступа-шишечки [Ткачев, 2002а, с. 182, рис. 71, 1–4]. За пределами региона данный вид изделий характерен для алакульских памятников Зауралья, Притоболья и Северного Казахстана, где отмечены две основные разновидности крестовидных подвесок. В Зауралье, Притоболье и Северном Казахстане изделия, аналогичные майтанским, соотносимые с раннеалакульскими комплексами, встречены в захоронениях могильников Степное VII [Куприянова, 2008, рис. 11, 1–6], Чистослебяжского [Матвеев, с. 81, рис. 27, 1], Графские Развалины [Зданович, 1988, с. 138; Аванесова, 1991, рис. 1, 20; Флек, 2008, с. 65, рис. 1, 2]. По мнению А.Д. Дегтяревой, наиболее ранняя подвеска аналогичного типа происходит из культурного слоя поселения Кулевчи III [Дегтярева и др., 2001, с. 44, рис. 3, 15]. Более широко в алакульских погребальных памятниках представлены уплощенные изделия с «трилистниками» на концах (Раскатиха [Потемкина, 1985, с. 208, рис. 88, 5], Камышное [Там же, с. 220, рис. 39, 3], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 142, рис. 3, 1–5], Черняки I [Стоколос, 1972, с. 39, рис. 11, 11], Алыпкаш [Зданович, 1988, с. 169, табл. 10Б, 16], Лисаковский [Усманова, 2005, рис. 72, 18–20]).

В нуртайских и атасуских комплексах Центрального Казахстана крестовидных подвесок с концами, оформленными в виде «трилистника», не обнаружено. В то же время для большинства алакульских памятников Урало-Казахстанской зоны более характерны крестовидные подвески с «трилистниками», что свидетельствует о саморазвитии этого типа украшений на данной территории. По мнению Е.В. Флек, наиболее ранними являются крестовидные подвески с полусферическими выпуклостями (I тип), присущие петровско-нуртайским и раннеалакульским комплексам; кресты-подвески с «трилистниками» (II тип) более широко распространяются в позднеалакульское время, сочетаясь с ромбовидными подвесками, представляющими своеобразную модификацию изделий с «трилистниками» (III тип) [2008, с. 64–68]. Соглашаясь с предложенной типологией и последовательностью развития крестовидных подвесок, считаем, что необходимо выделить в отдельную типологическую подгруппу плоские подвески-кресты с концами, оформленными «трилистниками» и крупным центральным ромбическим отверстием (IV тип; могильник Джангильды V, погр. 82 [Усманова, 2010, с. 147, рис. 138; Калиева и др., 2016, с. 121, рис. 79, 5, 8–15]).

Сочетание подвесок I и II типов в пределах одной поминальной площадки отмечено для могильников Хрипуновский [Матвеев 1998, с. 141, рис. 51, 5; с. 159, рис. 58, 9; с. 167, рис. 61, 13] и Алакульский [Сальников, 1952, с. 65, рис. 5, 6; Куприянова, 2008, с. 23, рис. 11, 16]. Единственный случай залегания разнотипных (типы II и III) подвесок в пределах одного погребального пространства зафиксирован в алакульском могильнике Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 142, рис. 3, 1–5, 9, 13]. Все типы крестовидных подвесок (I, II, IV) в пределах одного погребального поля (но в разных погребальных пространствах) отмечены только в могильнике Джангильды V [Калиева и др., 2016, с. 11, рис. 5, 10, 11; с. 77, рис. 44, 14; с. 123, рис. 79, 5, 8–15]. Нахождение подвесок разных типов в отдельных погребальных камерах, вероятно, связано со смысловой нагрузкой конкретной формы изделия, соотносимой с социальной сущностью ее носителя.

Литейные формы для отливки подвесок с полушарными выпуклинами на концах пока найдены только в лесостепном Притоболье на поселениях Ялым [Сальников, 1967, с. 247, рис. 32, 24] и Камышное I [Потемкина, 1985, с. 115, рис. 39, 7], и поэтому вопрос о месте появления подвесок с шишечками на концах остается открытым. С другой стороны, крестовидных подвесок более поздних форм, II–IV типов, на территории Центрального Казахстана не встречено. Это позволяет констатировать, что данный вид украшений использовался нуртайским и атасуским населением достаточно кратковременно и исчез, не получив дальнейшего развития, характерного для территории Зауралья и Притоболья.

Кроме того, можно допустить, что крестовидные подвески с полушарными окончаниями попадали в Центральный Казахстан с территории Зауралья или Северного Казахстана вместе с их владелицами – женщинами, выступавшими брачными партнерами местных мужчин. Умерших женщин хоронили с принесенными ими личными вещами. Подтверждает данное предположение и сосуд, сопровождавший совместно с крестовидной подвеской одну из погребенных (огр. 9, см. рис. 26, 9). По особенностям изготовления и облику данная

емкость, как и несколько других, выпадает из общемайтанских керамических традиций, но имеет определенное сходство и культурную близость с посудой раннеалакульских комплексов степной и лесостепной зон Притоболья. Поэтому данные емкости можно рассматривать как импорт из близкородственной, но инокультурной алакульской среды [Потемкина, 1985, с. 177, рис. 75, 1; с. 197, рис. 83, 5; с. 227, рис. 87, 3; Калиева и др., 2016, с. 36, рис. 20, 13–15].

Подвески в полтора оборота. Наиболее широко распространенный вид украшений, характерный для памятников андроновской культурно-исторической общности. В могильнике Майтан обнаружена значительная серия таких подвесок, для которых отмечается определенная стандартизация, размеры изделий колеблются незначительно, в пределах нескольких миллиметров (табл. 32). Подвески округлой формы, диаметром до 2 см, изготовлены из тонкой желобчатой бронзовой пластины с ложечковидными концами, свернутой в кольцо, имеющее относительно узкую среднюю часть (см. рис. 7, 6–8; 20, 2; и др.).

По внешним признакам можно выделить две разновидности: бронзовые подвески (найлены в 9 захоронениях – 13 экз.) и бронзовые подвески, покрытые золотым листом (обнаружены в 8 захоронениях – 34 экз.). Сочетание подвесок из бронзы и плакированных золотом в одной могиле не отмечено. Большинство изделий встречено в разграбленных захоронениях. В тех случаях, когда погребения частично или полностью сохранились, прослежены способы размещения подвесок в пределах погребального пространства.

1. Подвески использовались для украшения головных уборов, располагались симметрично вблизи ушных отверстий: по две (огр. 17В, мог. 2); три (огр. 36А, мог. 2); пять (огр. 23Д, мог.). В одном случае прослежена определенная асимметрия – 3 подвески располагались только с одной стороны черепа (огр. 40, мог. 2). Украшение головных уборов подвесками в полтора оборота считается характерным для андроновской моды [Усманова, 2010, с. 85].

2. Четыре подвески при помощи кожаных ремешков были прикреплены к бронзовой трубчатой серьге (огр. 43, мог. 1). Аналогичный способ дополнительного украшения трубчатых серег и гривны отмечен в могильниках Балыкты [Ткачев, 2002б, с. 9, рис. 136, 13, 14, 30, 31; с. 12, рис. 137] и Жиланды [Кадырбаев, 1974, с. 34, рис. 8].

3. Четыре подвески обнаружены в скоплении между разнообразных женских украшений (огр. 18Е, мог.).

4. Одна подвеска найдена на дне поминального сосуда (огр. 24, мог.).

В Центральном Казахстане аналогичные изделия широко представлены в нуртайских и атасуских памятниках (Нуртай [Ткачев, 2002а, рис. 71, 24, 25], Бозенген [Там же, рис. 96, 5, 6, 16, 18, 26], Актобе II [Там же, рис. 121, 9], Тегисжол [Варфоломеев, 2007, рис. 15, 6], Ак-Мустафа [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 42, 3], Шет I [Там же, рис. 64, 1], Шондынкорасы [Хабдулина, 2000, с. 46, рис. 3, 13]). Подвески округлой формы характерны для синташтинских [Генинг и др., 1992, рис. 46, 3; Зданович и др., 2002, рис. 20, 3; Калиева, Логвин, 2008, рис. 14, 10, 11; 18, 17–19; Ткачев В.В., 2007, с. 194–195, рис. 58, 1–6], петровских [Зданович, 1983, с. 57] и алакульских [Виноградов, 1984, рис. 4, 5–13] древностей. Достаточно широко подвески в полтора оборота распространены в андроновских могильниках Алтайских степей: Кытма-

ново [Уманский и др., 2007, с. 30, рис. 11, 13–16; и др.], Ново-Александровка [Зими́на, Адаменко, 1963, с. 57, рис. 3, 1]. В могильнике Фирсово XIV отмечено использование подвесок в полтора оборота в качестве своеобразного ушного украшения [Позднякова, 2000, рис. 1, 7]. Данный тип подвесок широко распространен во времени и пространстве, отличаясь многообразием модификаций, что свидетельствует о независимом и самостоятельном появлении их на разных территориях [Аванесова, 1991, с. 53–54; Куприянова, 2008, с. 25].

Бусы. Металлические бусы представлены четырьмя типами изделий (табл. 32):

– к *первому типу* относятся литые бочонковидные бусы, обнаруженные в трех захоронениях (8 экз.) (огр. 8А, мог. 1; огр. 22А, мог. 1; огр. 44А, мог. 1). Представляют собой стандартизированные изделия, вероятно, отлитые по восковой модели; длина 0,9–1,0 см, максимальный диаметр 0,7–0,8 см, диаметр торцевой части 0,3–0,5 см, диаметр центрального сквозного отверстия 2,0–2,5 мм (см. рис. 24, 17; 55, 4, 7–10, 12; 58, 8). Данный тип встречается достаточно редко. В пределах Центрального Казахстана литые бочонковидные бусы отмечены только в могильнике Шет I [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 62, 4]. Аналогичны биконическим бронзовым бусам, отливавшимся по восковым моделям, распространенным в памятниках полтавкинской культуры [Качалова, 1962, с. 41, рис. 4, 7];

– во *второй тип* выделены бочонковидные бронзовые бусы, изготовленные из свернутых округло-выпуклых пластин (30 экз.), встречены в 11 погребениях; длина изделий 7–10 мм, диаметр до 8 мм (рис. 13, 9; 32, 8, 9; 36, 14–17; и др.). Количество изделий в отдельных захоронениях варьируется от 1 до 4 экз., и только в одном случае встречено 8 изделий, которые использованы для украшения обуви погребенного мужчины (огр. 48, мог. 1). Аналогичные бусы найдены во многих андроновских могильниках: Нуртай [Ткачев, 2002а, рис. 69, 1, 11, 15; 70, 7, 12], Балыкты [Ткачев, 2002б, с. 20, с. 194, рис. 136, 23], Шапат [Там же, с. 121, рис. 187, 5, 9, 11], Былкылдак I [Маргулан, 1970, с. 192, рис. 18, 4], Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 55, табл. ХLI, 19–21], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 150, рис. 9, 26–28], Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, с. 196], Алакульский [Сальников, 1952, с. 65], Лисаковский [Усманова, 2005, с. 214, рис. 73, 39–44, 48]. Широко данный вид украшений распространен в памятниках полтавкинской культуры [Качалова, 1962, с. 41, рис. 4, 8]. Примечательно, что подобные бусы практически не известны в синташтинских и потаповских памятниках;

– *третий тип* – многочисленные кольцевидные бусы и мелкий бисер (1979 экз.), свернутые из гладкой или ребристой бронзовой проволоки, диаметром 3–5 мм, высотой 2–3 мм, которые в виде единичных изделий или нанизанных на тонкий ремешок или шнурок, обнаружена на щиколотках ног погребенных женщин. Аналогичные бусы найдены в большинстве атасуских и алакульских могильников Зауралья, Западного, Северного и Центрального Казахстана. В памятниках синташтинско-потаповского и петровского круга Поволжья, Зауралья и Северного Казахстана данный вид украшений встречается значительно реже;

– отдельно выделена бусина, свернутая из гладкой серебряной пластинки толщиной около 0,5 мм, диаметр 4 мм, высота 3 мм. Изделия из серебра встречаются достаточно редко в комплексах бронзового века Евразийской степи. В Притоболье серебряные бусы обнаружены в одном из алакульских захоронений Хрипуновского могильника [Матвеев, 1998, с. 150, рис. 54, 22]; в Зауралье обломок серебряной подвески найден в одном из курганов синташтинского могильника Каменный Амбар-5 [Епимахов, 2005, с. 116, илл. 89, 5]; разнообразные серебряные изделия входили в состав сложного накосного украшения, обнаруженного в Синташтинском могильнике [Генинг и др., 1992, с. 192, 194, рис. 99]; в Поволжье серебряная подвеска отмечена в Потаповском могильнике [Васильев и др., 1995, с. 9, рис. 15, 4]; в Минусинской котловине серебряное височное кольцо встречено в одном из захоронений афанасьевского могильника Моисеиха [Ковалева и др., 2010, с. 114, рис. 8, 3].

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Данная категория вещей объединяет украшения и предметы бытового назначения, обнаруженные в мужских и женских захоронениях, неоднородных по количественному составу (табл. 33).

Пряжки (5 экз.). Обнаружены в пяти захоронениях могильника. По внешним признакам выделяется три разновидности:

– к первой относится пряжка, имеющая выпукло-вогнутую поверхность, со скошенными вовнутрь боковыми гранями и круглым отверстием в центре, диаметр пряжки 2,7 см, отверстия – 0,9 см, толщина изделия 0,7 см (огр. 40, мог. 4; см. рис. 109, 6);

– вторая представлена тремя изделиями округлой формы с плоской или выпуклой поверхностью и желобчатыми выемками по боковой окружности, с квадратным или прямоугольным отверстием в центре: одна пряжка диаметром 2,4 см, толщиной 1,1 см, размер отверстия 0,8 × 0,6 см (огр. 8А, мог. 20; см. рис. 24, 24); вторая – диаметром 2,7 см, толщиной 1 см, отверстие размером 1,3 × 1,2 см (огр. 17А, мог. 1; см. рис. 41, 9); третья – диаметром 2,6 см, толщиной 0,9 см, размер отверстия 1,4 × 1,2 см (огр. 36А, мог. 2; рис. 99, 4);

– к третьей относится пряжка размером 5,8 × 2,4 см, вырезанная из плоской овально-вытянутой пластины, с загнутыми вовнутрь крючками на концах и поперечной овальной планкой в центре длиной 2,1 см, шириной 0,3 см; в центре расположено биконическое отверстие – внешний диаметр 1,5 см, внутренний 1,2 см, второе отверстие, диаметром 0,2 см, расположено на планке (огр. 50Б, мог.; см. рис. 119, 1).

Пряжка первого типа обнаружена в могиле, которую можно интерпретировать как мужской кенотаф; изделия второго типа сопровождали мужчин; пряжка третьего типа обнаружена в захоронении, содержащем потревоженные разнополюе скелеты. Отсутствие подобных изделий в женских захоронениях позволяет соотнести их принадлежность с мужским костюмом. Аналогов данным изделиям немного. В Центральном Казахстане аналогичные пряжки встречены в могильнике Ижевский I (Аршалы) [Ткачев, 2002б, с. 90, рис. 94, 2; Байлеу и др., 2012, с. 60–61, фото 4, 5]; оригинальная костяная пряж-

Распределение изделий из кости по ограм и могилам

Номер ограды	Номер могилы	Пряжка	Кулон	Навершие	Трубочка с боковыми отверстиями	Бусы	Орнаментированная трубочка	Подвеска					Астрагал	Поделка	
								из подязычной кости крупного рогатого скота	из клыка хищника	из коренного зуба хищника	из резцовых зубов крупного рогатого скота	из резцовых зубов лошади			из косточки мелкого животного
4Е											1				
5А	1								9	1	2		1		
5Б	1								2						
8А	1						1		1				1		
	2	1													
	3								1						
10Б	2												1	1	
12	1					4			1						
15В	1								2	2					
17А	1	1													
22Б	1		1						10						
23А	2							1	8						
23Д	1										4				
24	1								1						
27А	1				1										
28А	1										2				
29А	1				1				7						
30А	1					2			5						
31	1				1										
32Б	1								2						
36А	1								3						
	2	1													
36В	1								3						
38	1								6						
39	1												3		
40	4	1													
41А	1														
41Б	2			1											
43	1			1											
44А	2									1					
48	1										1				
50А	1			1					1						
50Б	1	1													
50В	1								3						
Итого		5	1	3	3	6	1	1	65	4	8	2	2	3	1

ка с боковой планкой сопровождала мужчину в одном из захоронений могильника Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 185, рис. 69, 34].

Плоская костяная пряжка с центральным и боковым отверстиями обнаружена в Алакульском могильнике [Сальников, 1952, с. 54, рис. 5, 8]. В Поволжье костяные пряжки известны в памятниках многоваликовой керамики [Березанская, 1982, с. 31, рис. 4, 9, 10, 18], потаповских [Кузнецов, Мочалов, 2012, с. 49, рис. 23, 2] и покровских [Крамарев, Кузьмина, 2012, с. 103, рис. 35, 4] комплексах.

Кулон. Вырезан из выпукло-вогнутой роговой пластинки, округлой формы, диаметром 3,5 см, толщиной 0,3 см, диаметр отверстия 0,2 см (огр. 22Б, мог.). Данное изделие являлось основной частью ожерелья, включавшего, кроме кулона, не менее 10 подвесок из клыков хищников (см. рис. 56, 7). Аналогов данному предмету неизвестно, но, например, в могильнике Балыкты отмечены два ожерелья, центральной частью которых являлись костяные кулоны ромбовидной формы [Ткачев, 2002б, с. 9, рис. 136, 8, 9].

Навершия (3 экз.). Вырезаны из крупных и прочных трубчатых костей:

– одно с выделенной плоской головкой, оформленной в виде невысокого валика, дополненного двумя желобками глубиной до 2 мм; длина изделия 1,4 см, диаметр сквозного отверстия 0,5 см, диаметр головки 1,9 см, в отверстие со стороны головки вставлен бронзовый клинышек трапецевидной формы, служивший для закрепления навершия на деревянной основе, размером $1,2 \times 0,3-0,5$ см, толщиной до 2 мм (огр. 41Б, мог. 2; рис. 114, 12, 13);

– второе с выделенной плоской головкой, оформленной в виде невысокого валика, длина изделия 3,8 см, диаметр тулова 1,8 см, головки – 2,5 см, диаметр конического отверстия 1,2–1,4 см, на плоской стороне головки сделаны конические нарезки, образующие четырехлепестковую звезду (огр. 43, мог. 1; рис. 58, 7);

– третье навершие округлой формы, с выделенной головкой, на которой вырезаны двусторонние овальные выемки; в основании головки по окружности проходит желобок; высота изделия 3,9 см, диаметр 1,4–1,6 см, диаметр насада 1,0 см, глубина 2,5 см; на головке имеется прямоугольное сквозное отверстие размером $0,7 \times 0,2$ см для крепежного ремня; у основания насада – два сквозных симметрично расположенных отверстия диаметром около 1,5 мм для закрепления изделия на деревянной основе (огр. 50А, мог.; рис. 119, 11).

Все навершия встречены в парных разнополюх погребениях и связаны с захоронениями представителей мужского пола: мальчика и двух взрослых мужчин. Навершия служили для украшения деревянных изделий. В первом случае форму и размеры деревянного предмета, украшенного навершием, определить невозможно. Второе костяное навершие располагалось на внутреннем крае сосуда под углом 45° к срезу венчика. Исходя из размера сосуда, полагаем, что длина деревянного предмета, находившегося внутри емкости, была не менее 30 см. Последнее изделие, судя по особенностям его расположения в могиле, внешнему виду и оформлению, служило навершием ручки камчи*.

* Камча (тюрк.) – нагайка, плетъ или кнут.

Прямых аналогов костяным навершиям не отмечено, но своеобразные неатрибутированные костяные изделия, близкие, вероятно, по назначению майтанским, известны во многих могильниках Зауральской степи (Бозенген [Ткачев, 2002а, с. 247, рис. 96, 9, 12], Тегисжол [Варфоломеев, 2007, рис. 15, 7], Ащису [Кукушкин, 2007а, с. 43, рис. 4, 2]; Увак [Федорова-Давыдова, 1962, рис. 5, 12], Амангельды I [Зданович, 1988, с. 67, рис. 28, 12], Синташта [Генинг и др., 1992, с. 208, рис. 114, 3], Большекараганский [Боталов и др., 1996, рис. 13, 2; Зданович и др., 2002, с. 40, рис. 21, 4], Каменный Амбар 5 [Епимахов, 2005, с. 113, илл. 85, 9], Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, табл. XLII, 12], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 150, рис. 9, 46, 49]). В.В. Ткачев рассматривает подобное изделие из могильника Танаберген II как конструктивную деталь стрекала, использовавшегося для понукания животных [2007, с. 30, 193–194, 293, рис. 11, 8, 9; 57, 9].

Трубочки с отверстиями (3 экз.). Для изготовления данного вида изделий использовались трубчатые кости разной длины и диаметра: один предмет (длина 2,7 см, диаметр 0,7 см) имел в центральной части два рядом расположенных отверстия диаметром 0,2 см (огр. 31, мог.; см. рис. 86, 3); второй – длиной 8,4 см, диаметром 1,2 см, с центральным отверстием диаметром 0,3 см, с одной стороны которого сделана поперечная нарезка (огр. 29А, мог.; см. рис. 77, 13); третий представлял собой слабоизогнутое изделие длиной 17 см и диаметром до 1,3 см, с двумя симметрично расположенными в центральной части отверстиями диаметром 0,3 см (огр. 27А, мог. 1; см. рис. 71, 6).

Аналогов данным изделиям неизвестно, но орнаментированная трубочка с двумя отверстиями обнаружена в Поволжье в одном из курганов Рождественного I могильника [Крамарев, Кузьмина, 2012, с. 103, рис. 35, 5]. В одном из курганов срубной культуры Новомихайловского IV могильника обнаружено костяное изделие, интерпретированное исследователями как «дудочка» [Васильева и др., 2012, с. 204, рис. 8, 4]. Э.Р. Усманова, рассматривая женский костюм андроновского времени, интерпретировала первое изделие как одну их древнейших пуговиц, не характерных для андроновской эпохи [2010, с. 158]. Во всех случаях данные предметы обнаружены в могилах, содержавших парные разнополюе захоронения. Несмотря на определенные отличия, костяные изделия типологически близки между собой. К сожалению, местоположение их в погребальном пространстве не определено, но, вероятнее всего, они принадлежали к мужскому погребальному инвентарю, являясь частями музыкального инструмента типа свирели, сопровождавшего мужчин-пастухов и в производственной, и в повседневной жизни.

Подвеска из подъязычной кости крупного рогатого скота, подтреугольной формы, размером 4,5 × 4,1 см, с отверстием диаметром 0,2 см для подвешивания в верхней части. Внешняя поверхность тщательно шлифована, верхний и один боковой отросток закруглены и шлифованы (огр. 23А, мог. 2; рис. 61, 14). Данный вид изделий встречается достаточно редко: в Центральном Казахстане аналогичная подвеска найдена в жилище 1 на поселении Икпень II [Ткачев, 2002а, с. 93, рис. 27, 6]; в Притоболье – в одном из захоронений кургана 13 Алакульского могильника [Сальников, 1952, с. 58, рис. 6, 4]; в Восточном Казахстане – на полу жилища 3 городища Барашки I [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 35, рис. 9, 1].

Подвеска из полой трубчатой кости. Изделие длиной 3,1 см, диаметром 0,7 см, орнаментированное по окружности спиралевидными нарезками (огр. 8А, мог. 1; рис. 24, 10). В Центральном Казахстане аналогичные изделия обнаружены в могильниках Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 194, рис. 69, 7, 13, 20], Актобе II [Там же, с. 35, рис. 184, 12, 15] и Тегисжол [Варфоломеев, 2007, рис. 15, 8, 9]. За пределами региона небольшая орнаментированная нарезками костяная трубочка найдена в синташтинском могильнике Каменный Амбар 5 [Епимахов, 2005, с. 20, ил. 16, 6].

Бусы (6 экз.). Представляют собой короткие обрезки трубчатых костей, длиной 0,5–0,8 см, диаметром 0,5–0,7 см (огр. 12, мог.; огр. 30А, мог. 1; см. рис. 31, 4–7; 84, 6, 7). Внутренние полости очищены от губчатого вещества, края заглажены, внешняя поверхность пришлифована. В Центральном Казахстане аналогичные изделия обнаружены в могильнике Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 194, рис. 70, 4–6]. В Зауралье разнообразные бусы из трубчатых костей млекопитающих и птиц широко представлены в погребальных комплексах синташтинского могильника Каменный Амбар 5 [Костюков и др., 1995, с. 174; Епимахов, 2005, с. 159].

Подвески из зубов животных. Изготовлены из зубов домашних и диких животных, в верхней части имеют отверстия для подвешивания. Можно выделить следующие четыре группы изделий.

1. Подвески из клыков хищников (65 экз.), встречены в 17 захоронениях могильника в количестве от 1 до 10 (табл. 33; см. рис. 13, 19–20). Определить местоположение данного вида украшений, как правило, невозможно, за исключением отдельных случаев, позволяющих также реконструировать особенности использования этих предметов. Две подвески, вплетенные в косу, являлись, таким образом, частью наконечника (огр. 15В, мог.) (аналогичное размещение и использование прослежено в могильнике Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 184, рис. 56, 8]). В двух могилах скопления подвесок можно рассматривать как остатки ожерелья: одно располагалось у головы погребенной (огр. 29А, мог.), другое – в углу погребальной камеры (огр. 22Б, мог.). В одном случае сложносоставное изделие, располагавшееся у запястья правой руки погребенного, объединяло подвески и бронзовые бусы (огр. 36А, мог. 1).

Подвески из клыков хищников являются непременным атрибутом мужского и женского костюма и обнаружены, несмотря на ограбление, практически во всех исследованных могильниках андроновской ойкумены. Исключением являются только погребальные памятники восточной зоны Евразийской степи.

В Центральном Казахстане подвески из клыков широко представлены в нуртайских и атасуских захоронениях (Нуртай [Ткачев, 2002а, рис. 69, 8; 70, 2, 3, 19–25; 71, 11, 21–23, 29], Бозенген [Там же, с. 247, рис. 97], Актобе II [Там же, рис. 121, 16, 17, 19], Балыкты [Ткачев, 2002б, рис. 136, 15, 16], Ак-Мустафа [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 42, 1], Шет III [Там же, рис. 71, 4], Былкылдак [Маргулан, 1970, с. 192, рис. 11, 4]).

За пределами региона подвески из клыков хищников отмечены в синташтинских (Синташта [Генинг и др., 1992, с. 121, рис. 49, 4; с. 223, рис. 122, 2, 3], Аркаим [Зданович и др., 2002, с. 98, рис. 30, 1, 2], Каменный Амбар 5 [Костюков и др., 1995, с. 174], Солнце II [Епимахов, 1996, рис. 11, 8]), петровских

(Аксаyman [Зданович, 1988, с. 80]) и алакульских (Алакульский [Сальников, 1952, с. 65, рис. 6, 6], Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 60, табл. XXXVII, 16; XXXVIII, 8], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, рис. 4, 19–21; 7, 5–7; 9, 1–14], Лисаковский [Усманова, 2005, рис. 73, 1]) могильниках.

2. Подвески из коренных зубов хищников (4 экз.), обнаружены в трех захоронениях (огр. 5А, мог.; огр. 44А, мог. 2; в одном случае – огр. 15В, мог. – две подвески входили в состав ожерелья на шее девочки) (см. рис. 13, 12; 36, 7, 8; 116, 5). Данные изделия встречаются достаточно редко. Они обнаружены в захоронениях могильников Нуртай [Ткачев, 2002а, рис. 69, 2, 22; 70, 9, 13, 14] и Балькты [Ткачев, 2002б, с. 23, рис. 136, 21, 22, 24–27]. Подвески из коренных зубов встречены и в захоронениях Алакульского могильника [Сальников, 1952, с. 65].

3. Подвески из резцов крупного рогатого скота (8 экз.), отмечены в трех захоронениях; в двух случаях они зафиксированы в переотложенном состоянии (огр. 5А, мог.; 28А, мог. 1) (см. рис. 13, 10, 18; 73, 5, 6); в третьем (огр. 23Д, мог. 1) четыре подвески, помещенные, вероятно, в какую-то прямоугольную емкость, располагались в один ряд в области пояса погребенной (см. рис. 63, 13, 17, 19, 22). Подвески из резцов крупного рогатого встречаются достаточно редко. В одном из захоронений могильника Нуртай бронзовая игла и 6 подвесок, уложенных двумя рядами, были помещены в деревянную прямоугольную коробочку, находившуюся у тазовых костей погребенной [Ткачев, 2002а, с. 177, рис. 71, 5–10]. В Зауралье 3 подвески из резцовых зубов крупного рогатого скота обнаружены в алакульском могильнике Кулевчи VI [Виноградов, 1984, рис. 9, 12–14].

4. Подвески из резцов лошади (2 экз.), использовавшиеся в качестве амулетов, встречены в двух погребениях: одна обнаружена в могиле, содержавшей захоронение ребенка (огр. 4Е, мог.; см. рис. 10, 2); вторая была прикреплена к верхней части древка копья, сопровождавшего мужчину (огр. 48, мог. 1; см. рис. 85, 2).

Подвески из косточек животных (2 экз.). Представлены изделиями из двух погребальных камер (огр. 5А, мог.; огр. 8А, мог. 1). Для изготовления украшений использовались косточки мелких животных: в одном случае из астрагала дикобраза (см. рис. 13, 11), в другом – из второй фаланги лисицы (см. рис. 24, 19). Данный вид украшений редко встречается в андроновских комплексах: в Центральном Казахстане подвески из косточек животных найдены в могильнике Ельшибек [Оразбаев, 1959, с. 60, рис. 4], за пределами региона они обнаружены в Алакульском [Сальников, 1952, с. 65, рис. 6, 2, 3] и Лисаковском [Усманова, 2005, рис. 73, 2] могильниках.

Астрагалы (4 экз.). Необработанные предметы, представляющие собой кости мелкого рогатого скота, встречены в двух погребальных камерах с захоронением ребенка и подростка (огр. 10Б, мог. 2; огр. 39, мог. 1). Астрагалы, использовавшиеся для игры в кости, обычно сопровождают детей, подростков и, как исключение, взрослых. Так, в могильнике Нуртай от 1 до 8 альчииков обнаружено в 10 детских захоронениях [Ткачев, 2002а, с. 158–185]; в могильнике Актобе II два астрагала сопровождали взрослого мужчину [Там же, с. 279]. В Синташтинском комплексе в нескольких случаях астрагалы найдены как

в детских погребениях, так и в захоронениях взрослых [Генинг и др., 1992, с. 196, 200, 221]. Можно предполагать, что данные предметы являются принадлежностью сопроводительного инвентаря мужчин, независимо от возраста. В то же время неясно, почему астрагалы не встречаются во всех мужских захоронениях. Причины размещения мальчиков в погребальном пространстве только некоторых представителей мужского пола вряд ли когда-нибудь можно будет установить.

Поделка из рога оленя. Встречена в заполнении разрушенного захоронения ребенка (огр. 10Б, мог. 2). Представляла собой сильно разложившийся слабоизогнутый обломок округлого сечения диаметром 0,4–0,5 см, длиной около 5 см.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ, РАКОВИН И ПАСТЫ

Кроме украшений, выполненных из металла и кости, в погребальных комплексах могильника Майтан встречены изделия и из других материалов: камня, ископаемых раковин и пасты (табл. 34).

Навершие. Изделие из молочно-белого кварца с тщательно зашлифованной поверхностью (огр. 28А, мог. 3), округлой формы, с выпуклой верхней и сужающейся у насада нижней частью; диаметр 2,5 см, высота 1,1 см, диаметр нижней уплощенной части 1,5 см; в центре прорезано квадратное отверстие размером 0,9 × 0,9 см (см. рис. 73, 15). Каменные изделия, использовавшиеся в качестве украшений, в андроновских комплексах встречаются достаточно редко. В пределах Центрального Казахстана навершие из аналогичного материала, но несколько отличающееся по форме, обнаружено в могильнике Аяпперген [Ткачев, 2002, с. 82, рис. 167, 15]. За пределами региона единственное каменное навершие, достаточно близкое майтанскому, обнаружено в Зауралье в Синташтинском могильнике [Генинг и др., 1992, с. 267, рис. 148, 6].

Раковины (33 экз.). Изделия из створок раковин обнаружены в 18 захоронениях могильника. Вид моллюсков не определен, но, согласно материалам погребальных комплексов, исследованных на территории Центрального Казахстана, большинство изделий данного типа относится к ископаемым моллюскам сем. *Corbicula fluminalis* [Усманова, 2010, с. 80–81, табл. 1]. По своим морфологическим особенностям все обнаруженные в могильнике Майтан раковины можно разделить на две группы: пряжки и подвески.

Раковины-пряжки обнаружены в 6 захоронениях могильника Майтан. В двух случаях пряжки обнаружены в парных разнополых погребениях (огр. 2, мог. 2; огр. 41Б, мог. 1), остальные могилы содержали одиночные мужские захоронения (огр. 8А, мог. 2; огр. 13, мог. 1; огр. 29В, мог. 1; 29Г, мог. 1). В трех случаях местоположение пряжек не определено; дважды пряжки фиксировались на поясе между тазовыми костями (огр. 13, мог. 1; огр. 41Б, мог. 1); одна пряжка обнаружена за спиной мужчины в районе пояса (огр. 29В, мог. 1). Несмотря на определенную вариабельность, данный вид изделий может считаться типичной принадлежностью мужского костюма, использовавшейся как основа поясной гарнитуры. Характерной особенностью являются массивность и толстостенность раковин, из которых изготовлены пряжки.

Распределение украшений из камня, раковин и пасты по оградкам и могилам

Номер оградки	Номер могилы	Каменное навершие	Бусы из белого материала	Раковина		Паста				
				Подвеска	Пряжка	Пронизь				
						Бусины	двусоставная	трехсоставная	четырёхсоставная	пятисоставная
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
2	2				1					
5А	1					100	15	7	1	1
5Б	1			2		15	3	3	1	
7Б	1					2				
8А	1					3		1		
	2				1					
	3					8				
10А	2					9		1		
	3					21				
10Б	1					10	8	1	4	
12	1			1		1				
13	1				1	3				1
	2					4				
15А	4					49				
15В	1			1		6	4			
16Б	2			1						
17В	1					10				
	2					1				
17Д	1					2				
18В	1					9				
18Е	1					3				
22А	3					2				
22Б	1			5		3				
23А	2			4		25	3	5	1	
	3					2				
23Д	1					1	1			
28А	2		28			3				
	3	1				13	1			
28Б	1			1						
29А	1			1		2				
29Б	1					4				
	4					2				
29В	1				1					
29Г	1				1					
30А	1			3		2				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
32А	1					2				
32Б	1					3				
34А	1			1						
36А	2					2				
36Г	2			1						
38	1			1						
40	3					4				
	5					1				
41А	1						3			
41Б	1				1					
	2					2	2			
	3			5		4				
43	1					6				
44	2					5	1	1		
48	1					7				
50Б	2					4				
50В	1					4				
Итого:		1	28	27	6	359	41	19	7	2

Несмотря на типологическую близость, по конструктивным особенностям раковины-пряжки можно разделить на два типа:

– первый представлен изделиями диаметром 3,8–4,3 см, в центре имеется округлое отверстие диаметром 1,3–1,5 см, второе отверстие овальных очертаний, размером 4–7 × 2–3 мм, располагается в замковой части раковины (см. рис. 7, 5; 32, 4; 77, 3, 6; 114, 15);

– второй тип – небольшая округлая раковина диаметром 3 см с центральным отверстием диаметром 1,5 см, отверстие в замковой части отсутствует (см. рис. 24, 20). Данный тип пряжки-раковины обнаружен совместно с костяной пряжкой (рис. 24, 24), что позволяет предполагать ее несколько иное использование в мужском костюме.

Идентичные предметы достаточно широко представлены в алакульских могильниках Зауралья, Притоболья, Западного, Северного и Центрального Казахстана: Ново-Аккермановка [Подгаецкий, 1940, с. 73, рис. 8], Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 23, табл. XXXIX, 17], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 147, рис. 9, 45], Хрипуновский [Матвеев, 1998, с. 148, рис. 54, 15], Семипалатное [Зданович, 1988, с. 105, рис. 41, 4]; Ижевский I (Аршалы) [Байлеу и др., 2012, с. 60, фото 7]). Большинство исследователей атрибутируют данные изделия как пряжки, хотя существует и мнение, что ископаемые раковины могли использовать в качестве орнаментов [Матвеев, 1998, с. 256] (что не согласуется с местоположением изделия в Хрипуновском могильнике в области пояса между тазовыми костями [Там же, с. 148, рис. 54, 1]).

Раковины-подвески (27 экз.) обнаружены в 12 захоронениях могильника, в большинстве случаев в переотложенном состоянии. По особенностям вещево-

го инвентаря и половозрастным показателям можно констатировать, что практически во всех случаях подвески из раковин в качестве амулетов-оберегов сопровождали женщин и девочек. Выделяется два типа раковин, использовавшихся в качестве подвесок.

Первый тип (огр. 41Б, мог. 3) представлен пятью мелкими тонкостенными раковинами овально-треугольной формы, размером 1,1–1,8 × 1,1–1,3 см, в замковой части расположены отверстия для подвешивания диаметром 1,5–2,0 мм (см. рис. 114, 1–5). Местоположение изделий в могиле свидетельствует о том, что они были нашиты на горловину платья девочки. Аналоги известны только в материалах могильника Икпень I, где ребенка сопровождали 4 такие же подвески, располагавшиеся в области груди [Ткачев, 2002а, с. 254, рис. 106, 4–7].

Второй тип представлен раковинами, аналогичными по биологической видовой принадлежности раковинам-пряжкам (22 экз.). Диаметр раковин-подвесок, обнаруженных в 12 захоронениях, варьируется в достаточно широких пределах – от 2,5 до 5,1 см, в замковой части расположены округлые или овальные отверстия диаметром 2–4 мм для подвешивания; причем, если в могиле находилось несколько изделий, они обычно имели близкие размеры (см. рис. 13, 39, 40; 31, 2; и др.). Количество подвесок в захоронениях – от 1 до 5. Они встречены в могилах, содержащих захоронения женщин (огр. 5Б, мог.; огр. 12, мог.; огр. 16Б, мог. 2; огр. 22Б, мог. 1; огр. 38, мог. 1); детей (огр. 15В, мог.; огр. 23А, мог. 2; огр. 28Б, мог.; огр. 36Г, мог. 2); парных разнополых (огр. 29А, мог.; 30А, мог. 1) и, как исключение, подвеска обнаружена в могиле с захоронением мужчины (огр. 34А, мог. 1). Основная часть изделий зафиксирована в переотложенном состоянии, и в большинстве случаев определить расположение подвесок на костюме женщины не представляется возможным. Только в одном детском захоронении удалось установить местоположение подвески: она входила в состав ожерелья наряду с коренными зубами хищников и изделиями из пасты (огр. 15В, мог.; см. рис. 36, 2, 7, 8).

Таким образом, раковины-подвески могут считаться принадлежностью декора женского костюма, они выполняли роль оберегов «охранной магии материнства» [Усманова, 2010, с. 82] и являлись, вероятно, самым распространенным видом украшений, использовавшимся алакульско-атасуским населением как в повседневной жизни, так и в погребальном обряде. Фактически раковины-подвески встречаются во всех могильниках Урало-Казахстанской степи. В отдельных коллективах могли функционировать специализированные группы, которые целенаправленно добывали в древних отложениях ископаемые раковины, на которые существовал повышенный и широкий спрос [Там же, 2010, с. 81]. Подтверждают данное предположение и находки раковин-подвесок на поселениях разных культурных образований [Стефанов, 1996, с. 56, рис. 10, 7; Ткачев Ал., 2011, с. 57, рис. 1, 2].

Бусы. Изделия округло-уплощенной формы, из плотного белого вещества* (28 экз., огр. 28А, мог. 2), диаметром 4–6 мм, высотой 3–4 мм; в центре располагались отверстия: округлые, диаметром 1,0–1,5 мм, с одной стороны и под-

* Состав материала не определен. Вероятно, они изготовлены (сварены?) из вещества, имеющего низкую температуру плавления, высокую вязкость и свойство достаточно быстро затвердевать, что подтверждается следами лепки еще не застывшей массы.

квадратные, размером 2×2 мм, с другой. Следы на поверхности свидетельствуют, что отверстия выдавливались в процессе изготовления деревянным или костяным стерженьком округло-квадратного сечения.

Изделия из пасты*. Отмечены в 42 захоронениях могильника (19,6 %), представлены двумя разновидностями: бусами и пронизями. Всего собрано 359 бусин и 69 пронизок, среди которых двух- (41 экз.), трех- (19 экз.), четырех- (7 экз.) и пятисоставные (2 экз.) изделия. Сохранность большинства украшений неудовлетворительная, значительная их часть рассыпалась при расчистке погребений. Количество их в отдельных захоронениях варьируется от 1 до 124 экз. В исследованных погребениях могильника встречены изделия белого, голубого и зеленоватого цвета. Преобладают шарообразные бусы, кольцевидные и цилиндрические встречаются значительно реже. Украшения из пасты обнаружены в основном в переотложенном состоянии, но в тех случаях, когда удавалось проследить их *in situ*, бусы и пронизи обычно украшали женскую одежду и шапочки, входили в состав ожерелий и наконечников украшений. В памятниках андроновского круга (синташтинских, петровско-нуртайских, алакульско-атасуских, федоровско-нуринских) изделия из пасты представлены достаточно широко, являясь, вероятно, самым распространенным предметом погребального инвентаря.

* Существуют определенные расхождения при описании материала украшений: чаще его называют пастой [Усманова, 2010, табл. 1], реже – мергелем [Варфоломеев, 2007, с. 84] или фаянсом [Ткачев В.В., 2007, с. 299]. Данные разночтения связаны с тем, что, несмотря на столетний период изучения андроновских древностей, физико-химический анализ не проводился и принципы изготовления бус и пронизей так и не установлены.

Глава 4

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Исследование керамических серий разнообразных археологических памятников заставляет искать индивидуальный подход к проведению процедур, необходимых для формализации описания материала, позволяющего судить об историко-культурных процессах. При характеристике керамических комплексов специалисты обычно не выходят за пределы нескольких словесных дефиниций, используя наиболее распространенные термины «банка», «горшок», «плавно профилированный сосуд», «ребро», «уступчик», что оправдано при описании небольших керамических коллекций. Значительно труднее охарактеризовать крупные комплексы керамики, включающие сотни сосудов, это требует усложнения исследовательских процедур. В подобной ситуации исследователь, как правило, вынужден «изобретать» собственную методику обработки керамики, лишь отчасти применяя системы, предложенные В.Ф. Генингом [1973], А.А. Бобринским [1986, 1988], В.В. Ткачевым и А.И. Хованским [2006]. Парадокс заключается в том, что к настоящему времени по данным методикам, универсальным или специализированным, фактически не обработано ни одной значительной серии керамики из сопоставимых по тем или иным параметрам комплексов.

Методика Ткачева – Хованского, разработанная для исследования синташтинской керамики, основана на очень дробной типологии посуды, исходя из которой в отдельный тип можно выделить практически каждый сосуд. При этом противоречие заложено уже в описание отдельных частей сосуда, соотносимых со схемой локализации орнамента [Ткачев, Хованский, 2006, с. 12–13, рис. 2]*. Поэтому предложенную исследователями методику использовать не только сложно, но и практически невозможно. Разработка А.А. Бобринского [1986, 1988] направлена на восстановление структуры керамических емкостей и основана на вычислении высоты каждой их части в процентах. В результате реконструируются некие усредненные сосуды, без учета морфологических особенностей конкретных сосудов.

* Обратимся, например, к следующему понятию: «Дно – часть сосуда, служащая опорой на плоскости». На профиле эта часть уже рассматривается не как собственно дно, а как придонная часть тулова. Отсюда не ясно – узор сделан на дне или в придонной части. Это два совершенно разных подхода при характеристике сосуда. Кроме того, введено понятие «шейки», в то время как данная дефиниция совершенно не учитывается при описании сосуда, совпадая, по мнению авторов методики, с «венчиком».

Методика типологической обработки керамики, предложенная В.Ф. Генингом, несмотря на определенные недостатки, наиболее основательна, последовательна и доступна для понимания [1973]. В то же время она несовершенна в части вычисления указателей форм сосудов. Трудоемкость процедуры и невозможность сравнить результаты с данными по другим памятникам не позволяют использовать эту методику в полной мере. Публикаций комплексов, аналогичных могильнику Майтан, обработанных по методике В.Ф. Генинга, просто нет, а когда была предпринята попытка применить ее с целью выделения групп по данным показателям, то из-за разнообразия и обилия материала получить какие-либо конкретные результаты не удалось.

Таким образом, при обработке керамики могильника Майтан и определении ее типологических особенностей использовалось сочетание методики В.Ф.Генинга, в частности термины, предложенные для характеристики посуды, и традиционных процедур, основанных на визуальных наблюдениях за индивидуальными особенностями керамических емкостей.

* * *

Керамический комплекс включает разнообразную посуду, полученную из поминальных и погребальных объектов могильника Майтан. Коллекция насчитывает 468 сосудов, в том числе 307 целых и 121 частично реконструированных. Кроме того, в отдельных оградах и могилах собраны разрозненные обломки еще 40 сосудов (20 венчиков, 13 стенок и 7 доньшек), не включенные в общую статистическую обработку (табл. 35). Представленная выборка по количественным и качественным показателям репрезентативна, что позволяет проанализировать орнаментальную традицию, соотнеся особенности орнаментации с отдельными типологическими группами посуды.

Провести сравнение между отдельными погребальными объектами из-за ограбленности большинства оград и могил не представляется возможным, так как число сосудов по отдельным поминальным комплексам значительно варьируется: в отдельных оградах посуда не обнаружена; большинство оград содержали от 1 до 10 сосудов; в незначительном количестве оград встречено 12–17 сосудов; в единичных погребальных комплексах найдено от 25 до 44 сосудов (табл. 35). В то же время сравнение между оградами, содержащими значительное количество посуды, также достаточно сложный процесс. Это связано с тем, что могилы, исследованные в них, не сопоставимы по содержанию захоронений, что определяло и специфический набор посуды. В одном случае это специализированный комплекс с преобладанием захоронений младенцев и детей младшего возраста (огр. 18 – 44 сосуда); в другом – погребения взрослых сопровождалась ритуальными захоронениями коней и многочисленными жертвенниками (огр. 29 – 37 сосудов); в остальных случаях погребения представляли собой различные варианты захоронения взрослых (огр. 40 – 25 сосудов) или взрослых и детей (огр. 23 – 32 сосуда, огр. 8 – 25 сосудов).

В комплексе могильника Майтан преобладает посуда средних размеров, в цветовой гамме которой доминируют оттенки коричневого цвета от светлого до темного. Часть сосудов окрашена оттенками черного цвета, что позволяет предполагать в большинстве случаев использование в погребальной обряд-

Распределение керамических комплексов по оградям

Номер ограды	Банки							Горшечно-баночные		Горшки							Всего		
	Группа							Группа		Группа							Реконструируемые сосуды	Из них целые	Разрозненные обломки сосудов
	1	2	3	4	5	6	Всего	1	2	1	2	3	4	5	Всего				
	С выделенной шейкой	С прямой шейкой	Закрытая емкость	Открытая емкость	С ручками	С округлым дном		Желобчатые	Слабопрофилированные	С ребристым профилем	С уступчатым плечом	С уступ-ребром	Плavnoпрофилированные	Вазовидные					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	1	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1								1	1							1			
2		1	2	1			4	3	1	4		2	2	1		5	13	7	
3									1	1	1					1	2	1	
4			2				2		3	3			2			2	7	2	3
5			1	1			2	2		2		2	3			5	9	8	
6	2	5	2				9	1		1	2		3			5	15	13	
7	1			2			3		3	3		1	2	1		4	10	7	4
8	3	3					6	5	3	8	2	2	4	3		11	25	18	1
9		1	1				2				1	1				2	4	3	2
10		4	2				6	1	1	2	1	4	1	3		9	17	12	
11													1			1	1		
12												1	1			2	2		
13								2		2							2	2	1
15			1				1	1	1	2	1	1	2			4	7	4	4
17		1	1				2	2	1	3	1	2	1	1		5	10	7	2
18	2	3	5	3			13	2	2	4	6	6	6	5	2	25	42	40	1
20	1	1					2	1		1			1			1	4	2	
22		1					1		1	1	2	1	3			6	8	8	2
23	5	1	4				10	6	2	8	4	2	5	1	2	14	32	19	
24			1				1					2	2	3		7	8	7	
25			1				1	3		3		1	1			2	6	5	
26											1	1				2	2	2	
27												4	3	2		9	9	5	2
28		2					2	1		1		2	2	1		5	8	4	3
29	2	1	5	1			9	4	1	5	6	2	13	2		23	37	23	2
30			1				1	1		1		3	3			6	8	6	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
31													1			1	1		
32	1		1				2				2	1	2			5	7	5	2
33	1						1				1			1		2	3	1	3
34			1		1		2	1		1	2		1	1		4	7	5	
35	1	1					2				1					1	3	3	1
36	3		2				5		1	1	1	1	4	9		15	21	12	1
37		1		1			2	1		1		1				1	4	2	3
38		1	1				2				1		2	1		4	6	6	
39		2					2				1		1			2	4	4	
40	1	2			1		4	5		5	2	2	9	3		16	25	23	
41	3		1			1	5				1	2	3	3		9	14	10	1
42	1		2				3				1	2	1			4	7	7	
43											1		2			3	3	2	
44		1	1				2				1		1			2	4	3	1
45											1		1			2	2	2	1
46	1	3	3				7	1	1	2	1		2			3	12	6	2
48		1	1				2				1		1	1		3	5	5	
49													2			2	2	2	
50	1		2				3		1	1	3					3	7	4	
Всего	29	36	44	9	2	1	121	44	23	67	51	49	95	39	4	238	426	307	42
%	24,1	29,7	36,4	7,4	1,6	0,8	100	65,7	34,3	100	21,4	20,6	39,9	16,4	1,7	100	468		
	7,1	8,4	10,2	2,1	0,2	0,5	28,2	10,2	5,8	15,7	12,1	11,3	22,1	9,1	0,7	56,1	100	71,7	

ности не специальной, а обыденной, кухонной посуды. Подтверждает данное предположение и наличие сажистого нагара на внешней и внутренней поверхности сосудов. Диаметр горловин колеблется от 8 до 33 см, высота от 6 до 32 см при средней толщине стенок в 6–8 мм. Венчик у большинства емкостей округлый, изредка приостренный или уплощенный. Глиняное тесто содержит дресву, шамот, песок, а также органические примеси (прил. 1). Внутренняя и внешняя поверхность у большинства изделий гладкая, лощение и следы затертости встречены в небольшом количестве (табл. 36).

Ввиду массовости керамики, ее разнообразия, наличия многочисленных переходных форм между основными типами тот или иной сосуд может быть отнесен к конкретному типу условно. В то же время по характерным особенностям формы выделяются большие серии баночных, горшечно-баночных и горшечных типов, каждый из которых включает несколько групп емкостей, отличающихся как специфической формой, так и орнаментикой.

I тип. Посуда баночных форм представлена 121 сосудом (28,2 %, керамического комплекса могильника Майтан), среди которых по морфологическим особенностям можно выделить шесть групп (табл. 37).

Суммарная характеристика посуды

Показатель	Банки (121 экз.)		Горшечно- баночные (67 экз.)		Горшки (238 экз.)		Итого (426 экз.)	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Обработка поверхности								
а) наружной								
лощение					16	6,7	16	3,7
гладкая	102	84,3	58	86,7	204	85,7	364	85,4
штриховка	19	15,7	9	13,4	18	7,9	46	10,9
б) внутренней								
гладкая	81	66,9	44	65,7	186	78,2	311	73,1
штриховка	40	33,1	23	34,3	52	21,8	115	26,9
2. Форма венчика								
округлый	77	63,6	44	65,7	169	71,2	290	68,2
уплощенный	17	14,1	16	23,9	18	7,6	51	11,9
приостренный	27	22,3	7	10,4	51	21,2	85	19,9
3. Диаметр по венчику, см								
8–10	11	9,1	2	2,9	10	4,2	23	5,4
11–15	77	63,6	20	29,9	98	41,6	195	45,8
16–25	26	21,5	19	28,4	88	36,6	133	31,2
26–33	7	5,8	26	38,8	42	17,6	75	17,6
4. Высота сосуда, см								
6–8	7	5,8	1	1,6	3	1,3	11	2,6
9–10	25	20,6	4	5,9	23	9,7	52	12,2
11–15	47	38,9	17	25,4	83	34,8	147	34,5
16–20	9	7,4	7	10,4	24	10,1	40	9,4
21–32	11	9,1	13	19,4	33	13,9	57	13,4
не определена	22	18,2	25	37,3	72	30,2	119	27,9
5. Диаметр дна, см								
6–8	44	36,4	15	22,4	87	36,6	146	34,4
9–10	36	29,7	10	14,9	39	16,4	85	19,9
11–19	19	15,7	17	25,4	40	16,8	76	17,8
не определен	22	18,2	25	37,3	72	30,2	119	27,9
6. Толщина, мм								
а) шейки								
3–5	9	7,4	3	4,5	44	18,5	56	13,1
6–8	93	76,9	51	76,1	173	72,7	317	74,5
свыше 8 см	19	15,7	13	19,4	21	8,8	53	12,4
б) стенки								
3–5	1	0,8	39	58,2	8	3,4	48	11,3
6–8	95	78,4	23	34,3	184	77,3	302	70,9
9–10	23	19,1	5	7,5	45	18,9	73	17,1
свыше 10	2	1,7			1	0,4	3	0,7

1	2	3	4	5	6	7	8	9
в) днища								
6–8	20	16,5	7	10,4	50	21,1	77	18,1
9–10	40	33,1	19	28,4	73	30,6	132	30,9
11–16	39	32,2	16	23,9	43	18,1	98	23,1
не определена	22	18,2	25	37,3	72	30,2	119	27,9
7. Поддон					14	8,4	14	4,6
8. Степень орнаментиро- ванности								
шейки	83	68,6	58	86,6	218	90,8	359	83,9
внутренней части шейки					2	0,8	2	0,5
тулова	70	57,9	34	50,7	219	91,2	323	75,5
придонной части	18	18,2	1	2,4	34	20,3	53	17,2
дна	3	3,1	1	2,4	2	1,2	6	1,9

Группа 1 (29 экз., 7,1 %). Посуда данной группы обнаружена в 16 оградах могильника (см. табл. 35). Небольшие по размерам сосуды использовались в основном для поминальной пищи, они располагались в жертвенниках в ямках около могил или вдоль плит ограждения (см. рис. 23, 2; 25, 12; 60, 5, 7–9, 12; и др.). Сосуды средних размеров обнаружены в пяти захоронениях, они сопровождали младенцев и детей младшего возраста (см. рис. 17, 12, 15; 97, 8; 112, 4, 14). Наиболее крупные сосуды данной группы находились в трех могилах, содержащих захоронения мужчины (см. рис. 23, 12) и женщин (см. рис. 57, 15; 107, 9).

Сосуды группы 1 имеют короткую прямую шейку, слабо намеченные плечики и слегка выпуклые боковины, максимальная ширина которых располагается в верхней трети тулова. Преобладают экземпляры с гладкой поверхностью и округлым венчиком. Керамические емкости имеют широкое устойчивое дно. Преобладают сосуды диаметром по венчику 9–15 см, единичны крупные изделия диаметром 17–31 см. Высота обычно только чуть меньше диаметра горловины, что придает стройность пропорциям.

В технике нанесения узора преобладают гладкий штамп и нарезка; использование гребенчатого штампа не характерно. Орнамент покрывает в основном верхнюю часть сосуда (табл. 38). Наиболее распространено двухчастное зонирование – декор расположен на шейке и в верхней части тулова, в качестве разделителя выступают горизонтальные линии (табл. 39; рис. 128). В данной серии орнаментированы все сосуды, за исключением одной емкости (см. рис. 43, 3). В ряде случаев плечико выделено за счет нанесения по шейке широкорядных одного-двух желобков (см. рис. 20, 6; 50, 4; 82, 16; 97, 5). Свообразие орнаментальному канону придает отсутствие орнамента на шейке (см. рис. 60, 5, 8, 9; 97, 11; 112, 4). Небольшая часть сосудов имеет полностью орнаментированную поверхность (см. рис. 17, 12; 25, 12; 60, 12; 57, 14; 96, 3). Шейка украшалась каннелюрами (см. рис. 46, 1; 88, 11) и горизонтальными линиями (см. рис. 75, 9; 90, 3; 120, 1). Отмечены и геометрические фигуры:

Суммарная характеристика баночной посуды*

Показатель	1 (29 экз.)		2 (36 экз.)		3 (44 экз.)		4 (9 экз.)		5 (2 экз.)		6 (1 экз.)		Итого (121 экз.)		
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
1. Обработка поверхности															
	а) наружной														
гладкая	21	72,4	31	86,1	38	86,4	9	100	2	100	1	100	102	84,3	
штриховка	8	27,6	5	13,9	6	13,6							19	15,7	
б) внутренней															
гладкая	20	68,9	24	66,8	31	70,5	4	44,4	1	50,0	1	100	81	66,9	
штриховка	9	31,1	12	33,2	13	29,5	5	55,6	1	50,0			40	33,1	
2. Форма венчика															
	округлый	20	68,9	24	66,8	26	59,1	5	55,6	1	50,0	1	100	77	63,6
	уплощенный	5	17,2	6	16,6	4	9,1	1	11,1	1	50,0			17	14,1
	приостренный	4	13,9	6	16,6	14	31,8	3	33,3					27	22,3
3. Диаметр по венчику, см															
	9–10	3	10,4	1	2,8	5	11,4	2	22,2					11	9,1
	11–15	18	62,0	23	63,9	27	61,4	6	66,7	2	100	1	100	77	63,6
	16–25	6	20,7	9	25,0	10	22,7	1	11,1					26	21,5
	26–31	2	6,9	3	8,3	2	4,5							7	5,8
4. Высота сосуда, см															
	6–8	1	3,4	2	5,6	2	4,5	2	22,2					7	5,8
	9–10	1	3,4	7	19,4	12	27,4	4	44,5			1	100	25	20,6
	11–15	15	51,7	11	30,6	17	38,6	2	22,2	2	100			47	38,9
	16–20	3	10,4	4	11,1	2	4,5							9	7,4
	21–30	3	10,4	4	11,1	3	6,8	1	11,1					11	9,1
не определена	6	20,7	8	22,2	8	18,2							22	18,2	

5. Диаметр дна, см	9	31,1	10	27,8	21	47,7	4	44,5	2	100			44	36,3
6–8	7	24,1	15	41,7	7	15,9	4	44,4					35	28,9
9–10	7	24,1	3	8,3	8	18,2	1	11,1					19	15,7
11–18	6	20,7	8	22,2	8	18,2					1	100	23	19,1
не определен														
6. Толщина, мм														
а) шейки														
3–5	5	17,2	1	2,8	2	4,5					1	100	9	7,4
6–8	21	72,4	29	80,6	35	79,6	6	66,7	2	100			93	76,9
свыше 8	3	10,4	6	16,6	7	15,9	3	33,3					19	15,7
б) стенки														
3–5	1	3,4											1	0,8
6–8	19	65,5	27	75,0	39	88,6	9	100			1	100	95	78,4
9–10	9	31,1	7	19,4	5	11,4							23	19,1
свыше 10			2	5,6									2	1,7
в) днища														
6–8	3	10,4	2	5,6	12	27,4	2	22,2	1	100			20	16,5
9–10	8	27,6	13	36,1	13	29,5	6	66,7					40	33,1
11–16	12	41,3	13	36,1	11	24,9	1	11,1	1	100			39	32,2
не определена	6	20,7	8	22,2	8	18,2							22	18,2
7. Степень орнаментированности														
шейки	21	72,4	26	72,2	29	65,9	4	44,4	2	100	1	100	83	68,6
тулова	21	72,4	21	58,3	22	50,0	3	33,3	2	100	1	100	70	57,9
придонной части	7	30,4	6	21,1	4	11,1	1	11,1					18	18,2
дна			1	3,6	1	2,8					1	100	3	3,1

* Группа: 1 – с выделенной шейкой; 2 – с прямой шейкой; 3 – с закрытым устьем; 4 – с открытым устьем; 5 – с ручками; 6 – с округлым дном.

Зональность орнамента на баночных сосудах

Банки с выделенной шейкой												
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Всего
1	7	8	2	3	1	1	1	1	2	1	1	
3,4	24,3	27,8	6,9	10,3	3,4	3,4	3,4	3,4	6,9	3,4	3,4	24,1
Банки с прямыми стенками												
9	2	2	6	4	6	3	1	3				36
24,9	5,6	5,6	16,7	11,1	16,7	8,3	2,8	8,3				29,7
Банки с закрытым устьем												
14	2	9	9	1	1	1	1	4	2			44
31,9	4,5	20,4	20,4	2,3	2,3	2,3	2,3	9,1	4,5			36,4

Банки с открытым устьем										
5	1	2	1							9
55,6	11,1	22,2	11,1							7,4
Банки с ручками										
1	1									2
50	50									1,6
Банка круглодонная										
1										1
100										121
Итого										

Примечание. Первый показатель – количество, второй – процент.

Банки. Группа 1.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(29 экз.)

Элементы узора	Шейка					Тулово					Придонная часть				Итого	
	Техника выполнения														Кол-во	%
	Резной	Гребенчатый	Протаскивание	Кол-во	%	Резной	Гребенчатый	Протаскивание	Кол-во	%	Резной	Гребенчатый	Кол-во	%		
	1			1	4,3										1	1,7
						7			7	20,7					7	11,8
	1	1		2	8,7	2	1		3	8,8					5	8,3
	1			1	4,3										1	1,7
						1			1	2,9					1	1,7
						2			2	5,9					2	3,3
			9	9	39,4			1	1	2,9					10	16,7
			1	1	4,3										1	1,7
			1	1	4,3										1	1,7
											1		1	33,3	1	1,7
	3			3	13,1										3	4,9
	1			1	4,3	6			6	17,7					7	11,8
	2			2	8,7										2	3,3
						1			1	2,9					1	1,7
						2			2	5,9					2	3,3
						2			2	5,9					2	3,3
	1			1	4,3										1	1,7
	1			1	4,3		1	1	2	5,9					3	4,9
						2			2	5,9					2	3,3
						2		1	3	8,8					3	4,9
							1		1	2,9		1	1	33,3	2	3,3
						1			1	2,9	1		1	33,4	2	3,3
Неорнаментированный сосуд	1															
Всего	11	1	11	23	100	28	3	3	34	100	2	1	3	100	60	100
%	47,8	4,4	47,8	100		82,4	8,8	8,8	100		66,7	33,3	100			

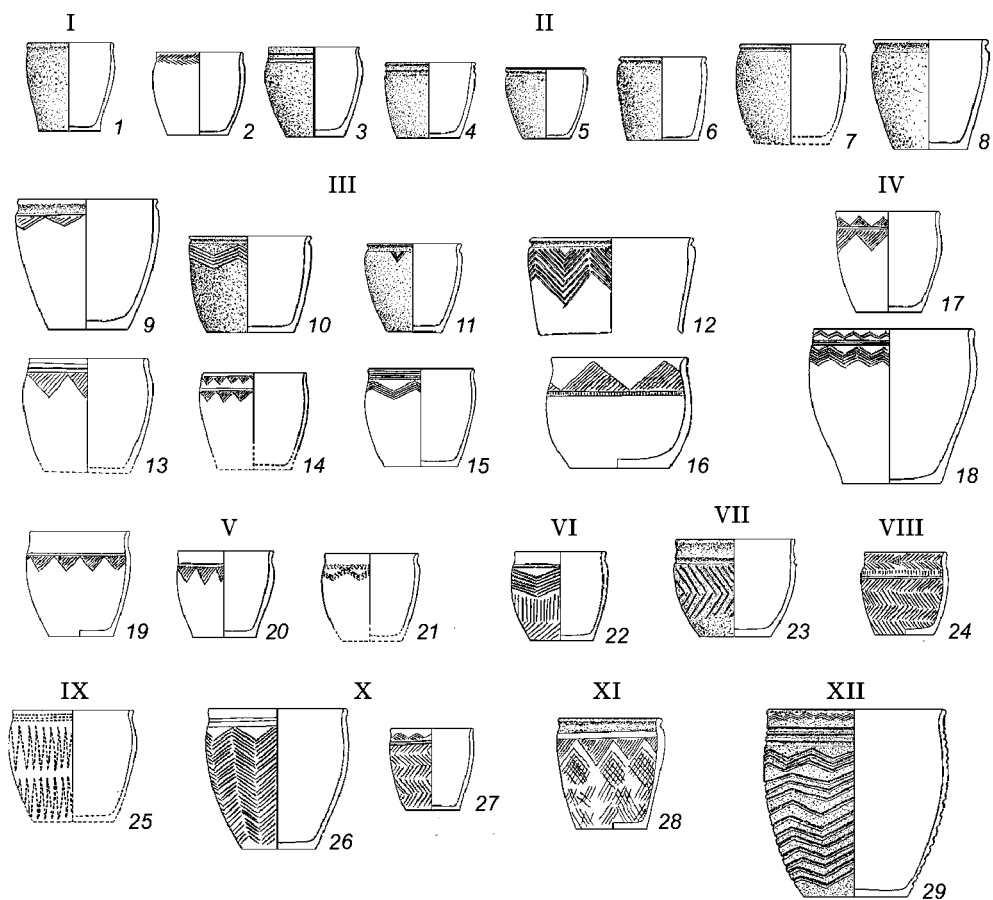

Рис. 128. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–XII, см. табл. 38) на посуде баночной формы (группа 1).

1, 11 – ограда 18; 2, 12, 27 – ограда 8; 3, 7 – ограда 29; 4 – ограда 46; 5 – ограда 7; 6, 20, 24 – ограда 36; 8 – ограда 20; 9, 26 – курган 6; 10 – ограда 32; 14, 21–23, 25 – ограда 23; 13 – ограда 33; 15 – ограда 50; 16 – ограда 35; 17, 19, 28 – ограда 41; 18 – ограда 40; 29 – ограда 42 (масштаб не соблюден)

равнобедренные треугольники (см. рис. 25, 12; 60, 7; 94, 4; 112, 14), горизонтальная «ёлочка» (см. рис. 23, 2), зигзаги (см. рис. 57, 14; 107, 10). Аналогичные элементы узора характерны и для зоны тулова (см. рис. 17, 15; 60, 5, 7–9; 112, 9). Выделяются сосуды, полностью орнаментированные по всей поверхности: один украшен по тулову двумя рядами длинной «качалки», выполненной гребенчатым штампом (см. рис. 60, 12); другой – чередующимися рядами горизонтального зигзага, вертикальных и наклонных линий (рис. 60, 9), третий – сочетанием треугольников, незамкнутыми разнонаправленно заштрихованными ромбами и бессистемно пересекающимися наклонными линиями (см. рис. 112, 4), четвертый – зигзагом, выполненным желобчатой техникой (см. рис. 57, 14). Два сосуда украшены по тулову вертикальной (см. рис. 17, 12)

и горизонтальной (см. рис. 96, 3) «ёлочкой». Степень орнаментированности посуды группы достаточно высокая (см. табл. 37: по шейке и тулову – 72,4 %, по придонной части – 30,4 %).

Группа 2 (36 экз., 8,4 %). Посуда данной группы обнаружена в 20 оградах могильника (см. табл. 35). Сосуды небольших и средних размеров (50 %) использовались для жертвоприношений (см. рис. 26, 8; 27, 1; и др.), сопровождали захоронения детей (см. рис. 17, 3, 5, 9, 11; 25, 9; 26, 8; 40, 5; 43, 17; 50, 3; 80, 7) и иногда взрослых (см. рис. 17, 2; 23, 6; 73, 21). Один из небольших сосудов обнаружен в могиле с кремацией (см. рис. 7, 11). Крупных сосудов немного: они обнаружены в могилах, содержащих захоронение ребенка (см. рис. 102, 9) и женщин (см. рис. 28, 15; 53, 10). Наиболее крупные сосуды группы находились в ограде 40: один – в могиле, интерпретированной как мужской кенотаф (см. рис. 102, 2); второй, для размещения поминальной пищи – над могилой, содержащей захоронение женщины (см. рис. 108, 2). Крупный обломок одного из сосудов использовался в качестве крышки жертвенного сосуда (см. рис. 116, 17).

Сосуды группы 2 имеют короткую, реже – высокую прямую шейку, плавно сужающееся тулово и плоское устойчивое дно, диаметр которого обычно чуть меньше диаметра горловины. Внешняя поверхность в основном гладкая, внутри следы затертости отмечаются несколько чаще. Преобладают сосуды диаметром по венчику 10–15 см; емкостей средних размеров, диаметром 16–22 см, значительно меньше; крупные изделия, диаметром 30–32 см, единичны. Высота емкостей близка или чуть больше диаметра горловины. Средняя толщина стенок 6–8 мм, днища достаточно толстые, преобладают емкости с толщиной дна 10–16 мм (см. табл. 37).

Характерно горизонтальное размещение узора на шейке и в верхней части тулова. Орнаментация придонной части и всей внешней поверхности сосуда отмечена единично (см. табл. 38; рис. 129). Значительная часть сосудов не орнаментирована (25 %) (рис. 17, 11; 23, 3, 6; 28, 4; 40, 5; 50, 3; 73, 21; 82, 8, 14). В технике нанесения узора преобладают гладкий штамп и нарезка (90,1 %); использование гребенчатого штампа не характерно (табл. 40), хотя в отдельных композициях сочетаются резная и гребенчатая орнаментика (см. рис. 94, 5; 104, 14). В единичных случаях встречено сочетание резной техники и гладкого штампа (см. рис. 7, 11). Узор беден и однообразен: на шейке и в верхней части тулова фиксируется сочетание разного количества горизонтальных линий с треугольниками вершинами вниз (см. рис. 17, 5; 28, 3; 53, 10; 85, 5; 104, 14; 105, 4); зигзагами (см. рис. 17, 3; 43, 8); наклонных и горизонтальных линий с зигзагом (см. рис. 105, 6); наклонных, вертикальных и горизонтальных линий с треугольниками (см. рис. 102, 2; 108, 1). Тулово чаще украшено зигзагом (см. рис. 17, 2; 80, 7; 102, 9; 116, 17), реже – горизонтальной «ёлочкой» (см. рис. 47, 14; 52, 3), рядами насечек (см. рис. 25, 9; 82, 5) и треугольников (см. рис. 17, 9; 43, 17). Стенки полностью орнаментированных сосудов украшены вертикальной «ёлочкой» (см. рис. 28, 15; 102, 2; 108, 1). В придонной части отмечены треугольники вершинами вверх (см. рис. 17, 5), зигзаг и треугольники в сочетании с горизонтальными линиями (см. рис. 28, 3; 94, 5). Небольшой жертвенный сосудик украшен по дну незамкнутой крестообразной

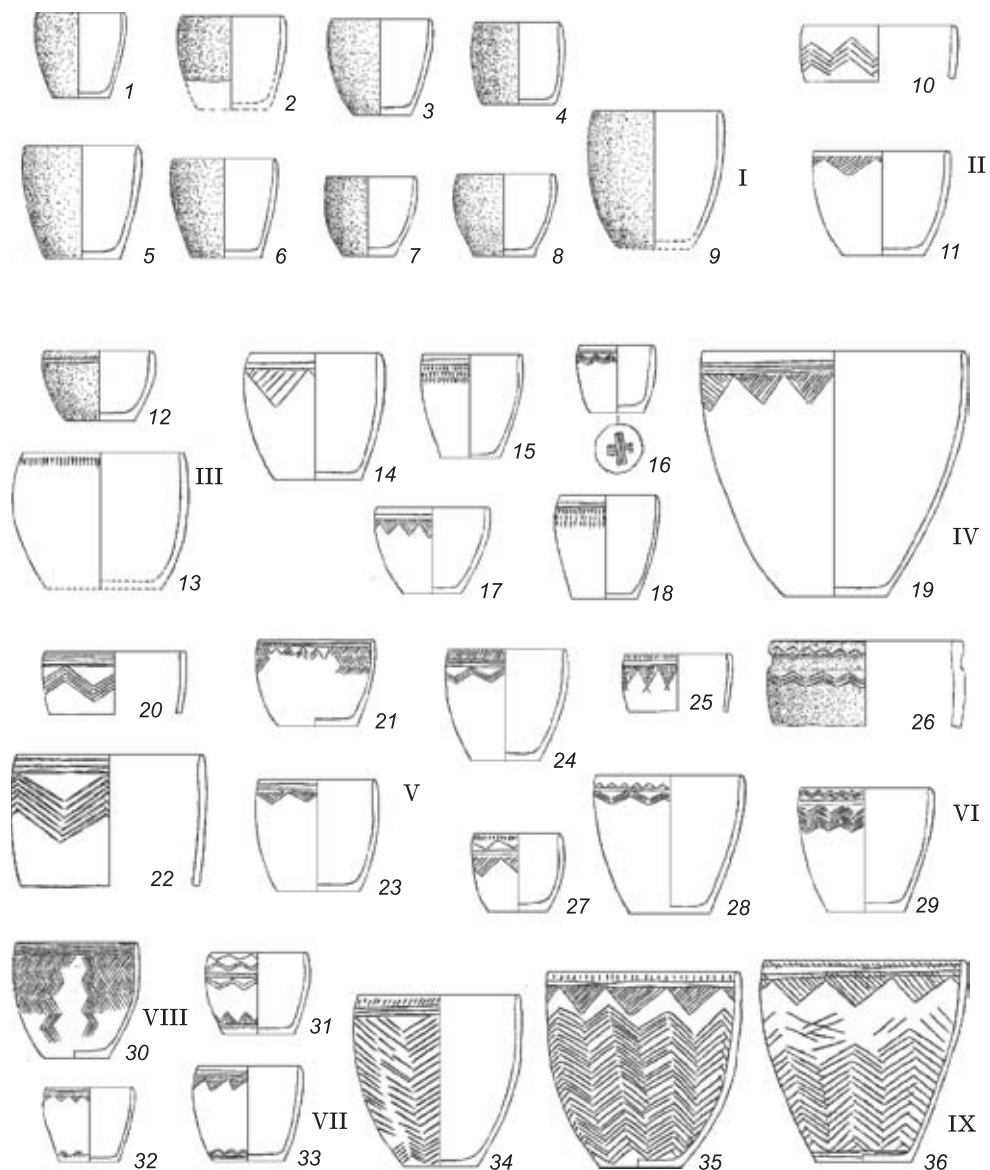

Рис. 129. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–IX, см. табл. 38) на посуде баночной формы (группа 2).

1, 2, 18 – ограда 8; 3, 16, 33, 34 – ограда 10; 4 – ограда 17; 5 – ограда 20; 6, 20, 27, 29, 32 – курган 6; 7, 13 – ограда 28; 8, 9, 15 – ограда 46; 10 – ограда 29; 11 – ограда 38; 12 – ограда 9; 14, 28, 30 – ограда 18; 17, 24 – ограда 39; 19 – ограда 22; 21 – ограда 23; 22 – ограда 37; 23 – ограда 48; 25 – ограда 2; 26 – ограда 44; 31 – ограда 35; 35, 36 – ограда 40 (масштаб не соблюден)

Банки. Группа 2.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(36 экз.)

Элементы узора	Шейка				Тулово				Придонная часть				Итого			
	Техника выполнения												Кол-во	%		
	Резной	Гребенчатый	Резной – гребенчатый	Кол-во	%	Резной	Гребенчатый	Протаскивание	Кол-во	%	Резной	Резной – гребенчатый			Кол-во	%
		1		1	2,8									1	1,4	
	12			12	33,3	3			3	10,3	3		3	50,0	18	25,6
	5			5	13,8									5	7,1	
	1			1	2,8									1	1,4	
	1			1	2,8									1	1,4	
	1			1	2,8									1	1,4	
	3			3	8,3									3	4,2	
								1	1	3,4				1	1,4	
	1			1	2,8									1	1,4	
	1			1	2,8									1	1,4	
											1	1	2	33,3	2	2,8
	2		1	3	8,3	7			7	24,6				10	14,1	
						1			1	3,4				1	1,4	
	3	1		4	11,1									4	5,6	
		1		1	2,8		1		1	3,4	1		1	16,7	3	4,2
	1			1	2,8	3			3	10,3				4	5,6	
						3			3	10,3				3	4,2	
						1			1	3,4				1	1,4	
						2			2	6,9				2	2,8	
						3			3	10,3				3	4,2	
						1			1	3,4				1	1,4	
						1			1	3,4				1	1,4	
	1			1	2,8	2			2	6,9				3	4,2	
Неорнаментированный сосуд	9															
Всего	32	3	1	36	100	27	1	1	29	100	5	1	6	100	71	100
%	88,9	8,3	2,8	100		93,2	3,4	3,4	100		83,3	16,7	100		100	

фигурой (см. рис. 28, 1). Каннелирование для посуды данной группы не характерно – выделяется одна емкость, у которой орнаментальные зоны шейки и тулова разделены глубоким и широким желобком (см. рис. 116, 17). Степень орнаментированности посуды группы высокая (см. табл. 37: по шейке, тулову, придонной части и дну соответственно 72,2; 58,3; 21,1; 3,6 %).

Группа 3 (44 экз., 10,2 %). Посуда данной группы обнаружена в 24 оградах могильника (см. табл. 35). Использование сосудов данной группы характерно для поминальных комплексов (43,2 %) и детских погребений (36,4 %), значительно реже они использовались в женских (9,1 %), мужских (6,8 %) и разнополых (2,3 %) захоронениях. Обломок одного из наиболее крупных сосудов использован как крышка поминального сосуда (см. рис. 88, 7).

Посуда группы 3, типологически относящаяся к закрытым формам, имеет короткий загнутый вовнутрь край венчика, переходящий в слегка раздутое тулово, максимально расширенное в верхней трети, с плавным переходом в широкое дно, диаметр которого обычно на треть меньше горловины. Сосуды в основном с гладкой внешней поверхностью, на внутренней чаще встречаются следы затертости каким-то мягким предметом. Преобладают сосуды диаметром по венчику 9–15 см, емкостей средних размеров, диаметром 16–21 см, немного, два сосуда – крупных размеров, диаметром 26 и 31 см. Высота сосудов близка или чуть меньше диаметра горловины, только один экземпляр имеет высоту больше диаметра венчика (см. рис. 12, 2). В большинстве случаев толщина стенок 6–8 мм, днища достаточно толстые, иногда их толщина достигает 13–18 мм (см. табл. 37).

Преобладает горизонтальное размещение узора по шейке и в верхней части тулова при значительном количестве неорнаментированных емкостей (31,9 %; см. табл. 38; рис. 130). Последние отмечены в поминальных комплексах (см. рис. 28, 2; 40, 4; 60, 11; 67, 6; 75, 6; 82, 13), захоронениях детей (см. рис. 7, 19; 17, 14; 37, 7; 94, 1; 112, 12) и женщин (см. рис. 7, 18; 12, 2; 57, 8). Наличие орнамента в придонной части для данной группы керамики не характерно (см. рис. 26, 5), как и орнаментирование всей внешней поверхности (см. рис. 82, 6; 116, 19). Единично отмечена орнаментация дна – незамкнутый неправильный круг, в который вписан асимметричной крест, выполненный двумя пересекающимися линиями (см. рис. 28, 1).

По технике и элементам узор во многом совпадает с композициями на посуде других баночных форм, общим является преобладание резной техники и гладкого штампа при единичности оттисков гребенки (табл. 41). На шейке и в верхней части тулова широко распространены горизонтальные линии в сочетании с треугольниками (см. рис. 10, 10; 43, 4; 57, 9; 65, 8; 78, 4; 80, 12; 82, 7), зигзагами (см. рис. 10, 12; 75, 16; 98, 4; 104, 13) и, как исключение, горизонтальной «ёлочкой» (см. рис. 43, 18; 46, 5). Отдельные сосуды полностью орнаментированы по тулову горизонтальной «ёлочкой» (см. рис. 88, 7) с впущенными треугольниками (см. рис. 116, 19). Один из сосудов украшен по всей поверхности «шагающим» штампом, переходящим на тулове в горизонтальную «ёлочку» (см. рис. 26, 5); у другого тулово украшено горизонтальными линиями, выполненными короткими нарезками, причем зоны шейки и тулова разделены бордюром из частично заштрихованных пирамидок, переходящих в

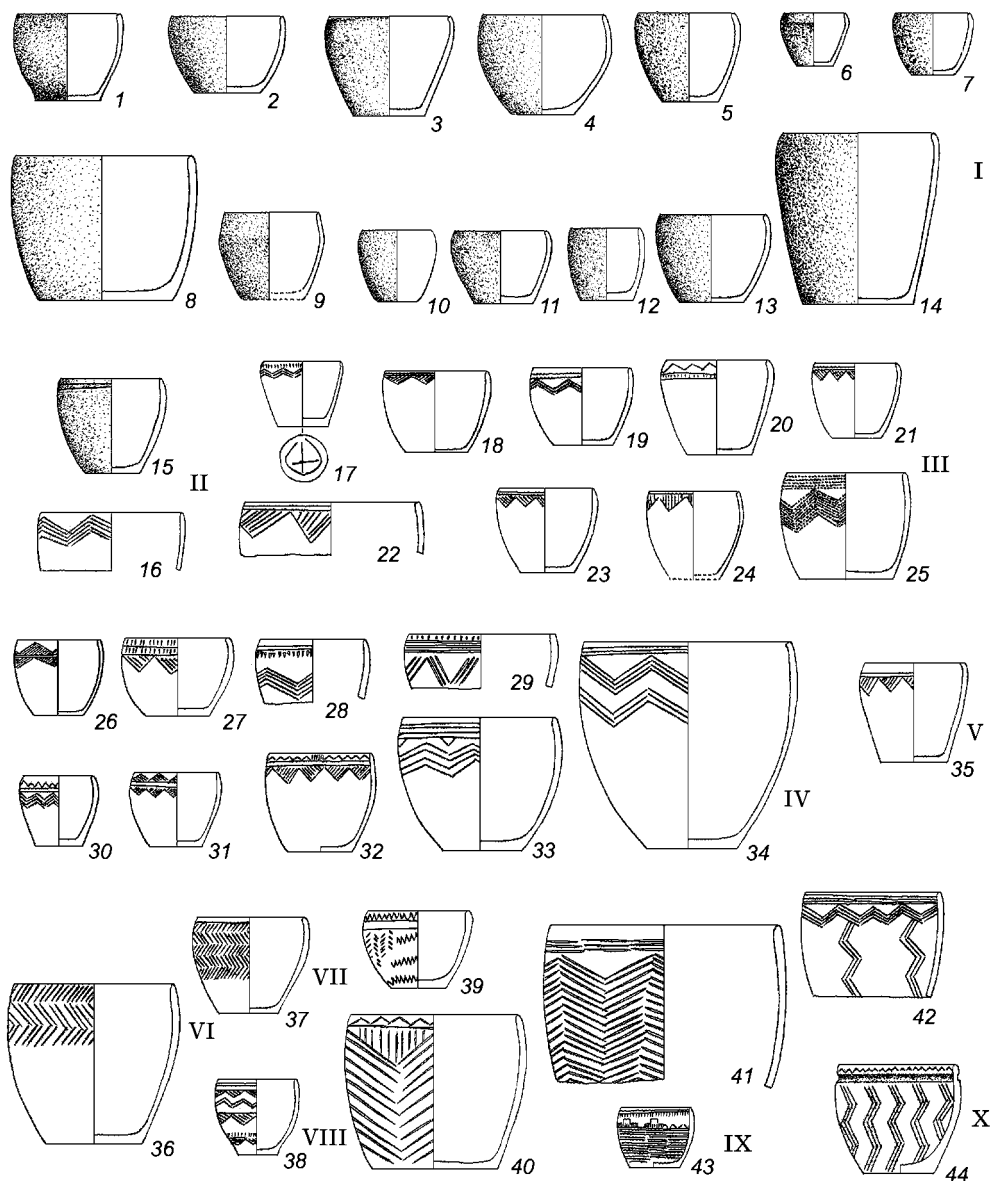

Рис. 130. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–X, см. табл. 38) на посуде баночной формы (группа 3).

1, 16, 19, 38 – ограда 23; 2, 21, 22, 33, 42 – ограда 29; 3 – ограда 15; 4, 26 – ограда 17; 6, 7 – ограда 2; 8 – ограда 25; 9, 24, 43 – ограда 46; 10, 17 – ограда 10; 11, 27, 35, 36, 37 – ограда 18; 12 – ограда 41; 13 – ограда 34; 14 – ограда 5; 15, 20 – курган 6; 18 – ограда 30; 23 – ограда 24; 25 – ограда 38; 40 – ограда 44; 28, 32 – ограда 50; 29, 31 – ограда 4; 30, 44 – ограда 36; 34 – ограда 48; 39 – ограда 9; 41 – ограда 32 (масштаб не соблюден)

Банки. Группа 3
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(44 экз.)

Элементы узора	Шейка				Тулово					Придонная часть			Итого	
	Техника выполнения													
	Резной	Гребенчатый	Кол-во	%	Резной	Гребенчатый	Кол-во	Итого	%	Резной	Кол-во	%	Кол-во	%
	2		2	5,6									2	2,5
	12		12	33,3	3			3	7,1				15	18,2
	3		3	8,3									3	3,8
	1		1	2,8									1	1,3
	1			2,8									1	1,3
		1	1	2,8									1	1,3
					1		1	2,3					1	1,3
	4		4	11,1	1			1	2,3				5	6,2
	1		1	2,8	1			1	2,3				2	2,5
							1	1	2,3				1	1,3
	2		2	5,6									2	2,5
					12			12	27,9				12	15,0
					2			2	4,6				2	2,5
	5		5	13,7	1			1	2,3				6	7,4
					1			1	2,3				1	1,3
					4			4	9,4				4	5,0
					4			4	9,4				4	5,0
	1		1	2,8	2			2	4,6				3	3,8
							1	1	2,3				1	1,3
					3			3	7,1				3	3,8
	1		1	2,8									1	1,3
					1			1	2,3				1	1,3
					1			1	2,3				1	1,3
					2			2	4,6				2	2,5
	1		1	2,8	2			2	4,6	1	1		4	5,0
	1		1	2,8									1	1,3
Неорнаментированный сосуд	14													
Всего	35	1	36	100	41	1	1	43	100	1	1	100	80	100
%	97,2	2,8	100		95,4	2,3	2,3	100		100	100			

одиначный зигзаг (см. рис. 82, 6). Выделяются два сосуда, на которых сочетается горизонтальное и вертикальное членение узора: венчик одного украшен горизонтальными линиями и горизонтальным зигзагом, тулово – разреженным вертикальным зигзагом (см. рис. 75, 1); у второго на шейке одиночный горизонтальный зигзаг, на тулове – разреженный вертикальный зигзаг, орнаментальные зоны шейки и тулова разделены желобком (см. рис. 97, 9).

Степень орнаментированности посуды группы несколько ниже, чем у остальных групп (см. табл. 37: по шейке, тулову, придонной части и дну соответственно 65,9; 50,0; 11,1; 2,8 %).

Группа 4 (9 экз., 2,1 %). Посуда данной группы обнаружена в 6 оградах могильника Майтан, в жертвенниках (см. рис. 7, 13; 20, 10, 12; 43, 6; 75, 8; 102, 5), детских (см. рис. 43, 1; 47, 13) и женском (см. рис. 12, 8) захоронениях. Емкости, относящиеся к открытым формам, имеют тулово, плавно сужающееся ко дну. Внешняя поверхность гладкая, на внутренней чаще наблюдаются следы заглаживания. Сосуды диаметром 9–15 см, единична емкость диаметром 22 см. Высота изделий близка или чуть меньше диаметра горловины. Основная часть сосудов имеет стенки толщиной 7–9 мм, днища по толщине близки к стенкам – в пределах 6–12 мм (см. табл. 37).

Большинство сосудов не орнаментированы (см. рис. 20, 10, 12; 43, 1, 6; 47, 13). Узор размещен на шейке и в верхней части тулова, как исключение – у дна (см. табл. 38; рис. 131). Преобладает резная техника орнаментации, вдавления единичны (табл. 42).

По шейке – тулову нанесены горизонтальные линии в сочетании с треугольниками вершинами вниз (см. рис. 7, 13), горизонтальным зигзагом (см. рис. 12, 8) и треугольными оттисками, выполненными уголком палочки (рис. 78, 8). Сложный геометрический орнамент встречен только на одном сосуде – шейка украшена «змейкой» из горизонтально поставленных и смещенных относительно друг друга трех заштрихованных прямоугольников (см. рис. 102, 5).

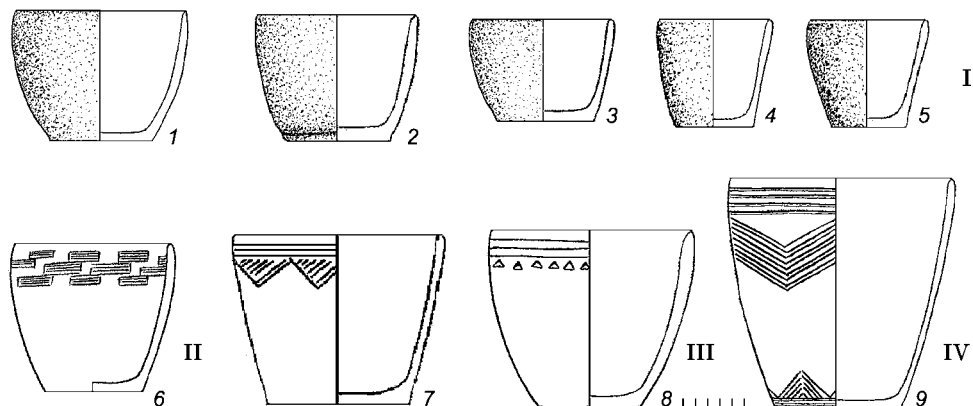

Рис. 131. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–IV, см. табл. 38) на посуде баночной формы (группа 4).

1–3 – ограда 18; 4–5 – ограда 7; 6 – ограда 37; 8 – ограда 29; 9 – ограда 5

Банки. Группа 4.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(9 экз.)

Элементы узора	Шейка			Тулово				Придонная часть			Итого		
	Техника выполнения											Кол-во	%
	Резной	Кол-во	%	Резной	Вдавления	Кол-во	%	Резной	Кол-во	%			
								1	1	50	1	10	
	2	2	40								2	20	
	1	1	20								1	10	
	1	1	20	1		1	33,3				2	20	
				1		1	33,3				1	10	
								1	1	50	1	10	
	1	1	20								1	10	
					1	1	33,3				1	10	
Неорнаментированный сосуд	5												
Всего	5	5	100	2	1	3	100	2		2	10	100	
%	100	100		66,7	33,3	100		100		100	100		

В придонной части отмечено сочетание горизонтальных линий и равнобедренных треугольников с разнонаправленной заштриховкой (см. рис. 12, 8). Степень орнаментированности посуды достаточно низкая (см. табл. 37: по шейке, тулову и придонной части соответственно 44,4; 33,3; 11,1 %).

Группа 5 (2 экз., 0,2 %). Посуда данной группы обнаружена в 2 оградах могильника, сопровождала в одном случае взрослого мужчину (см. рис. 92, 4), в другом – взрослую женщину (см. рис. 110, 4). Банки высоких, стройных пропорций по своим морфологическим особенностям относятся к открытым формам, с округло-уплощенным, слегка отогнутым наружу венчиком. Типологически данные емкости отличаются наличием в верхней части тулова небольших симметрично расположенных округлых ручек с овальными отверстиями. Одна банка имеет следующие параметры: диаметр горловины 11 см, высота 12 см, диаметр дна 9 см (см. рис. 92, 4); вторая – диаметр 14 см, высота 12 см, диаметр дна 9 см (см. рис. 110, 4). Внешняя поверхность гладкая, на внутренней у второй емкости прослежены следы затертости. Толщина стенок 7–10 мм, днища – у одной 7 мм, у второй 15 мм (см. табл. 37).

Орнаментированы шейка и верхняя часть тулова (см. табл. 38; рис. 132, 1, 2); узор выполнен резной техникой и протаскиванием (табл. 43). Один сосуд украшен двумя желобками по шейке, подчеркнутыми по тулову резной горизонтальной линией, ниже которой расположен ряд заштрихованных треуголь-

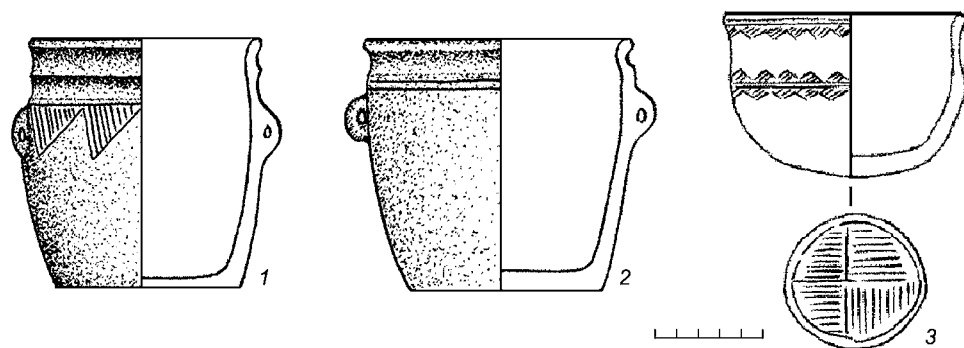

Рис. 132. Могильник Майтан. Схемы распределения узора на посуде баночной формы (1, 2 – группа 5; 3 – группа 6).

1 – ограда 34; 2 – ограда 40; 3 – ограда 41

ников (см. рис. 92, 4); второй – одиночным желобком по шейке, подчеркнутым по тулову двумя горизонтальными резными линиями (см. рис. 110, 4).

Аналог известен в одном из захоронений нуртайского могильника Бозенген (кург. 8, мог. 1): молодого мужчину сопровождал баночный сосуд высоких пропорций на поддоне, украшенный под венчиком желобком, с двумя ручками на тулове [Ткачев, 2002а, с. 207, рис. 100, 8]. Другой сосуд обнаружен на поселении Икпень III – неорнаментированная банка закрытой формы с двумя ручками стояла у края котлована нуринаского жилища 4 [Там же, с. 100, рис. 35, 8]. Из могильника Беласар (огр. 5, мог. 7) происходит сопровождавшая ребенка округлая плошка с одной уплощенной ручкой, закрепленной сбоку в средней части тулова [Маргулан и др., 1966, с. 42, рис. 19]. Таким образом, посуда с ручками не характерна для погребальных и поселенческих комплексов бронзового века Центрального Казахстана.

Таблица 43

Банки. Группа 5.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(2 экз.)

Элементы узора	Шейка			Тулово			Итого	
	Техника выполнения							
	Протаскивание	Кол-во	%	Резной	Кол-во	%	Кол-во	%
				1	1	33,3	1	20
				1	1	33,3	1	20
	1	1	50				1	20
	1	1	50				1	20
				1	1	33,4	1	20
Всего	2	2	100	3	3	100	5	100
%	100	100		100	100		100	

Группа 6 (1 экз., 0,5 %). Единственный сосуд, обнаруженный в захоронении младенца (огр. 41А, мог. 2). Типологически он близок к банкам с намеченной шейкой, но, в отличие от последних, имеет округлое дно; диаметр по венчику 11 см, высота 8,3 см (см. рис. 112, 8). Данная емкость имеет округлую слегка отогнутую наружу шейку, плавно переходящую в слегка раздутое тулово с максимальным расширением в средней части и плавным переходом в округлоуплощенное дно. Поверхность гладкая, толщина стенок 5–6 мм, толщина днища 16 мм (см. табл. 37). Прослеживается трехзональное размещение узора – на шейке, тулове и округлом дне (см. табл. 38; рис. 132, 3), выполненного резной техникой (табл. 44).

Под срезом венчика нанесены две горизонтальные линии и заштрихованные равнобедренные треугольники вершинами вниз; тулово украшено двумя горизонтальными линиями, дополненными заштрихованными равнобедренными треугольниками вершинами вверх и вниз. Орнаментальные зоны шейки и тулова разделяет широкая неорнаментированная полоса. Округлое дно обрамлено резным кругом, внутри которого расположен одинарный крест со сплошной разнонаправленной штриховкой секторов (рис. 132, 3). Аналогов данному сосуду в комплексах бронзового века Центрального Казахстана не известно.

II тип. Переходные горшечно-баночные формы представлены 67 сосудами (15,7 % керамического комплекса могильника Майтан), которые по морфологическим и орнаментальным особенностям можно разделить на две группы (см. табл. 35, 36).

Группа 1 (44 экз., 10,2 %). Посуда данной группы присутствует в 20 оградках могильника (см. табл. 35). Половина сосудов использовалась для размещения в жертвенниках поминальной пищи (см. рис. 12, 5; 23, 4; 25, 2, 10; и др.), остальные сопровождали погребения всех половозрастных групп: детей (см. рис. 17, 8; 23, 1), мужчин (см. рис. 5, 3; 80, 14; 92, 5), женщин (см. рис. 7, 20; 28, 10; 37, 6; 62, 9, 13; 107, 5, 9; 110, 3, 2), парные разнополюе захоронения (см. рис. 7, 9, 12; 25, 4; 40, 1; 82, 18); единично отмечена в парных захоронениях мужчины (см. рис. 50, 2) и женщины (см. рис. 40, 9) с детьми.

Таблица 44

Банки. Группа 6.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(1 экз.)

Элементы узора	Шейка			Тулово			Итого	
	Техника выполнения							
	Резной	Кол-во	%	Резной	Кол-во	%	Кол-во	%
	1	1	50	1	33,3	1	2	40
				1	33,3	1	1	20
	1	1	50	1	33,4	1	2	40
Всего	2	2	100	3	100	3	5	100
%	100	100		100			100	

В поминальных комплексах и детских захоронениях присутствовали сосуды небольших и средних размеров, крупные емкости обычно сопровождали парные и одиночные захоронения взрослых. Единственным исключением является крупный сосуд, обнаруженный в поминальном комплексе (см. рис. 108, 8). Крупные черепки использовали в качестве крышек жертвенных сосудов (см. рис. 20, 11, 13; 60, 13).

Характерным признаком сосудов данной группы, близких посуде баночного типа, является орнаментация горизонтальными желобками по венчику, которые выделяют орнаментальную зону шейки, и вместе с тем – слабо выраженное слегка раздутое тулово. Преобладает посуда небольших (диаметр по венчику 9–15 см) и средних (диаметр 16–24 см) размеров при достаточно широком представительстве сосудов большого диаметра (25–31 см), с гладкой поверхностью, округлым или уплощенным срезом венчика. В большинстве случаев диаметр горловины изделия совпадает с высотой. В комплексе присутствует небольшая серия сосудов, у которых высота несколько больше диаметра горловины, что придает стройность их пропорциям (табл. 45).

Таблица 45

Суммарная характеристика горшечно-баночной посуды*

Показатель	1 (44 экз.)		2 (23 экз.)		Итого (67 экз.)	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	2	3	4	5	6	7
1. Обработка поверхности						
а) наружной						
гладкая	39	88,6	19	82,6	58	86,7
штриховка	5	11,4	4	17,4	9	13,4
б) внутренней						
гладкая	28	63,6	16	69,6	44	65,7
штриховка	16	36,4	7	30,4	23	34,3
2. Форма венчика						
округлый	30	68,2	14	60,9	44	65,7
уплощенный	11	25,0	5	21,7	16	23,9
приостренный	3	6,8	4	17,4	7	10,4
3. Диаметр по венчику, см						
9–10	1	2,3	1	4,3	2	2,9
11–15	15	34,1	5	21,7	20	29,9
16–25	11	25,00	8	34,8	19	28,4
26–31	17	38,6	9	39,2	26	38,8
4. Высота сосуда, см						
6–8	1	2,3			1	1,6
9–10	4	9,1			4	5,9
11–15	11	25,0	6	26,1	17	25,4
16–20	4	9,1	3	13,0	7	10,4
21–32	8	18,2	5	21,7	13	19,4
не определена	16	36,3	9	39,2	25	37,3

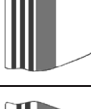
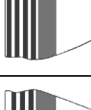
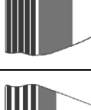

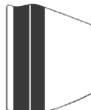

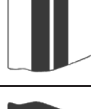
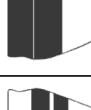

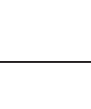
1	2	3	4	5	6	7
5. Диаметр дна, см						
6–8	12	27,4	3	13,0	15	22,4
9–10	6	13,6	4	17,4	10	14,9
11–19	10	22,7	7	30,4	17	25,4
не определен	16	36,3	9	39,2	25	37,3
6. Толщина, мм						
а) шейки						
3–5	2	4,5	1	4,3	3	4,5
6–8	35	79,6	16	69,6	51	76,1
свыше 8	7	15,9	6	26,1	13	19,4
б) стенки						
3–5	27	61,4	12	52,2	39	58,2
6–8	13	29,5	10	43,5	23	34,3
9–10	4	9,1	1	4,3	5	7,5
в) днища						
6–8	6	13,6	1	4,3	7	10,4
9–10	14	31,9	5	21,7	19	28,4
11–16	8	18,2	8	34,8	16	23,9
не определена	16	36,3	9	39,2	25	37,3
7. Степень орнаментированности						
шейки	44	100	14	60,9	58	86,6
тулова	18	40,9	16	69,6	34	50,7
придонной части			1	7,1	1	2,4
дна			1	7,1	1	2,4

* Группа: 1 – горшечно-баночные сосуды, украшенные желобчатым орнаментом; 2 – слабопрофилированные горшечно-баночные сосуды.

Характерно горизонтальное зонирование орнамента по шейке, шейке – тулову и всей поверхности сосуда (табл. 46; рис. 133). Достаточно бедные и однообразные орнаментальные композиции выполнены каннелированием и нарезкой (табл. 47). Значительная часть посуды данной группы украшена одним (см. рис. 5, 3), двумя (см. рис. 17, 8; 23, 4; 25, 2, 10; 28, 10; 47, 4; 50, 2; 60, 4, 6, 10; 62, 13; 102, 7; 107, 9) или тремя (см. рис. 7, 9, 20; 12, 5; 25, 1; 46, 4; 82, 18; 92, 5; 107, 5; 110, 2, 3) желобками.

Под желобками по тулову встречаются зигзаги (см. рис. 12, 3; 40, 9; 75, 12; 80, 14; 84, 11), «ёлочка» (см. рис. 32, 11; 60, 13; 73, 18), треугольные оттиски (см. рис. 67, 2; 75, 3). Два сосуда украшены четырьмя желобками по шейке, под которыми по тулову нанесен «косой» зигзаг (см. рис. 37, 6), и сочетанием зигзага и линии из разомкнутых треугольников (см. рис. 108, 8). Выделяются два сосуда, украшенные по шейке тремя желобками и по тулову сплошным узором в виде горизонтальной «ёлочки» (см. рис. 25, 4; 32, 12).

Зональность орнамента на сосудах горшечно-баночного типа

Горшечно-баночные сосуды с желобчатой орнаментацией										Всего
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
										
1	14	11	2	6	1	4	2	1	2	44
2,3	31,9	25,0	4,5	13,6	2,3	9,1	4,5	2,3	4,5	65,7
Слабопрофилированные горшечно-баночные сосуды										
										
5	1	1	1	3	1	1	10			23
21,8	4,3	4,3	4,3	13,1	4,3	4,3	43,6			34,3
Итого										67

* Черным цветом показаны желобки; серым – другие орнаментальные мотивы.

Примечание. Первый показатель – количество, второй – процент.

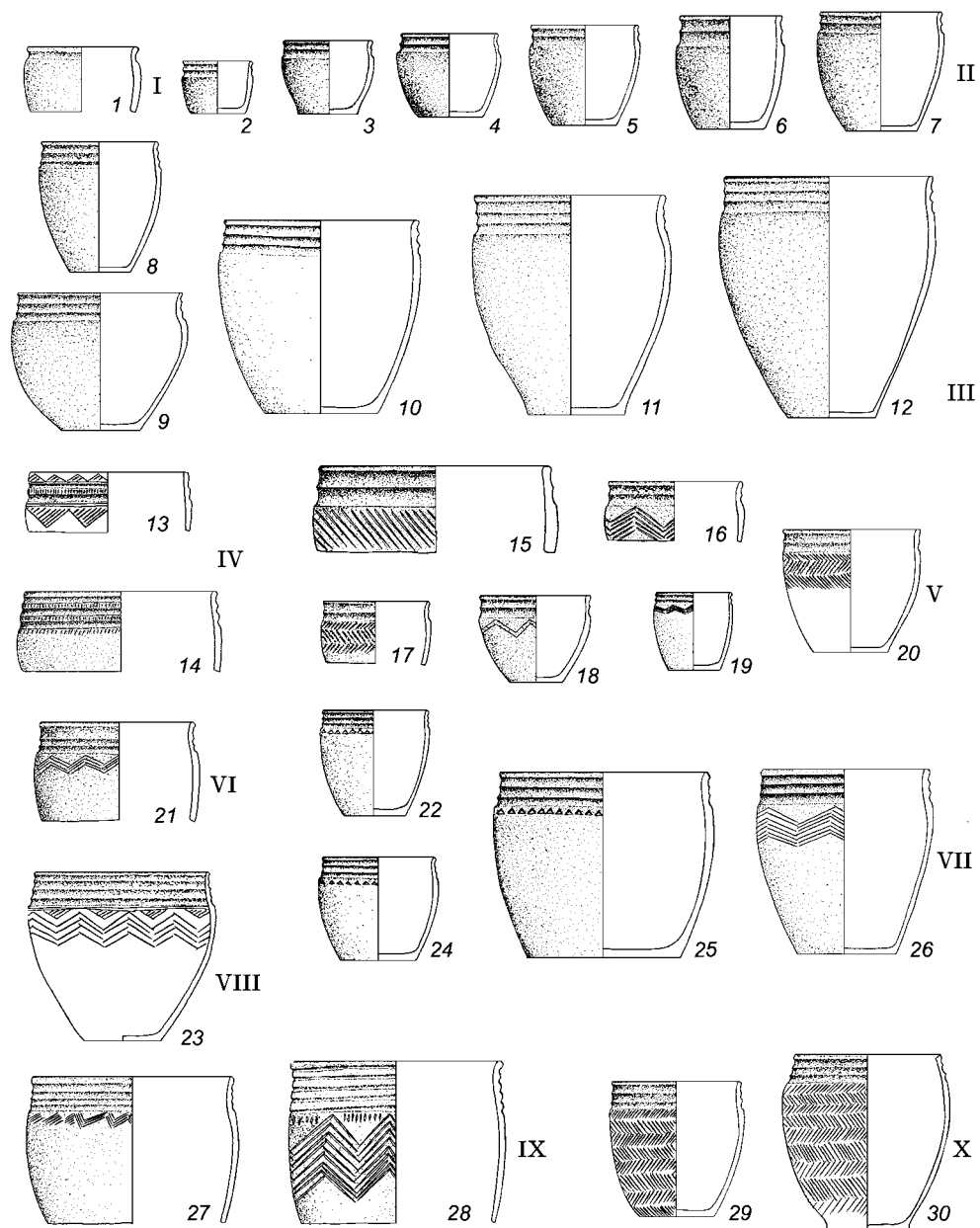

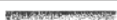

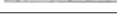

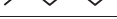

Рис. 133. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–X, см. табл. 46) на посуде горшечно-баночной формы (группа 1).

1 – ограда 1; 2, 30 – ограда 8; 3, 24, 25 – ограда 25; 4, 14, 15 – ограда 23; 5 – курган 6; 6 – ограда 37; 7, 9, 11, 12, 23 – ограда 40; 8, 13 – ограда 2; 10 – ограда 18; 16 – ограда 5; 17 – ограда 28; 18 – ограда 30; 19, 22, 26 – ограда 29; 20, 29 – ограда 13; 21, 28 – ограда 17; 27 – ограда 15 (масштаб не соблюден)

Горшечно-баночные сосуды. Группа 1.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(44 экз.)

Элементы узора	Шейка				Тулово					Итого	
	Техника выполнения									Кол-во	%
	Резной	Протаскивание	Кол-во	%	Резной	Протаскивание	Давления	Кол-во	%		
	1		1	1,8						1	1,3
					2			2	8,7	2	2,6
		11	11	19,9						11	14,1
		21	21	38,3		1		1	4,3	22	28,1
		16	16	29,1						16	20,4
		2	2	3,6						2	2,6
	3		3	5,5						3	3,8
					1			1	4,3	1	1,3
					1			1	4,3	1	1,3
					1			1	4,3	1	1,3
	1		1	1,8						1	1,3
					1			1	4,3	1	1,3
					1			1	4,3	1	1,3
					1			1	4,3	1	1,3
					3			3	13,3	3	3,8
					1			1	4,3	1	1,3
					2			2	8,7	2	2,6
					1			1	4,3	1	1,3
					1			1	4,3	1	1,3
					1			1	4,3	1	1,3
					2			2	8,7	2	2,6
							3	3	13,3	3	3,8
Всего	5	50	55	100	19	1	3	23	100	78	100
%	9,1	90,9	100		82,6	4,3	13,1	100			

От общего орнаментального стиля, характерного для данной группы посуды, отличается декор трех сосудов. Они украшены по шейке несомкнутыми желобками, пространство между которыми заполнено узором. Верхний и нижний желобок одного сосуда подчеркнуты одной (над желобками) и двумя (под желобками) горизонтальными линиями; вдоль среза венчика и по тулову нанесены ряды треугольников вершинами вверх и вниз; свободное пространство между желобками покрывают вертикальные насечки (см. рис. 7, 12). Шейка второго сосуда украшена тремя желобками, пространство между которыми заполнено вертикальными линиями; под нижним желобком по тулову нанесены короткие наклонные линии (см. рис. 62, 9). Третий сосуд – с пятью узкими смещенными желобками на шейке, широким горизонтальным зигзагом на тулове, с дополнительной заштриховкой треугольного поля под желобком короткими рядами вертикальных линий, выполненных оттисками гладкого штампа (см. рис. 40, 1).

Степень орнаментированности высокая: в зоне шейки – 100 %, тулова – 40,9 %, орнаментация в придонной части не отмечена (см. табл. 43).

Группа 2 (23 экз., 5,8 %). Посуда данной группы обнаружена в 15 оградах могильника (см. табл. 35). Незначительная часть емкостей данной группы использовались для размещения в жертвенниках поминальной пищи (см. рис. 8, 2; 10, 14; 40, 10; 120, 4) или – обломки – в качестве крышки жертвенного сосуда (см. рис. 23, 13). Один из сосудов сопровождал захоронение, совершенное по обряду кремации (см. рис. 7, 17); остальные емкости обнаружены в могилах с труположением: это погребения детей (см. рис. 10, 15, 16; 25, 11; 43, 11, 16) и взрослых (см. рис. 20, 9, 15, 16), мужчин (см. рис. 62, 12; 78, 9; 72, 10) и женщин (см. рис. 53, 5), парные разнополые (см. рис. 25, 13; 28, 17; 37, 5; 82, 12) и детские групповые (см. рис. 62, 5) захоронения. Для поминальных комплексов и детских захоронений использовались сосуды небольших и средних размеров; более крупные емкости обычно сопровождали захоронения взрослых.

Характерным признаком посуды данной группы, занимающей промежуточное положение между баночными и горшечными емкостями, является наличие хорошо выделенной невысокой короткой прямой или отогнутой наружу шейки, плавно переходящей в умеренно раздутое тулово, максимальное расширение которого отмечается в верхней части сосуда, с постепенным пологим понижением к широкому дну. Срез венчика округлый, уплощенный или изредка приостренный; поверхность сосудов гладкая, на части изделий фиксируются следы затертости. Преобладает посуда средних размеров, диаметром горловины 14–21 см, но довольно много изделий с диаметром горловины 23–31 см; толщина стенок 7–9 мм. Диаметр по венчику чуть меньше или в основном совпадает с высотой при наличии отдельных сосудов высоких и стройных пропорций (см. табл. 45).

Преобладает сплошное орнаментальное поле по шейке – тулову, где в качестве разделителя орнаментальных зон выступают горизонтальные линии, исключением является орнаментация придонной части и дна (табл. 46; рис. 134). Господствует гладкий штамп и резная техника нанесения узора, единичны

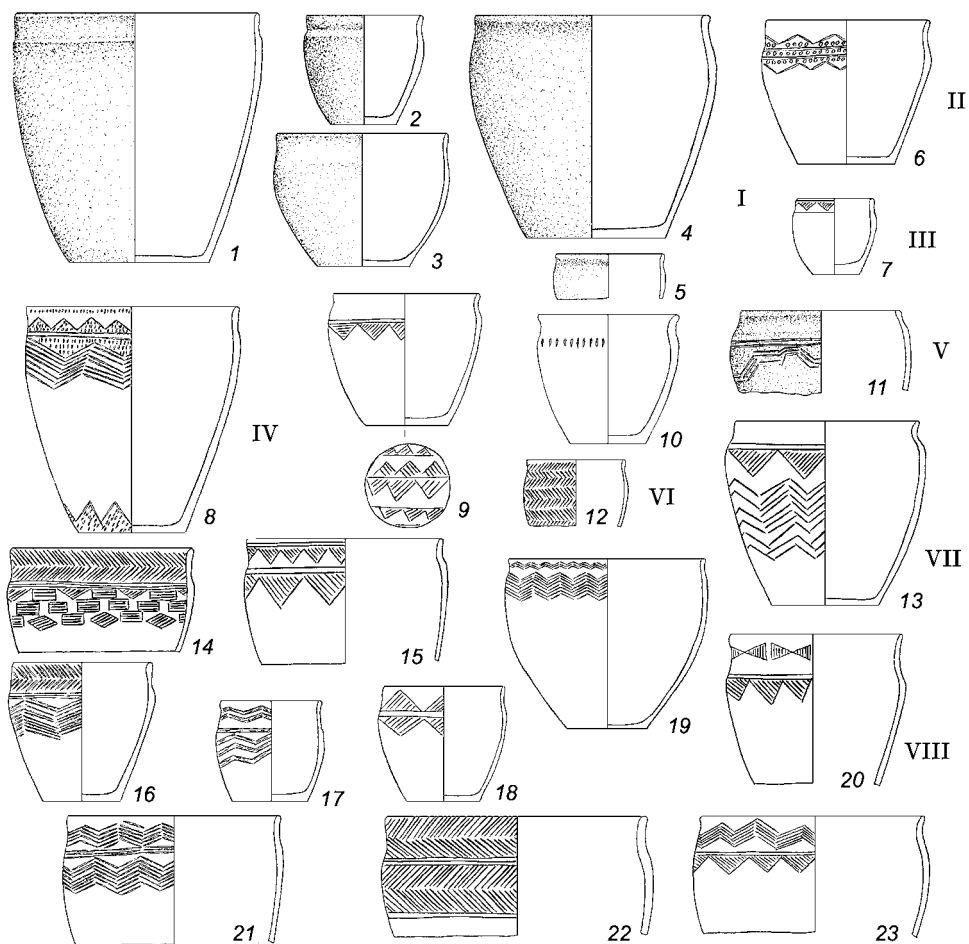

Рис. 134. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–VIII, см. табл. 46) на посуде горшечно-баночной формы (группа 2).

1, 8, 21 – ограда 7; 2, 13 – ограда 18; 3, 19, 23 – ограда 8; 4 – ограда 29; 5, 18 – ограда 23; 6, 14, 20 – ограда 4; 7 – ограда 2; 9 – ограда 22; 10 – ограда 50; 11 – ограда 17; 12 – ограда 46; 15 – ограда 10; 16 – ограда 15; 17 – ограда 3; 22 – ограда 36 (масштаб не соблюден)

вдавления и протасенная гребенка (табл. 48). Неорнаментированных изделий немного (см. рис. 20, 9; 25, 1; 43, 11; 78, 9; 62, 5). У нескольких сосудов орнаментированы только шейка (см. рис. 8, 17) или тулово (см. рис. 40, 10; 43, 16; 53, 5; 120, 4)

В данной группе присутствует единственный сосуд, выделяющийся из всего керамического комплекса могильника Майтан техникой нанесения узора. Орнамент данной емкости, обнаруженной в поминальном комплексе, выполнен четырехзубой протасенной гребенкой – это двойной горизонтальный зигзаг по шейке, горизонтальная полоса между зонами шейки и тулова, тройной зигзаг по тулову (см. рис. 8, 2). На одном сосуде отмечено сочетание резной

Горшечно-баночные сосуды. Группа 2.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(23 экз.)

Элементы узора	Шейка					Тулово					Придонная часть			Итого	
	Техника выполнения														
	Резной	Протоцанная гребенка	Резной – вдавление	Кол-во	%	Резной	Протоцанная гребенка	Резной – вдавление	Кол-во	%	Резной	Кол-во	%	Кол-во	%
	1			1	5,9	1			1	2,7				2	3,6
	1			1	5,9	9			9	24,4				10	18,1
						4			4	10,8				4	7,3
							1		1	2,7				1	1,8
	1			1	5,9									1	1,8
	2			2	11,8	5			5	13,5				7	12,9
	1			1	5,9						1	1		2	3,6
						1			1	2,7				1	1,8
						1			1	2,7				1	1,8
			1	1	5,9									1	1,8
							1		1	2,7				1	1,8
	1			1	5,9									1	1,8
						1			1	2,7				1	1,8
	1			1	5,9									1	1,8
	2	2		4	23,3		3		3	8,1				7	12,9
						5			5	13,5				5	9,1
	2			2	11,8									2	3,6
	2			2	11,8	1			1	2,7				3	5,5
						1			1	2,7				1	1,8
								1	1	2,7				1	1,8
						1			1	2,7				1	1,8
						1			1	2,7				1	1,8
Неорнаментированный сосуд	5														
Всего	14	2	1	17	100	31	4	2	37	100	1	1	100	55	100
%	82,3	11,8	5,9	100		83,8	10,8	5,4	100		100	100			

техники и вдавлений, выполненных овальной палочкой (см. рис. 10, 14). Исключением является и полная орнаментация внешней поверхности одного сосуда, украшенного горизонтальной «ёлочкой» (см. рис. 82, 12).

Для орнаментальной зоны шейки характерны треугольники (см. рис. 7, 17; 20, 15; 28, 17; 62, 12), «бантики» из треугольников (рис. 10, 16), горизонтальная «ёлочка» (см. рис. 10, 15; 37, 5; 98, 10) и зигзаг (см. рис. 8, 2; 20, 16; 23, 13; 25, 13), дополненный в одном случае вдавлениями (см. рис. 10, 14). В орнаментации тулова преобладает аналогичный орнаментальный набор: зигзаги (см. рис. 10, 2; 20, 16; 25, 13; 37, 5), треугольники (см. рис. 10, 16; 23, 13; 28, 17; 53, 5; 62, 12), горизонтальная «ёлочка» (см. рис. 98, 10). Отмечено сочетание зигзага с овальными вдавлениями (см. рис. 10, 14), зигзага с треугольниками (см. рис. 43, 16), зигзага с заполнением насечками треугольного поля между вершинами (см. рис. 20, 15).

Выделяются несколько сосудов, орнаментальный стиль которых не характерен для посуды горшечно-баночного типа: тулово одного сосуда украшено асимметричными пирамидками (см. рис. 41, 10); на тулове другого нанесена сложная композиция из пирамидок, образованных смещенными прямоугольниками, в верхнее пространство между их вершинами вписаны равнобедренные треугольники, в нижнее – ромбы (рис. 10, 15).

Единично отмечена орнаментация придонной части сосуда равнобедренными резными треугольниками, внутреннее пространство которых заполнено рядами наклонных насечек (см. рис. 20, 15). Как исключение можно рассматривать и наличие узора на дне – орнаментальное поле разделено горизонтальной линией на две неравные части, по обеим сторонам ее нанесены по два ряда треугольников с вершинами, направленными в противоположные стороны; более крупный сектор замкнут горизонтальной линией, нанесенной вдоль края дна (см. рис. 53, 5). Степень орнаментированности посуды данной группы достаточно низкая (см. табл. 45: по основным орнаментальным зонам – шейке, тулову, придонной части и дну соответственно 60, 9; 69,9; 7,1; 7,1 %).

III тип. Объединяет посуду горшечных форм – 238 сосудов (55,9 %, керамического комплекса могильника Майтан), среди которых по морфологическим особенностям можно выделить 5 групп (см. табл. 35).

Группа 1 (51 экз., 12,1 %). Посуда данной группы обнаружена в 29 оградах могильника (табл. 35). Третья часть емкостей найдена в поминальных комплексах, где использовалась для размещения заупокойной пищи в жертвенниках (см. рис. 26, 4; 28, 6; 47, 8; 92, 6; и др.). Достаточно часто сосуды данной группы сопровождали захоронения детей (см. рис. 17, 7; 43, 10, 14; и др.), значительно реже отмечены в могилах с одиночными захоронениями мужчин (см. рис. 8, 3; 10, 13; 85, 4; 92, 8; 94, 3) и женщин (см. рис. 62, 11; 65, 11; 78, 2; 88, 8, 12; 104, 17), парных разнополых (см. рис. 17, 1; 25, 3; 120, 2, 7), однополых (см. рис. 78, 3, 8) и групповых (см. рис. 23, 9) погребениях. Как исключение посуду данной группы можно отметить в захоронениях женщин с детьми (см. рис. 62, 2, 14), мужском кенотафе (рис. 108, 4) и в погребении, совершенном по обряду кремации (см. рис. 37, 11; 107, 1). Кроме того, крупные обломки емкостей данной группы иногда использовались в качестве крышек сосудов (см. рис. 82, 17; 112, 3). В жертвенниках и детских захоронениях встречены

в основном сосуды небольших и, как исключение, средних размеров. Емкости средних и крупных размеров обычно сопровождали парные, одиночные и групповые погребения взрослых и женщин с детьми.

Характерным признаком посуды данной группы является острореберная профилировка при переходе шейки в тулово. Перегиб ребра расположен в верхней трети или четверти сосуда. Большинство изделий имеют невысокую прямую или слегка отогнутую наружу шейку. Максимальная ширина тулова, как правило, на уровне ребра. Преобладают сосуды с гладкой поверхностью и округлым венчиком. Керамические емкости имеют устойчивое дно, диаметр которого составляет обычно половину диаметра горловины. Преобладают сосуды диаметром по венчику 11–15 см, несколько меньше емкостей средних размеров, диаметром 16–25 см, изделия больше или меньше указанных параметров представляют исключение (табл. 49). Высота обычно чуть больше диаметра горловины, что придает стройность пропорциям. Отмечен один сосуд высоких пропорций (см. рис. 97, 6), встречены и приземистые емкости (см. рис. 43, 14; 116, 21). Кроме острореберности, посуду данной группы характеризуют такие морфологические признаки, как сформованные (см. рис. 8, 3; 17, 1; 25, 3; 40, 7; и др.), реже – наlepные (см. рис. 43, 10; 47, 8; и др.) треугольные в сечении валики, подчеркивающие прогиб шейки; «воротники» (см. рис. 37, 11; 85, 4) (образован в одном случае широким желобком (см. рис. 94, 3)); поддоны (см. рис. 23, 9; 40, 7; 62, 2). Необходимо отметить, что способ выполнения валика зависел от размера емкости: на небольших сосудах валик обычно наlepной, на средних и крупных – формованный, который напоминает скорее небольшой треугольный или овальный выступ, расположен он обычно чуть выше середины шейки.

Характерно зонирование орнамента по шейке, шейке – тулову, тулову, придонной части и дну (табл. 50; рис. 135). Господствует резная техника нанесения узора и гладкий штамп, единичны вдавления, гребенка и желобки (табл. 51). Не орнаментировано 9,6 % посуды (см. рис. 17, 7; 43, 14; 46, 7; 82, 17; 112, 3).

Наблюдается определенное единообразие орнаментальных схем, в частности, стандартный подход к орнаментации шейки, которая обычно украшена одно- или двурядным бордюром. В одном случае орнаментальная композиция покрывает всю поверхность шейки (см. рис. 53, 4; 62, 2; 68, 6; 78, 8; 88, 8) или занимает ее верхнюю (см. рис. 92, 6) или нижнюю части (см. рис. 28, 6; 53, неорнаментированный участок имеется вдоль среза венчика (см. рис. 28, 6; 80, 4; 92, 6) или наблюдается своеобразная свободная неорнаментированная зона по основанию шейки (см. рис. 92, 6; 94, 3). В другом случае орнаментальные композиции покрывают верхнюю и нижнюю части шейки, разделителями выступают валики (см. рис. 17, 1; 40, 7; 43, 10; 47, 8; и др.) или горизонтальные линии (см. рис. 62, 14; 78, 3; 120, 2, 7). При этом отмечено сочетание валика с горизонтальными линиями (см. рис. 8, 3); валик, подчеркнутый горизонтальными линиями, дополнительно орнаментирован вертикальными насечками (см. рис. 104, 17); «воротничок» в качестве разделителя (рис. 85, 4). Как исключение, встречена «ломаная» неорнаментированная полоса в нижней части шейки (рис. 17, 1; 104, 17).

Суммарная характеристика горшечной посуды*

Показатели	1 (51 экз.)		2 (49 экз.)		3 (95 экз.)		4 (39 экз.)		5 (4 экз.)		Итого (238 экз.)	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1. Обработка поверхности												
а) наружной												
лощение	1	1,9	5	10,2	4	4,2	3	7,7	3	75,0	16	6,7
гладкая	45	88,2	40	81,6	84	88,5	34	87,2	1	25,0	204	85,7
штриховка	5	9,9	4	8,2	7	7,3	2	5,1			18	7,6
б) внутренней												
гладкая	38	74,5	41	83,7	74	77,9	32	82,1	1	25,0	186	78,2
штриховка	13	25,5	8	16,3	21	22,1	7	17,9	3	75,0	52	21,8
2. Форма венчика												
округлый	36	70,5	33	67,4	64	67,4	32	82,1	4	100	169	71,2
уплощенный	4	7,8	3	6,1	6	6,3	5	12,8			18	7,6
приостренный	11	21,7	13	26,5	25	26,3	2	5,1			51	21,2
3. Диаметр по венчику, см												
8-10	1	1,9	1	2,1	8	8,4					10	4,2
11-15	28	54,9	13	26,6	33	34,8	22	56,4	3	75,0	99	41,6
16-25	16	30,4	23	46,9	36	37,9	11	28,2	1	25,0	87	36,6
26-33	6	11,8	12	24,4	18	18,9	6	15,4			42	17,6
4. Высота сосуда, см												
6-8	3	5,8									3	1,3
9-10	11	21,7	1	2,1	8	8,4	2	5,1	1	25,0	23	9,7
11-15	15	29,2	13	26,6	33	34,7	21	53,8	1	25,0	83	34,8
16-20	5	9,8	8	16,3	9	9,5	1	2,6	1	25,0	24	10,1
21-32	6	11,8	9	18,4	16	16,8	2	5,1			33	13,9
не определена	11	21,7	18	36,6	29	30,6	13	33,4	1	25,0	72	30,2

Зональность орнамента на сосудах горшечных форм

Острореберные горшки														
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	Всего
5	3	1	10	2	1	1	12	1	2	6	5	1	1	51
9,8	5,8	1,9	19,8	3,9	1,9	1,9	23,8	1,9	3,9	11,8	9,8	1,9	1,9	21,7
Горшки с уступчиком														
9	27	1	1	2	1	3	4	1						49
18,2	55,1	2,1	2,1	4,1	2,1	6,1	8,1	2,1						20,5
Горшки с уступ-ребром														
3	1	3	23	41	6	3	4	8	2	1				95
3,2	1,1	3,2	24,2	43,9	6,3	3,2	4,2	8,4	2,1	1,1				39,9
Горшки с плавным профилем														
3	16	1	12	1	2	1	3							39
7,7	41,1	2,6	30,6	2,6	5,1	2,6	7,7							16,2
Вазовидные сосуды														
1	1	1	1											4
25,0	25,0	25,0	25,0											1,7
Итого														240

Примечание. Первый показатель – количество, второй – процент.

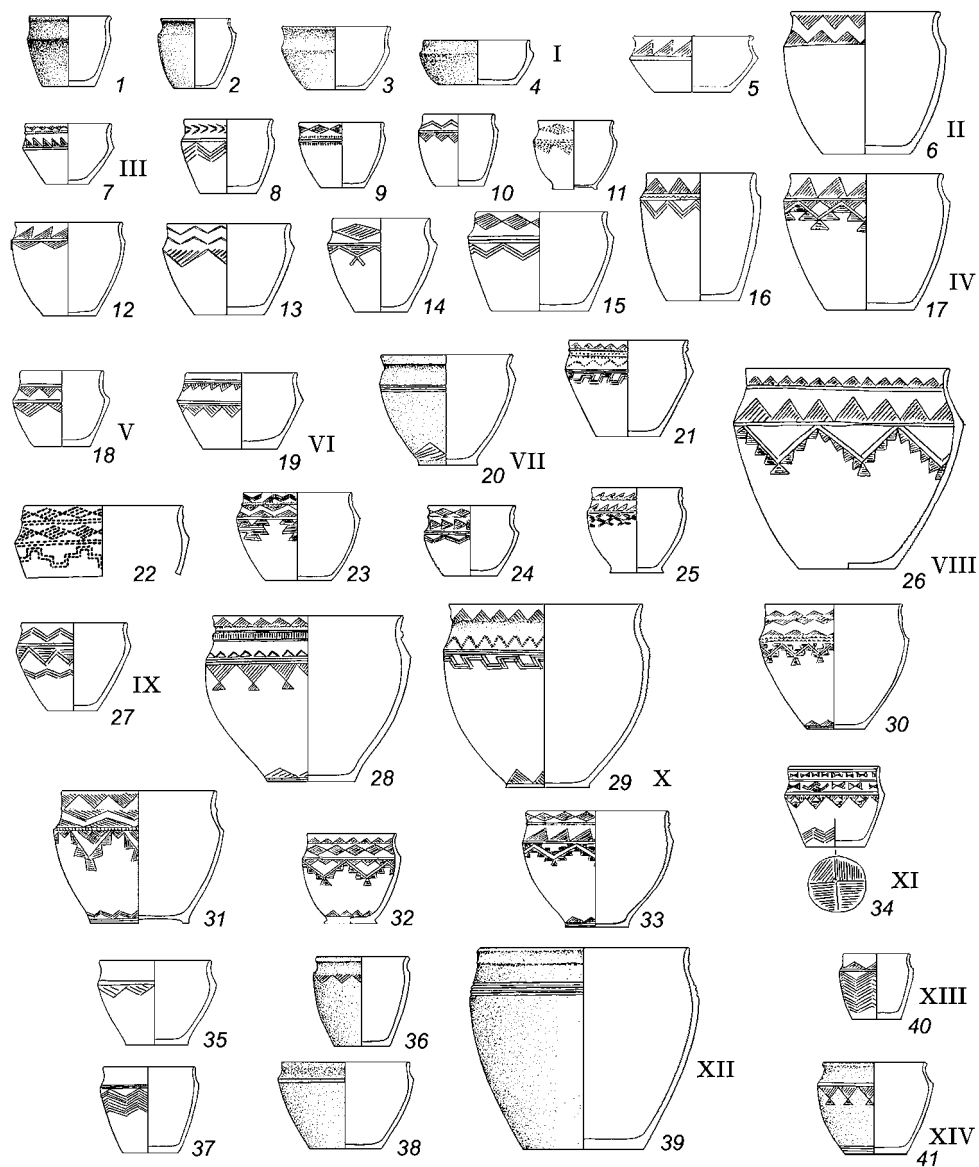

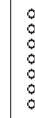

Рис. 135. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–XIV, см. табл. 50) на острорезерной посуде (группа 1).

1 – ограда 5; 2 – ограда 46; 3 – ограда 41; 4, 7, 9, 21, 27, 36 – ограда 18; 5 – ограда 44; 6, 10 – ограда 24; 8 – ограда 26; 11, 24, 25 – ограда 23; 12 – ограда 42; 13 – ограда 32; 14, 23, 38 – ограда 29; 15 – ограда 39; 16 – ограда 36; 17, 32 – ограда 40; 18, 35 – ограда 22; 26 – ограда 50; 28 – ограда 38; 29 – ограда 48; 30 – ограда 8; 31 – ограда 17; 19, 33 – ограда 34; 20 – ограда 35; 22 – ограда 3; 34 – ограда 9; 37 – ограда 45; 39 – ограда 15; 40 – ограда 10; 41 – ограда 33 (масштаб не соблюден)

**Острореберные горшки. Группа 1.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(52 экз.)**

Элементы узора	Шейка					Тулово							Придонная часть		Итого		
	Резной	Гребенчатый	Протаскивание	Вдавливание	Кол-во	%	Резной	Гребенчатый	Протаскивание	Вдавливание	Кол-во	%	Резной	Кол-во	%	Кол-во	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	3				3	3,8	2				2	2,5	2	2	13,4	7	4,2
	6	3			9	11,5	22	3			25	31,2	3	3	19,9	37	21,6
	2				2	2,6	10				10	12,4	2	2	13,4	14	8,2
							2				2	2,5				2	1,1
			1		1	1,3										1	0,6
									1		1	1,3				1	0,6
	1				1	1,3	1				1	1,3				2	1,1
	1				1	1,3										1	0,6
	8	1			9	11,5							6		39,9	15	8,7
	4				4	5,1	6			6	7,7					10	5,8
	2				2	2,6										2	1,1
	1				1	1,3										1	0,6
	4				4	5,1										4	2,3
							1				1	1,3				1	0,6

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1																	
							2				2	2,5				2	1,1
							1				1	1,3				1	0,6
							1				1	1,3				1	0,6
							1				1	1,3				1	0,6
								1			1	1,3				1	0,6
							1				1	1,3				1	0,6
							1				1	1,3				1	0,6
								1			1	1,3				1	0,6
											1	1,3				1	0,6
											1	1,3				1	0,6
	1				1	1,3										1	0,6
	2				2	2,6										2	1,1
							1				1	1,3				1	0,6
				2	2	2,6										2	1,1
				1	1	1,3										1	0,6
										1	1	1,3				1	0,6
Валик	13																
Воротничок	3																
Неорнаментированный сосуд	5																
Всего	63	9	1	5	78	100	71	6	1	1	79	100	15	15	100	172	100
%	80,8	11,5	1,3	6,4	100		89,9	7,7	1,2	1,2	100		100				

В данной группе посуды есть емкости с полностью орнаментированной поверхностью (см. рис. 28, 6), орнаментированные только по шейке (см. рис. 47, 8; 78, 8), тулову (см. рис. 53, 4; 75, 4; 81, 4; 116, 21) в сочетании с придонной частью (см. рис. 90, 2).

Орнамент выполнен в основном резной техникой, и только три сосуда украшены крупно- (см. рис. 8, 3) и мелкогребенчатым штампом (см. рис. 62, 2, 14). На одном сосуде мелкогребенчатый штамп (шейка) сочетается с нарезкой (тулово) (см. рис. 120, 3); на другом нарезка сочетается с мелкими насечками (см. рис. 85, 4); на третьем – нарезка с мелкими вдавлениями и насечками (см. рис. 43, 10). Среди элементов узора преобладают разнообразные треугольники: равнобедренные (см. рис. 28, 6; 85, 4; 120, 7), «косые» (см. рис. 47, 8; 57, 12; 116, 21), разносторонние (см. рис. 107, 1), взаимопроникающие (см. рис. 40, 7; 62, 14; 58, 16; 78, 8; 120, 3), «взаимовоткнутые» (см. рис. 60, 15) «бантики» (см. рис. 26, 4), горизонтальная «ёлочка» (см. рис. 68, 6), зигзаг (см. рис. 46, 10; 65, 7; 78, 3), ромбы (см. рис. 8, 3; 17, 1; 62, 2; 78, 2; 88, 12; 105, 5; 120, 2), «уточки» (см. рис. 78, 3), меандр (см. рис. 26, 4; 120, 2). Орнаментальные зоны шейки и тулова обычно разделены горизонтальными линиями (см. рис. 8, 3; 17, 1; и др.), иногда с дополнительной вертикальной заштриховкой (см. рис. 40, 7) или мелким горизонтальным зигзагом (рис. 97, 6); как исключение отмечены горизонтальные ряды треугольных оттисков (см. рис. 25, 3) и узкие каннелюры (см. рис. 37, 11). В орнаментации тулова широко использовались треугольники вершинами вниз – равнобедренные (см. рис. 53, 8), разносторонние (см. рис. 62, 2), сдвоенные (см. рис. 90, 2; 104, 17), горизонтальные зигзаги (см. рис. 60, 15; 68, 6; 97, 6; 105, 5), фестоны из треугольников (см. рис. 17, 1; 23, 9; 25, 3; 120, 7; и др.), меандр (см. рис. 62, 11), «косые» (см. рис. 43, 10; 85, 4; 120, 3) и «пирамидки» (см. рис. 8, 3). Своеобразным элементом узора, характерным для майтанского орнаментального комплекса, являются горизонтально заштрихованные «подвешенные ёлочки» (см. рис. 80, 11).

Орнаментация в придонной части отмечена у 10 емкостей. Набор элементов орнамента и композиций невелик: горизонтальные линии (см. рис. 90, 2), горизонтальный зигзаг (см. рис. 26, 4) и равнобедренные треугольники вершинами вверх (см. рис. 23, 9; 94, 3). В то же время чаще встречаются сочетания этих элементов: зигзага с двойной линией (см. рис. 40, 7) и треугольников с одинарными (см. рис. 85, 4; 108, 4), двойными (см. рис. 25, 3; 104, 17) и тройной (см. рис. 92, 8) линией. Как исключение можно рассматривать наличие узора на дне. Орнаментальное поле его разделено на четыре равновеликих сектора: три орнаментированы горизонтальными линиями под углом 90° друг к другу, четвертый – под углом 45° к общему орнаментальному полю (см. рис. 26, 4). Степень орнаментированности посуды данной группы достаточно высокая (см. табл. 49: по шейке, тулову и придонной части соответственно 78,8; 82,7; 24,4 %).

Группа 2 (49 экз., 11,3 %). Характерный признак посуды данной группы – уступчик при переходе шейки в тулово, в большинстве случаев достаточно отчетливый. Емкости с этим признаком отмечены в 25 оградах могильника (см. табл. 35). В качестве сопровождающего инвентаря посуда подобного

облика широко использовалась при захоронении женщин (см. рис. 12, 7, 9; 26, 9; 28, 8, 11; 40, 6, 11; и др.) и детей (см. рис. 28, 16; 46, 3, 6; 47, 1; 53, 7; 57, 10, 13; 96, 10; 102, 8); значительно реже она отмечена в погребениях мужчин (см. рис. 7, 14, 21; 23, 5; 62, 15; 68, 5; 80, 9) и парных разнополых партнеров, как взрослых (см. рис. 67, 3; 70, 6, 8, 11; 73, 20; 78, 6; 84, 17), так и детей (см. рис. 28, 13; 112, 15). Единичен сосуд с уступчатым плечом в захоронении, совершенном по обряду кремации (см. рис. 37, 8), и в групповом разнополом погребении (см. рис. 23, 10). В поминальных комплексах уступчатая посуда фиксировалась редко (см. рис. 84, 10; 88, 10), в основном ее обломки служили крышками глиняных и, возможно, деревянных сосудов (см. рис. 43, 2, 9; 46, 2; 112, 10). В жертвоприношениях и детских захоронениях встречены сосуды небольших размеров, единственным исключением является погребение девочки (?) в сопровождении крупного нарядно орнаментированного горшка (см. рис. 73, 25). Погребения взрослых обычно сопровождали емкости средних и крупных размеров, а в качестве крышек применялись обломки боковин достаточно крупных сосудов.

Уступчик обычно расположен в верхней трети или четверти сосуда, иногда выше, при высоте емкости, равной диаметру по венчику, или чуть больше его. Таким образом, сосуды с уступчатым плечом имеют высокие и стройные пропорции. Большинство изделий отличают округлый венчик и высокая слегка отогнутая наружу шейка. Максимальная ширина тулова обычно отмечается чуть ниже уступчика. Преобладают сосуды с гладкой поверхностью, лощение и следы затертости мягким предметом прослеживаются единично. Дно устойчивое, его диаметр обычно в 2–2,5 раза меньше диаметра горловины. Половина емкостей – средних размеров, диаметром горловины в пределах 16–25 см (см. табл. 49). Около трети сосудов с уступчатым профилем украшены сформованным треугольным или овальным в сечении валиком, распложенным в верхней трети шейки. Несколько сосудов, независимо от их размера, имеют кольцевые поддоны. Они отмечены как в ритуальных комплексах (см. рис. 88, 10), так и в индивидуальных захоронениях мужчин (рис. 68, 5; 70, 4), женщин (см. рис. 12, 9; 108, 3) и детей (см. рис. 46, 3).

Орнаментированы все емкости данной группы. Основная часть сосудов орнаментирована нарезкой (78 %), семь – мелкогребенчатым штампом (14 %) и на четырех сочетаются резные и гребенчатые элементы (8 %). Резная техника составляет 73,5 %, гребенчатая – 23,7 %, нарезка-гребенка – 1,4 % и вдавленная – 1,4 % (табл. 52).

Можно выделить четыре основные орнаментальные схемы (см. табл. 50; рис. 136):

– узор нанесен сплошным полем по шейке и в верхней части тулова (38 экз. – 76,6 %);

– к орнаментации верхней части тулова добавляется орнаментальная зона в придонной части сосуда (6 экз. – 12,2 %);

– зона орнаментации шейки и тулова разделена неорнаментированной полосой в нижней части шейки (4 экз. – 8,2 %);

– присутствует трехчастный бордюр на шейке с переходом к орнаментации тулова (1 экз. – 2,1 %).

**Горшки с уступчатым плечом. Группа 2.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(49 экз.)**

Элементы узора	Шейка				Туловище						Придонная часть				Итого		
	Резной	Резенчатый	Резной - гресенка	Кол-во	%	Резной	Резенчатый	Резной - гресенка	Вдавления	Кол-во	%	Резной	Резенчатый	Кол-во	%	Кол-во	%
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	4	3		7	6,5		1			1	1,0	1		1	14,3	9	4,2
	12	3		15	13,9	15			1	16	16,9	1		1	14,3	32	15,2
	1	1		2	1,9	13	5			18	18,9					20	9,5
						3	1			4	4,3					4	1,8
						1	1			2	2,1					2	0,9
							1			1	1,0					1	0,5
		1		1	0,9											1	0,5
	2	2		4	3,7											4	1,8
		1		1	0,9											1	0,5
		1		1	0,9							1		1	14,3	2	0,9
	1			1	0,9	2				2	2,1					3	1,4
						2				2	2,1					2	0,9
	2			2	1,9	1				1	1,0					3	1,4
	6	3		9	8,3							3	1	4	57,1	13	6,2
	1			1	0,9											1	0,5
	3	3		6	5,6											6	2,8
	3	1		4	3,7											4	1,8

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1																	
	2	1		3	2,8											3	1,4
	2			2	1,9											2	0,9
	1			1	0,9	8		1		9	9,7					10	4,7
						1				1	1,0					1	0,5
	1			1	0,9	1				1	1,0					2	0,9
	1			1	0,9											1	0,5
						1				1	1,0					1	0,5
								1		1	1,0					1	0,5
	12	3	1	16	14,9											16	7,6
	2			2	1,9											2	0,9
	1			1	0,9											1	0,5
	1			1	0,9											1	0,5
										1	1,0					1	0,5
	1			1	0,9											1	0,5
	13	3		16	14,9			1		1	1,0					17	8,1
	1			1	0,9											1	0,5
								1		1	1,0					1	0,5
	1			1	0,9											1	0,5
								2		2	2,1					2	0,9
								1		1	1,0					1	0,5
								1		1	1,0					1	0,5
										1	1,0					1	0,5

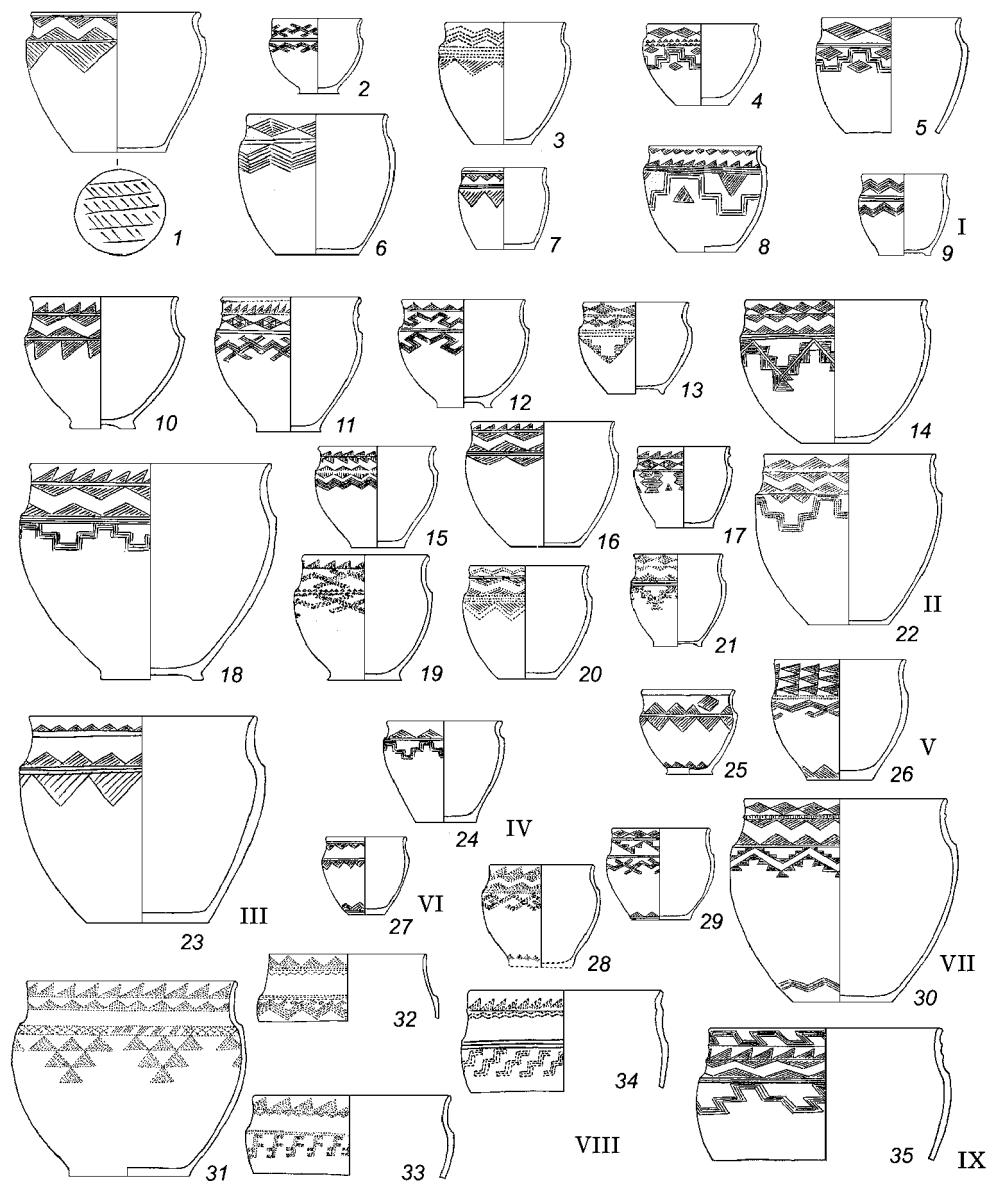

Рис. 136. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–IX, см. табл. 50) на посуде с уступчатым профилем (группа 2).

1 – ограда 41; 2 – ограда 2; 3, 8 – ограда 42; 4 – ограда 7; 5, 7, 16, 32 – ограда 10; 6, 22 – ограда 23; 9, 15, 25 – ограда 18; 10 – ограда 26; 11, 18 – ограда 5; 12 – ограда 27; 13 – ограда 32; 14, 27 – ограда 24; 17 – ограда 8; 19, 26 – ограда 17; 20 – ограда 22; 21, 23 – ограда 40; 24 – ограда 30; 28, 31, 33 – ограда 27; 29 – ограда 8; 29 – ограда 17; 30 – ограда 28; 20 – ограда 35; 34 – ограда 9; 35 – ограда 25 (масштаб не соблюден)

В рамках первой схемы в орнаментации шейки выделяются два основных варианта – горизонтальный узор в виде одного или двух орнаментальных бордюров.

В первом случае композиция из одного (см. рис. 7, 14; 20, 3; 28, 11; 46, 3; 57, 10, 13; 62, 10; 112, 15), реже – двух (см. рис. 28, 16) элементов покрывает всю поверхность шейки. Иногда узор смещен к основанию или к верхней части шейки, с образованием свободного поля вдоль среза венчика (см. рис. 84, 10), в средней части (см. рис. 110, 6) или вдоль основания (см. рис. 28, 16) шейки. Среди элементов узора – взаимопроникающие треугольники (см. рис. 57, 10; 112, 15), зигзаг (см. рис. 46, 3), меандр (см. рис. 7, 14), ромбы (см. рис. 20, 3; 62, 10), треугольники с направленными вверх (см. рис. 84, 10; 110, 6) или вниз (см. рис. 27, 16) вершинами.

При наличии двойного зонирования узор нанесен под венчиком и по основанию шейки, в качестве разделителей выступают слабо намеченный валик (см. рис. 13, 7; 23, 5; 53, 5; 62, 15; и др.) или горизонтальные линии (см. рис. 7, 21; 12, 9; 23, 10; 28, 13; и др.). Сосуды орнаментированы нарядно. Вдоль среза венчика – зигзаги (см. рис. 7, 21; 43, 9), ромбы (см. рис. 23, 5; 73, 25; 84, 17), пирамидки (см. рис. 78, 5) и разнообразные треугольники: «косые» (см. рис. 12, 7, 9), равнобедренные (см. рис. 62, 15; 70, 4), прямоугольные (см. рис. 23, 10; 28, 13; 31, 9; 37, 8), разносторонние (см. рис. 40, 11). По основанию широко представлены взаимопроникающие треугольники (см. рис. 7, 21; 12, 9; 23, 5; 43, 9; 62, 15; 65, 13), меандр (см. рис. 40, 4; 70, 4), сложносоставные ромбы (см. рис. 12, 7; 23, 10), «уточки» (см. рис. 31, 9), фестоны из треугольников (см. рис. 80, 9). По тулову – меандровидные фигуры (см. рис. 13, 7; 40, 11; 70, 4; 84, 15), треугольники (см. рис. 73, 20), фестоны из треугольников (см. рис. 23, 5; 65, 13; 73, 25), пирамидки (см. рис. 12, 9; 31, 9), дополненные ромбами (см. рис. 20, 3) и треугольниками (см. рис. 57, 10; 62, 15). В качестве разделителя орнаментальных зон шейки и тулова выступают горизонтальные линии, располагающиеся под перегибом вдоль уступчика, или ряды треугольных вдавлений (см. рис. 20, 3; 40, 11).

Для орнаментики тулова характерен близкий набор элементов. В качестве дополнительной орнаментальной зоны выступает придонная часть сосуда, украшенная зигзагом (см. рис. 73, 25) и равнобедренными треугольниками (см. рис. 70, 6; 40, 6), дополненными горизонтальными линиями (см. рис. 46, 6; 65, 6; 80, 9). У одного из сосудов орнаментировано дно – горизонтальными линиями, внутренние поля между которыми заполнены наклонной штриховкой (см. рис. 112, 15). Незначительная часть нарядно орнаментированной посуды, независимо от размера, имеет в области дна кольцевой поддон (см. рис. 12, 9; 46, 3; 68, 5; 70, 4; 96, 10; 107, 3).

К вышеописанному керамическому комплексу примыкает сосуд, отличающийся нехарактерным размещением резного узора по поверхности. Верхняя и нижняя части орнаментальной зоны шейки разделены широкорядным желобком, орнамент нанесен под венчиком («косой» П-образный меандр), на желобке («косые» треугольники) и по основанию шейки (взаимопроникающие равнобедренные треугольники). Уступчик подчеркнут тремя прямыми линиями, ниже которых на тулове располагаются «косые» пирамидки (см. рис. 67, 3).

Кроме того, среди посуды с уступчатым профилем выделяются четыре сосуда, отличающиеся, с одной стороны, особенностями перегиба тулова; с другой – цветом и размещением орнаментальных композиций. Горшки светло-коричневого, почти желтого цвета, тогда как основной комплекс окрашен в темно-коричневые или черные оттенки. Три сосуда имеют высокие округлые слегка отогнутые наружу шейки (см. рис. 28, 8; 70, 8, 11); у четвертого отмечен скос на внутренней стороне венчика и двойной перегиб шейки с образованием на внешней стороне треугольного в сечении валика (см. рис. 26, 9). Орнамент нанесен мелкогребенчатым штампом, и только в одном случае на тулове сочетается резная и гребенчатая техника нанесения узора. Важнейшим диагностирующим признаком данного комплекса является широкая разделительная неорнаментированная полоса между орнаментальными зонами шейки и тулова. Шейку украшают разносторонние, равнобедренные и слегка «косые» разнострихованные треугольники, подчеркнутые валиком и горизонтальными линиями, обрамленные снизу одно- и двурядным горизонтальным зигзагом (см. рис. 26, 9; 28, 8; 71, 8). На тулове горизонтальные линии, располагающиеся под уступчиком, дополнены «змейкой» (см. рис. 26, 9), простым меандром (см. рис. 28, 8) и драконообразными фигурками (см. рис. 70, 8). Несколько отличается один из сосудов, украшенный по шейке двумя рядами треугольников: верхний – «косые», нижний – равнобедренные; на тулове горизонтальная полоса с крестообразной штриховкой дополнена свисающими пирамидками из подвешенных треугольников (см. рис. 70, 11).

Степень орнаментированности посуды с уступчатым плечом наиболее высокая среди посуды горшечных форм (см. табл. 49: по шейке, тулову и в придонной части соответственно 100; 100; 19,4 %).

Группа 3 (95 экз., 22,1 %). Посуда данной группы, занимающая промежуточное положение между острореберными и уступчатыми емкостями, наиболее многочисленна в погребальных комплексах могильника. У этих сосудов переход от шейки к тулову выражен неярко и оформлен в виде сглаженного уступребра, что затрудняет соотнесение ее с посудой горшковидных форм групп 1 и 2. Данная особенность является своеобразным диагностическим признаком и позволяет рассматривать подобные керамические емкости как особую, специфическую форму майтанского комплекса. Сосуды с уступ-ребристым профилем встречены в 36 оградах могильника (см. табл. 35), где обычно сочетаются с емкостями всех остальных выделенных групп. Только в двух случаях отмечены лишь эти сосуды: в поминальном комплексе (огр. 11, см. рис. 30, 3) и как сопровождающий инвентарь парного разнополого захоронения (огр. 31, см. рис. 86, 4). В то же время погребения в данных погребальных комплексах сильно разрушены грабителями, и поэтому нельзя исключать использование в погребальном инвентаре и посуды других форм.

В качестве сопровождающего погребального инвентаря посуда с уступребром наиболее широко использовалась при жертвоприношениях (см. рис. 12, 6; 17, 3; 47, 3; и др.) и захоронении детей (см. рис. 17, 4; 20, 5; 25, 5), в индивидуальных захоронениях женщин (см. рис. 12, 1, 4) и мужчин (см. рис. 10, 9, 13), парных разнополох захоронениях взрослых партнеров

(см. рис. 7, 15, 16; 20, 4; 25, 7; и др.) и детей (см. рис. 28, 7). Достаточно широко посуда данной формы присутствовала и в могилах, содержащих парные захоронения женщин (см. рис. 62, 1, 4, 7) и мужчин (см. рис. 50, 5; 104, 5, 7) с детьми. Как исключение она отмечена в групповом захоронении детей (см. рис. 62, 3, 6), взрослых (см. рис. 53, 9), мужском кенотафе (см. рис. 108, 3) и в погребении по обряду кремации (см. рис. 107, 2).

Для жертвоприношений и детских захоронений использовались, как правило, сосуды небольших размеров, взрослых обычно сопровождала посуда средних и крупных размеров, крышками служили достаточно крупные обломки боковин (см. рис. 82, 11).

Сосуды группы 3 имеют короткую, реже – высокую прямую шейку, переходящую через уступ-ребро в умеренно раздутое тулово, максимальное расширение которого отмечается в верхней трети сосуда. Преобладают сосуды с гладкой поверхностью и округлым венчиком. Наиболее массово представлены сосуды диаметром горловины 12–23 см, емкости с минимальным диаметром – до 8 см, и максимальным – до 31 см, встречаются значительно реже. Диаметр дна обычно составляет половину диаметра горловины при высоте сосуда чуть меньше диаметра шейки, что придает емкостям устойчивость и приземистость пропорциям (см. табл. 49). Наблюдается определенная зависимость особенностей орнаментации шейки от ее высоты. Сосуды с невысокими шейками обычно украшены однорядным узором, емкости с высокими венчиками имеют две орнаментальные зоны.

Значительная часть нарядно орнаментированных сосудов, независимо от размеров (26,1 %), украшена сформованными треугольными или овальными в сечении валиками, расположенными на уровне верхней трети шейки. На последних обычно нанесен узор в виде вертикальных насечек (см. рис. 65, 9, 12; 78, 1). Среди емкостей с данным морфологическим признаком преобладают крупные сосуды диаметром более 23 см. Пять нарядно орнаментированных сосудов средних размеров (диаметр 11–17 см, в том числе два украшены валиками) имеют кольцевые поддоны. Они встречены в парных разнополюх захоронениях взрослых (см. рис. 58, 16; 84, 16; 116, 20), индивидуальном (см. рис. 105, 7) и групповом (см. рис. 62, 3) захоронениях детей.

Не орнаментированы лишь единичные сосуды данной группы (см. рис. 10, 9; 12, 6; 100, 7). Основная часть сосудов орнаментирована нарезкой и гладким штампом (86,5 %), несколько сосудов – мелкогребенчатым штампом (4,2 %, см. рис. 63, 1, 2; 65, 10; 71, 7), на трех сочетается резная и гребенчатая техника нанесения узора (3,1 %, см. рис. 37, 10; 40, 12; 86, 31), один украшен по тулову овальными вдавлениями (см. рис. 17, 4) и, как исключение, отмечено сочетание резной и гребенчатой техники с треугольными оттисками (см. рис. 46, 11; 107, 11). Наиболее своеобразен в данном комплексе небольшой сосудик с сочетанием резного орнамента на тулове (горизонтальный зигзаг с «бахромой») и ногтевидных вдавлений (однорядный зигзаг) на шейке (см. рис. 46, 8). Резная техника составляет 88,6 %, гребенчатая – 10,6 %, вдавления – 0,8 % (табл. 53).

Особенности размещения орнаментальных композиций, с незначительными вариациями, совпадают с орнаментальными схемами, характерными для посуды с острорезной и уступчатой профилировкой (см. табл. 50; рис. 137).

**Горшки с гладенным уступ-ребром. Группа 3.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(96 экз.)**

Элементы узора	Шейка										Тулово						Придонная часть				Итого	
	Резной	Гребенчатый	Резной – гребенка	Протаскивание	Вдавливание	Кол-во	%	Резной	Гребенчатый	Резной – гребенка	Вдавливание	Кол-во	%	Резной	Гребенчатый	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
																						Техника выполнения
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20			
	7	1				8	4,3	2				2	1,2					10	2,7			
	20	3				23	12,4	39	4			43	26,4	2	1	3		69	18,9			
	2	1				3	1,6	21	5			26	15,9					29	7,8			
								1				1	0,6	1		1		2	0,6			
				2		2	1,1											2	0,6			
				1		1	0,5											1	0,3			
	3					3	1,6	1				1	0,6					4	1,1			
	3					3	1,6											3	0,8			
	2				1	3	1,6							2		2		5	1,4			
	3					3	1,6	1				1	0,6					4	1,1			
	3	1				4	2,1	2				2	1,2					6	1,7			
	5					5	2,7	6	1			7	4,3	1	1			13	3,5			
	2					2	1,1	4				4	2,4					6	1,7			
	2					2	1,1	9				9	5,5					11	3,1			
									1			1	0,6					1	0,3			
	1					1	0,5											1	0,3			

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1																			
	1					1	0,5											1	0,3
		1				1	0,5											1	0,3
	1					1	0,5											1	0,3
	21	2				23	12,4	1				1	0,6				24	6,5	
	1					1	0,5										1	0,3	
	1					1	0,5										1	0,3	
	1					1	0,5	1				1	0,6				2	0,6	
	4					4	2,1	1				1	0,6				5	1,4	
	1					1	0,5										1	0,3	
		1				1	0,5										1	0,3	
	2					2	1,1										2	0,6	
	1					1	0,5										1	0,3	
	1					1	0,5										1	0,3	
	1					1	0,5										1	0,3	
								2				2	1,2				2	0,6	
								2				2	1,2				2	0,6	
								3				3	1,8				3	0,8	
								1				1	0,6				1	0,3	
	1					1	0,5	1				1	0,6				2	0,6	
	1					1	0,5										1	0,3	
								1				1	0,6				1	0,3	
								1				1	0,6				1	0,3	
								1				1	0,6				1	0,3	
								2				2	1,2				2	0,6	

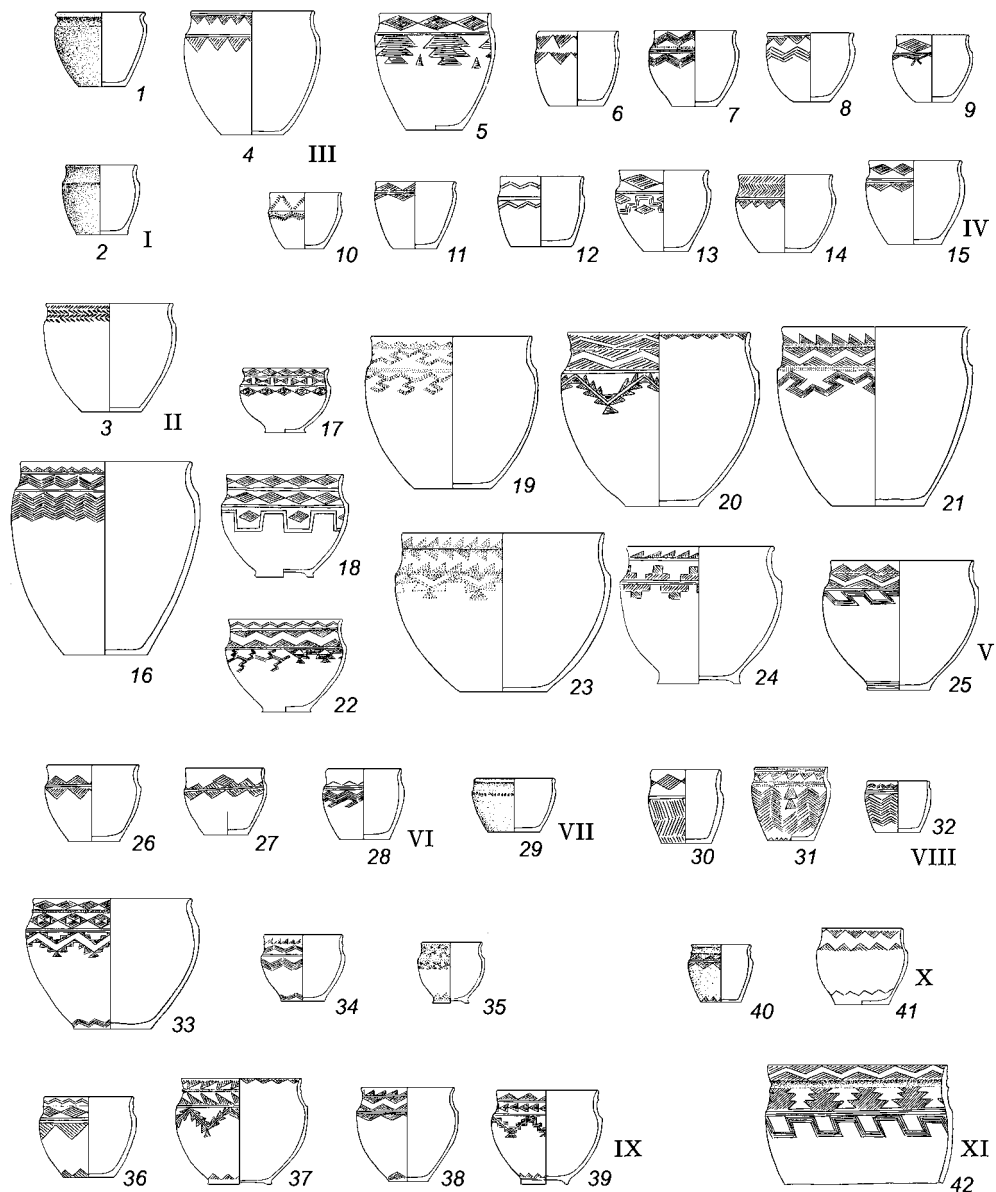

Рис. 137. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–XI, см. табл. 50) на посуде с уступ-ребристым профилем (группа 3).

1, 11, 16 – ограда 5; 2 – ограда 49; 3, 17, 40 – ограда 40; 4, 35 – ограда 23; 5, 6, 7, 12, 33 – ограда 29; 8, 10, 28, 32 – ограда 18; 9 – ограда 45; 13, 27, 29 – курган 6; 14 – ограда 28; 15 – ограда 15; 18 – ограда 39; 19, 25 – ограда 27; 20, 37 – ограда 43; 21 – ограда 25; 22 – ограда 36; 23 – ограда 17; 24 – ограда 44; 26 – ограда 49; 30, 39 – ограда 30; 31 – ограда 41; 34 – ограда 7; 36 – ограда 38; 38, 41 – ограда 22; 42 – ограда 27 (масштаб не соблюден)

Исключение составляет небольшое количество сосудов, орнаментированных по всей внешней поверхности (см. рис. 20, 4; 47, 7; 84, 14; 112, 13).

При размещении орнамента одной зоной широко представлены горизонтальные (см. рис. 47, 3, 10; 75, 13, 15; 85, 3; 88, 4) и вертикальные (см. рис. 73, 24; 97, 12) зигзаги, меандр (см. рис. 92, 7), «ёлочка» (см. рис. 108, 3), разнообразные ромбы (см. рис. 17, 6; 62, 1; 75, 14; 80, 1; 81, 5; 84, 14) и треугольники (см. рис. 12, 4; 20, 7; 57, 11; 75, 11; 100, 6; 107, 4), в том числе взаимопроникающие (см. рис. 53, 3). При двухзональном размещении декора в качестве разделителя выступали валики и горизонтальные линии – в верхней зоне широко использовались разнообразные треугольники вершинами вверх (см. рис. 20, 5; 28, 7; 25, 7; 40, 12) или вниз (см. рис. 62, 7; 112, 13), ромбы (см. рис. 65, 9, 12; 78, 1; 108, 6), зигзаги (см. рис. 25, 5), основание шейки украшалось меандром (см. рис. 80, 13), ромбами (см. рис. 30, 11; 62, 4; 97, 2; 105, 7), разнообразными пирамидками (см. рис. 65, 10; 116, 20; 80, 6), сложносоставными композициями из ромбов (см. рис. 65, 9; 78, 1) и треугольников (см. рис. 50, 5; 65, 12), широко представлены в орнаментике взаимопроникающие треугольники (см. рис. 7, 15; 10, 13; 25, 7; 40, 12; 67, 7; 70, 9, 10; 75, 5; 84, 13; 86, 4; 96, 9). Свообразны узоры из смещенных прямоугольников в виде «уточек» и «змеек» (см. рис. 46, 11; 47, 15). Как исключение отмечен флажковый узор (см. рис. 62, 3), «бантики» (см. рис. 108, 6) и взаимовоткнутые треугольники (см. рис. 84, 16).

В орнаментации тулова наблюдается аналогичный набор геометрических элементов с добавлением фестонов из треугольников (см. рис. 40, 12; 62, 1; 65, 9, 12; 75, 5; 78, 1; 84, 16; 86, 4; 104, 12), меандровидных узоров (см. рис. 7, 15; 37, 10; 62, 3; 67, 7; 70, 7; 80, 8, 13; 104, 12), «подвешенных ёлочек» (см. рис. 30, 11; 107, 7; 108, 5), пирамидок (см. рис. 80, 6; 107, 11; 116, 20) и П-образных лент (см. рис. 70, 10; 80, 10), дополненных треугольниками (см. рис. 28, 7; 25, 5; 80, 1; 107, 6), ромбами (см. рис. 17, 6; 46, 11; 80, 3; 105, 7), зигзагами (см. рис. 53, 6).

В данной группе выделяются три сосуда. У одного, сопровождавшего женщину в парном разнополом захоронении (огр. 36А, мог. 2), отмечается трехзональное членение орнаментальной зоны шейки. Под венчиком нанесен узкий ряд из взаимопроникающих треугольников, по основанию – рисунок вертикальной «ёлочки» со смещенными «ветками» и внутренней наклонной штриховкой, единственный элемент подобного рода во всем комплексе. В качестве разделителя зон выступает широкий неорнаментированный желобок. По тулову нанесены горизонтальные линии и «косой» П-образный меандр (см. рис. 96, 6). Аналогичное композиционное построение отмечено только для одного сосуда с уступчатым плечом (см. рис. 67, 3), что не характерно для майтанского керамического комплекса.

Два других сосуда также обнаружены в парном захоронении мужчины и женщины (огр. 43, мог. 1). Ряд черт выделяют их из всего керамического комплекса – особенности композиционного построения узора и орнамент из равнобедренных треугольников вершинами вниз под венчиком на внутренней стороне шейки. Один, более крупный, сосуд украшен по шейке двумя рядами взаимопроникающих равнобедренных треугольников, разделенных валиком,

по тулову – горизонтальными линиями и фестонами из «косых» треугольников (см. рис. 58, 18). Второй украшен по шейке двумя рядами «косых» треугольников (верхний ряд – вершинами вниз, нижний – вершинами вверх), в качестве разделителя выступает валик, тулово, как и у первого сосуда, орнаментировано горизонтальными линиями и фестонами из «косых» треугольников. Придонная часть подчеркнута поддоном и украшена равнобедренными треугольниками (см. рис. 58, 16). Фестоны из «косых» треугольников на тулове и узор на внутренней части стенки больше не встречены ни на одном из майтанских сосудов. Особенности технологии изготовления и своеобразие орнаментального стиля позволяют предполагать намеренное изготовление сосудов для данного захоронения.

Подводя итоги характеристики керамики данной группы, необходимо отметить, что, несмотря на наличие неорнаментированных сосудов, степень орнаментированности посуды с уступ-ребристым профилем является одной из самых высоких в комплексе (см. табл. 49: по шейке, тулову и в придонной части соответственно 92,7; 94,8; 21,2 %).

Группа 4 (39 экз., 9,1 %). Посуда с плавным профилем по своим внешним признакам не отличается от основной массы керамики и является, вероятнее всего, отступлением от общего правила, своеобразным технологическим «браком». Округлость тулова в большинстве случаев формировалась не преднамеренно, а, скорее всего, в результате более сильного заглаживания ребристых плечиков, едва уловимые следы которых иногда прослеживаются в местах перехода по окружности тулова. Емкости с заглаженным мягким профилем отмечены в 17 оградах могильника, но наиболее значительное количество сосудов данного облика обнаружено в периферийной ограде 36 (см. табл. 35). В качестве сопровождающего погребального инвентаря плавно профилированные емкости характерны для захоронений детей (см. рис. 28, 14, 16; 45, 12, 15; 47, 2, 9; 98, 1, 6, 7; 99, 7; и др.) и женщин (см. рис. 7, 10; 20, 14; 28, 12; 70, 5; 90, 1; 92, 9; 107, 8; 108, 7). Достаточно широко они использовались в поминальных комплексах (см. рис. 23, 1; 46, 9; 70, 5; 73, 23; 75, 10; 112, 1) и разнополых погребениях (см. рис. 25, 8; 70, 1; 96, 2, 8; 112, 7), значительно реже – в погребениях женщин с детьми (см. рис. 40, 8; 60, 16) и, как исключение, встречены в захоронениях мужчины (см. рис. 85, 6), мужчины с ребенком (см. рис. 78, 6) и групповом разнополом погребении (см. рис. 23, 7).

Основная часть посуды плавно профилированных форм – небольшие сосуды с диаметром венчика в пределах 11–15 см, значительно меньше сосудов средних размеров и исключительно редки крупные (см. табл. 49), обломки которых использовались в качестве крышек поминальных сосудов. В то же время наиболее крупные емкости плавно профилированных форм отмечены в захоронениях детей (см. рис. 96, 1, 7; 97, 3) и женщин (см. рис. 92, 9; 108, 7).

Большинство емкостей имеют приземистые пропорции за счет того, что высота чуть меньше диаметра горловины, а диаметр дна только на треть меньше диаметра по шейке. Большинство изделий имеют округлый венчик и невысокую слегка отогнутую наружу шейку, плавно переходящую в умеренно раздутое тулово. Максимальная ширина отмечается обычно в средней части

тулова. Преобладают сосуды с гладкой поверхностью, лощение и следы затертости единичны (см. табл. 49).

Характерно горизонтальное зонирование узора с размещением по шейке-тулову и в придонной части при наличии незначительной группы неорнаментированных сосудов (см. рис. 60, 16; 75, 10; 107, 8). Господствует резная техника нанесения узора, незначительно присутствие в орнаментике гребенчатого штампа и, как исключение, встречаются каннелюры (табл. 54). Можно выделить семь орнаментальных схем (см. табл. 50; рис. 138). Обычно орнамент располагается по шейке-тулову и очень редко в придонной части. В то же время в особенностях размещения орнаментальных композиций отмечаются два основных варианта. В первом случае однорядный узор покрывает всю поверхность шейки (40,1 %), а среди элементов узора – одинарный (см. рис. 76, 10;

Таблица 54

Горшки плавнопрофилированные. Группа 4.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(39 экз.)

Элементы узора	Шейка				Тулово						Придонная часть			Итого		
	Техника выполнения														Кол-во	%
	Резной	Гребенчатый	Кол-во	%	Резной	Гребенчатый	Прогаскивание	Вдавления	Кол-во	%	Резной	Кол-во	%			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
	5		5	8,2										5	3,6	
	7	1	8	12,9	18	2			20	27,1	1	1	20,0	29	20,8	
					9				9	12,1	1	1	20,0	10	7,1	
					4				4	5,4				4	2,8	
							1		1	1,4				1	0,7	
	1		1	1,6										1	0,7	
	1		1	1,6										1	0,7	
											1	1	20,0	1	0,7	
	2		2	3,2	2				2	2,6				4	2,8	
	2		2	3,2	3				3	4,1				5	3,6	
	2	1	3	4,8	5				5	6,8				8	5,8	
	1		1	1,6	4				4	5,4				5	3,6	
					1				1	1,4				1	0,7	
					1				1	1,4				1	0,7	
											1	1	20,0	1	0,7	
	3		3	4,8							1	1	20,0	4	2,8	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	2		2	3,2										2	1,4
	3	1	4	6,6										4	2,8
	2		2	3,2										2	1,4
	1		1	1,6										1	0,7
	1		1	1,6										1	0,7
	3		3	4,8	8				8	10,3				11	7,8
	1		1	1,6	1				1	1,4				2	1,4
		1	1	1,6										1	0,7
	2		2	3,2										2	1,4
	1		1	1,6										1	0,7
					2				2	2,6				2	1,4
	4	1	5	8,2										5	3,4
	1		1	1,6										1	0,7
					1				1	1,4				1	0,7
	7	1	8	12,9		1			1	1,4				9	6,5
	1		1	1,6										1	0,7
					1				1	1,4				1	0,7
					1				1	1,4				1	0,7
					1				1	1,4				1	0,7
					1	1			2	2,6				2	1,4
						1			1	1,4				1	0,7
					1				1	1,4				1	0,7
					1				1	1,4				1	0,7
					1				1	1,4				1	0,7
	1		1	1,6										1	0,7
	1		1	1,6										1	0,7
	1		1	1,6										1	0,7
								1	1	1,4				1	0,7
Валик	3	7,7													
Неорнаментированный сосуд	3	7,7													
Всего	56	6	62	100	67	5	1	1	74	100	5	5	100	141	100
%	90,3	9,7	100				1,4	1,4	100		100	100			

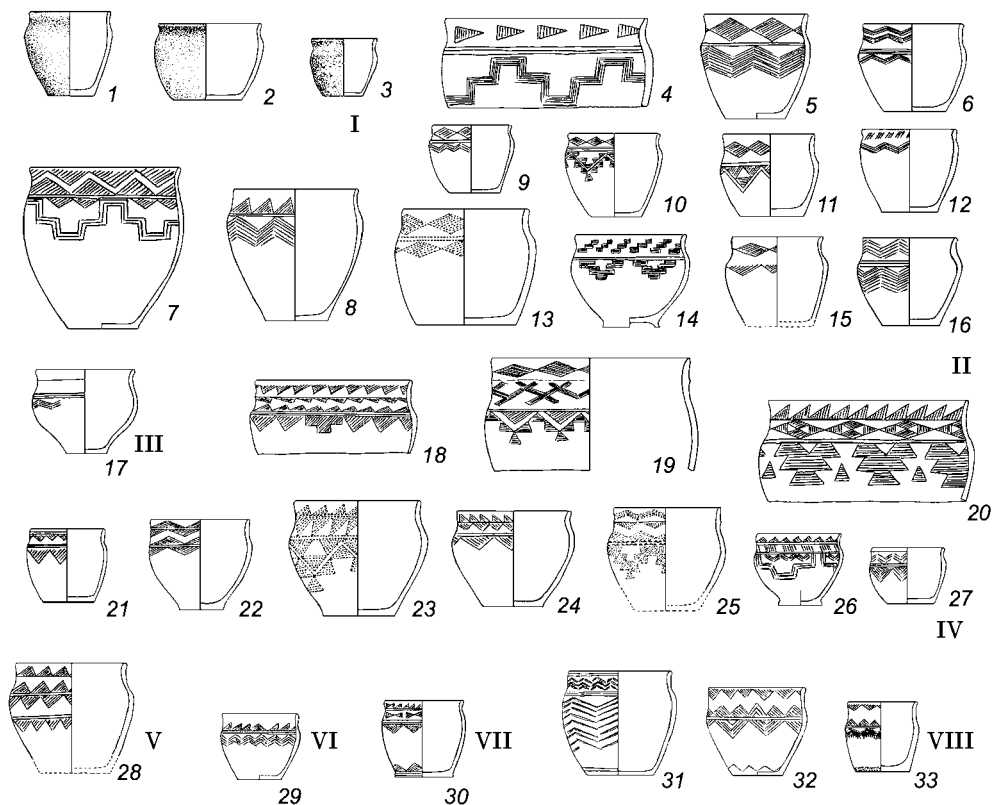

Рис. 138. Могильник Майтан. Схемы распределения узора (I–VIII, см. табл. 50) на плавно профилированной посуде (группа 4).

1 – ограда 29; 2 – ограда 23; 3, 5, 7 – ограда 40; 4, 20, 22, 23, 28, 32 – ограда 36; 6 – ограда 27; 8, 10, 27 – ограда 8; 9 – ограда 10; 11, 18 – ограда 36; 12, 16, 17, 24, 33 – ограда 18; 13 – ограда 38; 14 – ограда 48; 15 – ограда 28; 19 – ограда 34; 21, 26 – ограда 10; 25 – ограда 33; 29 – ограда 41; 30 – ограда 17; 31 – ограда 41 (масштаб не соблюден)

43, 15; 78, 6) или двойной (см. рис. 70, 5) зигзаг, ромбы (см. рис. 23, 1; 28, 14; 73, 23; 96, 5; 110, 1), треугольники (см. рис. 25, 8; 112, 11), сгруппированные наклонные линии (см. рис. 47, 2), горизонтально уложенные несомкнутые треугольники (см. рис. 96, 1), взаимопроникающие треугольники (см. рис. 46, 9; 97, 7; 108, 7), «змейка» (см. рис. 85, 8). Во втором – двурядный узор покрывает верхнюю и нижнюю части шейки, разделяет которые едва намеченный валик (см. рис. 92, 9; 97, 3) или горизонтальные линии (30,6%). Верхняя часть шейки украшена обычно треугольниками (см. рис. 28, 12, 16; 40, 8; 96, 6; 97, 3), зигзагом (см. рис. 23, 7), ромбами (см. рис. 92, 9). По основанию шейки отмечены сгруппированные наклонные линии (см. рис. 28, 12), треугольники вершинами вниз (см. рис. 43, 12), «уточки» (см. рис. 70, 1), меандр (см. рис. 92, 9), сложносоставные ромбы (см. рис. 96, 3), взаимопроникающие треугольники (см. рис. 97, 3, 4).

При отличиях в зонировании орнамента по шейке узор на тулове, не смотря на некоторые вариации, однообразен: зигзаги (см. рис. 7, 10; 25, 8; 28, 14; 43, 15; 47, 2; 110, 1), фестоны (см. рис. 23, 1; 92, 9; 96, 2), треугольники (см. рис. 20, 14; 23, 7), пирамидки (см. рис. 28, 12; 85, 8; 96, 1; 108, 7), ромбы (см. рис. 104, 16), «подвешенные ёлочки», усложненные треугольниками (см. рис. 96, 3).

Все остальные орнаментальные схемы единичны: в двух случаях узор по шейке смещен к основанию и таким образом оставлена свободная от орнамента зона под венчиком (см. рис. 20, 14; 112, 11), в одном – просматривается двузональность орнаментации тулова (см. рис. 96, 6); в третьем – отмечен зигзаг с «бахромой» (см. рис. 46, 9); в четвертом – композиция не закончена (см. рис. 47, 9).

Из плавно профилированных сосудов выделяются два, отличающихся от остальных по основным показателям: один имеет черно-блестящую лощеную поверхность и узор, выполненный мелкозубчатым штампом (на шейке – горизонтальный зигзаг и ряды взаимопроникающих треугольников, на тулове – двойной ряд треугольных вдавлений, ниже – фестоны из треугольников) (см. рис. 90, 1); второй – с гладкой поверхностью темно-серебристого цвета, что связано с насыщенностью глиняного теста мелкими чешуйками слюды, орнаментирован по шейке и тулову резными зигзагами в сочетании с горизонтальными резными линиями вдоль среза венчика, по тулову и у дна (см. рис. 112, 1).

Степень орнаментированности плавнопрофилированной посуды высокая: по шейке – 92,3 %, по тулову – 92,3 %, за исключением придонной части – 15,4 % (см. табл. 49).

Грунта 5 (4 экз., 0,7 %). В керамической коллекции могильника Майтан присутствует несколько своеобразных сосудов, выделенных в особую группу. Это вазовидные емкости, встреченные только в двух погребальных комплексах. В ограде 18 вазовидные сосуды сопровождали, судя по размерам ящиков, новорожденных (рис. 139, 1, 3), в ограде 23 один найден в жертвеннике (рис. 139, 2), другой – в парном захоронении молодой женщины с новорожденным младенцем (рис. 139, 4).

Сосуды сближает между собой тщательность изготовления с применением лощения внешней поверхности и подходы к орнаментике (см. табл. 49; табл. 55). Одна неорнаментированная ваза с ребристым профилем и глубоким кольцевидным поддонном имеет высокие, стройные пропорции (рис. 139, 1);

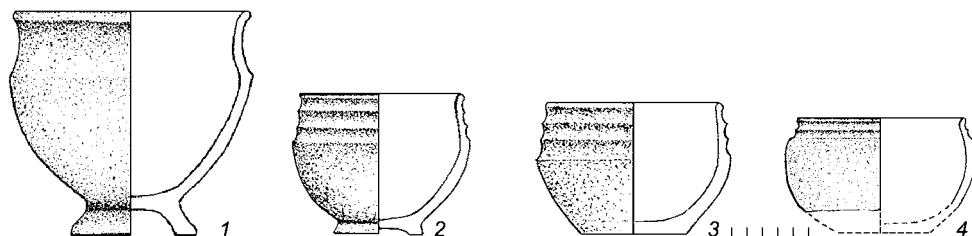

Рис. 139. Могильник Майтан. Вазовидные сосуды.

1 – ограда 18И, могила; 2 – ограда 23А, жертвенник 1; 3 – ограда 18А, могила 5;
4 – ограда 23Г, могила

**Горшки вазовидные. Группа 5.
Взаимовстречаемость элементов орнамента и техники нанесения узора
(4 экз.)**

Элементы узора	Шейка			Итого	
	Протаскивание	Кол-во	%	Кол-во	%
	1	1	33,3	1	33,3
	2	2	66,7	2	66,7
Неорнаментированный сосуд	1				
Всего	3	3	100	3	100
%	100	100		100	

другой – вазовидность придает невысокий поддон и орнаментация высокой шейки тремя широкорядными каннелюрами (рис. 139, 2); третья, при отсутствии поддона, близка по основным параметрам ко второй емкости (рис. 139, 3). Наиболее своеобразен четвертый сосуд, имеющий приземистые пропорции, раздутое тулово и орнаментированный по шейке двумя желобками (рис. 139, 4). Если у первого сосуда вазовидность сформирована высокими пропорциями, то у остальных – широкорядными желобками, подчеркивающими уступчатый переход от шейки к тулову. Можно предположить, что небольшие и нетрадиционные вазовидные емкости сделаны преднамеренно для умерших новорожденных детей. Косвенным свидетельством в пользу данного предположения является жертвенный сосуд, обнаруженный в пристройке, содержавшей только захоронения детей и женщин с детьми.

* * *

В итоге статистического анализа 426 сосудов могильника Майтан можно констатировать, что основная масса емкостей орнаментирована (348 экз., 81,3 %). Наиболее значительное количество неорнаментированных изделий – сосуды баночных форм (23,9 %), небольшое количество неорнаментированных емкостей горшечно-баночной (5 экз., 9,6 %) и горшечных (12 экз., 4,9 %) форм можно рассматривать как исключение. Для орнаментики посуды баночных форм характерно преобладание трех основных элементов – горизонтальных линий, разнообразных зигзагов и треугольников, горшечно-баночным сосудам, кроме перечисленных мотивов, свойственны желобчатые узоры. В то же время, несмотря на преобладание на посуде данных форм простых орнаментальных композиций, в комплексах присутствуют отдельные изделия, орнаментированные нетрадиционно, сложными геометрическими фигурами (см. рис. 130, 43; 131, 6; 134, 14). Основная масса посуды горшечных форм орнаментированы нарядно, с использованием широкого спектра разнообразных геометрических элементов, в разнообразных сочетаниях и композиционных построениях (табл. 56).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	
											2							2	0,3							2	0,2
	4							4	0,6	2								2	0,3	1		1	2,0	7	0,7		
	3							3	0,5	1								1	0,2						4	0,4	
											1							1	0,2						1	0,1	
	2							2	0,3	3								3	0,5						5	0,5	
	1							1	0,2	7								7	1,1						8	0,8	
										8								8	1,2						8	0,8	
	1							1	0,2																1	0,1	
	44	1		5				50	8,1	1								1	0,2	14	1	2	17	33,3	68	5,1	
	1							1	0,2											1		1	2,0	2	0,2		
	1							1	0,2																1	0,1	
	1							1	0,2																1	0,1	
																				1		1	2,0	1	0,1		
	11				4			15	2,2																15	1,1	
	3							3	0,5																3	0,3	
	9			1				10	1,6																10	0,9	
	4			1				5	0,5																5	0,5	
	2							2	0,3																2	0,2	
	9				1			10	1,6																10	0,9	
	3							3	0,5																3	0,3	
	1							1	0,2																1	0,1	
	19	1						20	3,2	70	1							71	12,1						91	6,7	
										1								1	0,2						1	0,1	

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
1	1							1	0,2															1	0,1
				1				1	0,2															1	0,1
										1								1	0,2					1	0,1
										1								1	0,2					1	0,1
				1				1	0,2															1	0,1
	1							1	0,2															1	0,1
	1							1	0,2															1	0,1
												1						1	0,2					1	0,1
	1							1	0,2															1	0,1
	50			9				59	9,5	1		2					3	0,5					62	4,4	
	1							1	0,2															1	0,1
	1							1	0,2															1	0,1
	1							1	0,2															1	0,1
	2							2	0,3	1							1	0,2					3	0,3	
	5							5	0,7	1							1	0,2					6	0,6	
	1							1	0,2															1	0,1
										1							1	0,2	1			1	2,0	2	0,2
				1				1	0,2															1	0,1
	1							1	0,2															1	0,1
	4							4	0,6	1							1	0,2					5	0,5	
												1					1	0,2					1	0,1	

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	
1																										
										1							1	0,2						1	0,1	
										1		1					2	0,3						2	0,2	
										1							1	0,2						1	0,1	
										3							3	0,5						3	0,3	
	1							1	0,2															1	0,1	
	1							1	0,2															1	0,1	
	1									1							1	0,2						1	0,1	
								1	0,2															1	0,1	
										1			1				1	0,2						1	0,1	
										1							1	0,2						1	0,1	
										1			1				2	0,3						2	0,2	
										2							2	0,3						2	0,2	
										14	1	2					17	2,8						17	1,2	
										1							1	0,2						1	0,1	
										3		1					4	0,7						4	0,4	
													1				1	0,2						1	0,1	
										1							1	0,2						1	0,1	
										2							2	0,3						2	0,2	
										1							1	0,2						1	0,1	
										2							2	0,3						2	0,2	
										1							1	0,2						1	0,1	
										1							1	0,2						1	0,1	
										1							1	0,2						1	0,1	

Анализ орнаментации керамического комплекса могильника Майтан показывает, что общим для всех выделенных групп является наиболее простой геометрический элемент – треугольник. Его разнообразные вариации представлены более чем в 70 композициях – самостоятельно или в сочетании с другими элементами. Удельный вес данного элемента составляет 29,1 %. Широко использовались горизонтальные линии (28,1 %), зигзаги (12,1 %), ромбы (11,9 %), горизонтальная и вертикальная «ёлочка» (3,3 %). Своеобразные элементы – сложносоставные пирамидки (1,2 %), «уточки» (0,7 %) и «змейки» (0,4 %). Особый элемент узора, не отмеченный в других комплексах бронзового века Центрального Казахстана, – разнообразные изображения «стоящих» или «свисающих» «ёлочек» (1,4 %). Нарядность майтанской посуде придают различные меандровидные фигуры, считающиеся характерными для орнаментации керамики андроновских комплексов. В то же время классического меандра не отмечено, среди орнаментальных мотивов преобладают ритмически повторяющиеся ломаные линии, которые можно рассматривать как упрощенные меандровидные узоры (5,2 %).

В орнаментальном многообразии выделено 158 элементов и простейших композиций, среди которых 58 (36,7 %) встречены только по одному разу, 25 (15,8 %) – по два и 8 (5,1 %) – по три раза, т.е. в отношении более половины емкостей керамического комплекса могильника Майтан можно говорить о признаках индивидуально-личностного, не стандартизированного подхода к их изготовлению. Данные факты свидетельствуют, с одной стороны, о неустоявшихся орнаментальных канонах и участии в их сложении и разработке значительной части коллектива, оставившего памятник; с другой – об активном и достаточно быстром формировании новой культурной традиции.

В орнаментальных мотивах находило отражение видение окружающей действительности людьми того времени, художественно переосмысленное и закреплённое в традициях орнаментирования керамической посуды. Особенности керамического комплекса могильника Майтан показывают, что в погребальном обряде использовали не только повседневную посуду, но и емкости, преднамеренно изготовлявшиеся для сопровождения умерших в загробный мир. В некоторых случаях во внешнем облике сосуда и манере исполнения узора чувствуется рука одного мастера. Данное наблюдение можно соотнести с двумя разными по размерам сосудами, орнаментированными в одном стиле, сопровождавшими парное погребение мужчины и женщины (огр. 43, мог. 1, см. рис. 58, 17, 18). Аналогичный вывод можно сделать и в отношении сосудов, обнаруженных в оградах 24 и 29Б (мог. 1), где погребенных женщин сопровождали близкие по основным параметрам керамические емкости горшечных форм (см. рис. 65, 9, 12; 78, 1).

Все выделенные группы посуды между собой особенно сближает техника нанесения узора (табл. 57). Абсолютное большинство элементов орнамента выполнено резной техникой и гладким штампом (81,3 %), гребенчатый штамп использовался редко (9,8 %), еще реже – техника протаскивания или каннелирования (6,2 %). Все остальные технологические способы или их сочетания (резной – гребенка, резной – вдавления, протасканный гребенка, вдавления) можно рассматривать как исключения (0,2–1,4 %).

Соотношение типов посуды и техники нанесения орнамента
(426 экз.)

Форма посуды	Техника выполнения	Шейка								Тулво								Придонная часть				Итого	
		Резной – гребенка	Резной – вдавливая	Гребенчатый	Протаскивание гребенка	Вдавливая	Кол-во	%	Резной	Резной – гребенка	Резной – вдавливая	Гребенчатый	Протаскивание гребенка	Вдавливая	Кол-во	%	Резной	Резной – гребенка	Гребенчатый	Кол-во	%	Кол-во	%
Банки	1 тип	11		1	11		23	3,7			3	3			34	5,8	2		1	3	5,9	60	4,8
	2 тип	32	1	3			36	5,8	27		1	1			29	4,9	5	1		6	11,8	71	5,7
	3 тип	35		1			36	5,8	41		1	1			43	7,4	1			1	1,9	80	6,4
	4 тип	5					5	0,8	2					1	3	0,5	2			2	3,9	10	0,9
	5 тип				2		2	0,3	2						2	0,3						4	0,3
	6 тип	2					2	0,3	3						3	0,5						5	0,4
Горшечные- баночные	1 тип	5			50		55	8,9	19			1	3	23	3,9							78	6,2
	2 тип	14		1	2		17	2,8	31		2				37	6,3	1			1	1,9	55	4,4
Горшки	1 тип	63		9	1	5	78	12,7	71		6	1	1	79	13,5	15			15	29,4	172	13,8	
	2 тип	80	1	27			108	17,6	69	2	22			3	96	16,4	6	1	7	13,7	211	16,8	
	3 тип	164	2	18	3	1	188	30,7	145	1	15			3	164	27,9	9	2	11	21,7	363	28,8	
	4 тип	56		6			62	10,1	67		5	1	1	74	12,6	5			5	9,8	141	11,3	
	5 тип				3		3	0,5														3	0,2
Всего		467	4	65	2	70	615	100	505	3	53	4	8	12	587	100	46	1	4	51	100	1253	100
%		75,9	0,7	0,1	10,7	0,3	11,4	0,9	100	85,9	0,5	0,3	0,7	2,1	100	90,3	1,9	7,8	100				

* Резной – 81,3 % (1018); резной – гребенка – 0,6 % (8); резной – вдавливая – 0,2 % (3); гребенка – 9,8 % (122); протаскивание гребенка – 0,5 % (6); вдавливая – 1,4 % (18); протаскивание – 6,2 % (78).

Несмотря на определенные различия между отдельными группами, керамическая коллекция могильника Майтан производит впечатление единого комплекса, продолжающего местную линию развития гончарного производства, в сложении которого принимали участие две разновеликие группы населения (см. прил. 1). Основная часть керамической посуды памятника имеет определенное сходство с древностями нуртайского и атасуского облика, последовательно развивающимися в пределах Центрального Казахстана, тогда как отдельные емкости, явно инородные в керамическом комплексе могильника, свидетельствуют о контактах с носителями канайско-балыктинских и/или алакульских традиций Северного и Восточного Казахстана.

Глава 5

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА АНДРОНОВСКОЙ ЭПОХИ

Одежда является внешним, наглядным отражением традиций и одним из главных компонентов культуры, раскрывающим ее. Сама одежда и ее отдельные элементы не только характеризуют половозрастной и социальный статус определенного человека, но и конкретизируют его роль в общественной жизни. В свою очередь, все эти аспекты находят отражение и в погребальном обряде. Вместе с тем, несмотря на длительный период изучения могильников эпохи бронзы, проблема воссоздания костюма населения андроновской общности еще далека от разрешения. Справедливости ради следует отметить, что вопросам реконструкции женской одежды андроновской ойкумены посвящено значительное количество работ, в том числе обобщающих [Куприянова, 2008; Усманова, Логвин, 1998; Усманова, 2010]. При этом конкретных данных как о мужском, так и о женском костюме немного, более того, они отрывочны и противоречивы. Проанализировав и обобщив материалы всего массива андроновских и близких к ним комплексов бронзового века степной зоны Евразии, можно констатировать, что, в отличие от женского костюма, в обыденной жизни и погребальной практике одежда мужчин практически не украшалась. В результате конкретные детали мужской одежды андроновской эпохи реконструируются только гипотетически, с привлечением данных, известных по этнографическим источникам [Кузьмина, 1994, с. 159–162]. Уровень знаний сегодня (вряд ли данная ситуация изменится в ближайшем будущем) позволяет говорить о наличии специфического мужского и женского вещевых комплексов, на основе сравнительного анализа которых могут быть воссозданы лишь наиболее характерные черты мужского и женского костюма исходя из современных представлений о внешнем виде и особенностях одежды в древности.

МУЖСКОЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС

Могильник Майтан – единственный погребальный объект эпохи бронзы степной зоны Центрального Казахстана, исследованный полностью. При изучении данного памятника получена представительная коллекция разнообразного вещевого инвентаря, позволяющая воссоздать многие стороны жизнедеятельности древнего населения региона. В пределах памятника, согласно половозрастным определениям, исследовано более 70 захоронений мужчин разных возрастных категорий [Ткачев, 2012а, с. 220, табл. 1]. Основная часть

останков мужчин обнаружена в индивидуальных, меньшая – в парных разнополых захоронениях мужчин и женщин, как исключение отмечены погребения мужчин в сопровождении детей. К сожалению, непотревоженные мужские захоронения – индивидуальные и парные – единичны, и находки в них немногочисленны (огр. 43, мог. 1; 29А, мог. 2; 36А, мог. 1 и 2). Несмотря на ограбленность и смешанный характер вещевого инвентаря в могилах, содержащих разнополые погребения, полученные материалы позволяют выделить вещевой комплекс, отражающий основные направления деятельности мужской части коллектива, оставившего данный памятник (табл. 58). Выделенный комплекс дает возможность воссоздать мужской костюм исходя лишь из общественно-трудовой деятельности и только на гипотетическом уровне.

Особую роль в погребальной обрядности могильника Майтан, характеризующую общественную и хозяйственную деятельность мужчин, играют захоронения лошадиных туш или их отдельных частей. В оградах могильника обнаружены жертвенные комплексы, содержавшие отдельные головы и кости ног лошади, одиночный и парные конские костяки. Они располагались в оградах вдоль могил, на перекрытиях гробниц или помещались в неглубокие ямки внутри огражденного погребального пространства. Сравнительный анализ показывает индивидуальность и неповторимость всех жертвоприношений с использованием коня. На одном из костяков отмечены остатки сбруи, сохранившейся в виде костяных щитковых псалиев (огр. 29В, мог. 1), свидетельствующие не только об использовании лошади в качестве жертвенного животного, но и о широком ее применении в повседневной хозяйственно-бытовой деятельности (табл. 58, 15, 16).

Известно, что захоронения лошадей широко распространены в погребальной практике индоевропейских народов [Кузьмина, 1977]. Вопрос о месте и времени доместикации лошади остается остродискуссионным, но значительный период, прошедший со времени ее одомашнивания*, позволяет предположить использование майтанскими пастухами костяных псалиев не только для колесничной запряжки, но и для управления лошадью при верховой езде (рис. 140). Косвенно говорит об этом отсутствие в алакульско-атасуских погребальных комплексах остатков колесниц, в отличие от предшествующей новокумакской эпохи. Вышесказанное подтверждается мнением о том, что для управления верховой лошадью при выпасе табуна или стада домашних животных было достаточно ременного или веревочного недоуздка [Кузьмина, 2010, с. 38; Новоженев, 2012, с. 194]. В то же время, как считает В.А. Новоженев, «развитие всадничества сдерживал устойчивый стадный инстинкт лошади, преодоление которого требовало длительной селекции» [2012, с. 194]. С этим положением трудно согласиться. Если за два предшествующих тысячелетия использования лошади ее стадный инстинкт так и не смогли преодолеть, то как быть с данными, свидетельствующими о широком распространении всадничества в постандроновское время – всего через несколько столетий, на заключительной стадии эпохи бронзы. Более того, трудно представить, что конский

* Начальный этап одомашнивания лошади соотносят с V – началом IV тыс. до н.э. [Цалкин, 1972, с. 12–24; Кузьмина, 1977, с. 29; Гайдученко, 2014, с. 302].

Мужской вещевого комплекс

Оружие	
Булава	
Псалии	
Костяные поделки	
Костяные пряжки	
Костяные трубочки	
Пряжки из раковин	

Примечание. 1 – огр. 48, мог. 1; 2 – огр. 36В, мог.; 3 – огр. 26, мог. 1; 4 – огр. 22А, мог. 1; 5, 18 – огр. 43, мог. 1; 6, 23 – огр. 40, мог. 4; 7, 11–13, 20, 33 – огр. 8А, мог. 2; 8 – огр. 17А, мог. 1; 9, 10, 26 – огр. 29А, мог.; 14 – огр. 35, мог.; 15, 16 – огр. 29В, жерт. 1; 17 – огр. 50А, мог.; 19 – огр. 41Б, мог. 2; 21 – огр. 17А, мог. 1; 22 – огр. 36А, мог. 2; 24 – огр. 50Б, мог. 1; 25 – огр. 31, мог.; 27 – огр. 27А, мог. 1; 28 – огр. 41Б, мог. 1; 29 – огр. 13, мог. 1; 30 – огр. 29В, мог. 1; 31 – огр. 29Г, мог. 1; 32 – огр. 2, мог. 2.

Рис. 140. Могильник Майтан. Ограда 29В.
Реконструкция узды лошади

табун, коровье стадо или овечью отару можно пасти с использованием конной двуколки в условиях сложного степного рельефа Казахского мелкосопочника или горно-степного ландшафта Южного Урала. К тому же вступает в противоречие с вышесказанным предположение самого В.А. Новоженова о том, что уже в доандроновскую эпоху степное население обладало монополией на селекцию, разведение и поставку обученных лошадей [2012, с. 194–195].

Скорее всего, в новокумакский период степное население для управления верховой лошастью широко использовало как простые удила, так и более сложные, составной частью которых и являлись костяные псалии. Об этом свидетельствуют данные о колесницах в синташтинских, петровских и нуртайских комплексах, которые, скорее всего, являлись в большей мере символом высокого социального ранга, чем реально использовались в повседневной жизни. Вероятнее всего, в алакульско-атасуское время не просто совершался переход к всадничеству (колесницы и их детали в погребальном обряде заменили имитацией из парных лошадиных костяков), это период, когда лошадь стала в основном использоваться для верховой езды. Одиночные лошадиные костяки, иногда в сопровождении костяных псалиев (в тех случаях, когда не обнаружено узды, она могла изготавливаться из нестойких материалов), как раз и подчеркивают индивидуальный характер упряжи и, скорее всего, свидетельствуют о существовании всадничества с использованием лошади не только при выпасе скота, но и в качестве верхового животного в бою (рис. 141).

Составной частью мужского вещевого комплекса являются предметы вооружения, широко представленные ножами-кинжалами (табл. 58, 2–6). Особо необходимо отметить бронзовое листовидное копье с несомкнутой втулкой

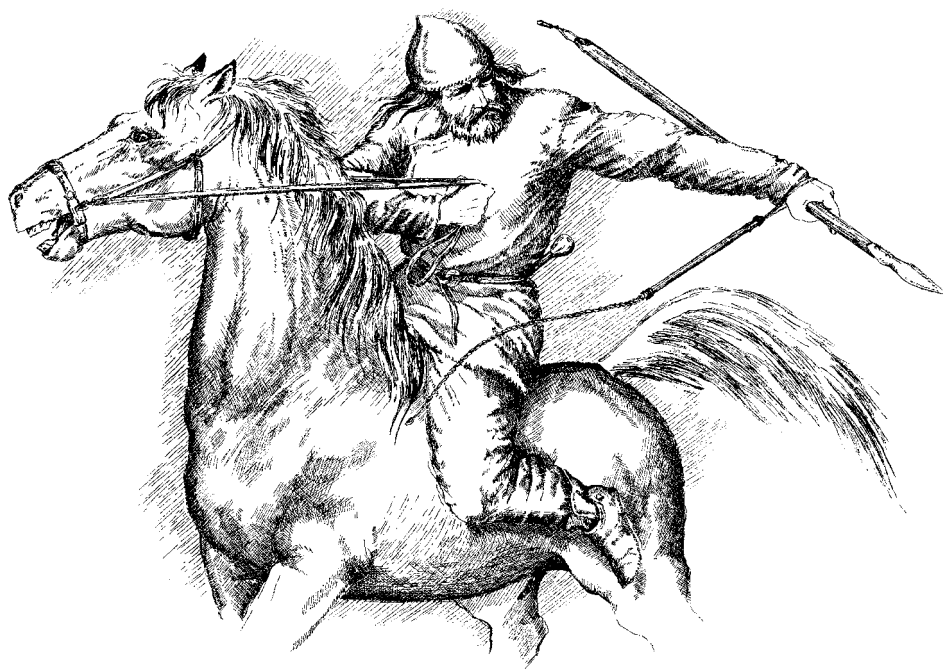

Рис. 141. Могильник Майтан.

Реконструкция облика воина во время ведения верхового конного боя

(огр. 48, мог. 1), насаженное на древко длиной 90 см. Копье украшал амулет-подвеска из резцового зуба лошади, закрепленного в отверстии у основания древка при помощи кожаного ремешка (табл. 58, 1). находка оружия наступательного характера, с коротким древком, опять же подтверждает наличие всадничества. В пешем бою использовать такой тип вооружения достаточно сложно, зато в конном контактном сражении короткое копье весьма действенно (рис. 141). опорой для ног при этом могли служить обычные ременные петли, что значительно усиливает эффективность данного вида оружия.

Оружием дистанционного боя в пешем и конном сражении являлись лук и стрелы, каменные, бронзовые и костяные (табл. 58, 7–13) [Ткачев, 2012б]. Символом военного и, возможно, гражданского руководства андроновскими коллективами выступали булавы (табл. 58, 14), достаточно редко встречающиеся в захоронениях андроновской эпохи. Одно такое изделие, несмотря на ограбленность могил, обнаружено в мужском захоронении Майтана (огр. 35, мог.).

Своеобразны найденные в парных разнополюх погребениях костяные трубочки с боковыми отверстиями (огр. 27А, мог. 1; 29А, мог. 1; огр. 31, мог.). Несмотря на различия в размерах, данные изделия типологически близки между собой (табл. 58, 25–27). К сожалению, местоположение трубчатых изделий в погребальном пространстве могил не поддается определению. Можно допустить, что они относятся к мужскому погребальному инвентарю и являлись составными частями музыкального инструмента типа свирели, сопровождавшего воинов и пастухов в различных ситуациях.

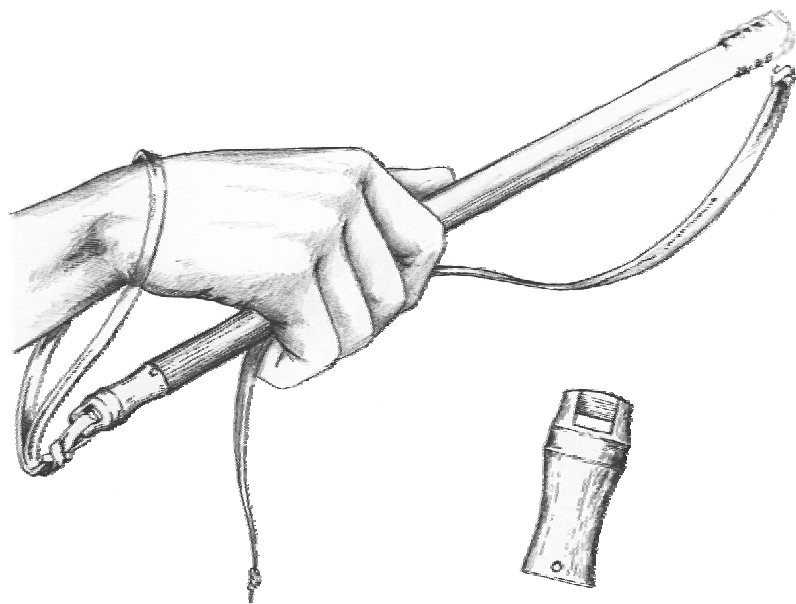

Рис. 142. Могильник Майтан. Ограда 50А, могила 1.
Реконструкция камчи

Важнейшей принадлежностью мужского вещевого комплекса воина и пастуха при господстве скотоводческого хозяйства был кнут, необходимый для управления колесницей и верховым конем как в бою, так и при выпасе стада. Остатки данных изделий до настоящего времени не отмечены в андроновских погребальных комплексах: подобные предметы изготавливались в древности и делаются сегодня в основном из нестойких материалов. Однако в одном из захоронений могильника Майтан (огр. 50А, мог. 1) мужчину сопровождало костяное изделие (табл. 58, 17), которое по внешнему виду и оформлению напоминает навершие рукояти камчи (рис. 142). У многих скотоводческих народов плеть (камча) считалась главным оружием воина-всадника. Она, обычно пропитанная конским потом, являлась его оберегом, к которому боялась приблизиться любая потусторонняя нечистая сила [Токтабай, 2004, с. 6].

В двух могилах, содержащих парные разнополюые захоронения: мужчины и женщины (огр. 43, мог. 1), мальчика и девочки (огр. 41Б, мог. 2) – встречены костяные навершия (табл. 58, 18, 19). Подобные изделия, иногда дополненные небольшими бронзовыми шильцами, обычно рассматриваются в качестве стрекал, которые, по мнению В.А. Новоженова, использовались колесничими для управления лошадьми [2012, с. 262]. Трудно представить, как таким миниатюрным предметом со вставленным в него небольшим бронзовым клинышком можно управлять лошадьми с колесницы. Если данные орудия и использовались для управления лошадью, то, скорее всего, именно верховой, поскольку для человека, сидящего на коне, длина острия стрекала не имела значения. Но и при этом не совсем понятно, зачем преднамеренно наносить коню довольно

болезненную рану. Человек, почитающий коня (считается общепризнанным, что лошадь в древности являлась сакральным животным), вряд ли мог себе это позволить.

Как уже отмечалось выше, основная часть захоронений мужчин разграблена, а в сохранившихся погребениях на костях скелета обычно нет сопровождающего инвентаря, кроме пряжек из кости, рога и раковин. Костяные пряжки, за исключением одной (табл. 58, 24), изготовлены достаточно просто и, несмотря на определенную вариабельность, могут считаться характерной принадлежностью мужского костюма. Они использовались для закрепления отдельных деталей одежды при помощи завязок (табл. 58, 20–23). Пряжки из раковин являлись основой поясной гарнитуры. Для изготовления поясных пряжек использовались массивные и толстостенные раковины, их характерная особенность – крупное округлое отверстие в центре изделия и небольшое овальное – в замковой части. Широкое распространение данного вида изделий в мужских захоронениях степной зоны Зауралья и Казахстана позволяет предполагать сходство основных черт мужского костюма в разных регионах андроновской ойкумены.

Одной из составных частей костюма является обувь, но при исследовании захоронений могильника Майтан прямых данных, свидетельствующих о формах и типе обуви, не отмечено. В то же время в двух могилах прослежено своеобразное расположение бронзовых бус на щиколотках ног мужчин: в одном случае параллельно щиколотке левой ноги фиксировались две низки бронзовых бус (огр. 41Б, мог. 1); в другом – на щиколотках мужчины прослежено четыре низки бронзовых бус и пронизей, расположенных параллельно костям голени (огр. 48, мог. 1). Возможно, бронзовые бусы служили украшением кожаной обуви. Предположительно бронзовые изделия украшали голенища сапожек, высота которых достигала 15–20 см (рис. 143). Вероятно, сапоги, имевшие форму широкого раструба, закреплялись на ноге при помощи неорнаментированных завязок и имели сходство с кожаными изделиями, остатки которых обнаружены в могильнике Исеней I [Куприянова, 2008, с. 100–101, рис. 65, 2]. Остатки меховой и кожаной обуви отмечены в могильниках Орак

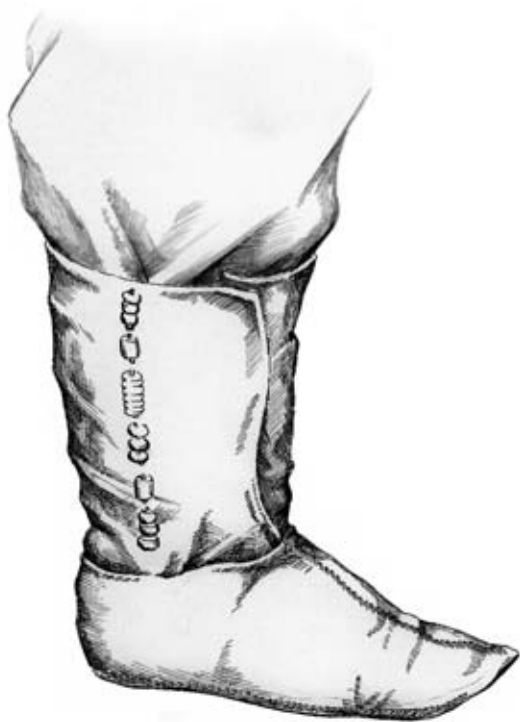

Рис. 143. Могильник Майтан.
Ограда 48, могила 1.
Реконструкция кожаной обуви

[Комарова, 1961, с. 50], Пристань I [Максименков, 1978, с. 14], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 145–146]. Упоминается о наличии кожаных сапог и в могильнике Гумугоу, где исследованы захоронения людей андроновского антропологического типа [Кузьмина, 1994, с. 241]. По мнению Е.В. Куприяновой, кожаные сапоги с передним разрезом без застежек являлись характерной обувью мужчин и женщин, но у последних подвязки иногда украшались нанизанными или пришитыми к ним бусинами [Куприянова, 2008, с. 102].

Среди предметов, не характерных для захоронений мужчин, можно отметить бронзовое шило (огр. 25Б, мог.), каменное навершие (рис. 28А, мог. 3) и подвески из зубов крупного рогатого скота (огр. 28А, мог. 1). Особо выделяется одна из могил, содержащая парное захоронение взрослого мужчины и девочки-подростка (огр. 36А, мог. 1). Мужчину сопровождало компактное скопление изделий (3 подвески из клыков корсака и 21 бронзовая бусина) у запястья правой руки. Данный набор украшений, если его рассматривать как элемент мужского погребального инвентаря, являлся, скорее всего, четками.

Древнейшие из известных четок появились во II тыс. до н.э. в Индии и представляли собой шнур или ленту, замкнутые в кольцо, на которых навязывались узелки, нанизывались бусины, зерна, пластинки или иные однородные элементы. Последователи Ваджраяны используют четки с нитью из пяти разноцветных волокон: синего, зеленого, белого, красного и желтого цветов, символизировавших пять элементов, лежащих в основе видимого мира (пространство, воздух, вода, огонь и земля) [Трофимов, 2001, с. 12–15].

По зернам, узлам или иным составляющим четок производился счет прочитанных молитв, мантр, совершенных поклонов и иных ритуальных действий. Деление основных счетных элементов четок на отдельные группы значительно упрощает отсчитывание. Четки сами по себе являются напоминанием о молитве, а соединенные в кольцо – о непрерывной молитве. Зерна четок символизируют цикл молитвенных поз, строго фиксированных движений, произнесение формул, т.е. порядок чередования в ритуале моления [Трофимов, 2001, с. 30]. Среди других функций четок отмечают следующие: задание ритма, сохранение концентрации и внимания, борьбу со сном, наделение способностью излечивать те или иные недуги.

По виду четок можно делать выводы о принадлежности их владельца к той или иной ступени посвящения или ветви учения, степени его подготовки. Конструкция и форма четок, число элементов, материал, цвет, способ ношения и использования наделяются в различных учениях разными символическими смыслами. Наиболее часто четки ассоциируются с цикличностью и бесконечностью, связью и преемственностью, лестницей в небо.

Считалось, что четки, сделанные из металла (золота, серебра, меди или бронзы), увеличивают продолжительность жизни, способствуют развитию мудрости и духовных заслуг. Основания четок, выполненные из других материалов, имели украшения в соответствии с определенной символикой – из железа, бронзы, серебра, золота или кости. Брахманские четки обычно оканчивались двумя равнозначными кисточками оранжевого цвета в месте соединения концов нитки, исходящими из единого узла. Данная символика отображала два начала, мужское и женское, положительное и отрицательное, от соединения

Рис. 144. Могильник Майтан. Ограда 36А, могила 1.
Реконструкция четок

которых рождается жизнь. Четки чаще изготавливали из красного, черного, шелковичного и розового дерева, полудрагоценных камней, коралла, жемчуга, янтаря, горного хрусталя, мелких ракушек [Трофимов, 2001, с. 34–39]. Можно допустить, что в андроновских коллективах для четок использовались традиционные материалы. На это указывают и плохая сохранность подобных изделий, и отсутствие упоминаний о данных предметах в публикациях погребальных комплексов эпохи бронзы.

Исходя из археологизированных остатков, реконструируется следующий облик майтанских четок. Низка из 21 бронзовой бусины разделена на части тремя подвесками из клыков корсака, два из которых близки по размерам, третий значительно больше. Скорее всего, четки делились клыками на три части по 7 бусин-зерен в каждой. Данное число в представлениях многих народов сакрально и отражено в многочисленных понятиях и выражениях, означая, как правило, некую завершенность, полноту: семь звезд Большой Медведицы, семь дней недели, семь нот, семь цветов радуги. Основание четок, вероятно, было украшено неподвижным, самым крупным клыком, за которым, возможно, находились одна или две кисточки. Вполне допустимо, что носители андроновских традиций могли использовать для этого нити пяти цветов, о которых говорилось выше (рис. 144).

Рис. 145. Могильник Майтан. Внешний вид мужского костюма

Весьма интересно и общее количество элементов, составляющих четки. Число 24 (21 бусина и 3 клыка) удобно в различных исчислениях: 24 часа в сутках, 12 месяцев в году. В то же время сравнительный анализ показывает, что в разных культурах количество зерен в четках неодинаково, не унифицировано, и не всегда количественное сочетание элементов в них поддается объяснению.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в пристройке к основной оgrade, содержащей захоронение с четками, исследовано погребение кремированного ребенка (подростка?), подчеркивающее особый статус погребенного взрослого мужчины, прошедшего определенные ступени посвящения или достигшего большой мудрости, признанной другими членами коллектива. Данный индивид мог являться родственником и/или пестуном, наставником и защитником будущего жреца*. Возможно, последнего, преждевременно скончавшегося будущего служителя культа, захоронили в пристройке к оgrade, где основным являлось захоронение его родственника или наставника.

Подводя итоги анализа мужского вещевого комплекса могильника Майтан, можно констатировать, что характерной особенностью мужского костюма является практически полное отсутствие на нем украшений, за исключением украшения в некоторых случаях обуви. Основным компонентом, объединяющим мужской костюм в целое, служила сложная система завязок из веревочек и ремешков, использовавшихся для закрепления и фиксации его на теле при помощи костяных пряжек. Большое значение в жизни мужчины имели конь, предметы вооружения (ножи, копья, лук и стрелы) и престижный инвентарь (булавы, плети), к которому относились и пряжки, являющиеся исключительной принадлежностью мужского костюма.

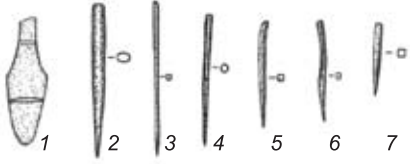

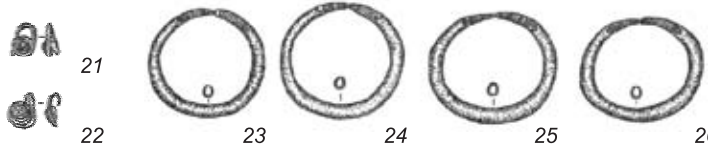
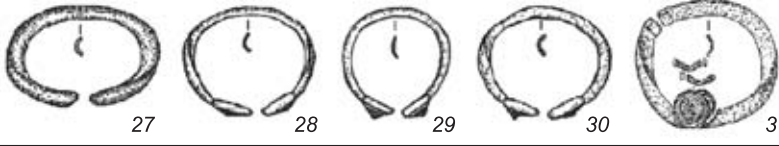
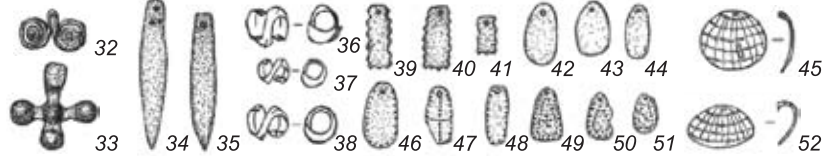
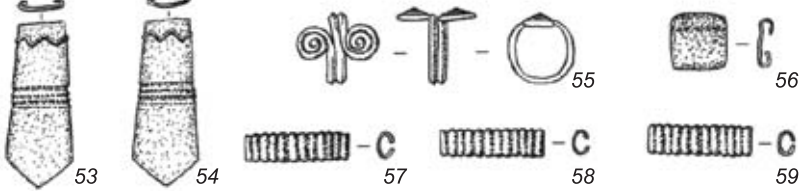
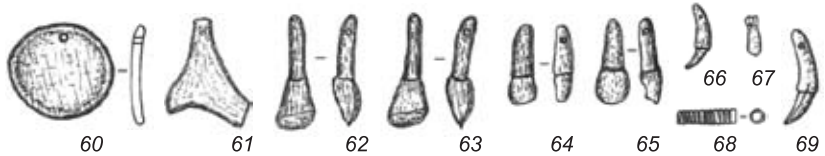
Основной мужской вещевой комплекс включал предметы вооружения и престижный инвентарь, которые лишь косвенно могут свидетельствовать об особенностях одежды. Собирательный образ внешнего вида андроновских мужчин – воинов и пастухов (рис. 145) может быть создан с помощью главных составляющих костюма: распашной одежды типа кафтана и штанов; головным убором служили шапки и колпаки с коническим верхом, связанные из шерсти или сшитые из кожи [Кузьмина, 1986, с. 98–99].

ЖЕНСКИЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС

Если мужские захоронения содержат в основном предметные комплексы, связанные с конкретными видами деятельности, при почти полном отсутствии украшений костюма, то в женских, наоборот, отмечен минимальный набор изделий, имеющих отношение к обыденной деятельности. Он представлен миниатюрным ножом и шильями (табл. 59, 1–7). Несмотря на ограбленность, основная часть женских захоронений включает значительное количество ювелирных изделий, использовавшихся для украшения одежды и отдельных частей тела, которые требовалось выделить или подчеркнуть при помощи украшений. В основном это голова, волосы, область шеи и груди, руки и ноги. Поскольку большинство могил ограблены, то обнаруженные предметы могут соотноситься с той или иной группой украшений исходя лишь из их типологических особенностей.

* Подробнее о жрецах см. в гл. 7.

Женский вещевой комплекс

Орудия	
Бляшки	
Серьги	
Браслеты	
Подвески	
Пронизи, перстни, обоймы	
Изделия из кости	

Примечание. 1, 29, 42–44, 46–48 – огр. 8Б, мог.; 2 – огр. 38, мог. 1; 3, 39, 40 – огр. 15А, мог. 4; 4 – огр. 30А, мог. 1; 5 – огр. 42, мог. 1; 6 – огр. 32, мог.; 7 – огр. 34Б, мог.; 8, 9 – огр. 36Г, мог. 2; 10, 57–59 – огр. 40, мог. 5; 11 – огр. 28А, мог. 3; 12 – огр. 17Б, мог.; 13, 19, 20, 32, 69 – огр. 5А, мог.; 15–18, 41, 49–51, 67, 68 – огр. 8А, мог. 1; 21, 22, 31 – огр. 5Б, мог.; 23, 24 – огр. 27А, мог. 2; 25, 26 – огр. 24, мог.; 27 – огр. 49, мог. 3; 28 – огр. 41Б, мог. 2; 30 – огр. 18Е, мог. 1; 33, 56 – огр. 22А, мог. 1; 34, 35 – огр. 2, мог. 4; 36 – огр. 18В, мог. 1; 37 – огр. 43, мог. 1; 38 – огр. 40, мог. 2; 45 – огр. 15В, мог.; 52 – огр. 41Б, мог. 3; 53, 54 – огр. 16Б, мог. 2; 55 – огр. 15Г, мог.; 60 – огр. 22Б, мог.; 61 – огр. 23А, мог. 2; 62, 63 – огр. 23Д, мог.; 64, 65 – огр. 28А, мог. 1; 66 – огр. 8А, мог. 3.

Сравнительный анализ вещевого инвентаря показал, что основная часть украшений связана с возрастным статусом женской половины общества. По особенностям украшений можно выделить два возрастных класса: девочки и женщины. Далее будут рассмотрены только те случаи, когда достоверно реконструируются детали размещения конкретных видов украшений на одежде или теле погребенных.

Девочки. Значительная часть исследованных могил по размерам соотносится с детским возрастом (90 могил – 42 %), а если учитывать и совместные погребения разных возрастных классов, то останки детей отмечены в 102 погребальных комплексах (47,7 %). Установить половую принадлежность детей по костным останкам невозможно, и обычно пол определяют исходя из особенностей сопровождающего погребального инвентаря. Вместе с тем абсолютно достоверно связать погребенных детей с мужской или женской частью коллектива, оставившего могильник Майтан, нельзя, так как в значительной части детских могил в качестве сопровождающего инвентаря обнаружено только 1–2 сосуда. Более того, почти треть детских погребений содержит лишь посуду или отдельные вещи при отсутствии костных останков (29 могил – 32,2 % от общего количества детских погребальных конструкций).

Определенной закономерности в размещении вещевого инвентаря не прослежено. Он отмечен в 22 захоронениях (24,4 %) – от могил, содержащих младенцев, до погребений детей старшей группы, которая маркируется возрастом в 14–15 лет. С определенной долей условности к мужской части коллектива можно отнести 5 детских захоронений, в которых найдены подвеска из резца животного (огр. 4Е, мог.), астрагал и поделка из рога оленя (огр. 10Б, мог. 2), поделка из глины (огр. 27В, мог.), бронзовый нож и подвески из клыков (огр. 36В, мог.), астрагалы (огр. 39, мог. 1). В рамках детской мужской группы можно рассматривать и захоронение ребенка по обряду трупосожжения (огр. 36Б, мог.) и двух детей в парных захоронениях (огр. 10Б, мог. 1; огр. 41Б, мог. 2). В остальных могилах с детскими захоронениями встречены разнообразные ювелирные изделия – браслеты с округлыми несомкнутыми концами (табл. 59, 27), перстни, бляшки, обоймы, листовидные подвески, амулеты из клыков и раковин, бусы из бронзы и пасты, сопоставимые с типичным набором женских ювелирных украшений.

Значительная часть детских захоронений, содержащих украшения, нарушены в процессе ограбления, и только в четырех случаях, исходя из особенностей размещения на костях погребенных, можно реконструировать место ювелирных изделий на теле и костюме детей, соотносимых с младшей возрастной группы женской части коллектива, оставившего памятник.

Наиболее простой головной убор, в виде шапочки или головной повязки, украшенной в области висков пастовыми бусами – по одной с каждой стороны (рис. 146), – располагался на голове девочки в возрасте 2–3 лет (огр. 22А, мог. 1). Аналогичный головной убор со спиралевидной подвеской в области лба погребенного ребенка мог находиться и на несохранившемся костяке младенца (огр. 30А, мог. 2). Головной убор, наиболее близкий последнему, обнаружен в могильнике Сатан, где шапочку украшала бляшка, расположенная на лбу погребенного ребенка [Усманова, 2010, с. 25, рис. 22].

Рис. 146. Могильник Майтан. Ограда 23А, могила 3.
Реконструкция головной повязки

В одном из захоронений ворот рубахи (платья?) девочки в возрасте 3–4 лет обшит пятью мелкими ископаемыми раковинами, чередующимися с четырьмя пастовыми бусинами (огр. 41Б, мог. 3). На запястье левой руки ребенка был надет бронзовый желобчатый браслет с несомкнутыми концами (рис. 147).

Данный тип браслетов характерен для детской возрастной группы могильника Майтан. Обломки аналогичного браслета отмечены в двух разрушенных погребениях: одно содержало останки старой женщины и полугодовалого ребенка (огр. 50Б, мог. 2); второе – ребенка в возрасте 3–4 лет (огр. 36Г, мог. 2). В двух случаях подобные браслеты отмечены на запястьях обеих рук погребенного подростка 10–14 лет (огр. 36А, мог. 1) и ребенка в возрасте до 1 года (огр. 49, мог. 3). В одной из могил, где отсутствовали останки ребенка, зафиксированы браслеты, по расположению которых во внутреннем пространстве погребальной камеры и исходя из особенностей погребальной позы (скорченно, на левом боку), характерной для данного памятника и эпохи, можно предположить, что украшения были надеты на запястья обеих рук младенца (огр. 30А, мог. 2).

Рис. 147. Могильник Майтан. Ограда 41Б, могила 3.
Реконструкция украшения ворота рубахи

Интересные материалы обнаружены в захоронении, содержащем погребение ребенка в возрасте 2–3 лет (огр. 15В, мог.). Шею девочки украшало ожерелье, основой которого являлась ископаемая раковина, обрамленная с двух сторон подвесками из коренных зубов собаки или волка. По краям ожерелья отмечено последовательное чередование из трех бусин и двух двусоставных пастовых пронизей. В косу погребенной, оканчивающуюся в области пояса, были вплетены две подвески из клыков корсака и лисицы (рис. 148). Вероятно, данный принцип размещения украшений характерен для костюма девочек младшей возрастной группы: остатки ювелирного набора из нескольких пастовых бусин и двух подвесок из клыков лисицы отмечены еще в одном из разрушенных детских захоронений (огр. 32Б, мог.). Близкие наборы украшений, маркирующие детский возраст, обнаружены и в других памятниках Центрального Казахстана. Например, в могильнике Нуртай ребенка в возрасте 7–14 лет сопровождали не только желобчатые браслеты с несомкнутыми концами, но и аналогичное накосное украшение [Ткачев, 2002а, с. 184, рис. 56, 8].

Рис. 148. Могильник Майтан. Ограда 15В, могила.
Реконструкция ожерелья и украшения косы

Более сложный набор вещевого инвентаря характерен для парных детских захоронений. Сравнительный анализ свидетельствует о том, что дети, погребенные в данных захоронениях, могли соотноситься с возрастной группой взрослых. Так, на запястьях обеих рук девочки в возрасте 4–5 лет находилось по желобчатому браслету с окончаниями, закрученными в тугую плоскую спираль (огр. 41Б, мог. 2). За спиной, чуть ниже области шеи, располагались два ряда небольших орнаментированных бронзовых бляшек, заканчивающихся в области лопаток тремя листовидными подвесками. Реконструируется наконечник, украшенный двумя рядами вертикально расположенных бронзовых бляшек, нашитых на кожаную основу в виде небольшого прямоугольника, охватывающего короткую косу в районе плеч и образующего своеобразную стянутую ремешками округлую тубу, к которой крепились три листовидные подвески, а обнаруженные у основания черепа несколько пастовых бусин и пронизей, возможно, украшали ворот платья или завязки небольшой шапочки (рис. 149).

Рис. 149. Могильник Майтан. Ограда 41Б, могила 2.
Реконструкция накосника

Близкий, но более сложный набор вещевого инвентаря обнаружен в другом захоронении, содержащем частично разрушенное парное погребение детей в возрасте 9–10 лет (огр. 10Б, мог. 1). Вещей, сопоставимых с мужским комплексом, в могиле не зафиксировано. Все изделия характерны для женского комплекса ювелирных украшений. Руки погребенной девочки, судя по находкам, украшали бронзовые перстни с S-образными щитками. Косу украшал сложносоставной накосник, сочетающий разнообразные бронзовые бляшки, пронизи и листовидные подвески. Обнаруженные пастовые бусины и пронизи могли украшать платье или входить в набор накосника. Принадлежность к старшей возрастной группе погребенной девочки подчеркнута и низкой из 22 бронзовых бусин, зафиксированной на лодыжке правой ноги, сохранившейся непо потревоженной. Бусы на щиколотках ног погребенных детей отмечены еще в трех захоронениях (табл. 60): одно – мальчика и девочки (огр. 15А, мог.), второе – взрослой женщины и ребенка (огр. 23А, мог. 1), третье –

Распределение бронзовых бус на щиколотках ног погребенных женщин

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Характеристика погребения (количество, пол погребенных)	Поза и возраст погребенной	Ориентировка погребенной	Количество бусин на щиколотках ног	
						правой	левой
1	2	3	4	5	6	7	8
1	4Б	1	Парное (мужчина и женщина)	Слабоскорченно на левом боку (16–18 лет)	3–В	48	47
2	5Б	1	Женщина	Скорченно на левом боку (18–20 лет)	Ю3–СВ	18	19
3	6	1	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на левом боку (взрослая женщина)	С3–ЮВ	42	41
4	7А	1	Женщина	Скорченно на левом боку (взрослая женщина)	С3–ЮВ	В области щиколоток 34 бронзовые бусины	
5	7Д	1	Женщина	Скорченно на левом боку (взрослая женщина)	Ю3–СВ	13	Бусы отсутствовали
6	10Б	1	Парное (мальчик и девочка)	Скорченно на правом боку (9–10 лет)	3–В	22	Кости ноги отсутствовали
7	14	1	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на правом боку (взрослая женщина)	3–В	24	23
8	15А	1	Парное (мальчик и девочка)	Скорченно на правом боку (10–12 лет)	3–В	50	49
9	15Г	1	Женщина	Скорченно на левом боку (18–20 лет)	3–В	59	59
10	17В	1	Женщина	Скорченно на левом боку (20–25 лет)	Ю3–СВ	На щиколотках ног не менее 120 сильно коррозированных бусин	
11	23А	1	Парное (женщина и девочка)	Скорченно на левом боку (3–5 лет)	3–В	20	21
12	23Д	1	Женщина	Скорченно на левом боку (20 лет)	3С3–ВЮВ	28	29
13	25	1	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на левом боку (30–40 лет)	3С3–ВЮВ	20	19

1	2	3	4	5	6	7	8
14	29Б	1	Женщина	Скорченно на правом боку (взрослая)	СЗ–ЮВ	72	Кости ног отсутствовали
15	31	1	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на правом боку (взрослая женщина)	З–В	На щиколотках ног около 40 сильно коррозированных бусин	
16	36А	2	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на правом боку (30–35 лет)	СЗ–ЮВ	12	13
17	38	1	Женщина	Скорченно на левом боку (20 лет)	З–В	64	63
18	40	6	Женщина	Скорченно на левом боку (30 лет)	З–В	36	37
19	41Б	1	Парное (мужчина и девочка)	Скорченно на правом боку (девочка 10 лет)	Ю–С	22	21
20	43	1	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на левом боку (молодая женщина)	З–В	На щиколотках ног не менее 150 сильно коррозированных бусин	
21	50А	1	Парное (мужчина и женщина)	Слабоскорченно на правом боку (20 лет)	ЮЗ–СВ	46	45
22	50В	1	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на левом боку (18 лет)	ЮЗ–СВ	24	25

взрослого мужчины и ребенка (огр. 41Б, мог. 1). Необходимо отметить и погребение ребенка в сопровождении украшений, которые можно соотнести с остатками челюстно-лицевой подвески (огр. 36Г, мог. 2), являющейся важной деталью костюма женщин репродуктивного возраста [Ткачев, 2002б, с. 11–12, рис. 137].

Итак, для детского возрастного класса женской группы данного коллектива характерен весьма избирательный подход к сопроводительному инвентарю. Основная часть детей погребены, за исключением посуды, без вещевого инвентарю. Незначительная часть захоронений содержала вещевой инвентарь, характерный для детской возрастной группы, который использовался как в повседневной жизни в качестве украшений, так и в погребальной практике в исключительных случаях, определить и охарактеризовать которые не представляется возможным. Исключением являются парные захоронения, где погребенные дети в силу каких-то причин рассматривались в качестве взрослых.

Женщины. В могильнике Майтан выделяется несколько погребальных групп, связанных с захоронением женщин: индивидуальные, парные разнополые и, как исключение, погребения с детьми. Основная часть женских захоронений потревожены, поэтому восстановить характерные особенности женского костюма сложно, несмотря на значительное количество разнообразных украшений, обнаруженных в погребальных комплексах (см. табл. 59). Из 78 погребений женщин воссоздать детали женской одежды удастся лишь в некоторых случаях. Все проведенные реконструкции связаны с украшением верхней (голова, волосы, руки) и нижней (ноги) частей тела. Далее рассмотрены основные варианты размещения украшений, использовавшиеся для разных возрастных групп женской части коллектива, оставившего могильник.

Одним из главных элементов повседневного и погребального женского костюма являлись шапочки. Они с определенной долей вероятности реконструируются по материалам трех захоронений (огр. 17В, мог. 1; огр. 23Д, мог. 1; огр. 43, мог. 1). Необходимо отметить, что в силу особенностей почвы и погребальной обрядности памятника остатки текстиля не встречены даже в не подвергшихся ограблению могилах.

В первом случае реконструируется шапочка, обшитая по основанию пастовыми бусами. Головной убор в области ушных раковин дополнительно украшен бронзовыми подвесками в полтора оборота, обтянутыми золотой фольгой, по две подвески с каждой стороны. Шапочка закреплялась на голове завязками, обшитыми в верхней части пастовыми бусами (рис. 150).

Во втором случае головной убор декорирован позолоченными подвесками в полтора оборота, подвешенными к шапочке по 5 шт. с правой и левой сторон; низка пастовых бус и пронизей, обнаруженная под подбородком, украшала завязки головного убора, которые, обрамляя лицо, выполняли и функции лицевой подвески (рис. 151).

В третьем случае несохранившуюся шапочку украшали с двух сторон бронзовые трубчатые височные кольца с прикрепленными к ним четырьмя позолоченными подвесками в полтора оборота (рис. 152). В пределах Центрального Казахстана аналогичный способ крепления подвесок к височному кольцу отмечен в могильнике Балыкты [Ткачев, 2002б, с. 9, 14, рис. 136, 13, 14, 30, 31].

В одном из захоронений у основания черепа найдено скопление из трех бронзовых подвесок в полтора оборота (огр. 40, мог. 2). Определенная асимметрия в данном случае позволяет предполагать, что подвески могли крепиться к левой стороне шапочки (рис. 153) или непосредственно украшать края ушной раковины погребенной (рис. 154).

Впервые данный способ использования подвесок в полтора оборота открыт на Алтае при исследовании андроновского могильника Фирсово XIV, где обнаружено мумифицированное ухо, украшенное аналогичными подвесками [Позднякова, 2000, с. 47–48, рис. 1, 8]. Позднее такой способ размещения данного вида украшений на теле погребенных соотнесли с материалами алтайских и казахстанских могильников Рублево VIII [Кириوشин и др., 2006, с. 36], Кытманово [Уманский и др., 2007, с. 30–31], Кенжеколь I [Усманова и др., 2007, с. 44–47, фото 1]. Можно допустить, что украшение ушных раковин подвеска-

Рис. 150. Могильник Майтан. Ограда 17В, могила 1.
Реконструкция шапочки

Рис. 151. Могильник Майтан. Ограда 23Д, могила 1.
Реконструкция шапочки

Рис. 152. Могильник Майтан. Ограда 43, могила 1.
Реконструкция шапочки

Рис. 153. Могильник Майтан. Ограда 40, могила 2.
Реконструкция шапочки и костюма погребенной

ми практиковалось носителями андроновских традиций достаточно широко, тогда как исследователи, в том числе автор, обычно рассматривают их в качестве составного элемента украшения головных уборов (рис. 155).

Наиболее широко распространенной деталью женского ювелирного набора являлись бронзовые желобчатые браслеты, украшавшие запястья рук погребенных (см. табл. 59, 28–31). Бронзовые браслеты с уплощенной или конической спиралью отмечены в 22 захоронениях могильника Майтан (см. табл. 31). Количество браслетов различно: в парном разнополом захоронении женщину сопровождал один браслет, надетый на запястье левой руки (огр. 36А, мог. 2); в трех случаях отмечено по одному браслету на запястьях обеих рук (огр. 17В, мог. 1; огр. 40, мог. 2; огр. 40, мог. 6; см. рис. 150, 153, 155, 156); в трех – по

Рис. 154. Могильник Майтан. Ограда 40, могила 2.
Реконструкция крепления подвесок к ушной раковине

два браслета на запястье каждой руки (огр. 5Б, мог.; огр. 18В, мог. 1; огр. 23Д, мог. 1; см. рис. 151). В одной из могил найден кожаный подбраслетник шириной 5 см, использовавшийся для предохранения окрашивания кожи запястий рук (огр. 5Б, мог.). Аналогичные кожаные подбраслетники, обшитые по краям пастовыми бусами, отмечены в могильнике Балыкты [Ткачев, 2002б, с. 9]. Можно согласиться и с мнением Е.В. Куприяновой, полагающей, что часть браслетов закреплялась поверх рукава платья, выполняя роль манжет [Куприянова, 2008, с. 95–96].

Достаточно распространенным элементом женского ювелирного набора являлись и листовидные подвески, использовавшиеся для украшения волос. По сохранившимся *in situ* деталям, обнаруженным с захоронениями женщин, реконструируются три наконечника, располагавшиеся за спиной погребенных. Необходимо отметить, что в материалах могильника Майтан отсутствуют сложносоставные наконечники, характерные для памятников синташтинского, петровского и нуртайского облика.

Рис. 155. Могильник Майтан. Ограда 40, могила 2.
Украшение ушной раковины и рук

Один накосник, сопровождавший взрослую женщину, занимает промежуточное положение между ранними (новокумакского времени) и поздними (алакульско-атасускими) образцами: у него отсутствуют ряды бронзовых обойм, являющихся характерным элементом ранних женских накосных подвесок. Основным компонентом выступают орнаментированные трубчатые пронизи, непосредственно к которым крепились четыре листовидные подвески (рис. 157).

Во втором сложносоставном накоснике сочетаются пять небольших орнаментированных листовидных подвесок, объединенных бронзовой обоймой и вплетенных в косу двумя узкими кожаными ремешками с нанизанными на них пастовыми бусинами. Особенности обнаружения данного вида подвесок позволяют говорить об одной-двух косах, заканчивающихся на уровне лопаток (рис. 158, 1, 2). Судя по материалу в нарушенных захоронениях, аналогичные накосники могли сопровождать погребенных женщин еще в трех случаях (огр. 5А, мог.; огр. 8А, мог. 1; огр. 8Б, мог.).

Рис. 156. Могильник Майтан. Ограда 40, могила 6.
Реконструкция накосника и украшения рук

Наиболее простая схема характерна для третьего накосника, включавшего всего три листовидные подвески, украшавшие косу в области поясничного отдела (см. рис. 156). Данное количество изделий является наиболее оптимальным для накосных украшений. Подвески с привязанными к ним кожаными тесемками или веревочками более органично использовать для вплетения в косу, предварительно разделенную на три пряди. Такое количество листовидных подвесок отмечено несколько раз даже в ограбленных захоронениях (огр. 2, мог. 4; огр. 18Д, мог. 2; огр. 44А, мог. 2). Как правило, накосники сочетаются с другими видами головных украшений, а их развитие шло по линии упрощения, поэтому последний вид постепенно становится наиболее распространенным и присутствуют во всех возрастных женских группах алакульско-атасуской ойкумены.

Основная часть могил памятника ограблена, но в потревоженных захоронениях обнаружена значительная серия изделий как массового характера, так и с яркими индивидуальными чертами. Найденные изделия – бляшки (см. табл. 59, 8–20), серьги (табл. 59, 21–26), подвески (табл. 59, 32, 33), перстни (табл. 59, 55), пронизи (табл. 59, 57–59, 68) могли использоваться в женском костюме и в качестве украшений отдельных частей тела, и как амулеты – раковины (табл. 59, 45, 52, 60–67, 69), кулоны (табл. 59, 60, 61), подвески из клыков и костей животных (табл. 59, 62–67, 69).

Воссоздать местонахождение конкретного изделия и его роль в украшении костюма женщины в основном можно только гипотетически. Тем не менее в одном случае специфика находки позволяет с достаточной достоверностью го-

Рис. 157. Могильник Майтан. Ограда 16Б, могила 2.
Реконструкция накосника

ворить, что в качестве сопровождающего инвентаря использовалась кожаная сумочка, в которой находились трубчатые кольца-серьги (огр. 24, мог.); в другом случае – подвески из резцов животных могли располагаться в небольшой прямоугольной коробочке, установленной в области пояса (см. рис. 151); в третьем – отмечено скопление украшений: округлый кулон и клыки животных – ожерелье, которое женщина в качестве амулета могла носить на шее (рис. 159). Аналогичные способы размещения в погребальном пространстве отдельных вещей отмечены и в других могильниках Центрального Казахстана [Ткачев, 2002а, с. 164, рис. 52; с. 177, рис. 62].

Необходимо остановиться еще на одном виде украшений, встречающихся в памятниках андроновского круга, – бронзовых перстнях с S-образными щитками. Они найдены в двух захоронениях могильника Майтан (огр. 10Б, мог. 1; огр. 15Г, мог.). По типологии Е.В. Куприяной все найденные изделия относятся ко второму подтипу двухвитковых перстней, не имеющих широкого распространения и тяготеющих к более ранним синташтинско-петровским

Рис. 158. Могильник Майтан. Ограда 5Б, могила 1.
Накосник, вплетенный в прическу с одной (1) или двумя (2) косами

комплексам [2008, с. 21, табл. 3]. Данный вид украшений обычно встречается в переотложенном состоянии, поэтому определить точное местонахождение перстней на конкретных пальцах рук удастся редко. В то же время отмечается, что обычно они надеты на одну руку, иногда по два на один палец [Там же, с. 96]. В могильнике Майтан удалось зафиксировать точное местонахождение перстней: на третьих фалангах мизинца и среднего пальца обеих рук женщины в возрасте 18–20 лет было надето по одному перстню (рис. 160). Аналогичный способ размещения данного вида украшений отмечен в одном из захоронений Алакульского могильника, где каждый палец украшало по два перстня [Шилов, Богатенкова, 2008, с. 224].

Соотнести изделия с особенностями украшения женского костюма в области груди, пояса или подола достаточно сложно, так как в сохранившихся погребениях украшения в соответствующих местах отсутствуют. В нарушенных захоронениях отмечены отдельные низки бус, по которым реконструировать те или иные параметры одежды практически невозможно.

В погребальных комплексах могильника Майтан, как и в других памятниках андроновского круга, широко практиковалось использование бронзовых бус, располагавшихся вокруг щиколоток ног в виде низок. Данный способ размещения украшений отмечен в 22 захоронениях, включая детские, индивидуальные женские, парные разнополые мужчин и женщин, мужчин и женщин с детьми (табл. 60).

Рис. 159. Могильник Майтан. Ограда 22Б, могила.
Реконструкция ожерелья

Анализ по возрастным показателям свидетельствует о том, что украшение ног низками бронзовых бус (других украшений не встречено) является характерным признаком принадлежности погребенных к взрослой женской возрастной группе. Как исключение можно отметить наличие низок бус в двух парных захоронениях детей, на костяке ребенка, погребенного вместе с женщиной (у нее бусы отсутствовали), и у ребенка 9–10 лет, сопровождавшего мужчину.

Количество бусин в низках варьируется достаточно широко: минимальное количество составляет 12, максимальное – 72. Количество бусин в низке не зависело от возраста погребенного. Обычно по одной низке располагалось на щиколотках обеих ног, и только в одном случае низка из 13 бусинок украшала правую щиколотку взрослой женщины. Наблюдения показывают, что если бусин менее 50, то между ними наблюдаются определенные просветы; если более этого числа, то они, примыкая одна к другой, плотно охватывают лодыж-

Рис. 160. Могильник Майтан. Ограда 15Г, могила.
Перстни на руках женщины

ку. Другая закономерность связана с количеством бусин в низках, располагавшихся на разных ногах погребенных: в каждом из зафиксированных случаев в одной из низок всегда на одну бусину больше. В 8 случаях больше бусин на правой и в 6 – на левой ноге. Только в одном захоронении отмечено одинаковое количество бусин (табл. 60). Эти особенности обусловлены каким-то специфическим подходом к конкретным девочкам и женщинам, связанным, скорее всего, с социальными нюансами взаимоотношений или мифоритуальными представлениями андроновского населения, которые воссоздать и интерпретировать на данном этапе не представляется возможным.

С момента первоначального выявления феномен украшения бусами ног андроновских женщин интерпретировался двояко: бусы могли использоваться и как украшение обуви, и как своеобразные шумящие браслеты [Грязнов, 1927, с. 189]. В процессе изучения андроновских комплексов одни исследователи

трактовали бусы как оторочку обуви [Сальников, 1952, с. 70], другие рассматривали их как самостоятельный ювелирный элемент женской одежды [Шиллов, Богатенкова, 2003, с. 262]. Наиболее развернутый анализ данного вида украшений проведен Е.В. Куприяновой, которая пришла к выводу, что низки бронзовых бус могли применяться разнопланово – и в качестве компонента женского ювелирного набора, и в роли фиксаторов кожаной обуви с заправленными в нее штанами [2008, с. 98–100]. Кроме того, по материалам могильника Исеней I исследователем реконструированы два варианта кожаной обуви: в первом бусы нашивались на верх обуви, во втором обувь закреплялась на ноге подвязками, декорированными бусами [2008, с. 100–102, рис. 65, 2].

С этими выводами трудно не согласиться, но можно дополнить их следующим наблюдением. Скорее всего, использование бус, нанизанных на шнурок, зависело от их количества в связке. Выделяются две основные особенности залегания бус в погребениях могильника Майтан: низка бус плотно, без разрывов, охватывает кости ног или, при небольшом количестве в низке, они располагаются просторно вокруг щиколотки. Поэтому при реконструкции использования низок необходимо учитывать количество в них бусин. В случаях, когда низка из примыкающих друг к другу бусин плотно охватывали щиколотку, вероятнее всего, следует говорить о ножных браслетах (рис. 161); свободное же залегание вокруг щиколотки, с некоторым пространством между бусинами, позволяет предполагать, что каждая из них пришивалась отдельно по верхнему срезу обуви, или бусины, отделенные друг от друга узелками, нанизывались на завязки, которыми стягивался раструб сапожек (рис. 162).

Необходимо остановиться еще на одном моменте, прослеженном по материалам могильника Майтан и непосредственно связанном с обувью. В 8 могилах памятника, содержащих разнообразные погребения: индивидуальные мужские и женские, парные разнополые, а также женщины с ребенком, отмечена интересная особенность. Ступни ног погребенных покрыты тленом фиолетового цвета, мощность которого достигала 2–3 мм (табл. 61). Своеобразие заключалось в том, что он охватывал только стопы, не заходя на кости голеностопного сустава.

По этнографическим данным (свидетельствам местных жителей), подобное окрашивание возникает при разложении войлока, изготовленного из овечьей шерсти. Исходя из этого, можно предполагать, что, наряду с кожаной, население, оставившее могильник Майтан, использовало в повседневной жизни и погребальной практике невысокую войлочную обувь.

Наблюдения, связанные с половозрастными характеристиками погребенных, позволяют сделать несколько выводов:

- во-первых, войлочная обувь использовалась представителями всех половозрастных групп коллектива – мужчинами, женщинами и детьми;
- во-вторых, использование войлочной обуви не требовало украшения ног (не отмечено сочетания окрашенности стоп и низок на щиколотках ног);
- в-третьих, сочетание в парных разнополых захоронениях окрашенности стоп мужских ног и присутствие низок из бронзовых бусин на щиколотках женщин свидетельствует об отсутствии предпочтения между кожаной и войлочной обувью.

Рис. 161. Могильник Майтан.
Ограда 43, могила 1.
Ножные браслеты

Рис. 162. Могильник Майтан.
Ограда 23Д, могила 1.
Реконструкция оторочки сапожек

Состояние ступней ног погребенных

№ п/п	Номер ограды	Номер могилы	Характеристика погребения (количество, пол погребенных)	Поза и возраст погребенного	Ориентировка погребенных	Состояние ног
1	17Б	2	Мужчина	Скорченно на левом боку (взрослый)	ЮЗ–СВ	Ступни ног покрыты фиолетовым тленом
2	21	2	Женщина	Скорченно на левом боку (взрослая)	З–В	Ступни ног покрыты фиолетовым тленом
3	23А	1	Парное (женщина и девочка)	Скорченно на левом боку (20–30 лет и 3–5 лет)	З–В	Ступни ног покрыты фиолетовым тленом
4	23Б	1	Женщина	Скорченно на левом боку (35 лет)	З–В	Ступни ног покрыты фиолетовым тленом
5	27А	1	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на левом боку (18–20) Скорченно на левом боку (молодая)	З–В	Ступни ног мужчины покрыты фиолетовым тленом Ступни ног женщины не сохранились
6	31	1	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на левом боку (взрослый) Скорченно на правом боку (взрослая)	З–В	Ступни ног мужчины покрыты фиолетовым тленом На лодыжках ног женщины низки бронзовых бус
7	40	2	Женщина	Скорченно на левом боку (20–25 лет)	З–В	Ступни ног покрыты фиолетовым тленом
8	50А	1	Парное (мужчина и женщина)	Скорченно на левом боку (25–40 лет) Скорченно на правом боку (20 лет)	ЮЗ–СВ	Ступни ног мужчины покрыты фиолетовым тленом На лодыжках ног женщины низки бронзовых бус

Можно предположить, что невысокая войлочная обувь, имевшая широкое и длинное входное отверстие для свободного надевания на стопу ноги, имела определенное сходство с костяным амулетом в виде низкой туфельки, обнаруженным в могильнике Волчанка [Отрощенко, 1990, рис. 2, 2].

Заметим, что войлок использовался в погребальном обряде для покрытия дна могил (огр. 15Г, мог.; огр. 38, мог. 3; огр. 41Б, мог. 3), из него могли делать рукавицы (огр. 48, мог. 1), а также укутывать им погребенных (огр. 41Б, мог. 2).

К сожалению, данных о материалах для пошива костюма при исследовании могильника Майтан не получено. В то же время по материалам других памятников можно судить, что для изготовления и пошива предметов одежды андроновское население использовало войлок, мех, кожу и шерстяные ткани, которые могли сшивать нитями из шерсти, сухожилий и кишок [Сальников, 1951, с. 138]. Покрой женской одежды в большинстве случаев реконструируется по особенностям расположения бус, украшавших обшлага рукавов, ворот и подол [Шилов, Богатенкова, 2003, с. 260]. Можно предположить, что майтанские женщины носили длинное платье с рукавами, достигающими до запястья. В зависимости от возраста, платья могли иметь широкий ворот (девочки, девушки, незамужние женщины), у замужних женщин ворот мог иметь вертикальный разрез, стягивающийся завязками из кожаных или тряпичных шнурков. Платье, вероятно, подвязывалось поясом. Носили кожаную или войлочную обувь, причем первая, имевшая невысокие голенища, украшалась бронзовыми бусами, при отсутствии голенищ бусы носились в качестве шумящих браслетов. При использовании войлочной обуви бусы для украшения ног не использовались (рис. 163). Каких-либо данных, свидетельствующих о том, что майтанские женщины могли носить штаны, не зафиксировано.

Рис. 163. Могильник Майтан. Собрательный образ женского костюма

Костюм дополнялся разнообразными украшениями: на голове, в зависимости от времени года, носили шерстяную шапочку или венчик, украшавшиеся бусами и трубчатыми кольцами, которые также могли использоваться и в качестве серег, иногда с подвешенными к ним подвесками в полтора оборота. Стандартный набор включал один-два желобчатых браслета пружинного типа со свернутыми в тугую спираль концами, которые могли использоваться и в качестве зажимов рукавов платья или надеваться на кожаные подбраслетники. На пальцах носили перстни с S-образными щитками. У женщин были короткие, доходившие до лопаток, или длинные, спускавшиеся до пояса, косы, для украшения которых использовали разнообразные изделия, вплетавшиеся в волосы.

* * *

В результате исследований и анализа вещевого инвентаря могильника Майтан с определенной долей условности воссоздан общий облик мужского и женского костюма погребенных. Несмотря на близость и унифицированность, обусловленную утилитарными функциями, а также, вероятно, генетической и мировоззренческой общностью андроновского населения, одежда могла отличаться своеобразием в разных регионах андроновской ойкумены. Носители разных культурных традиций, используя идентичные вещи и украшения, могли через них передавать только им присущие представления о красоте. При этом они подчинялись не только внутренним и внешним эстетическим требованиям. В одежде и вещевом наборе отражались половозрастные характеристики и социальная значимость человека в структуре коллектива и, возможно, конкретные ступени социализации, которые человек проходил на жизненном пути.

Глава 6

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АТАСУСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Атасуские древности Центрального Казахстана могут рассматриваться как памятники особой археологической культуры, являющейся естественным продолжением культурных традиций местного нуртайского населения, сформировавшейся в зоне алакульской культурной провинции. В культурогенезе атасуских коллективов участвовали носители андроновско-канайских культурных традиций. Сложившиеся в результате взаимодействия разнокультурного населения атасуские комплексы выглядят синкретическими, поэтому некоторые исследователи не связывают их с отдельной археологической культурой, а считают локальным вариантом алакульской линии развития*.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Центральный Казахстан, в отличие от сопредельных лесостепных и степных регионов Урала, Казахстана и Сибири, длительное время оставался «белым пятном» в картине бронзового века этой территории. Исследование атасуских древностей региона началось в 1933 г., когда в долинах рек Нуры, Шерубай-Нуры, Джаксы и Сарысу проводились первые широкомасштабные разведочные работы и стационарные раскопки памятников, открытых Нуринской археологической экспедицией ГАИМК под руководством П.С. Рыкова [1933, с. 57–58; 1935, с. 40–68]. Особый интерес представляли материалы, полученные при изучении могильника Алеп-аул, в керамическом комплексе которого выделялась серия баночных и горшечных сосудов, близких к уступчатой

* Большинство специалистов, занимающихся изучением древностей эпохи бронзы Центрального Казахстана на «расстоянии», пользуются терминологией, предложенной К.В. Сальниковым, не задумываясь о различиях, а следуя сформировавшимся установкам [Кузьмина, 1985, с. 27–28; 1994, с. 46–47; 2008а, б; Потемкина, 1983]. «Грешат» этим и некоторые специалисты, напрямую занимающиеся проблемами бронзового века региона (см., напр. [Евдокимов, Варфоломеев, 2002]). По тому же пути первоначально двигался автор данной работы (см., напр. [Ткачев, 1987, 1991]). Традиционную терминологию, предложенную для характеристики комплексов бронзового века Зауралья, в последнее время вновь стали использовать центрально-казахстанские исследователи [Кукушкин и др., 2017; Кукушкин, Дмитриев, 2018], рассматривая андроновскую территорию как единое культурное пространство, не пытаясь понять и обосновать различия между носителями как федоровских и нуринских, так и алакульских и атасуских традиций.

керамике, но имеющих своеобразный узор, покрывающий сплошным полем венчик и тулово. Уже первые находки, соотнесенные с андроновскими древностями, позволили сделать вывод, что в центрально-казахстанских степях обитало население с самобытной культурой [Рыков, 1935, с. 51–62, рис. 41, 2, 3; 46, 1–8]. В 1940 г. С.В. Киселев в восточной части региона исследовал несколько оград в могильнике Бес-Оба, давших атасуские материалы, на основе чего сделал заключение о непрерывности расселения андроновцев от Иртыша до степных просторов Сары-Арки [Киселев, 1949, с. 55].

Большое значение для изучения древностей бронзового века Центрального Казахстана имело создание в 1946 г. Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, сотрудники которой в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. исследовали 14 могильников, давших материалы андроновского типа. В эти же годы была разработана первая концепция развития андроновских памятников Зауралья [Сальников, 1948а, б, 1951]. История культурного развития центрально-казахстанского населения в эпоху бронзы в рамках схемы К.В. Сальникова впервые рассмотрена К.А. Акишевым [1953, с. 5–9]. Атасуские древности, имеющие некоторые самобытные черты, соотнесены с алакульскими, что вплоть до сегодняшнего дня и провоцирует терминологическое разночтение при определении их культурной принадлежности.

В 50–60-е гг. XX в. в южных районах Центрального Казахстана продолжалось активное исследование древностей бронзового века [Агеева, Максимова, 1960; Кадырбаев, 1961; Маргулан, 1956, 1960; Оразбаев, 1959]. При анализе новых материалов и обосновании своеобразия памятников региона был выделен атасуский этап андроновской культуры Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 61]. Исследование разновременных памятников в бассейне р. Нуры привело М.К. Кадырбаева к мысли, что специфика «культуры племен эпохи бронзы Центрального Казахстана... не укладывается в схему южно-уральской периодизации» [1974, с. 40]. Атасуские и нуринские культурные комплексы имеют свою хронологическую иерархию, позволяющую рассматривать их как самостоятельные культурные образования [Кадырбаев, 1983, с. 137–142; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 224–240].

С конца 70-х гг. XX в. начались активные исследования памятников атасуской культуры в северной зоне Центрального Казахстана. Особое внимание уделялось изучению атасуских поселений Нуринского археологического микрорайона, открытых в процессе разведывательных работ в западной части степной Сары-Арки [Ткачев, 2002а, с. 6, рис. 1]. В 1982 г. в результате работ на однослойном атасуском поселении Энтузиаст I выявлены жилые постройки и хозяйственный комплекс [Ткачев, 1984, с. 447; 2002а, с. 129–144]; одновременно изучалось многослойное поселение Энтузиаст II, давшее своеобразный позднеатасуский керамический комплекс [Ткачев, 1984, с. 447; 2002а, с. 144–157; Ткачев, Ткачева, 1984, с. 85–86]. В 1983 г. проводились раскопки однослойного поселения Майоровка, позволившие не только наметить основные элементы атасуского домостроительства, но и определить характерные черты атасуского керамического комплекса [Ткачев, 1985а, с. 517–518; 2002а, с. 114–128]. Одновременно с поселениями активно исследовались атасуские

погребальные комплексы. В 1982–1988 гг. полностью изучен могильник Майтан [Телегина, 1984, с. 466; Ткачев, 1985б, с. 42–43; 1986, с. 452; 1989а, с. 114]. В 1983–1984 гг. проводились раскопки могильника Ижевский I [Ткачев, 2002б, с. 83–98], в 1988–1990 гг. – могильника Шапат [Ткачев, 1989а, с. 115–116; 2002б, с. 99–128] и Аяпперген [Ткачев, 2002б, с. 66–83]. Вновь полученные материалы при дальнейших работах на могильниках Ижевский I и Аяпперген показали культурную и хронологическую неоднозначность данных объектов [Кукушкин, 2006; Байлеу и др., 2012]. В последние десятилетия активно ведутся работы на атасуских могильниках в бассейне р. Нуры, особенно в восточной горной зоне Северной Сары-Арки, где открыто и частично исследовано около десятка памятников: Тегизжол, Нуркен, Копа, Копа I, Ащи-Озек, Акимбек I, Тасырбай II [Варфоломеев, 2007, с. 65–84; Евдокимов, 1980, с. 431–432; 1981, с. 434; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 24–30; Кукушкин, 1989, с. 67–68; Чиндин, 1987, с. 36].

Таким образом, за более чем полувековой период исследования древностей бронзового века Центрального Казахстана в степной зоне открыта и изучена значительная серия близких между собой в культурном отношении археологических памятников, материалы которых позволяют достаточно обосновано провести их культурную и хронологическую атрибуцию.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ АТАСУСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ареал памятников атасуской культуры включает степные районы Казахского мелкосопочника. На юге расселение атасуских общин ограничивалось полупустынной зоной Северной Бетпак-Далы; на севере естественная граница расселения носителей алакульских и атасуских традиций проходила по степи и лесостепи, где исследован самый северный могильник, давший материалы атасуского облика, – Шондынкорасы [Хабдулина, 2000]. Поселения и могильники с материалами атасуского облика широко распространены в степях Сары-Арки, преобладая в бассейне р. Нуры, верховьях р. Ишима и на южных склонах Казахского мелкосопочника, по берегам многочисленных речек внутреннего стока. В регионе выявлена представительная серия поселений и могильников, исследованных стационарно и содержащих материалы атасуского облика [Ткачев, 2014, с. 260, карта].

Анализ опубликованных сводок и картографирование атасуских памятников позволяет сделать вывод, что атасуские коллективы по сравнению с нуртайскими значительно расширили ареал своего обитания. Атасуское население не только освоило степные просторы Сары-Арки по берегам крупных водотоков, но и, используя реки внутреннего стока, проникло в глубину полупустынных областей региона. Здесь открыты и исследованы многочисленные объекты с яркими атасускими комплексами. В то же время необходимо отметить, что значительная часть этих погребальных объектов Сары-Арки изучены сравнительно небольшими площадями, причем существенное их количество содержит разновременные и разнокультурные материалы бронзового века [Маргулан и др., 1966, с. 91–154; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 68–124, рис. 1].

Могильник Майтан и атасуский погребальный обряд. В степной и полупустынной зонах Сары-Арки исследовано более 40 могильников, на которых вскрыто около 800 атасуских захоронений.

Преобладающая часть атасуских могильников северной Сары-Арки выявлена в бассейне р. Нуры и в Каркаралинско-Кентском горном районе по берегам небольших рек. Во многих районах Казахского мелкосопочника атасуские памятники достаточно часто приурочены к предгорным зонам или высоким водоразделам. Большинство могильников, открытых и изученных в западной равнинной части Сары-Арки, разрушены в процессе человеческой деятельности, так как все возвышенности береговых террас, на которых в древности располагались могильники эпохи бронзы, застроены казахскими зимовками XVII–XX вв. В результате определить точное количество погребальных конструкций зачастую не удается, тем более что местное население в течение длительного времени использовало возвышающиеся над современной поверхностью плиты оград для строительства фундаментов домов и стен кошар.

Все изученные атасуские могильники расположены на господствующих над окружающей местностью высоких открытых площадках, на возвышенностях коренных террас или склонах сопок, вплотную примыкающих к реке. Высота погребальных площадок достигает 2–8 м. Погребальные конструкции на площади могильников обычно «вытянуты» вдоль реки или возвышенности на участках протяженностью от 0,15–0,5 до 1,5 км (Шапат, Шет, Аяпперген, Койшоки) [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 76, 86; Ткачев, 2002б, с. 66, 100, рис. 160, 176] или расположены компактной группой (Майтан, Ижевский I, Атасу I, Ак-Мустафа, Ташик) [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 67, 101; Ткачев, 2002б, с. 83, рис. 169, 1]. Площадь могильников варьируется от 4–5 тыс. м² (Шапат, Ащиозек, Копа I, Нуркен) до 10–20 тыс. м² (Майтан, Ижевский I, Атасу I). В пределах поминальной площадки погребальные конструкции достаточно часто образуют отдельные компактные группы, число которых колеблется от двух до четырех (Майтан, Койшоки, Шет, Сангру II, Атасу I, Аяпперген) [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 76, 86, 101; Ткачев, 2002б, с. 66, рис. 160].

Наблюдения показывают, что одни погребальные площадки использовались атасускими общинами длительное время, другие содержат незначительное число погребальных сооружений, причем количество могильников в этом отношении значительно варьируется. По числу надмогильных конструкций на погребальных полях можно выделить три группы памятников:

– преобладают небольшие могильники, включающие от 6 до 15 сооружений (Шапат, Нуркен, Копа I, Ащиозек, Садык, Жиланды, Алеп-Аул, Мыржик II, Мыржик III, Тасырбай II, Шондынкорасы);

– несколько меньше могильников средних размеров, объединяющих от 15 до 35 погребальных объектов (Шет, Ташик, Аяпперген, Копа, Койшоки);

– крупных могильников, содержащих от 45 до 90 надмогильных конструкций и более, выявлено немного (Майтан, Ак-Мустафа, Атасу I, Сангру II, Мыржик I).

Особенностью памятников второй и третьей групп является то, что эти объекты, при общем преобладании атасуских погребальных конструкций, содержат ограды с нуринскими материалами (Сангру II, Мыржик I, Койшоки,

Аяпперген) и позднебронзовые комплексы, расположенные по периферии погребальных площадок (Бельсар, Бегазы, Айшрак).

Надмогильные сооружения фиксируются в виде безнасыпных оград из поставленных на ребро плит, вкопанных в канавки. Преобладают ограды округлой и овальной форм, реже встречаются прямоугольные и квадратные надмогильные конструкции. Значительная часть оград могильника Майтан (51 %) имеет от одной до девяти пристроек, что несколько больше усредненного показателя данного параметра по всем исследованным атасуским погребальным объектам Сары-Арки (29 %). Некоторые могильники содержат одну-две ограды, перекрытые насыпями высотой 0,3–0,5 м (Майтан, Ащиозек, Алеп-Аул, Шондынкорасы). Курганы имеют форму круга или слабо вытянутого овала, форма насыпей сегментовидная, со сглаженной вершиной. Своеобразный погребальный обряд выявлен в кургане 6 могильника Майтан. На предварительно очищенную материковую поверхность насыпан кольцевой бруствер, окружавший погребальную площадку, на него уложены плиты с наклоном вовнутрь. В центре площадки находился ящик, содержащий парное погребение – мужчина старческого возраста в сопровождении взрослой женщины. Второй ящик, с захоронением ребенка, находился между южной плитой ограды и стенкой ровика. Для отсыпки бруствера и насыпи использовалась земля из рва, окружавшего ограду. После сооружения кургана в восточной половине насыпи вдоль плит ограды захоронили 10 младенцев.

Результаты раскопок могильников всех трех групп показали, что атасуские общины практически полностью отказались от традиции курганных захоронений, характерных для предшествующего, нуртайского времени. В основе погребального обряда – ограда, сооруженная из каменных плит, поставленных в канавки на ребро. Значительно реже встречаются ограды из плит, плашмя уложенных на древнюю дневную поверхность. Со всей очевидностью можно констатировать – грунт, вынимаемый при сооружении могил, удалялся не только за пределы погребальной площадки, но и, возможно, за пределы погребального поля. В большинстве оград выбросы из могил не фиксируются. Исключением являются курганные конструкции, в которых выбросы из могил преднамеренно размещались внутри огражденного пространства. Данная особенность, с одной стороны, является характерным признаком атасуской погребальной обрядности, с другой – свидетельствует об идеологических изменениях, произошедших в сознании людей, оставивших атасуские погребальные объекты. Изменения в общественных и семейно-брачных отношениях привели к массовому развитию пристроечных комплексов. Кроме того, наблюдаются случаи объединения отдельных семейных погребальных комплексов в общую систему сооружением дополнительных соединительных пристроек (Майтан, Нуркен, Жапалак II).

В северной степной части Центрального Казахстана исследовано 16 атасуских могильников, содержащих около 500 захоронений (табл. 62). В южной части Сары-Арки в 28 погребальных памятниках выявлено около 300 погребений [Маргулан и др., 1966, с. 91–154; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 68–124]. Всего в некрополях Центрального Казахстана изучено свыше 800 захоронений, причем в большинстве памятников, за исключением могильника

Примечание. Таблица составлена по опубликованным данным [Рыков, 1935; Маргулан и др., 1966; Кадырбаев, 1974; Кукушкин, 1989, 2006; Хабдулина, 2000; Ткачев, 2002б; Варфоломеев, 2007; Байлеу и др., 2012] и данным из отчетов карагадинских археологов.

* Могильники Майтан и Шапат: в числителе – количество грунтовых ям, в знаменателе – количество ям, имеющих одну-две стенки, укрепленные каменными плитками.

** Могильник Аятперген: в числителе – данные по атасуским комплексам, в знаменателе – количество отряд с материалами нуринского типа (материалы последних в таблице не отражены).

*** Могильник Жиланды: в числителе – данные по атасуским комплексам, в знаменателе – количество отряд с материалами нуринского типа (материалы последних в таблице не отражены).

Майтан, вскрыта незначительная часть надмогильных конструкций. Таким образом, материалы атасуских могильников свидетельствуют, что в эпоху средней бронзы просторы Сары-Арки являлись одной из наиболее плотно заселенных территорий андроновской ойкумены.

Распределение могил в пределах могильника Майтан по отдельным оградкам и пристройкам не равномерно, их количество варьируется от 1 до 6. Обычно, если в ограде фиксировалась одна могила, она находилась в центре огражденного пространства; две крупные могилы располагались параллельно друг другу в разных секторах огражденного пространства; если отмечены могилы взрослого и ребенка, то первая находилась в центре, вторая была смещена в один из секторов ограды или расположена за ее пределами; более двух могил образовывали один-два ряда, ряды, как правило, параллельны друг другу. Погребения совершены в грунтовых ямах, часть из которых имели отдельные каменные стенки (соответственно 20,4 и 5,8 %) и каменных ящиках: одиночных (70,4 %), спаренных (2,9 %), тройных (0,5 %).

Разнообразные типы могильных конструкций в пределах каждого памятника варьируются очень значительно. В погребальных объектах, где изучены представительные серии надмогильных конструкций, преобладают ящики (58–90 %). Вместе с тем превалирование на конкретном памятнике определенного типа могил достаточно часто зависело от наличия сырья в пределах конкретной территории. Наблюдения по хронологическим показателям свидетельствуют о неуклонном увеличении в погребальном обряде, по сравнению с нуртайским периодом, каменных ящиков как основного типа могильной конструкций (21–100 %). В то же время данный признак может считаться характерным только для горных районов, богатых выходами гранита. В равнинных районах Сары-Арки, где колющегося плитняка очень мало, преобладают грунтовые ямы (67–100 %). Так, на могильнике Ижевском I каменные ящики не обнаружены, так как на окружающей территории отсутствуют залежи хорошо колющегося камня. Эти наблюдения подтвердили и новые исследования – во вновь изученных комплексах выявлен единственный каменный ящик, имеющий стенки, в виде состыкованных нескольких мелких плиток [Байлеу и др., 2012, с. 60, фото 2]. Небольшие каменные плитки, приносимые людьми с близрасположенных сопок, использовались в данной местности в основном для сооружения оград.

Аналогичная ситуация прослежена и на могильнике Шапат – из камня сооружены оградки и составные стенки камер для захоронения взрослых и детей. Причем в могилах, содержащих останки детей, достаточно часто камнем облицовывали одну-две стенки, а иногда лишь половину ямы. Для перекрытия могил в горных районах применялись крупные каменные плиты; дерево, несмотря на наличие лесных массивов в Каркаралинско-Кентском горно-лесном оазисе, встречается как исключение. На западных равнинах Сары-Арки, в среднем течении р. Нуры и верховьях р. Ишима, преобладают перекрытия из дерева. Бревнышками тальника перекрыта основная часть захоронений в могильниках Шапат и Ижевский I [Ткачев, 2002б, с. 91, 117; Байлеу и др., 2012, с. 60]. В могильнике Майтан в торцевых стенках одного из наиболее широких ящиков вырезаны прямоугольные пазы для закрепления бревна, служившего опорой для небольших плит перекрытия (огр. 23А, мог.2). Аналогичная система перекрытия могилы прослежена и в ограде 10 нуртайского могильника Актобе II [Ткачев, 2002а, с. 280, рис. 120, 3]. В могильнике Шондынкорасы, при дефиците камня и общем преобладании грунтовых ям над ящиками, стенки первых иногда укреплялись бревенчатыми срубами [Хабдулина, 2000, с. 46, рис. 4].

В могильнике Майтан могильные ящики и ямы малых размеров, длиной от 0,3 до 1,5 м и шириной от 0,2 до 1 м, содержали одиночные, реже – парные захоронения детей и подростков; более крупные сооружения, длиной 1,4–2,7 м, шириной 0,7–3,1 м – одиночные погребения взрослых, парные и коллективные захоронения людей разных возрастных групп. Незначительная часть подростков погребены в крупных могильных конструкциях. Скорее всего, это обусловлено какими-то социальными причинами, возможно, причислением их к категории взрослых, что требовало к ним особого подхода. Отдельные аналогичные случаи отмечены и в алакульской погребальной практике на территории Зауралья и Северного Казахстана [Виноградов, 1984, с. 137, 139; Матвеев, 1998, с. 188; Потемкина 1985, с. 183, 185, 194, рис. 81; Сальников, 1952, с. 60; Усманова, 1992а, табл. 1]. Данные наблюдения свидетельствуют об идентичных социокультурных процессах, происходивших в зоне Урало-Казахстанских степей в пределах алакульской культурной провинции.

Ориентировка могил даже на площади одного могильника достаточно устойчива. Так, в могильниках Майтан, Ащиозек, Ташик большинство могил ориентировано по линии З–В (45–60 %), в Ижевском I, Копа, Нуркен, Шапат – СВ–ЮЗ (60–79 %). В суммарном выражении по всем могильникам степной зоны Центрального Казахстана преобладающей ориентировкой могил является СВ–ЮЗ (206 – 42,3 %) и З–В – (158 – 32,4 %), значительно реже – СЗ–ЮВ (85 – 17,4 %) и С–Ю (39 – 7,9 %).

Ограбленность большинства изученных памятников затрудняет воссоздание многих деталей атасуского погребального обряда. Судя по остаткам костяков и наличию отдельных костей в ограбленных могилах, основная часть захоронений совершена по обряду ингумации – 373 (76,4 %).

Чаще встречаются одиночные костяки, реже – парные (дети, женщины с детьми, мужчины и женщины), единичны тройные погребения (дети, взрослые с детьми). Трупы людей всех возрастных групп помещались на дно могилы в

скорченном положении, в основном на левом боку (172 – 35,2 %), значительно реже – на правом (26 – 5,3 %) и, как исключение, – на спине (2 – 0,4 %). Размещение умерших на правом боку характерно только для женских захоронений. В парных погребениях женщины обычно лежат на правом боку, лицом к мужчине. Значительно реже отмечается этот способ захоронения в одиночных женских погребениях. Как исключение, в могильниках Ташик и Жиланды встречены захоронения, где костяки лежат на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, согнутыми и поднятыми вверх коленями. Суммарно в ориентировке костяков преобладает западное направление (84 – 17,2 %), меньше захоронений с отклонениями на ЮЗ (70 – 14,3 %) и СЗ (26 – 5,3 %). Значительно реже фиксируется меридиональное направление, головой на север или юг. Восточное направление с отклонениями на СВ или ЮВ представляет собой исключение (табл. 62).

Велика в рассматриваемой выборке доля абсолютно пустых могил, где костяки отсутствуют (19,8 %). Вероятно, значительная часть малых могил содержали останки детей (скелеты не сохранились), в крупных конструкциях вообще нет каких-либо находок. Можно допустить, что в атасуской среде, как и в других районах алакульской культурной провинции [Матвеев, 1997, с. 15–16; 1998, с. 200–204; Потемкина, 1985, с. 263; Стоколос, 1972, с. 39; Ткачев В.В., 1997а, с. 286; Усманова, 1992а, с. 104], аналогично более раннему времени [Генинг, 1977, с. 62, 63; Генинг и др., 1992, с. 132, 134, 208] существовал обычай предварительно готовить могилы для некоторых членов общества. В результате не всегда была возможность поместить в такую могилу погибшего на стороне, а хоронить в ней какого-либо другого умершего было нежелательно. Так, две могилы из некрополя Майтан можно считать кенотафами: первая содержала ритуальное мужское захоронение – в крупной грунтовой яме с непо потревоженным перекрытием, без костяка погребенного, но с тремя сосудами, между которыми находились бронзовый нож и костяная пряжка (огр. 40, мог. 4); второй кенотаф женский – в каменном ящике (огр. 18Е, мог.), при отсутствии костей скелета, в углу обнаружены аккуратно уложенные украшения (три желобчатых браслета, нашивная бляшка, несколько листовидных подвесок, бронзовые бусы и бронзовые подвески в полтора оборота, обтянутые золотым листом).

В могильнике Майтан выявлено шесть погребений по обряду трупосожжения. Судя по размерам могил, альтернативным способом были погребены ребенок и пятеро взрослых. Сожжение трупов происходило где-то на стороне, в могилах следов огня не обнаружено. Кучки пепла и пережженных костей аккуратно ссыпаны в угол или центр могилы. Погребенных, подвергшихся кремации, сопровождала только посуда. Ограды с трупосожжением занимали периферийное положение по периметру могильника, а могилы находились в пристройках, и только в одном случае обряд кремации зафиксирован в центральной ограде. Другим вариантом использования огня в погребальных церемониях атасуских общин являлось посыпание умершего древесными угольками. В рамках алакульской культурной провинции кремации трупов единичны [Сорокин, 1962, с. 53–54; Стоколос, 1972, с. 39]. В алакульском погребальном

обряде довольно часто очистительная сила огня использовалась в ритуальном сожжении перекрытия и срубов после захоронения умерших [Сальников, 1952, с. 60; Потемкина, 1985, с. 175, 198, 226; Матвеев, 1998, с. 194–195]. Как элемент погребальной обрядности огонь применялся с синташтинского времени [Генинг, 1977, с. 70–72], но более широко огненный культ в степях Зауралья и Северного Казахстана стал практиковаться алакульским населением, что является результатом алакульско-федоровских контактов [Хлобыстина, 1976; Виноградов, 1984, с. 139–145, 151; Усманова, 1985, 1987, 1988, 1991, 1992а, б; Зданович, 1988, с. 143; Хабарова, 1993]. Рассмотрев случаи кремации в Зауральской зоне алакульской культурной провинции, А.В. Матвеев пришел к выводу, что сожжению в основном подвергались женщины, которым в потустороннем мире была уготовлена особая участь [1997, с. 19–22].

Захоронения по обряду кремации в атасуских комплексах Центрального Казахстана представляют собой исключительное явление (табл. 62). Единичные захоронения со следами сожжения обнаружены в могильниках Тегизжол и Тасырбай II, где погребенных, как и в могильнике Майтан, сопровождает только посуда. Особо необходимо отметить материалы могильника Ижевский I*, в котором исследователи предположили наличие трупосожжения исходя из того, что на каменных стенках ящика фиксировался горелый пепел и тлен, но каких-либо следов кремации ни в заполнении, ни на дне могилы не наблюдалось. Ижевский комплекс, несмотря на ограбленность, выделяется погребальным инвентарем среди всех известных захоронений, характеризующихся обрядом кремации. Погребальный обряд (составной ящик, насыпь над оградой, ровик) и вещевой комплекс (пряжки из кости и раковины, бронзовый браслет, уникальная костяная подвеска, бусы из бронзы и пасты), скорее всего, свидетельствуют о захоронении в кургане социально значимой для коллектива личности и, судя по вещевому набору, в сопровождении женщины; это мог быть вождь или глава большесемейной общины [Байлеу и др., 2012, с. 60, фото 1, 2, 4, 7–9].

* При публикации вновь полученных материалов [Байлеу и др., 2012] памятнику дали новое название – могильник Аршалы, несмотря на то, что в отчетах и научной литературе он фигурирует как могильник Ижевский I. Могу предположить, что это связано с современной общеказахстанской тенденцией заменять русские топонимы казахскими. Стремление к переименованию можно было бы приветствовать, если бы подобные действия не создавали пусть и решаемые, но проблемы. Представляется, что переименовать археологические объекты, уже вошедшие в научный оборот, незачем. По моему мнению, применять новые названия можно только ко вновь открываемым археологическим памятникам. Кроме того, хочу отметить следующее. Во-первых, авторы вышеупомянутой публикации невнимательно читали работу, на которую ссылаются [Ткачев, 2002б, с. 83–98], согласно ей я при всем желании не мог проводить новые исследования могильника в 2006 г. В действительности в указанный год, при создании Свода памятников Акмолинской области, объект обследован разведочным отрядом Карагандинского университета под руководством В.В. Варфоломеева, статья которого и помещена в Своде [2009, с. 115–116]. Во-вторых, выдавать мои воззрения на культурно-хронологическую позицию данного памятника за идеи глубоко уважаемого мной В.С. Волошина, известного исследователя палеолита Центрального Казахстана, без ссылок на первоисточник (хотя он и указан в статье Свода), некрасиво, некорректно и ненаучно ([см.: Байлеу и др., 2012, с. 61]).

В могильнике Майтан, как и в других атасуских погребальных комплексах, в большинстве исследованных оград обнаружены остатки поминальных приношений, вкопанных в дерновый грунт или небольшие углубления в материке [Маргулан и др., 1966, с. 104–112; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 70, 94]. Количество их обычно варьируется от одного до шести. Очень редко фиксируется один вид жертвоприношения, чаще их несколько. Наиболее многочисленную группу поминальных комплексов образуют отдельно стоящие сосуды или разделанные части туш крупного и мелкого рогатого скота, помещенные в могилу, на перекрытие или оставленные рядом с ней. Значительно реже отмечается сочетание сосуда с костями животных, при этом поминальное жертвоприношение обычно располагалось у плит ограждения, снаружи или внутри [Хлобыстина, 1982, с. 13–20; Ткачев, 2002б, с. 84, 115, рис. 169, 2]. Аналогичное расположение поминальных комплексов характерно и для алакульских памятников сопредельных регионов [Сальников, 1952, с. 53–63; Потемкина, 1985, с. 163, 175, 183, 220, 255; Зданович, 1988, с. 66, 67, 73 и др.; Матвеев, 1998, с. 204–214]. Данные по алакульским памятникам Притоболья и Северного Казахстана свидетельствуют, что жертвенными животными являлись в основном взрослые особи крупного и мелкого рогатого скота, они встречаются примерно в равном количестве (прил. 2 [Косинцев, 1998, табл.]). Жертвенные комплексы содержат головы, части задних и передних конечностей животных, отчлененные по коленным запястным или скакательным суставам.

В могильнике Майтан наибольший интерес представляют жертвенные комплексы, в которых обнаружены останки коней. В ограде 15А, содержащей четыре могилы, одиночный костяк лошади не связан с конкретной могилой, а у одной из гробниц с южной и западной сторон находились ноги лошади. Парные захоронения лошадей зафиксированы в трех оградах. В ограде 7Г лошади лежали на правом боку, вдоль длинных сторон ящика, одна ногами к нему, другая от него, а в могиле обнаружено ритуальное подхоронение ног коня (см. рис. 19, 5). В ограде 29В костяки лежали на правом и левом боку с подогнутыми ногами, параллельно длинным сторонам ящика, ногами к нему. На черепе одной лошади найдены костяные псалии, рядом стоял сосуд (см. рис. 79). В ограде 29Г лошади лежали с подогнутыми переплетенными ногами на правом и левом боку, вдоль северной стенки ящика, перекрывая небольшую грунтовую яму, содержащую погребение младенца (рис. 79).

Использование в погребальной обрядности парных конских захоронений в алакульско-атасуский период является скорее исключением, чем правилом. В алакульских памятниках они отмечены только на перекрытии погребения 2 кургана 13 Алакульского могильника [Сальников, 1952, с. 56] и в могиле 16 Хрипуновского могильника [Матвеев, 1998, с. 153, рис. 56]. Несколько чаще встречаются одиночные костяки, черепа и конечности, символизирующие вместе со шкурой целое животное [Кузьмина, 1977, с. 36].

На территории Центрального Казахстана парное захоронение коней встречено только в раннеатасуском могильнике Аяпперген [Кукушкин, 2006, с. 50, рис. 1]. Одиночный костяк лошади обнаружен в ограде 10 могильника Балыкты, причем центральная могильная яма имела конструктивную особенность – «ложе для погребенного», выделенное в придонной части уступчика-

ми, и двойное перекрытие на уровне уступов и на уровне материка. На верхнем перекрытии лежал костяк лошади в позе «летающего галопа» [Ткачев, 2002б, с. 5–7]. Плохо сохранившийся костяк лошади находился на перекрытии могилы в ограде 11 могильника Былкылдак I [Маргулан, 1970, с. 185–186], а на перекрытии могилы в ограде 2 могильника Былкылдак II обнаружены череп и кости передних ног лошади [Там же, с. 196–197].

В могильнике Майтан погребения с конями совершены в оградах, пристроенных цепочкой друг к другу, и не в основных, а во второстепенных. Это позволяет предположить, что после становления алакульско-атасуских комплексов и стабилизации общественных отношений военно-родовая прослойка уже не играла важной роли в жизни общества, хотя и сохранилась как необходимый элемент общественной жизни на случай межродовых конфликтов.

Данных, свидетельствующих о человеческих жертвоприношениях у представителей андроновской общности, почти нет. В то же время о возможности такой обрядности позволяет судить жертвенник, обнаруженный за оградой 27А в могильнике Майтан. В небольшой ямке, накрытой каменной плитой, находился стоящий на основании череп ребенка с двумя шейными позвонками (что говорит о преднамеренном отделении головы от туловища) в сопровождении сосуда (см. рис. 69, 10; 70, 5). Принесение в жертву человеческой головы прослежено и в атасуском могильнике Шондынкорасы, где череп человека лежал на перекрытии могилы, содержащей женское захоронение [Хабдулина, 2000, с. 45–46].

Погребальная практика атасуских коллективов отличается отсутствием традиции помещения в пределах ограды или могилы собак, что довольно характерно для алакульских памятников Зауралья и Северного Казахстана [Сальников, 1952, с. 62, 63; 1967, с. 33; Стоколос, 1972, с. 153; Михайлов, 1992, с. 114–116; Матвеев, 1998, с. 216–217]. С одной стороны, это может рассматриваться как следствие прямой преемственности синташтинско-петровской и алакульской погребальной обрядности [Генинг, 1977, с. 70; Зданович, 1988, с. 76; Генинг и др., 1992, с. 144, 234; Костюков и др., 1995, с. 157, 172]; с другой – свидетельствовать об отсутствии прямых связей между новокумакскими группами населения Зауралья и нуртайской культурной традицией, лежащей в основе формирования атасуских древностей Центрального Казахстана.

Керамика. Керамические комплексы атасуских поселений и могильников, несмотря на вариабельность памятников, имеют «больше сходства, чем различий» [Ломан, 1993, с. 19], что позволяет говорить об их единстве.

В атасуских коллективах гончарство приобретает черты специализированного вида деятельности, гончары могли уже работать на «заказ» внутри поселения. Так, на поселении Энтузиаст I изучен участок, свидетельствующий о начале специализации и появлении организационных структур в гончарном производстве. На берегу реки, в 35 м к северу от поселка, располагались конструкции, в которых встречены обломки каменных плит, ошлакованная керамика, шлаки, угли, что говорит об отдельных этапах, связанных с гончарным производством. Печи для обжига керамики, находившиеся на берегу реки, могли быть уничтожены весенними паводками, активно разрушающими берег [Ткачев, 2002а, с. 141, рис. 41, 1].

Посуду атасуские гончары делали из тщательно отмученной глины с использованием в качестве обязательного отощителя навоза травоядных животных и минеральных добавок – песка, шамота и дресвы. На поселении Майоровка встречена небольшая группа черепков, имеющих дополнительную примесь к глиняному тесту обломков дробленых речных раковин [Ломан, 1993, с. 9]. Основой для конструирования сосудов служили формы-емкости, изготовлявшиеся из кожи или ткани. Особенностью керамического производства у атасуского населения Центрального Казахстана являлось формирование сосуда внутри модели, в отличие от североказахстанских алакульских групп, у которых сосуд конструировался на модели. Для лепки посуды использовались глиняные лоскуты, накладывавшиеся друг на друга без определенной системы или по спирали [Там же, с. 22]. Часть сосудов (10–20 %) дополнительно покрывалась тонким слоем глиняной обмазки, но у большинства поверхность обрабатывалась заглаживанием (травой, пальцами, кожей, тканью, овчиной, деревянным скребком). Применялась и химико-термическая обработка поверхности. Так, в комплексе могильника Майтан выделяется значительная группа емкостей, поверхность которых обработана при помощи обваривания. После нанесения орнамента и сушки сосуды подвергались обжигу на кострах или в специализированных местах [Там же, с. 13, 23–24].

В морфологическом отношении посуда атасуского облика достаточно разнообразна (табл. 63). Большинство керамических серий включает сосуды баночных и горшечных форм при наличии значительной группы емкостей переходного горшечно-баночного типа. Баночные формы численно преобладают в каждом из комплексов. Емкости переходных горшечно-баночных форм, широко распространенные в поселенческих комплексах, значительно реже использовались в погребальной обрядности.

Ведущей формой атасуской посуды являются горшки со сглаженным ребром или уступ-ребром при сохранении в керамических комплексах погребальных памятников остросереберных форм и появлении сосудов с уступчатой профилировкой. В комплексах всех памятников присутствуют и небольшие группы горшечных емкостей с плавным профилем. Незначительная часть гончарных изделий горшечных форм снабжалась дополнительными рельефными деталями – валиками и поддонами. В керамическом комплексе могильника Майтан есть немногочисленная группа посуды, имеющая индивидуальные морфологические признаки – округло-уплощенное дно (см. рис. 112, 8), небольшие симметрично расположенные парные округлые ручки (рис. 92, 4; 110, 4). В размещении орнаментального поля на поверхности сосудов в нескольких случаях отмечена такая особенность, как четырехчастное деление его на днищах, соотносимое, скорее всего, со сторонами горизонта (см. рис. 28, 1, 5; 112, 9, 15).

Количественное соотношение сосудов с различной профилировкой на изученных поселениях и могильниках варьируется незначительно. Но если в коллекциях поселений соотношение гончарных изделий, орнаментированных резной или гребенчатой техникой, изменяется незначительно и находится примерно в равных пропорциях, с некоторым преобладанием имеющих резной декор (38–57 %), то в погребальных комплексах абсолютно доминирует

Морфологическая характеристика и орнаментация керамических комплексов атасуской культуры Северной Сары-Арки

Признаки	Поселение						Могильник					
	Энтузиаст I		Энтузиаст II		Майоровка		Майтан		Шапаг		Ижевский I	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
<i>Морфологические признаки посуды</i>												
Горшки с ребром	–	–	–	–	–	–	51	11,9	2	2,1	1	2
Горшки с уступ-ребром	35	18	12	17	33	12	148	34,7	20	21,3	7	17
Горшки с плавным профилем	8	4	5	8	11	4	39	9,1	3	3,2	10	24
Горшечно-баночные	41	22	21	32	86	33	67	15,7	4	4,3	8	20
Банки	104	56	29	43	133	51	121	28,2	65	69,1	15	37
<i>Основные орнаментальные мотивы</i>												
Горизонтальные линии	114	23,7	50	29,6	159	23,8	197	29,1	48	32,1	49	31,9
Заштрихованные треугольники	75	15,3	29	17,2	87	13,2	209	29,9	47	31,6	35	22,6
Заштрихованные косые треугольники	9	1,9	2	1,2	6	1,1	4	0,7	1	0,7	–	–
Горизонтальный зигзаг	86	17,5	47	27,8	135	20,1	104	14,9	20	13,1	38	24,7
Желобки и каннелюры	116	23,9	27	15,9	145	21,6	37	5,3	13	7,2	7	4,5
Ромбы	5	1,1	–	–	6	0,9	38	5,4	1	0,7	3	1,9
Вдавления	23	4,7	1	0,6	24	3,6	28	4,1	7	4,7	2	1,3
Ступенчатый меандр	11	2,2	7	4,1	27	3,9	27	4,0	3	2,1	–	–
Прочие меандры	21	4,2	1	0,6	18	3,1	14	2,1	6	4,1	6	3,8
Зигзаг-«качалка»	12	2,4	–	–	3	0,5	–	–	–	–	3	1,9

Примечание. Таблица составлена по данным, опубликованным автором [Ткачев, 2002а; 2002б, табл. 43–49, 52–58, 60–65, 79, 81].

посуда, орнаментированная резной техникой и гладким штампом (67–89 %). Единичны узоры из проташенной гребенки, округлых, треугольных или овальных оттисков.

Для атасуского декора, как и для предшествующего нуртайского, характерен горизонтально-ленточный принцип с разделением на несколько бордюров, расположенных сплошным полем по шейке – тулову, в придонной части и, как исключение, по дну. Посуде разных типов свойственны определенные орнаментальные стандарты. Банкам, значительная часть которых не орнаментировалась, присущ однозональный орнамент, расположенный в верхней части тулова, включающий горизонтальные линии, треугольники вершинами вниз, горизонтальный или вертикальный зигзаг, косые насечки, вдавления. Для переходных горшечно-баночных форм характерна желобчатая орнаментация в сочетании с горизонтальными зигзагами и разнообразными вдавлениями. Нарядно орнаментированные сосуды единичны.

На шейке горшков преобладают разнообразные треугольники (равнобедренные или равносторонние и, как исключение, «косые»), ромбы, пирамидки, горизонтальные линии, значительно реже встречаются меандровидные композиции. Довольно часто орнаментальные бордюры по шейке разделены на две подзоны, обычно горизонтальными линиями или иногда невысокими сформованными выступами, образующими слабо фиксируемые треугольные валики. Орнаментальные композиции по тулову отличаются богатством и разнообразием. В декоре тулова доминируют геометрические узоры и зигзагообразные раппорты; значительно более редки меандровидные композиции, построенные по прямой или косой сетке. Придонная часть сосудов обычно украшалась бордюрами из геометрических фигур – зигзагами, треугольниками, «елочкой», горизонтальными линиями. Орнаментация днища – исключительное явление, отмечены единичные узоры в виде решетки, креста и свастики.

Орудия труда, оружие, украшения. Инвентарь изученных атасуских памятников включает многочисленные серии предметов, изготовленных из бронзы, камня, кости и других материалов.

Среди бронзовых орудий труда широко распространены четырехгранные шилья, пластинчатые тесла, рыболовные крючки, иглы с ушком. На поселении Ак-Мустафа найден двушковый кельт [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 35, 4]. Среди предметов вооружения широко распространены обоюдоострые ножи-кинжалы срубно-андроновского облика, одно- и двулезвийные ножи с выделенной рукоятью, пластинчатый нож с разомкнутой втулкой. Из могильника Майтан происходят уникальный однолезвийный «хвостатый» нож (см. рис. 99, 14) и двулезвийное копье, имеющее несомкнутую прокованную втулку (см. рис. 85, 1). В комплексы могильников Аяпперген и Шапат входят листовидные наконечники дротиков, имеющие скрытые округлые втулки и ромбические в сечении нервюры [Ткачев, 2002б, с. 79, рис. 167, 16; с. 119, рис. 187, 13]. В могильниках Айшрак, Жаман-Узен II, Койшоко, Ак-Мустафа найдены двуперые, лавролистной формы, втульчатые и черешковые наконечники стрел [Аванесова, 1975б, с. 112, рис. 2, 1; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 81, рис. 51]. Особую группу предметов вооружения в комплексе могильника Майтан составляют наконечники-втоки (см. рис. 24, 34; 77, 11, 12).

Среди бронзовых предметов, обнаруженных в захоронениях могильника Майтан, преобладают разнообразные украшения, идентичные изделиям, отмеченным в большинстве атасуских погребальных памятников: желобчатые браслеты со спиралью на концах и без них; составные желобчатые браслеты, имеющие разрыв ближе к одной из спиралей; проволочные перстни с S-образными щитками; очковидные, листовидные, в полтора оборота, крестообразные, лапчатые и трубчатые подвески; разнообразные обоймы-скрепки; сферические и плоские бляшки, большинство из которых орнаментированы пуансонным или чеканным узором, трубчатые и ребристые пронизи; бочонкообразные бусы и бисер из гладкой или ребристой проволоки. Среди уникальных изделий серебряная бусина из гладкой пластинки, бусы из белого плотного вещества и серьги из овальной в сечении проволоки с закрученным в тугую спираль одним концом (см. рис. 13, 37, 38).

В Центральном Казахстане с его богатыми полезными ископаемыми недрами, использовавшимися в бронзовом веке, изделия из камня продолжали играть важную роль в процессе хозяйственной деятельности, особенно в горнодобывающей отрасли и на разных стадиях металлургического производства [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 125–149]. В захоронениях могильника Майтан изделий из камня немного: каменный наконечник стрелы, залегавший совместно с костяными наконечниками стрел в одном из колчанов (см. рис. 41, 10); булава биконической формы, вырезанная из мягкого мелового камня (см. рис. 94, 1); поделка из конкреции, выполняющая роль оберега (см. рис. 10, 1); округлое навершие, вырезанное из молочно-белого кварца, с квадратным отверстием в центре (см. рис. 73, 16).

Кость как поделочный материал широко использовалась населением, оставившим могильник Майтан. Самыми многочисленными изделиями являются разнообразные наконечники стрел (см. рис. 126). Из кости вырезаны псалии (см. рис. 77, 1, 2), пряжки (см. рис. 24, 24; 41, 9; 99, 4; 109, 6; 119, 1), кулон (см. рис. 56, 7), подвески и разнообразные поделки. Среди уникальных находок – навершие рукояти камчи (см. рис. 119, 11). Наиболее многочисленная группа костяных изделий – подвески, изготовленные из коренных зубов и клыков хищных животных (собаки, волка, лисицы, корсака). Встречаются подвески и из резцовых зубов крупного рогатого скота; для изготовления подвесок использован астрагал дикобраза и подъязычная кость крупного рогатого скота. Детали музыкальных инструментов выполнялись из костей птиц, в том числе лебедя (см. рис. 71, 6). Детей сопровождали астрагалы мелкого рогатого скота, использовавшиеся для игр в кости. Встречаются орнаментированные трубочки и бусы из трубчатых костей.

Особую группу украшений представляют подвески из мелких и крупных раковин с отверстиями в верхней части. Из наиболее крупных раковин изготавливались мужские поясные пряжки, имеющие кроме верхнего крупное центральное отверстие, служившее для закрепления ремня (см. рис. 32, 4). Для украшения женской повседневной и погребальной одежды широко использовались бусы и пронизи (от двух- до пятисоставных) из белой, голубой или зеленоватой пасты.

Основная часть изделий, полученная при изучении могильника Майтан, с одной стороны, свидетельствует о значительной культурной преемственности с носителями предшествующих нуртайских культурных традиций, с другой – позволяет предполагать связи с близкородственным населением, обитавшим на сопредельных территориях Зауралья и Северного Казахстана.

Демографическая ситуация. Антропологических данных по атасуской эпохе, несмотря на более чем полувековой период исследования, почти нет [Исмагулов, 1970, с. 7–21], хотя, по мнению К.А. Акишева, Центральный Казахстан являлся одним из ведущих центров формирования и развития андроновской культурно-исторической общности [Акишев, Кушаев, 1963, с. 124–127]. Значительное число открытых и исследованных могильников свидетельствует о большой плотности заселения региона в данный период [Маргулан и др., 1966, с. 91–159; Кадырбаев, 1972, с. 107–108; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 1, Ткачев, 2002а, рис. 49]. Антропологические определения, проведенные на серии атасуских могильников из Северной Сары-Арки, позволили наметить пути реконструкции палеодемографической ситуации [Ткачев, Абрамовский, 2002, с. 278–280; Абрамовский, 2002, с. 11–12] и подойти к воссозданию социальной структуры атасуских общин [Ткачев, Ткачева, 1997, с. 49–52].

Антропологические материалы могильника Майтан, на погребальном поле которого изучено 113 оград (51 основная и 62 пристройки), содержащих 214 могильных конструкций, представляют особый интерес для воссоздания демографической ситуации раннеатасуского периода бронзового века региона. Несмотря на большую коллекцию, объем антропологических данных недостаточен, так как значительное количество могил ограблено. В процессе палеодемографического анализа использованы данные по 150 погребенным, имеющим половозрастные характеристики. В единичных случаях, когда археологическое и антропологическое определения не совпадали, предпочтение отдавалось первому (табл. 64).

Большинство захоронений детей младших возрастных категорий встречено в групповых погребениях. Часто умерших младенцев хоронили с женщинами; реже встречаются погребальные камеры, содержавшие женщину, младенца и ребенка старших возрастных групп. Детей старшего возраста хоронили со взрослыми в одной ограде, но в разных могилах, или самостоятельно, в отдель-

Таблица 64

Половозрастная структура погребенных могильника Майтан

Возраст	Кол-во, чел.	%
Младенцы до 1 года	8	5,3
Дети 2–9 лет	29	19,4
Подростки 10–15 лет	11	7,4
Взрослые мужчины	40	26,6
Взрослые женщины	52	34,7
Женщины (возраст не определен)	6	3,9
Мужчины (возраст не определен)	4	2,7
Всего	150	100

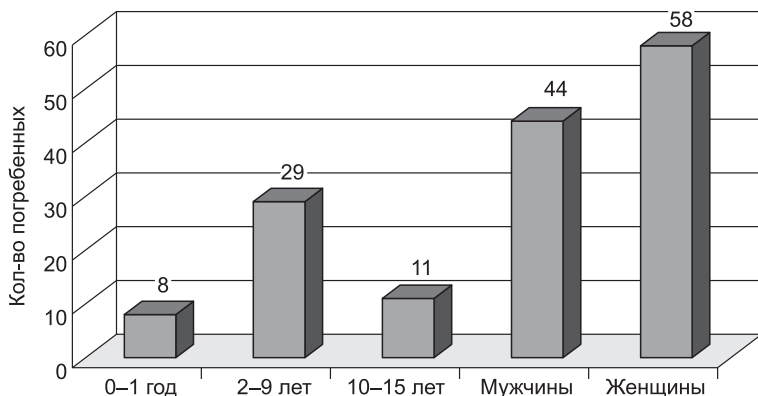

Рис. 164. Могильник Майтан. Распределение погребенных по полу и возрасту

ных оградах, пристроенных к основному сооружению. Максимальный уровень детской смертности приходится на возраст от 2 до 5 лет (12 %); доли погребенных младенцев и детей в возрасте 6–9 лет примерно равные (5,3 и 7,4 %). Прослеживается тенденция уменьшения смертности от раннего детского возраста к подростковому (рис. 164).

При определении возраста погребенных мужчин и женщин преобладают термины «взрослый, молодой», «взрослый, нестарый», «взрослый». Средняя продолжительность жизни взрослого населения могильника Майтан находилась в пределах от 25 до 35 лет, хотя нельзя исключать и доживание отдельных индивидуумов до старческого возраста.

Количество погребенных мужчин довольно велико (29,3 %), их возраст во многих случаях определяется термином «взрослый». Надо полагать, что средняя продолжительность жизни мужского населения могла быть несколько выше среднестатистической. Большое количество традиционно погребенных мужчин свидетельствует, что население региона вело мирный и стабильный образ жизни. Для предшествующего периода, представленного материалами новокумакского хронологического горизонта, характерны постоянные подвижки населения и, как результат, военные столкновения между отдельными коллективами (абашевскими, синташтинскими, петровскими, нуртайскими, канайскими), что приводило к ранней смертности мужчин [Ткачев, 1999, с. 149]. В атасуское время мужчины не погибали на стороне, участвуя в военных походах, а умирали естественной смертью, доживая до среднего, а порой и старого возраста. Погребения женщин преобладают как над детскими, так и над мужскими захоронениями (38,6 %). Женские захоронения выделяются разнообразием и богатством сопровождающего инвентаря. Возраст женщин определяется терминами «взрослая, молодая», «взрослая, нестарая», «взрослая».

Расчеты, проведенные суммарно по могильнику, показывают, что средний возраст смерти у мужчин составил 37,56 года, у женщин – 35,43 года, что соответствует средней продолжительности жизни взрослых в эпоху бронзы – 38,7 лет [Романова, 1989, табл. 5], тогда как стабильная средняя продолжитель-

ность жизни взрослого населения в древности определяется в пределах 40 лет [Алексеев, 1972, с. 20]. Таким образом, половозрастная структура раннеатасуских коллективов близка к нормальной, хотя естественная женская смертность превышает мужскую, что характерно и для алакульских общин Зауралья [Матвеев, Аношко, 1999, с. 164].

Известно, что если длина поколения составляет 17–24 года, то это свидетельствует о прямой связи родители – дети. В нашем случае разница между средним возрастом умерших детей и взрослых составляет довольно внушительную величину, что указывает и на связь прапродители – родители – дети, а это говорит о большесемейной структуре коллектива, оставившего могильник Майтан. Условия жизни у мужчин в этом социуме были несколько лучше, чем у женщин.

Из анализа половозрастной структуры атасуского общества следует, что пик детской смертности приходится на вторую возрастную группу детей, а распределение пиков смертности между половозрастными группами подтверждает высказанную выше мысль о стабильности жизни населения данного региона (рис. 164). В то же время низкая смертность подростков (7,4 %) позволяет предполагать отсутствие практики ранних браков.

Расчетное число детей, приходящихся на одну женщину, составляет примерно 1,08 ребенка. Эта цифра должна быть несколько выше, так как при подсчете не учтено значительное количество детских захоронений младших возрастов, не подвергшихся антропологическому определению. Исходя из полного объема исследованных могил, соотношение женщин и детей составляет примерно 1 : 2. В реальном соотношении доля детей должна быть еще больше (общее количество детских захоронений составляет не менее 42 % от общего количества исследованных могил). Вероятно, какая-то группа детей младших возрастов вообще могла погребаться на отдельных кладбищах, не попавших в поле исследования. Этот показатель считается допустимым для древних некрополей [Алексеев, 1989, с. 87; Романова, 1989, табл. 2], незначительно превышая средний, определяемый в 36–40 % [Романова, 1989, с. 70; Зданович Д.Г., 1997, с. 30].

Половозрастные характеристики погребенных свидетельствуют о том, что демографическая структура атасуского общества была близка к нормальной. Высокая естественная женская и детская смертность, превышавшая мужскую, компенсировалась низким уровнем смертности старшей возрастной группы детского возраста. Это обеспечивало значительный рост атасуских популяций и выживание коллективов в сложных природно-климатических условиях.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ

Изучение андроновской проблематики Центрального Казахстана показывает, что первоочередной задачей исследователя древностей региона является определение места памятников в кругу андроновских комплексов Урало-Казахстанской степи. Основная модель развития древностей бронзового века Сары-Арки разработана К.А. Акишевым, который вслед за К.В. Сальниковым выделил два генетически связанных между собой периода в развитии андро-

новской культуры региона [Акишев, 1953; с. 5–9; Маргулан и др., 1966, с. 65–68, 278–279]. В эволюции атасуских культурных традиций К.А. Акишевым намечены:

1) раннеатасуский этап (могильники Былкылдак I и Былкылдак III), характерным признаком которого являются кольцевые оградки с одиночными могильными конструкциями;

2) позднеатасуский этап (Атасу, Бегазы, Карабие, Карасай I и II, Былкылдак II) с характерным для него преобладанием большесемейных усыпальниц.

Развитие атасуских керамических серий в степях Сары-Арки, в соответствии с принятыми в 50–60-е гг. XX в. схемами развития андроновских древностей, шло, по мнению исследователя, от нуринских комплексов, в которых преобладали плавнопрофилированные горшки, нарядно орнаментированные гребенчатой техникой, к комплексам с горшками уступчатой профилировки, с одной стороны, и резким преобладанием баночных форм – с другой. В технике нанесения узора начинают доминировать нарезка и гладкий штамп при значительном снижении гребенчатых узоров. Специфической особенностью уступчатой атасуской посуды исследователи считали, как и на алакульской посуде, «отсутствие орнамента на шейке» [Маргулан и др., 1966, с. 279]. С данным представлением вряд ли можно согласиться, так как во всей опубликованной серии атасуских древностей нет ни одного сосуда, имеющего свободную от орнамента зону по основанию шейки [Там же, рис. 38, 49, табл. III, VII, VIII, X, LXVIII].

Анализ массового керамического материала и изучение погребальной обрядности памятников Сары-Арки позволили М.К. Кадырбаеву высказать мнение, что атасуские общины – автохтонное население – длительное время сосуществовали и взаимодействовали с нуринскими группами и результатом взаимосвязей являются синкретические комплексы. Сложность этих контактов, нашедших отражение в элементах материальной культуры, требует разработки новых подходов и совершенно иной периодизации [Кадырбаев, 1974, с. 40–41]. Основы ее были заложены исследователем после широкого изучения поселения Атасу I [Кадырбаев, 1983]. С посудой атасуского типа, по мнению Ж. Курманкулова, связан культурный горизонт с прямоугольными постройками, обнаруженными на поселениях Атасу I и Мыржик [1987, с. 71–72; 1988, с. 21]. Если с выделением атасуского культурного горизонта поселения Мыржик можно согласиться, то на поселении Атасу I наблюдения за отложением керамики дают несколько иную картину. В культурном слое на всех изученных участках преобладает не атасуская, а нуринская посуда, и горизонт прямоугольных построек, скорее всего, относится не к атасускому, а к нуринскому этапу заселения жилой площадки. Связать незначительную серию атасуской посуды с конкретными жилищами исследователям не удалось [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 186–207]. Отложение атасуской посуды на поселении может отражать контакты проживавших рядом разнокультурных коллективов, тем более что расстояние между поселениями Атасу I и Мыржик не превышает 5 км [Там же, с. 63].

Памятники Центрального Казахстана с богатым и самобытным материалом неоднократно привлекали внимание исследователей, занимающихся про-

блемами андроновской культурно-исторической общности. Так, своеобразную схему развития атасуской культуры предложила Е.Е.Кузьмина, предпринявшая попытку вычленив из атасуских комплексов ранний центрально-казахстанский вариант алакульской культуры. В результате в одну группу были объединены разнокультурные памятники нуртайского типа (Нуртай, Сатан, Красная Круча) и малопредставительные атасуские комплексы (Егиз-Койтас, Былкылдак III, Карабие и др.). Их происхождение, по мнению исследователя, связано с миграционными процессами петровского населения с территории Северного Казахстана, а формирование атасуского культурного типа (Айшрак, Жаман-Узен II, Аксу-Аюлы и др.) рассматривается как переходный от среднебронзовых к позднебронзовым комплексам процесс, в котором нашло отражение и федоровское влияние [Кузьмина, 1985, 1994]. Следует отметить, что сравнительный анализ не позволяет разделить памятники средней бронзы Центрального Казахстана на алакульскую и атасускую линии развития, так как, с одной стороны, отсутствуют критерии такого разделения, а с другой – и в керамике, и в погребальном обряде у выделенных групп памятников больше сходства, чем различий. И те и другие не обнаруживают черт, характерных для алакульских, соль-илецких или кожумбердынских комплексов. Так, например, могильник Карабие, причисленный к алакульскому комплексу, содержит сосуд, украшенный ногтевыми оттисками, что не свойственно для орнаментальной традиции ни атасуских, ни алакульских памятников. Этот элемент узора скорее присущ переходным от средней к поздней бронзе комплексам, хотя нельзя исключать и его более раннее появление [Маргулан и др., 1966, с. 118]. Вместе с тем в Центральном Казахстане пока не изучено ни одного объекта, где бы стратиграфически расчленились атасуские и нуринские комплексы, поэтому вопрос об их хронологическом соотношении остается открытым.

Возвращаясь к проблемам соотношения среднебронзовых разнокультурных комплексов региона, необходимо отметить, что керамика однослойного поселения Энтузиаст I отражает процесс формирования атасуских орнаментальных традиций в результате смешения нуртайских черт и инноваций, привнесенных андроновско-канайским населением. Нуринская посуда в небольшом количестве равномерно распространена по всему раскопу, залегая совместно с атасуской в заполнении землянок и на межжилищном пространстве [Ткачев, 2002а, с. 142, 144, табл. 59]. Интересная стратиграфическая колонка зафиксирована на поселение Энтузиаст II, где в основании культурного слоя встречена своеобразная атасуско-нуринская керамика. Канавообразные сооружения, содержавшие эту посуду, частично скрыты котлованом крупного жилища с валиковой керамикой алексеевско-саргаринского облика [Там же, с. 149–151]. Керамика, близкая комплексу поселения Энтузиаст II, получена и на однослойном поселении Майоровка [Там же, с. 123, рис. 39, 40].

На многослойном поселении Мыржик прослежено два строительных горизонта: в ранних постройках при совместном залегании атасуской и нуринской посуды преобладала первая; в поздних совместно встречена посуда алексеевско-саргаринского облика, дандыбаевская и неорнаментированная станковая. Строительные горизонты разделены стерильной прослойкой речных отложений, что свидетельствует о хронологическом разрыве при использовании

данной жилой площадки [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 47, 54, 55, 212; Курманкулов, 1988, с. 21].

Близкую картину развития показывают и материалы памятников сопредельных регионов. На многослойных поселениях Северного Казахстана наиболее четко выделяется ранний – петровский пласт и поздний – алексеевско-саргаринский; один подстиляет, другой перекрывает и прорезает конструкции средней бронзы. Посуда петровского типа, залегая в основании культурных отложений, преобладает во рвах поселений Новоникольское I [Зданович, 1973, с. 123–126, табл. 1; 1974, с. 65, рис. 2] и Петровка II [Зданович, 1988, с. 122, табл. 8]. На многослойных поселениях Петропавловского Приишимья алакульская и федоровская посуда залегают в одном горизонте, примерно в равном количестве и в заполнении жилищ, и на межжилищном пространстве [Зданович, 1974, с. 65–68, рис. 2]. На многослойных поселениях лесостепного Притоболья – Камышное II, Язево I – алакульская посуда также залегают совместно с федоровской [Потемкина, 1976а, с. 101–105; 1976б, с. 14–15; 1985, с. 47, 83].

Отсутствие четких стратиграфических реперов и данных естественных наук для памятников Центрального Казахстана заставляет нас обратиться к традиционным методам сравнительно-типологического анализа при определении хронологической позиции атасуских древностей. При изучении закрытых погребальных комплексов могильника Майтан получена значительная серия разнообразных предметов, позволяющих определить хронологическую позицию памятника и наметить рамки его бытования в пределах становления и развития атасуской культуры.

Наиболее ранними формами изделий, обнаруженных в раннеатасуских комплексах Центрального Казахстана, являются пластинчатые двулезвийные ножи с подтреугольным клинком и слабо намеченными уступчиками при переходе к плоскому прямому черешку. Они найдены в могильнике Майтан (см. рис. 125, 4) и на поселении Акмая [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 66, рис. 34, 1]. Появление подобного типа листовидных ножей связывают с энеолитическим временем, когда они сосуществуют с ножами с треугольным клинком [Матюшин, 1982, с. 122, рис. 34, 8; Гей, 2000, рис. 46, 3, 4]. Данные орудия, типологически предшествуя ножам «срубного типа», доживают до алакульского времени [Стоколос, 1972, с. 35, рис. 63]. На территории лесостепного Притоболья близкий по форме нож, датированный XVII–XVI вв. до н.э., найден в раннеалакульском могильнике Убаган I [Потемкина, 1985, с. 202, рис. 47, 5; 106, 89]. Аналогичные по форме ножи известны в катакомбных памятниках Подонья [Братченко, 1976, с. 49, рис. 22, 7; 23, 1, 2] и абашевских комплексах Поволжья [Пряхин, 1976, с. 73, рис. 27, 8–10]. По мнению Т.М. Потемкиной, происхождение подобной формы ножей связано с ямно-полтавкинским населением [1985, с. 282]. Нельзя исключить и самостоятельное появление аналогичного типа изделий в пределах Восточного Казахстана, где они относятся к раннебронзовым комплексам III тыс. до н.э. [Черников, 1960, с. 95, рис. 18]. В пределах Казахстана близкий по форме нож происходит с Садчиковского поселения и соотносится, скорее всего, с ранней стадией заселения жилой площадки [Кривцова-Гракова, 1951, с. 153, рис. 17, 1].

Развитие исходных форм приводит к появлению ножей срубно-андроновского типа с ромбическим или плоским черешком, намечающимся перекрестьем и перехватом. Представительная серия подобных изделий происходит с могильника Майтан (рис. 125, 5, 6, 9, 10). Совместно с атасуской керамикой аналогичные ножи обнаружены в могильниках Жиланды [Кадырбаев, 1974, с. 36, рис. 9, 1], Былкылдак I [Маргулан, 1970, с. 193, рис. 20, 6] и на поселении Ак-Мустафа [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 64, 2]. Подобные ножи имеют широкое распространение в алакульских, срубных, поздняковских памятниках [Черных, 1970, с. 62, рис. 57, 3, 35; 58, 1–5, 23–25]. Ножи с намечающимся перекрестьем исследователи датируют широко, от XVII–XVI до XIV–XIII вв. до н.э. [Черных, 1970, с. 103; Тихонов, 1960, с. 75; Сальников, 1967, с. 322; Мерперт, 1958, с. 81; Потемкина, 1985, рис. 106, 79; 118–120, 190, 191; Кузьмина, 1994, с. 428, рис. 30].

С могильника Майтан происходит однолезвийный нож с выделенной выемчатой рукоятью, переходящей в горбатую спинку, плавно понижающуюся к загнутому вверх концу (см. рис. 125, 8). Нож не имеет аналогов в памятниках андроновской общности и не укладывается ни в одну из классификационных схем, разработанных для памятников эпохи бронзы Евразийских степей. Несмотря на «хвостатость», его нельзя сравнить ни с одним из «хвостатых» ножей карасукской культуры [Членова, 1972, табл. 1–3], ни со слабо изогнутыми ножами с выемчатой рукоятью, встреченными в могильнике Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988, с. 78–80, рис. 49, 2]. Близкий по форме нож со слегка загнутым концом найден в Турбинском II могильнике [Бадер, 1964, с. 122–123, рис. 113], другое аналогичное изделие обнаружено в Восточном Казахстане на р. Джумба [Членова, 1972, табл. 69, 4]. Можно констатировать, что майтанский нож относится к досейминскому периоду – ранней фазе сейминского хронологического горизонта, и может датироваться временем существования Турбинского могильника [Черных, 1970, с. 94, табл. Г].

Особое значение при определении хронологической позиции могильника Майтан имеет находка двулезвийного копья с несомкнутой прокованной втулкой (см. рис. 125, 7). Пластинчатая технология изготовления колюще-режущих орудий достаточно широко распространена в петровско-нуртайских и алакульско-атасуских комплексах Центрального, Северного и Восточного Казахстана. Так, прототипом ножа-копья с округлой прокованной несомкнутой втулкой с поселения Энтузиаст I [Ткачев, 2002а, с. 141, рис. 43, 16] являются пластинчатые изделия (нож и серп) с округлыми втулками, обнаруженные на нуртайском поселении Икпень II [Ткачев, 2002а, с. 141, рис. 26, 6, 7]. Аналогичный икпенскому нож происходит из нурынско-атасуского горизонта поселения Атасу I [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 46, рис. 21, 7]. Близкие по форме ножи с несомкнутой втулкой обнаружены в Северном Казахстане на поселении Новоникольское I [Зданович, 1974, рис. 2, 5, 10] и в Восточном Казахстане на поселении Трушниково [Черников, 1960, с. 54, табл. XLVII, 2]. Типология подобных орудий, как отмечалось выше, не разработана, но простота изготовления позволяет предполагать, что пластинчатая техника изготовления, зародившаяся еще в энеолите, продолжает широко бытовать и на ранних стадиях бронзового века. Совместное залегание на могильнике Майтан пластинчатого

копья с раннеатасуской керамикой ограничивает время бытования подобных орудий первой половиной II тыс. до н.э.

В колчаных наборах могильника Майтан встречено несколько пулевидных наконечников втоков (рис. 125, 1–3). Данный вид изделий достаточно широко представлен в погребальных (Темир-Астау, Бозенген) и поселенческих (Майоровка, Икпень I, Мыржик, Усть-Кенетай) комплексах, залегая совместно с нуртайской, атасуской и нуриной посудой. Технологически выделяются два типа втоков: литые и свернутые из листовой бронзы. Исходя из имеющейся серии свернутых наконечников-втоков можно проследить эволюцию данного типа изделий и выстроить типологический ряд: с округлой – заостренной – прокованной уплощенной или четырехгранной головкой. В серии литых наконечников выделяются соответственно типы: с овальной приостренной – четырехгранной прокованной головкой.

Необходимо отметить, что в колчаных наборах могильника Майтан отсутствуют двуперые втульчатые наконечники стрел и дротиков, хотя они достаточно широко распространены на территории Сары-Арки как в нуртайских, так и в атасуских комплексах. Они встречены во многих могильниках Центрального Казахстана: Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 192, рис. 68, 14], Бозенген [Там же, с. 245–246, рис. 94, 1, 2, 4, 5], Айшрак [Маргулан и др., 1966, с. 94–95, табл. LIV, 3], Жаман-Узен II [Аванесова, 1975б, с. 111, рис. 2, 1], Койшоки II [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 80, рис. 51, 7, 8], Шет [Там же, с. 89, рис. 59].

К наконечникам стрел со скрытой втулкой типологически примыкают крупные наконечники дротиков со скрытой втулкой, обнаруженные в могильниках Аяпперген [Ткачев, 2002б, с. 79, рис. 167, 16] и Шапат [Там же, с. 119, рис. 187, 13]. Прямых аналогов данным изделиям в сопредельных регионах нет, но близкие наконечники дротиков со скрытой втулкой найдены на территории Центрального Казахстана в могильнике Койшоки II [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 80, рис. 51, 7, 8]. Различия наблюдаются в оформлении нервюры: дротики из могильника Койшоки II имеют округлую нервюру пера, дротики из могильников Аяпперген и Шапат – ромбическое сечение нервюры, переходящей в округлую скрытую втулку, что сближает их с копьями, бытовавшими в рамках сейминского горизонта [Черных, 1970, рис. 45, 15–23]. Во всех случаях изделия найдены с посудой атасуского типа, что позволяет датировать появление этих орудий серединой II тыс. до н.э. и соотнести их бытование со среднебронзовыми комплексами в пределах XVI–XIV вв. до н.э., тогда как втоки, появившись у носителей нуртайских традиций, продолжают бытовать у атасуского населения и в третьей четверти II тыс. до н.э. Данный вид изделий был заимствован восточно-казахстанскими мигрантами в процессе становления нуриных традиций.

Практическое отсутствие наконечников-втоков, крупных наконечников стрел и дротиков со скрытой втулкой в регионах распространения андроновских древностей, во-первых, дает основание полагать, что данное оружие ближнего и дальнего боя являлось типичным для нуртайско-атасуского населения Центрального Казахстана, и, во-вторых, свидетельствует об относительно самостоятельном развитии местных культурных традиций.

Среди каменных изделий особая роль принадлежит булавам, которые не только позволяют датировать изучаемые комплексы, но и служат важным социальным индикатором при изучении древнего общества. Булава с могильника Майтан отличается от округлых булав предшествующего нуртайского времени – она биконической формы с ребром в верхней трети (см. рис. 94, 1). Небольшой размер предполагает ее символический характер. Близкие по форме и размерам каменные булавы встречены в Южном Зауралье в кургане 4 могильника Кулевчи VI совместно с посудой переходного петровско-алакульского облика [Виноградов, 1984, с. 150, 152–153, рис. 9, 42] и в Степном Притоболье на Алексеевском поселении [Кривцова-Гракова, 1948, с. 122, рис. 28, 3], где это изделие связано с алакульским этапом заселения жилой площадки. Таким образом, находки каменных булав в раннеатасуском могильнике Майтан и раннеалакульском могильнике Кулевчи VI еще раз подтвердили гипотезу С.Н. Братченко, что овалы относятся лишь к памятникам средней бронзы [1976, с. 99].

Костяные псалии из могильника Майтан изготовлены из расколотых трубчатых костей, имеют выделенную треугольную планку и треугольные зубчики-шипы на внутренней стороне. Они близки по размерам, но различаются количеством отверстий. Один псалий трехдырчатый (см. рис. 77, 2), второй – четырехдырчатый (рис. 77, 1). Размещение отверстий почти идентично, своеобразно отсутствие у одного псалия на внутренней стороне второго от планки зубца и дополнительного отверстия на одном из первых зубцов. По классификации Е.Е. Кузьминой они относятся к подтипу ПБ – желобчатые прямоугольные псалии с треугольной планкой [1994, с. 182]. Появившись в середине II тыс. до н.э., они бытуют на протяжении XV–XIII вв. до н.э. [Там же, с. 182–183, рис. 37]. В это время костяные псалии широко используются алакульскими и атасускими общинами. Они найдены на поселениях Тасты-Бутак [Андроновская культура, 1966, табл. XXXVIII, 30], Кулевчи III [Виноградов, Зданович, 1980, с. 138], Мирный IV [Чемякин, 1974, рис. 2, 6], в могильниках Алакульском [Сальников, 1952, рис. 7, 2], Айдабуль [Акишев, 1959, рис. 8], Новоникольском [Зданович, 1985, рис. 4]. По находкам псалиев на поселениях и останкам лошадей в упряжке на могильниках можно судить, что лошадь использовалась не только в военном деле, но и в обыденной хозяйственной деятельности.

В атасуских памятниках Центрального Казахстана обнаружены многочисленные серии украшений. Атасуское население, продолжающее местную линию развития, использовало и совершенствовало все основные типы украшений предшествующего времени. Продолжают бытовать гривны, о чем свидетельствуют находки в атасуских комплексах могильников Ташик [Евдокимов, Усманова, 1990, рис. 2, 3] и Жиланды [Кадырбаев, 1974, с. 34, рис. 8]. В Зауралье желобчатые гривны с отверстиями на концах также характерны для алакульских погребальных комплексов. Они встречены в могильниках Алексеевском [Кривцова-Гракова, 1948, с. 111, рис. 38], Алакульском [Сальников, 1952, с. 58, рис. 5, 1], Кулевчи VI [Виноградов, 1984, с. 150, рис. 9, 34].

Особо стоит остановиться на следующих группах изделий, полученных при исследовании могильника Майтан. Среди погребального инвентаря из-

вестно всего несколько очевидных подвесок, что позволяет рассматривать их как пережиток нуртайского времени. Во-первых, и в других атасуских памятниках очевидные подвески единичны, маркируя только раннеатасуские комплексы и отсутствуя в средне- и позднеатасуских памятниках; во-вторых, к новым элементам материальной культуры, характерным только для алакульско-атасуских древностей, относятся пряжки из раковин – характерный элемент мужского костюма. Пряжки из раковин не встречаются в памятниках новокумакского хронологического горизонта, но широко представлены в алакульско-атасуских комплексах Урало-Казахстанской степи: в Центральном Казахстане они найдены в могильниках Майтан (см. рис. 78, 1, 2), Аяперген [Ткачев, 2002б, с. 82, рис. 167, 13], Былкылдак [Маргулан и др., 1966, табл. LVI, 2]; Ижевский I [Бейлеу и др., 2012, с. 60, фото 7]; в Западном Казахстане – в могильниках Ново-Аккерман [Подгаецкий, 1940, с. 73, рис. 8], Тасты-Бутак [Сорокин, 1962, с. 60, табл. XXXIX, 17]; в Северном Казахстане – в могильнике Семипалатное [Зданович, 1988, с. 105, рис. 241, 4]; в Зауралье – в могильниках Кулевчи VI [Виноградов, 1984, рис. 9, 45], Хрипуновском [Матвеев, 1998, с. 148, рис. 54, 15]. Эти изделия появляются не ранее сложения раннеалакульских и раннеатасуских древностей в середине второй четверти II тыс. до н.э.

* * *

Обобщение и систематизация атасуских древностей Центрального Казахстана показывают, что эти комплексы образуют единую и неделимую общность, все структуры которой динамично развивались на протяжении нескольких столетий. Специфика культурного развития наиболее полно отразилась в совокупности керамических материалов, особенности которых позволяют наметить ряд последовательных этапов [Ткачев, 2003, с. 23–26]. Материалы могильника Майтан, отражая период становления атасуской эпохи в степях Центрального Казахстана, соотносятся с комплексами раннеалакульского – постпетровского этапов (по классификации Т.М. Потемкиной [1985, рис. 106, 107]); первой и второй хронологическими группами алакульских древностей Среднего Притоболья (по классификации А.В. Матвеева [1998, рис. 82]), что позволяет датировать могильник Майтан в пределах конца XVII–XVI в. до н.э.*

* Материалы атасуских памятников представлены в монографиях казахстанских археологов в большинстве случаев суммарно [Маргулан и др. 1966; Кадырбаев, Курманкулов, 1992]. Значительная часть посуды могильников не нашла отражение в прорисовках и статистических выкладках, что затрудняет культурно-хронологическое членение опубликованных атасуских могильников. Можно только отметить, что погребальные комплексы относятся к разным этапам развития атасуской культуры (см., напр., табл. III первого из вышеуказанных изданий).

Глава 7

АНДРОНОВСКОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

При изучении археологических культур и стоящих за ними древних обществ материалы раскопанных погребальных памятников, дополненные этнографическими параллелями, являются основным и зачастую единственным источником социальных реконструкций. В погребальном обряде заключена важнейшая разноплановая информация, анализ которой позволяет с известной долей вероятности воссоздать систему социально-экономических отношений и идеологических представлений в древнем сообществе.

Большинство специалистов в результате археолого-этнографических сопоставлений материалов поселений и могильников пришли к выводу о господстве патриархальных отношений в андроновскую эпоху. Эта точка зрения нашла отражение в работах К.А. Акишева [1953, с. 16], С.С. Черникова [1957, с. 32], М.П. Грязнова [1957, с. 24], В.С. Сорокина [1962, с. 90], Т.М. Потемкиной [1985, с. 205], М.Д. Хлобыстиной [1986, с. 33]. В литературе закрепилось представление, что основными признаками патриархальных отношений являются большие жилища и парные разнополюе погребения. Анализ материалов, полученных при изучении поселенческих и погребальных памятников Центрального Казахстана, позволяет высказать несколько иное мнение, подтверждаемое и новыми исследованиями в смежных регионах.

Изучая большие жилища с целью реконструкции форм семьи и общества, исследователи чаще всего используют два наиболее существенных критерия – количество очагов в постройках и площадь помещений. Считается, что изолированные жилые сооружения с одним очагом принадлежат малой семье, а количество таких помещений соответствует числу брачных пар [Массон, 1976, с. 118–119]. В.В. Евдокимов предположил, что почти каждое очажное сооружение в андроновских жилищах Степного Притоболья принадлежит малой семье [1984, с. 16; 2000, с. 87]. Разделив площадь жилища на количество очагов, можно получить площадь на одну малую семью. Однако при этом не учитывается, во-первых, расположение очагов преимущественно в одном месте – в центральной или пристеночной части [Там же, 1984, с. 8; 2000, с. 90], а не в изолированных помещениях; а во-вторых, разнотипность очагов. В поселениях лесостепного Притоболья очаги обычно концентрируются в половине жилища, противоположной выходу [Потемкина, 1985, с. 323], или сосредоточены в более углубленной части котлована [Там же, с. 327]. Это же характерно и для жилищ Центрального Казахстана. О.А. Кривцова-Гракова считала, что

глинобитные очаги использовались для приготовления пищи, а очаги, для сооружения которых использовался камень или плитняк, служили для обогрева помещений. Кухонные очаги помещались по углам построек, близ стен, отопительные – в центре жилищного пространства [Кривцова-Гракова, 1948, с. 90]. Исследователи так и не смогли установить время и последовательность функционирования каждого очага, при том что, очевидно, не всегда очаги использовались одновременно. Таким образом, выделить по особенностям расположения и количеству очагов в андроновских жилищах малые семьи в составе большого патриархального коллектива не представляется возможным.

Неуклонный рост площади жилищ на протяжении развития петровско-нуртайских и алакульско-атасуских древностей, а также наличие крупных и даже гигантских жилых сооружений в эпоху поздней бронзы [Евдокимов, 1975а, с. 163, рис. 2; 1975б, с. 109, рис. 2; Зданович С.Я., 1979, с. 9], свидетельствуют, что они были рассчитаны на большой коллектив. О.А. Кривцова-Гракова утверждала, что жилища Алексеевского поселения предназначались для очень больших семей, а каждое жилое сооружение представляло обособленную хозяйственную ячейку [1948, с. 76, 93]. В то же время, по мнению исследователя, в землянке 5 существовало два обособленных хозяйства [Там же, с. 93], а кроме того, имелись постройки, использовавшиеся коллективом совместно [Там же, с. 97–99]. На Алексеевском поселении выделено два объединения, две самостоятельные хозяйственные единицы, принадлежавшие большим семьям [Там же, с. 100].

Группировкам жилищ на поселениях могут соответствовать группировки погребений в могильниках, величина которых зависела от численности коллектива. В планиграфии жилищ выявлены следующие закономерности: если количество впадин не превышало семи, то они располагались в один ряд вдоль реки; если число углублений варьировалось от 10 до 20, то они образовывали два параллельных ряда вдоль берега или полукругом, что характерно для всех регионов андроновской общности [Потемкина, 1985, с. 322; Зданович, 1988, с. 132–154; Ткачев, 2002а, с. 71–72; 2003, с. 35].

Большинство авторов считают, что о патриархально-родовом устройстве андроновских коллективов свидетельствуют и разнополые парные захоронения. Так, например, В.С. Сорокин полагал, что первичной ячейкой андроновского общества являлась патриархальная семейная община, внутри которой существовала парная семья, не имевшая общественного значения и веса, с легко расторжимой связью мужчины и женщины при отсутствии власти мужа над женой и отца над детьми. Объединение 4–5 поколений таких семей составляло патриархальную общину – группу совместно проживавших родственников только по мужской линии, включавшую также жен взрослых мужчин. Данную ситуацию, по мнению исследователя, отражают погребения [Сорокин, 1962, с. 93–94]. Однако вызывает сомнение, что при низкой средней продолжительности жизни патриархальная семья могла включать 4–5 поколений; скорее всего, она объединяла не больше 2–3 поколений близких родственников, а парные погребения могут свидетельствовать о существовании как отцовской, так и материнской общины, развитие которых приводит к зарождению индивидуальной или малой семьи, стремящейся

ся к экономическому обособлению. В своей работе В.С. Сорокин приводит слова М.И. Артамонова о том, что установление господства патриархальных отношений следует датировать не тем временем, к которому относится высокий процент совместных погребений мужчин и женщин, а тем, когда эти погребения становятся редки, но выделяются среди рядовых как принадлежащие более богатому и сильному социальному слою [Сорокин, 1962, с. 103]. Необходимо отметить, что парные погребения, достаточно широко распространенные в андроновских памятниках, не отличаются от одиночных погребений богатством сопровождающего инвентаря. И если следовать высказыванию М.И. Артамонова, то массовое распространение парных погребений никак не указывает на патриархальные отношения. Появление большой патриархальной семьи и зависимого положения женщин должно было отразиться в изменении форм собственности, что сказалось бы на социальной дифференциации общества и о чем соответственно можно было бы судить по вещевым комплексам погребений. Но по материалам могильника Майтан, как и других изученных могильников, мы не видим в андроновском обществе ни ярко выраженного слоя собственников, ни угнетенного, ни свободного населения, хотя в более поздних памятниках, раннего железного века, высшие и низшие социальные группы фиксируются.

Исходя из признания патриархальной основы общества, В.С. Сорокин видит в женщинах, обнаруженных в парных разнополюх погребениях, равноправных членов рода, добровольно принявших смерть [1962, с. 118–120]. С мнением исследователя о добровольности смерти невозможно согласиться, так как при первобытно-родовом строе жизнь человека представляла огромную ценность для коллектива.

Г.А. Максименков, рассмотревший парные погребения окуневской культуры, также считал их относящимися к парной семье, существовавшей внутри большесемейной общины, где были объединены представители двух экзогамных родов. В условиях экзогамии мужчина и женщина – члены одного рода потенциально являются мужьями и женами всех членов другого рода, и в парных погребениях могут быть захоронены любые мужчина и женщина, принадлежащие к разным родам и умершие одновременно [Максименков, 1974, с. 13, 15]. Таким образом, объясняется существование одиночных погребений мужчин и женщин в случае их разновременной смерти. Рассматривая проблему парных погребений, исследователи, как правило, забывают, что последние составляют незначительную часть захоронений. А.М. Мандельштам считал парные погребения отклонением от нормы, тогда как, по его мнению, одиночные мужские и женские погребения свидетельствуют о неизвестной форме брака [1968, с. 120–121].

С точки зрения М.А. Итиной, парные погребения есть нарушение экзогамии, следовательно, они появляются не ранее выделения нуклеарной семьи [1977, с. 220]. Разделив парные погребения на разновременные и одновременные, она пришла к выводу, что в одновременных погребениях мужчин сопровождали не свободные члены общества, а рабыни-наложницы [Там же, с. 221]. Напротив, разновременные захоронения фиксируют процесс стабилизации нуклеарной семьи при равноправном положении женщин, о чем, по мнению

исследователя, свидетельствует достаточно богатый сопровождающий инвентарь [Там же, с. 225]. Нам представляется, что следовало бы установить обратное соотношение погребений «наложниц» и «господина»: бедные женские погребения должны сопровождать богатые мужские, но в андроновских памятниках этого не фиксируется. Разновременность и одновременность парных погребений во многих случаях установить просто невозможно, хотя обычно женские костяки перекрывают мужские, но насколько позже захоронены женщины, выяснить не удается.

Некоторые исследователи вообще ставят под сомнение существование патриархально-родовых отношений в эпоху бронзы. Е.Е. Кузьмина, проанализировав материалы эпохи бронзы из низовий Зеравшана с использованием этнографических параллелей, пришла к мнению, что эпохе бронзы не свойственен патриархальный строй [1968, с. 309]. Такое же заключение по материалам погребений Южного Приаралья сделала и М.А. Итина [1977, с. 216]. А.Д. Грач, изучавший кочевнические общества Азии, полагал, что парные погребения, считающиеся характерной формой погребального обряда в патриархальном обществе, когда с мужчиной захоранивалась женщина – жена или наложница, совершенно не присущ памятникам скифского времени Саяно-Алтая, Центральной Азии и Казахстана, причем данный вид захоронений не встречен ни в одной из двух социальных категорий – высшей и средней. Если такой обычай и бытовал на указанных территориях, то к скифскому времени он изжил себя, не оставив каких-либо заметных следов [Грач, 1980, с. 52]. Л.А. Кисляков, рассмотрев проблемы семьи и брака в работах советских этнографов, пришел к выводу о позднем оформлении патриархальных отношений в семейных общинах, к началу нашей эры или даже к середине I тыс. н.э. [1967, с. 98].

Многочисленные интерпретации парных захоронений отличаются между собой ответами на следующие вопросы:

1) разрушало ли скотоводческое хозяйство, точнее, тот уровень развития, который реконструируется у андроновского населения, родоплеменную структуру общества?

2) как связать обычай экзогамии и парные погребения и насколько они совместимы? Как относиться к тезису, обоснованно доказанному на большом этнографическом материале, что «...в условиях родового строя, при наличии экзогамии, невозможно погребение мужчины на родовом кладбище жены (при матрилокальном браке) и, наоборот, женщины на родовом кладбище мужчины (при патрилокальном браке)» [Итина, 1977, с. 221]?

3) почему не все погребения парные и как объяснить одиночные мужские и женские захоронения?

Все остальные проблемы, касающиеся парных погребений и в целом воссоздания структуры андроновского общества, производны от этих вопросов.

Первый вопрос всеми исследователями решается положительно. Признается, что уровень развития скотоводческого хозяйства был достаточно высоким в силу бесперспективности мотыжного земледелия в условиях засушливого ксеротермального периода II тыс. до н.э. [Смирнов, 1975, с. 36]. Обработка каменной мотыгой каштановых почв и суглинков Казахстана, Урала и Сибири не давала достаточного прибавочного продукта [Черников, 1957, с. 31]. О пре-

обладающей роли скотоводства в хозяйственной деятельности андроновцев писали многие исследователи [Кривцова-Гракова, 1948, с. 104; Киселев, 1949, с. 56; Сорокин, 1962, с. 110; Потемкина, 1985, с. 318; Кузьмина, 1994, с. 195–200]. Разногласия касаются в основном доли (большей или меньшей) земельного [Итина, 1977, с. 184; Потемкина, 1985, с. 318; Евдокимов, 2002, с. 23; Кузьмина, 2008а, с. 102]. Затруднения в определении его роли связаны с тем, что собирательские и раннеземледельческие орудия практически невозможно дифференцировать [Косарев, 1981, с. 207].

Признавая влияние скотоводства на трансформацию родовой структуры андроновского общества, исследователи сталкиваются с другой проблемой: в какой форме происходило разложение родового строя – о патриархате или позднем материнском роде следует говорить? Интерес к этой проблематике возник в связи с исследованиями материнского рода у сарматов и его пережитков в поздних кочевых обществах [Хазанов, 1970, с. 139; Грач, 1980, с. 55]. Какие этапы прошло разложение рода у андроновского населения и какие имело особенности? В частности, В.С. Сорокин полагал, что в отношении коллектива оставившего могильник Тасты-Бутак, следует говорить о первичной форме патриархальной общины, носившей демократический характер и не отличавшейся от предшествующей материнской [1962, с. 94]. Большинство исследователей вслед за В.С. Сорокиным стали считать, что андроновцы находились на патриархальной стадии развития, в то время как этнографы в основном соотносят процесс становления патриархального общества с первыми веками нашей эры. Все эти вопросы тесно связаны с разработкой в этнографии проблем древней семьи, которые пока далеки от окончательного разрешения.

На второй вопрос большинство исследователей отвечают категорическим отрицанием. Но существует и мнение, что по правилам дуальной организации родового общества одновременно умершие мужчина и женщина подразумевались мужем и женой и хоронились в одной могиле, а оставшиеся в живых могли составлять новую пару [Максименков, 1974, с. 13]. Сторонники «строгой» экзогамии связывают распространение парных погребений с патриархальной или даже моногамной семьей [Маргулан и др., 1966, с. 287]. Приверженцы «нестрогой» экзогамии видят в парных захоронениях свидетельства существования парной семьи при разложении родового строя и выделения индивидуальной семьи внутри большесемейной общины [Сорокин, 1962, с. 120; Итина, 1977, с. 244]. Иногда высказываются суждения о том, что парные погребения могли принадлежать как парной, так и моногамной семье [Афанасьев, 1984, с. 76]. В то же время парные погребения отсутствуют в раннем железном веке, и это ставит под сомнение их связь с поздними формами семьи, основанными на принципах моногамии.

Решение вопроса об одиночных погребениях возможно при привлечении этнографических данных, однако материал часто имеет противоречивый характер. В этнографии приведены доводы как в пользу обязательности погребений женщин на своем кладбище, так и против этого [Hausler, 1975, S. 86]. В.С. Сорокин объяснял существование одиночных женских захоронений фактом многоженства или тем, что старшая дочь могла рассматриваться как

мужчина [1962, с. 116, 119]. По мнению М.А. Итиной, одиночные мужские захоронения принадлежат холостым воинам, женские – бездетным или вдовам, вернувшимся в свой род и умершим одинокими. Отдельно захоранивались и умершие от инфекционных болезней или в результате несчастных случаев [Итина, 1977, с. 226].

Г.А. Максименков, кроме парных погребений, в качестве супружеских рассматривал и два рядом расположенных захоронения в одной ограде [1974, с. 14]. Учитывая редкость парных захоронений, М.П. Грязнов считал их принадлежащими привилегированным членам общества [1957, с. 24]. М.А. Итина подходила к ним дифференцированно: полагала, что одновременные погребения связаны со свободной привилегированной частью общества, а в одновременных соединены свободные мужчины и женщины-наложницы [1977, с. 220–221].

Многообразие объяснений существования одиночных и парных погребений в первую очередь связано с неразработанностью в этнографии вопросов периодизации форм семьи в эпоху перехода от первобытно-родовой к патриархальной семейной общине, форм экзогамии и связей между отдельными первобытными коллективами. Как показано выше, парные погребения убедительно соотносить с какой-либо определенной формой семьи невозможно. В то же время парные погребения и факт возрастания площади жилищ рассматриваются как бесспорное доказательство существования отцовского рода [Сорокин, 1962, с. 90]. Однако площадь жилищ продолжает возрастать и в период поздней бронзы [Потемкина, 1985, с. 330], тогда как форма семьи, напротив, развивается по линии уменьшения, пока не будет ограничена двумя поколениями женатых мужчин [Кисляков, 1967, с. 99]. Очевидно, что затруднения при интерпретации парных захоронений возникают и потому, что поиски идут в одном направлении: разнополюсы погребения признаются захоронением супружеской пары [Hausler, 1975, S. 83] и не учитывается наличие парных однополюсных погребений [Комарова, 1961, с. 35]. Различие мнений по поводу парных погребений связано с отсутствием в археологии критериев для отнесения памятников к тому или иному периоду родового строя, недостаточной разработанностью теоретических проблем семьи, брака и экзогамии в этнографии.

Многочисленные новые материалы, полученные в последние десятилетия при исследовании поселенческих и погребальных памятников степных районов Центрального Казахстана, позволяют несколько по-новому подойти к решению спорных вопросов об общественном и семейном устройстве андроновского общества.

Обряд погребения, по-нашему мнению, можно рассматривать как два больших комплекса ритуальных действий: первый был направлен на соединение умершего с покойными родственниками, в результате чего образовались группы погребений внутри могильника; второй заключался в выделении погребенного в этой группе путем подчеркивания его личных заслуг и общественного положения при жизни. Если в более позднее время в обряде на первый план выступает противопоставление погребений знати погребениям простых членов общины, причем различия внутри этих групп сглаживаются, то в родовом обществе определяющим признаком можно считать уникальность каж-

дого погребения. Разработки методологических проблем как погребального обряда [Этнографическая и социальная интерпретация..., 1981, с. 42–74], так и социальная интерпретация археолого-этнографических сопоставлений [О методике..., 1981, с. 119–145] не позволяют идти далее констатации социальной обусловленности фиксируемого артефакта и лишь предположений о его значимости.

Первые известные погребения тесно связаны с местом обитания человека, но рост численности человеческих коллективов, интенсивность их хозяйственной деятельности привели к крупным изменениям в идеологии, что выразилось в появлении кладбищ, располагавшихся обычно неподалеку от поселений [Крайнов, 1972, с. 170]. Данное сочетание особенно ярко проявилось в синташтинских древностях Южного Урала [Зданович, 1997, с. 47; Виноградов, 2003, с. 9]. Однако наряду с этим в раннеандроновское время сохраняют значение и погребения в полах построек или рядом с жилищем. Особенно это касается детских захоронений, в отношении которых наиболее долго действуют старые обычаи и пережитки. Например, в Северном и Центральном Казахстане захоронения детей отмечены на поселениях петровской [Зданович, 1983, с. 53] и нуртайской [Ткачев, 2002а, с. 13–18, 81, рис. 7, 1–8; 25, 1–3] культур.

Захоронения в специально отведенных местах, очевидно, связано с большой подвижностью степного населения при переходе от присваивающего к производящему хозяйству, что, в свою очередь, обусловило заинтересованность в постоянных центрах для сохранения родовой структуры общества. Погребальный обряд играл в этом особую роль, так как «смерть была происшествием, сплывающим всех» [Боркес, Адрисола, 1987, с. 186], особенно в пределах группы родственников. Подобные группы формировались как закономерный результат развития производящего хозяйства, приводившего к дроблению хозяйственных единиц, но наличие связей между ними получало самостоятельное производственное значение. Первобытные кладбища выполняли функцию объединительного центра для таких общин, появившихся еще в неолите – энеолите. Отсюда возникает и возрастает культовое значение рода, тогда как большесемейная община становится хозяйственной ячейкой, мощной производительной силой. На кладбище эта община представлена группой погребений. По этнографическим данным видно, насколько важным было почитание кладбищ и погребений. Большинство первобытных народов верило, что «счастье умершего на том свете зависит не от его поведения в земной жизни, а от того почтения, которое оказывают ему потомки» [Там же, 1987, с. 112]. Особое значение придавалось тому, чтобы «существовал хотя бы один потомок... который совершал бы жертвоприношения и ритуальные обряды, во имя сохранения могил, памяти предков и их вечного бытия в загробном мире» [Там же, с. 113]. Из этого следует жесткая взаимосвязь поселений рода и кладбищ, как культовых центров. Все устные рассказы, мифы и предания должны были иметь реальную основу. Рассказывая легенду о предке, нужно было знать, что у него есть могила на земле. Поэтому в планировке кладбищ и взаиморасположении жилищ на поселениях много общего. Если на поселениях жилища группировались по семейно-родовому принципу, то и с могилами на кладбище обстояло так же, они однообразны и сходны по инвентарю, и,

таким образом, самым обрядом погребения признается временный характер брака и неизбежность родовой структуры.

С появлением большесемейных общин возникают и различные способы группировки могил: рядами, в склепах, в курганах, в отдельных оградах и в оградах с пристройками. Но объединение таких могил в группы в пределах одного могильника всегда говорит о господстве родовых отношений.

Появление погребальных сооружений в Евразийских степях есть следствие победы производящего хозяйства, наличия в обществе свободных рук и времени для культовых действий, связанных с усложнением религиозно-идеологических функций рода. Причем при существовании общеплеменных каждая семейная группа, очевидно, могла отправлять и свои индивидуальные культы. Сложные погребальные сооружения обычно удалены от места поселения и более характерны для населения, хозяйство которых связано с частыми перемещениями. Поэтому чем сложнее сооружение, тем для большего числа людей представляло объект поклонения и тем больше народа участвовало в его возведении.

В зависимости от типа хозяйства род мог действительно существовать как группа совместно живущих людей, либо же родство мыслилось идеально, а основные хозяйственные функции выполняла группа семей. Г.Е. Марков, исследовавший скотоводческие пароды Евразии, подчеркивал, что «коллективное, общинное содержание скота невозможно при отгонном пастушеском хозяйстве, при низком уровне развития производительных сил и разделения труда... Скот мог находиться только в индивидуальной семейной (а позднее частной) собственности» [1980, с. 21]. Если частная собственность возникает со становлением раннегосударственных образований, то индивидуально-семейную следует понимать как собственность большесемейной общины. Очевидно, в степных районах в андроновском обществе бронзового века, основным направлением хозяйственной деятельности которого было скотоводство, род не мог быть производственной единицей. Подобным же образ, по этнографическим данным, у народов Сибири, где в силу природно-географических условий хозяйственной ячейкой являлась большесемейная община демократического типа – братская семья, род имел лишь религиозно-идеологическое значение [Гемуев, 1984, с. 119–120].

В связи с особенностями культурно-исторического развития племен Центрального Казахстана при переходе к производящему хозяйству появился своеобразный тип погребальных сооружений – ограды из вертикально вкопанных или плашмя уложенных плит, иногда с насыпями, просуществовавший на протяжении всей эпохи бронзы. Изучение распределения половозрастных групп в захоронениях могильника Майтан показало, что в качестве структурного критерия данных групп выступал не просто возраст, а возраст социальный [Калиновская, 1982, с. 59]. По основным признакам выделяются два возрастных класса: *дети* – от рождения до брачного возраста, который наступал не ранее 15 лет [Мандельштам, 1968, с. 121–122]; *взрослые* – от инициации до смерти.

Детские могилы повторяют могилы взрослых как по типу сооружения – грунтовая яма, ящик, спаренный ящик, так и по особенностям захоронения – на левом и правом боку, одиночные, парные, кремация. Ориентировка детских могил неустойчива, что объясняется менее строгой регламентацией погребаль-

ного обряда [Итина, 1977, с. 214]. По особенностям расположения можно выделить несколько групп детских захоронений: в насыпи кургана, совместно с взрослыми в одной ограде, за оградой, в дополнительной пристройке. Как исключение можно выделить две небольшие оградки, содержавшие только детские захоронения, в могильниках Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 178–179, рис. 65] и Акимбек [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 35–36], соотносимых с нуртайскими и нуринами древностями Центрального Казахстана. В могильнике Майтан отклонением от общего правила является ограда 18, имеющая девять пристроек, в которых выявлено 19 детских и две вторичные крупные могилы, содержавшие женский кенотаф и ярусное разнополое захоронение взрослых. Наиболее близкое по основным параметрам погребальное сооружение с детскими могилами выявлено в Западном Семиречье в могильнике Каракудук [Максимова, 1961, с. 42–71, рис. 1]. Могли существовать и детские участки кладбища на общеродовом погребальном поле. Так, на могильнике Икпень I могилы с захоронениями детей располагались обособленно от могил взрослых, образуя несколько групп, внутри которых можно проследить неправильные, иногда параллельные ряды [Ткачев, 2002а, с. 259–260, рис. 103]. Общее количество детских погребений по отдельным могильникам атасуского круга варьируется от 5 до 95 %. Наиболее показательные и достоверные данные получены при изучении могильника Майтан. По размерам и содержанию с детской возрастной группой может соотноситься 101 могила (47,2 %), а если учесть групповые захоронения и совместные захоронения детей со взрослыми, то всего насчитывается 112 могил с детскими останками (52,3 %). Указанный выше разброс, связанный с особенностями и количеством детских захоронений, может объясняться либо недостаточной изученностью отдельных памятников, либо существованием в древности отдельных детских кладбищ, известных у алакульского [Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980, с. 183, рис. 1; Зданович, 1983, с. 53–55] и канайско-федоровского [Грязнов, 1956, с. 14–16, табл. II; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 166–168, рис. 67] населения.

Существование детских кладбищ следует рассматривать в двух аспектах:

– хронологическом – на ранних этапах при становлении андроновского общества изменения в хозяйственно-экономической деятельности приводят к трансформации семейно-брачных норм, неустойчивость которых и привела к выделению отдельных мест погребений для взрослых и детей, не прошедших определенные стадии социализации;

– социальном – в отдельных оградах или на отдельных участках хоронили детей, не являвшихся кровными родственниками с остальными членами семей.

На имеющемся фактическом материале однозначное решение этих вопросов невозможно, но следует констатировать, что начавшиеся в нуртайское время изменения общественных отношений продолжают и усиливаются в атасуский период. В нуртайско-атасуский период происходит постепенное становление достаточно прочных брачных уз и отношений с усилением индивидуального биологического родства. Отражением данного процесса в погребальных комплексах Центрального Казахстана является возникновение и бурное развитие пристроечных комплексов, где детей в силу укрепления родственных отношений стали хоронить вместе со взрослыми в отдельных оградах или при-

стройках. В Зауралье и Северном Казахстане отмечаются аналогичные процессы, связанные с трансформацией общественных и семейных отношений. Это выразилось в несколько иной форме погребальных конструкций – получают развитие большесемейные усыпальницы, когда вокруг центральных погребений взрослых (часто парных) подхоранивали по окружности в один-два ряда женщин, подростков и детей [Сальников, 1952, с. 52–62, рис. 2, 4; Потемкина, 1985, с. 199, рис. 58, 86].

Все это свидетельствует, с одной стороны, о наличии дифференцированного подхода к умершим, с другой – о существовании различных представлений о градациях жизненного цикла или возрастных рангов у разных, даже родственных этнокультурных групп [Попов, 1981, с. 90]. По особенностям захоронения детей можно предположительно выделить в детском жизненном цикле три периода, зависящих от степени социализации: 1) младенцы – до 1 года – захоранивались в основном в грунтовых ямах в насыпях курганов, за пределами оград или совместно с женщинами в одной могиле; 2) дети в возрасте от 1 до 7–9 лет хоронились со взрослыми в ограде или пристройке; 3) дети в возрасте от 8–9 до 10–14 лет захоранивались со взрослыми в ограде или самостоятельно в отдельных пристройках [Ткачев, Ткачева, 1997, с. 49–52].

Большинство детских костяков сопровождали 1–2 сосуда баночной формы, изредка встречаются астрагалы у мальчиков и желобчатые браслеты у девочек, причем только с заходящими или несомкнутыми округлыми концами, что характерно и для памятников Западного Казахстана [Сорокин, 1962, с. 60] и Притоболья [Потемкина, 1985, с. 197]. Как исключение отмечены отдельные детские захоронения, отличающиеся от остальных обрядом (кремация) или сопровождающим инвентарем – прекрасно орнаментированными горшками, разнообразными украшениями, бронзовым и костяным оружием. Вероятно, эти погребения принадлежат более состоятельным семьям, или для этих детей в жизни по достижении определенного возраста предусматривалось выполнение каких-либо общественных или сакральных функций, что заставляло рассматривать их наравне со взрослыми.

Погребения взрослых являются основными не только в могильнике Майтан, но и в каждом изученном памятнике бронзового века. В то же время их социальное членение значительно затруднено вследствие разнообразия надмогильных сооружений и погребальных камер. Погребения, содержавшие мужчин и женщин, встречены и в курганах, и в одиночных оградах, и в оградах с пристройками. Погребальные конструкции с дополнительными пристройками можно разделить на три группы:

- ограды с бессистемно сделанными пристройками, различающимися по числу пристроек к основной ограде, их расположению, количеству могил;
- ограды, последовательно пристроенные одна к другой;
- соединительные ограды, объединяющие в один комплекс два отдельных сооружения.

Последний тип надмогильных сооружений крайне малочислен (Майтан – 2, Копа – 1, Нуркен – 1, Жапалак II – 1) и, по мнению А.Х. Маргулана, характерен только для памятников андроновской эпохи Центрального Казахстана [1970, с. 167, рис. 4, 1]. С этим предположением можно было бы согласиться,

но накопленный материал показал, что наиболее ранняя аналогичная конструкция, хотя и единственная за пределами Центрально-Казахстанского региона, исследована в Степном Поднепровье в энеолитическом могильнике Кичкас II [Шарафутдинова, 1982, с. 69, рис. 23]. Типологическая близость погребальных конструкций, выявленных на разных территориях, позволяет допустить, что в эпоху бронзы сходные процессы, связанные с изменениями общественных и семейных отношений, происходили по всему степному поясу Евразии.

В основном встречаются ограды округлой или овальной формы, значительно реже – прямоугольные и квадратные. В одном случае два вида оград объединены в одной погребальной конструкции (могильник Майтан, огр. 4). Еще С.А. Теплоухов отмечал, что «если примыкающие друг к другу оградки различной формы, то оградки основной могилы кольцеобразные, а оградки примыкающие – четырехугольные» [1927, с. 91]. Для могильника Майтан характерно обратное соотношение основной и примыкающей оград. В хронологическом отношении С.А. Теплоухов считал кольцевые оградки более ранними [Там же]. Известны случаи, когда к существующим оградкам более позднее население пристраивало новые. Так, в могильнике Красная Гора на Енисее к андроновской ограде присоединены три карасукские пристройки [Комарова, 1975, с. 85]. Основные ограды можно рассматривать как более ранние, чем пристроенные, но анализ керамического материала из центральных и пристроенных оград, проведенный по материалам могильника Майтан, свидетельствует, что хронологический разрыв между сооружениями минимален, и их можно воспринимать как единовременный комплекс.

Погребения взрослых совершены по обряду ингумации, случаи кремации единичны. Основным типом погребальных камер, где похоронены взрослые, являются каменные ящики, значительно реже – грунтовые ямы, спаренные и тройные ящики. В погребальных комплексах отмечены одиночные мужские и женские погребения, реже – парные разнополюе, единичны парные однополюе.

В одиночных погребениях встречен многочисленный сопровождающий инвентарь: до 6 сосудов, орудия труда, оружие и украшения. Ориентировка могил и костяков в основных оградах более устойчива, преобладает широкое направление с отклонениями к северу или югу. В общей массе трудно (почти невозможно) выделить особенно богатые погребения, поскольку общество, оставившее могильник Майтан, находилось на ранней стадии социального расслоения. Возможно, имело место и ограбление соплеменниками или потомками погребенных наиболее богатых могил еще в древности.

В то же время практически в каждом могильнике нуртайской и атасуской культур из массы изученных погребальных конструкций можно выделить сооружения, отличающиеся по ряду характерных признаков:

- могила, расположенная в ограде с крупной насыпью (Сатан) или одиночной ограде (Актобе I);
- большое число жертвенников в ограде (Майтан);
- принесение в жертву одного-двух коней (Нуртай, Майтан, Балыкты, Аяпгерген);
- наличие престижного инвентаря – булава, псалии, колесница (Сатан, Нуртай, Майтан).

Эти данные служат важным источником для реконструкции структуры древнего социума. Одну из первых таких попыток предприняли К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина, выделившие социальные ранги погребенных по материалам Новокумакского могильника [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 51–57].

Выявленные ограды с крупными насыпями позволяют говорить о существовании в андроновском обществе определенной социальной группы, стоящей во главе коллективов и владеющей колесницами, что подтверждается находками их остатков в Центральном Казахстане в крупных грунтовых ямах могильника Сатан [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 20–22, рис. 3, 1]. Из общей массы погребальных объектов эпохи бронзы выделяется курган 2 могильника Нуртай, отличающийся крупными размерами, мощным рвом вокруг ограды, наличием ритуальной площадки из белой глины, на которой лежали две лошади. По данным признакам реконструируется колесница – ее имитация располагалась вокруг центральной гробницы [Ткачев, 2002а, с. 162, рис. 52, 53]. Имитация аналогичного передвижного средства отмечена и в кургане 7 нуртайского могильника Аяпперген: останки двух лошадей, уложенные на овальную площадку, посыпанную золой, совместно с каменным ящиком, олицетворяли колесницу [Кукушкин, 2006, с. 50, рис. 1]. В таком же контексте можно рассматривать парные останки лошадей, располагавшиеся у могил в курганах нуртайской культуры, – могильнике Ащису [Кукушкин, 2007а, с. 41, рис. 3; 2007б, с. 86–88, рис. 1; 2010, с. 72, 74, рис. 1, 1, 2].

По мнению Е.Е. Кузьминой, культ коня начинает формироваться у приручивших его индоевропейцев, в первую очередь индоиранских народов, уже в конце V – начале IV тыс. до н.э. [1977, с. 42]. Конь в погребальном обряде многих народов олицетворял божество подземного царства [Беленицкий, 1978, с. 32]. На основании мифологии и этнографии древних народов Е.Е. Кузьмина показала, что у древних ариев конь был древнейшей жертвой, он давал плодородие, силу, духовную энергию, богатство [1977, с. 37–39]. С усложнением идеологии «конь стал, с одной стороны, воплощением богини матери земли и двух ее спутников-близнецов, олицетворяющих жизнь и смерть, с другой – инкарнацией богов неба и солнца, ибо для индоевропейцев солнце и небо были не только носителями плодородия, но и вечным пастбищем, куда отправлялись умершие предки. Когда произошла антропоморфизация богов, конь из их воплощения стал атрибутом, спутником и жертвенным животным» [Там же, с. 39]. Такую эволюцию по отношению к коню Е.Е. Кузьмина прослеживает в культах древних греков, троянцев, германцев, индийцев. В религии и мифологии всех индоиранцев популярна тема борьбы героя с силами зла, особенно сюжет борьбы со змеем. В роли змееборца обычно выступает царь, рассматривающийся как избранник победоносного бога. Конь является помощником и своеобразным атрибутом бога-змееборца, поэтому он стал священной собственностью царя и символом его власти [Там же, с. 40]. У всех индоиранцев конь играл важную роль при погребении царя. В Индии жертвоприношение коня совершалось при погребении царя и кшатриев. В Ригведе специальный гимн (X, 56) посвящен погребению коня, который умчит тело умершего на вечные пастбища третьего неба [Ригведа. Мандалы IX–X, 1999, с. 183–184].

Х, 56. Похоронное слово коню

Это твой один [свет], а дальше твой другой –
С третьим светом соединишь!
При соединении с телом будь прекрасным.
Приятным богам на высшей родине!

О скакун, твое тело, везущее тело,
Пусть ниспошлет благословение нам, защиту тебе!
Несгибаемый, чтобы нести великих богов,
Пусть ты сменишь свой цвет как [солнце] на небе!

Ты скакун по силе побеждать, с прекрасно заплетенным хвостом (?),
Мчишь успешно к хвале, успешно к небу,
Успешно по истинным древним законам,
Успешно к богам, успешно в [своем] полете!

Даже отцы не властны над их могуществом.
Боги вложили силу разума в божественных.
Они вобрали в себя [все деяния], которые сверкали:
[Те] снова вошли в их тела.

Своими силами они проделали путь вокруг всего пространства,
Меряя прежние неизмеренные формы.
К [их] телам привязаны все существа.
Многими способами посылали они вслед [за собой] [новые] поколения.

Асуру, нашедшего свет, сыновья двояко
Укрепили с помощью третьего деяния.
Свою смену, отчую силу, протянутую нить
Отцы вложили в последующие [поколения].

Как на челне – через пучину во [все] стороны земли,
Так благополучно [переправляясь] через все опасности,
Брихадуктха благодаря [своему] величию вложил
Свою смену в поздние [и] в ранние [поколения].

Таким образом, Е.Е. Кузьмина приходит к выводу, что конь является в этих ритуалах посредником между миром живых и небесной обителью, предком, силой, способной обеспечить человеку возрождение к новой бессмертной жизни, и указывает, что «в древнейшую эпоху обряд жертвоприношения коня у индоевропейцев подобал лицам высших социальных рангов, в первую очередь вождю» [1977, с. 42].

Исходя из этого, можно утверждать, что лошади (курган 2 могильника Нуртай, курган 7 могильника Аяпперген, курганы 1–3 могильника Ащису) подчеркивают величественность погребенного человека. Положение коней в позе галопа, на боку, мордами друг к другу, Е.Е. Кузьмина сравнивает с расположением быков в упряжке [Там же, с. 37]. Лошади должны увезти вождя в потусторонний мир. В могильнике Нуртай П-образный валик из белой глины,

отходящий от площадки, на которой лежат лошади, имитирует оглобли повозки, роль которой играет в данном случае каменный ящик. Это частично подтверждает мнение Е.Е. Кузьминой, что с эпохи энеолита и бронзы лошадь была и упряжным животным [Там же]. На высокое социальное положение погребенного указывает и каменная булава – символ власти, здесь же найден бронзовый нож и каменный оселок. Умершего вождя* в потусторонний мир сопровождала женщина, костюм которой украшали многочисленные бусы. Кроме женщины, вождя в загробный мир сопровождали трое детей, погребенных во второй могиле кургана. Мальчика, лежавшего за спиной девочки, сопровождали только сосуд и 3 астрагала. Мальчика, обнявшегося с девочкой, сопровождали сосуд, костяные наконечники стрел, вток, шило. Девочке предназначались сосуд с мясной пищей и многочисленные украшения. Эти различия между ними можно рассматривать и как возрастные, и как социальные, поскольку детям обычно ставили сосуд и клали астрагалы.

Почти все парные костяки лошадей, обнаруженные в могильниках Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, относятся к эпохе становления андроновского общества: с запада в зауральские степи продвигаются абашевцы, занявшие на начальном этапе, по мнению Т.М. Потемкиной, господствующее положение в раннеалакульском обществе [Потемкина, 1984, с. 101–102]; с востока в междуречье Тобола и Ишима начинает проникать раннеканайское население [Ткачева, 1997; Ткачев, 1998а, с. 90–91; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 270–271]; «отмечается смена культурных комплексов в Подонье, появляется катакомбная и многоваликовая керамика в Поволжье. В результате усилившихся контактов и ассимиляционных процессов во второй четверти II тыс. до н.э. формируются новые культурные комплексы» [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 51]. За всеми этими перемещениями при переходе к развитой бронзе лежат изменения основных направлений хозяйственной деятельности. Это привело не только к изменению культурного окружения, но и к усилению межплеменных конфликтов, повлекших за собой быстрое социальное расслоение общества. Данный процесс наиболее ярко проявился в комплексах новокумакского культурного круга, в рамках которого можно объединить синташтинские, потаповские, петровские и нуртайские древности степной Евразии. Исследователи вышеперечисленных культурных образований выделяют группу воинов-колесничих по материалам могильников Новокумакского [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 55–57], Синташтинского [Генинг, 1977, с. 53–73; Григорьев, 1999, с. 123–124; 2005, с. 177–203], Кривое Озеро [Виноградов, 2003, с. 264, рис. 34]; в Северном Казахстане аналогичные группы выделены в петровских могильниках Кенес, Улубай, Берлик, Новоникольское [Зданович, 1983, с. 55]. В Центральном Казахстане «владеющие колесницами» могут быть выделены по материалам могильников Сатан, Нуртай, Аяпперген, Ащису [Евдокимов,

* При характеристике погребального обряда могильника Аяпперген со ссылками на материалы могильника Нуртай приведены данные антропологических определений В.А. Дремова (список 166). Согласно списку, в могиле 1 кургана 2 содержались кости взрослого мужчины (№ 4а) и взрослой женщины (№ 4б) [Ткачев, 2002а, с. 161], тогда как И.А. Кукушкин при отсылке к этому списку почему-то говорит о двух взрослых женщинах [2006, с. 63].

Варфоломеев, 2002, с. 21–22; Ткачев, 2003, с. 16; Кукушкин, 2006, с. 50, рис. 1, фото 1, 2; 2010, с. 72, рис. 1, 2]. Можно предполагать, что территории Центрального Казахстана (аналогичная ситуация прослеживается и по материалам Зауралья и Северного Казахстана в среде синташтинского и петровского населения) из среды воинов, владевших колесницами, избирались вожди племен, и именно на этот высокий социальный ранг указывают сохранившиеся погребения с конями.

В алакульско-атасуский период в связи со стабилизацией межплеменных отношений в Евразийских степях, а именно к этой фазе развития и относится могильник Майтан, парные погребения коней совершаются значительно реже, чаще в полах курганов встречается один лошадиный костяк. Два костяка лошадей обнаружено на перекрытии погребения 2 кургана 13 Алакульского могильника [Сальников, 1952, с. 56] и в жертвенной «могиле» 16 Хрипуновского могильника [Матвеев, 1998, с. 153, рис. 56, 1], скелет лошади найден в кургане 3 у г. Троицка [Матвеева, 1962, с. 33], в кургане 2 могильника Семипалатное [Зданович, 1988, с. 101–102, рис. 41–3]. Нередко встречаются черепа и конечности ног, завернутые в шкуру и символизирующие целое животное [Кузьмина, 1977, с. 36]. Жертвоприношения части лошадиной туши обнаружены в кургане 2 у башни Тамерлана [Стоколос, 1962, с. 25], в погребениях у г. Орска [Формозов, 1951, с. 120], в кургане 1 Петропавловского могильника [Оразбаев, 1958, с. 262]. Останки отдельных частей лошади являются основными жертвенными объектами в памятниках федоровского типа Зауралья [Сальников, 1951, с. 114; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 156].

В Центральном Казахстане костяк лошади обнаружен на перекрытии центральной могилы 1 ограды 10 могильника Балыкты, имевшей конструктивную особенность, отличающуюся от всех остальных захоронений: «ложе для погребенного», выделенное в придонной части уступчиками, и двойное перекрытие на уровне уступов и на уровне материка. На верхнем перекрытии лежал костяк лошади в позе галопа [Ткачев, 2002б, с. 5–7, рис. 127]. В могильнике Майтан погребения с конями совершены в оградах, пристроенных цепочкой друг к другу, причем не в основных, а во второстепенных. Это позволяет предполагать, что в процессе становления атасуских культурных стереотипов и постепенной стабилизации общественных отношений в силу различных социально-экономических причин, в том числе сокращения и, возможно, даже исчезновения крупных межплеменных конфликтов, военно-родовая аристократия перестала играть основополагающую роль в жизни общества, хотя и сохранилась как необходимый элемент на случай защиты. Внедрение данных инноваций общественной жизни и подтверждается наличием отдельных захоронений с конями в алакульско-атасуский период.

Среди погребальных конструкций многих могильников можно выделить одиночные ограды, которые, как правило, сильно разграблены. В могильнике Майтан в такой разграбленной могиле ограды 35 найдена булава. Кроме того, каменный ящик, содержащий останки мужчины, сопровождали несколько разнообразных поминальных комплексов, располагавшихся как внутри, так и снаружи огражденного погребального пространства. Индивидуальность захоронения, престижный инвентарь, значительное количество и разнообразие

жертвоприношений свидетельствуют о высокой социальной значимости погребенного, игравшего важную роль в коллективе, оставившем памятник. Вокруг данного сооружения, принадлежавшего главе большесемейного объединения, концентрируются разнообразные погребальные конструкции с захоронениями рядовых членов большесемейной общины. На погребальном поле могильника Майтан можно выделить три-четыре таких объединения. Аналогичные группировки прослеживаются и на других погребальных памятниках, причем их количество (от одного до трех) зависит от размеров поминального объекта.

Другой социальной группой индоиранского общества являлись жрецы, атрибутом которых «были специальные головные уборы и чаша для жертвоприношений» [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 57]. Выделить в погребальных группах людей этого социального ранга трудно. В то же время во многих алакульских могильниках встречаются единичные погребения с трупосожжением, сопровождаемые керамикой; эти погребения, с известной долей вероятности, можно считать погребениями жрецов. В Ригведе и Авесте нет конкретных указаний на особенности погребального обряда людей жреческого ранга. Упоминание обрядов ингумации и кремации в этих источниках позволяет рассматривать их как два равноправных действия по отношению к умершему, сосуществующих с глубокой древности [Литвинский, 1957, с. 124–125]. Этнографические данные свидетельствуют, что у большинства индоевропейских народов были распространены представления об очищающей силе огня, избавляющего от вредного влияния духов [Обельченко, 1973, с. 57–58], с которыми приходилось чаще иметь дело служителям культа. Можно предположить, что в андроновском обществе по обряду трупосожжения хоронили не рядовых, а высших представителей жречества, чем и объясняется небольшое количество кремаций в алакульское время. Например, на могильнике Майтан выявлено шесть трупосожжений – пяти взрослых и одного ребенка. Все эти погребения, за исключением одного, сделаны в пристройках или оградах, выделяющихся своими конструктивными особенностями и расположением по периферии могильника. Вероятно, после смерти жрецы должны были охранять кладбище и первыми свидетельствовать об умерших. Если допустить, что сожженный ребенок был предопределен в жрецы, а обряду кремации подвергались только верховные служители, то, при средней продолжительности жизни в андроновскую эпоху 25–35 лет [Кузьмина, 1974, с. 105], вероятно, могильник Майтан мог функционировать на протяжении 125–175 лет.

Таким образом, по особенностям погребального обряда в андроновском обществе Центрального Казахстана, с определенной долей вероятности, можно заключить следующее:

- курган, выделяющийся в могильнике своими размерами, мог быть сооружен для предка-родоначальника, приведшего свой род на место обитания;
- погребения с трупосожжением можно сопоставить с погребениями жрецов;
- ограды с одиночными могилами могли принадлежать главам отдельных большесемейных групп;
- погребения с конями свидетельствуют о наличии военных вождей, власть которых могла быть наследственной (так, в могильнике Майтан в двух соору-

жениях, пристроенных одно к другому, погребения мужчин сопровождались парными останками лошадей);

– погребения рядовых членов коллективов составляли большинство в каждой погребальной группе.

Анализ погребального обряда имеет исключительное значение для реконструкции форм семьи и брака в древних обществах. В могильнике Майтан выявлены многочисленные парные (см. табл. 12–16) и одиночно-парные (см. табл. 17, 18) захоронения. Парные захоронения встречены во всех типах ритуальных сооружений: в курганах, индивидуальных и основных оградах, а также в пристройках. Могилы с двумя и тремя костяками можно классифицировать на основе следующих признаков: 1) по внешнему виду – грунтовые ямы и ящики: одиночные, спаренные, тройные; 2) по возрасту умерших: одного возраста (взрослые или дети) и разновозрастные (взрослые, дети, взрослый и ребенок). Позу одного или двух погребенных удалось зафиксировать в 49 могилах. Из них оба на левом боку – 21 случай, оба на правом боку – 2; один на левом, другой на правом боку, лицом друг к другу – 13. Если оба умерших положены на один бок, то во всех случаях, когда это удавалось выявить, судя по сохранившимся вещам и антропологическим определениям пола и возраста, мужчина лежал за спиной женщины; если костяки лежали лицом друг к другу, то мужчина – на левом, женщина – на правом боку.

Парные погребения отличаются от одиночных более бедным инвентарем, чаще ставились только сосуды и изредка присутствовали отдельные вещи: у мужчин – пряжки, наконечники, ножи; у женщин – бусы, подвески, браслеты. Захоронения двух умерших на левом боку в одной могиле характерны для андроновских племен Енисея, но с существенным отличием – женские костяки в парных погребениях располагались за спинами мужчин [Максименков, 1978, с. 82]. В других регионах положение мужчин и женщин в парных погребениях различно [Итина, 1977, с. 213–214]. Для срубной культуры Башкирии и Приуралья отмечено положение умерших в парных погребениях как на одном – левом – боку, так и на разных. Неодинаковое положение костяков К.В. Сальников связывал с андроновским влиянием, а одинаковое объяснял тем, что умершие не были брачными партнерами [1967, с. 159]. В парных захоронениях алакульских могильников южно-уральской зоны для всех половозрастных групп отмечено размещение умерших только лицом друг другу, в большинстве антропологически определимых случаев мужчина лежал на левом, женщина – на правом боку [Рафикова, 2014, с. 229, табл.].

При исследовании могильника Майтан выявлена представительная серия захоронений, которые, исходя из соотношения в них останков умерших, можно рассматривать в качестве парных (не менее 59 – 27,7 %). Интересно отметить, что могилы с двумя умершими в основных оградах численно преобладают (68 %) над теми, что расположены в пристройках. С другой стороны, парные погребения встречены в 38 % основных оград, но эти данные не вполне объективны ввиду сильной разграбленности могил в основных сооружениях. В этих цифрах не учитываются и ограды, содержавшие две могилы, в которых раздельно похоронены мужчины и женщины. Вероятно, парных погребений могло быть несколько больше, чем зафиксировано. Разнотипность парных

погребений является характерной чертой могильника Майтан. До сих пор столько разновидностей парных захоронений не отмечалось в пределах одного памятника.

Судя по размерам ящиков и костным останкам, выявлено одно групповое и шесть детских парных захоронений. В первом случае особенности размещения умерших в пространстве погребальной камеры не прослежено (огр. 23А, мог. 2; см. табл. 19). В могилах, содержащих детские парные захоронения, выявлены следующие особенности: в четырех каменных ящиках дети лежали лицом друг к другу (см. табл. 15), в двух спаренных каменных ящиках – уложены на левый бок друг за другом (см. табл. 16). Половая принадлежность детей, погребенных в спаренных ящиках, может рассматриваться только гипотетически, тогда как в индивидуальных могилах, судя по обнаруженным вещам, погребены мальчики с девочками: мальчики на левом, девочки на правом боку лицом друг к другу, причем погребения, скорее всего, одновременны: в одном случае колено правой ноги девочки находится между ног мальчика; в другом – дети были завернуты в войлочный саван. В трех могилах дети были одного возраста, в четвертой – разного. Детские погребения повторяют все основные виды взрослых парных захоронений, но совершены, за исключением группового, только в пристройках. Существование детских парных погребений позволяет говорить об устойчивой системе связей в коллективах, касающейся и молодых индивидов, строгой регламентации, предопределенности их взаимоотношений и контактов [Хлобыстина, 1975, с. 32]. В этом плане интересный обычай описан у гиляков: так как «...уже от рождения дочери брата принадлежат сыновьям сестры, то естественнее всего было, чтобы будущие мужья в самом раннем возрасте переходили в семьи своих будущих жен. Этот порядок мы еще видим теперь у гиляков, как и других первобытных народов. При “чистых” браках, т.е. между детьми брата и сестры, уже с раннего детства будущие жены переходят в дом “мужа” и вырастают вместе с ним... у гиляков, как и у многих первобытных народов, будущих супругов обязательно воспитывают вместе, и никакого вреда от этого не происходит» [Штернберг, 1933, с. 100].

Рассмотрим особую группу погребений, выявленных в трехкамерных и двухкамерных ящиках.

1. Трехкамерный ящик соединительной ограды 15Д. В южной камере находились остатки костяка (женщины?) на правом боку, сильно скорченного и, вероятно, связанного, так как сохранившаяся часть скелета несет следы насильственного слома после смерти; в двух северных камерах отмечается кремация (возможно, здесь конструктивно решены две задачи – разделить пепел умерших и похоронить их вместе). У западной стенки каждой камеры стояло по сосуду.

2. Двухкамерный ящик соединительной ограды 17В. В северной камере обнаружен костяк женщины, лежавшей на левом боку, в сопровождении многочисленных украшений; в южной – только стопы (судя по их расположению, костяк лежал аналогично первому). В заполнении найдены бронзовые и пастовые бусы; каждого погребенного сопровождал сосуд.

3. Двухкамерный ящик в разрушенной ограде 2. В северной части находились останки женщины 18–20 лет и обломки украшений; в южной – костяк взрослого мужчины в сопровождении двух сосудов.

4. Двухкамерный ящик, размещавшийся в первой дополнительной пристройке 50Б. В северном отсеке обнаружены останки младенца и старой женщины, уложенной на левый бок, в сопровождении браслета, бронзовых и пастьевых бус; в южном – разрозненные кости двух скелетов – взрослого мужчины и молодой женщины в сопровождении сосуда и пряжки из рога.

5. Двухкамерный ящик в первой дополнительной пристройке ограды 27Б. Содержал останки трех погребенных: в северном отсеке находился костяк (череп и шейные позвонки отсутствовали) женщины 18–20 лет на левом боку в сопровождении сосуда, стоящего в изголовье; в южном – останки взрослого мужчины, уложенного на левый бок, и взрослой женщины (старше 25 лет), размещенной поверх мужчины на правом боку. Умерших сопровождали два сосуда.

6. Двухкамерный ящик в третьей дополнительной пристройке ограды 8Г. Содержал захоронение детей: в северной камере костяк ребенка в возрасте около 5 лет был уложен на левый бок в сопровождении сосуда; в южной – находились останки двух детей на левом боку друг за другом в сопровождении 4 сосудов. Старший ребенок, в возрасте 3–5 лет, размещенный вдоль южной стенки, располагался за спиной младшего ребенка 2–4, лежавшего вдоль северной стенки ящика. На перекрытии могилы находился жертвенник – 3 сосуда, пест и кости мелкого рогатого скота.

7. Двухкамерный ящик, обнаруженный в специализированной погребальной сооружении, содержавшем в основном детские захоронения (огр. 18), фактически не имевший дополнительного ограждения. Он был впущен в грунт у южных плит ограды А, между дополнительными пристройками Б и В (см. рис. 42). Исключительной особенностью данного могильного сооружения является размерное несоответствие отсеков – северный несколько больше южного (огр. 183). В каждой из камер располагались останки младенцев в возрасте до полугода, уложенных на левый бок. Ребенка, находившегося в северном отсеке, сопровождало два сосуда, погребенного в южном отсеке – один сосуд.

Трех- и двухкамерные ящики располагались по одному в дополнительно пристроенных оградах, что можно рассматривать как специфическое отличие могильника Майтан. Необходимо отметить, что трехкамерные ящики как элемент погребальной обрядности в древностях эпохи бронзы Центрального Казахстана выявлены впервые. Другой характерной и уникальной, неизвестной в андроновских памятниках Казахского мелкосопочника, особенностью следует считать двухкамерные ящики, содержавшие захоронения детей. В наиболее ранней двухкамерной погребальной конструкции в степной зоне Сары-Арки, обнаруженной в кургане 17 могильника Бозенген, в северном отсеке находились останки женщины в возрасте 20 лет, в южном – останки взрослой женщины [Ткачев, 2002а, с. 216–217]. Аналогичное половозрастное сочетание погребений отмечено и в спаренном ящике кургана 6 могильника Нуртай: в северной камере располагались останки женщины в возрасте 18–20 лет в сопровождении двух детей, 4 и 1–2 лет; в южной – останки взрослой нестарой женщины совместно с ребенком 4–5 лет [Там же, с. 172]. В памятниках эпохи бронзы Центрального Казахстана двухкамерные ящики обнаружены в атасуских ком-

плексах могильников Айшрак [Маргулан и др., 1966, с. 92–100, рис. 28, 30, 32], Бегазы [Там же, с. 129–131, рис. 50], Жаман-Карасу [Там же, с. 145–150, рис. 65], Борлы II [Кадырбаев, 1972, с. 119–122], Балакулболды II [Маргулан, 1979, с. 54–55, рис. 30]. Уникальное сочетание двух двухкамерных ящиков, содержащих захоронение женщин, отмечено в ограде 15 атасуского могильника Котанэмель I [Кадырбаев, 1972, с. 108–116, рис. 3].

Двухкамерные каменные ящики могут считаться характерной чертой нуртайско-атасуских погребальных памятников Центрального Казахстана. Вместе с тем наиболее древние двухкамерные деревянные конструкции известны в энеолитических курганах Ивановбургского могильника на Дону [Синюк, 1984, с. 111, рис. 5], что позволяет говорить о появлении подобного типа сооружений в более раннее время. Двухкамерные каменные ящики в эпоху развитой бронзы – скорее пережиток, чем нововведение, и их нельзя рассматривать как один из главных признаков переходного этапа от андроновской культуре к бегазы-дандыбаевской [Маргулан, 1979, с. 45], тем более что последние исследования показали наличие аналогичных погребальных конструкций не только в могильниках всех этапов атасуской культуры Центрального Казахстана, но и в погребальных комплексах нуринаго типа – могильники Сангру II [Кадырбаев, 1961, с. 50, рис. 3], Талды I [Кадырбаев, 1972, с. 119–121, рис. 66], Алпымса [Ткачев, 2002б, с. 42, рис. 148]. Вероятнее всего, двухкамерные погребальные конструкции могли быть заимствованы нуринами у атасусцев при непосредственных контактах или же свидетельствуют об идентичных внутренних процессах в среде нуринаских коллективов. Неудачной следует считать попытку их социальной интерпретации, объясняющей подобный способ погребения обособлением моногамных семей [Маргулан и др., 1966, с. 286–287]. Эта точка зрения была подвергнута справедливой критике М.К. Кадырбаевым после раскопок могильника Котанэмель I, где в спаренных ящиках были захоронены только женщины или женщины с детьми, лежавшими во всех случаях на левом боку [1972, с. 117–122].

По погребальной обрядности захоронения в двухкамерных каменных ящиках, с одной стороны, сопоставимы с парными разнополюми погребениями, в которых умершие не выделялись какими-либо особенностями сопровождаемого инвентаря, с другой – погребенных в них в большинстве случаев нельзя рассматривать в качестве супружеских пар. Скорее всего, погребение в спаренных погребальных конструкциях выражало близкую кровную связь, в частности двух родственниц, подтверждением чему являются захоронения женщин или чаще всего женщин с детьми (Бозенген, Нуртай, Котанэмель I, Майтан). Это тем более вероятно, что в андроновскую эпоху женщины-сестры вполне могли составлять основу кровнородственного коллектива, тогда как позднее такой основой становятся мужчины-братья [Афанасьев, 1984, с. 77, 80].

Особо стоит сказать о групповых захоронениях. Тройные погребения детей известны в Центральном Казахстане в могильниках Ащиозек и Нуртай [Ткачев, 2002а, с. 162–165, рис. 52]; в могильнике Сатан выявлено тройное погребение мужчины, женщины и ребенка [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 105, рис. 4, 29]; в Притоболье тройное погребение двух взрослых и подростка об-

наружено в раннеалакульском могильнике Верхняя Алабуга [Зайберт, 1985, с. 5–6, рис. 11, 1]; в Зауралье в Алакульском могильнике известны как тройные, так и групповые захоронения [Сальников, 1952, с. 57, 61; Шилов, Богатенкова, 2008, с. 222–224, рис. 5]; в могильнике Кулевчи VI в центральной яме кургана 4 обнаружено 4 костяка – три женских лежали компактной группой, четвертый – мужской – несколько обособленно [Виноградов, 1984, с. 145–147, рис. 6, 6А]. М.Д. Хлобыстина, исследовавшая тройные погребения Евразийских степей, считала, что они свидетельствуют об интенсивном процессе развития форм патриархальной доминантности в обществе ранних скотоводов [1986, с. 33]. В памятниках бронзового века Евразийской степи встречаются преимущественно тройные погребения, в которых захоронены двое мужчин и одна женщина. Обычно это связывается с консолидацией общинной патриархальной власти через сплочение общинного ядра взрослых мужчин-воинов и рассматривается как своего рода промежуточное звено между основными типами захоронений: парными (групповыми) однополыми и парными разнополыми, знаменующими преимущественно две отличающиеся семейно-брачные структуры [Хлобыстина, 1975, с. 29–30]. С этим вряд ли можно согласиться, так как тройные захоронения Центрального Казахстана можно рассматривать как два совместных захоронения: одиночное и парное в двухкамерном ящике – одного мужчину сопровождали две женщины, погребенные одна совместно с ним, другая в соседней камере. Эти погребения не содержали другого сопровождающего инвентаря, кроме керамики, что еще раз подтверждает равноправный характер погребенных мужчин и женщин и отсутствие патриархальной зависимости.

Таким образом, парные погребения, обнаруженные в могильниках Центрального Казахстана, характерны для всех возрастных групп и всех типов надмогильных сооружений; они не выделяются по инвентарю и особенностям погребального обряда. Дифференциацию общества, скорее всего, следует связывать с фактом появления богатых сопровождающим инвентарем одиночных захоронений, как мужских, так и женских. Парные захоронения следует считать пережитком более раннего времени и отражением более древних социальных отношений, существовавших еще в среде неолитического и энеолитического населения, и их возникновение можно выводить из коллективных погребений предшествующих эпох [Максименков, 1974, с. 11–12; Хлобыстина, 1975, с. 33; Hausler, 1975, S. 29]. По нашему мнению, наличие парных погребений в эпоху бронзы связано с проявлением принципов экзогамии – запрет брака с членами своей группы и обязательности его с членами другой, т.е. двух равноправно действующих требований. Если запрет может быть зафиксирован в погребальном обряде, то почему не может, на определенном этапе, отразиться в нем следование и второму «предписанию» – брака, что видимо, мы и наблюдаем в совместных захоронениях одновременно умерших членов разных групп. Случайность такого соединения подтверждается разным возрастом умерших мужчин и женщин, обнаруженных в подобных погребениях (см. табл. 12). Очевидно, не все могильники могли носить ярко выраженный родовой характер, что зависело от той роли, которую играли родовые институты в обществе.

Физическое продолжение своего рода являлось и является основной функцией людей во все времена. Поэтому в силу обязательности брака умерших одновременно объединяли в одной могиле при захоронении. В парных погребениях мужчины и женщины лежат лицом друг к другу или мужчина за спиной женщины, т.е. в тех основных позах, в которых возможна половая близость. В результате парные погребения олицетворяли брачные связи, не прекращавшиеся и после смерти. Род продолжал существовать и в потустороннем мире, где люди продолжали выполнять общественные функции: рожать и воспитывать детей, трудиться и добывать себе и потомкам пропитание.

Изучение современных скотоводческих обществ дает возможность нового подхода к реконструкции андроновского общества. Проблема влияния скотоводческого хозяйства на общественную структуру общинно-родового строя достаточно подробно разработана в трудах Г.Е. Маркова. Он считает, что развитие животноводства и связанный с ним подвижный образ жизни не разлагают родоплеменную структуру, а трансформируют ее в особую форму социальной организации, которая базируется на семейной собственности на скот. Родство существует здесь на уровне больших семей, родство среди крупных групп населения (родов) – только идеально в виде генеалогической системы. С возрастанием численности населения возникает потребность в централизующей организации, однако родовая система в силу своего идеального характера не способна играть такую роль; следовательно, возникает новая, «военно-кочевая» форма организации. После миграции избыточного населения обстановка нормализуется и прежние отношения – генеалогического родства на уровне родов и кровного на уровне общин – реставрируются [Марков, 1976, с. 273, 312–313].

Структура скотоводческого общества и потребность в централизующей организации зависят от численности населения и способа его хозяйствования; к тому же развитие скотоводческих обществ, существовавших в истории, протекало циклично. О такой цикличности в развитии племен эпохи бронзы можно говорить, сопоставляя петровские и алакульские древности, генетически связанные между собой [Зданович, 1983, с. 50, 65]. Социальный характер носителей новокумакского хронологического горизонта, куда входило и петровское население, ярко выражен благодаря их активной военной деятельности, в результате которой и формировались новые культурные образования [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 51–57; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 268–279]. Появление алакульской и федоровской культур, очевидно, можно рассматривать как реставрацию прежних социальных отношений и у их носителей. Дальнейшее увеличение численности населения связано с эпохой поздней бронзы [Потемкина, 1985, с. 330; Евдокимов, 1984, с. 20; 2000, с. 87–88]. В это время начинается продвижение населения степей в междуречье Средней Азии, и у андроновцев в предбегазинское время (XII–XI вв. до н.э.), по мнению Е.Е. Кузьминой, появляется централизованная организация [Kuzmina, Vinogradova, 1983, S. 42].

Большинство исследователей считает, что у андроновского населения существовало придомное или отгонное скотоводческое хозяйство [Кривцова-Гракова, 1948, с. 104; Сорокин, 1962, с. 110; Маргулан и др., 1966, с. 261; Потемкина, 1985, с. 315], при котором невозможно коллективное общинное со-

держание скота, находившегося из-за низкого уровня развития производительных сил в индивидуальной семейной собственности [Марков, 1980, с. 211]. В то же время существование большесемейных общин у андроновского населения признается многими исследователями. В.С. Сорокин, в частности, приводит этнографическое сопоставление, сравнивая андроновцев с южноафриканскими банту, у которых «скот принадлежал не племени, а отдельным группам лиц» [1959, с. 15]. О групповой собственности на скот пишет и О.А. Кривцова-Гракова, усматривая ее свидетельства в группировках жилищ, принадлежащих отдельным большесемейным общинам [1948, с. 100]. Кочевое хозяйство, возникшее на основе комплексной экономики с преобладанием животноводства у племен «горно-степной бронзы» [Марков, 1976, с. 12–13], очевидно, не изменило радикально общественную структуру; собственность на скот небольших групп населения (архаическая община) в результате естественного развития трансформировалась в собственность патриархальных общин.

Роль родовой организации в обществе скотоводов зависела и от численности населения. По мнению В.В. Евдокимова, в степной Притоболье в период средней бронзы одновременно существовало 7–9 поселков, где проживало 450–550 чел., плотность населения составляла 0,008 чел./км² [1984, с. 18; 2000, с. 87]. Количество людей, проживавших на поселении, которое можно условно принять за численность алакульского рода, составляло 40–80 чел. Сходная численность родов прослежена у народов Сибири, где род в 50, 100, 200 мужчин рабочего возраста не был производственной единицей, а являлся надстроечным образованием. Основное экономическое значение имела архаическая семейная община – братская семья [Гемуев, 1984, с. 119]. С критикой устоявшихся представлений о родовой организации выступил А.М. Решетов, который утверждал, что «...терминология, которую мы теперь узко понимаем как родственную, на самом деле отражает сложную структуру первобытного коллектива... Она не только отражает родственные отношения, но и являлась следствием социальных, прежде всего экономических связей. Родственные отношения лежат для нас на поверхности по своей форме, но они выражают более широкие социальные отношения по своей сути» [1972, с. 282]. Эту мысль поддерживал В.М. Массон: «К числу традиционных заблуждений следует отнести и неточные представления о структуре первобытного общества рода, который нигде не был хозяйственной единицей и не образовывал самостоятельных поселений... Представляется некоторой натяжкой утверждение доминирования отношений родства над отношениями по производству материальных благ» [Массон, 1973, с. 282].

Следовательно, рода в форме, известной по этнографическим исследованиям, не могло быть у андроновского населения в силу комплексного хозяйства с преобладанием скотоводства и из-за низкой численности населения. Например, у североамериканских индейцев численность рода составляла от 500 до 1000 чел. [Маркс, 1975, с. 280], т.е. несколько превышала численность населения степного Притоболья в алакульское время [Евдокимов, 1984, с. 20].

При становлении производящего хозяйства скотоводческого типа формирующиеся андроновские коллективы находились в постоянно меняющемся родоплеменном окружении, что приводило, вероятно, к нарушению межродовых

связей и вынужденному исчезновению ряда родовых институтов, в том числе самого главного из них – экзогамии. Однако андроновские коллективы не были эндогамны, существовал более общий принцип – эпигамии – «установления взаимоотношений двух первобытных групп при неустоявшихся еще брачных нормах», когда не было еще экзогамии, но требовалось лишь вступление в брак с лицами соседней или какой-нибудь дружественной группы [Ольдерогге, 1983, с. 19]. Археологически это подтверждается существованием поселенческих микрорайонов, включающих от 2–3 до 10–30 поселений, расположенных на расстоянии от 1–2 до 20–100 км и характерных для всех регионов распространения памятников андроновской общности [Зданович, 1975, с. 4; 1988, с. 5, рис. 1; Потемкина, 1985, с. 30, рис. 1; Ткачев, 2002а, с. 7, рис. 1]. Жители близко расположенных поселков, не нарушая правил эндогамии, вступали между собой в брачные связи, предпочтительность которых могла приводить и к образованию общих кладбищ, где каждая группа имела свой участок. Например, в планировке могильника Майтан выделяются четыре обособленно расположенные группы: две крупные концентрировались вокруг курганов и две небольшие – вокруг одиночных оград (см. рис. 4). Аналогичная ситуация прослежена на могильнике Верхняя Алабуга в Среднем Притоболье [Потемкина, 1985, с. 163, рис. 58, 60].

Распространение экзогамии можно связывать с возникновением предпочтительных и обязательных брачных норм, относимых к более позднему времени, когда полностью установился счет родства по одной линии в матри- и патрилинейных обществах, в которых появляется практика перекрестно-кузенных браков разного типа. Все это привело, очевидно, к сокращению и полному исчезновению парных погребений, которые не встречены в этнографически изученных обществах [Итина, 1977, с. 225; Ольдерогге, 1983, с. 19–20]. Отсутствие однолинейного родства в андроновское время не следует понимать как указание на отсутствие счета родства вообще. Вероятнее всего, родство определялось по наиболее древней и достоверной линии – материнской, что отразилось в существовании богатых женских захоронений и парных погребений женщин с детьми [Хлобыстина, 1975, с. 27; 1982, с. 19; Итина, 1977, с. 228]. Пережитки материнского рода продолжали бытовать в кочевых обществах раннего железного века, о чем можно судить по высокому положению женщины [Хазанов, 1970, с. 147; Грач, 1980, с. 52].

Племена степной бронзы Центрального Казахстана, как и всей андроновской ойкумены, во II тыс. до н.э. переживали сложный и противоречивый процесс разложения первобытного общества. Уровень развития пастушеского хозяйства андроновских племен не разрушил прежние социальные отношения, а трансформировал их в новую общественную структуру, основой которой была собственность на скот небольшой группы родственников, объединенных в большесемейную общину демократического типа, внутри которой могла существовать малая (нуклеарная) семья. Цикличность развития скотоводческого хозяйства привела на первом этапе средней бронзы к сильной централизации власти, что сопровождалось заметной дифференциацией общества, но в дальнейшем при стабилизации обстановки реконструируются прежние родовые отношения со слабым общественно-социальным разделением.

Отсутствие при скотоводческом типе хозяйства жестких норм родовой экзогамии и однолинейного счета родства как элемента строгих брачных норм способствовало возникновению отношений между близко живущими коллективами. Контакты между ними ритуально закреплялись в парных и тройных погребениях одновременно умерших людей соседних коллективов. Преобладание в парных погребениях совместных захоронений мужчин и женщин указывает на союз двух коллективов, скрепленных брачными узами живых и мертвых. В ритуальных целях могли искусственно формироваться брачные пары умерших мужчин и женщин разных коллективов, а оставшиеся в живых образовывали новые брачные союзы. Редкость одновременной смерти представителей разных общин и обусловила сравнительно небольшое количество парных захоронений в пределах каждого памятника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Атасуская культура – это динамично развивавшееся объединение человеческих коллективов, длительное время осваивавших степные просторы Сары-Арки и активно взаимодействовавших с носителями андроновских культурно-исторических традиций, населявшими сопредельные территории, что проявилось во всех сферах жизнеобеспечения. Погребальные комплексы типа могильника Майтан можно рассматривать как переходные от нуртайских к атасуским древностям. Эти комплексы характеризуют отдельный исторический этап, отражающий раннюю стадию формирования атасуской культуры, охватывающей степные и полупустынные зоны Центрального Казахстана.

В северных районах Сары-Арки к этому периоду относятся поселения Энтузиаст I и Ишимское, могильники Майтан, Аяпперген, Шапат и Шондынкорасы. В южной зоне Центрального Казахстана к памятникам майтанского типа относятся поселения Атасу I (ранний строительный горизонт) и могильники Мыржик II и Мыржик III.

В рассматриваемых комплексах, продолжающих автохтонную линию развития, начинают преобладать сосуды со сглаженным уступ-ребром, в орнаментике которых наблюдается развитие геометризма. По сравнению с посудой нуртайского времени узоры на керамических емкостях становятся более разнообразными и многокомпозиционными. В то же время техника нанесения орнамента на посуде поселенческих и погребальных комплексов имеет определенные различия: при общем преобладании на керамике поселений резного орнамента (51,6 %) значительная часть сосудов украшена гребенчатым штампом (41,7 %), тогда как в декоре керамики могильников господствует резная техника, а в композиционном построении сочетаются многочисленные разнообразно скомпонованные треугольники с горизонтальными линиями и зигзагами при наличии сложносоставных композиций из ромбов, меандров, ступенчатых узоров, «подвешенной елочки».

Продолжается взаимодействие с носителями нурунских традиций, начавшееся еще в нуртайский период: в атасуских комплексах встречаются отдельные сосуды, близкие нурунским как по форме, так и по стилю орнаментации и технике нанесения узоров. В результате взаимных контактов в орнаментации посуды майтанского типа широко распространяются разнообразно заштрихованные «косые» треугольники, располагающиеся на шейке емкостей, а также в виде фестонов по тулову сосудов. О прямых, хотя и редких контактах с се-

вероказахстанскими или притобольскими алакульскими группами свидетельствуют сосуды, обнаруженные в погребальных комплексах могильника Майтан, содержащих захоронения женщин. Характерной особенностью данных емкостей является неорнаментированная полоса в нижней части шейки, тогда как орнамент на импортных сосудах нанесен мелкогребенчатым штампом, а композиционное построение узора не свойственно керамике атасуских памятников Сары-Арки. В памятниках региона близкая по основным параметрам посуда отмечена в комплексах балактинского типа. В лесостепной зоне значительные серии аналогичных емкостей встречены в Северном Казахстане (могильник Семипалатное) и Притоболье (могильник Раскатиха, Камышное I, Чистолебяжье, Хрипуновский). Они соотносятся с алакульскими древностями, оставленными населением, вступившим в контакт с андроновско-канайскими мигрантами из Восточного Казахстана, и положившими начало формированию федоровских памятников Зауралья, а также участвовавшими в сложении синкретических алакульско-федоровских комплексов.

Изучение погребального обряда могильника Майтан показало, что в раннеатасуское время происходят сложные процессы, связанные с социальными изменениями в обществе, в рамках которого функционирует несколько значимых групп. Высшая система управления соотносится с людьми зрелого возраста – их можно рассматривать как вождей-родоначальников, для захоронения которых воздвигали крупные сложноустроенные надмогильные конструкции. Особо стоит отметить, что за «временем героев», совпадающим с синташтинско-петровско-нуртайской эпохой с ее активными миграционными перемещениями и межродовыми столкновениями, приходит время стабилизации, когда трансформация общественных отношений в основном обуславливалась снижением военной активности (отсюда падение роли военно-родовых вождей), ростом экономической самостоятельности, приведшей к господству отдельных большесемейных групп. В результате в погребальном пространстве раннеатасуских кладбищ начинают выделяться захоронения глав отдельных семейных групп, становящиеся организующим центром персонально-семейных участков в пределах погребальных площадок. Особенности погребального обряда свидетельствуют, что основой атасуского общества являлись крупные семейные общины, которые могли включать малые семьи, не имеющие экономической самостоятельности.

Судя по всему, брачные контакты были достаточно жестким и строго регламентированным общественным институтом. Направление брачных контактов между отдельными индивидами определялось главами семей еще в раннем детстве партнеров. С случае одновременной смерти представителей (мальчиков и девочек или мужчин и женщин) брачующихся между собой групп, в том числе принадлежащих к разным существующим или предназначенным к браку парам, практиковались совместные захоронения умерших, о чем свидетельствует преобладание разновозрастных индивидов в парных захоронениях всех возрастных групп.

Наибольшую сложность представляет выделение социальной группы индивидов, являвшихся духовными руководителями коллективов. Наличие их в обществе не подвергается сомнению, и, по нашему мнению, существование

данной социальной прослойки отражают захоронения, совершенные по альтернативному (кремация) способу, без сопровождения, за исключением сосудов с пищей, вещевого инвентаря.

По вещевому инвентарю в захоронениях могильника Майтан можно судить о разносторонне направленной системе жизнеобеспечения населения. Коллектив, оставивший могильник, занимался скотоводством и охотой (каких-либо данных о наличии земледелия не получено), обрабатывал металл, кость, шерсть и дерево, выделывал кожи и изготовлял ткани, его представители владели навыками развитого ювелирного дела и керамического производства.

Таким образом, материалы могильника Майтан отражают начальный этап культурогенеза атасуской культуры, в основе развития которой лежат древности нуртайского облика, связанные с группами населения, имевшего непосредственные длительные контакты с восточно-казахстанскими канайскими мигрантами.

В.Г. Ломан

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ МОГИЛЬНИКА МАЙТАН

Технологическое исследование керамической коллекции могильника Майтан проводилось по методике А.А. Бобринского [Бобринский, 1978], с использованием микроскопа МБС-10.

Исходное сырье и формовочные массы изучены по 410 сосудам (учитывались целые, реконструированные экземпляры и отдельные фрагменты венчиков). Кроме того, по 27 из них изучены еще и навыки конструирования полого тела, по одному – навыки конструирования начина. По полной программе, включающей анализ исходного сырья, рецептуры формовочных масс, способов конструирования начина и полого тела, удалось изучить 87 сосудов.

Характеристика технологии изготовления керамики дается ниже по всему могильнику в целом.

Исходное сырье. Выделено четыре вида глины (табл. 1):

- 1) нежелезненная – 2,7 %,
- 2) слабожелезненная – 17,8 %,
- 3) среднежелезненная – 57,3 %,
- 4) сильножелезненная – 22,2 %.

При изучении исходного сырья сосудов, из которого был приготовлен шамот, выяснилось, что в 50 % им являлась среднежелезненная глина, в 31,2 % – слабожелезненная и в 18,8 % – сильножелезненная (табл. 2). Таким образом, преобладала традиция использования среднежелезненной глины.

Таблица 1

Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

Исходное сырье (глина)	Рецептура формовочной массы					Кол-во сосудов	%
	Дресва	Песок	Шамот	Дресва + шамот	Песок + шамот		
Нежелезненная	11	–	–	–	–	11	2,7
Слабожелезненная	72	–	–	1	–	73	17,8
Среднежелезненная	221	4	1	7	2	235	57,3
Сильножелезненная	77	9	2	3	–	91	22,2
Всего	381	13	3	11	2	410	100
%	92,9	3,2	0,7	2,7	0,5		

**Соотношение ожелезненности исходного сырья, шамота и сосудов,
в формовочную массу которых он был добавлен**

сосудов	Ожелезненность исходного сырья			Кол-во сосудов	%
	шамота				
	слабо-ожелезненная	средне-ожелезненная	сильно-ожелезненная		
Слабоожелезненная	–	1	–	1	6,2
Среднеожелезненная	4	5	1	10	62,5
Сильноожелезненная	1	2	2	5	31,3
Всего	5	8	3	16	100
%	31,2	50	18,8		

По особенностям концентрации естественного песка (мелкого) средне-ожелезненная глина является среднепластичной, все остальные – высокопластичными.

По качественному составу других естественных примесей в среднеожелезненных глинах выделяется глина (2,1 %), в которой в большом количестве (не менее 1 : 3) присутствует бурый железняк. В свою очередь, в сильноожелезненных глинах выделяется глина (6,6 %) с высокой примесью слюды – до 1 : 3. По отношению ко всем исследованным образцам число сосудов из такой глины составляет 1,5 %.

Формовочные массы. Добавлялись следующие искусственные примеси: органические – навоз травоядных животных (в различной концентрации присутствует во всех рецептах); минеральные – дресва (95,6 %), шамот (3,9 %), песок (3,7 %).

Выделено пять рецептов формовочных масс (см. табл. 1):

- 1) глина + дресва + навоз – 92,9 %,
- 2) глина + песок + навоз – 3,2 %,
- 3) глина + шамот + навоз – 0,7 %,
- 4) глина + дресва + шамот + навоз – 2,7 %,
- 5) глина + песок + шамот + навоз – 0,5 %.

Следует отметить, что в подавляющем числе случаев (92,7 %) для приготовления дресвы использовался первичный каолин, в котором, как известно, в больших количествах (50–55 %) содержатся кварц, полевые шпаты и другие минералы [Августиник, 1975, с. 26–28]. Судя по всему, древних гончаров интересовали именно эти минералы, так как глинистая составляющая первичного каолина (каолинит) наблюдается не в свободном виде, а главным образом на поверхности их частиц или же в виде мелкой фракции, заметной только при большом увеличении.

При сопоставлении размерности дресвы с ее концентрацией (табл. 3) установлено, что в основном применялась дресва крупной (50,5 %), включая гравелитовую фракцию (более 3 мм), и средней (48,7 %) размерности в концентрациях от 1 : 2 до 1 : 5. Наиболее употребительными были концентрации 1 : 3 (35 %) и 1 : 4 (43,1 %). В 0,8 % случаев встречена дресва мелкая, в концентрациях 1 : 2 и 1 : 3.

Таблица 3

Соотношение размерности и концентрации дресвы

Размерность	Концентрация				Кол-во сосудов	%
	1 : 2	1 : 3	1 : 4	1 : 5		
Мелкая	2	1	–	–	3	0,8
Средняя	27	94	55	16	192	48,7
Крупная	2	43	115	39	199	50,5
Всего	31	138	170	55	394	100
%	7,9	35	43,1	14		

Таблица 4

Соотношение размерности и концентрации искусственной примеси песка

Размерность	Концентрация				Кол-во сосудов	%
	1 : 2	1 : 3	1 : 4	1 : 5		
Средняя	3	6	3	–	12	80
Крупная	–	1	–	2	3	20
Всего	3	7	3	2	15	100
%	20	46,7	20	13,3		

Таблица 5

Соотношение размерности и концентрации шамота

Размерность	Концентрация			Кол-во сосудов	%
	1 : 3	1 : 4	1 : 5		
Мелкая	–	1	2	3	18,8
Средняя	1	–	9	10	62,4
Крупная	–	–	3	3	18,8
Всего	1	1	14	16	100
%	6,2	6,2	87,6		

Песок в основном использовался также средний (80 %), в концентрациях от 1 : 2 до 1 : 4, в половине случаев – в концентрации 1 : 3. Концентрация крупного (20 %) песка – 1 : 3 и 1 : 5 (табл. 4).

Шамот в 62,4 % случаев имел среднюю размерность, в концентрации 1 : 3 и 1 : 5 (табл. 5). Крупный шамот (18,8 %) применялся в концентрации 1 : 5, мелкий (18,8 %) – в концентрациях 1 : 4 и 1 : 5. Наиболее употребительная концентрация для шамота – 1 : 5 (87,6 %).

Конструирование начинов (табл. 6). Выделено две программы конструирования – донно-емкостная (75,9 %) и емкостная (24,1 %), входящие в класс ручные, группу составные, подгруппу лоскутных. По способу изготовления начини распределяются на виды и подвиды.

Программа конструирования начинов

Показатель	Донно-емкостная		Емкостная				Всего
	Способ конструирования						
	Лоскутно-комковатый		Спирально-лоскутный	Лоскутно-комковатый		Спирально-лоскутный	
	Одно-слойный	Двух-слойный	Одно-слойный	Одно-слойный	Двух-слойный	Одно-слойный	
Кол-во	40	17	9	3	9	9	87
%	46	19,6	10,3	3,5	10,3	10,3	100

1. Донно-емкостная:

а) лоскутно-комковатый (86,4 %; 65,6 % от общего количества изученных начинов):

- однослойный (70,2 %; 46 % от общего количества),
- двухслойный (29,8 %; 19,6 % от общего количества);

б) спирально-лоскутный, однослойный (13,6 %; 10,3 % от общего количества).

2. Емкостная:

а) лоскутно-комковатый (57,1 %; 13,8 % от общего количества):

- однослойный (25 %; 3,5 % от общего количества),
- двухслойный (75 %; 10,3 % от общего количества);

б) спирально-лоскутный, однослойный (42,9 %; 10,3 % от общего количества).

По своим модельным особенностям начины являются полными (донно-емкостные) – 27,5 %, и неполными, одноэлементными (72,5 %). В семи случаях модельные особенности определить не удалось из-за недостаточно сохранившейся высоты придонной части тулова.

Конструирование полого тела (табл. 7). Полое тело конструировалось способами, относящимися к классу ручные, группе составные, подгруппе лоскутные, видам лоскутно-комковатые (80,7 %) и спирально-лоскутные (19,3 %). Лоскутно-комковатый вид делится на два подвида:

- однослойный (48,9 %; 39,5 % от общего количества образцов, по которым изучались способы конструирования полого тела);
- двухслойный (51,1 %; 41,2 % от общего количества).

У спирально-лоскутного вида существует только один подвид – однослойный (19,3 %).

Таблица 7

Способы конструирования полого тела

Показатель	Способ конструирования			Всего
	Лоскутно-комковатый		Спирально-лоскутный	
	Однослойный	Двухслойный	Однослойный	
Кол-во	45	47	22	114
%	39,5	41,2	19,3	100

Формообразование. Установлено, что при изготовлении сосудов с донно-емкостными начинками использовались формы-емкости с округлым дном. Дно готового сосуда уплощалось следующими способами:

1) придавливание о твердую поверхность (84,8 %). При этом у 19,6 % дополнительный внутренний слой лоскутов покрывал дно, в 21,4 % – стенки, в 30,4 % и стенки, и дно; у 28,6 % дополнительного внутреннего слоя не было;

2) примазывание снаружи ко дну глиняной лепешки (7,6 %);

3) покрытие внешним слоем лоскутов дна и придонной части (4,6 %).

Сосуды с донно-емкостными начинками (3 %) обладали кольцевым поддоном из жгута, приделанного к неуплощавшемуся округлому дну.

У сосудов с емкостными начинками дно примазывалось изнутри в один слой (42,9 %) или в два слоя (57,1 %) лоскутов; 9,5 % сосудов имели кольцевой поддон из жгута по периметру дна.

Стенки всех сосудов были дополнительно выдавлены.

Обработка поверхности. Зафиксированы следующие способы:

1) безгрунтовочное направление: заглаживание (46,2 %) – простое (овчиной, кожей, тканью или деревянным скребком – 83,3 %) и бороздчатое (травой – 16,7 %), лощение (53,8 %);

2) грунтовочное направление. Глиняная обмазка отмечена у 21,1 % всех образцов, по которым изучались способы конструирования. В 16,7 % случаев обмазкой была покрыта только внутренняя поверхность сосуда, в 50 % – только внешняя, и в 33,3 % – обе;

3) химико-термическое направление. Тонким слоем обвары была покрыта поверхность 9,6 % всего керамического комплекса могильника.

На основании проведенного технико-технологического анализа керамики можно сделать следующие общие выводы. Различия в навыках конструирования начинков свидетельствуют о том, что население, оставившее могильник Майтан, принадлежало в прошлом по меньшей мере к двум этнокультурным группам, находившимся в процессе смешения друг с другом. Доминантной группой здесь было население со следующими гончарными традициями: отбор исходного сырья – среднежелезненная среднепластичная глина; составление формовочной массы – дресва крупной и средней размерности, полученная из первичного каолина; конструирование начина – в форме-емкости по донно-емкостной программе лоскутно-комковатым способом в один слой; конструирование полого тела – лоскутно-комковатым способом в один-два слоя.

Гончары второй группы изначально конструировали свою керамику по емкостной программе спирально-лоскутным способом.

Процесс смешения гончарных традиций обеих групп захватил уже навыки конструирования начинков и полого тела (сосуды и с донно-емкостными, и с емкостными начинками изготавливались как лоскутно-комковатым, так и спирально-лоскутным способами). Поскольку на уровне навыков отбора исходного сырья и составления формовочных масс сложилась полная культурная однородность (количество сосудов со смешанными рецептами незначительно – 3,2 %), то смешение проходило на протяжении жизни не менее одного поколения [Бобринский, 1978, с. 244], т.е. в течение 20–25 лет. Судя по внешним особенностям большей части керамической коллекции, за это время также сложились общие особенности формы и орнаментации сосудов.

Л.Л. Гайдученко

КРОВАВЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА МАЙТАН

В процессе раскопок могильника Майтан найдено 58 композиций из туш, туш и частей туш жертвенных животных и человека. Из этого количества 48 композиций сохранились полностью или в таком состоянии, которое без каких-либо допущений позволяет восстановить изначальный их облик. В табл. 1 приведены исходные данные о сохранившихся жертвенных композициях из изучаемого могильника.

Таблица 1

**Приуроченность к структурам памятника и состав бестиария
жертвенных композиций могильника Майтан**

№ п/п	Приуроченность к структуре могильника	Виды жертвенных животных	Примечания	
1	2	3	4	
1	Ограда 2	Жертвенник 1	Лошадь	
2		Жертвенник 2	КРС	
3		Жертвенник 3	Овца	
4		Могила 1	КРС	Плохая сохранность
5	Ограда 4А	Жертвенник	Овца	
6	Ограда 5А	Жертвенник	КРС	
7	Ограда 5В	Жертвенник	Овца	У могилы
8	Ограда 7А	Жертвенник	КРС	
9	Ограда 7Г	Жертвенник	Лошадь	2 экземпляра
10		Могила	Лошадь	4 конечности
11	Ограда 8А	Жертвенник 1	Овца	
12		Жертвенник 4	Овца	
13		Могила 1	КРС	В заполнении, плохая сохранность
14	Ограда 8Г	Жертвенник	Овца	Плохая сохранность
15	Ограда 10А	Жертвенник 3	КРС	
16		Могила 5	КРС	Плохая сохранность
17		Жертвенник 5	КРС	
18		Жертвенник 6	КРС	
19	Ограда 12	Жертвенник	Овца	
20	Ограда 13	Жертвенник 1	КРС	
21	Ограда 15А	Жертвенник	Лошадь	1 экземпляр
22		Могила 4	Лошадь	4 конечности

1	2	3	4	
22	Ограда 18А	Жертвенник 1	КРС	
23		Жертвенник 3	Лошадь КРС Овца	
24		Жертвенник 4	Овца	
25		Могила 1	Ребро	Собака или лисица
26	Ограда 20	Жертвенник 2	КРС	
27	Ограда 22А	Могила 2	Неопределимы	Плохая сохранность
28	Ограда 23А	Жертвенник 1	КРС	
29	Ограда 25Б	Жертвенник 2	КРС Овца	
30	Ограда 26	Жертвенник	КРС	
31	Ограда 27А	Жертвенник 1	КРС	
32		Жертвенник 2	КРС	
33		Жертвенник 3	КРС	Под плитой
34	Ограда 28А	Жертвенник 3	КРС	
35	Ограда 28Б	Жертвенник 6	Овца	
36	Ограда 29Б	Жертвенник 5	КРС	
37		Жертвенник 8	Лошадь	
38		Жертвенник 9	КРС	
39		Жертвенник 11	КРС	
40		Жертвенник 12	КРС	
41	Ограда 29В	Жертвенник 1-2	Лошадь	Уложены вдоль длинных стенок ящика; одна из лошадей с псалиями
42		Жертвенник 6	КРС, Овца	
43	Ограда 29Г	Жертвенник 1	Лошади	
44	Ограда 30А	Жертвенник 4	КРС	
45	Ограда 33А	Жертвенник	КРС	
46	Ограда 34А	Жертвенник 1	Овца	
47	Ограда 35	Жертвенник 2	КРС, Овца	
48		Жертвенник 4	КРС	
49	Ограда 36	Жертвенник 5	Лошадь, КРС, Овца	
50	Ограда 39	Могила 1	Овца	3 астрагала в заполнении
51	Ограда 40	Жертвенник 1	КРС	
52	Ограда 41А	Жертвенник 1	КРС	
53		Жертвенник 2	Лошадь	2 путовых кости плохой сохранности
54	Ограда 41Б	Жертвенник 2	КРС	
55	Ограда 44А	Жертвенник 1	Овца	
56	Ограда 46	Жертвенник 2	КРС	
57	Ограда 47		Лошадь	Плохая сохранность
58	Ограда 49	Жертвенник	КРС	Плохая сохранность

Из приводимых в табл. 1 данных следует, что в жертву погребаемому приносились три вида домашних копытных – лошадь, крупный рогатый скот (КРС), овца; кроме этого, три случая, по нашему мнению, которые можно трактовать в качестве жертвоприношений человека.

Повидовые количества домашних копытных в доступных для подсчетов композициях составляют: лошадь – 16 особей, крупный рогатый скот – 22, и овца – 24 особи.

Лошадь. Этот вид в жертвенных инсталляциях могильника Майтан представлен пятью типами останков:

- выпотрошенные трупы в шкуре – 7 особей,
- знаки-символы особи¹ – 1 особь,
- головы² – 5 особей,
- свободные конечности³ – 2 особи,
- дистальные отделы конечностей⁴ – 2 особи.

Выпотрошенные трупы лошадей составляют пары – ограда 7Г; ограда 29В, жертвенники 1, 2; ограда 29Г, жертвенник 1. Эти пары отождествляются с колесничными (упряжными) парами.

В изучаемом могильнике этому имеется наглядное подтверждение. В ограде 29В в составе относящегося к могиле 1 жертвенника присутствуют останки двух выпотрошенных трупов лошадей. По обе стороны морды лошади, лежащей к западу от могилы, располагаются костяные псалии щитками вниз; такое их расположение однозначно указывает на то, что они упали после перегнивания ремней оголовья, надетого на принесенную в жертву лошадь.

К сожалению, мне не удалось изучить останки этой лошади и поэтому не могу констатировать – была ли это упряжная особь или же подменившая ее табунная лошадь.

Кроме упряжных, помещаемые в жертвенные инсталляции по две особи лошади обозначают и репродуктивные пары. Во всех изученных мною случаях [Гайдученко, 1998; 2002а, б; 2011], когда в жертвенной композиции представлена репродуктивная пара (обычно это лошади или люди), положение самца и самки жестко регламентировано. При рассмотрении от ног к голове (в случаях с людьми) самец (мужчина или жеребец) всегда располагается в левой части композиции, самка (женщина или кобыла) занимает, соответственно, правую часть. Такие репродуктивные пары, скомпонованные по вышеуказанному канону, в изучаемом памятнике выполнены с использованием выпотрошенных трупов двух лошадей.

Репродуктивную и упряжную пару, вероятно, составляют и лошади, останки которых приурочены к могиле 4 ограды 15А. Они представлены скелетами свободных конечностей (см. рис. 34 настоящей монографии): кобыла – всеми четырьмя конечностями, а жеребец – по одной передней и задней.

¹ Имеется в виду сочетание скелета головы со всеми четырьмя дистальными отделами конечностей этой особи. Как вариант – с 1, 2 или 3 дистальными отделами конечностей.

² Череп с причлененной нижней челюстью.

³ Передние – книзу от лучезапястного отдела, задние – книзу от голеностопного отдела.

⁴ Передние – предплечье и до копыта, задние – голень и до копыта.

Биологические особенности. Мною изучены останки трех лошадей, использованных при устройстве жертвенников попарно. Их биологические характеристики приведены в табл. 2.

Кобыла из ограды 7Г, относящаяся к примитивному мясному типу, полу-взрослая и без следов удил на переднем крае второго нижнего предкоренного зуба (P_2), явно подменная. Это табунная особь, принесенная в жертву вместо вышколенной упряжной особи того же пола. О качествах ее напарника, вследствие утраты передней половины скелета, к сожалению, мы судить не можем.

Наиболее вероятно, что в паре жертвенных особей из ограды 29Г использована упряжная кобыла – следы воздействия удил на P_2 , и подменный (табунный) жеребец – отсутствие следов воздействия удил на P_2 .

Примечательно, что все три изученные особи убиты с использованием оглушения – сильного удара тяжелым орудием (типа дубины) в область лба. Такой способ убоя в Казахстане фиксируется от эпохи энеолита (Кумкешу 1, Ботай, Борлы-4) до раннего железного века (Берел, Каракаба).

Таблица 2

Биологические и хозяйственные характеристики лошадей из могильника Майтан (пястная кость)

Наименование промеров (мм), индексов (%) и других показателей*	Положение жертвенников					
	Ограда 7Г		Ограда 29Г			
	♀		♀		♂	
	Конечности					
	П	Л	П	Л	П	Л
Общая длина	198	198	223,5	223,8	211	211
Длина по внешнему краю	191	191,2	214,5	215	201	202
Ширина диафиза посередине кости	34,5	34,4	35,0	35,0	32,3	32,4
Индекс ширины диафиза (3 : 1)	17,42	17,37	15,66	15,64	15,31	15,36
Индекс средний для парных костей	17,4		15,65		15,34	
Высота особи в холке:						
расчетная	122,4	122,6	137,5	137,8	128,8	129,5
округленная	122	123	138	138	129	130
средняя для парных костей	122		135		130	
Категория рослости (по Витту)	Мелкая		Средняя		Малорослый	
Категория тонконогости (по Браунеру)	Полутонконогая		Средненогоая		Средненогой	
Хозяйственный тип	Примитивная мясная		Универсальная		Захудалый верховой	
Возраст, лет	Полувзрослая ≈ 4		Взрослая 5–6		Полувзрослый 3–5	
Следы удил на P_2	–		+		–	
Пороки	–		–		–	
Следы оглушения в область лба	+		+		+	

* Методику обработки см.: [Гайдученко, 1998; 2002а, б].

По взаиморасположению лошадей в паре для изучаемого могильника отмечаются следующие вариации:

– жеребец располагается на левом боку, подогнутыми ногами упираясь в спину кобылы; кобыла располагается на левом боку, но голова ее вывернута на 180° (положена на правый бок), мордой в сторону жеребца (см. рис. 18 настоящей монографии – один случай в ограде 7).

– жеребец располагается на левом боку подогнутыми ногами и мордой в сторону кобылы; кобыла располагается на правом боку подогнутыми ногами и мордой в сторону жеребца (см. рис. 79 настоящей монографии – два случая: в оградах 29Б и 29Г)⁵.

– жеребец располагается на правом боку, характер положения головы неясен; кобыла располагается также на правом боку, характер положения головы неясен (см. рис. 34 настоящей монографии – один случай в ограде 15А, представленный имитацией трупов из передней и задней конечностей жеребца и всех четырех конечностей кобылы). Отмеченные способы взаимодействия лошадей в запряжке отображены в наскальном искусстве.

Головой представлены пять лошадей из сопроводительных, поминальных и неясного назначения жертвенников (ограда 2, жертвенник 1; ограда 18А, жертвенник 2; ограда 29Б, жертвенник 8; ограда 36, жертвенник 5); свободными конечностями, как уже отмечено ранее, – упряжная пара из сопроводительного жертвенника ограды 15А, могила 4; знаком-символом – лишь одна лошадь из плохо сохранившегося жертвенника в углублении в центре ограды 47.

Большинство жертвенников с лошадьми относятся к сопроводительным жертвенникам пролонгированного обеспечения погребенного в Иномирье. Из 16 особей лошадей могильника Майтан 9 (56,25 %) связаны именно с сопроводительными жертвенниками; 3 (18,75 %) – с поминальными; 3 (18,75 %) – причислены к жертвенникам неясного назначения.

В связи с вышеотмеченным заслуживает внимания тот факт, что из поедаемой массы тела от 16 известных в этом могильнике лошадей в тризне могла быть использована масса тела лишь от 9 особей, так как 7 особей в жертвенных инсталляциях представлены выпотрошенными, но не расчлененными трупами.

Крупный рогатый скот в жертвенниках могильника Майтан представлен останками исключительно самок (= коров). Все особи комолы. Преимущественно это особи репродуктивного возраста – от 3 до 7 лет. Старые особи не отмечаются. По семи изученным мною пястным костям рассчитана высота коров в холке. Она составляет от 107 до 123 см, при средней – 119 см.

Отмечены редкие (всего 2) случаи наличия на нижних челюстях следов воспалений у корней Р₄ и М₁. Следов других патологий не обнаружено.

Останки коров представлены в жертвенниках как одиночными особями, так и попарно, а также в сочетании с другими животными – табл. 3.

Коровы использовались при создании как сопроводительных, так и поминальных жертвенных композиций. Для изучаемого могильника эти жертвен-

⁵ В последнем случае по тому, что ноги жеребца перекрывают ноги кобылы, удается установить последовательность укладки выпотрошенных трупов животных: вначале была уложена кобыла, а затем – с частичным ее перекрытием – жеребец.

Состав жертвенных инсталляций с коровами из могильника Майтан

Элементный состав, количество элементов	Число случаев	Примечания
<i>Корова</i>		
1 голова	5	
2 головы	1	Ограда 13, жертвенник 1
1 знак-символ особи*	8	
2 знака-символа особи	3	
Дистальные отделы конечностей**	8	
<i>Корова, овца</i>		
Знаки-символы особей: корова – 1 овца – 1	1	Ограда 25Б, жертвенник 1
Знаки-символы особей: корова – 1 овца – 2	1	Ограда 35, жертвенник 2
<i>Корова, лошадь, овца</i>		
Знаки-символы особей: лошадь	2	
корова	5	Ограда 36, жертвенник 5
овца	5	

* Изучаемый жертвенник характеризуется вариантносью сложения знака-символа особи. Вместо головы может быть помещена лишь нижняя челюсть, а количество дистальных отделов конечностей варьируется от 1 до 4.

** Количество дистальных отделов конечностей варьируется от 1 до 4.

ники не всегда удается разделить. Уверенно в качестве сопроводительного опознается лишь один жертвенник (ограда А, могила 1). Ритуальный статус остальных жертвенников с останками коров остается не ясным. Можно лишь предполагать, что такие жертвенники являются следами тризн или календарных поминок. Вероятно, примером этому может служить жертвенник из ограды 33А (см. описание в гл. 1) настоящей монографии и рис. 89, 2). В этом жертвеннике обращают на себя внимание два момента: а) одна из особей КРС в знаке-символе представлена не скелетом головы, а только ветвью нижней челюсти; б) скелет головы второй особи имеет череп с обрубленным затылочным отделом, что необходимо лишь при извлечении мозга.

Овца. Представлена останками как овец (= самок), так и валухов (= кастратов), но последний отмечен лишь в единичном случае. Самки характеризуются комолостью, самцы (в данном случае валух) – небольшими рожками. В составе жертвенных инсталляций использованы особи в возрасте от 1 года до 3 лет. Отмечаются достаточно часто (8 случаев) встречающиеся следы воспалительных процессов у корней верхних и нижних зубов, а также солевые разрастания на костях дистальных отделов конечностей (3 случая). Это указывает на то, что в жертву приносились и не вполне здоровые особи.

Состав жертвенных инсталляций с овцами из могильника Майтан

Элементный состав, количество элементов*	Число случаев	Примечания
Голова	4	Ограда 8А, жертвенник 1, в сосуде
Знак-символ особи	8	
Дистальные отделы конечностей	1	
Кости предплечья – 4 и голени – 1	1	

* Другие варианты составов уже рассмотрены в процессе изложения материалов о лошади и крупном рогатом скоте.

По 13 астрагалам, 4 пястным и 5 плюсневым костям рассчитана высота в холке взрослых овец (самок). Она составляет от 65 до 78 см, при средней – 72 см.

Габитус овцы из могильника Майтан сходен с таковым овцы из кургана 25 могильника Большекараганский [Гайдученко, 2002а, с. 182–186].

Останки овцы в изучаемом могильнике связаны, вероятно, с остатками тризны и календарных поминовений. Следы, которые можно было связать с сопроводительными жертвенниками, не найдены.

В жертвенных композициях овцы встречены как одиночно, так и в сочетании с другими представителями жертвенного bestiaria – табл. 4.

Человек. В могильнике Майтан выделяются три случая, которые можно трактовать как жертвоприношения человека. Два из них бесспорны и являются собой примеры принесения в жертву женщины погребаемому мужчине: ограда 41Б, могила 2 и ограда 50А.

В первом случае погребаемому мальчику в возрасте 8–9 лет принесена в жертву девочка в возрасте 4–5 лет. Во втором – мужчине в возрасте 25–40 лет принесена в жертву женщина в возрасте около 20 лет.

Семантика таких жертвоприношений известна, как и ее индоевропейские корни. Публикаций по этому вопросу достаточно много, но в качестве примера сошлюсь лишь на собственную [Гайдученко, 2003, с. 69–86]. В этой публикации на примере памятников из Южного Тургая и Южного Зауралья рассматривается эволюция обряда жертвоприношения вдовы.

Менее бесспорен третий случай. Он связан с оградой 29-Г, жертвенником 1 и могилой 2. А.А. Ткачев (см. соответствующие описания в настоящей монографии) допускает, что перекрытая головой жертвенной кобылы могильная яма 2 является жертвенной, заключающей останки ребенка в возрасте до 1 года и керамический сосуд (см. рис. 80, 12 настоящей монографии).

В принципе соглашаясь с А.А. Ткачевым, позволю высказать другой вариант возникновения ситуации с перекрытием могилы головой жертвенной лошади – ребенок был погребен до сложения жертвенной композиции с парой лошадей...

В целом же все три случая укладываются в традицию человеческих жертвоприношений, бытовавшую в регионе в эпоху бронзы [Гайдученко, 2003, 2012а, б; Усманова, 2005, 2010].

По уровню изученности жертвенные композиции комплекса могильника Майтан, содержащие остатки кровавых жертвоприношений (материальные следы соответствующих ритуалов) в эпоху бронзы в Казахстане, являются первыми⁶. В силу этого сравнения их с соответствующими материалами других аналогичных памятников по опубликованным данным затруднены, а чаще всего невозможны.

В качестве сравнений я использую опубликованные материалы (первичные) о жертвенных инсталляциях кургана 25 могильника Большекараганский [Зданович и др., 2002; Гайдученко, 2002а, с. 173–195], остатки кровавых жертвоприношений которого изучены мною в поле, описаны и проанализированы; частично опубликованные материалы могильника Бестамак [Гайдученко, 2012а, б], курируемого мною с начала раскопок и неопубликованные пока данные о жертвенных композициях могильников Джангильды-5, Лисаковский, Ташик, Нуркен, Нуркен-2, Бозенген, Сатан, Аялберген, Актопрак, Шапат и др. (Казахстан); Степное, Степное VII, Куйсак, Исинея и др. (Россия, Южное Зауралье). Привлечены также опубликованные данные об остатках кровавых жертвоприношений из могильников Синташтинского археологического комплекса [Генинг и др., 1992], но их использование затруднено неточностями и неполнотой изложения материалов.

Значительное количество изученных материалов и достаточно обширная их география способствовали выработке некоторых представлений о классификации и пространственно-временном распространении тех или иных типов жертвенных композиций. Эти представления и легли в основу предлагаемых рассуждений.

Видовой состав жертвенного бестиария могильника Майтан определенно указывает на то, что композиции из останков жертвенных животных создавались ярко выраженными животноводами. Их идеологические представления уже были дистанцированы от включения в жертвенный бестиарий, связанный с физическим обеспечением существования в Иномирье, диких видов. Это несмотря на то, что дикие животные, в том числе и копытные, добывались и в кухонных остатках поселений региона эпохи бронзы встречаются часто.

Более того, изолированные некрупные части скелета (круглые кости, трубочки из длинных костей и т.п.) диких животных, зачастую в сочетании с костями и (или) зубами домашних видов сохраняются в той части вещевого сопровождения погребенного, которая предназначалась ему в качестве духовного обеспечения существования в Иномирье. Имеются ввиду обереги и амулеты⁷, которые зачастую сложно или даже невозможно отделить от украшений.

Сочетание в бижутерно-амулетных изделиях костей диких и домашних видов животных является свидетельством совмещения у населения эпохи бронзы региона элементов древней охотничьей магии с новой – животноводческой магией.

⁶ Материалы могильника Бестамак, изучение которого начато в 90-х гг. прошлого столетия и продолжается по настоящее время, опубликованы лишь частично.

⁷ Эта часть жертвенного инвентаря специально мною не изучалась. Выполнены лишь видовые определения, включенные А.А. Ткачевым в описания.

Два бесспорных случая принесения в жертву погребенному мужчине (в том числе и мальчику) жены (невесты) и один не столь бесспорный, но все же допустимый случай принесения в жертву ребенка-слуги фиксируют существование у создателей могильника Майтан практики человеческих жертвоприношений. Более того, поскольку два принесенных в жертву человека являются определенно женщинами (пол третьего не ясен), можно утверждать о примате патриархата в древнемайтанской общине.

Кроме того, женские жертвоприношения отвечают физическому труположению вдовы, описанному в похоронном гимне Ригvedы. Это связывает идеологические представления древних майтанцев с Ведами.

Если рассматривать традиции сложения композиций кровавых жертвоприношений могильника Майтан в эволюционном ряду культур: синташтинская – петровская – алакульская, то им находится место на нескольких этапах. Наиболее ранний – синташтинский тип жертвенников. Он представлен знаком-символом одной или нескольких особей животных (голова + дистальные отделы конечностей) вне зависимости от вида копытного. Вместе с тем знак-символ особи майтанского типа отличается от знака-символа особи синташтинского типа.

Последний можно рассматривать как прототип, в котором слагающие части имеют биологически обоснованное взаиморасположение и следуют анатомическому порядку – ноги внизу, голова вверху. Возможный вариант возникновения такого прототипа рассмотрен мною [Гайдученко, 2009, с. 31–34].

У знака-символа особи майтанского типа сохраняются те же слагающие элементы, но их взаиморасположение изменяется: для дистальных отделов конечностей она приобретает явно выраженный геометрический характер (см., например, рис. 42, 2; 66, 4; 83, 2 настоящей монографии).

Более того, явная геометризация и уплощение конструкции наблюдается и у еще сохраняющих синташтинский облик жертвенников (знаков-символов особи). В них дистальные отделы конечностей практически никогда не располагаются под головой, но, как правило, всегда рядом (см., например, рис. 18, 2; 27, 10; 42, 2, 3; 69, 9; 74, 2, 3, 5, 8; 91, 4; 93, 2; 95, 2; 111, 3; 115, 2 настоящей монографии). Вполне допустимо, что уплощение жертвенной конструкции связано с небольшой глубиной погребальных и жертвенных вместилищ.

Петровскую традицию я склонен связывать с парными композициями из выпотрошенных, но не расчлененных⁸ трупов жертвенных лошадей, символизирующих упряжную и репродуктивную пару. Как вариант – имитацию такой пары из отчлененных свободных конечностей (ограда 15А, могила 4; рис. 34, 1 настоящей монографии).

Упрощение знака-символа особи до помещения в жертвенную выкладку только головы или вместо головы только одной из ветвей нижней челюсти (ограда 33А; см. рис. 89, 2 настоящей монографии), использование черепа с отрубленной затылочной частью (там же) или только дистальных отделов ко-

⁸ Отчленение, или только частичное перераспределение связок в шейном отделе допускается лишь в одном случае – у кобылы в жертвеннике ограды 7Г – рис. 18, 4, 5 настоящей монографии.

нечностей я связываю с деградацией традиции кровавых жертвоприношений. Эта деградация наиболее ярко в регионе проявляется в погребальных жертвенниках алакульских племен.

Особо хочется выделить находку костей предплечья и голени овцы в керамическом сосуде (ограда 8А, жертвенник 1; см. рис. 22, 1 настоящей монографии). Это вторая в Казахстане опубликованная находка такого ряда. Первая была найдена в могильнике раннего железного века Каракаба [Самашев и др., 2012]. Новая находка позволяет констатировать происхождение одного из вариантов сакской традиции обеспечения напутственной пищей погребаемого из глубокой древности.

Ал.Ал. Ткачев, В.В. Мошкин

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ РУКОЯТЕЙ НОЖЕЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА МАЙТАН

Одной из наиболее распространенных категорий археологических находок эпохи бронзы являются ножи-кинжалы – крайне необходимый предмет в повседневном быту скотоводов. Они не только служили незаменимым инструментом при разделке туш животных и изготовлении изделий из кожи, но и могли непосредственно применяться в боевых столкновениях.

Широкое применение ножей в повседневной жизни нашло отражение в ритуальной практике (значительная часть изделий обнаружена в погребениях), что позволило высказать идею о существовании в древности особого, специализированного типа ножей-кинжалов, соотносимых с воинской атрибутикой [Горелик, 1993, с. 11]. В основу типологии были положены длина и форма ножей-кинжалов. Согласиться с данным подходом достаточно трудно, так как, опираясь лишь на два критерия, невозможно вычлнить среди этих изделий группы, различающиеся своей спецификой. При выделении особого типа ножей-кинжалов не учитывались такие конструктивные особенности, как форма клинковой и черешковой частей, способ крепления, а также вид рукояти и материала, из которого она изготовлена. При всех типологических построениях последние, важные, конструктивные и технологические моменты обычно остаются в тени [Мошкин, 2011].

По нашему мнению, принципы оформления рукояти не только играют большую роль в воссоздании внешнего вида ножей-кинжалов, но и показывают, в какой конкретной предметной деятельности могло использоваться то или иное изделие населением бронзового века степной Евразии. Лишь на основе экспериментального подхода и реконструкции внешней атрибутики возможна проверка правомерности вывода о существовании узкоспециализированных изделий и выделении особых типологических групп.

Для проведения экспериментальной работы и реконструкции внешнего вида древних колюще-режущих изделий взята серия из 6 экз. ножей, обнаруженных в захоронениях полностью исследованного атасуского могильника Майтан (рис. 1, 1–6). Набор режущих инструментов данного памятника включает серию ножей, по визуальным признакам только частично сопоставимых с изделиями, выделенными в специализированный боевой тип ножей-кинжалов.

В основу экспериментальных работ положены наблюдения и визуальные характеристики: следы окисления дерева, элементы заточки ножей, соотноше-

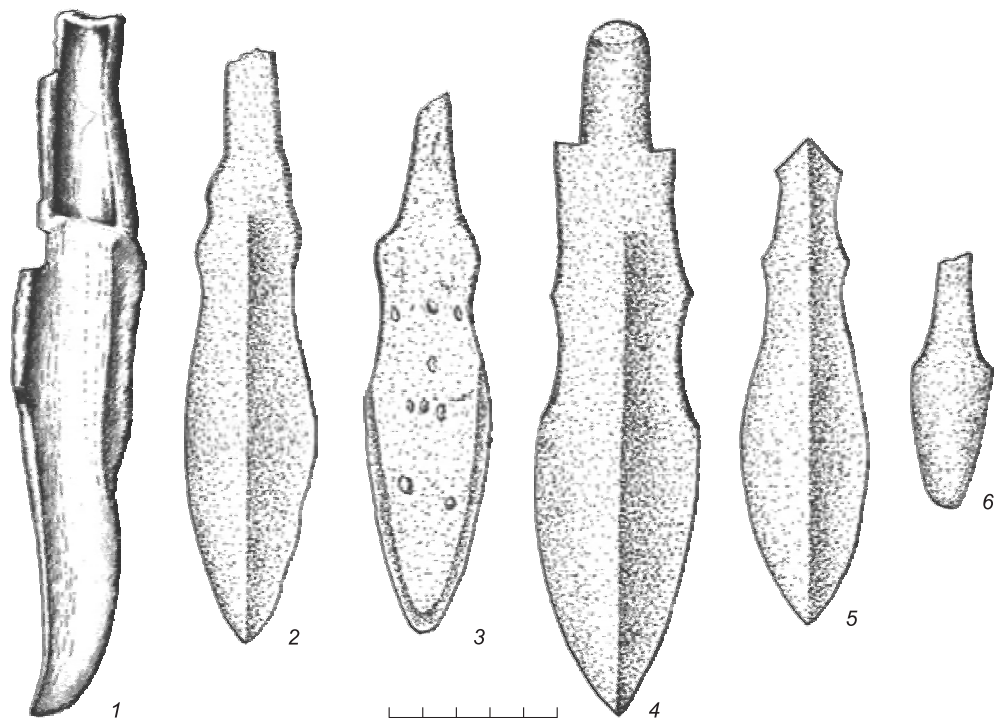

Рис. 1. Могильник Майтан. Бронзовые ножи-кинжалы.

1 – ограда 36; 2 – ограда 22А; 3 – ограда 43; 4 – ограда 26; 5 – ограда 40; 6 – ограда 8

ние пропорций частей изделий. В процессе реконструкции колюще-режущих орудий выделено несколько этапов, связанных с процессом их изготовления. На начальной стадии реконструкции майтанские ножи изготавливались методом вырубki и проковки. Главной целью этого этапа являлось не воспроизводство технологического процесса изготовления литейных форм и последующей отливки, а осмысление принципов проработки профилированного клинка и черешка, изготовления и крепления рукояти. Для изготовления ножей были подобраны соразмерные бронзовые пластины, соотносимые по основным пропорциям (длина, ширина, толщина) с реальными изделиями. На пластины были нанесены контуры ножей-кинжалов, произведены обрубка и холодная проковка для придания ребру жесткости, после чего заготовки обрабатывались с помощью технических средств для придания им форм исходных изделий с последующей заточкой и пришлифовкой (рис. 2).

Для изготовления рукоятей использовались два материала – дерево и рог (рис. 3, 4). Проблема реконструкции рукоятей связана с тем, что ножи, имеющие профилированный черешок с ромбической или округлой пяткой и клинки, отделенные перехватом и перекрестьем, не могли просто насаживаться на деревянную или роговую рукоять. Следовательно, особенности оформления черешка предполагали определенную фиксацию и диктовали особый способ крепления рукояти ножа в дереве и в роге.

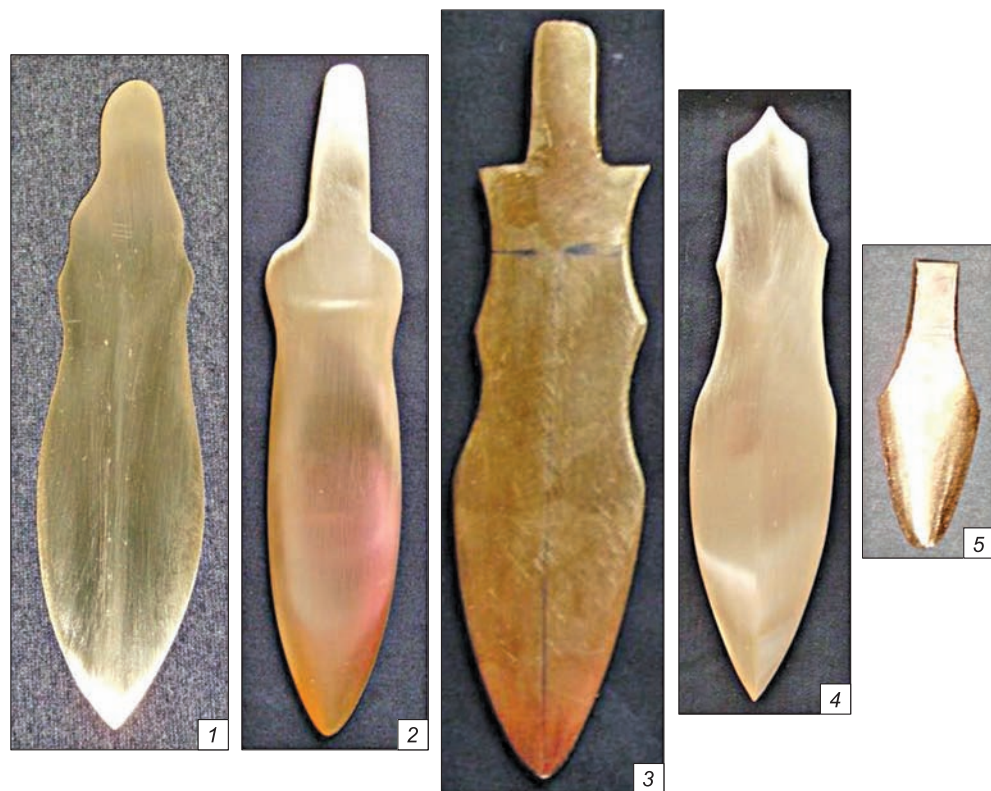

Рис. 2. Могильник Майтан. Реконструированные бронзовые ножи-кинжалы.
 1 – ограда 22А; 2 – ограда 43; 3 – ограда 26; 4 – ограда 40; 5 – ограда 8

Как правило, определить границу перехода кинжала к рукояти достаточно сложно, так как материалы, дошедшие из погребальных памятников, малоинформативны (Турбинский I могильник, Синташтинский могильник, Новоусманский I могильник) [Бадер, 1964, с. 83, рис. 74–76; Генинг и др., 1992, с. 139, рис. 61, б; Пряхин, 1999, с. 74, рис. 1] (рис. 5).

Большую роль при изготовлении деревянной рукояти играла порода дерева. Каждая из них имеет свою структуру и специфику. При изготовлении рукояти необходимо учитывать: плотность, слоистость, смолистость, вязкость, податливость исходного материала. Специалист-оружейник никогда не будет использовать мягкие породы или древесину, содержащую смолу. Поэтому для изготовления рукоятей в процессе реконструкции ножей-кинжалов были выбраны ясень и береза. На одной из сторон двух деревянных заготовок, плотно прилегающих друг к другу, прочерчивался и выбирался паз для закрепления в нем черенка (см. рис. 3, 1, 2, 4).

Особой проблемой реконструкции является выбор образа рукояти ножа. Можно предположить, что особенности формы и профилированности черенка predeterminedляли форму и размеры рукояти. Древние оружейники при изготовлении таких изделий исходили из простых форм. Поэтому логично допустить, что рукоять должна полностью повторять контур черенка (рис. 3, 2–5).

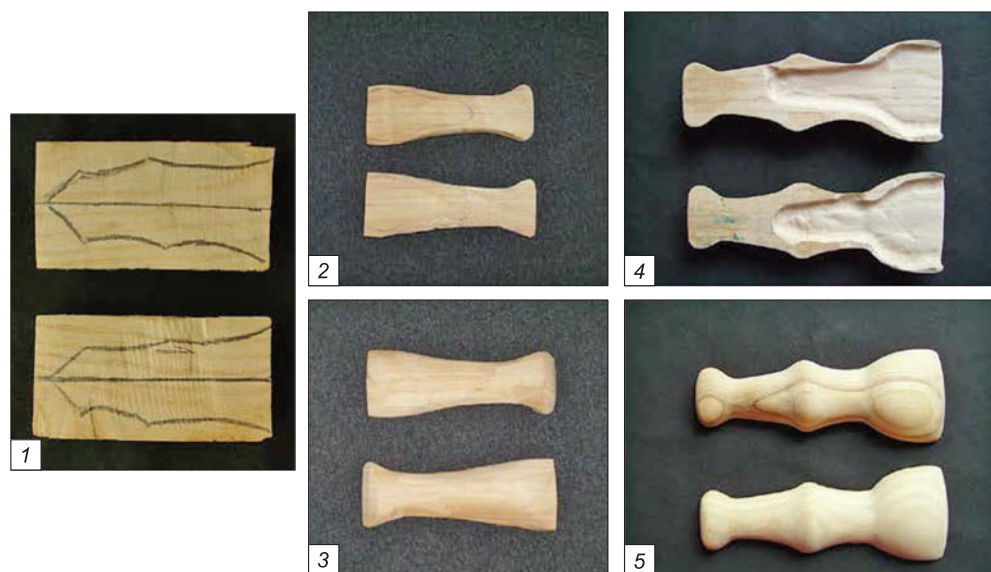

Рис. 3. Могильник Майтан. Этапы изготовления деревянных рукоятей.
 1 – разметка по форме рукояти ножа; 2, 3 – предварительная обработка поверхности; 4 – выборка пазов для закрепления рукояти ножа; 5 – шлифовка внешней поверхности

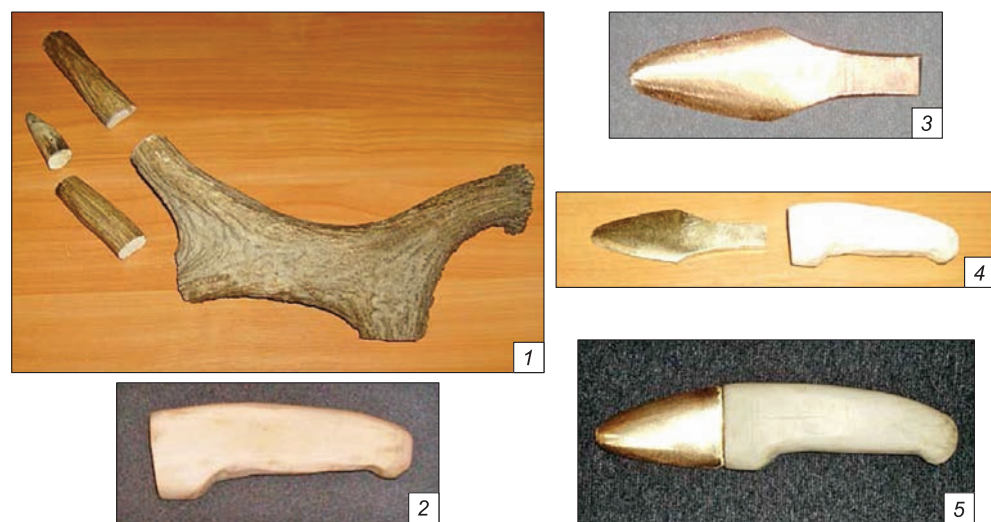

Рис. 4. Могильник Майтан. Этапы изготовления костяной рукояти.
 1 – обработка рога; 2 – костяная рукоять; 3, 4 – нож и рукоять; 5 – готовое изделие

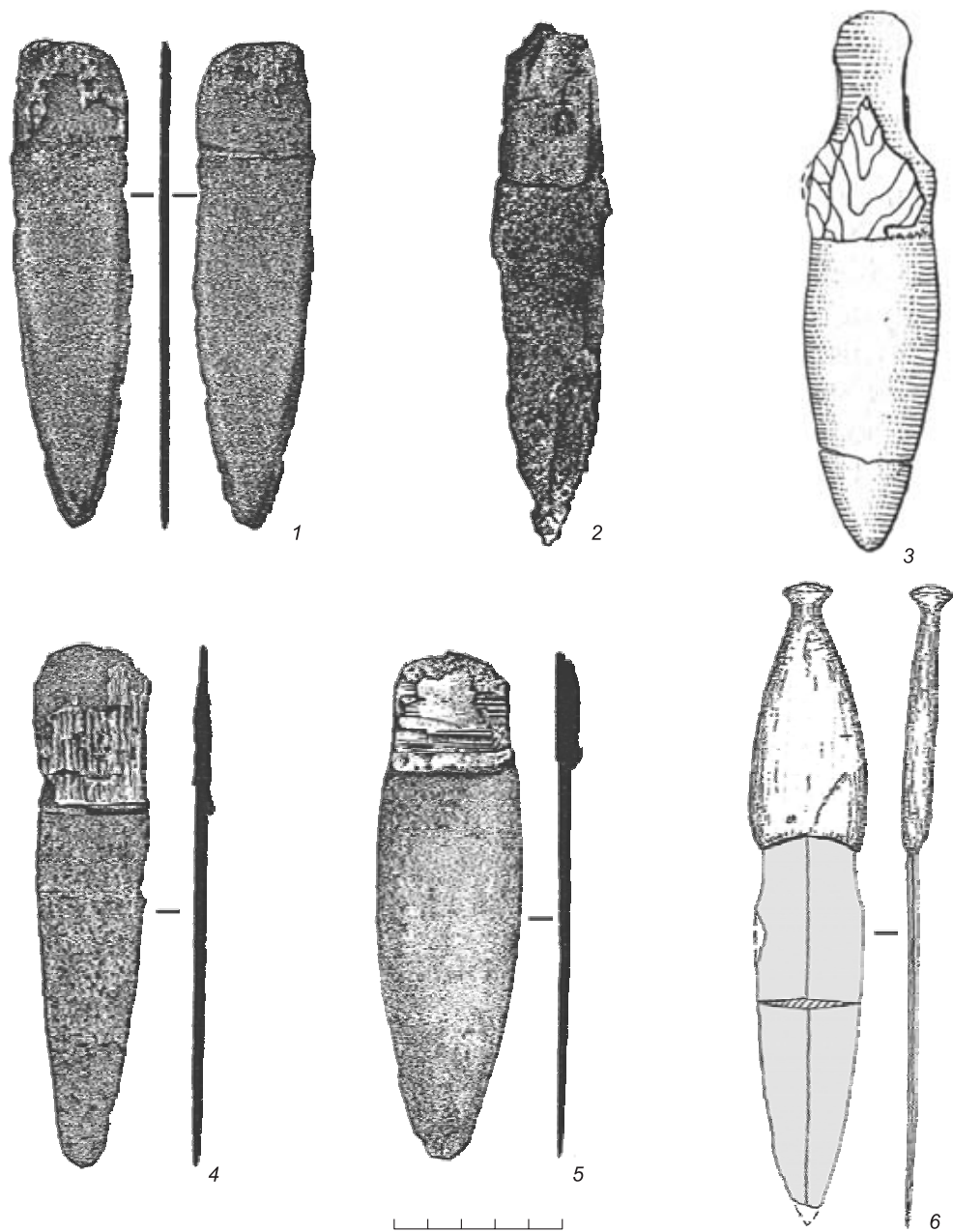

Рис. 5. Бронзовые ножи-кинжалы с сохранившимися органическими элементами рукоятей (1–5) и нож-кинжал с металлической рукоятью (6).

1, 2, 4, 5 – Турбинский I могильник; 3 – Синташтинский большой грунтовый могильник; 6 – Новоусманский I могильник

Рис. 6. Профиль черешка и образ рукояти

В соответствии с вышесказанным заготовки были обработаны до обоюдной соразмерности (рис. 6). После этого профилированные контуры внутренней части рукоятей покрывались клеем, в одну из них помещалась черешковая часть кинжала, перекрывавшаяся второй частью рукояти и плотно обматывавшаяся сыромятной кожей или сухожилиями [Бадер, 1964, с. 83]. Особую роль в изготовлении рукояти играл клей, независимо от того, насколько плотно соединялись и подходили друг к другу обе половинки рукояти и как бы сильно ни стягивала их кожа. В рассматриваемый нами период основным средством скрепления разных компонентов являлся рыбий или животный клей, а также отвары древесной смолы [Древние изобретатели..., 2015]. В описываемом эксперименте для крепления между собой частей рукояти выбран отвар древесной смолы, смешанный в процессе варки с древесными опилками. Данный тип клея подобран неслучайно, так как в процессе изготовления моделей он показал наиболее прочное соединение. В результате им были проклеены рукояти у пяти ножей из могильника Майтан. На последней стадии эксперимента проведены обмотка рукояти и заточка лезвия (рис. 7, 8).

Рис. 7. Этапы изготовления рукояти ритуального ножа из огады 36.
 1 – заготовка ножа; 2–5 – этапы изготовления рукояти; 6 – готовое орудие

Рис. 8. Итоговый вариант реконструкции ножей-кинжалов

Особое внимание уделено реконструкции майтанского ножа с выемчатой рукоятью (см. рис. 1, 1). Нож данного типа изготовлен при помощи отливки, а процесс реконструкции показал конструктивные особенности, связанные с креплением рукояти, так как на ней с двух сторон имеются прямоугольные выемки, которые, по сути, выполняют роль фиксатора. В процессе реконструкции были сделаны прямоугольные деревянные вкладыши, которые поместили в выемки рукояти ножа, пролили клеем и зафиксировали деревянными заготовками (см. рис. 7). Заточка лезвия данного ножа также имела специфические особенности: во-первых, это достаточно трудоемкий процесс, так как нож отлит с максимальной толщиной по всей поверхности; во-вторых, заточка разных участков лезвия односторонняя, с разными угловыми стилями, два из которых являются функциональными, а два – имитацией.

В результате визуальных и экспериментальных наблюдений можно предположить, что данный тип ножа имел ритуальный характер и был изготовлен для человека, пользовавшегося в повседневной жизни в основном только правой рукой.

Экспериментальные наблюдения позволили выявить конструктивные особенности, с которыми непосредственно связана специализация колюще-режущих орудий.

1. Абсолютное большинство ножей имели деревянную рукоять, обмотанную полосками сыромятной кожи, служившими при использовании изделия дополнительным фиксатором руки.

2. Особенности профилировки черешков в большинстве случаев свидетельствуют об усложненном типе крепления, имеющем жесткую фиксацию.

3. Деревянная рукоять снабжалась упорами, необходимыми при колюще-рубящих действиях.

4. Особое значение имели принципы заточки и профиль клинка:

– при разделке туш животных и чистке рыбы использовались ножи с узкой двусторонней заточкой;

– для производства колюще-рубящих действий наиболее эффективным являлся нож-кинжал с клинком подтреугольной формы, имеющим сплошную двустороннюю заточку.

5. Рукоять из кости и рога можно было использовать только на ножах, имеющих непрофилированный черешок, – технология обработки материала не позволяла прорезать глубокое и широкое отверстие под сложнопрофилированный черешок, что, в свою очередь, влияло на прочность соединения рукояти с металлическим клинком. В результате кинжалы, снабженные роговыми рукоятями, было нецелесообразно применять в боевых действиях.

6. Специализированные боевые ножи-кинжалы при отливке преднамеренно снабжались нервюрой, проходящей по центру клинка, для придания ему дополнительной прочности и жесткости.

Таким образом, исходя из выявленных экспериментальным путем особенностей можно сделать вывод, что основная часть ножей могильника Майтан относится к специализированному боевому типу орудий – ножей-кинжалов (см. рис. 1, 2, 4, 5), другие непосредственно связаны с обыденной хозяйственной деятельностью (рис. 1, 3, 6), а один, вероятно, имел ритуальное назначение (рис. 1, 1).

В результате экспериментов по изготовлению и использованию бронзовых ножей, аналогичных изделиям могильника Майтан, разработана и предложена гипотеза о взаимосвязи между формой орудия, спецификой крепления его рукояти и обусловленной этими особенностями специализацией конкретного колюще-режущего изделия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамовский А.Л.* Половозрастная структура атасуского общества // Студент и научно-технический прогресс: Археология и этнография: материалы XL науч. студ. конф. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. – С. 11–12.
- Аванесова Н.А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Тр. СамГУ. – Новая серия. – Самарканд, 1975а. – Вып. 270: Материалы по археологии Узбекистана. – С. 27–60.
- Аванесова Н.А.* Жаман-Узен II – атасуский могильник Центрального Казахстана // КСИА. – 1975б. – Вып. 142. – С. 109–115.
- Аванесова Н.А.* Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975в. – С. 67–73.
- Аванесова Н.А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1979. – 26 с.
- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.
- Агеева Е.И., Максимова А.Г.* Очерк археологического изучения Казахстана // Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – С. 9–26.
- Августиник А.И.* Керамика. – Л.: Стройиздат, 1975. – 591 с.
- Акишев К.А.* Эпоха бронзы Центрального Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1953. – 18 с.
- Акишев К.А.* Памятники старины Северного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – С. 3–31.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 298 с.
- Алексеев В.П.* Палеодемография СССР // СА. – 1972. – № 1. – С. 3–21.
- Алексеев В.П.* Палеодемография: Содержание и результаты // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. – М.: Наука, 1989. – С. 63–90.
- Андроновская культура:* (Памятники западных районов). – М.; Л.: Наука, 1966. – Вып. 1. – 104 с. – (САИ; вып. В3-2).
- Аркаим:* некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / сост. Д.Г. Зданович. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. – Кн. 1. – 216 с.
- Арсланова Ф.Х.* Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 73–78.
- Атлас* Казахской ССР. – М.: ГУГК СССР, 1990. – 96 с.
- Афанасьев Г.Е.* Большая семья у алан // СА. – 1984. – № 3. – С. 66–82.
- Бадер О.Н.* Древнейшие металлургии Приуралья. – М.: Наука 1964. – 176 с.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры // САИ. – 1976. – Вып. В1-25. – 168 с.

Байлеу Д.А., Калиева Ж.С., Ахметов М.Г. Предварительные результаты исследований могильника Аршалы в Акмолинской области в 2012 г. // Кадырбаевские чтения – 2012. – Актюбе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2012. – С. 60–65.

Бейсенов А.З., Касеналин А.Е. Археологические исследования на могильнике Бегазы // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007 году. – Алматы: ИА МОН РК, 2008. – С. 172–178.

Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 31–39.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. – Киев: Наук. думка, 1982. – 207 с.

Берсенёв А.Г., Епимахов А.В., Зданович Д.Г. Синташтинский лук: археологические материалы и варианты реконструкции // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южно-го Урала. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. – Ч. 1. – С. 82–95.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. О методике изучения форм посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1986. – С. 137–157.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1988. – С. 5–21.

Боркес С.А., Адрикола Р.А. История и этнография народа мапуче. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. – С. 64–88.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб.: Инфо Ол, 2010. – 231 с.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. – С. 292–243.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 252 с.

Варфоломеев В.В. Могильник Тегисжол по раскопкам 2005 г. // Историко-культурное наследие Сары-Арки. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 2007. – С. 65–84.

Варфоломеев В.В. Продолжение исследований в центральной части поселения Кент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007 году. – Алматы: ИА МОН РК, 2008. – С. 184–187.

Варфоломеев В.В. Могильник Ижевский I // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область. – Алматы: Аруна, 2009. – С. 115–116.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевские (саргаринско-алексеевские) погребения из могильников Лисаковский I и Алексеевский // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. – Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. – С. 262–263.

Васильев И.Б., Кузнецов П.В., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1994. – 208 с.

Васильев И.Б., Кузнецов П.В., Семенова А.П. Памятники Потаповского типа в лесостепном Поволжье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1995. – С. 5–37.

Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Садугина Н.П. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара: Самар. археолог. о-во, 2012. – С. 198–247.

Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. – 1984. – № 3. – С. 136–153.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 362 с.

Виноградов Н.Б. Проблема происхождения памятников синташтинского типа в Южном Зауралье // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 15–21.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). – Челябинск: Абрис, 2011. – 175 с.

Виноградов Н.Б., Зданович Г.Б. Исследование Кулевчинского комплекса эпохи бронзы // Археологические открытия 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 137–138.

Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай I // Калиева С.С. Поселение Кожай I. – Алматы: ИА МН-АН РК, 1998. – С. 234–254.

Гайдученко Л.Л. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002а. – Кн. 1, разд. IV. – С. 173–189.

Гайдученко Л.Л. Определение конституционного и хозяйственного типа лошади по археозоологическим останкам // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во 2002б. – Кн. 1, разд. IV. – С. 189–195.

Гайдученко Л.Л. Археологические параллели похоронному гимну Ригvedы в Южном Зауралье // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – Сер. 10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – 2003. – № 1. – С. 69–86.

Гайдученко Л.Л. О происхождении универсального знака-символа особи жертвенных инсталляций Северной Евразии // Маргулановские чтения – 2009: материалы Междунар. науч. конф. – Петропавловск: Изд-во Сев.-Каз. гос. ун-та, 2009. – Т. 1. – С. 31–34.

Гайдученко Л.Л. Лошадь в погребальных памятниках эпохи раннего металла из степной зоны Казахстана и Южного Зауралья // Маргулановские чтения – 2011. – Астана: Евраз. нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 52–54.

Гайдученко Л.Л. Жертвенный комплекс ямы № 5 могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Алматы: ИА МОН РК, 2012а. – Т. 1. – С. 341–348.

Гайдученко Л.Л. Особенности сложения жертвенного комплекса ямы № 170 могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Алматы: ИА МОН РК, 2012б. – Т. 1. – С. 360–365.

Гайдученко Л.Л. Семь тысячелетий истории казахской лошади // Всадники Великой степи: традиции и инновации. – Астана: Изд. группа фил. Ин-та археол. им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 300–310.

Гей А.Н. Новотиторская культура. – М.: Старый сад, 2000. – 224 с.

Гемуев И.Н. Семья у селькупов. – М.: Наука, 1984. – 156 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–136.

Генинг Г.Ф. Могильник Синташта и проблемы ранних индоиранских племен // СА. – 1977. – № 4. – С. 53–73.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV век до н.э.). – М.: Изд-во Вос. лит., 1993. – 323 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: ООО «АНТ», 1999. – 444 с.

Григорьев С.А. Основные этапы и проблемы культуригенеза // Археология Южного Урала: Степь (проблемы культуригенеза). – Челябинск: Изд-во ООО ЦИКР «Рифей», 2005. – С. 184–218.

Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: ПетроРИФ, 1997. – С. 301–345.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. – Л., 1927. – Вып. 2. – С. 172–221.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л., 1956. – 228 с. – (МИА; № 48).

Грязнов М.П. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – 1957. – Вып. 26. – С. 21–28.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 392 с. – (ТИЭ; т. 4).

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – М.: АН СССР, 1954. – Т. 1. – С. 485–499. (МИА; № 42).

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // ВААЭ. – 2001. – Вып. 3. – С. 23–54.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. – Рига: Зинатне, 1975. – 403 с.

Древние изобретатели клея. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/sci/tech/newsid_1771000/1771784.stm (дата обращения: 20.01.2015).

Дремов В.А. Черепа эпохи бронзы из могильников Обь-Иртышского междуречья // Вопросы археологии Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 1973. – С. 102–106.

Дремов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андронидных культур Западной Сибири // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. – Новосибирск: ИИФиФ, 1990. – Вып. 2. – С. 56–61.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 264 с.

Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тоболе // СА. – 1975а. – № 4. – С. 163–172.

Евдокимов В.В. Новые поселения эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // ВАУ. – 1975б. – Вып. 13. – С. 109–114.

Евдокимов В.В. Исследование отряда Карагандинского университета // Археологические открытия 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 431–432.

Евдокимов В.В. Работы Карагандинского отряда // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 434.

Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 1982. – С. 3–20.

Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Приобья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1983. – С. 35–47.

Евдокимов В.В. Народонаселение Степного Притоболя в эпоху бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1984. – 21 с.

Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы: ИА НАН РК, 2000. – 140 с.

Евдокимов В.В. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Алматы, 2002. – 36 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 2002. – 138 с.

Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1990. – С. 66–80.

Егорейченко А.А. Очковидные подвески на территории СССР // СА. – 1991. – № 2. – С. 171–181.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. – С. 22–42.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2002. – 170 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Азии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. – Кн. 1. – 192 с.

Зайберт В.Ф. Отчет о раскопках могильника Верхняя Алабуга в Курганской области. Петропавловск, 1985 // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 9394.

Зданович Г.Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1973. – С. 113–127.

Зданович Г.Б. Поселение эпохи бронзы Новоникольское I (по раскопкам 1970 г.) // Из истории Сибири. – 1974. – Вып. 15. – С. 61–68.

Зданович Г.Б. Раннеалакульский погребальный комплекс у селения Кенес // Вопросы истории, языка и литературы. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 1976. – Вып. 3. – С. 153–162.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей: (К вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1983. – С. 48–68.

Зданович Г.Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1985. – С. 110–119.

Зданович Г.Б. Щитковые псалии из Среднего Приишимья // КСИА. – 1986. – Вып. 185. – С. 60–65.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 184 с.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. – 1997. – № 2. – С. 47–62.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. – 1980. – № 3. – С. 183–193.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья в эпоху средней бронзы. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1997. – 93 с.

Зданович С.Я. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979. – 20 с.

- Зимина В.М., Адаменко О.М.* Новый памятник эпохи бронзы у с. Ново-Александровка // Изв. СО АН СССР. – 1963. – № 9, вып. 3. – С. 53–59.
- Зиневич Г.П.* Очерки палеоантропологии Украины. – Киев: Наук. думка, 1967. – 223 с.
- Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. – М.: Наука, 1977. – 237 с.
- Кабанов Ю.Ф., Кожин П.М., Черных Е.Н.* Андроновские находки на реке Алтынсу // Памятники древнейшей истории Евразии. – М.: Наука, 1975. – С. 230–240.
- Кадырбаев М.К.* Могильник Сангуыр II // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1961. – Т. 12. – С. 48–61.
- Кадырбаев М.К.* Тасмолинская культура // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Кадырбаев М.К.* Археологические раскопки в Северном Прибалхашье // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 107–122.
- Кадырбаев М.К.* Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука, 1974. – С. 25–45.
- Кадырбаев М.К.* Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1983. – С. 134–142.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алматы: Гылым, 1992. – 247 с.
- Казахстан.* – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1969. – 169 с.
- Калиева С.С., Колбина А.В., Логвин В.Н.* Некрополь эпохи бронзы Джангильды V. – Кустанай: Кустанайполиграфия, 2016. – 208 с.
- Калиева С.М., Логвин В.Н.* Могильник у поселения Бестомак (предварительное сообщение) // ВААЭ. – 2008. – Вып. 9. – С. 32–58.
- Калиновская К.П.* К проблеме возрастных систем // СЭ. – 1982. – № 1. – С. 59–62.
- Карабаспакова К.М.* Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. – Алматы: ИА НАН РК, 2011. – 220 с.
- Качалова Н.К.* К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. – 1962. – Вып. 5. – С. 31–49.
- Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б.* Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2006. – С. 33–44.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: АН СССР, 1949. – 364 с. – (МИА; № 9).
- Кисляков Н.А.* Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (по материалам Средней Азии и Казахстана) // СЭ. – 1967. – № 5. – С. 92–104.
- Китов Е.П.* Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011. – 26 с.
- Ковалева О.В., Леонтьев Н.В., Амзараков П.Б.* Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 г. // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 108–121.
- Комарова М.Н.* Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. – 1961. – Вып. 3. – С. 32–72.
- Комарова М.Н.* Карасукские могильники близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 85–94.
- Кондукторова Т.С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 126 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Косарев М.Ф. Жилище в свете языческих представлений древнего населения Сибири о структуре мироздания // ВАУ. – 2011. – Вып. 26. – С. 90–93.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из Чистослебяжского и Хрипуновского могильников // Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 405–411.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1995. – С. 156–207.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. – М.: Наука, 1972. – 274 с.

Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара: Самар. археолог. о-во, 2012. – С. 83–157.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // ТГИМ. – 1948. – Вып. 17. – С. 55–172.

Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). – М.; Л.: АН СССР, 1951. – С. 152–181. – (МИА; № 21).

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.; Л.: АН СССР, 1954. – 235 с. – (МИА; № 46).

Кузнецов П.Ф., Мочалов А.Д. Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара: Самар. археолог. о-во, 2012. – С. 37–82.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. – 1966. – Вып. В4-9. – 150 с.

Кузьмина Е.Е. Некоторые спорные вопросы первобытной культуры в низовьях Зеровшана // СА. – 1968. – № 2. – С. 302–309.

Кузьмина Е.Е. Раскопки могильника Кожумберды // КСИА. – 1969. – Вып. 115. – С. 124–132.

Кузьмина Е.Е. О некоторых вопросах андроновской демографии // Изв. СО АН СССР. – 1974. – № 6, вып. 2. – С. 102–105.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. – М.: Наука, 1977. – С. 28–52.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Инф. бюл. Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии UNESCO. – М., 1985. – С. 24–45.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе: Илим, 1986. – 134 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. – 464 с.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.: Летний сад, 2008а. – 558 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008б. – 358 с.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия. – М.: КомКнига, 2010. – 210 с.

Кузнецов П.Ф. Очерк к вопросу о происхождении синташтинской культуры // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 59–65.

Кужушкин И.А. Андроновские могильники Кзылкентского ущелья // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 1989. – С. 67–75.

Кужушкин И.А. Могильник Аяпберген – раннеандроновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: Эко, 2006. – Вып. 2. – С. 50–69.

Кужушкин И.А. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сары-Арки. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 2007а. – С. 40–64.

Кужушкин И.А. Исследование могильника Ащису. Курган 2 // Кадырбаевские чтения – 2007. – Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007б. – С. 86–91.

Кужушкин И.А. Новые исследования на могильнике Ащисы // ВААЭ. – 2010. – Вып. 1 (12). – С. 71–75.

Кужушкин И.А., Дмитриев Е.А. Раннеалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // ВААЭ. – 2018. – № 2 (41). – С. 28–40.

Кужушкин И.А., Жусупов Д.С., Дмитриев Е.А. Могильник Акшоқы – новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки // ВААЭ. – 2017. – № 2 (37). – С. 48–56.

Курприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Урала и Казахстана). – Челябинск: АвтоГраф, 2008. – 244 с.

Курманкулов Ж. Стратиграфическое распределение керамических комплексов поселения Атасу // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1987. – С. 71–72.

Курманкулов Ж. Поселения и могильники эпохи бронзы Северной Бетпак-Далы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1988. – 23 с.

Литвинский Б.А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // ВДИ. – 1957. – № 4. – С. 118–137.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тысячелетия до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 31 с.

Максименков Г.А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинских степей – источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 8–17.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – С. 86–181.

Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1961. – Т. 12. – С. 62–71.

Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1962. – Т. 14. – С. 37–56.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С. Памятники эпохи бронзы // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С. 24–63.

Малютина Т.С. Федоровская культура урало-казахстанских степей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 28 с.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южной Туркмении. – М.; Л.: АН СССР, 1968. – 184 с. – (МИА; № 145).

Маргулан А.Х. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Вестн. АН КазССР. – 1956. – № 3. – С. 18–32.

- Маргулан А.Х.* Открытие новых памятников культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 12 с.
- Маргулан А.Х.* Комплексы Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 164–199.
- Маргулан А.Х.* Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 3–30.
- Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 453 с.
- Марков Г.Е.* Кочевники Азии. – М.: Наука, 1976. – 320 с.
- Марков Г.Е.* Социальная структура и организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1980. – С. 21–29.
- Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М., 1975. – Т. 45. – С. 227–372.
- Массон В.М.* Рецензия на книгу «Охотники, собиратели и рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в раннеземледельческих обществах». Л.: Наука, 1972 // СА. – 1973. – № 4. – С. 280–283.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. – Л.: Наука, 1976. – 192 с.
- Матвеев А.В.* О некоторых особенностях раннеандроновских захоронений Приоболья со следами огня // ВИАЭ. – 1997. – Вып. 1. – С. 15–23.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* К вопросу о палеодемографии алакульской культуры Зауралья // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. – С. 163–165.
- Матвеева Г.И.* Раскопки курганов у г. Троицка // ВАУ. – 1962. – Вып. 2. – С. 29–34.
- Матюшин Г.И.* Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 328 с.
- Матющенко В.И.* Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – 468 с.
- Матющенко В.И., Синецына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-т, 1988. – 136 с.
- Мерперт Н.Я.* Из древней истории Среднего Поволжья. – М., 1958. – С. 45–156. – (МИА; № 42).
- Михайлов Ю.И.* Собака в ритуальной практике андроновского населения // Маргулановские чтения 1990: материалы конф. – М., 1992. – С. 110–116.
- Мкртчян Р.А., Пилипосян А.С., Паликян А.К.* Коллективное погребение эпохи средней бронзы Неркин Геташена (социокультурная характеристика) // Вестн. общественных наук НАН РА. – Ереван, 1997. – № 1 (594). – С. 130–141.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Поздняков Д.В., Соловьев А.И.* Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2012. – 162 с.
- Моргунова Н.Л.* Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2000. – Вып. 4. – С. 55–61.
- Мотов Ю.А., Карабаспакова К.М.* Могильник Бийликуль – памятник ранней бронзы Южного Казахстана // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1983. – С. 152–158.

Мошкин В.В. Ножи-кинжалы бронзового века на Южном Урале: Варианты реконструкции // XLIII Междунар. Урало-Поволжская студ. конф. – Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 15–17.

Нелин В.Д. Лук и стрелы населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы // XIII Уральское археологическое совещание. – Уфа: Вост. ун-т, 1996. – Ч. 1. – С. 60–62.

Новикова О.И. К проблеме выявления ритуальных археологических комплексов на поселениях (по материалам городища Чича-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 355–358.

Новоженков В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. – М.: Таус, 2012. – 500 с.

О методике археолого-этнографических параллелей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – С. 119–146.

Обельченко О.В. Проявление культа огня в курганных погребениях древнего Согда // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований в 1972 году. – Ташкент, 1973. – С. 57–58.

Ольдерогге Д.А. Эпигамия. – М.: Наука, 1983. – 280 с.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1958. – Т. 5. – С. 216–294.

Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – С. 59–74.

Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. – Киев, 1990. – С. 5–17.

Отрощенко В.В. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника // РА. – 1998. – № 1. – С. 43–53.

Подгаецкий В.П. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. – М.: АН СССР, 1940. – С. 69–82. – (МИА; № 1).

Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса Фирсово XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2000. – Т. 3. – С. 47–53.

Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные системы древнеаканского общества (к постановке проблемы) // СЭ. – 1981. – № 6. – С. 89–97.

Потемкина Т.М. К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов // Из истории Сибири. – 1973. – Вып. 7. – С. 53–64.

Потемкина Т.М. Камышное II – многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. – 1976а. – Вып. 147. – С. 97–106.

Потемкина Т.М. Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1976б. – 27 с.

Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА. – 1983. – № 2. – С. 13–33.

Потемкина Т.М. Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1984. – С. 77–108.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Потехина П.Д. О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным // СА. – 1983. – № 1. – С. 144–154.

- Пряхин А.Д.* Поселения абашевской общности. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1976. – 168 с.
- Пряхин А.Д.* Новая находка кинжала с металлической рукоятью // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – Вып. 13. – С. 72–80.
- Пряхин А.Д.* К оценке престижных захоронений волго-донской абашевской культуры кургана Селезни-2 // АЭАЕ. – 2000. – № 1. – С. 80–87.
- Рафикова Я.В.* Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 228–243.
- Решетов А.М.* Некоторые наблюдения над системами родства // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах. – Л.: ЛО ИЭ АН СССР, 1972. – С. 228–235.
- Ригведа.* Мандалы IX–X. – М.: Наука, 1999. – 560 с.
- Романова Г.П.* Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы // Вестн. антропологии. – 1989. – Вып. 82. – С. 67–77.
- Рудковский И.В.* Керамические маркеры контактов внутри андроновской культурно-исторической общности // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – Томск, 2011. – Вып. 11 (113). – С. 74–82.
- Рыков П.С.* Нурина экспедиция (1933 г.) // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 9/10. – С. 57–58.
- Рыков П.С.* Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Изв. ГАИМК. – 1935. – Вып. 110. – С. 40–68.
- Сальников К.В.* К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры // Первое уральское археологическое совещание. – Молотов, 1948а. – С. 21–26.
- Сальников К.В.* Замараевское селище // Первое уральское археологическое совещание. – Молотов, 1948б. – С. 41–46.
- Сальников К.В.* Бронзовый век Южного Зауралья: (Андроновская культура). – М.: АН СССР, 1951. – С. 94–151. – (МИА; № 21).
- Сальников К.В.* Курганы на озере Алакуль. – М.: АН СССР, 1952. – С. 51–71. – (МИА; № 24).
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Самашев З.С., Гайдученко Л.Л., Чотбаев А.* Керамический котел с «жертвенной» пищей из Каракабы // Тр. фил. Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана: Изд. группа ФМА им. А.Х. Маргулана, 2012. – Т. 1. – С. 178–180.
- Семенов В.А.* Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: К реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 1992. – 152 с.
- Синюк А.Т.* Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. – 1984. – № 3. – С. 105–121.
- Смирнов К.Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. – 1961. – № 1. – С. 46–72.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М.: Наука, 1977. – 82 с.
- Смирнов Н.Г.* Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ. – 1975. – Вып. 13. – С. 32–41.
- Сорокин В.С.* Новые археологические данные о развитии древней семьи // СА. – 1959. – № 4. – С. 101–18.

- Сорокин В.С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 207 с. – (МИА; № 120).
- Степанов П.Д.* Фатьяновские поселения на Средней Суре // КСИИМК. – 1950. – Вып. 32. – С. 62–69.
- Степанов П.Д.* Ош Пандо. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. – 209 с.
- Стефанов В.И.* Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. – С. 43–63.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. – 160 с.
- Стоколос В.С.* Археологические исследования Челябинского областного музея // ВАУ. – 1962. – № 2. – С. 21–28.
- Стоколос В.С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). – М.: Наука, 1972. – 168 с.
- Телегина Т.В.* Раскопки могильника Майтан // Археологические открытия 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 466.
- Теплоухов С.А.* Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. – Л.: Рус. музей, 1927. – Т. 3, вып. 2. – С. 57–112.
- Тихонов В.Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Поволжье. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 5–115. – (МИА; № 90).
- Ткачев А.А.* Исследование Карагандинского музея // Археологические открытия в 1982 году. – М.: Наука, 1984. – С. 447.
- Ткачев А.А.* Раскопки поселения Майоровка // Археологические открытия в 1983 году. – М.: Наука, 1985а. – С. 517–518.
- Ткачев А.А.* Погребальный обряд могильника Майтан // Молодые ученые и специалисты ускорению научно-технического прогресса. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 1985б. – С. 42–43.
- Ткачев А.А.* Исследования Карагандинского музея // Археологические открытия в 1984 году. – М.: Наука, 1986. – С. 452.
- Ткачев А.А.* Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 1987. – С. 25–35.
- Ткачев А.А.* Новые памятники эпохи бронзы в Центральном Казахстане // Маргулановские чтения. – Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР, 1989а. – С. 111–116.
- Ткачев А.А.* Новые памятники поздней бронзы – средневековья Центрального Казахстана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 1989б. – С. 85–103.
- Ткачев А.А.* Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 26 с.
- Ткачев А.А.* Археологическая разведка на р. Шидерты // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998а. – Вып. 9. – С. 88–91.
- Ткачев А.А.* Тюркские оградки урочища Майтан // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 1998б. – С. 228–229.
- Ткачев А.А.* Половозрастная характеристика нуртайских комплексов Северной Сары-Арки // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. – С. 146–149.
- Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2002а. – Ч. 1. – 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2002б. – Ч. 2. – 243 с.

Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2003. – 50 с.

Ткачев А.А. К проблеме палеодемографии атасуского населения Центрального Казахстана // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Амфора, 2012а. – С. 219–222.

Ткачев А.А. Оружие дистанционного боя андроновского населения Центрального Казахстана (по материалам могильника Майтан) // Археология и история Сарыарки. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 2012б. – С. 48–62.

Ткачев А.А. Погребальный обряд в атасуской культуре и проблема ее формирования // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 260–267.

Ткачев А.А., Абрамовский А.Л. Палеодемографическая ситуация в атасуских коллективах Сары-Арки (по материалам могильника Майтан) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 278–280.

Ткачев А.А., Мерц В.К., Ткачева Н.А. Раскопки могильника Кенжеколь I в Павлодарском Прииртышье // ВААЭ. – 2005. – № 6. – С. 302–305.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Поселение эпохи бронзы Энтузиаст II // Материалы конф. молодых ученых университета. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 1984. – С. 62–63.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Социальная структура андроновского общества (по материалам могильника Майтан) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – С. 49–52.

Ткачев Ал.Ал. Новый памятник коптяковской культуры на территории Тюменского Притоболья // XLIII Междунар. Урало-Поволжская археол. студ. конф. – Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 56–59.

Ткачев В.В. Раскопки в Восточном Оренбуржье // Археологические открытия в 1996 году. – М.: ИА РАН, 1997а. – С. 285–286.

Ткачев В.В. К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т, 1997б. – С. 85–95.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже средней и поздней бронзы. – Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.

Ткачев В.В., Хованский А.И. Керамика синташтинской культуры. – Орск; Самара: Изд-во Орск. гум.-техн. ин-та, 2006. – 180 с.

Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 19 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008. – 304 с.

Токтабай А.У. Культ коня у казахов. – Алматы: ИА МОН РК, 2004. – 124 с.

Трофимов С.А. Чётки: История. Традиции. Культура. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001. – 176 с.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 132 с.

Усманова Э.Р. К вопросу о соотношении обрядов трупоположения и трупосождения у племен андроновской культурно-исторической общности // Мировоззрение

народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. – С. 155–157.

Усманова Э.Р. К вопросу о биритуализме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 1987. – С. 43–48.

Усманова Э.Р. Знаковый код в погребальном обряде могильника Лисаковский // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 83–84.

Усманова Э.Р. Андроновский погребальный обряд и проблема хронологии и периодизации (по материалам могильника Лисаковский) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1991. – С. 90–93.

Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения – 1990. – М.: ИА АН РК, 1992а. – Ч. 1. – С. 97–104.

Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1992б. – С. 87–89.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда: Кар. гос. ун-т; Лисаковск: музей истории и культуры Верхнего Притоболья, 2005. – 232 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. – Караганда; Лисаковск: ТАиС, 2010. – 176 с.

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наkosные украшения Казахстана. Эпоха бронзы. – Лисаковск: ПО «Книга», 1998. – 64 с.

Усманова Э.Р., Мерц В.К., Мерц И.В. Об одном типе «андроновского» украшения из Павлодарского Прииртышья или «пирсинг» по-андроновски // Кадырбаевские чтения – Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. – С. 44–48.

Федорова-Давыдова Э.А. Новые памятники эпохи неолита и бронзы на Южном Урале // ВАУ. – 1962. – Вып. 2. – С. 16–20.

Флек Е.В. Крестовидные подвески петровской и алакульской культур // ВААЭ. – 2008. – № 9. – С. 64–71.

Формозов А.А. Археологические памятники в районе г. Орска // КСИИМК. – 1951. – Вып. 36. – С. 115–121.

Хабарова С.В. К вопросу об обряде сожжения в алакульской погребальной традиции (по материалам могильника Ермак-4) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – С. 47–49.

Хабдулина М.К. Алакульский курган на реке Аксу // Изв. МОН РК – НАН РК. – Сер. общест. наук. – 2000. – № 1. – С. 40–52.

Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. – 1970. – № 2. – С. 138–148.

Хлобыстина М.Д. Вопросы изучения структуры андроновских общин алакульского типа // СА. – 1975. – № 5. – С. 23–35.

Хлобыстина М.Д. К вопросу о «биритуальных» обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1976. – С. 8–15.

Хлобыстина М.Д. Ярусные погребения евразийских степей в бронзовом веке // КСИА. – 1982. – Вып. 169. – С. 13–20.

Хлобыстина М.Д. Тройные погребения евразийской степи в бронзовое время // КСИА. – 1986. – Вып. 185. – С. 28–34.

Цалкин В.И. О времени и центрах происхождения домашних животных в свете данных современной археологии // Изв. АН СССР. – Сер. геогр. – 1972. – № 1. – С. 12–24.

Чемякин Ю.П. Поселение эпохи бронзы Мирный IV // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 15. – С. 60–65.

Черников С.С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. – 1957. – Вып. 26. – С. 28–33.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.: АН СССР, 1960. – 272 с. – (МИА; № 88).

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М: Наука, 1970. – 80 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // АЭАЕ. – 2003. – № 3. – С. 132–148.

Чиндин А.Ю. Относительная хронология могильников эпохи развитой бронзы // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Кар. гос. ун-т, 1987. – С. 36–42.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Членова Н.Л. Основы хронологии андроновских памятников федоровского типа // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1983. – С. 22–32.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – Киев: Наук. думка, 1982. – 160 с.

Шилов С.Н., Богатенкова А.А. О реконструкции женского и детского костюмов эпохи средней бронзы (по материалам Алакульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во «Наука-Омск», 2003. – С. 260–263.

Шилов С.Н., Богатенкова А.А. Погребения с женскими украшениями Алакульского могильника бронзового века // Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). – Челябинск: АвтоГраф, 2008. – С. 217–235.

Шишлина Н.И. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии. – М.: ГИМ. – 1990. – С. 23–37.

Штернберг Н.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. – Л., 1933. – 160 с.

Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. – Киев: София, 1998. – 480 с.

Этнографическая и социальная интерпретация археологических культур // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – С. 42–74.

Hausler A. Zur Problematic der Crabersozioologie // Moderne Probleme der Archäologie. – Berlin, 1975. – S. 83–97.

Kuzmina E.E., Vinogradova N.M. Beziehung zwischen bronzzeitlichen Steppen und Oasenkulturen in Mittelasian // Beitrage zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. – Bonn, 1983. – Bd 5. – S. 35–55.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИН	– Агентство по культурно-историческому наследию
АН КазССР	– Академия наук КазССР
АН СССР	– Академия наук СССР
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии
ВААЭ	– Вестник археологи, антропологии и этнографии
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВДИ	– Вестник древней истории
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГУГК	– Главное управление геодезии и картографии
ИА МОН РК	– Институт археологии МОН РК
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИАЭ АН КазССР	– Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР
ИИФиФ	– Институт истории, философии и филологии
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭ АН СССР	– Институт этнографии АН СССР
КазССР	– Казахская Советская Социалистическая Республика
КСИА	– Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения института истории материальной культуры
КСИЭ	– Краткие сообщения института этнографии
ЛО ИЭ АН СССР	– Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МК РФ	– Министерство культуры Российской Федерации
МОН РК	– Министерство образования и науки Республики Казахстан
НАН РК	– Национальная академия наук Республики Казахстан
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РК	– Республика Казахстан
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СО АН СССР	– Сибирское отделение АН СССР
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ	– Советская этнография
ТГИМ	– Труды Государственного исторического музея
ТИЭ	– Труды института этнографии

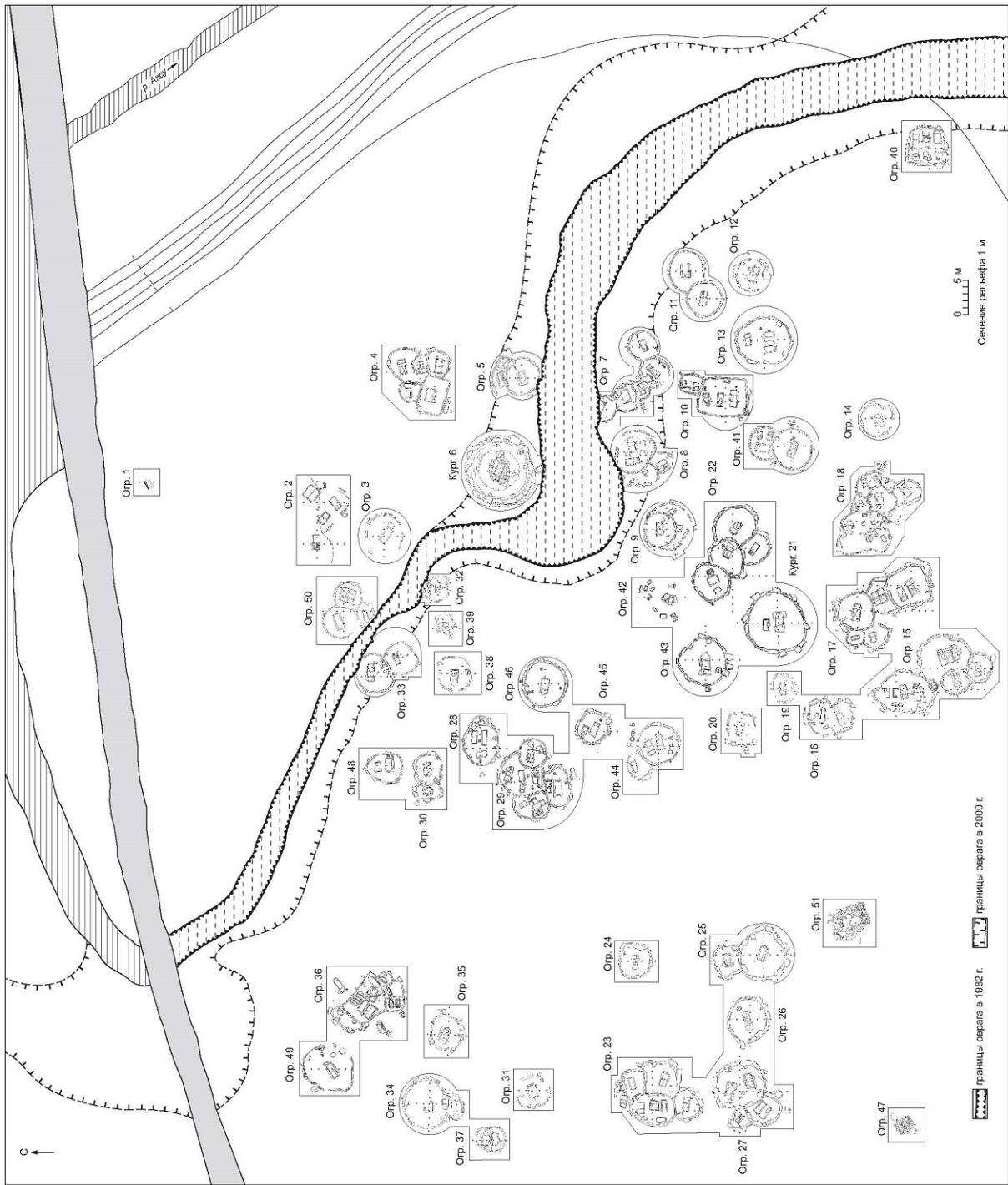
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ПРИЛОЖЕНИЙ

Ломан Валерий Григорьевич – кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова. E-mail: lvg7@yandex.kz

Гайдученко Леонид Леонидович – кандидат геолого-минералогических наук, доцент, Челябинский государственный университет. Научно-образовательный центр изучения проблем природы и человека. Заведующий лабораторией биоценозов и мониторинга. E-mail: volin-va@list.ru

Ткачев Александр Александрович – кандидат исторических наук, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков. E-mail: al.al.tkachev@mail.ru

Мошкин Вячеслав Викторович – окончил исторический факультет Челябинского государственного университета в 2012 г.

Инструментальный план мотильника Майтан

границы оврага в 1982 г. границы оврага в 2000 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК	14
Глава 2. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД	198
Погребальные конструкции	–
Устройство могил и останки умерших	220
Общее и индивидуальное в погребальной обрядности	245
Особенности сакрально-ритуальной практики	248
Глава 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ	279
Оружие и орудия труда	–
Украшения из металла	299
Костяные изделия	315
Изделия из кожи, раковин и пасты	321
Глава 4. КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС	326
Глава 5. ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА АНДРОНОВСКОЙ ЭПОХИ	397
Мужской вещевого комплекс	–
Женский вещевого комплекс	407
Глава 6. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АТАСУСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА	433
История исследования и культурная принадлежность	–
Характерные черты атасуской культуры	435
Проблемы развития и абсолютной хронологии	451
Глава 7. АНДРОНОВСКОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	459
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	484
Приложение 1. <i>В.Г. Ломан</i> . Результаты технико-технологического анализа керамики могильника Майтан	487
Приложение 2. <i>Л.Л. Гайдученко</i> . Кровавые жертвоприношения из раскопок могильника Майтан	492
Приложение 3. <i>Ал.Ал. Ткачев, В.В. Мошкин</i> . К вопросу о реконструкции рукоятей ножей могильника Майтан	502
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	511
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	526
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ПРИЛОЖЕНИЙ	527

Научное издание

Тематический план выпуска изданий Сибирского отделения РАН
на 2018 г.

Ткачев Александр Александрович

**МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ
МАЙТАН**

На обложке вид на местность
и погребальную площадку могильника Майтан.
Фото автора. 1984 г.

Редактор *Ф.Х. Сагалаева*
Электронная подготовка графики *В.Ю. Антонов, Е.Н. Сентябова*
Художественный редактор *О.М. Вараксина*
Оригинал-макет *Т.Р. Пантюхиной*

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 70×100 1/16.
Усл. печ. л. 43,0. Уч.-изд. л. 37,5. Тираж 300 экз. Заказ № 288.

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
E-mail: psb@sibran.ru
тел. (383) 330-80-50
Отпечатано в Издательстве СО РАН
Интернет-магазин Издательства СО РАН
<http://www.sibran.ru>

ТКАЧЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН. Автор более 170 научных работ, в том числе 3 монографий, посвященных проблемам развития древних сообществ Северной Евразии.

Основные научные интересы связаны с изучением андроновских древностей бронзового века, распространенных на широких пространствах Урало-Казахстанских степей.

